Страницы истории КПСС

Факты
Проблемы
Уроки

Страницы истории КПСС

Факты Проблемы Уроки

Под редакцией
профессора В. И. Купцова

Москва
«Высшая школа»
1988

ББК 66.61(2)2
С83

Составители:
В. К. ГОРЕВ, В. Н. ДОНЧЕНКО, С. А. СТЕПАНОВ

Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы.
С83 Уроки/Сост.: В. К. Горев, В. Н. Донченко, С. А. Степанов; Под ред. В. И. Купцова.— М.: Высш. шк., 1988.—704 с.
ISBN 5—06—001657—9

В сборник вошли документы, материалы, статьи по проблемам истории КПСС, опубликованные в периодической печати в 1987—1988 гг.

С $\frac{0902020000—526}{001(01)—88}$ без объявл.

ББК 66.61(2)2
3КП1

ISBN 5—06—001657—9

© Издательство «Высшая школа», 1988

Сегодня интерес к истории вообще, и особенно к советскому периоду истории СССР, к истории КПСС, беспрецедентен. Мое поколение не помнит ничего подобного. Этот интерес не случаен. Он связан с тем, что страна наша переживает переломный момент своего развития. Огромное внимание к истории сегодня во многом обусловлено тем, что в ней мы хотим увидеть наше будущее. В истории мы ищем ответ на вопросы: кто мы, на что мы способны, что в наших действиях, помыслах, в стратегии является верным, достойным развития, преумножения, а от чего надо решительно отказаться. Она дает бескомпромиссный ответ на вопрос, что удалось сделать нашей стране, нашему народу. И от этой исторической реальности,— какой бы она ни была, как бы ни оценивалась,— нам не уйти. Правдивое отображение нашего прошлого — это не только важнейшая задача советской исторической науки, это дело чести всей страны, каждого из нас.

Однако решение этой задачи, зависящее, конечно, от профессиональной компетенции историков, обусловлено прежде всего уровнем развития общества, его культурного, нравственного потенциала. И не случайно поэтому каждое поколение осмысливает историю заново. В этом нет ничего удивительного. История в не меньшей мере неисчерпаема, чем природа.

Каждый новый уровень в развитии общества расширяет горизонт исторического познания, ставит все новые и новые вопросы перед историками и дает им направления в ответах на них. Еще недавно казалось, что все главные концептуальные проблемы истории КПСС уже

решены, историкам остается лишь наполнять общие схемы конкретным эмпирическим материалом. Такого рода исторические исследования, конечно, не могли вызывать особого интереса широкой общественности.

И вдруг на наших глазах все буквально преобразилось. История СССР советского периода и история КПСС сегодня — это один из важнейших источников развития современного обществоведения. Именно в этой области стало осуществляться наиболее интенсивное взаимодействие всей совокупности общественных наук. Здесь, быть может, как ни в какой другой науке, сегодня мы ощущаем острейшую потребность в обращении к философии, методологии науки. Именно в исторических изысканиях теперь проверяется реальная эффективность многих положений нашего обществоведения. Сейчас историк самой реальной практикой исследования подталкивается к тому, чтобы самым активным образом использовать концептуальный аппарат других общественных наук, чтобы в совершенстве владеть историей нашей экономики, науки, культуры, свободно оперировать статистическими данными. И наконец, совершенно особое значение приобретают сегодня методологические установки, на которые он опирается.

Эти революционные изменения в исторической науке, как все мы хорошо понимаем, связаны с перестройкой во всех сферах нашего общества. И дело здесь не только в том, что в результате гласности, демократизации, осуществляемых в нашей стране, открылись новые исторические источники, появилась возможность обсуждать такие вопросы, о которых раньше не смели и задумываться. Сегодняшний этап в развитии нашего общества ставит в высшей степени резко и остро жизненно важные проблемы развития всей совокупности наших общественных отношений, жизни каждого из нас, места нашей страны в современной цивилизации, перспектив развития идеалов, утверждаемых нашей идеологией, проблемы, которые мы принципиально не можем решить, не обращаясь к истории. Наше «сегодня» нельзя оторвать от нашего прошлого. И уроки прошлого нам совершенно необходимы для формирования будущего. Более того, подчас мы не в состоянии обсуждать и сегодня многие жизненно важные для нас проблемы на современном материале, находя в этих

случаях спасение в обращении к истории. Быть может, как никогда прежде, мы сейчас хорошо понимаем, что история — это часть нас самих. Это наше «поле боя», на котором осуществляется интеллектуальное сражение за утверждение жизненно важных для нас ценностей.

История учит нас тому, что люди ничему от нее не научаются — гласит известный афоризм. Наша социально-культурная реальность явно противоречит этому яркому афоризму. Нет, сегодня не только процессы, происходящие в нашем обществе, позволяют более глубоко понять историю, но и обращение к прошлому дает нам новые силы, позволяет наметить правильные ориентиры в нашей сегодняшней жизни и выработать эффективные методы в решении проблем современности.

Все эти изменения, конечно, имеют особое значение для системы народного образования в нашей стране. Почти внезапно мы увидели, что тот массив учебно-методической литературы, который на протяжении длительного времени, казалось, успешно служил нам для передачи от поколения к поколению культурных традиций, обнаружил свою негодность. И устарел не только фактический материал, но, главным образом, многие оценки и концептуальные схемы, методика самого преподнесения материала. Возник настоящий голод на учебно-методическую литературу. Сейчас одной из самых важных проблем в системе народного образования является создание нового поколения учебников, отвечающих современному уровню развития нашего общества. Это, конечно, прежде всего касается всей совокупности учебников и учебных пособий об обществе и его истории.

Однако как бы хороши учебники ни были, они всегда будут отставать от современного уровня развития науки. Очень важной, новой формой методической помощи преподавателям и учащимся, которая позволяет во многом преодолеть этот разрыв, явится периодическая публикация сборников, составленных из наиболее интересных и важных для системы образования публикаций, появившихся за последнее время в печати. Именно такая работа по истории КПСС и предлагается вниманию читателей. Она содержит статьи советских ученых, опубликованные в 1987—1988 гг., в которых наиболее характерно проявился новый современный

подход к изучению истории КПСС. Знакомясь с этими работами, мы, конечно, ни в коей мере не должны впадать в иллюзию недавнего прошлого, абсолютизируя взгляды ученых на какой-либо вопрос. И это очень важно иметь в виду не только потому, что историческая наука развивается, но и в силу того, что и в сегодняшних научных исследованиях имеется много различных точек зрения и оттенков в подходе к той или иной проблеме, в ее освещении. В данном сборнике хотелось бы особое внимание обратить на первый раздел книги, в котором сосредоточены публикации, имеющие важное методологическое значение для понимания истории КПСС в целом. Именно они представляют тот каркас, который позволяет собрать в единое целое все колоссальное многообразие исторических фактов.

В. И. Купцов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Путь Октября — путь первопроходцев

Основные этапы развития советского общества

Исторический опыт Октября и перестройка

Через обновление — к новому качеству историко-партийной науки

Историк и перестройка

«...Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые образуют основу всей их истории... Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства,— благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения».

К. Маркс

(*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 402)

«Когда... речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей... и образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные действия, приводящие к великим историческим переменам».

Ф. Энгельс

(*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 307—308)

«Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов».

В. И. Ленин

(Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205)

М. С. Горбачев

Путь Октября — путь первопроходцев

Из доклада «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 года.

Товарищи! Наш путь первопроходцев — огромен и сложен. Его кратким анализом не охватишь, не обнимешь. И тяжесть материального и нравственного наследия старого мира, первой мировой и гражданской войн, интервенции. И новизна преобразований, связанные с ними надежды людей, темпы и масштабы вторжения нового, непривычного, не оставлявшие подчас времени, чтобы оглядеться, поразмышлять, и субъективные факторы, играющие особую роль в периоды революционных бурь. И проникнутые максимализмом революционной поры, подчас упрощенные, спрямленные представления о будущем. И чистое, неистовое стремление борцов за новую жизнь сделать все как можно быстрее, лучше, справедливее.

Пройденное — его героизм и драматизм — не может не волновать умы современников. История у нас одна, она необратима. И какие бы эмоции она ни вызвала — это наша история, она дорога нам. *(Аплодисменты.)* Сегодня мы обращаемся к Октябрьским дням, которые потрясли мир, ищем и находим в них и прочную духовную опору, и поучительные уроки. Еще и еще раз убеждаемся в правильности социалистического выбора, сделанного Октябрем.

К этому рубежу вела сама объективная логика исторического прогресса человечества. Октябрьская революция — при всей противоречивости и многовариантности путей поступательного движения цивилизации — яви-

лась закономерным результатом развития идей и практики многовековой борьбы трудящихся за свободу и мир, за социальную справедливость, против классового, национального и духовного угнетения.

Год 1917-й показал, что выбор между социализмом и капитализмом — это главная социальная альтернатива нашей эпохи, что в XX веке вперед идти нельзя, не идя к более высокой форме социальной организации — к социализму. Этот фундаментальный ленинский вывод сегодня не менее актуален, чем тогда, когда он был сделан. Такова закономерность поступательного общественного развития.

Революция в России стала как бы вершиной освободительных устремлений, живым воплощением мечтаний лучших умов человечества — от великих гуманистов прошлого до пролетарских революционеров XIX и XX веков. Год 1917-й впитал в себя энергию народной борьбы за самостоятельное развитие и независимость, прогрессивных национальных движений, антикрепостнических крестьянских восстаний и войн, характерных для нашей истории. Он воплотил в себе духовные искания просветителей XVIII столетия, героев и мучеников декабристского движения, пламенных трибунов революционной демократии, нравственное подвижничество великих деятелей нашей культуры.

Для судеб нашей страны решающее значение имело время, когда на заре XX века Владимир Ильич Ленин повел за собой тесно сплоченную группу единомышленников по пути создания в России пролетарской партии нового типа. Именно эта великая ленинская партия подняла народ, лучшие, честные его силы на штурм старого мира.

В фундамент успеха Октября краеугольные камни заложены первой российской революцией 1905—1907 годов. Здесь и горькие уроки Девятого января, и отчаянный героизм декабрьских московских баррикад, и подвиг тысяч известных и безвестных борцов за свободу, и рождение первых рабочих Советов — прообраза Советской власти.

Победа Великого Октября вырастала и из завоеваний Февральской революции 1917 года, которая стала первой победоносной народной революцией эпохи империализма. После февральской победы развитие революции пошло с невероятной быстротой. Главными ее действующими лицами были рабочие и крестьяне, оде-

тые в солдатские шинели. Весна 1917 года показала мощь общенародного движения. Одновременно выявились и его ограниченности, противоречивость революционного сознания на этом этапе, сила исторической инерции, в результате которых уходящие со сцены эксплуататорские классы смогли на время воспользоваться плодами народной победы.

Февральская революция дала в руки Октября главное оружие — организацию власти в лице возрожденных Советов. Февраль — это первый опыт реального демократизма, политического воспитания масс на практике, приобретавшийся в сложнейших условиях двоевластия. Февраль уникален и по своей возможности мирного перехода власти в руки трудящихся, возможности, не ставшей, к сожалению, в силу исторических обстоятельств действительностью. Февраль был важнейшим историческим этапом на пути к Октябрю.

В сложном переплетении и противоборстве классовых сил, участвовавших в Февральской революции, Ленин гениально разглядел открывшиеся возможности победы революции социалистической. Апрельские тезисы были научным предвидением и образцом революционной программы действий в этих исторических условиях. Ленин показал не только логику перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, но и форму этого процесса — через Советы, через их большевизацию, суть которой состояла в том, чтобы помочь народу, массам понять смысл их собственной борьбы и сознательно вершить революцию в своих интересах. Путь от Февраля к Октябрю — это время стремительных общественных перемен, время быстрого политического мужания масс, консолидации сил революции и ее авангарда — ленинской партии.

В тот период — от Февраля к Октябрю — с особой силой проявилось политическое искусство Ленина и его соратников, давших поучительный урок живой диалектики революционной мысли и действия. Руководство партии продемонстрировало способность к коллективному творческому поиску, отказу от стереотипов, от лозунгов, которые еще вчера, в другой обстановке казались непререкаемыми и единственно возможными. Можно сказать, что само течение ленинской мысли, вся деятельность большевиков, которая отличалась быстрой сменой форм и методов работы, гибкостью и неорди-

нарностью тактических решений, политической смелостью,— ярчайший образец антидогматического, подлинно диалектического, а значит — нового мышления. Так, и только так, мыслят и действуют настоящие марксисты-ленинцы, особенно во времена переломные, критические, когда решаются судьбы революции и мира, социализма и прогресса. *(Аплодисменты.)*

Вернемся к апрелю 1917-го: ленинская программа поворота к социалистической революции казалась многим — и друзьям, и недругам — утопией, чуть ли не плодом безудержной фантазии. Но жизнь показала, что только такая программа могла стать и на деле стала политической основой дальнейшего развития революции, а по существу — основой социального спасения, предотвращения национальной катастрофы.

Вспомним июльские дни 1917 года. С какой болью партия была вынуждена отказаться от лозунга передачи всей власти Советам. Но иначе поступить было нельзя, ибо Советы оказались на некоторое время в руках эсеров и меньшевиков и бессильными перед лицом контрреволюции. И как чутко держал Ленин руку на пульсе революции, как гениально определил начало нового возрождения Советов, которые в процессе борьбы обретали истинно народную суть, что позволило им стать органами победоносного вооруженного восстания, а затем и политической формой рабоче-крестьянской власти.

Все это не просто страницы летописи Великой революции. Это еще и постоянное напоминание нам, ныне живущим, о высоком долге коммунистов всегда быть на острие событий, уметь принимать смелые решения, брать на себя всю полноту ответственности за настоящее и будущее. *(Аплодисменты.)*

Октябрьская революция явилась могучим порывом миллионов людей, в котором соединились коренные интересы рабочего класса, вековечные чаяния крестьянства, жажда мира солдат и матросов, неистребимая тяга народов многонациональной России к свободе и свету. В сложном переплетении различных интересов партия большевиков смогла найти главное, объединить разноречивые тенденции и устремления, направить их на решение основного вопроса революции — вопроса о власти. И в первых же своих декретах — о мире и земле — государство диктатуры пролетариата делом ответило на требования времени, выразило глубинные интересы не

только рабочего класса, но и абсолютного большинства народа.

И еще об одном важнейшем, принципиальном уроке Октябрьских дней необходимо сегодня напомнить. В наше время необычайно актуален ленинский ответ на вопрос, который задает жизнь, революционная действительность,— это вопрос о соотношении теоретической «модели» пути к социализму и реальной практики социалистического строительства. Марксизм-ленинизм как творческое учение — не набор готовых рецептов и доктринерских предписаний. Чуждое узколобому догматизму марксистско-ленинское учение обеспечивает активное взаимодействие новаторской теоретической мысли с практикой, с самим ходом революционной борьбы. Поучительнейший пример тому — Великий Октябрь.

Как известно, многие даже крупные деятели рабочего движения того времени отказывались видеть в Октябрьской социалистической революции закономерное явление: она-де произошла «не по правилам», не в соответствии со сложившимися теоретическими воззрениями. Российский капитализм, по их представлениям, не создал к Октябрю 1917 года все необходимые материальные и культурные предпосылки социализма. Поучительно и полезно, думается, вспомнить, как отвечал Ленин подобным критикам нашей революции. «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность,— возражал он.— Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» [1]

Догматически, педантски трактующим марксизм не дано понять главного в этом учении — его революционной диалектики. Именно она отличает всю послеоктябрьскую деятельность Ленина. Именно она помогла совершить буквально на грани возможного и невозможного политический и нравственный подвиг Брестского мира, спасшего тысячи и тысячи жизней, само существование социалистического Отечества.

Другой пример. Ленин, как Маркс и Энгельс, был убежден, что вооруженной защитой революции станет народная милиция. Но конкретные условия продиктова-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.

ли иное решение. Навязанная народу гражданская война, внешняя интервенция потребовали нового подхода. По декрету Ленина была создана Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Это была армия нового типа, покрывшая себя бессмертной славой в гражданской войне и отражении иностранной интервенции. *(Аплодисменты.)*

Суровые испытания принесли эти годы молодой Советской власти. Во всей своей простоте и суровости встал вопрос: быть или не быть социализму. Партия сплотила и мобилизовала народ на оборону социалистического Отечества, завоеваний Октября. Голодные, раздетые и разутые, плохо вооруженные красные бойцы разгромили хорошо обученную и вооруженную контрреволюционную армию, которую обильно подкармливали империалисты Запада и Востока. Огненная межа гражданской войны прошла по всей стране, по каждой семье, перепахала привычный уклад жизни, психологию и судьбы людей. В этой смертельной схватке победила воля народа, стремление миллионов к новой жизни. *(Аплодисменты.)* Страна делала все, чтобы помочь молодой армии, жила и действовала под лозунгом, выдвинутым Лениным: «Все для победы!»

В нашей памяти навеки останется подвиг легендарных героев — отважных моряков и конармейцев, бойцов и командиров молодой Красной Армии и красных партизан. Они защитили революцию, вечная им слава! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Глубочайшей революционной диалектикой пронизано и решение о новой экономической политике, которая существенно раздвинула горизонты представлений о социализме, о путях его построения.

Или возьмите такой вопрос. Как известно, Ленин критиковал ограниченности «кооперативного социализма». В конкретных же условиях, которые сложились после Октября в результате завоевания власти народом, он по-новому взглянул на этот вопрос. В статье «О кооперации» разрабатывается положение о социализме как обществе «цивилизованных кооператоров».

Таковы были сила и смелость марксистской диалектики, которая выражала саму суть революционного учения и которой так блестяще владел Ленин. Он считал, что в созидании нового мира «доделывать, переделывать, начинать с начала придется нам еще не раз» [1].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 224.

Да, нам пришлось не раз доделывать и переделывать начатое, выдержать продолжительную и упорную борьбу, пережить исторические процессы поворотного, революционного характера. И они во многом изменяли обстоятельства, условия нашего движения вперед. Они изменяли и нас самих — закаляли, обогащали опытом, знаниями, вселяли еще большую уверенность в успехе дела революции.

Оценивая во всемирно-историческом масштабе пройденный нами путь, вновь и вновь убеждаешься: за короткий срок мы проделали то, на что другим понадобились столетия. *(Аплодисменты.)*

Социалистическая революция свершилась в стране со средним уровнем развития капитализма, высокой концентрацией промышленности, преобладанием крестьянского населения, глубокими пережитками феодализма и даже предшествующих общественных формаций. Россия дала миру величайшие достижения в области науки и культуры, но три четверти ее населения были неграмотными. Страна до крайности была разорена империалистической войной и бездарным управлением.

Строительство новой жизни не имело образцов, оно предполагало неустанный поиск созидательных решений. Для партии коммунистов цель была ясна — революция и путь социализма, Советская власть. Ленин и повел партию по этому пути.

В живом творчестве масс, из сложнейшего материала многоукладной России выкристаллизовывались принципы и нормы будущего социалистического устройства, небывалые в истории формы организации общества. Уточнялись, наполнялись реальным жизненным содержанием поначалу чисто теоретические представления о формах народовластия, путях и границах обобществления собственности, организации социалистического производства, налаживании новой, товарищеской дисциплины, о месте и роли человека в новом обществе.

Главный смысл Октября — в созидании новой жизни. Оно не прерывалось ни на один день. Использовалась даже кратковременная передышка, чтобы строить, искать пути в социалистическое будущее.

Величайшим взлетом народной инициативы и творчества отмечено начало 20-х годов. Они стали подлинной революционной лабораторией социального новаторства, поиска оптимальных форм союза рабочего клас-

са и трудового крестьянства, формирования механизма реализации всего спектра интересов людей труда.

От вынужденных в условиях войны и разорения военно-коммунистических методов организации производства и потребления партия переходила к более гибким, экономически обоснованным, «регулярным» инструментам воздействия на социальную действительность. Меры новой экономической политики были направлены на построение материального фундамента социализма.

Мы все чаще обращаемся сейчас к последним работам Ильича, к ленинским идеям новой экономической политики, стремимся взять из этого опыта все ценное, необходимое нам сегодня. Конечно, было бы ошибочным ставить знак равенства между нэпом и тем, что делаем мы в настоящее время, находясь на принципиально иной ступени развития. В стране сегодня нет того единоличного крестьянства, налаживание союза с которым определяло самые насущные цели экономической политики 20-х годов.

Но нэп имел и более дальний прицел. Была поставлена задача строить новое общество «не на энтузиазме непосредственно,— как писал Ленин,— а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете... Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции» [1].

Говоря о творческом потенциале нэпа, следует, видимо, еще раз сказать о политическом и методологическом богатстве идеи продналога. Нас, разумеется, привлекают не тогдашние его формы, которые призваны были обеспечить смычку рабочих и крестьян, а заложенные в идее продналога возможности раскрепощения созидательной энергии масс, повышения инициативы человека, снятия бюрократических препон, ограничивающих действие основного принципа социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

Начатое под руководством Ленина социалистическое строительство принесло много принципиально нового. Впервые в мировой истории были разработаны и применены методы планового хозяйствования. План ГОЭЛРО — это поистине открытие, целая ступень в движении мировой экономической мысли и практики.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 151.

Не только грандиозный план электрификации, а проект, по мысли Ленина, «гармонического соединения» земледелия, промышленности и транспорта, по-современному же говоря,— комплексная программа размещения и развития производительных сил страны. Ленин назвал ее второй программой партии, «планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники» [1].

Рождалась новая культура, вбиравшая и опыт прошлого, и многоцветное богатство, смелость, оригинальность талантов, ярких индивидуальностей, которые революция всколыхнула и вдохновила на служение народу. Непреходящее значение не только по своим результатам, но и по опыту, по методологии имеет для нас начальный, ленинский этап формирования многонационального государства Советов.

Задумываясь о том времени, когда «из России нэповской будет Россия социалистическая», Ленин не мог, да и не ставил перед собой задачу нарисовать картину будущего общества во всех деталях и подробностях. Но сами пути, способы движения к социализму через создание машинной индустрии, широкое кооперирование, поголовное вовлечение трудящихся масс в управление государством, организацию работы государственного аппарата по принципу «лучше меньше, да лучше», через «культурное развитие всей народной массы», укрепление федерации свободных наций «без лжи и железа» — именно это должно было формировать облик страны, выходящей на принципиально новый уровень общественного устройства.

В последних, необычайно насыщенных интеллектуально и эмоционально ленинских работах сложилась система взглядов и сама концепция строительства социализма в нашей стране. Это — огромное теоретическое богатство партии.

Величайшим потрясением для всей партии и советского народа была преждевременная смерть Владимира Ильича Ленина. Горе было непомерным, потеря — невосполнимой. Это понимали все. Предстояли дела колоссальной исторической значимости. Руководство партии должно было без Ленина, опираясь на его учение и заветы, искать оптимальные решения, способные закрепить завоевания революции и вести страну к

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 157.

социализму в конкретных условиях тогдашней Советской России.

История предъявила новому строю жесткий ультиматум: либо, создав в кратчайшие сроки свою социально-экономическую и техническую базу, выжить и дать человечеству первый опыт справедливой организации общества, либо погаснуть и остаться в памяти веков в лучшем случае лишь героическим, но неудавшимся социальным экспериментом. Жизненно важное, в полном смысле слова, судьбоносное значение приобретал прежде всего вопрос об ускоренных темпах социалистических преобразований.

Период после Ленина — 20-е и 30-е годы — занял особое место в истории Советского государства. За какие-то полтора десятка лет были осуществлены коренные общественные изменения. В эти годы вместилось так много — и с точки зрения поисков оптимальных вариантов социалистического строительства, и с точки зрения реально достигнутого в создании основ нового общества. Это были годы упорного труда на пределе человеческих возможностей, острой и многоплановой борьбы. Индустриализация, коллективизация, культурная революция, укрепление многонационального государства, утверждение международных позиций СССР, новые формы управления экономикой и всей общественной жизнью — все это пришлось именно на этот период. И все это имело далеко идущие последствия.

На протяжении десятилетий мы вновь и вновь возвращаемся к этому времени. Это естественно. Ибо тогда начиналось, строилось первое в мире социалистическое общество. Это был подвиг исторических масштабов и исторического значения. Восхищение подвигами отцов и дедов, оценки наших подлинных достижений будут жить вечно, как и сами эти подвиги и достижения. *(Аплодисменты.)* И если сегодня мы вглядываемся в свою историю порой критическим взором, то лишь потому, что хотим лучше, полнее представить себе пути в будущее.

Необходимо оценить прошлое с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды. Это надо сделать, во-первых, в силу огромной важности тех лет для судеб нашего государства, судеб социализма. Во-вторых, потому, что эти годы находятся в центре многолетних дискуссий как у нас в стране,

так и за рубежом, где наряду с поисками истины нередко предпринимаются попытки дискредитировать социализм как новый общественный строй, как реальную альтернативу капитализму. Наконец, нам нужны правдивые оценки этого и всех других периодов нашей истории особенно сейчас, когда развернулась перестройка,— нужны не для того, чтобы сводить политические счеты или, как говорится, надрывать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов.

Итак, о 20—30-х годах после Ленина. Несмотря на то что партия и общество имели на вооружении ленинскую концепцию построения социализма, работы Владимира Ильича послеоктябрьского периода, поиск пути шел очень непросто, в острой идейной борьбе, в обстановке политических дискуссий. В центре их оказались коренные проблемы развития общества, прежде всего — вопрос о возможности строительства социализма в нашей стране. Теоретическая мысль и практика искали: по каким направлениям и в каких формах осуществлять социально-экономические преобразования, как обеспечить их решение на социалистических началах в тех конкретных исторических условиях, в каких находился Советский Союз.

В повестку дня встала практическая, конструктивная работа, которая потребовала высочайшей ответственности. Прежде всего остро встал вопрос об индустриализации страны и реконструкции экономики, без чего немыслимо было социалистическое строительство, укрепление обороноспособности. Это вытекало из прямых указаний Ленина, из его теоретического наследия. В этой же плоскости и также в соответствии с ленинскими заветами встал вопрос о социалистических преобразованиях в деревне.

Таким образом, речь шла о крупнейших, поворотных делах, проблемах и задачах. И хотя партия, повторяю, располагала ленинскими установками по этим вопросам, вокруг них развернулись острые дискуссии.

Стоит, видимо, сказать о том, что и до, и после революции, в первые годы социалистического строительства, отнюдь не все руководители партии разделяли ленинские взгляды по ряду важнейших проблем. Кроме того, ленинские рекомендации не могли охватить все конкретные вопросы строительства нового общества. Анализируя идейные споры того времени, надо иметь в виду,

что проведение гигантских революционных преобразований в такой стране, какой была тогда Россия,— само по себе труднейшая задача. Страна находилась на историческом марше, резко ускорялось ее развитие, быстро и глубоко преображались все стороны общественной жизни.

Идейная борьба, отражавшая всю гамму интересов классов, социальных групп и прослоек, требований и задач времени, исторических традиций и давление неотложных задач, а также условия враждебного капиталистического окружения,— эта идейная борьба неразрывно сплеталась с событиями и процессами в экономике, политике, во всех сферах жизни людей.

Словом, разобраться, найти единственно верный курс в столь непростой и бурной обстановке было архитрудно. Характер идейной борьбы в значительной мере осложнялся и личным соперничеством в руководстве партии. Старые разногласия, имевшие место еще при жизни Ленина, дали о себе знать и в новой обстановке, причем в очень острой форме. О возможности такой опасности, как известно, предупреждал Ленин. В «Письме к съезду» он подчеркивал, что «это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» [1]. Так во многом и получилось.

Мелкобуржуазная натура взяла верх у некоторых авторитетных деятелей. Они повели себя фракционно. Это лихорадило партийные организации, уводило от живого дела, мешало работать. Они продолжали провоцировать раскол даже тогда, когда подавляющему большинству в партии стало ясно, что их взгляды идут вразрез с ленинскими идеями и планами, что их предложения ошибочны и могут сбить страну с правильно взятого курса.

Это относится прежде всего к Л. Д. Троцкому, который после смерти Ленина проявил непомерные притязания на лидерство в партии, в полной мере подтвердив ленинскую оценку его как чрезмерно самоуверенного, всегда виляющего и жульничающего политика. Троцкий и троцкисты отрицали возможность построения социализма в условиях капиталистического окружения. Во внешней политике делали ставку на экспорт революции, а во внутренней — на «завинчивание гаек» по отношению к крестьянству, на эксплуатацию деревни

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 346.

городом, на перенесение в управление обществом административно-военных методов. Троцкизм — это политическое течение, идеологи которого, прикрываясь левой, псевдореволюционной фразой, по существу, занимали капитулянтскую позицию. По сути дела, это была атака на ленинизм по всему фронту. Речь шла практически о судьбе социализма в нашей стране, о судьбе революции.

В этих условиях необходимо было всенародно развенчать троцкизм, обнажить его антисоциалистическую сущность. Ситуация осложнялась тем, что троцкисты выступили в блоке с «новой оппозицией» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Лидеры оппозиции, понимая, что они в меньшинстве, вновь и вновь навязывали партии дискуссию, рассчитывая на раскол партийных рядов. Но в конечном итоге партия высказалась за линию ЦК против оппозиции, которая была идейно и организационно разгромлена. *(Аплодисменты.)*

Таким образом, руководящее ядро партии, которое возглавлял И. В. Сталин, отстояло ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, получило одобрение политического курса со стороны большинства членов партии и трудящихся. Важную роль в идейном разгроме троцкизма сыграли Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак и другие. *(Аплодисменты.)*

В самом конце 20-х годов острая борьба развернулась и по вопросу о путях перевода крестьянства на рельсы социализма. В ней, по сути, выявилось разное отношение большинства Политбюро и группы Бухарина к применению принципов нэпа на новом этапе развития советского общества.

Конкретные условия того времени — и внутренние, и международные — выдвинули как насущную задачу значительное повышение темпов социалистического строительства. Бухарин и его сторонники в своих расчетах, теоретических положениях практически недооценили значение фактора времени в строительстве социализма в 30-е годы. Их позиция во многом определялась догматическим мышлением, недиалектичностью оценки конкретной обстановки. И сам Бухарин, и его сторонники вскоре признали свои ошибки.

В этой связи уместно вспомнить характеристику Бухарина, которую дал ему Ленин: «Бухарин не только

ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [1]. Жизнь снова подтвердила ленинскую правоту.

Таким образом, политические дискуссии того времени отразили сложный процесс в развитии партии, характеризующийся острой борьбой по важнейшим проблемам социалистического строительства. В этой борьбе, через которую пришлось пройти, сложилась концепция индустриализации и коллективизации.

Под руководством партии, ее ЦК в стране в короткие сроки были созданы практически заново тяжелая индустрия, включая машиностроение, оборонную промышленность, современное по тем временам химическое производство, выполнен план ГОЭЛРО. Славными символами этих достижений стали Магнитка, Кузбасс, Днепрогэс, Уралмаш, Хибинский комбинат, автомобильные заводы в Москве и в Горьком, авиационные заводы, Сталинградский, Челябинский и Харьковский тракторные заводы, Ростсельмаш, Комсомольск-на-Амуре, Турксиб и Большой Ферганский канал, многие другие великие стройки первых пятилеток. В это время возникли десятки научно-исследовательских институтов, широкая сеть высших учебных заведений.

Партия предложила неведомый ранее путь индустриализации — не надеясь на внешние источники финансирования, не дожидаясь многолетних накоплений за счет развития легкой промышленности, сразу двинуть вперед тяжелую индустрию. Это был единственно возможный в тех условиях, хотя и немыслимо трудный для страны и народа путь. Это был новаторский шаг, в котором революционный порыв масс учитывался как составляющая экономического роста. Индустриализация одним рывком вывела страну на качественно новый уровень. К концу 30-х годов Советский Союз по выпуску промышленной продукции вышел на первое место в Европе и на второе место в мире, став поистине великой индустриальной державой. Это был трудовой подвиг всемирно-исторического значения, подвиг осво-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.

божденного труда, подвиг партии большевиков. *(Аплодисменты.)*

И глядя на историю трезвыми глазами, учитывая всю совокупность внутренних и международных реальностей, нельзя не задаться вопросом: можно ли было в тех условиях избрать иной курс, чем тот, который был предложен партией? Если мы хотим остаться на позициях историзма, правды жизни, ответ может быть один: нет, нельзя. *(Аплодисменты.)* В тех условиях, когда зримо нарастало ощущение угрозы империалистической агрессии, в партии утвердилось убеждение в необходимости не пройти, а в кратчайшие исторические сроки буквально пробежать расстояние от кувалды и крестьянской сохи к развитой индустрии, без которой была бы неминуема гибель всего дела революции.

Жизненность выдвинутых партией планов, понятых и воспринятых массами, лозунгов и замыслов, в которых был воплощен революционных дух Октября, нашла свое выражение в том поразившем мир энтузиазме, с которым миллионы советских людей включились в строительство советской индустрии. В тяжелейших условиях, при отсутствии механизации, на полуголодном пайке люди творили чудеса. Их вдохновляло то, что они приобщались к великому историческому делу. Не будучи достаточно грамотными, они классовым чутьем понимали, участниками какого грандиозного, невиданного дела они стали.

Наш долг и долг тех, кто пойдет за нами, помнить об этом подвиге наших дедов и отцов. Каждый должен знать, что их труд и бескорыстная самоотдача не были напрасными. Они преодолели все, что выпало на их долю, и внесли величайший вклад в утверждение завоеваний Октября, в создание тех основ нашей силы, которая позволила спасти Родину от смертельной опасности, спасти социализм для будущего, для нас с вами, товарищи. Слава им и добрая память! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Вместе с тем период, о котором идет речь, принес и потери. Они находились в определенной связи с самими успехами, о которых я говорил. Тогда уверовали в универсальную эффективность жесткой централизации, в то, что командные методы — самый короткий, лучший путь к решению любых задач. Это сказывалось на отношении к людям, к их жизненным условиям.

Возникла административно-командная система партийно-государственного руководства страной, усиливался бюрократизм, об опасности которого предупреждал в свое время Ленин. Начали складываться и соответствующие структура управления и методы планирования. В промышленности при тогдашних ее объемах, когда буквально на виду были все основные объекты индустриального здания, такие методы, такая система управления в общем-то дали свои результаты. Однако столь же жесткая система централизации и командования была недопустима при решении задач преобразования деревни.

Надо откровенно сказать: на новом этапе не хватило по-ленински внимательного отношения к интересам трудового крестьянства. И главное — недооценили того факта, что крестьянство как класс коренным образом изменилось за годы после революции. Основной фигурой стал середняк. Он утвердился как хозяин, этот крестьянин-труженик, получивший землю от революции и за целое десятилетие убедившийся в том, что Советская власть — это и его власть. Он стал верным и надежным союзником рабочего класса, союзником на новой основе, убеждался на практике, что его жизнь все более поворачивается к лучшему.

И если бы больше посчитались с объективными экономическими законами и было бы проявлено больше внимания к тем социальным процессам, которые происходили в деревне; если бы вообще отношение к этому огромному массиву трудового крестьянства, большинство которого участвовало в революции и защищало ее от белогвардейщины и интервентов, было политически более выверенным; если бы последовательно проводилась линия на союз с середняком против кулака, то не было бы и тех перегибов, которые имели место при проведении коллективизации.

Сегодня ясно: в огромном деле, которое затрагивало судьбы большинства населения страны, было допущено отступление от ленинской политики по отношению к крестьянству. Руководство этим важнейшим и очень сложным социальным процессом, где очень многое зависело от местных условий, осуществлялось преимущественно административными методами. Возникла убежденность, что все проблемы можно решить одним махом в кратчайшие сроки. Целые области и регионы страны стали соревноваться, кто быстрее про-

ведет полную коллективизацию. Сверху давались произвольные процентные разнарядки. Грубые нарушения принципов коллективизации приобрели повсеместный характер. Не обошлось без перегибов в проведении борьбы против кулачества. Сама по себе правильная линия на борьбу с кулачеством зачастую так широко трактовалась, что захватила и значительную часть середняков. Такова историческая реальность.

Но, товарищи, если в целом оценить значение коллективизации в укреплении позиций социализма в деревне, то она в конечном счете была поворотом принципиального значения. Коллективизация означала коренное изменение всего уклада жизни основной массы населения страны на социалистических основах. Она создала социальную базу для модернизации аграрного сектора и перевода его на рельсы культурного хозяйствования, позволила значительно повысить производительность труда, высвободила значительную часть рабочих рук, необходимых для других сфер социалистического строительства. Все это имело исторические последствия.

Для понимания ситуации тех лет следует иметь в виду, что административно-командная система, начавшая формироваться в ходе индустриализации и получившая новый импульс во время коллективизации, сказалась на всей общественно-политической жизни страны. Утвердившись в экономике, она распространилась и на надстройку, ограничивая развертывание демократического потенциала социализма, сдерживая прогресс социалистической демократии.

Но сказанное не вскрывает всей сложности того периода. Что здесь произошло? Оставалась фактически позади полоса наиболее серьезных для партии идейно-политических испытаний. Миллионы людей с энтузиазмом включились в работу по осуществлению социалистических преобразований. Стали появляться первые успехи. И в это же время методы, диктуемые периодом борьбы с враждебным сопротивлением эксплуататорских классов, механически переносятся на период мирного социалистического строительства, когда условия изменились кардинальным образом. В стране создается атмосфера нетерпимости, вражды, подозрительности. В дальнейшем такая политическая практика расширялась и обосновывалась ошибочной «теорией»

обострения классовой борьбы в процессе строительства социализма.

Все это оказало пагубное воздействие на общественно-политическое развитие страны, обернулось тяжелыми последствиями. Совершенно очевидно, что именно отсутствие должного уровня демократизации советского общества сделало возможным и культ личности, и нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов. Прямо говоря — настоящие преступления на почве злоупотребления властью. Массовым репрессиям подверглись многие тысячи членов партии и беспартийных. Такова, товарищи, горькая правда. Был нанесен серьезный ущерб делу социализма и авторитету партии. И мы должны прямо сказать об этом. Это необходимо для окончательного и бесповоротного утверждения ленинского идеала социализма.

Сейчас много дискуссий о роли Сталина в нашей истории. Его личность крайне противоречива. Оставаясь на позициях исторической правды, мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний, так и грубые политические ошибки, произвол, допущенные им и его окружением, за которые наш народ заплатил великую цену и которые имели тяжелые последствия для жизни нашего общества. Иногда утверждают, что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений.

Конечно, вопреки утверждениям наших идейных противников культ личности не был неизбежным. Он чужд природе социализма, представляет собой отступление от его основополагающих принципов и, таким образом, не имеет никакого оправдания. На XX и XXII съездах партия сурово осудила и сам культ Сталина, и его последствия. Мы знаем теперь, что политические обвинения и репрессии против ряда деятелей партии и государства, против многих коммунистов и беспартийных, хозяйственных и военных кадров, ученых и деятелей культуры были результатом преднамеренной фальсификации.

Многие обвинения в последующем — в особенности после XX съезда партии — были сняты. Тысячи безвинно пострадавших полностью реабилитированы.

Но процесс восстановления справедливости не был доведен до конца и фактически приостановлен в середине 60-х годов. Сейчас в соответствии с решениями октябрьского (1987 года) Пленума ЦК приходится вновь возвращаться к этому. Политбюро ЦК создало комиссию для всестороннего рассмотрения новых и уже известных ранее фактов и документов, относящихся к этим вопросам. По итогам работы комиссии будут приняты соответствующие решения.

Все это найдет отражение и в очерке истории КПСС, подготовка которого будет поручена специальной комиссии ЦК. Мы должны это сделать. Тем более, что и сейчас еще встречаемся с попытками отвернуться от больных вопросов нашей истории, замолчать их, сделать вид, будто ничего особенного не произошло. С этим мы не можем согласиться. Это было бы пренебрежением к исторической правде, неуважением к памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола. Не можем еще и потому, что правдивый анализ должен помочь нам решать сегодняшние наши проблемы: демократизации, законности, гласности, преодоления бюрократизма — словом, насущные проблемы перестройки. Вот почему нам нужны и здесь полная ясность, четкость и последовательность. *(Аплодисменты.)*

Честное понимание как огромных наших достижений, так и прошлых бед, полная и верная политическая их оценка дадут настоящий нравственный ориентир на будущее. *(Аплодисменты.)*

Подводя общий итог периоду 20—30-х годов после Ленина, можно сказать так: мы прошли трудный, полный противоречий и сложностей, но большой и героический путь. Ни грубейшие ошибки, ни допущенные отступления от принципов социализма не могли свернуть наш народ, нашу страну с того пути, на который она встала, сделав свой выбор в 1917 году. Слишком велик был импульс Октября! Слишком сильны были идеи социализма, овладевшие массами! Народ почувствовал себя участником великого дела, начал пользоваться плодами своего труда. Его патриотизм приобрел новое, социалистическое содержание. *(Аплодисменты.)*

И это со всей силой проявилось в суровых испытаниях Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Сегодня на Западе активно обсуждается ситуация кануна войны. Правду перемешивают с полуправдой.

Особенно рьяны те, кто недоволен итогами второй мировой войны — политическими, территориальными и социальными, кто продолжает прикидывать, как бы их подправить. Поэтому и заинтересованы в том, чтобы поставить историческую правду с ног на голову, перетасовать причинно-следственные связи, сфальсифицировать хронологию. В этом контексте прибегают к любой лжи, чтобы взвалить на Советский Союз вину за вторую мировую войну, путь для которой был якобы открыт пактом Риббентропа — Молотова о ненападении. Вопрос заслуживает того, чтобы о нем сказать несколько подробнее.

В сущности, вторая мировая война стала трагической реальностью отнюдь не 1 сентября 1939 года. Захват Японией Северо-Восточного Китая («маньчжурский инцидент» 1931—1932 годов), нападение Италии на Эфиопию (1935 год) и Албанию (весна 1939 года), германо-итальянская интервенция против республиканской Испании (1936—1939 годы), вооруженное вторжение Японии в Северный, а затем в Центральный Китай (лето 1937 года) — вот они, начавшиеся пожары второй мировой войны.

Другой вопрос, что тогда на Западе еще делали вид, будто это их не касается или касается не настолько, чтобы встать на защиту жертв агрессии. Ненависть к социализму, долговременные расчеты, классовый эгоцентризм мешали трезво осмыслить реальные опасности. Больше того, фашизму настойчиво предлагалась миссия ударного отряда в крестовом антикоммунистическом походе. Вслед за Эфиопией и Китаем в топку «умиротворения» полетели Австрия, Чехословакия, меч завис над Польшей, всеми государствами Балтийского моря и Дунайского бассейна, в открытую велась пропаганда превратить Украину в пшеничное поле и скотный двор «третьего рейха». В конечном счете основные потоки агрессии канализировались против Советского Союза, а поскольку делить нашу страну принялись задолго до войны, то нетрудно представить себе, каким ограниченным был у нас выбор.

Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же,

как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле.

СССР сделал многое, чтобы создать систему коллективной безопасности и предотвратить всемирную бойню. Но советские инициативы не встретили отклика у западных политиков и политиканов, хладнокровно рассчитывавших, как бы половчее втянуть социализм в огонь войны, напрямую столкнуть его с фашизмом.

Отверженные уже по своему социалистическому рождению, мы ни при каких обстоятельствах не могли быть для империализма правыми. Как я уже говорил, западные правящие круги, пытаясь отмыть свои грехи, стараются убедить людей, что старт нападению нацистов на Польшу и тем самым второй мировой войне дал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года. Как будто и не было ни Мюнхенского соглашения с Гитлером, подписанного Англией и Францией еще в 1938 году при активном содействии США, ни аншлюса Австрии, ни распятия Испанской республики, ни оккупации нацистами Чехословакии и Клайпеды, ни заключения в 1938 году Лондоном и Парижем пактов о ненападении с Германией. Кстати, заключила подобный пакт и довоенная Польша. Все это, как видите, вполне укладывалось в структуру империалистической политики, считалось и считается в порядке вещей.

Из документов известно, что дата нападения Германии на Польшу («не позднее 1 сентября») была установлена еще 3 апреля 1939 года, то есть задолго до советско-германского пакта. В Лондоне, Париже, Вашингтоне знали в малейших деталях подноготную подготовки к польскому походу, как знали и о том, что единственной преградой, способной остановить гитлеровцев, могло быть заключение не позднее августа 1939 года англо-франко-советского военного союза. Знало об этих планах и руководство нашей страны, поэтому и убеждало Англию и Францию в необходимости коллективных мер. Оно призывало к сотрудничеству в целях пресечения агрессии и тогдашнее польское правительство.

Но у западных держав расчет был другой: поманить СССР обещанием союза и помешать тем самым заключению предложенного нам пакта о ненападении, лишить нас возможности лучше подготовиться к неиз-

бежному нападению гитлеровской Германии на СССР. Мы не можем забыть и того, что в августе 1939 года Советский Союз стоял перед реальной угрозой войны на два фронта — на западе с Германией, а на востоке — с Японией, развязавшей кровопролитный конфликт у реки Халхин-Гол.

Но жизнь и смерть, презрев мифы, вышли на реальные орбиты. Открывалась новая глава — тяжелейшая и сложнейшая в новейшей истории. На том этапе, однако, нам удалось отсрочить схватку с врагом, таким врагом, который оставлял и себе, и противнику один выбор — победить или погибнуть.

Навязанная нам агрессия была беспощадным экзаменом на жизненность социалистического строя, на крепость многонационального Советского государства, на силу патриотического духа советских людей. И этот экзамен огнем и мечом был нами выдержан, товарищи! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Выдержан потому, что для нашего народа эта война стала Великой Отечественной, ибо в борьбе с таким врагом, как германский фашизм, вопрос стоял о жизни или смерти, о том, быть нам свободными или впасть в порабощение.

Выдержан потому, что война стала всенародной. На защиту Отчизны поднялись все: и стар, и млад, мужчины и женщины, все нации и народности великой страны. В свой первый бой вступило и поколение, рожденное Октябрем и воспитанное социалистическим строем. Невиданная стойкость и героизм на полях сражений, мужественная борьба партизан и подпольщиков за линией фронта, почти круглосуточный, неустанный труд в тылу — вот чем была для нас эта война.

Советские люди сражались и трудились, защищая Родину, социалистический строй, идеи и дело Октября. Когда в наш общий дом пришла огромная беда, советский народ не дрогнул, не согнулся — ни под ударами первых неудач и поражений, ни под тяжестью миллионов смертей, мук и страданий. С первого дня войны он твердо верил в грядущую Победу. В солдатской шинели и рабочей спецовке он сделал все, что было на пределе и сверх предела человеческих сил, чтобы приблизить этот долгожданный день. И когда на 1418-й день войны пришла Победа, весь спасенный мир вздохнул свободно, воздавая должное советскому народу — победителю, герою и труженику, его доблестной армии,

прошедшей с боями тысячи километров, каждый из которых стоил многих жизней, немалой крови и пота. *(Аплодисменты.)*

В Великую Отечественную войну во всю мощь проявился талант вышедших из глубин народа выдающихся полководцев — Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. М. Василевского, И. С. Конева, других прославленных маршалов, генералов и офицеров — тех, кто командовал фронтами и армиями, корпусами, дивизиями и полками, батальонами, ротами и взводами. В достижении Победы сыграли свою роль огромная политическая воля, целеустремленность и настойчивость, умение организовать и дисциплинировать людей, проявленные в годы войны И. В. Сталиным. Но главную тяжесть войны вынес на себе простой советский солдат — плоть от плоти народа, великий труженик, мужественный, любящий свое Отечество. Великая ему честь и вечная слава! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Миллионы ветеранов Великой Отечественной и сегодня в строю, по-боевому участвуют в делах революционной перестройки, обновления общества. Им — наша сыновняя благодарность! *(Аплодисменты.)*

Душою всех ратных и трудовых дел была наша ленинская партия. На фронте, в окопах коммунисты первыми поднимались в атаку, своим примером увлекая за собой других; в тылу последними уходили от станков, с полей и ферм. Советские люди, как никогда, почувствовали, что ВКП(б) — это их родная партия, а коммунисты на деле показывают, что значит быть авангардом народа, когда бушует пламя войны, когда вопрос стоит о жизни или смерти.

Можно с уверенностью сказать: годы Великой Отечественной войны — одна из самых славных и героических страниц в жизни самой партии, написанных мужеством и отвагой, величайшей самоотдачей и самопожертвованием миллионов коммунистов. *(Аплодисменты.)* Война показала, что советский народ, партия, социализм и Октябрь неразделимы и нет в мире сил, которые могли бы сокрушить это единство.

Социализм не только устоял и не просто одержал победу. Он вышел из самой страшной, разрушительной из войн окрепшим морально, политически, укрепил свой авторитет и влияние во всем мире.

По окончании войны недруги предрекали нам эконо-

мический упадок, выпадение нашей страны надолго из мировой политики, считали, что нам за полсотни, а то и более лет не справиться с последствиями войны. Но советский народ в кратчайшие сроки восстановил разрушенные города и села, поднял из руин заводы и фабрики, колхозы и совхозы, школы и вузы, культурные учреждения.

И вновь проявила себя великая сила социалистического государства: воля партии, движимая пониманием высших интересов родины Октября; стойкость и пролетарская мудрость рабочих, взявших на свои плечи главную тяжесть мирного преобразования индустриальной мощи страны и восстановления порушенного; самоотверженность, терпение и патриотизм крестьянства, отдававшего последнее, чтобы прокормить разоренную страну. И дружба народов, их взаимопомощь, готовность сообща, по-братски помочь тому, кто особенно пострадал, подняться тем районам общей Родины, по которым особенно тяжелым катком беспощадно прошла война.

В героизме трудовых будней нелегких послевоенных лет — источник наших достижений, экономического и научно-технического прогресса, освоения атомной энергии, первых стартов космических кораблей, роста материального и культурного благосостояния народа.

Но в это же время — время нового народного подвига во имя социализма — все более ощутимо давало себя знать противоречие между тем, каким стало наше общество, и прежними методами руководства. Продолжались злоупотребления властью, нарушения социалистической законности. Были сфабрикованы «ленинградское дело», «дело врачей». Короче говоря, недоставало подлинного уважения к народу. Люди самозабвенно работали, учились, рвались к новым знаниям, мирились с трудностями и нехватками, но чувствовали, что в обществе накапливается и тревога, и надежда. И все это захватило общественное сознание вскоре после смерти Сталина.

В середине 50-х годов, особенно после XX съезда КПСС, над страной пронесся ветер перемен, народ воспрянул, ожил, стал смелее и увереннее. Немало мужества от партии и ее руководства во главе с Н. С. Хрущевым потребовали критика культа личности и его последствий, восстановление социалистической законно-

сти. Стали рушиться прежние стереотипы во внутренней и внешней политике. Были сделаны попытки сломать утвердившиеся в 30—40-х годах командно-бюрократические методы управления, придать социализму больше динамизма, подчеркнуть гуманистические идеалы и ценности, возродить творческий дух ленинизма в теории и практике.

Стремлением изменить приоритеты экономического развития, ввести в действие стимулы, связанные с личной заинтересованностью в результатах труда, были проникнуты решения сентябрьского (1953 года) и июльского (1955 года) Пленумов ЦК КПСС. Больше внимания стало уделяться развитию сельского хозяйства, жилищному строительству, легкой промышленности, сфере потребления, всему тому, что связано с удовлетворением потребностей человека.

Словом, происходили изменения к лучшему — и в советском обществе, и в международных отношениях. Однако было совершено немало субъективистских ошибок, которые осложнили выход социализма на новый этап, а во многом и скомпрометировали прогрессивные начинания. Дело в том, что качественно новые задачи внутренней и внешней политики, партийного строительства решались нередко волюнтаристскими методами, с помощью старого политического и экономического механизма. Но главные причины неудач реформ, предпринимавшихся в тот период, заключались в том, что они не опирались на широкое развертывание процессов демократизации.

На октябрьском (1964 года) Пленуме ЦК КПСС произошла смена руководства партии и страны, приняты решения, направленные на преодоление волюнтаристских тенденций и перекосов во внутренней и внешней политике. Партия стремилась добиться известной стабилизации в политике, придать ей реалистические черты и основательность.

Мартовский и сентябрьский (1965 года) Пленумы ЦК КПСС выдвинули новые подходы в руководстве экономикой. Были разработаны и стали проводиться в жизнь хозяйственная реформа, крупные программы по освоению новых районов, развитию производительных сил. Это к лучшему изменило в первые годы ситуацию в стране. Рос экономический и научный потенциал, укреплялась обороноспособность, повышался уровень благосостояния людей. Были осуществлены

многие внешнеполитические акции, упрочившие международный авторитет нашего государства. Обеспечен военно-стратегический паритет с США.

Страна располагала большими возможностями для дальнейшего ускорения своего развития. Но для того чтобы использовать эти возможности, привести их в действие, нужны были новые кардинальные перемены в обществе и, конечно, соответствующая политическая воля. Ни того, ни другого не хватило. И даже многое из того, что было решено, осталось на бумаге, повисло в воздухе. Темпы нашего развития серьезно замедлились.

На апрельском (1985 года) Пленуме ЦК, XXVII съезде партия откровенно назвала причины сложившейся ситуации, обнажила механизм торможения нашего развития и дала ему принципиальную оценку.

Было подчеркнуто, что в последние годы жизни и деятельности Л. И. Брежнева поиск путей дальнейшего продвижения вперед во многом сдерживала приверженность привычным формулам и схемам, не отражавшим новых реальностей. Усилился разрыв между словом и делом. Нарастали негативные процессы в экономике, создавшие, по существу, предкризисную ситуацию. Возникли многие аномальные явления в социальной и духовно-нравственной сфере, которые искажали, деформировали принципы социалистической справедливости, подрывали в народе веру в нее, порождали социальное отчуждение и аморализм в разных его формах. Растущее расхождение между высокими принципами социализма и повседневной реальностью жизни стало нетерпимым.

Здоровые силы в партии и в обществе в целом все острее ощущали настоятельную потребность и необходимость преодолеть негативные явления, переломить течение событий, обеспечить ускорение социально-экономического развития страны, добиться нравственного очищения и обновления социализма.

Ответом на эту острейшую общественную потребность и явились выдвинутые апрельским (1985 года) Пленумом ЦК концепция и стратегия ускорения социально-экономического развития страны, курс на обновление социализма, которые получили теоретическое и политическое развитие в решениях XXVII съезда, последующих пленумов ЦК и оформились в генераль-

ную линию революционной перестройки всех сторон жизни социалистического общества.

Идея перестройки опирается на нашу 70-летнюю историю, на прочный фундамент построенного в Советской стране принципиально нового социального здания, соединяет преемственность и новаторство, исторический опыт большевизма с современностью социализма. Нам предстоит продолжить и приумножить дело первопроходцев революции и социализма. И мы непременно добьемся этого своим трудом, творчески используя опыт поколений, прокладывавших дорогу Октября до нас и для нас! *(Аплодисменты.)*

Товарищи! Мы идем революционным путем, а это дорога не для слабых и робких; это — дорога для сильных и смелых. Таким всегда был советский народ — и в годы величайших социальных преобразований, и в годы военных испытаний, и в годы мирного созидательного труда. Именно народ творит свою историю, свою судьбу — всегда непростую, но неповторимую и бесценную, как сама жизнь человеческая. И это стократ верно, когда речь идет об истории социализма, о продолжении дела Великой революции.

Цементирующей и авангардной силой народа был и остается рабочий класс. Еще на заре революционного движения он следовал ленинскому призыву: «Бороться за свободу, *ни на минуту* не оставляя мысли о социализме и работы над его осуществлением, подготовки сил и организации для завоевания социализма» [1]. Именно рабочий класс в союзе со всеми трудящимися совершил Великую Октябрьскую революцию, построил социализм, отстоял его в тяжелейших схватках с врагом. Все перенес, все испытал и все выдержал! Он и сегодня — в авангарде развивающегося социализма, революционной перестройки. Слава ему и великая честь! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Наша ленинская партия возникла и развивалась как боевой, активный отряд рабочего класса. От него она впитала могучую силу уверенности, твердости, дисциплинированности, стойкости в борьбе за идеалы социализма, мудрое и гуманное понимание жизни. И теперь, будучи партией всего народа, она сохраняет эти лучшие черты атакующего и созидающего класса. Се-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 283.

годня и на всех этапах истории социализма! *(Аплодисменты.)*

Главный, определяющий смысл нашей истории заключается в том, что все 70 лет наш народ жил и трудился под руководством партии во имя социализма, во имя лучшей и справедливой жизни. Это — судьба народа-творца, народа-созидателя! *(Аплодисменты.)*

Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М., 1987. С. 4—30.

Основные этапы развития советского общества

«Круглый стол» журнала «Коммунист»

Подходя к 70-летнему рубежу своей социалистической истории, мы все чаще и пристальнее всматриваемся в пройденный страной путь, вникаем в сущность отшумевших событий, стремимся по достоинству, руководствуясь законами правды, оценить и достижения, и ошибки. «Каждое поколение советских людей внесло свой вклад в развитие, укрепление и защиту завоеваний Октября,— отмечал на июньском (1987 год) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев.— Мы по праву гордимся своей историей, уверенно смотрим в будущее».

История социалистического Отечества — неисчерпаемое «проблемное поле» для исследователей. Многое здесь сделано. Однако в историографии накопилось и немало вопросов, есть еще «белые пятна», незаслуженно забытые события и имена. Историческая наука постепенно отходит от бесстрастного «описательства», повторения старых схем и стереотипов. Возникает настоятельная необходимость глубже осмыслить исторический опыт, обогатить им нынешнюю социальную практику. Об этом сейчас много говорят, спорят ученые, и отнюдь не только историки, высказывая самые различные суждения. Именно эти обстоятельства и побудили редакцию пригласить ученых, специализирующихся по проблемам отечественной истории советского периода, обменяться мнениями за «круглым столом», ответить на предложенные вопросы.

В дискуссии приняли участие академики АН СССР **И. И. МИНЦ**, **М. П. КИМ**, **А. М. САМСОНОВ**, член-корреспондент АН СССР **Ю. А. ПОЛЯКОВ**, доктор исторических наук **В. З. ДРОБИЖЕВ**, кандидат исторических наук **В. А. КОЗЛОВ**.

Материалы «круглого стола» подготовили сотрудники редакции «Коммуниста» **С. КОЛЕСНИКОВ** и **С. ХИЖНЯКОВ**

Октябрь и перестройка

Мы говорим сегодня о родстве Октября 1917-го и наших дней — времени перестройки, революционного обновления. В чем сходство этих периодов, исторических ситуаций, их преемственность и каковы их различия, особенности? Подчеркивая революционный характер происходящих в обществе перемен, мы должны рассматривать идущие процессы с точки зрения историзма, правильного осмысления исторического опыта. В. И. Ленин считал необходимым различать в уроках прошлого «два наследства» — то, что мы берем в завтрашний день, и то, от чего отказываемся. Как решается эта проблема применительно к последним десятилетиям нашей социалистической истории?

И. И. МИНЦ

— Когда я читал Обращение ЦК КПСС к советскому народу, мне невольно вспомнилось ленинское обращение «К гражданам России!» 25 октября 1917 года.

Казалось бы, 70 лет прошло, какая тут связь? Думается, самая тесная. Владимир Ильич провозглашал тогда переход к социалистическому строительству, называл примерные этапы развития. А нынешнее Обращение ЦК, и об этом четко сказано, касается восстановления и совершенствования именно ленинского облика социализма, ленинских принципов его развития. Я вижу тут сходство через преемственность. Мы продолжаем, и это тоже подчеркивается в Обращении ЦК, Октябрьскую революцию в наших делах сегодня.

Конечно, есть и очень серьезная разница в обстановке — ведь 70 лет минуло. Различие состоит прежде всего в том, что в Октябре 1917-го мы брали власть, то есть власть переходила в руки нового класса,— и это главный признак революции. В наше время речь не идет о власти, но методы, формы, подходы к решению многообразных общественных задач столь же революционны.

В Обращении ЦК с гордостью говорится, что мы ни в коей мере не отказываемся от достигнутого за семь десятилетий. Это для нас остается нерушимым. Мы вовсе не разрушаем, а перестраиваем. И поэтому из прошлого берем все то, что улучшает, ускоряет нашу работу, что продвигает нас вперед. Но мы отказываемся от негативных наслоений, от сложившихся неправильных представлений, субъективных оценок, недостатков и ошибок — словом, от всего того, что мешает укреплять социалистическое общество. И сохраняем основное в строительстве, в развитии социализма, а именно — наше поступательное движение.

Ю. А. ПОЛЯКОВ

— Сравнивания 1917 год и 1987-й, надо идти, конечно, не по пути формальных аналогий. Они всегда условны. Все-таки задачи другие, совершенно иная эпоха, формы, методы, действия масс тоже другие. Преемственность — это действительно главное. Продолжение революционных завоеваний, реализация революционных целей Октября. Я бы сказал так: в 1917 году надо было с боем вступить на дорогу социалистических преобразований. Далее шли по неизведанному пути. Трудности очевидны. Прошли много, но сбавили темп, появились очень серьезные сбои. И сейчас мы снова двинулись вперед, многое кардинально меняя, набирая скорость. Сравнивать можно 1917 и 1987 годы,

сравнивать масштабность целей и задач. Главное здесь — активность широких масс. Победа Октября была бы невозможна без энергичных, самоотверженных действий рабочих, солдат, крестьян. Успех перестройки невозможен без самых активных действий рабочих, интеллигенции, крестьянства. В Октябрьской революции основной задачей было, как подчеркивал Ленин, поднять «наинизшие низы к историческому творчеству». И сейчас главное — активизация человеческого фактора.

В. А. КОЗЛОВ

— Сегодняшняя жизнь требует от нас даже применительно к истории Октября, казалось бы, давней истории, несколько иного взгляда. Что я хочу сказать? Революционный скачок всегда имеет какие-то свои общие, фундаментальные закономерности. У него есть и своя психологическая сторона. В условиях революционных перемен обычно активизируются утопические формы сознания, ориентация на спрямленные действия и т. д. Мы это имели после Октября, мы это наблюдаем в какой-то мере в массовом сознании сегодня. Как это происходит и почему? Могут историки на этот вопрос ответить? Нет. Ответить не можем, можем только его сформулировать.

В свое время Ленин говорил о трудности перехода от периода «митингования» к повседневной работе. Почему всегда так трудно? Почему перестройка на уровне психологической раскачки после апрельского Пленума шла хорошо, в общем-то подъема морально-психологического мы добились. И почему так трудно переходит она теперь в плоскость практических дел? На примере Октября это тоже можно было бы уже — через общесоциологический механизм — показать. Показали? Нет.

Дальше: острейшая проблема — психология перегиба, которая нередко сопровождает революционные действия. Знаем мы что-либо о такой психологии, кроме самого общего, кроме цитат из работ Ленина, который предупреждал об опасности этого? Мы не знаем социально-психологических и социологических закономерностей подобных явлений.

Известно положение Энгельса: революция — самая авторитарная вещь на свете. А что это значит, имея в виду нашу революцию, нашу перестройку? Где кончает-

ся проблема авторитета и возникает, допустим, проблема «вождизма» в переходный период? Что означает проблема авторитета применительно к сегодняшней перестройке? Это, я думаю, вопрос о лидерах на уровне каждого коллектива.

Еще об одной проблеме хотел бы сказать в связи с опытом революции и его значением для наших дней. Уже в первые послеоктябрьские годы обнаружился целый ряд очень интересных организационно-хозяйственных находок, смысл которых мы до сих пор недооценили. Ну, например, известный проект Ларина о коллективном рабочем снабжении, введенный в порядке эксперимента в 1921 году. Затем как-то это было все свернуто, хотя дало экономический эффект. А ведь проект коллективного рабочего снабжения, если его перевести на денежные формы оплаты (там были натуральные), по сути дела — первая форма коллективного подряда, когда паек выдавался в зависимости не от количества работников, а от конечного результата, выполнения производственной программы. Идея начинает реализовываться одновременно с введением нэпа и... не пошла. Вопрос в том, почему не пошла.

Существует мнение, что в первые годы Советской власти в госпромышленности действовал полный хозрасчет. Если говорить честно, эту проблему мы мало изучали. Для меня лично, как я сужу по литературе, то был так называемый «трестовский» хозрасчет, а это значит, что он не доходил не только до рабочего места, но даже до каждого конкретного предприятия.

В оценке нэпа мы берем одну сторону ленинского положения о том, что он строится не на энтузиазме непосредственно, а на хозяйственном расчете, на личном интересе. А что значит энтузиазм как элемент хозяйствования при нэпе? На этот вопрос мы ответа не знаем — ни историки, ни экономисты.

М. П. КИМ

— Преемственная связь между Октябрем и современным этапом состоит, конечно, не в том, что ситуационно мы имеем обстановку, аналогичную той, что была в период Октября, здесь не может быть какого-либо сравнения по обстановке, реальной действительности. Речь идет о том, что дух Октябрьской революции, ленинского понимания задач и идей Октября, дух творчества перекликается с нашим подходом к нынеш-

ним задачам, задачам коренной перестройки. По духу это — перестройка революционная и творческая. И здесь — прямое продолжение того, что было в Октябре, в период после Октября, на этапе непосредственного участия Ленина в жизни нашей партии — тот этап был наиболее плодотворным, могучим в творческом плане. После Ленина творческое мышление нашей партии, творческое развитие марксизма-ленинизма не получили необходимого размаха и даже, я бы сказал, испытывали определенный спад. Это связано с тем, что ленинизм был понят несколько своеобразно и не все, что Ленин выдвигал, ставил, мы помнили, а кое-что и предавали забвению, даже искажали, отступали, нарушали. Вот почему сейчас нужно в полной мере восстановить ленинский творческий дух в нашем мышлении, в нашем историческом исследовании.

Если говорить о том, от чего надо отказаться, а что надо продолжать, то, конечно, продолжать надо все достигнутое творчеством народных масс под руководством партии и освободиться от тех негативных явлений, которые имеют место в нашей жизни.

Думаю, переосмысление того, что было,— явление для исторической науки совершенно естественное, ибо история не может не возвращаться к раз уже данным оценкам прошлых фактов по истечении времени. Во-первых, потому что сама жизнь обнаруживает новые следствия того, что было, а во-вторых, наши знания об обществе, к сожалению, во многих отношениях аксиоматичны. На мой взгляд, наш разговор в этом плане для историков имеет значение, поскольку нам надо сегодня поактивнее развернуться, сказать что-то новое в нашей науке.

Подчеркну еще раз: надо от всех наслоений, искажающих ленинизм, ленинский дух, освободиться и продолжить дальше то, что свойственно ленинизму как учению живому и творческому.

ВОПРОС: А что конкретно вы бы отнесли к таким наслоениям?

М. П. КИМ

— К этому, вообще говоря, можно отнести немало. Ленин считал: историю нужно изучать объективно-исторически, учитывать то, что наша страна была первой страной социализма. Возьмем, к примеру, проблему соотношения общечеловеческого и классового, проблему

противостояния капитализма и социализма. Мы несколько упрощенно понимали этот вопрос до сих пор. Ленин же подчеркивал, что общечеловеческое и социалистическое имеют внутреннюю связь: в общечеловеческом есть то, что социализм должен перенять и продолжить, освободив его от всего того, что было обусловлено классово-эксплуататорской идеологией, системой в антагонистических формациях. А некое абстрактное противопоставление социализма и общечеловеческого привело к тому, что мы несколько ослабили позицию социализма в борьбе за мировую цивилизацию, в отношении того, что было ценного во всем человеческом развитии.

Когда мы шли на революцию, капитализм главным образом отрицали, была задача разрушительная. А когда победили, надо было уже решать вопрос о том, что из капитализма взять на вооружение, каким образом все то ценное, что было в нем как продолжение человеческой цивилизации, воспринять, применить и умножить. Ленин, например, говорил о том, что надо тейлоризм использовать в полной мере для развития производительных сил нашего общества. А у нас было явное пренебрежение к буржуазной технике, к буржуазной науке! И вот такое абстрактное противопоставление социализма капитализму привело к ослаблению нашей позиции, к умалению тех исторических потенций, которые могли бы быть у рабочего класса и социализма при правильном, критическом освоении всего ценного, что было и есть в капитализме.

Ленин учил исследовать историю объективно-исторически — не улучшать и не ухудшать. Это, как известно, всегда повторяли и мы. Но одно дело — повторять, а другое — делать. В действительности мы, отступая в освещении истории от ленинской установки, селективно подходили к событиям, к фактам. То есть были факты, которые надо изучать, надо освещать, надо воспевать, а факты, которые не отражали триумфального шествия, успеха, предавались забвению, их обходили. Вот такой селективный подход к проблемам исследования — один из самых существенных недостатков в наших исторических исследованиях. Поэтому некоторые проблемы остались совершенно не изученными и правильно не оцененными.

А возьмите проблему некапиталистического пути развития отдельных народов нашей страны! Мы изобра-

жали этот процесс в этаком романтическом свете, только как великое достояние революции, как «плюс» революционного процесса. Между тем это был вопрос очень сложный, который затруднял в чем-то наше развитие, вызывал иногда серьезные коллизии, противоречия в наших общественных, прежде всего в национальных, отношениях. Мы сейчас говорим о том, что в Средней Азии и некоторых других республиках мы ведем политику, связанную с ликвидацией последствий трайбализма как принципа движения кадров по признаку родоплеменных отношений, или непотизма — по признаку семейно-земляческих и тому подобных связей. А разве трайбализм возник у нас только в 70-е годы? Разве родоплеменные отношения не влияли на расстановку кадров, их выдвижение и использование еще задолго до 70-х годов? А мы эти вопросы обходили, не говорили о них, считали, что это связано с некоторыми особенностями национальной культуры и быта, были склонны думать, что все это задачи буржуазно-демократической, не социалистической революции. Но характер революции определяется не тем, что отрицается, а тем, что во что превращается. И если добуржуазные отношения мы преобразуем в отношения социалистические, то это относится к задачам социалистическим, а не к буржуазно-демократическим. Невнимание к этому привело к серьезным упущениям в наших исторических исследованиях.

Вообще историю мы изображали несколько схематично, упрощенно, и поэтому последствия достаточно серьезные. История коллективизации — тому пример. То, что требовался ускоренный срок коллективизации, еще можно как-то объяснить опасностью внешней, опасностью назревавшей войны. Но в пределах этого общего ускоренного срока можно было проводить коллективизацию менее болезненно, с полным соблюдением ленинских требований, ленинских принципов объединения крестьян в крупные коллективные хозяйства. С соблюдением принципа добровольности, с должной организационной подготовкой. Шолоховских Давыдовых было вообще очень мало, и таких людей, которые могли бы сразу руководить крупными хозяйствами и колхозами, мы не воспитали. Не была создана и необходимая материально-техническая база. И психологически мы не подготовили в достаточной степени крестьян к

этому. Так что историю коллективизации тоже надо серьезно исследовать.

В. З. ДРОБИЖЕВ

— От какого же наследства мы отказываемся? Тут уже говорилось о многом. Думаю, нам надо еще отказаться от такого очень неприятного наследства, как «фигура умолчания». Мы привыкли умалчивать о том, что было в прошлом. Мне представляется, что «фигура умолчания» характерна для нас еще и сегодня. Она, эта позиция, сложилась с репрессиями периода культа личности: вычеркнули кого-то из списка живых — вычеркнули и из действующей истории. А что наблюдается сейчас? Мы живем так, как будто Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев не возглавляли ЦК партии на протяжении ряда лет. А к своему собственному прошлому так подходить нельзя. Нельзя превращать нашу историю в сплошную цепь ошибок и преступлений. Если прочитать некоторые работы публицистического характера, то невольно задаешь себе вопрос: а как же страна из отсталой превратилась в передовую? А ведь это 70 лет героической истории нашего народа.

К деятельности, скажем, Н. С. Хрущева относиться только с одними негативными оценками, думается, нельзя. Мы привыкли красить все одним цветом — черным или белым. Жизнь более многослойна и многоцветна. Взять реформы 60-х годов. Известны дискуссии, которые начались в «Правде» с 1961 года. Задумано было очень интересно. Почему не вышло? Если встать в позу судьи и лишь черной краской мазать, то, по-моему, так мы историю никогда не восстановим и авторитет исторической науки не поднимем.

Мне кажется, что главное условие успеха в развитии нашей науки заключается в том, чтобы отказаться от «фигуры умолчания», перейти к всестороннему анализу фактов, не шарахаться из стороны в сторону.

По ступеням социалистической истории

Оглядываясь на 70-летний путь, пройденный Советской страной, отдаляясь от исходного рубежа ее истории — Октября 1917-го, отчетливее, выпуклее видишь ступени восхождения общества по пути социального прогресса, становления коммунистической формации. Идет непрерывное уточнение наших знаний об этом процессе. На-

сколько точно соотносятся общепринятая логическая схема основных этапов развития социализма в СССР и реальная логика исторических фактов, осмысление которых выходит ныне на новый, более высокий уровень? Партия призывает к устранению из послеоктябрьской истории страны, истории партии «белых пятен», необоснованных умолчаний. Каково мнение историков о «лакунах» в нашей историографии, о неизученных и малоисследованных проблемах?

М. П. КИМ

— В этой связи хотелось бы сказать: нам надо создать научную периодизацию истории советского общества. Это, конечно, не самый главный вопрос всей исторической науки, но без научной периодизации не бывает научной истории. Периодизация, существовавшая до сих пор,— совершенно ненаучна. Она, к сожалению, имела всеобщее распространение, потому что была дана в учебнике по истории партии, который на первых порах сыграл позитивную роль, но в последнее время, особенно в главах, раскрывающих современную историю, перестал соответствовать реальной логике фактов. Возьмите периодизацию, представленную в его издании 1985 года. Вы увидите: конец переходного периода — и начинается полоса завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Позвольте, такая полоса даже для сегодняшнего дня — дело будущего. Учебник же основывается на том, что так написано в резолюции XVIII партийного съезда. А ведь это находится в вопиющем противоречии с реальностью, с жизнью, и мы уже на этом основании отвергли идею наступления этапа строительства коммунизма в развернутом виде, которая определяла периодизацию истории с конца 50-х до середины 60-х годов. После этого согласно принятой тогда периодизации с начала 60-х годов начинается история развитого социализма. Тоже забегание вперед.

Думаю, сейчас нужно дать новую периодизацию. Начать с того, что выделить в прошедшем семидесятилетии наиболее крупные рубежи. 70 лет — это для истории нашей страны, истории, насыщенной богатым содержанием, темпами, и в смысле того, что мы пережили и сделали,— срок достаточно большой. А затем уже внутри этих крупных периодов, или эпох, обозначить частные этапы.

Полагаю, что следует выделить три крупных рубежа в семидесятилетней истории советского общества, истории становления и развития социализма. Во-первых,

переходный от капитализма к социализму период, в течение которого идет процесс становления социализма (или создания основ социализма, или построения социализма в основном). Дальше наступает период завершения строительства социализма с выделением этапа его полной и окончательной победы. Этот период я начинаю с Великой Отечественной войны и завершаю 1985 годом. Ибо новым, третьим рубежом является, безусловно, современный период, нынешний поворот, перестройка, которая положила начало новой крупной эпохе в истории дальнейшего развития социализма, постепенного перехода к коммунизму.

Может вызвать возражение, почему переходный период я удлиняю до начала войны. Если мы признаем с вами войну рубежом, второй «точкой отсчета» после Октябрьской революции, все то, что было до войны, надо отнести к предыдущему периоду, периоду перехода. В том, что война есть второй крупный рубеж, с которого начинается новый крупный период, убеждает следующее. Если Октябрь — это была борьба, гражданская война рабочего класса и крестьянства против помещиков и капиталистов внутри страны, за социализм, то здесь уже социализм, реально построенный, вступил в схватку с империализмом, с его ударной силой. Считаю, что отстоять социализм построенный столь же важно, как и построить социализм.

Есть еще очень важный внешний аспект: при периодизации второй период нужно связывать с образованием мировой системы социализма. Поэтому и в плане международном, и в плане истории судеб мирового социализма и развития нашей страны война — это, конечно, начало нового этапа (1945—1965 годы), который я бы назвал этапом полной и окончательной победы социализма.

Что касается современного периода, думаю, всесторонне оценить его значение нам пока трудно. Но жизнь уже показывает, с насколько серьезным, поворотным рубежом в жизни нашего общества мы имеем дело.

В пределах этих трех крупных периодов можно выделить и ряд внутренних этапов. Это — Октябрьская революция, гражданская война, и в связи с тем, что в эти годы осуществлялась особая экономическая политика — военный коммунизм, его тоже надо рассматривать отдельно. Далее выделяю первый, или начальный,

этап нэпа (1921—1927 годы). Мне возражают: если говорить о начальном этапе, надо говорить и о последующих. Но дело в том, что нэп, по моему убеждению, лишь до 1927 года функционировал в том духе, в каком его понимал Ленин. На базе экономических отношений взаимодействие между рабочим классом и крестьянством служило основой этой политики с допущением вначале капитализма и госкапитализма, а затем с 1928 года, когда мы приступили к реконструкции народного хозяйства, перешли к развернутому строительству социализма, наступлению по всему фронту, нэп сильно деформировался. Он перестал существовать в тех пределах, тех рамках и нормах, какие предусматривал Ленин. Метод экономического взаимодействия между крестьянством и рабочим классом был заменен методом директивно-административным с отменой экономических рычагов воздействия на этот союз. Далее я выделяю 1928—1941 годы — этап развернутого социалистического строительства, который завершился построением социализма в нашей стране.

ВОПРОС: Вы определили период 1921 — 1927 годов как первый этап нэпа. Само обозначение границы между 1927—1928 годами представляется достаточно точным. Но вот основанием для этого вы назвали переход к развернутому строительству социализма, то есть совершенно объективный процесс, полностью обусловленный. Можно ли все-таки сводить причины изменения экономической политики, которое действительно произошло и началось в 1928 году, только к объективно обусловленным причинам или все-таки здесь были какие-то субъективистские отклонения?

М. П. КИМ

— Тут надо иметь в виду не только взаимоотношения между крестьянством и рабочим классом, хотя это главный вопрос, но и другие вопросы — и проблемы индустриализации, и проблемы заработной платы рабочих. Мы начали говорить о том, что после 1928 года вместо экономического стимулирования, экономического фактора действовали внеэкономические факторы, вроде бы восстановление чуть ли не продразверстки периода военного коммунизма, натурализации. Но никакой натурализации в промышленности не было, система зарплаты не отменялась, и военный коммунизм, продразверстка и натурализация, скажем, в связи с обязательными госпоставками колхозами — это вещи все-таки разные. Поэтому, думаю, говорить о полном возврате к периоду продразверстки, военному комму-

низму не приходится. Нэп исчерпывает себя, я считаю, в начале 30-х годов — 1932—1933 годах, если иметь в виду ленинское положение о том, что назначение нэпа — это социалистическое преобразование крестьянства, построение фундамента социалистической экономики.

И. И. МИНЦ

— Насколько точно соотносятся общепринятая логическая схема основных этапов развития и реальная логика исторических фактов? Я бы подошел к ответу на этот вопрос с другой стороны. А именно: мы добились огромных успехов, у нас нет эксплуатации человека человеком, нет эксплуатации одного народа другим, нет безработицы и т. д. Мы предлагаем всему миру альтернативу, выход из того тупика, в который заводит человечество империализм. И мне кажется, что этой точкой зрения надо руководствоваться в пересмотре периодизации при подготовке новых учебников по истории. У нас в Институте истории СССР начато такое обсуждение. Но мне хотелось бы подчеркнуть, что на первое место нужно поставить вопросы нашей действительности, нашего строительства. Я бы разделил всю советскую историю на три больших периода: первый — победа социализма в СССР; второй — превращение социализма в мировую систему (сюда войдет и Великая Отечественная война); третий период — это наша современность как продолжение дела, начатого Октябрем.

Насчет «белых пятен» в истории нашей страны. Их, конечно, много. Но нужно различать «белые пятна», образовавшиеся в силу отсутствия материала или интереса к нему, и «белые пятна», когда сознательно вычеркивались или опускались отдельные проблемы. Первые из них «в один присест», разумеется, ликвидировать невозможно. Тут можно подумать: чего мы до сих пор не касались, о чем не говорили,— это длительный процесс. Вторые — те, что явились результатом сознательного начала, в силу политических событий в нашей стране,— тоже надо пересмотреть, но пересмотреть чрезвычайно осторожно. Я бы поставил такой, например, вопрос: наши противники сейчас главным образом пишут об истории Советской власти конца 30-х годов, тщательно избегая предыдущих. Исключительно об этом! Нужно ответить, показать, что история Советской власти начинается не

с 30-х годов, а с 1917-го. Ставят вопрос об именах: правильно, надо восстановить имена, но только упоминание их не значит, что мы всех оправдаем. Мы оправдаем только тех, кто был ложно обвинен. Разве можно выбросить из истории тот вред, который нанес Троцкий, и не только в брестские дни, а и дальнейшей своей деятельностью?

Ю. А. ПОЛЯКОВ

— Вопрос о ликвидации «белых пятен» очень сложный. Но надо конкретизировать: «белые пятна», как здесь отмечалось, разные. Есть зоны закрытые, которые были вне изучения. Это одно. И документов исследователям не давали. Скажем, тема борьбы с бюрократизмом — казалось бы, просто. Но ведь эта тема была практически закрыта, несмотря на всю опасность бюрократических извращений для нормальной жизнедеятельности партии и общества. Есть, и это тоже можно отнести к «белым пятнам», проблемы, изучавшиеся поверхностно, односторонне и поэтому превратившиеся в «белые пятна», в научную «лакуну». И, наконец, есть проблемы, которые считались аксиоматическими, а на деле требуют пересмотра. Их можно причислить к «белым пятнам».

В. З. ДРОБИЖЕВ

— Думаю, что у нас «белых пятен» необычайно много. Я бы назвал несколько из них. Первое: 30-е годы, их мы практически не изучаем. А ведь это такой этап истории страны, когда закладывались не только наши достижения, но и многие последующие негативные тенденции нашего развития и то, что давало ростки потом. 30-е годы остались за гранью нашего исследования. Мы так привыкли к «штурмам» и «штормам», а вторая пятилетка — ни штурма, ни шторма, в предвоенные годы другие проблемы вставали, и мы просто 30-е годы упустили из поля зрения.

Вторая проблема — это проблема истории теоретической мысли нашей партии. Тут говорилось о том, что теоретическая мысль, ее развитие были свернуты. Это, безусловно, так, я согласен. И все-таки было и много интересного. Но мы, вычеркнув из истории и В. М. Молотова, и Н. С. Хрущева, не вычеркнув, но и не изучая как следует работы С. М. Кирова, Ф. Э. Дзержинского, Н. А. Вознесенского, представляли себе теоретическую

мысль как набор нескольких положений. Кто конкретно участвовал в разработке тех или иных вопросов? Как шло накопление теоретических знаний? Каков был механизм выработки партийных решений? Все это — за кадром исторического исследования.

Один из очень существенных вопросов, как мне представляется,— социальная динамика советского общества. У нас тысячи работ по рабочему классу, крестьянству, немного — по интеллигенции, но из работ по рабочему классу я не могу назвать ни одной, которая привлекла бы внимание массовой аудитории. К сожалению, многотомная история советского рабочего класса, готовящаяся Институтом истории СССР, издается мизерным тиражом, и непонятно, на кого рассчитана. То есть это не фундаментальная монография и не обобщающее исследование, имеющее общественно-политическое звучание. А тут накопилось огромное море вопросов. Вопрос о границах рабочего класса. Мы под рабочим классом по-прежнему понимаем только промышленных рабочих, то есть совсем не так, как обстоит дело в современном мире. Вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства сведен в наших трудах к проблеме рабочего шефства над деревней. В сравнении с ней, пожалуй, только история профсоюзов может быть более скучной. Крайне неинтересные книги. А между тем это необычайно острая проблема, которая сейчас приобрела новое звучание. Рабочий класс изменился по своему составу, он пополнился миллионами людей из деревни. Кто пришел из деревни? Как деревня повлияла на город? Не следует ли искать социальные корни культа личности в этой мелкобуржуазной стихии, захлестнувшей город? Ведь в город приходил не только крестьянин-труженик, но и крестьянин, часто озлобленный ошибками, допущенными в ходе коллективизации.

Еще один вопрос, который мне хотелось бы поставить. Это демократия и бюрократизм. Как формировался бюрократизм на почве советской демократии? Исключительно интересный вопрос. Мы занимаемся сейчас изучением состава Советов, делегатов съездов местных Советов. Вы знаете, любопытные наблюдения. В 20-е годы сменяемость Советов была минимальной. В 30-е годы она резко возрастает. Внешне очень демократично: съезды Советов обновляются на треть. За счет кого? За счет рабочих и крестьян. Рабочий от

станка, крестьянин от плуга. Но механизм, руководящий съездами Советов,— члены ЦИК, наркомы, члены коллегий наркоматов постоянно одни и те же. Происходит, таким образом, становление механизма разделения власти и управления. Это весьма любопытный процесс.

А. М. САМСОНОВ

— Хотел бы обратить внимание на общую тему нашей встречи: основные этапы развития советского общества. Мое мнение — вопросы периодизации играют подчиненную роль в изучении исторического процесса. Это очень важные вопросы, но не они в конечном счете определяют успех или неудачу исследования. Здесь уже предлагались варианты периодизации от 1917 года до наших дней. Я лично считаю, что периодизация может сложиться в три основных периода. Это Октябрь и гражданская война, затем период строительства социализма и, наконец, Великая Отечественная война и послевоенный период. Каждый из них соответственно должен делиться на этапы. Могут быть и иные варианты. Проблема заключается в том, как раскрывается история прошлого в советской историографии, какие здесь имеются достижения, какие недостатки, пороки, что мешает успешному развитию исторической науки.

Думаю, мы не должны забывать и о самокритике. Пока что здесь еще не было сказано, что наша историческая наука, как, впрочем, и другие общественные науки, подверглась весьма суровой и очень справедливой критике. История отстает от тех задач, которые стоят перед обществом, и мы это чувствуем в нашей непосредственной работе. Надо говорить о недостатках. Вот почему сейчас, когда идет перестройка, революционная перестройка общества,— именно в этом я вижу сходство наших дней с днями Октября: в революционном подходе к решению тех задач, которые поставлены перед народом, перед деятелями науки, в частности,— не останавливаясь перед застывшими формами, стереотипами, надо говорить, высказывать смело то, что есть на самом деле.

И тут возникает вопрос: а что порождает такие явления, как, например, общество «Память»? Естественно, у людей, особенно у молодежи, у общества вообще, огромная потребность в понимании и того, что происходит, и того, что происходило. Плохо только, если хо-

рошее дело попадает в руки политических экстремистов. Надо удовлетворить здоровую потребность людей в том, чтобы знать и понимать свою историю, надо говорить в полный голос, говорить откровенно, не боясь того, что о нас подумают, к примеру, за рубежом, используют, может быть, что-то для критики в наш адрес. Поэтому считаю, что наиважнейшая проблема, которая стоит перед нами в условиях перестройки,— это правда истории.

В. А. КОЗЛОВ

— Нам нужно определить какие-то принципы периодизации, в пределах которых могло бы осуществляться дальнейшее движение науки. Здесь все понятно. Но есть и другое настроение, достаточно широкое среди историков, когда предлагается: давайте создадим комиссию, выработаем периодизацию, выскажем определенные рекомендации. Потом догматически мыслящим историкам легко будет писать эту историю. А что делать тем, кто пытается писать ее творчески? Вот один пример. Сейчас подготовлена книга по проблемам целесообразной деятельности людей в условиях строительства социализма. И в процессе работы над ней выявилось несколько критических моментов советской истории, которые ни в какую периодизацию не укладываются и никоим образом в ней не фиксируются. И, я боюсь, найдется среди историков какой-нибудь «прокруст», который будет действовать естественным для «прокрустов» способом — хирургическим: не входит, мол, в периодизацию.

Мы почему-то решили, что все наши проблемы состоят в том, чтобы дать новые оценки. Но ни разу не поставили вопроса о том, на каких основаниях, на каких подходах будем эти оценки давать. Традиционная схема исторического обобщения — от академического многотомника до школьного учебника — устарела катастрофически, и косметические способы ее лечения ни к чему не приведут. Эта схема сложилась в 30-е годы, когда у нас существовали определенные приоритеты в развитии общества (на первом месте — индустриализация и т. д.). Это определяло и саму организацию материала. Сейчас мы говорим: нужно искать какой-то новый подход. На страницах «Коммуниста» справедливо писалось о том, что подходы надо искать вокруг человека. Это означает поиски иной формы организации

и подачи материала. Образно говоря, у нас был естественно-исторический подход, а теперь нужен подход деятельностный, то есть показ истории через целесообразную деятельность людей. И вот тогда, я глубоко убежден, не две тысячи, а 200 тысяч будет тираж у наших книг, поскольку нет ничего более интересного для человека, чем сам человек. И если в истории появится живой человек с его психологией, интересами, надеждами и заботами, предрассудками и заблуждениями, то эта история будет совершенно иной. Наша же схема ничего этого не учитывает.

Мы, в частности, боимся браться за проблемы перехода к сплошной коллективизации, поскольку не умеем анализировать альтернативные ситуации и процессы выработки политических решений. Мы, историки, принимаем политическое решение за некую данность, а дальше в чисто провиденциальном духе говорим о том, как его выполняли. Между тем источник движения заключен в моменте выработки решения, когда совершается поворот. Таким образом, мы теряем этот источник движения, он проваливается в «стыки» между периодами, и, в общем, диалектика «не работает».

М. П. КИМ

— Хочу дать ответ на соображения В. А. Козлова. Я уловил в них несколько нигилистическое отношение к самой периодизации. Надо, мол, исторический процесс рассматривать как деятельность людей без всяких особых этапов, периодов, ибо они вроде бы будут сковывать объективное историческое исследование событий. Тут может быть расхождение между общей периодизацией всей истории общества и периодизацией истории в отдельных сферах. В каждой сфере, в каждом направлении возможны свои темпы, свои сроки. Но это не исключает того, что общую периодизацию все-таки надо давать, имея в виду стержневое и главное в этом процессе — способ производства, взаимоотношения классов и т. д. А частные отклонения в отдельных сферах, конечно, могут быть, это не помеха.

В. А. КОЗЛОВ

— Периодизация нужна, но она должна быть результатом новых исследований, а не какими-то рамками, в которые мы себя ставим. Есть и определенный историографический фон, на который ляжет дискуссия

о периодизации, фон, способный деформировать правильно и верно предложенные вами идеи. Я этого боюсь.

М. П. КИМ

— Разные мнения по вопросам периодизации часто объясняются тем, что налицо тенденция делать рубежом, концом переходного периода 1956 год, связывая это с разоблачением культа личности, известным постановлением ЦК. Конечно, в определенной степени, когда мы трактуем вопросы, скажем, о роли личности, нарушении ленинских норм жизни, восстановлении их, это допустимо. Но в истории советского общества в целом объявлять 1956 год рубежом, концом переходного периода никакого научного основания, я считаю, нет. Поэтому вопреки тому, что по отдельным направлениям, сферам жизни есть свои частные этапы периодизации, все-таки нужна общая периодизация в истории общества, в основе которой должны лежать изменения в способе производства, классовой структуре общества, в политике и т. д.

Ю. А. ПОЛЯКОВ

— Мы сегодня должны решать общие проблемы, а не сосредоточиваться на каких-то узких вопросах.

А. М. САМСОНОВ

— А репрессии 30-х годов — узкий вопрос?

В. З. ДРОБИЖЕВ

— Я поддерживаю Максима Павловича в его настойчивости в дискуссии о периодизации. Для нас периодизация — это не просто итог исследования, это и его инструмент. Если нет периодизации, то это затрудняет само исследование. Кроме того, если сотрудники академического учреждения могут откладывать решение вопроса о периодизации в долгий ящик, то нам, преподавателям, делать этого нельзя, мы должны к следующему году прийти с новой учебной программой. Вот почему этот вопрос очень важен и с точки зрения научной, и с точки зрения преподавательской.

Хотел бы высказать несколько мыслей по вопросу о периодизации. Я бы все-таки переходный период сохранил так, как он у нас был: до середины 30-х годов. Потому что и решения партии, и весь фактический материал, анализ экономики, социальной структуры

общества показывают, что социализм был построен в основном к середине 30-х годов, это, наверное, и есть завершение переходного периода. Поддерживаю тех товарищей, которые предлагают считать рубежом середину 50-х годов. Тогда и в плане экономическом, и в плане социальной структуры рабочий класс достиг половины занятого населения, произошли большие изменения в структуре крестьянства, интеллигенции; и в политическом плане это рубеж — рубеж весьма существенный. С середины 50-х годов я бы говорил о третьем периоде, который продолжался до 1985 года включительно. С 1986 года начинается действительно новый этап, этап борьбы за обновление социализма.

Есть соображения по периодизации внутри этих периодов, но это уже особая статья. В целом, мне представляется, проблема периодизации нуждается сейчас во всестороннем обсуждении, но не так, как это было сделано в ходе разработки программ по истории партии, когда келейно все решили, издали программы, и теперь учебный процесс строится в соответствии с периодизацией, утвержденной Минвузом.

История и историки

Историческая наука переживает сейчас непростой и ответственный период своего развития. Что же необходимо сделать для подъема исторических исследований на качественно новый уровень?

Ю. А. ПОЛЯКОВ

— Судя по всему, главные дискуссии в исторической науке впереди и к вопросу о полной и окончательной победе социализма, как и ко многим другим, думаю, мы еще вернемся. Но сегодня надо делать дело сего дня. Главное — надо писать и работать, однако это требует длительного времени, мы не можем сразу создать труды. Пора переходить от митингования к работе. Мой однофамилец, прозаик Юрий Поляков, на XX съезде комсомола правильно сказал: нужно не «поднятием руки», а за письменным столом доказывать свою приверженность перестройке. Что же надо делать сейчас, чтобы по возможности поднять уровень исторической науки?

Уже стало аксиомой для нас, что нужно писать правду, не обходить острые углы. Ведь это повторяли всегда. Но требуется конкретизировать. Я бы сформу-

лировал так: нужно вызволить Клио из пеленок конъюнктурщины. Здесь был поднят вопрос о соотношении науки и политики — видимо, с этим мы будем сталкиваться еще не раз, и это вопрос огромной сложности. Но надо как-то преодолеть конъюнктурщину, преодолеть перепады от безудержного восхваления, цитирования к полному замалчиванию.

Нам нужно населить нашу историю людьми. А «фигура умолчания» стала слишком распространенной, и до сих пор на многих деятелях прошлого как бы надеты шапки-невидимки. Нужно не просто перечислить исторических деятелей, а показать живых людей, деятелей партийных, государственных, представителей науки и искусства, со всеми их сомнениями, ошибками, с их срывами, волнениями, с их достижениями, победами и неудачами. То есть дать им характеристики емкие, не формальные. Надо показать и простых людей с их думами, взглядами, полнее раскрыть их душевный мир и быт. Мы должны знать, хотя, может, это задача преимущественно этнографическая, как они выглядели, как одевались, чтобы видеть их не только в труде, но и в повседневной жизни.

Методология наша — правильная, и не нужно допускать, чтобы марксистскую методологию унижали или говорили, будто она не дает возможности раскрывать правду. Она позволила нам преодолеть многие трудности развития науки, заглянуть в ряде случаев в глубину исторического процесса. Наша методология по своему духу требует творчества, а мы стали воспринимать ее как катехизис. Нужно сейчас снова руководствоваться тем, что методология наша — это компас, помогающий определить правильный путь, но не карта, на которой заранее расчерчен маршрут до конечной цели.

Нам надо обеспечить высокий профессиональный уровень. Мы на это часто не обращаем внимания. И бытует мнение, что историей заниматься просто, всякий может. Поэтому и кадры наши, между прочим, в значительной степени складывались очень пестро, разнообразно и в исторической науке много людей, которые пришли без достаточной профессиональной подготовки. Нам нужно уметь писать, обратить на эту сторону особое внимание. Как пишем, как аргументируем, как доказываем — не цитатами, а чтобы живая мысль билась,— вот чего надо достичь.

И, наконец, добиваться высокого уровня литературного мастерства, чтобы не было штампов, которые нас заедают, чтобы не было причесывания, чтобы исчезли бесчисленные клише, стереотипы, казенщина, чтобы было видно лицо автора, чтобы индивидуальность была, свое перо, свой стиль. Важен и вопрос об издательской деятельности, потому что нередко именно редакторы все приглаживают.

Если мы в практической работе будем в какой-то мере обеспечивать хотя бы то, о чем я сказал, качественный уровень исторических исследований, несомненно, повысится.

В. А. КОЗЛОВ

— У нас есть проблемы, по поводу которых к историкам все чаще обращаются массы. Это проблема культа личности, проблема внутрипартийных разногласий, проблема коллективизации. Ни по одной из них, надо признать, мы пока не в состоянии ответить. У нас нет готовых ответов, и ожидать их прямо сейчас, когда историки собрались и все, мол, расставят по своим местам,— это, наверное, наивно. Но если мы в наших рассуждениях ограничимся констатацией того, что культ личности надо изучать, что нужно исследовать проблему внутрипартийных разногласий, и еще раз повторим, что в истории не должно быть «белых пятен», вероятно, читатели нас не поймут.

В изучении проблематики 30-х годов дело не в доступе к архивам. Мы уперлись не в нехватку архивных материалов, а в явную недостаточность общесоциологических идей и подходов, которые вывели бы нас здесь из тупика. Мне кажется, прежде чем идти в архив, мы должны иметь ясную исследовательскую программу, которая бы включала в себя не только уверенность в том, что культ личности — это плохо. По данному вопросу у нас разногласий нет. Так вот посмотрим с точки зрения такой исследовательской программы на то, что сейчас происходит в нашей публицистике. На мой взгляд, тут наметился своеобразный крен в одну плоскость: в плоскость того подхода, который очерчен ленинским «Письмом к съезду» и сводится к личным чертам Сталина. Но у Ленина есть очень глубокий прогноз-предостережение, сформулированный в письме Молотову в марте 1922 года по поводу партийных рядов. Там говорится, что пролетар-

ский состав партии определяется в данный момент «тончайшим слоем» революционеров, которых можно назвать старой партийной гвардией. Любой раскол в этом «тончайшем слое» может привести к утрате его авторитета, и в результате решения будут зависеть уже не от него.

Последующие события, к сожалению, развивались по такому прогнозу: раскол был, внутрипартийная борьба была, и в итоге это привело к тому, что решения уже не зависели, по существу, от старой партийной гвардии. Вот такого рода подход, мне думается, надо искать. То есть подход социологический. Ибо действительно, давление на партию со стороны мелкобуржуазной стихии — носительницы психологии «вождизма» — имело место; партии же не удалось противопоставить всему этому единство старой партийной гвардии, что могло бы избавить от возникших проблем. На мой взгляд, поиски надо вести где-то здесь, а не в особенностях личности Сталина, хотя их тоже нельзя сбрасывать со счета, конечно. У нас тут получается перекос, и в результате вместо объяснений, уточнений мы часто срываемся в филиппики или ламентации по этому поводу, что, по моему мнению, для историков недопустимо.

Право морального суда над прошлым — это, бесспорно, проблема исторического знания. Но ведь мы даже не научились на языке исторической науки ставить нравственные вопросы: что такое добро и зло применительно к прошлому вообще? Нельзя же переносить бытовые понятия на оценку исторических процессов. Мы такой проблемы и не поднимали, ее нужно поднять. И еще одно. У нас получился странный перекос в оценке проблем, связанных с репрессиями 30-х годов: старая партийная гвардия предстает прежде всего жертвой. Но она потому и стала жертвой, что эти люди были прежде всего борцами против утверждавшегося культа личности Сталина. Это было реально и выплескивается наружу даже в тех источниках, которыми мы располагаем. Но до сих пор данная проблема не изучена. А между тем это проблема сохранения ленинской традиции в партии, традиции, которая в конце концов привела к XX съезду, и одновременно объяснение того, почему демократизация после XX съезда развивалась непоследовательно. В конечном счете борьба старой партийной гвардии за

ленинские принципы, ее попытки противостоять насаждению режима личной власти — это то, что выводит нас на понимание сегодняшней перестройки. Именно такой ракурс рассмотрения проблематики культа личности, думается, был бы наиболее плодотворным.

И еще одно. После 1956 года у нас произошло нечто странное с использованием самого этого понятия. Проблемы довоенного периода мы прикрыли термином «культ личности», и это как бы избавило нас от анализа. В самом деле, раз «в условиях культа личности» — что там может быть хорошего? И мы в целом не пошли по пути углубления наших знаний. Мне кажется, а может, я ошибаюсь, сейчас имеет место возврат к уровню работы конца 50-х — начала 60-х годов. С того уровня можно начинать. Давайте от него оттолкнемся и двинемся дальше к пониманию самого явления. Психологически его даже трудно изучать — давит «эмоциональный» фон. Но это необходимо.

Надо «просветить» каждое историческое исследование с точки зрения того, присутствует ли там марксизм только в виде ритуальной фразы или он «работает» как действительный метод познания исторических процессов, действует диалектический метод или нет. Вот такого рода оценок того, что уже сделано, мы не имеем, а без этого не можем достаточно ясно отдавать себе отчет в том, куда мы в конце концов пришли и как из этого выбираться.

Один пример. Я предложил издательству книжку, посвященную 60—80-м годам. Мне прямо не отказали, но дали понять, что лучше с этим «не соваться», поскольку «оценки еще не устоялись». А кто же, собственно, эти оценки должен вырабатывать? Ведь есть общие оценки, но есть уже и какие-то конкретные исторические проблемы, которые мы должны решать.

А. М. САМСОНОВ

— Я хотел бы сказать о тех механизмах торможения, которые действительно мешают по-настоящему перестраиваться и в сфере исторической науки, начиная непосредственно с научных коллективов.

У нас утвердилось мнение, что в науке должна существовать только одна точка зрения. Не буду приводить примеры, они хорошо известны. Подготовлено исследование, и вдруг выясняется, что автор расходится в точке зрения с другими историками. И все: работа

в издательство уже не поступит. А почему? С одной стороны, мы говорим — нужны дискуссии, а с другой — считаем недопустимым какие-либо дискуссионные сюжеты в наших исследованиях. Дискуссии же должны проходить не только на страницах журналов, где, кстати, они очень редки. Они должны присутствовать и в книгах.

В наших научных институтах сложились совершенно неоправданные критерии оценки труда историка. Как организуется исследовательский процесс? Планируются какие-то темы, определяются название, объем, сроки окончания исследования, после чего общественность, дирекция следят за тем, чтобы эти сроки были соблюдены и объем тоже. Работа завершается, утверждается к печати — и все, ставится точка. А ведь, казалось бы, только и надо начинать изучать жизнь книги. Что за исследование? На какую почву оно легло? Какой интерес вызвало? Или, может быть, наоборот — никакого интереса не пробудило? Мы никогда не задаемся вопросом, спрашивают ли книгу историка в библиотеке и как часто, как расходятся те малые тиражи, которые поступают в торговую сеть. Жизнь книги нас не занимает. Поэтому считаю, что настало время пересмотреть критерии оценки работы историков и ориентироваться не на количество, не на «вал» в области исторической науки, а на эффективность наших исследований.

Здесь говорилось о трудностях, возникающих при поступлении наших рукописей в издательства. Там подход однозначный, и традиционный вопрос редактора к автору: а где это уже напечатано, сказано? Но какое же это исследование, если раньше уже об этом где-то было напечатано или сказано? Автор должен говорить и создавать что-то новое. Поэтому в плане перестройки мы должны прочесть заново те страницы минувшего, которые хранят на себе печать субъективизма, лакировки действительности, односторонности. И на основе изучения документов, ранее недоступных (важно добиваться, чтобы они были доступны), объективно осмысливать события, особенно 30-х годов, периода Великой Отечественной войны, истории 60—70-х годов и т. д.

Когда исследователь стремится изучать прошлое вне принятых ранее формул и стереотипов, он сразу сталкивается с трудностями. Здесь уже говорилось об

именах. Нужны, конечно, разные краски, чтобы обрисовать облик того или иного исторического деятеля. Но надо сделать так, чтобы этот портрет соответствовал историческим реалиям. Если считать, что история — наука творческая (а подчас приходится сомневаться в этом), для нее не должно быть запретных зон. А они существуют. Может быть, еще не наступило время, когда, скажем, историк может написать монографию о Сталине, но ведь когда-то такой момент должен наступить. Это уже делается в литературно-художественных журналах и других изданиях. В связи с моими публикациями я получаю много писем, они разные, что тоже очень интересно. Есть и такие, которые просто трудно читать — с такой яростью их авторы высказываются против моих соображений. Но должен сказать, большинство писем поддерживает критику культа Сталина, в частности опираясь на конкретный исторический материал,— это действительно назрело.

Иногда спрашивают: а существовал ли культ Хрущева и Брежнева? Например, подобный вопрос был задан на телевидении одному философу, который ответил: нет, такого культа не было. Думаю, ответ был правильный, но ставить на этом точку нельзя, а надо говорить о том, что в деятельности и Хрущева, и Брежнева на определенных этапах проявлялись и волюнтаризм, и ослабление коллегиальности руководства, и подмена подлинного демократизма парадностью. К чему все это приводило — мы знаем. Поэтому хотелось бы подчеркнуть, что, анализируя позитивный и негативный опыт Советского государства на разных этапах его развития, важно показать, как преодолевались недостатки и успешно решались задачи огромной исторической значимости. Так что ведущей линией наших исследований должно быть позитивное начало. Вспомним, какой отсталой была наша страна вначале, а теперь это великая держава. Но это вовсе не значит, что мы должны закрывать глаза на все то негативное, что на нашем пути существовало. Мне кажется, нам вплотную необходимо заниматься перестройкой, и прежде всего начинать с самих себя.

Какой огромнейший интерес возник сейчас к нашей периодике, к ежедневной прессе! Людей привлекает не только острота публикаций, а и то, что это правда. В печати часто говорится так откровенно, как только

можно говорить. Предельно откровенно. Но ведь этого принципа — говорить правду, и только правду, и до конца правду — мы пока не распространили на нашу историческую науку. Вот писатели и говорят и подтверждают фактами, что у них по крайней мере какие-то заделы были. Сколько лет минуло с тех пор, как А. Рыбаков начал писать «Дети Арбата», или Д. Гранин — «Зубра», или В. Дудинцев — «Белые одежды». Но все-таки писали, даже зная, что их не напечатают, и многие, кстати, не дождались, когда наступит такое время. А есть ли подобные рукописи у историков? Ведь вот что тревожит. Надо сделать так, чтобы у историков появилось и стремление, и понимание того, что надо писать историю так, как в действительности все происходило, и добиваться, чтобы это становилось достоянием читателя.

ВОПРОС: Как раз об этом же говорят и письма читателей в редакцию. Приведем отрывок из одного такого письма: «Историки избегают говорить о нравственных последствиях культа личности, о классовой сущности культа в наших условиях, о его мелкобуржуазной природе. Когда же историки включатся в то, что не без определенного эмоционального нажима делают литераторы? Но уже делают, работают». В самом деле, литература обгоняет историческую науку?

А. М. САМСОНОВ

— Нам надо усвоить, чего требует от нас перестройка. В Отделении истории АН СССР вначале разрабатывались комплексные проблемы. Очень нужное дело. Потом стали разрабатывать перспективные программы. Тоже нужное дело. Вот сейчас убедительно говорят о важности периодизации нашей истории. Бесспорно. Но мы этим занимались и десять, и двадцать лет назад, включая и вопросы периодизации. Все же основная задача заключается не в этом, все-таки это не то, чего от нас ждут. Кто важнее — писатели или историки? Чей авторитет выше? Не в этом проблема. А вот как каждый из нас выполняет свой долг, в частности мы, историки? Считаю, что мы очень отстали.

Разве история менее увлекательная область, чем, скажем, область художественной литературы? Надо самокритично признать, что мы намного отстаем и в смысле профессиональном, и в смысле гражданском, интерес к исторической книге низок, и это следует учитывать, надо преодолеть все то, что нам мешает.

Я, например, давно пытаюсь добиться, чтобы был полностью опубликован приказ № 227 от 28 июля 1942 года, который зачитывался перед всеми войсками на фронте. Направил письмо в высшие военные инстанции, но ответа никакого. Это лишь один пример. В свое время я подробно изучал материалы Ставки Верховного Главнокомандования, переговоры с фронтами. Интереснейшие материалы! Но все это закрыто. Сейчас какое-то рассекречивание произведено, но, судя по всему, оно половинчато.

Итак, необходимо: допуск к документам — это первое. Разрешить проблему, кто решает вопросы науки — издательский редактор или ученый, научный коллектив,— это второе. Пока что решает редактор, а вся система работы издательства построена таким образом, что его премируют, если не возникнет никаких «трудных» ситуаций. И поэтому у ученых руки связаны. Но мы не должны занимать выжидательную позицию, а должны как-то бороться, чтобы можно было писать интересно и так, чтобы это удовлетворяло читателя.

И. И. МИНЦ

— Несколько слов по поводу письма, отрывок из которого здесь огласили. Да, художественная литература иногда обгоняет историков. Но вот в романах, скажем, объявляют распутство Екатерины II «государственной деятельностью» или вдруг представляют масонов движущими силами революции. Причем никаких реальных фактов нет. Мне кажется, борьба с такими легендами могла бы быть эффективнее, если бы активнее работали историки.

Все то, что говорится о перестройке, относится к нам прямо и непосредственно, все, начиная с борьбы за дисциплину, за соблюдение и утверждение наших норм. Касаются нас в равной мере и гласность, критика, самокритика. Для исторической науки особенность перестройки, на мой взгляд, могла бы быть сведена к проблематике: какими вопросами теперь заниматься? Нужно ли отбросить все старое или следует ставить новые проблемы? Я бы не отбрасывал старого, ибо все это сохраняет свою силу, но появляются и новые сюжеты. Например, сейчас на Западе упорно критикуют нашу программу построения социализма и говорят — Октябрю была альтернатива. Альтернативы Октябрю не было, спасти тогда Россию можно было

только одним путем — установлением новой власти — власти рабочих и крестьян. Народ отвернулся от всех партий, в том числе от соглашателей, и встал на сторону большевиков.

А взять вопросы гражданской войны и интервенции. Казалось бы, законченная страница истории. Но когда вы слышите, что в США вышел фильм о «захвате» этой страны большевиками, когда устами самого президента многократно повторяются угрозы антикоммунистического «крестового похода», призывы «выбросить в мусорный ящик» социализм, вы начинаете понимать, что теперь нужно вновь заниматься темой интервенции, может быть, с иной точки зрения. До сих пор мы говорили о ней главным образом с точки зрения истории дипломатии и т. д. Этого теперь недостаточно. Надо показать фактические дела той или иной капиталистической страны во время интервенции.

В. З. ДРОБИЖЕВ

— Что нам мешает сегодня? Мне кажется, больше всего нам мешает не цензура издательств, а цензура собственной головы. Мы так воспитаны на протяжении многих лет, что трудно отказаться от укоренившихся у нас штампов. Я недавно начал писать статью о рабочем самоуправлении и поймал себя на мысли, что становлюсь на путь комментирования последних решений в этой связи, хотя история рабочего самоуправления вовсе не проста, не однозначна. Или такой вопрос. Мы сейчас начинаем говорить о том, что вернулись к принципу продналога. Мы не вернулись к принципу продналога механически, а практически заново открываем, разрабатываем политэкономию социализма. Сейчас совершенно иные исторические условия, иное время. И Ленин, разрабатывая систему нэпа, рассчитывал на переходный период, а не на период построенного социализма.

Второе условие, как мне представляется, нашей собственной перестройки — это повышение уровня профессионального мастерства. Ведь не секрет, что из сферы истории советского общества и истории партии немало талантливых людей ушло в другие области исторической науки, почти прекратился приток способной молодежи.

Помню случай, когда мне дали на рецензирование книгу из издательства «Мысль». Я написал, что книга

непрофессиональна. Автор подошел ко мне и поблагодарил: «Хорошо, что ты меня не обвинил в политических ошибках. А это я быстро исправлю, скажи, где исправить, какие страницы». Непрофессионализм проявляется в том, что мы не умеем анализировать всю совокупность фактов, которые дошли до нас. Выбирается отдельный фактик, подгоняется под известную схему.

Третье условие — развертывание публикаторской деятельности. Мы не публикуем документов. Мы перестали это делать. К сожалению, так вышло. 40-летие Октябрьской революции мы встретили огромной серией документальных изданий. Причем были пофондовые публикации — самые ценные, самые интересные. 50-летие Октября мы отметили лишь несколькими фундаментальными изданиями, а к 70-летию подготовили крайне мало. Мы не публикуем, к примеру, протоколы съездов Советов (стенографические отчеты). Документы некоторых съездов Советов хранятся в Ленинской библиотеке, в отделе редких книг. Они изданы мизерными тиражами, обветшали, стали библиографической редкостью. А ведь это ценнейший исторический источник! Мы крайне отстали с публикаторской деятельностью.

М. П. КИМ

— Почему мы занимаемся комментированием? Потому что так традиционно у нас сложилось. XXII съезд объявил, что мы вступили в период развернутого строительства коммунизма. Я попытался однажды возражать в связи с выдвижением лозунга «Превратим Москву в образцовый коммунистический город!» Говорил: какой коммунизм, давайте сначала превратим столицу в образцовый социалистический город, а уж потом в коммунистический. Что же, Москва вступит в коммунизм, а вся страна еще будет идти к социализму? Возражал и против того, чтобы считать с 1961 года наше общество обществом развитого социализма. Однако пришлось предложить другой вариант: социализма развитого еще нет, но само построение его, процесс вступления в данный этап был длительным (его я растянул на 18 лет). А если бы я возражал открыто, то меня бы просто не напечатали. Поэтому надо сейчас дать ученым возможность — форму ее реализации можно, конечно, поискать —

все-таки высказаться не только против ошибок прошлого, но и по поводу некоторых сегодняшних положений, если они с ними не согласны. Иначе опять история повторится — потом, спустя 10 лет, нам скажут: что же вы, ошибки были, а вы молчали, соглашались, комментировали лишь? Так давайте и сейчас не только комментировать, а и критически мыслить, предлагать, помогать находить оптимальные решения.

Чтобы поднять исторические исследования на новый качественный уровень, необходимо сделать то, к чему обязывает нас императив нового мышления. Это — творческий подход ко всем вопросам. Это — освобождение своего мышления от догматических наслоений, от примитивного понимания своих функций — только комментировать авторитетные высказывания, оценки, документы — и встать на путь самостоятельного творческого мышления. В области исторической науки это не так быстро можно сделать, как, скажем, в художественной литературе.

Историк не может выбирать отдельные кусочки из биографии личности или из маленького исторического этапа, как поступают в таких случаях художники, воплотить в образах то, что он понимает. Историк должен всесторонне, в строгой хронологической последовательности отдельных этапов рассматривать историю в целом, поэтому задача тем более сложная. Я этим никак не хочу оправдывать историков, мы все-таки медленно перестраиваемся, но особенно вдумчивое отношение к задачам здесь требуется в большей мере, чем литераторам или художникам. Сейчас, по-моему, у некоторых писателей, публицистов господствует такая формула в мышлении: что было плохо, то теперь хорошо, а что было хорошо, то теперь плохо. Это очень хлесткая формула, которая подкупает тех, кто в оценках стоит на позициях эмоционального пыла. Мне кажется, необходимо более серьезное исследование, которое должно восстановить правду исторического процесса, процесса становления и развития реального социализма в нашей стране. И поэтому совершенно правильна установка партии, ее руководства, что нужно нашу историю воспроизвести, всесторонне осветить и негативные моменты, и положительные. Не односторонне, а именно всесторонне.

ОТ РЕДАКЦИИ

Время перемен, громадная работа перестройки, суровые уроки правды, преподанные XXVII съездом партии, оживление общественного интереса к нашему прошлому настоятельно требуют от историков новаторского, бесстрашного анализа минувших десятилетий, свободного от рецидивов застарелых недугов исторических исследований — начетничества и формализма, умолчаний и конъюнктурных поветрий.

Вопросы научной периодизации истории советского общества, широко затронутые участниками «круглого стола», имеют, безусловно, важное значение. Периодизация помогает глубже исследовать содержание исторического процесса, уточнять исторические рамки отдельных этапов развития, служит методологическим инструментом познания. Однако нельзя, конечно, расценивать эту проблему как центральную, самодовлеющую в кругу научных интересов историков. И задачей обсуждения, естественно, не могла быть выработка какого-либо окончательного варианта периодизации — это предстоит делать научным коллективам в ходе начавшейся дискуссии.

В наших исследованиях особенно важно опираться на фундаментальный исторический подход, на диалектический принцип историзма. К этому не раз призывал В. И. Ленин, требуя в анализе общественных процессов «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (Полн. собр. соч., т. 39, с. 67). Эта ленинская методологическая установка имеет огромное значение для изучения истории советского общества, истории развивающегося социализма. Именно с этих позиций необходимо раскрывать и осмысливать события Октября, переход к новой экономической политике, субъективную и объективную обусловленность процессов индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, диалектику становления социалистической культуры, развития национальных и политических отношений. Такое объективное, трезвое изучение прошлого помогает решать вопрос: что и как отрицать из накопленного опыта, что и как воспринимать из него, что и как делать и чего не следует делать, дабы избежать повторения ошибок. Ведь диалектика преемственности и новаторства по отношению к историческому, социальному опыту в том и заключается, что в каждом конкретном случае необходимо предельно конкретно решать эту задачу, всякий раз рассматривать день сегодняшний в контексте истории, в связи с генеральным направлением движения общества к более высоким формам его организации.

Здесь возникает ряд проблем. Исторический процесс неделим и неразрывен, «то, что происходит все с большей и большей быстротой перед нашими глазами, есть тоже история» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 3, с. 632). И исторической науке важно не отставать от этого ускоряющегося движения, писать подлинную историю современности, которая, конечно, не сводится к простому комментированию документов, а позволяет «отслеживать» тенденции общественного развития, помогает смотреть вперед, предвидеть будущее. Такое умение, фундаментально, методологически обоснованное в классических исторических работах основоположников марксизма-ленинизма, пока у нас явно в дефиците.

Другая проблема касается подхода к «белым пятнам» в нашей недавней истории. Эти историографические «лакуны» связаны, как правило, не просто с «фигурой умолчания», а чаще всего с деформациями в трактовке тех или иных исторических событий. И здесь уместно напомнить марксистское положение о том, что «неправильные представления... являются в конце концов неправильными представлениями о правильных фактах. Факты остаются, даже если имеющиеся о них представления оказываются ложными» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, с. 476). Речь о том, чтобы на основе широкого круга источников установить реальное содержание событий, составить максимально полную картину, выяснить историческую правду. Этому должно способствовать облегчение доступа к архивным фондам, расширение публикации документов, снятие неоправданных ограничений для исследовательской работы.

И еще один немаловажный аспект, связанный с оценками событий прошлого. В них порой эмоции преобладают над разумом, научный анализ подменяется сугубым морализаторством, отдельные личности и целые периоды истории раскрашиваются в однообразные — либо светлые, либо темные — тона. История многослойна и многоцветна, и нравственные, моральные оценки должны прочно базироваться на историзме. Вредит делу познания исторической истины и скоропалительность, сенсационность, стремление «бежать впереди прогресса», что нет-нет да проскальзывает в ряде публикаций. Изучать прошлое важно с последовательных марксистско-ленинских, классовых позиций, расставляя все, как говорится, по приоритету. Нельзя поддаваться каким-то односторонним представлениям и настроениям. На них мы не можем построить свое отношение ко всему, что было после Октября.

Выступая на XX съезде ВЛКСМ, М. С. Горбачев напомнил, какое значение придавал В. И. Ленин формированию исторического сознания. Надо, чтобы история социалистического Отечества щедро питала чувство гражданского долга каждого советского человека, надо, чтобы это была честная, мужественная, увлекательная история, не обходящая драматизма событий и человеческих судеб, чтобы во всей полноте и величии был показан героический путь страны и партии — путь Октября, путь первопроходцев.

Коммунист. 1987. № 12. С. 66—79.

Г. Смирнов

Исторический опыт Октября и перестройка

В связи с празднованием 70-летия Октября социалистическая мысль и социалистическая политика приковали к себе внимание мировой общественности, задают тон мировому общественному мнению. В докладе М. С. Горбачева [1] и в его книге [2] последовательно и убедительно миру представлен глубоко научный социально-философский анализ сложнейших процессов общественного развития, сформулированы эффективные предложения по решению насущных, неотложных, общественно значимых для человечества задач. В этом же ключе рассматриваются и наши внутренние проблемы — нашей истории и перестройки.

Для советских людей, как и для мира в целом, огромный интерес представляет широкий и ответственный анализ истории революции и социалистического строительства в нашей стране. Этот анализ открывает новые горизонты, создает мощные стимулы для советского обществоведения, в том числе для исторической науки. Вместе с тем он способствует формированию исторического, патриотического и интернационалистского сознания коммунистов, молодежи, всего советского народа.

Словом, в развитии нового политического мышления сделан принципиальный шаг. Общественное сознание, прежде всего теоретическое, поднялось на качественно новую ступень, вышло на новые рубежи в осмыслении пройденного и достигнутого, а также открывающихся перспектив. Задача советской науки, всех ученых-обществоведов состоит в том, чтобы идти вперед, глубже анализировать историю и современные проблемы, осу-

[1] См. *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 года. М., 1987.

[2] См. *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

ществляя выдвинутую партией историческую задачу прорыва в теоретическом познании.

Определяя приоритетные направления в теоретической работе Института марксизма-ленинизма, мы должны с наибольшей полнотой вникнуть в мысли, оценки, содержащиеся в докладе М. С. Горбачева на торжественном заседании и в его книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Доклад и книга — пример смелого поиска и страстный призыв к творческому развитию марксистско-ленинской теории, отвечающему современным потребностям.

* *
*

Первое, что привлекает к себе внимание современников,— это анализ влияния Октябрьской революции на мировое развитие. «Мир не был бы таким, каким мы его видим теперь, если бы не Великая революция в России» [3]. Страна Советов внесла в международную жизнь то, что раньше находилось за пределами «большой политики»: здравый народный смысл и интересы трудящихся.

Это важное обстоятельство для судеб мира было предопределено социальной природой Октябрьской революции, которая соединила в себе глубоко народный характер и социалистические цели осуществленных исторических преобразований. Октябрь явился воспреемником и вершиной многовековой освободительной борьбы трудящихся. Это и народная борьба за самостоятельное развитие и независимость, и прогрессивные национальные движения, и антикрепостнические крестьянские восстания и войны. Октябрьская революция воплотила в себе духовные искания просветителей восемнадцатого столетия, героев и мучеников декабристского движения, пламенных трибунов революционной демократии, нравственное подвижничество великих деятелей нашей культуры [4].

Иначе говоря, Великий Октябрь — не зигзаг истории, а закономерный результат, естественный итог борьбы народных масс за свои насущные интересы, за свободу, справедливость и мир. И в этом — источ-

[3] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 42.

[4] См. там же, с. 5.

ник его неиссякаемой притягательной силы, социального обаяния и влияния на все народы и страны. И задача изучения проблемы воздействия Октябрьской революции на развитие человечества, конечно, одна из первоочередных. Главным здесь является исследование того пути, которым пойдет мировая цивилизация, и места в этом выборе новаторского примера первооткрывателя — нашей Родины и нашей революции. Когда речь идет о том, что внес Октябрь в мировое развитие, можно сказать так: нет ни одного существенного события, нет такой общественной структуры, на которых не отразилось бы воздействие Октября и мирового социализма.

В чем же оно выразилось? Если обозначить главное, то это и решение вековых социальных проблем, и воодушевляющее воздействие примера. Это и практическая помощь социалистических стран освободительной борьбе, и сдерживающее воздействие на поведение класса капиталистов, заставляющее его учитывать мощное влияние социализма.

С точки зрения марксистов-ленинцев, после Октября 1917 г. капитализм уже не мог продолжать свое бытие в неизменном облике и осуществлять свое господство привычными методами. Несомненно, бесправие во многих странах капитала отступало не только перед мощью рабочего класса той или иной страны, но и перед мощью социализма. Ряд уступок эксплуататоры сделали прежде всего потому, что были научены опытом Октября. Французская буржуазная газета «Тан» имела тогда все основания писать: «8-часовой рабочий день был страховой премией, которую мы вынуждены были уплатить, чтобы не допустить пролетарской революции» [5]. И еще больше оснований было у крупнейшего западногерманского философа Ю. Хабермаса, когда он писал, что советский марксизм, выйдя из войны против фашизма как мировая сила, принуждает организованные на капиталистической основе ведущие силы Запада к величайшей бдительности ради стабильности их системы, имея в виду вынужденный контроль над широкими общественными сферами, некий род институционализированной социальной реформы, своего рода

[5] Цит. по: Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, 17 июня — 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч. I. М.— Л., 1925, с. 430.

саморегулирование капитализма благодаря силе «самодисциплины» [6]. Иными словами, воздействие Октября не является одномоментным, однолинейным, оно не ограничено временем. Это, как говорится, навсегда.

Решение коренных социальных проблем, в том числе освобождение труда как пример, как образец становится постоянно действующим фактором социально-экономического развития, без учета которого деятельность ни одного правительства, ни одного крупного политического движения рассматриваться не может. Естественно, образуется база, оказывающая систематическую, более или менее значительную, в зависимости от собственного состояния, помощь политического, материального и идеологического характера, влияющую на развитие освободительных движений на всех континентах. Невозможно рассматривать антиколониальную революцию, развитие коммунистического движения без влияния первой страны социализма.

Участие СССР в международных отношениях, его постоянная позиция, заключающаяся в формулировании и проведении принципов мирного сосуществования, его борьба за мир также выступают как мощный фактор развития международных отношений. И опять-таки ни одно важное решение без учета этих обстоятельств в мире не принимается. Можно выступать против, можно игнорировать эти обстоятельства, но только в состоянии сцепления этих факторов, с учетом противоборства с социализмом.

Воздействие социализма на ход мировой истории вряд ли можно рассматривать однозначно как всевозрастающее и только позитивное воздействие. При анализе влияния идей Октября на мировое развитие учитываются и сложности нашего собственного развития, укрепление или ослабление позиций на мировой арене, усиление или уменьшение нашей экономической мощи. А на сами эти сложности, на степень нашего влияния на мировые события и т. д., конечно же, влияли и влияют события в мире, соотношение сил на международной арене, возможности использования капитализмом достижений современного научно-технического прогресса и многое другое. Иными словами, речь идет

---

[6] См. *Habermas J.* Theorie und Praxis. Darmstadt und Neuvied, 1963, S. 165.

о взаимодействии, о диалектическом взаимовлиянии двух противоположных общественных систем.

Аналогичные процессы имеют место и в революционном движении. Например, когда обсуждаются какого-либо рода несовпадения в позициях коммунистических партий, скажем, при анализе того же еврокоммунизма, советские обществоведы привыкли искать прежде всего то, в чем эти люди отступили от принятой истины, где они ошибаются, почему они нас не воспринимают так, как нам этого хотелось бы. И действительно, ошибочные позиции, конечно, имели и могут иметь место, потому что коммунистическое движение всегда было и остается сложным явлением, испытывающим на себе различные влияния социального порядка. Но вместе с тем надо видеть и то, что и наша собственная история давала немало поводов для критики.

В связи со сказанным перед нами встала задача вернуться еще раз к истории Коминтерна. М. С. Горбачев прямо поставил эту задачу перед наукой, и очевидно, что прежде всего она относится к коллективу Института марксизма-ленинизма, ибо здесь сосредоточены основные документы деятельности Коминтерна и специалисты, занимающиеся в этой области. Конструируя планы нашей будущей работы по этой проблеме, можно, конечно, запланировать сразу многотомную работу на долгие годы. Можно поступить иначе — выпустить одну хорошую книгу, а затем поработать и над многотомником. Во всяком случае, к этой работе надо приступать незамедлительно.

В философском и историческом анализе, содержащемся в докладе М. С. Горбачева, нас привлекает вопрос о соотношении объективных законов и исторического выбора, политических решений, осуществленных Лениным и созданной им партией большевиков.

Значение вопрос приобретает еще потому, что нередко при рассмотрении объективной обусловленности исторических событий не всегда достаточно полно учитывается влияние именно субъективных факторов, то есть детерминированность фактов рассматривается несколько механистически. Действие объективных закономерностей трактуется порой как жесткая доминанта, требующая от людей именно однозначного поведения. История осуществляется через деятельность людей. Объективный характер исторических закономерностей состоит в том, что социальные обстоятельства

предопределяют тех или иных людей, которым суждено осуществлять исторические задачи, т. е. тех, кто конкретно будет исполнителем требований истории.

Но люди не только являются объектом исторического процесса, но они и активные субъекты истории, благодаря чему так или иначе влияют на ход событий. Личности, выдвинутые историческим процессом на положение лидеров, призваны осуществлять выбор тех или иных решений, которые общественная жизнь предлагает. Коль скоро общественное развитие неоднозначно, альтернативно, то и людям представляется возможность **исторического выбора.** Отсюда вытекает вариантность исторического развития, предопределяемая не только разными объективными условиями, но и действиями людей. В зависимости от того, каков этот выбор, политические лидеры по-разному воздействуют на историю: как личности прогрессивные или реакционные, сильные или слабые, непоследовательные.

В чем же смысл и значение ленинского выбора? В дни Февральской революции, в условиях сложнейшего переплетения и противоборства классовых сил, В. И. Ленин увидел открывающуюся реальную возможность победы социалистической революции. Но еще раньше — в 1915 г., анализируя неравномерность экономического и политического развития в период империализма, он пришел к выводу о возможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране [7].

Оба эти исторических решения: и общетеоретическое — о возможности победы социалистической революции в одной стране, и разработка политического курса на социалистическую революцию после Февраля — свидетельствуют о смелом, творческом подходе Ленина к теории общественного развития, прозорливом предвидении реальных перспектив, открывающихся перед революционными силами. Все это сыграло огромную роль в формировании нацеленности партии большевиков на решительное достижение революционных целей, на воспитание рабочего класса, масс в духе решительных действий по осуществлению назревших задач.

Иначе говоря, **исторический выбор — сознательное решение политической партии и политических лидеров,**

[7] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.

принятое на базе трезвого учета реального соотношения социальных сил и предвидения возможностей общественного развития. Исторический выбор, осуществленный большевиками под руководством В. И. Ленина, опирался на умение увидеть, охватить, сначала в мыслях, а затем и в политической деятельности, исторический шанс, который представлялся нашему народу, рабочему классу, нашему Отечеству. Он состоял в открывающихся возможностях завоевать политическую власть народа и, опираясь на нее, двинуть вперед дело социалистических преобразований.

Характер выбора в решающей степени зависит от видения расстановки классовых сил. До сих пор в историко-партийной науке ведутся дискуссии по поводу того, какова была расстановка классовых, политических сил в период Февраля — Октября. Вопрос этот в нашей литературе до конца не решен, здесь еще будут дискуссии, поиски.

Именно потому, что это совершилось через такой исторический выбор, через гениальное ленинское видение момента самого вооруженного восстания, Октябрьская революция не перестает до сих пор волновать умы человечества, в том числе и тех людей, которые встали на путь марксизма-ленинизма, и для их понимания во многих отношениях этот выбор не является однозначным. Отсюда бесконечные споры, которые, наверное, после 70-летия Октября не прекратятся.

Так, на международной научной конференции в Москве «Великий Октябрь и современность» (8—10 декабря 1987 г.) встал, в частности, вопрос о том, следует ли рассматривать Октябрьскую революцию лишь как результат развития собственных противоречий страны или это результат мировых процессов. В советской литературе этот вопрос давно решен, и мы считаем, что Россия в канун революции оказалась узловым пунктом противоречий империализма. Стремление постоянно возвращаться к этому вопросу имеет главным образом инструментальное значение, ибо таким путем стремятся связать современные проблемы с отсталостью России, скомпрометировать правильность исторического выбора Лениным, партией большевиков курса на социалистическую революцию, построение социализма.

То, с какой заинтересованностью империалисты стран, принадлежавших к соперничавшим военно-по-

литическим блокам, приняли участие в интервенции против Республики Советов, свидетельствует о том, что пролетарская революция в России оказалась прорывом в цепи империализма и создала угрозу мировой буржуазии.

Или, скажем, споры о судьбах демократии в ходе Октябрьской революции. Нередко приходится слышать, например, о том, что роспуск Учредительного собрания изменил к худшему отношение западной социал-демократии к Октябрьской революции. Дескать, этот роспуск положил конец демократическому развитию российской революции. Возможно, так оно и было, если иметь в виду традиционное буржуазное понимание демократии. Но Октябрьская революция установила власть народа, и в этом смысле Республика Советов была демократичнее любого иного политического строя.

Слов нет, в России не было таких демократических традиций, как в Западной Европе. Но, сопоставляя исторические условия того времени, нельзя упускать из виду два момента.

Во-первых, именно отсутствие широких демократических традиций в тогдашней России обусловливало многие особенности развития революции в нашей стране. В дни Февральской революции погибли 1600 человек из-за активного сопротивления полиции и других сил контрреволюции, тогда как в ходе Октябрьского восстания — 6 человек. Это обращение к историческому факту развенчивает пропагандистские лозунги, которые пытаются представить Февральскую революцию как мирную и демократическую в противоположность Октябрьской.

Во-вторых, говоря о демократических традициях Европы, нельзя забывать, какими жесткими методами были подавлены революционные восстания в Венгрии, Баварии, Берлине, Гамбурге.

Как видно, обращение к историческим реальностям прошлого проливает много света на некоторые подобного рода рассуждения, существенно подрывает их обоснованность.

Гениальная способность В. И. Ленина к диалектическому анализу общественных процессов выразилась и в тактике смены лозунгов в период между Февралем и Октябрем, и в выборе момента вооруженного восстания. До сих пор наше воображение поражает, с какой точностью это было сделано: победить сегодня, завтра

будет поздно! Этот выбор момента восстания, осуществленный к тому же в условиях острой борьбы с его противниками внутри ЦК партии, в решающей степени предопределил успех выступления рабочего класса и революционного гарнизона столицы.

Значение ленинского выбора момента вооруженного восстания становится особенно очевидным в свете трактовки этого исторического факта Троцким в его статье «Уроки Октября» (1924 г.). В ней Троцкий утверждал, что судьба Октябрьского переворота была предрешена еще 9 октября (по ст. ст.), когда Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение о невыводе войск революционного гарнизона из Петрограда, вопреки требованию Временного правительства. По мысли Троцкого, именно это решило судьбу революции. Троцкий и его сторонники придерживались линии на затягивание вооруженного восстания до созыва II Всероссийского съезда Советов, предлагая, таким образом, на официальном заседании съезда провозгласить передачу власти в руки Советов. Между тем это таило в себе колоссальную опасность, поскольку Временное правительство могло собраться с силами и упредить восстание.

Тем самым Троцкий задним числом пытался поставить под сомнение и целесообразность восстания 25 октября, и роль Ленина в Октябрьской революции. Против его позиций активно выступило тогдашнее руководство партии. Оно разоблачило демагогический, бонапартистский характер попыток Троцкого присвоить себе роль вождя и единственного руководителя Октябрьского переворота. Интересы научного анализа требуют более глубокого рассмотрения всех этих вопросов. Ведь именно здесь коренится некоторое различие подходов к анализу самого осуществления Октябрьского восстания.

Последующий опыт исторического развития показал, что линия Ленина на социалистическую революцию оказалась полностью оправданной. Выбор между социализмом и капитализмом — это главная социальная альтернатива нашей эпохи. В XX веке вперед идти нельзя, не идя к более высокой форме социальной организации — к социализму.

Оценивая этот исторический выбор, М. С. Горбачев особое ударение сделал на том, что ленинская стратегия и тактика в период революции — постоянное

напоминание нам, ныне живущим, о высоком долге коммунистов всегда быть на острие событий, уметь принимать смелые решения, брать на себя всю полноту ответственности за настоящее и будущее [8].

Вопрос об альтернативности исторических путей и проблемы выбора выступают в докладе практически как сквозная тема. Альтернативность, связанная с путями развития от Февраля к Октябрю: буржуазная демократия или монархическая контрреволюция, позже — выбор путей социалистического развития. Иные литераторы сопоставляют возможности «демократического Февраля» и «диктаторского Октября», сбрасывая со счетов монархическую контрреволюцию. Между тем ситуация от Февраля к Октябрю развивалась таким образом, что силу набирала именно самая крайняя монархическая контрреволюция, во главе которой встал генерал Корнилов, готовый утопить в крови Россию ради сохранения старых порядков. Так что выбор был скорее не между буржуазной демократией и пролетарской диктатурой, а между пролетарской демократией и монархической контрреволюцией.

Всякий раз, когда судьбы партии и революции были на грани наибольшей опасности, только феноменальная способность Ленина видеть всю обстановку в совокупности и находить единственно правильные решения оказывалась спасительной для дела революции. Так было, когда под вопрос было поставлено само существование молодой Советской республики и страна вышла из войны благодаря Брестскому миру. Так было и при переходе от военно-коммунистических методов хозяйствования к новой экономической политике, которая открывала путь к социалистическому развитию страны, вселяла в массы надежду на победу, несмотря на суровые испытания и гигантские трудности на предстоящем пути. Нэп был направлен не только на налаживание союза с единоличным крестьянством, но и на использование во имя строительства социализма материальной заинтересованности и хозрасчета, на раскрепощение созидательной энергии масс.

Представим себе на минуту, что было бы, если бы Ленин оказался верным теоретическим «моделям» западной социал-демократии того времени, догматическим

---

[8] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 7—8.

представлениям о путях социалистического строительства, которых придерживались Каутский и др. Очевидно, это грозило бы опасностью победы контрреволюции в России. Многие западноевропейские социалисты исходили из того, что Россия якобы не располагает необходимыми предпосылками цивилизованности для перехода к социализму. Примерно на этих же позициях стояли Троцкий, Зиновьев и Каменев. Без преодоления этих оппортунистических, догматических взглядов осуществление целей революции было невозможным.

* *
*

Если анализ Октября и первых лет деятельности Советской власти при Ленине в докладе М. С. Горбачева базируется главным образом на ленинских оценках, то осмысление последующей истории потребовало самостоятельного разбора исторических процессов и событий. Это тем более важно отметить, что потребность в честном, партийном, научном анализе этого времени назрела давно. Глубокое и оригинальное рассмотрение получил вопрос об альтернативах развития страны после Октябрьской революции и завершения гражданской войны. В последнее время в ходе различных дискуссий в научной и литературной среде широко распространилась точка зрения, согласно которой тогда перед страной встали две возможности социалистического развития — *либо* медленного врастания крестьянства в социализм, возможного лишь в условиях длительного мирного развития, *либо* форсированных темпов социалистического строительства в обстановке грозящей военной опасности.

В действительности же историческая обстановка складывалась так, что новому строю был предъявлен жесткий ультиматум: либо, создав в кратчайшие сроки собственную «социально-экономическую и техническую базу, выжить и дать человечеству первый опыт справедливой организации общества, либо погаснуть и остаться в памяти веков в лучшем случае лишь героическим, но неудавшимся социальным экспериментом. Жизненно важное, в полном смысле слова, судьбоносное значение приобретал прежде всего вопрос об уско-

ренных темпах социалистических преобразований»[9].

Вокруг целей, темпов социалистических преобразований и развернулась острая идейно-теоретическая, а затем и организационно-политическая борьба внутри партии в 20-е годы. Необходимость дискуссий, политических и теоретических споров, необходимость в столкновении позиций и неизбежность столкновения позиций были обусловлены объективно. В этом смысл идейно-теоретической борьбы, которая развернулась в партии в эти годы. М. С. Горбачев назвал 20-е годы подлинной революционной лабораторией социального новаторства, поиска оптимальных форм союза рабочего класса и трудового крестьянства, формирования механизма реализации всего спектра интересов людей труда[10].

Впервые в историко-партийной науке осуществлен принципиально новый подход к раскрытию этого периода в целом и к характеристике сути происходившей борьбы внутри партии. Известно, что основная концепция «Краткого курса истории ВКП(б)» состояла в том, что в руководстве партии были изначально враждебные делу революции и социализма люди — враги народа, которые затем выступили против большинства партии, против ее руководства. Тем самым бросалась тень на революцию, на партию, на Ленина.

Вопрос же в действительности был сложнее. Здесь нам представляется еще раз возможность взглянуть на исторический процесс социалистического строительства с точки зрения взаимодействия сложных объективных условий и роли разных личностей в этом процессе, выражающих позиции различных слоев населения. В. И. Ленин оставил нам бесценное наследие в виде целого комплекса представлений о социалистическом обществе, путях построения социализма. Вместе с тем он очень осторожно относился к детализации картин будущего общества: каким оно будет, мы не знаем и знать не можем[11], говорил он неоднократно.

Ленинское наследие оказалось в центре идейно-теоретической борьбы после его кончины, когда остро встал вопрос о дальнейших путях развития страны. С новой силой обнаружилось то обстоятельство, что еще при жизни Ленина далеко не все руководители пар-

---

[9] Там же, с. 13.

[10] См. там же, с. 11.

[11] См., например: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 96.

тии были согласны с ним. В партии были представлены практически все социальные группы и слои населения, и она испытывала, естественно, на себе влияние разноречивых интересов, традиций, устремлений и т. п.

Да и вообще поиск оптимальных путей социалистического строительства сам по себе оказался трудным делом в силу характера самих задач. Но объективные трудности осложнились, как известно, личным соперничеством в руководстве партии, амбициозными притязаниями, особенно со стороны Троцкого. Называя Троцкого жульничающим политиком, говоря о его небольшевизме, всегда помня о штрейкбрехерстве Каменева и Зиновьева в дни Октября, принимая во внимание неустоявшиеся теоретические и политические позиции Бухарина, отмечая дурные качества Сталина, Ленин *терпеливо* относился ко многим их недостаткам и не пользовался слабостями этих людей. Конечно, опасность раскола из-за фракционной борьбы преуменьшать ни в коей мере нельзя, тем более что эта борьба касалась коренных вопросов развития партии и страны. Ленин предупреждал, что в известной обстановке подобные «мелочи» могут приобрести решающий характер. Так и случилось.

В докладе отмечается, что руководящее ядро партии, которое возглавил И. В. Сталин, отстояло ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, которые получили одобрение в качестве политического курса со стороны большинства членов партии и трудящихся [12].

Главным оказался вопрос о самой возможности построения социализма в нашей стране. Троцкий, Каменев, Зиновьев, как известно, возлагая надежды на мировую революцию, не верили в строительство социализма в СССР и выступали против практической политики построения социалистического общества в нашей стране. В дальнейшем, когда троцкистско-зиновьевская оппозиция была преодолена, внимание к себе привлекли вопросы о темпах и методах осуществления социалистического строительства, темпах и способах коллективизации села, индустриализации, проблемы источников финансирования и др.

---

[12] См. *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 16.

Если по вопросам о возможности строительства социализма в одной стране Бухарин шел с большинством Центрального Комитета, то в вопросе о темпах и способах социалистических преобразований в деревне он и его сторонники стояли на ошибочных позициях. Они считали, что стране представлялись возможности длительного мирного развития, постепенного врастания основной массы крестьянства в социализм и вообще путь благоденствия, который исключил бы то перенапряжение, которое было неизбежным в нашем развитии. Они недооценивали значение фактора времени в строительстве социализма в 30-е годы, их позиции во многом определялись догматическим мышлением, недиалектичностью оценки конкретной обстановки. И сам Бухарин, и его сторонники вскоре признали свои ошибки [13].

В обстановке угрозы империалистической агрессии в партии утвердилось убеждение в необходимости не просто пройти, а в кратчайшие исторические сроки пробежать расстояние от отсталости к развитой индустрии, без которой была бы неминуемая гибель всего дела революции. В ходе политических дискуссий сформировалась концепция индустриализации и коллективизации. Их осуществление вывело страну на качественно новый уровень развития. К концу 30-х годов Советский Союз по выпуску промышленной продукции занял первое место в Европе и второе место в мире, став поистине великой индустриальной державой.

Эта часть юбилейного доклада вызвала огромный интерес как у нас в стране, так и за ее пределами. Иногда в печати, да и в устной полемике сторонники медленного, постепенного пути строительства социализма выдвигают соображение, что продолжение «нэповского» развития позволило бы вместе с тем создать мощную индустрию и мощную оборону. Думается, что такие рассуждения не имеют под собой достаточных оснований. Вряд ли для единоличного хозяйства нам удалось бы в столь быстрые сроки создать столь мощную промышленность. Не было бы у нас в этом случае ни ХТЗ, ни СТЗ, ни ЧТЗ, ни Ростсельмаша, ни многого другого, что позволило и преобразовать сельскохозяйственное производство, и создать предпосылки для будущей «войны моторов». С учетом

[13] См. там же, с. 17.

всей совокупности внутренних и международных реальностей в докладе дан четкий и определенный ответ на вопрос: «...Можно ли было в тех условиях избрать иной курс, чем тот, который был предложен партией? Если мы хотим остаться на позициях историзма, правды жизни, ответ может быть один: нет, нельзя» [14].

Но вопрос о выборе *пути* развития нетождествен вопросу о *формах* и *методах* осуществления избранного пути развития. Иногда говорят, что, дескать, именно быстрые темпы индустриализации и коллективизации породили массовые репрессии. И с этим также согласиться нельзя. Массовые репрессии, как это указывается и в докладе М. С. Горбачева, последовали после того, как позади осталась полоса наиболее серьезных для партии идейно-политических испытаний, когда миллионы людей с энтузиазмом включились в работу по осуществлению социалистических преобразований и стали появляться первые успехи. Массовые репрессии были осуществлены уже после того, как вопрос о кулаке был решен. И главное — они были направлены против ленинской гвардии коммунистов, против военных кадров. Иначе говоря, эти репрессии имели иное происхождение, диктовались, скорее, бонапартистскими устремлениями Сталина, страхом перед его критиками. Так что объяснять репрессии быстрыми темпами индустриализации и коллективизации, а значит, и оправдывать их было бы неправильно в принципе.

Думается, что недостаток критики культа личности Сталина в период XX съезда и сразу после него состоял в том, что проблемы ограничивались в основном вопросом о возвеличивании личности самого Сталина, о недостатках его руководства, злоупотреблениях и т. д. Все это, конечно, имело место, но задача состоит в том, чтобы разобраться в политических условиях, сложившихся к тому времени и сделавших возможным и сам культ личности, и ту линию поведения Сталина, которая имела трагические последствия для партии и народа. Анализ периода 30-х годов показывает, что тогда уверовали в универсальную эффективность жесткой централизации, в то, что командные методы — самый короткий и лучший путь решения исторических задач. В условиях, когда буквально на виду были все основные объекты строящегося индустриального здания, та-

[14] Там же, с. 18.

кие методы, такая система управления в общем-то дали свои результаты. Но они не могли не сказаться на отношении к людям, к их жизненным условиям. Административно-командная система партийно-государственного руководства страной способствовала усилению бюрократизма, об опасности постоянного возрождения которого предупреждал в свое время Ленин. Столь жесткая система централизации и командования была недопустима и при решении задач преобразования деревни.

Опыт показал, что диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, а вместе с тем недостаточное знание интересов и потребностей крестьянства приводило к сбоям в хлебозаготовках, спаду потребления. Проявилась недооценка того факта, что крестьянство в условиях Советской власти стало верным и надежным союзником рабочего класса, что, в свою очередь, привело к известным перегибам в ходе коллективизации. Иначе говоря, «головокружению от успехов» в докладе дается иное, более точное и глубокое объяснение, нежели то, которое сводило причины этого «головокружения» к ошибкам местных руководителей. Коллективизация рассмотрена как сложный, противоречивый вопрос. Она означала коренное изменение уклада жизни крестьянства на социалистической основе, создала социальную базу для модернизации аграрного сектора и перехода его на рельсы культурного хозяйствования. Но крупные хозяйства таят в себе опасность отрыва крестьянина от земли, опасность недостаточного использования материальной заинтересованности колхозников.

В этой связи огромное значение имеет положение доклада М. С. Горбачева о том, что административно-командная система, сформировавшаяся в ходе индустриализации и получившая новый импульс во время коллективизации, распространилась и на политическую жизнь, привела к ограничению демократического потенциала социализма, сдерживала развитие социалистической демократии. Методы, продиктованные потребностями борьбы с сопротивлением враждебных эксплуататорских классов, механически были перенесены на период мирного социалистического строительства. В оправдание этого была выдвинута «теория» обострения классовой борьбы по мере успехов строительства социализма.

Отсутствие должного уровня демократии в советском обществе сделало возможным и культ личности, и нарушения законности, приведшие к репрессиям 30-х годов. Тем самым был нанесен огромный ущерб делу социализма и авторитету партии. В юбилейном докладе дан глубоко взвешенный анализ как неоспоримого вклада Сталина в борьбу за социализм, его заслуг в период Великой Отечественной войны, так и грубых политических ошибок, произвола, допущенного им самим и его окружением, за которые советские люди заплатили высокую цену и которые имели тяжелые последствия.

Поэтому в научном анализе нельзя ограничиться при характеристике Сталина только определением его субъективных свойств, дурных черт характера или еще каких-то обстоятельств, связанных главным образом с самой его личностью. Надо рассмотреть этот феномен как результат взаимодействия объективных путей нашего развития и субъективных факторов. Задача историко-партийной науки — показать все это точно и обстоятельно, на широком конкретном материале. Честное истолкование как огромных достижений, так и происшедших бед, полная и верная оценка их имеют огромное значение и для настоящего времени, и для нашего будущего.

Надо полагать, что, имея в своей основе совершенно объективные, конкретно-исторические причины, комплекс явлений, который получил название культа личности, не является неизбежным для социалистических отношений. Надо учитывать, что социализм развивается не в стерильных условиях. На политические формы влияние оказывали традиции, соотношение классовых сил, иные условия, в том числе внешние. В этой связи наука должна раскрывать причины возрождения некоторых явлений, связанных с культом личности, на последующих этапах развития советского общества.

В недавних дискуссиях по истории партии обнаружились две крайности. Одни утверждали, что историко-партийная наука одержала крупные победы, что подготовлены и выпущены многие труды, которые достаточно полно и правильно отражают все основные этапы истории нашей партии. Другие же требуют пересмотреть многое, в том числе фундаментальные оценки, относящиеся как к дореволюционному, так и послеоктябрьскому периодам, считая, что все основные поло-

жения историко-партийной науки идут в конечном счете от сталинских характеристик, содержащихся в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Эти требования касаются и отдельных моментов Октябрьской революции, и политики военного коммунизма, и новой экономической политики, и индустриализации, коллективизации, культурной революции, периода Великой Отечественной войны и др.

В этой связи о «Кратком курсе истории ВКП(б)», о нашем отношении к нему. Ведь практически чуть ли не в каждой аудитории, где доводится выступать, задается вопрос: а что из себя представляет «Краткий курс», как наш институт к нему относится и т. д.? Известно, что в многотомной истории партии уже проделана полезная работа по преодолению ошибочных тенденций в освещении истории партии, и она является достоянием научной мысли. Но, к сожалению, не широкой общественной мысли, потому что знакомиться с многотомной историей имели и имеют возможность сравнительно немногие люди.

В этой связи, конечно, в научной работе еще и еще раз придется возвращаться к некоторым концепциям «Краткого курса», особенно к двум из них, подлежащим дальнейшему всестороннему критическому рассмотрению. Это, во-первых, концепция (которой руководствовались создатели «Краткого курса») о том, что история партии должна быть прежде всего историей идей, а не историей людей. Подобная трактовка, разумеется, упрощает содержание постановления ЦК от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором говорилось о том, что «в противоположность некоторым старым учебникам, излагавшим историю ВКП(б) прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях,— «Краткий курс» излагает историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма и имеет в виду воспитание партийных кадров, в первую очередь, *на идеях* марксизма-ленинизма» [15], но смысл его именно таков. Понадобилось очистить историю партии от определенной категории лиц, и это

[15] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 3. 7-е изд. М., 1954, с. 317.

было сделано в «Кратком курсе» в угоду интересам и взглядам Сталина.

И второе — это концепция двух вождей в партии, которая пронизывает «Краткий курс» практически от начала и до конца. «Партия Ленина — Сталина» — эта идея проводится на историческом материале начиная с 900-х годов и с особой силой она звучит при характеристике Пражской партийной конференции, о которой в «Кратком курсе» было сказано, что она будто бы положила начало партии нового типа — большевистской партии. Это, естественно, вступает в конфликт с ленинскими представлениями о появлении большевизма, большевистской партии, и от подобной концепции нам надо решительно отмежеваться. Такая попытка уже была предпринята во втором томе многотомной истории партии, но, правда, сделана петитом и в примечании [16].

Очевидно, историко-партийной науке предстоит во многих отношениях заново, более глубоко осмыслить различные аспекты культа личности Сталина. Иногда задают вопросы: будет ли издаваться политическая биография Сталина, почему люди изучают ее по Анатолию Рыбакову, а научных трудов, где раскрывались бы эти вопросы, все еще нет? Представляется, что главное решение этой задачи — освещение и роли Сталина, и других лидеров партии — может быть осуществлено через создание прежде всего научного очерка истории партии, а не через написание биографий отдельных людей. Хотя и это в принципе не исключается.

Важно подчеркнуть, что вообще докладу М. С. Горбачева свойственно глубокое стремление показать место каждого этапа и каждого поколения в истории социалистического строительства. И это очень важно не только с точки зрения теоретической, но и с точки зрения нравственно-психологической, потому что замалчивание роли того или иного деятеля, тех или иных моментов нашей истории болезненно сказывается на самочувствии, на миропонимании, на политических взглядах различных категорий наших людей. Каждое поколение внесло свой вклад, и каждое поколение желает видеть отражение в политической литературе, в политических документах именно этой своей роли.

---

[16] См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966, с. 379.

В этом контексте представляется необходимым продолжить и углубить творческие дискуссии по вопросам формирования механизма торможения, начатые отделами истории партии и научного коммунизма; проследить альтернативность путей развития социализма, особенно его экономического механизма и процессов демократизации общества 50—80-х годов.

* *
*

Исторический анализ в докладе тесно увязан с природой и назначением перестройки. Партия рассматривает перестройку как продолжение дела Октябрьской революции. В докладе М. С. Горбачева подчеркивается, что цель перестройки — теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма, концепцию, в которой непререкаемый авторитет — за человеком труда с его идеалами, интересами, авторитет гуманистических ценностей в экономике, социальных и политических отношениях, в культуре. Это принципиально важная позиция руководства КПСС, в которой зафиксировано отношение к ленинскому наследию и к его практической реализации в процессе социалистического строительства в нашей стране. Признавая достижения социализма, КПСС вместе с тем указывает на известный отход от ленинских принципов понимания социализма и методов его осуществления, допущенный при Сталине, а затем и на последующих этапах истории. Это тем более важно иметь в виду, потому что буржуазные идеологи стремятся поставить знак равенства между Сталиным и Лениным, доказать, что в своей практической деятельности Сталин лишь развивал ленинские методы и средства применительно к новой исторической обстановке. Часто при этом ссылаются на резолюцию X съезда КПСС «О единстве партии», действительно написанную Лениным. Однако, выступая против фракционности, за единство партии, Ленин вместе с тем оставил нам в совокупности такие представления о социалистической демократии, которые были прямо противоположны сталинским методам насаждения единства в партии и нормам внутрипартийной жизни, методам управления обществом и государством.

Первостепенное значение имеют для нас именно ленинские представления о социализме, о путях построения социалистического общества. В докладе дана

полная характеристика этих представлений: создание машинной индустрии, широкое кооперирование, поголовное вовлечение трудящихся масс в управление государством, организация работы государственного аппарата по принципу «лучше меньше, да лучше», через «культурное развитие всей народной массы», укрепление федерации свободных наций «без лжи и железа».

Такое понимание нового общественного устройства, как видно, выводит нас за рамки устоявшихся взглядов на то, что ленинский план социализма сводится к трем позициям — индустриализации, коллективизации, культурной революции. Эти преобразования, разумеется, составляют краеугольный камень ленинской концепции социалистического строительства, но они не исчерпывают всей полноты его взглядов.

В то же время зауженные представления о социализме и путях осуществления социалистических преобразований оказались не так уж безобидны, поскольку принижали значение таких сторон общественного развития, как социалистическое самоуправление народа, демократизация всех институтов общественной жизни, механизм хозяйствования, социально-классовые и национальные отношения, вообще до значительной степени игнорировались социальные отношения, вопросы их углубления и совершенствования. Именно на этой почве расцвели технократические тенденции и бюрократические методы руководства.

Несмотря на настойчивую и многоплановую работу по разъяснению сущности и предназначения перестройки, все еще встречается недопонимание, недостаточно ясное представление вопроса о двух сторонах перестроечных процессов: ликвидации негативных и утверждении новых, прогрессивных форм и методов работы. В этой связи на торжественном заседании подчеркивалось, что перестройка не только избавление от застойности, консерватизма предшествующего периода, исправление допущенных ошибок, но и преодоление исторически ограниченных, изживших себя черт общественной организации и методов работы. Это — придание социализму самых современных форм, соответствующих условиям и потребностям научно-технической революции, интеллектуальному прогрессу советского общества.

При таком рассмотрении перестройки мы, естест-

венно, обращаемся к историческим корням застойных явлений, причинам и условиям образования механизма торможения. Было бы, видимо, неправильно рассматривать образование механизма торможения как результат злонамеренных действий отдельных людей и групп, хронического характера консерватизма, бюрократизма в нашей стране. Дело, конечно, сложнее. В экстремальных условиях конца 20-х и 30-х годов нам потребовались централизованное управление экономикой, командно-административные методы решения задач.

Другой вопрос, о котором можно дискутировать,— в какой мере при этом возможно было развитие демократических форм организации советского общества — и в сфере экономики, и в сфере политики, и в сфере культуры. Ведь советские люди в общем и целом одобрительно относились к централизованным формам управления, поддерживали их и связывали свои надежды на дальнейший прогресс именно с ними. Вместе с тем, как показывает теперь опыт и как становится нам все более и более ясно, эти формы управления экономикой и обществом уже содержали в себе зародыши негативных явлений, сформировавших механизм торможения.

Если сжато представить характеристику механизма торможения, то он, очевидно, складывался на основе такой административной системы управления, которая, во многом лишая трудовые коллективы прав и ответственности, фактически исключала их заинтересованность во внедрении передовой науки и техники, в повышении качества продукции, в развитии инициативы и предприимчивости. Формы распределения напрямую связывали государство и отдельного работника: государство в лице его центральных органов брало на себя определение всех форм и видов материального поощрения, ставок заработной платы. Они выводились независимо от уровня хозяйствования тех или иных предприятий и т. д.

В книге М. С. Горбачева есть мысль о том, что в результате сложившихся общественных отношений, связей центра и мест, сверхцентрализации стали проявляться процессы отчуждения человека труда от всенародного достояния [17]. Мы, обычно рассматривая

[17] См. *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, с. 44.

марксову теорию отчуждения, исходили из того, что отчуждение есть продукт капитализма. Здесь же отчуждение толкуется более расширенно, когда всенародное достояние выступает как некая «ничейная» форма собственности, от которой человек как бы несколько отставлен, и на процессы развития производства, формирования собственности, управления ими он оказывать своего непосредственного влияния уже не может или оказывает в крайне ограниченном порядке.

Эта концепция в концентрированном виде выражает суть тех проблем, с которыми мы сталкиваемся. Она отражает ситуацию, сложившуюся в сфере управления экономикой, когда командно-административные методы подавили собой демократические формы управления общественной и государственной жизни. Думаю, что это положение чрезвычайно плодотворно и дает ключ к пониманию характера задач, которые нам приходится решать. Ведь суть перестройки управления экономикой состоит в том, чтобы поднять ответственность трудовых коллективов за судьбы своих предприятий, за решение экономических и производственно-технических проблем, чтобы сделать из труженика действительно хозяина — хозяина не на словах, а на деле.

Ликвидация механизма торможения, создание вместо него механизма ускорения составляют смысл перестройки. В докладе в этом плане особое внимание обращено на две ключевые проблемы развития общества, определяющие судьбу перестройки: это **демократизация всей общественной жизни и радикальная экономическая реформа.**

Душой перестройки называет М. С. Горбачев демократизацию общества. От того, как пойдет развитие демократии, в решающей степени зависят успех самой перестройки и будущее социализма в целом. В ней — самая прочная гарантия преобразований политики и экономики. Но для этого необходимо создать надежный и достаточно гибкий механизм реального вовлечения всех трудящихся в решение государственных и общественных дел. Необходимо на практике научить людей жить в условиях углубляющейся демократии, расширять и укреплять права человека, выращивать современную политическую культуру масс.

В этой связи следует остановиться на вопросе о самоуправлении. Долгие годы советские ученые относились к нему критически, если не сказать подозритель-

но, полагая, что самоуправление — это дело отдаленного будущего. Однако, если взять Советы народных депутатов с момента возникновения, с первых их шагов, то они, по существу, представляли не что иное, как органы революционной борьбы трудящихся, самоуправления народа, осуществления его интересов. После революции Советы становятся органами государственной власти, но не утрачивают своего значения как формы народного самоуправления. Эта идея в последние годы получает широкое развитие и обоснование.

Что касается конкретных методов осуществления демократии, то мы к этой работе уже приступили. Расширилась информация о деятельности высшего руководства, появились новые формы демократии, в том числе выборность руководителей предприятий, учреждений, их подразделений, экспериментальную проверку проходила новая система выборов в Советы народных депутатов по многомандатным округам. Все это примечательные явления нашей жизни, но сказать, что мы уже здесь достигли каких-то выдающихся успехов, было бы, наверное, преждевременно.

Многое требует длительной и тщательной проверки, оценки сильных и слабых сторон этих новых форм и методов осуществления демократизма. Несомненно, в будущем появятся и такие, которых сейчас еще нет. И думается, что главная задача заключается в том, что надо найти адекватное представительство интересов различных групп трудящихся, слоев населения, представительство не только в общественных организациях, но и во внутренних органах управления. Как это дело пойдет дальше, предсказывать трудно, ответ на это может дать только практика.

Рождение и эффективность новых форм организации, методов, способов демократии в огромной степени будут зависеть от уровня политической культуры, умения пользоваться демократическими способами взаимоотношений между людьми и управления общественными делами. Надо сказать прямо, что здесь сейчас заметны две крайности. С одной стороны, консервативная сверхосторожность, боязнь новых форм управления на том основании, что они могут привести к хаосу, разболтанности, дезорганизации общества. Наверное, было бы неправильно считать, что такие опасения совершенно напрасны. Вместе с тем нельзя быть и чрезвычайно робкими, иначе у нас ничего не получится

с воспитанием инициативы, ответственности, самостоятельности трудящихся масс.

Вторая крайность состоит в том, что демократические формы используются демагогическими элементами, которые часто выдвигают необоснованные требования, притязания. Под маркой демократии порой выступают чуждые социализму идеи и устремления. Это, например, относится, как не раз отмечала наша печать, к деятельности небезызвестного общества «Память», в которое проникли чужеродные элементы и используют его в своих сомнительных интересах. Аналогичные явления могут возникать и дальше.

Партия, общество ясно и недвусмысленно высказались за широкую организацию творческих дискуссий, за свободное обсуждение общественно значимых проблем жизни страны. Однако культуры в проведении такого рода обсуждений нам явно не хватает. Это видно из того, что вместо кропотливого, аргументированного сопоставления доводов, доказательств часто применяются наклеивание ярлыков, в том числе и политических, квалификация оппонентов как людей подозрительных. При этом проявляется давнее перестраховочное стремление, чтобы дискуссии обязательно были (как показатель демократизма!), но в то же время, чтобы все говорили правильно. Неистребимое «беликовское» предостережение: «как бы чего не вышло!» крепко еще держит сознание некоторых наших людей.

Из-за недостатков демократических методов в проведении дискуссий бояться самого процесса демократизации, самих дискуссий было бы не к лицу нашей партии. В условиях прочного единства общества, колоссального авторитета КПСС, широкого влияния марксистско-ленинской идеологии не стоит бояться многообразия проявления мнений, стремлений, интересов, ведь в этом мы как раз и должны видеть различные формы возрастания активности. Активность однозначная, активность только положительная, активность бесспорная — это нереалистическое представление об активности. Она бывает часто неудобная, неприятная, ошибочная, и с этим нельзя не считаться, но сам факт наличия активности и роста ее гораздо важнее.

В общем, учиться культуре демократии, культуре политической жизни — задача наиважнейшая. Культура

демократии должна пропитывать все сферы человеческих отношений. У каждого человека свой социальный опыт, свой уровень знаний, образованности, свои особенности восприятия происходящего. Отсюда и вытекает огромный диапазон мнений, убеждений, оценок, которые, естественно, требуют внимательного учета, сопоставления. «Мы за разнообразие общественного мнения, богатство духовной жизни. Нам не надо бояться открыто ставить и решать трудные проблемы общественного развития, критиковать и спорить. В таких условиях как раз и рождается истина, формируются правильные решения» [18].

О другом направлении перестройки — преобразованиях в сфере экономики — сказано за последнее время очень много. На торжественном заседании подчеркивалось, что перемены в экономике — это прочная основа для ускорения продвижения вперед на всех направлениях. Их цель — в ближайшие два-три года обеспечить переход от чрезмерно централизованной, командной системы управления к демократической, основанной преимущественно на экономических методах, на оптимальном сочетании централизма и самоуправления. В ходе этих преобразований произойдет резкое расширение самостоятельности объединений и предприятий, перевод их на полный хозрасчет и самофинансирование, наделение трудовых коллективов всеми необходимыми для этого правами.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на два вопроса теоретического порядка. Их решение, очевидно, и будет составлять обязательные элементы того прорыва на теоретическом фронте, о котором говорил М. С. Горбачев еще на совещании руководителей кафедр общественных наук.

Первый — это вопрос о формах социалистической собственности.

И здесь возникают проблемы, связанные с теоретическим истолкованием самого характера общественной, государственной собственности. Правомерно ли считать, что развитие социалистической собственности должно состоять в том, что государственная собственность все дальше и больше вытесняет колхозно-кооперативную собственность и становится всеобъемлющей,

---

[18] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 34.

глобальной формой собственности, определяя при этом соответствующие формы управления и распределения?

Думается, что такое понимание собственности в теоретическом плане не отвечает ни существующим реальностям, ни интересам широких масс трудящихся, ни задаче ускорения нашего развития. Ведь у нас помимо колхозно-кооперативной и потребкооперации имеется собственность профсоюзов, и немалая, собственность общественных организаций. Все мы многократно, тысячекратно цитируем известное ленинское положение, что для победы нового общественного строя самое главное и самое важное — создание более высокой производительности труда. Но что такое более высокая производительность труда? Это активизация экономической деятельности на всех уровнях хозяйственного механизма — от станка, от бригады до высших эшелонов экономического руководства. Но если это активизация, значит, это и ответственное решение, решение самостоятельное и оперативное. А у нас сложились такие бюрократические механизмы, которые вот уже при двухлетней их критике и перестройке преодолеваются сложно, ибо их нельзя просто разрушить, их надо заменить более эффективной системой.

Надо полагать, что и взгляды на отношение к сфере государственной собственности тоже не могут оставаться неподвижными. Во-первых, меняется право распоряжения собственностью, меняется в том смысле, что предприятия получают более широкие права и выступают распорядителями государственной собственности — именно государственной, как это делали до сих пор лишь централизованные органы управления в лице министерств, госкомитетов и т. д. А это ведь реальные отношения собственности.

Но, помимо этого, появилась форма или вид государственной собственности в лице имущества предприятий, заработанных ими средств, которыми они имеют право распоряжаться под свою ответственность. Надо, конечно, еще осмыслить это явление. Но факт его возникновения несомненный, и он требует соответствующих социально-экономических и философских исследований.

Большие перспективы имеет развитие кооперативных форм собственности, причем не только в при-

вычных для нас формах колхозной собственности и собственности потребкооперации. Одно из направлений — семейный и бригадный подряд. Затем — создание агропромышленных объединений. Появляется целая гамма различного рода кооперативов, о чьих судьбах, о формах, которые они приобретут в будущем, пока еще гадать сложно, но внимание к этим процессам должно быть проявлено самое серьезное, на это нас ориентирует и специальное постановление ЦК КПСС [19]. В развитии кооперативной собственности происходит, в частности, реализация ленинского представления, согласно которому социализм — это строй цивилизованных кооператоров [20]. Здесь нам предстоит преодолеть очень многое: и предубеждение против кооператоров, и бюрократические препоны, и наши догматические теоретические стереотипы, и недостаточную иногда «цивилизованность» самих кооператоров.

В области распределения также будут происходить существенные сдвиги. Размеры распределения по труду будут теперь зависеть, и для кооперативных, и для государственных предприятий, прежде всего от уровня хозяйствования трудовых коллективов. Это глубокое изменение, хотя мы в данном случае не отступаем от сущностных требований основного принципа социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду».

Встает, естественно, вопрос — как можно объяснить, что, с одной стороны, речь идет о существенных изменениях, а с другой — утверждается, что мы не отступаем от сущностных требований основного принципа социализма. Непримиримого конфликта между этими суждениями нет. Но нельзя сказать, что здесь налицо лишь противоречия между формой и содержанием, ибо это означало бы сведение происходящих изменений лишь к изменениям в области формы, это, конечно, неверно. В данном случае мы можем говорить об изменениях в сущностях различного порядка.

Вспомним, что Ленин в «Философских тетрадях» рассматривал сущности первого, второго, третьего и т. д. порядка в тех или иных явлениях и процессах [21]. Действительно, углубляясь в сущности разных поряд-

[19] См. Правда, 25 ноября 1987 г.
[20] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 373.
[21] См. там же, т. 29, с. 227.

ков,' мы постигаем все более глубокие закономерности тех или иных процессов. Так, собственно, происходит и в случае, о котором шла речь выше.

В общем, такого рода изменения — ныне важнейший, как нам представляется, способ повысить и коллективную ответственность, и уровень предприимчивости, экономической активности трудовых коллективов. Без этого мы не сможем решить задач перестройки, добиться ускорения социально-экономического развития страны.

Надо полагать, осуществление радикальной экономической реформы — длительный процесс; он потребует большого напряжения и теоретиков-экономистов, социологов, философов, и практиков — партийных и государственных работников, широчайших масс тружеников. Но только в такой напряженной работе, в поисках, в борьбе мы сумеем найти то, что обеспечит нам успех.

Особое место в научно-теоретических и практических разработках Института займут проблемы более глубокого осмысления роли партии как политического авангарда общества в условиях кардинальной перестройки всех его сфер жизни и деятельности. Ведь успех перестройки прежде всего зависит от энергии, целеустремленности, силы примера партии, которая в этот исторически ответственный момент смело и решительно повела борьбу за обновление общества [22]. В новых условиях партия должна найти и новые подходы, новые методы решения актуальных задач по руководству обществом [23]. В решении этих проблем коллектив ИМЛ должен внести свой вклад, опираясь на глубокий и всесторонний анализ исторического опыта КПСС, путей, форм и методов реализации партийной политики и партийного строительства, особенно на переломных этапах истории советского общества.

* *
*

Затронутые вопросы, разумеется, не исчерпывают всего богатства идей и подходов, содержащихся в докладе М. С. Горбачева и его книге, других выступ-

[22] См. *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 41.

[23] См. Быть в авангарде, работать по-новому. Совещание в ЦК КПСС.— Правда, 21 ноября 1987 г.

лениях на юбилейных торжествах. Методологическое и теоретическое значение доклада и книги очень велико, ибо в них с огромной силой выразился дух исканий и новаторства, дух творческого развития марксистско-ленинского учения в новых исторических условиях. В них органически слились партийный, классовый подход к анализу всех явлений и процессов, чуждый заскорузлому догматизму и поспешному, бездумному приспособленчеству к «новым веяниям», и широкий охват событий, непредвзятый подход к самым острым проблемам, умение увидеть новые значительные тенденции и общественные движения, четко сформулировать их и наметить пути решения в интересах развития социализма, то есть то, что принято ныне называть новым политическим мышлением.

Жизнь, современные условия и обстоятельства потребовали от людей новых подходов к внутренней и внешней политике, идеологии, теоретической деятельности. Новое мышление поэтому и называется новым, что оно отвечает назревшим потребностям общественной жизни, по-новому подходит к концепции дальнейшего развития социализма, предлагает невиданные до настоящего времени конкретные, практические решения назревших проблем. На крутых поворотах истории разные люди ведут себя по-разному. Это относится и к периоду перестройки, когда проявляют себя и консервативные элементы, и люди с устаревшими подходами и мышлением, с групповыми интересами. Проявляются и экстремистские элементы, которые торопят перестройку, они хотят без должной подготовки осуществить разного рода меры. Естественно, партия и народ видят это и учитывают в своей практической деятельности.

Понятие нового политического мышления относится не только ко внутренним преобразованиям советского общества. Оно в равной мере относится и к внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства, международным отношениям вообще. Дело в том, что КПСС не только увидела страшную угрозу, нависшую над человечеством, но и смогла убедить широкую мировую общественность, многих политических лидеров капиталистических стран в своем искреннем намерении пойти на серьезные шаги в области разоружения, налаживания отношений доверия. Дело еще и в том, что КПСС и Советское госу-

дарство предложили систему конкретных практических мер, не только вызывающих доверие, не только отражающих чаяния народных масс, но и показавших возможность практического осуществления договоренностей, направленных на упрочение мира и международной безопасности.

Вырастая из реальностей современного мира, отвечая глубоким потребностям, чаяниям народных масс, новое политическое мышление базируется на ленинских принципах мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 2. С. 15—33.

Через обновление — к новому качеству историко-партийной науки

XIX Всесоюзная партийная конференция обобщила опыт перестройки, обогатила ленинскими подходами идеологию обновления всех сфер жизнедеятельности общества, выдвинула новые политические и методологические ориентиры для ускорения процесса обновления историко-партийной науки. Продолжая курс XXVII съезда КПСС и последующих пленумов ЦК КПСС на ускорение социально-экономического развития страны, более полное использование человеческого фактора и научного потенциала общества, конференция самокритично оценила трехлетний опыт деятельности партии в условиях перестройки, подчеркнула диалектику соотношения истории, современности и перспектив обновления, выдвинула неотложные задачи углубления перестроечных процессов.

Решения и идеи XIX Всесоюзной конференции КПСС — дальнейшее развитие новой концепции истории партии и советского общества, разработка которой была начата XXVII съездом, продолжена последующими пленумами ЦК КПСС, юбилейным докладом М. С. Горбачева, посвященным 70-летию Великого Октября.

«Три последних года в нашей жизни с полным правом можно назвать поворотными,— отмечал в докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС М. С. Горбачев.— Усилиями партии, трудящихся удалось остановить сползание страны к кризису в экономической, социальной и духовной сферах. Общество теперь лучше знает и понимает свое прошлое, настоящее и будущее. Политика перестройки, развернутая в конкретные социально-экономические программы, становится практическим делом миллионов. В этом суть политической обстановки в стране.

Мы видим, как воспрянуло общество. Многообразнее, интереснее и богаче стала духовная жизнь страны. Новое прочтение получают многие идеи К. Маркса и В. И. Ленина, которые до недавнего времени либо воспринимались односторонне, либо вовсе замалчива-

лись. В борьбе с догматизмом возрождается творческое начало научного, гуманного социализма.

Люди почувствовали собственную ответственность, освобождаются от апатии и отчужденности. Ветер обновления закаляет нравственное здоровье народа. Демократизация высвободила мощный поток мыслей, эмоций, инициатив. Утверждение правды и гласности очищает общественную атмосферу, окрыляет людей, раскрепощает сознание, стимулирует активную деятельность.

Итак, главный политический итог послеапрельского периода — изменение всей общественной атмосферы, начавшаяся материализация идей обновления, нарастающая поддержка советским народом курса партии на перестройку» [1].

По-новаторски ставились на XIX Всесоюзной партийной конференции вопросы о ленинской концепции партии как подлинно политического авангарда рабочего класса, всех трудящихся; о взаимоотношениях партии и государства; об общественно-политической аттестации коммунистов как средстве самоочищения и укрепления партии; об особой ответственности первичных парторганизаций и ЦК КПСС за реализацию авангардной миссии всей партии и др. Постановка этих вопросов, несомненно, стимулирует исследования в области партийного строительства, повысит их эффективность.

Конференция объективно оценила сложившуюся в ходе перестройки новую идейно-политическую ситуацию в нашем обществе, сущность и перспективы обновления исторического сознания трудящихся; поставила задачу создания постоянно действующего и здорового механизма функционирования социалистического плюрализма взглядов в условиях гласности, открытости и свободного обсуждения вопросов истории и современной жизни. Известно, что в наибольшей степени пострадали от культа личности, бюрократических методов руководства, догматизма и некомпетентного вмешательства общественные науки. «В условиях перестройки,— сказал в своем докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС М. С. Горба-

[1] *Горбачев М. С.* О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 года.— Правда, 29 июня 1988 г.

чев,— возникла острая социальная потребность в обществоведческих исследованиях. Мы нуждаемся в подлинном подъеме общественных наук на марксистско-ленинской мировоззренческой и методологической основе. Необходимы объективные научные исследования таких проблем перестройки, как экономическая реформа, реконструкция политической системы, демократизация, гуманистическое обновление, межнациональные отношения, новое политическое мышление, и многих других. Иными словами, общество, идущее к своему качественно новому состоянию, нуждается в целостной концепции развития, видении диалектики процессов, противоречивости их отражения в массовом сознании, в учете плюрализма мнений, выработке научно обоснованных перспектив.

Партия видит свою задачу в том, чтобы и дальше стимулировать творческий поиск в общественных науках, способствовать приращению теоретического арсенала перестройки. Но нужны радикальные перемены в отношении к науке. «Невостребованная» наука рано или поздно умирает, а практика при таком отношении к научному знанию становится слепой и хиреет. Все это неприемлемо для нас. Так что, спрашивая с ученых, надо им больше доверять и создавать все необходимые условия для творчества, поиска нового» [2].

Историки и публицисты в последнее время активизировали свое участие в дискуссиях по спорным проблемам истории КПСС, СССР, «круглых столах», в работе средств массовой информации. Положительно восприняты читателями материалы обсуждений за «круглым столом» и под рубрикой «Страницы истории», систематически публикуемые журналом «Коммунист» [3]. Профессионально, с пониманием ответственности за перестройку и перспективы развития исторической науки и скорейшее удовлетворение интересов общественности прошел обмен мнениями в редакции журнала «Вопросы истории» и «Українського історичного журнала» [4]. Систематически публи-

---

[2] Правда, 29 июня 1988 г.

[3] См. Коммунист, 1986, № 9, 18; 1987, № 12; 1988, № 7.

[4] См. «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки.— Вопросы истории, 1988, № 3; Актуальные проблемы историко-партийной науки: перестройка, поиск.— Український історичний журнал, 1988, № 2.

куются материалы, в том числе дискуссионного характера, о перестройке историко-партийной науки, преподавании истории партии в вузах и в системе политического просвещения, о современном отношении к историческому опыту КПСС на страницах нашего журнала [5].

Важное место в консолидации творческих сил перестройки и выработке общей платформы борьбы за обновление исторического сознания народа заняла конференция историков, писателей и литературоведов, состоявшаяся в Москве 27—28 апреля 1988 г.[6]

ЦК КПСС энергично поддерживает смелые, новаторские выступления историков, двигающие вперед нашу перестройку и критикующие силы консерватизма и догматизма, антиперестроечные настроения. Примером тому явилась редакционная статья «Принципы перестройки: революционность мышления и действий», опубликованная в «Правде» 5 апреля.

Новаторский и универсальный характер концепции перестройки и обновления состоит в том, что она основана на всестороннем, реалистичном и подлинно научном анализе всей совокупности общественных отношений, на сбалансированной оценке прошлого и настоящего, достижений и недостатков, исторического и современного опыта. Эта концепция нацелена на выявление новых творческих возможностей социа-

---

[5] См. *Козлов В. А.* Историк и перестройка.— 1987, № 5; *Барсуков Н. А.* О переломных рубежах, основных периодах и этапах истории КПСС.— 1987, № 6; *Маслов Н. Н.* Каким должен быть новый учебник по истории КПСС? — 1987, № 7; Перестройка и усиление взаимодействия общественных наук.—1987, № 10; *Десятерик В. И.* Ленинские уроки: принципы, методы и культура дискуссий.— 1988, № 1; *Смирнов Г. Л.* Исторический опыт Октября и перестройка.— 1988, № 2; *Аксенов Ю. С., Виноградов Л. К.* Некоторые проблемы развития общества в 70-е годы. Действие механизма торможения (Материалы «круглого стола», организованного отделом истории партии ИМЛ при ЦК КПСС).— Там же; Партийную работу — на уровень перестройки (Материалы «круглого стола», проведенного редакцией журнала и Московской ВПШ).— 1988, № 4; Обращаясь к опыту истории (Материалы «круглого стола»).— 1988, № 5; *Мельниченко В. Е.* Всесторонне подойти к исследованию исторического опыта.— Там же; *Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П.* Культ личности и историко-партийная наука.— Там же; *Петренко Ф. Ф.* Коллективность партийного руководства: опыт, проблемы.— 1988, № 6; Ученые Института марксизма-ленинизма предлагают.— Там же.

[6] Материалы конференции см. Правда, 28, 29 апреля 1988 г.; Советская культура, 5 мая 1988 г.; Вопросы истории, 1988, № 6, и др.

лизма на одном из ответственнейших, переломных этапов коммунистического строительства. Только крутой поворот в мышлении, в практической деятельности обществоведов, будь то исследовательская работа, преподавание или пропаганда исторических знаний, позволит мобилизовать весь богатый опыт обществоведения на выполнение задач перестройки.

Идеи и решения XIX Всесоюзной партийной конференции придают новые импульсы теоретической и публикаторской деятельности обществоведов, содействуют выработке у них нового мышления, основанного на принципе единства теории и практики реального социализма, критическом анализе исторического опыта и уроков правды в интересах обновления всех сфер советского общества. Они способствуют формированию новаторских представлений о закономерностях, противоречиях и альтернативности исторического процесса, о переоценке целых периодов нашей истории, служат методологической основой для исследования исторических и современных процессов, событий и явлений в жизни и деятельности самой партии. В документах конференции на качественно новом уровне обобщения воплощены материалистическое понимание исторической необходимости перестройки и ускорения социально-экономического развития страны, принципы классовости и историзма, взаимосвязи и взаимообусловленности компонентов общественного прогресса.

Опыт перестройки, накопленный после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и обобщенный XIX Всесоюзной партконференцией, творческие дискуссии по актуальным — ближайшим и долговременным — проблемам дальнейшего развития историко-партийной науки дают основание полагать, что мы в состоянии обеспечить практическое соединение концепции перестройки с конкретными процессами обновления этой науки, ее преподавания в вузах, в системе политучебы.

История и современность учат: «неполное знание» сущности и специфики переживаемого момента, уровня зрелости общественных отношений приводит либо к забеганию вперед, либо к промедлению в постановке и решении назревших проблем. Как показывает опыт 70-х — начала 80-х годов, это может стать одной из причин серьезных трудностей и даже деформаций отдельных сторон общественной жизни. Сегодня в фокусе теоретической деятельности партии — сложный

комплекс проблем, обусловленных стратегией ускорения социально-экономического развития страны. Среди них не последнее место занимают проблемы мировоззренческие, культурные, воспитательные, в успешном решении которых обществоведение должно играть более активную роль.

Достижение качественно нового состояния исторического сознания требует коренного обновления исторической науки, переосмысления и анализа многих страниц истории партии. Предстоит их конструктивная и комплексная проработка, которая обогатит понимание закономерностей, диалектики и характера общественного прогресса при социализме, усилит идейный арсенал коммунистического воспитания трудящихся.

Раскрытие закономерностей, противоречий развития общества, достижений и упущений в ходе поступательного общественного прогресса; диалектика объективных и субъективных факторов социалистического созидания; методологические акценты и взвешенные оценки переломных рубежей и этапов нашей истории; объяснение причин турдностей, ошибок и снижения роли субъективного фактора в управлении обществом; анализ отрицательных последствий культа личности Сталина, действия механизма торможения в 60-е — начале 80-х годов, их соотношения с руководящей ролью КПСС; показ исторического значения апрельского (1985 г.) Пленума ЦК, XXVII съезда КПСС — эти и другие вопросы имеют принципиальное значение для обновления историко-партийной науки. Они заключают в себе огромное теоретическое богатство, методологические ориентиры исследований. Материалистический анализ современности, осуждение догматизма и устаревших стереотипов, активное взаимодействие теоретической мысли и практики, строгое соблюдение методологических принципов классовости и историзма, воплощенные в документах партии, посвященных теоретическим и практическим аспектам перестройки,— непременные требования к обновлению науки.

Задачи, поставленные конференцией, активная критика состояния исторической науки, особенно истории КПСС, до предела обострили у нас чувство неудовлетворенности и стремление к обновлению. Многие из вопросов, дискутируемых ныне в печати, давно волновали историков, хотя публично и откровенно высказываться по ним еще несколько лет назад не было

возможности. Общая атмосфера перестройки всех сфер общественной жизни, юбилейный доклад и книга М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», решения февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС и XIX партконференции создают благоприятные условия для строгого самоанализа историко-партийной науки, объективной оценки ее достижений, упущений и нерешенных проблем, извлечения необходимых уроков из ее развития за минувшие годы.

Мы вступили в невероятно трудный — методологически, организационно и психологически — творческий поворот к переосмыслению многих концепций, проблем, оценок, подходов, роли исторических личностей. Идейный и методологический источник этого поворота — ленинское наследие, документы XXVII съезда и XIX Всесоюзной конференции КПСС. Отказываясь от всего устаревшего, обращаясь к урокам и опыту собственного развития, историко-партийная наука выходит на качественно новые рубежи.

* *
*

Революционная суть обновления историко-партийной науки заключается не только в решительном преодолении элементов застоя и догматизма в образе мышления исследователей, деформаций в освещении ряда проблем и периодов, но также и в ликвидации «белых пятен» в ней. Эта работа уже начата при активном участии историков, публицистов, писателей, всей общественности страны. Революционный характер перестройки требует повышения нравственной и методологической культуры ученых, более активного их участия в нелегком деле внедрения достижений исторической и социологической науки в общественную практику.

Главное сейчас — сконцентрировать интеллектуальный потенциал историко-партийной науки, силы и мастерство историков на исследованиях конкретных историко-партийных проблем, на всестороннем, подлинно научном освещении пройденного партией пути, раскрытии ее руководящей созидательной роли, особенно на переломных этапах, диалектики преемственности и новаторства, опыта разрешения противоречий и

преодоления многочисленных внутренних и внешних трудностей.

Новизна и сложность задач нового этапа перестройки, необходимость максимального раскрытия исторического опыта, учета уроков истории выдвигают неотложные требования к деятельности историков. Диалектика исторического развития и научного познания такова, что противоборство старого и нового логично и закономерно завершается неуклонным продвижением к исторической правде, к познанию истины. Диалектико-материалистический подход к изучению процессов и явлений общественного развития, присущий методологии перестройки, показывает, что, несмотря на зигзаги, временные спады и отклонения, главное место в истории принадлежит объективно закономерным процессам и явлениям, общественному прогрессу.

На переломных этапах общественного развития историческое познание обычно протекало ускоренными темпами, выходило на качественно новые рубежи. В атмосфере перестройки вполне закономерны попытки пересмотреть сложившиеся в конкретно-исторических условиях те или иные концепции и выводы с позиций правды, уроков истории. Конечная цель подобной переоценки — не только полное восстановление истины, но и стимулирование творческого поиска, активных социальных действий, обновления политического и научного мышления.

На первом этапе перестройки заметно оживилась творческая деятельность ученых, начались формирование нового мышления, ликвидация вредных последствий догматизма и действия механизма торможения. Расширился фронт борьбы за освобождение историко-партийной науки от застойных наслоений и деформаций. Сейчас настала пора решительного наступления на догматизм, необоснованный оптимизм, стереотипы, пора переоценки взглядов на многие исторические процессы и факты, на роль многих личностей в истории. Однако, несмотря на многочисленные призывы к бескомпромиссной борьбе с укоренившимися отрицательными явлениями в исторической науке, они не только не исчезли, но в некоторых сферах даже процветают. Совершенно очевидно также, что те из обществоведов и публицистов, кто видит в обновлении науки чуть ли не потрясение ее основ, глубоко заблужда-

ются. В историко-партийной науке действительно накопилось немало застойных явлений и проблем, нуждающихся в новом осмыслении в духе перестройки. Многие концепции и оценки исторических этапов, событий, методов исследования и форм пропаганды историко-партийных знаний пока еще находятся в противоречии с реальностями и современными интересами коммунистического воспитания трудящихся. Опыт перестройки показывает, что обновление нашей науки происходит непросто и противоречиво. Наряду со здоровыми процессами возникли шумливо-эмоциональные дебаты вокруг преимущественно негативных моментов прошлого. Под видом «восстановления» исторической правды в ряде случаев нарушаются принципы историзма, классового и диалектико-материалистического подхода к явлениям и процессам строительства и развития социализма в СССР, игнорируются лучшие традиции нашей науки.

В нашей публицистике, художественных и научных изданиях, подчеркивалось на XIX Всесоюзной партконференции, идет небывалый по масштабу, откровенности, интеллектуальной насыщенности разговор о путях обновления социализма, об истории и современности. Партия высоко ценит нарастающий вклад интеллигенции в реализацию перестройки, приветствует активизацию общественной, политической деятельности представителей науки, образования, культуры. КПСС ждет от них новых творческих открытий, глубокого прорыва во всех сферах мысли и духа.

К сожалению, отмечалось на конференции, иногда приходится наблюдать, что даже и в это судьбоносное для страны время кое-кто не может отрешиться от междоусобной борьбы, групповых страстей и личных амбиций. Немало и тех, кто с раздражением воспринимает творческие поиски, а нарастающее многообразие принимает за отклонение от принципов социалистического искусства. Дело в том, что слишком долго одинаковость, монотонное однообразие, серость выдавались за эталоны прогресса. Нет у нас еще и привычки к дискуссиям, к инакомыслию, к свободной состязательности. И хотя нет особых оснований драматизировать положение, не замечать такие явления, проходить мимо них было бы неразумно [7].

[7] См. Правда, 29 июня 1988 г.

Реальную и комплексную картину истории строительства и развития социализма в СССР, роли КПСС в созидательных процессах может дать лишь научный анализ конкретной действительности на основе документов и правды.

Видеть историю крупномасштабно, такой, какой она была,— с закономерностями последовательно восходящего развития и случайностями, созидательным трудом народа, взлетами трудового и социального творчества масс и спадами, отчуждением, деформацией ленинских идей и подлинных ценностей социализма. Воссоздать ее, показав действительный расцвет миллионов личностей и появление фактов нравственного перерождения, преступлений, борьбу нового и старого, демократии и бюрократизма, комчванства. Наконец, вскрывать противоречие между движущими силами прогресса и механизмом торможения, консерватизма и застоя, оценивать наше прошлое в *диалектико-материалистическом* отражении. Это обеспечит подъем историко-партийной науки на качественно новый уровень.

На современном этапе развития нашей науки, когда рушатся многие догмы и стереотипы, пересматриваются исследовательские методы, критерии и подходы, когда нуждаются в коренных изменениях историография и источнико-документальная основа,— в этих условиях может появиться опасность настроений исторического нигилизма. Симптомы таких настроений были. Но историография учит: исследователи неизбежно возвращаются и будут возвращаться к познанным, казалось бы, процессам и проблемам, а сама историческая наука — особенно на переломных рубежах — развертывает новые страницы, переоценивает события и действующих лиц, все богаче раскрывая полноту и диалектику исторического процесса.

Одна из насущных задач, поставленных перестройкой и дискуссиями в печати,— ликвидация так называемых «белых пятен», или «белых страниц» в истории. Под «белыми пятнами» понимаются те или иные процессы, явления, факты, оценки роли деятелей, которые остались не исследованными наукой в силу существовавших «запретных зон» или же, как показало ее дальнейшее развитие, получили неполное или неверное освещение. Возникновение «белых пятен» — процесс во многом естественный, обусловленный как

объективными, так и субъективными факторами.

«Спору нет,— говорится в докладе М. С. Горбачева на партийной конференции,— немало сказано в последние годы огорчительного и даже трагического, такого, что может вызывать горечь, боль, досаду и несогласие. Не знать, не ведать этого, конечно, спокойнее. Но из такого подхода не могут родиться революционное сознание, гражданская позиция, мужество и высокая ответственность человека, так необходимые для успеха перестройки. Именно поэтому партия смело пошла на критический пересмотр прошлого, восстановление исторической правды, реабилитацию тех, кто стал жертвой несправедливых политических обвинений и беззаконий. Эту работу следует продолжить.

Не должно быть вопросов, от ответов на которые надо уклоняться, не должно быть сомнений, от которых можно отмахнуться. Речь идет о нашей партийной чести и совести, об интеллектуальном достоинстве партии Ленина.

Непросто и нелегко пробиваться к истине, но партия, пребывающая в условиях идеологического комфорта, посчитавшая, что истина у нее в руках и ее не нужно добывать ежедневно, а стоит лишь извлечь из сейфа,— такая партия рискует утратить свой духовный и моральный авторитет, свой революционный характер и способность быть политическим авангардом общества» [8].

Не умаляя значения сделанного по всем периодам и направлениям истории КПСС за минувшие годы, следует вместе с тем признать, что атмосфера догматизма и застоя отрицательно сказалась на теоретическом уровне, источнико-документальных основах, идейно-воспитальных функциях историко-партийных исследований и публикаций. Многие из них подвергались влияниям общей атмосферы конъюнктурщины, серого «единомыслия» и нетерпимости к оппонентам. Им были свойственны одностороннее освещение явлений и процессов общественного развития, «своеобразное» ви́дение закономерностей, тенденций и противоречий. В моде были цитатничество и комментаторский подход к использованию ленинского теоретического наследия, документов съездов, конференций и пленумов ЦК партии. Схематизм, обезличивание, боязнь драматических ситуаций и столкновений правды и лжи, добра и зла, управляемого

[8] Там же.

и стихийного в реальной жизни общества — все это делало труды по истории КПСС малоинтересными, нередко — непопулярными, особенно среди молодежи... Очевидно также, что кое в чем мы растеряли традиции и опыт историков 20-х годов. Многие представители современного поколения историков разучились выступать в роли публицистов и не успевают оперативно и профессионально удовлетворять запросы читателей по проблемам истории КПСС.

Перед нами вновь встали ответственные задачи осознания истинных ценностей в историко-партийной науке, раскрытия социальной значимости уроков истории и историографического опыта, недопущения девальвации научных знаний. Сделать это можно лишь на основе тщательного анализа присущих каждому конкретному периоду условий и обстоятельств, с учетом объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Революционный переход к новому качественному состоянию историко-партийной науки и исторического сознания народа — задача необычайно трудная в методологическом, психологическом и организационном отношении. В содружестве с философами и экономистами нам предстоит многое в науке переоценить заново, восстановить полную правду истории по всем периодам, событиям и фактам, обо всех деятелях партии и государства.

Сегодняшняя практика показывает, что ряд исследователей не отрешились до сих пор от стереотипов в мышлении, в формах и методах изучения конкретно-исторических проблем и использования источников, при формулировании выводов и обобщений. Даже маститые ученые, на словах признавая необходимость обновления науки, временами проявляют растерянность перед новыми требованиями. Инерция вчерашней психологии, догм, устаревших стилей, взглядов у историков еще сильна. Многие из них ограничиваются ожиданием новых источников, расширения допуска к архивным документам.

Опыт трех лет перестройки показывает, что в историко-партийной науке самыми опасными противниками обновления ее продолжают оставаться догматизм и консерватизм. Они, к сожалению, сохраняются еще в сознании и психологии, образе мышления и интересах многих исследователей и преподавателей.

Перестройка займет «период довольно продолжительный. Но есть вопросы, которые... кричат, требуют внимания и решения сегодня» [9]. В перестройке историко-партийной науки такими неотложными вопросами являются историографический самоанализ состояния и перспектив развития по приоритетным направлениям; коренное обновление источниковой базы, инвентаризация документов, системы понятий, критериев и подходов; выяснение причин *собственного* механизма торможения.

Одним из приоритетных направлений работы историков является изучение, обобщение и пропаганда передового опыта *самой* перестройки в различных сферах нашего общества, опыта обновления науки и исторического сознания советских людей. Наш современник — главная сила перестройки в сфере экономики и политики, науки и социального творчества,— к сожалению, еще не стал массовым героем книг, журнальных статей, дискуссий и творческих поисков.

Обобщая опыт перестройки историко-партийной науки, приходится констатировать, что ее процесс проходит пока медленно. В силу объективных и субъективных причин историки недостаточно активно участвуют в реализации концепции обновления исторического сознания советского народа; в оперативном осмыслении уроков истории, в дискуссиях на страницах газет и журналов, на телевидении и радио; в создании новых учебников и учебных пособий, специальной исторической литературы для зарубежных читателей.

Нам предстоит реализовать применительно ко всем периодам и крупным событиям жизненную диалектику противоречий общественного развития и роли КПСС в их разрешении; восстановить ленинские методы и большевистские традиции историко-партийных исследований, используя в этих целях опыт историков и дискуссий обществоведов 20-х годов; преодолеть, и как можно скорее, шаблонность мысли, описательность и начетничество.

Только принципиальный, научный подход к историческим событиям, явлениям и личностям, глубокое и всестороннее раскрытие исторических фактов и про-

[9] Успех перестройки — в руках народа. Сборник материалов о поездке М. С. Горбачева в Узбекистан, 6—8 апреля 1988 года. М., 1988, с. 19.

цессов на основе тщательного изучения документов, умение отделить закономерное от случайного и единичного, подлинную правду от сенсационности обеспечат действительную перестройку.

А пока историко-партийная наука еще далеко не раскрылась в качестве духовного потенциала и фактора перестройки, не взяла на вооружение все богатство подлинной истории КПСС и Советского государства. Сопричастность нашего современника идеалам и традициям, идейным и моральным ценностям старших поколений революционеров, коммунистов и комсомольцев, посвятивших свою жизнь борьбе за счастье народа,— один из живительных источников оптимизма советских людей, их идейно-политического единства, обновления исторического сознания.

Обновление истории — процесс непростой, требующий от исследователя новаторского профессионального мышления, приоритета социально-классовых критериев и факторов, беспристрастного анализа, документальной аргументированности, гражданственности и политической ответственности.

В последнее время немало пишут и говорят о гражданственности литераторов и историков. Действительно, в условиях перестройки гражданственность каждого человека приобретает огромное значение, становится прочным фундаментом научного и художественного мышления, важнейшей чертой социалистического образа жизни, показателем отношения человека к обновлению нашего общества ради роста духовного потенциала и благосостояния народа. Однако неправомерно противопоставлять гражданственность принципам научной методологии, эмоциональность восприятия — строго научной аргументации. Это тем более важно заметить потому, что на втором этапе перестройки мы должны полностью отказаться от старого образа мышления. От какого «наследства» надо отказаться? *Что* и *как* пересматривать в нашей науке? Правильно эти вопросы можно решать только на основе подлинной партийности, правды истории и научных принципов, с учетом опыта борьбы с конъюнктурщиной, ложным новаторством.

Нравственные основы перестройки историко-партийной науки — это решительное преодоление застойных явлений и комментаторства, несоответствия результатов исследований жизненным реальностям, научных

выводов — документальным источникам. Это решительный поворот от описательности и схематизма к глубокому изучению закономерностей и явлений общественной жизни и роли в ней партии; ответственное сочетание преемственности достигнутого и новаторского отношения к истинным ценностям нашей науки; полное очищение историко-партийной науки от конъюнктурщины и догматизма; это, далее, раскрепощение творческого потенциала и формирование подлинно научного мышления на основе дискуссий, критики и самокритики; мобилизация исторического опыта и уроков правды — самой приоритетной ценности нашей науки — в интересах ускорения и обновления. Это, наконец, определение активной жизненной позиции каждого историка на втором этапе перестройки.

Пожалуй, проблема раскрытия диалектики новаторства, преемственности и реализма — наиболее трудная в нашей перестройке. Новаторская концепция перестройки опирается на весь предшествующий опыт партии, на богатейший опыт ее руководящей созидательной работы. Единство преемственности и новаторства обогащается и углубляется по мере развертывания перестройки и обновления всех сфер общественной жизни, в том числе и науки. Творческое развитие марксизма-ленинизма на основе накопленного опыта, преемственность прошлого и настоящего, строгий историзм — вот те незыблемые основы, на которых должны базироваться подлинная научность и революционный характер перестройки исследований, творческий поиск, связь науки и практики.

Как никогда высока ныне ответственность ученого за написание объективной истории партии, в частности на современном ее этапе, и за аргументированную, на основе документов, глубокую разработку ее периодов; за освобождение историко-партийной науки от воздействия механизма торможения, от фальсификаций и субъективистских суждений.

Учитывая опыт предыдущего этапа, предстоит поднять методологическое мастерство и эффективность исследований на более высокий уровень. Период общих призывов позади. Наступил новый, более сложный и ответственный этап развития нашей науки, когда необходима основательная, глубокая и систематическая разработка актуальных проблем истории и современного опыта борьбы КПСС за перестройку и

ускорение социально-экономического развития СССР.

Обновление историко-партийной науки обусловливает необходимость первостепенного внимания к вопросам развития ее фундаментальных основ и направлений, мобилизацию результатов исследований для исторического воспитания народа в интересах ускорения социально-экономического прогресса и реализации неотложных задач перестройки. Конкретные задачи ее второго этапа побуждают историков к неординарным действиям, поискам новых форм реализации потенциала и открывшихся возможностей дальнейшего подъема историко-партийной науки.

Они нацеливают на новые, дополнительные исследования на базе марксистско-ленинской методологии и достоверных архивных источников. Видимо, приоритетными в этих исследованиях будут темы: ленинская концепция переходного периода; вопросы исторического выбора в ходе реализации курса партии на социалистическую реконструкцию народного хозяйства; теоретические дискуссии 20-х годов; идеологическое обеспечение индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства; КПСС — гарант социалистического самоуправления, демократии, гласности, гражданских прав и свобод; достижения и коррозии советского образа жизни; интернационализм и содружество народов СССР — завоевание национальной политики КПСС, и др.

Пристального внимания требуют проблемы национальных отношений, интернационалистского воспитания советских людей. Обществоведам есть над чем серьезно подумать: написаны горы книг и диссертаций. Однако ответов на многие вопросы современных национальных отношений в них нет. Что надо делать для укрепления основ, принципов и лучших традиций социалистического интернационализма в условиях перестройки и демократизации, для разрешения реально существующих противоречий и до конца еще не решенных межнациональных проблем? На эти вопросы нам предстоит еще ответить. А пока налицо явный разрыв между солидным объемом написанного и низким уровнем отдачи исследований для практики.

И здесь историки партии вновь и вновь будут обращаться к ленинскому теоретическому наследию — идейному источнику революционного творчества и перестройки, вместе с партией сверять с ленинскими иде-

ями свои новые концепции и программы, дела и помыслы.

Обществоведами еще не преодолено одно из консервативных явлений — подмена глубокого и всестороннего изучения наследия Маркса, Энгельса, Ленина поисками подходящих цитат, нередко используемых к тому же с нарушением принципа историзма и конкретности места действия. ЦК КПСС указывает на важность более глубокого и действенного изучения пропаганды теоретико-революционного наследия классиков марксизма-ленинизма; творческой лаборатории Ленина, особенно в послеоктябрьский период; образа его мышления и действий на переломных рубежах социалистического строительства. Журнал «Вопросы истории КПСС» будет постоянно публиковать статьи и документы по этим актуальным проблемам.

Опираясь на ленинское идейное наследие, историки партии призваны сформировать у советских людей осознанную уверенность в необратимости происходящей перестройки и революционного обновления, побуждать их к повышению трудовой и общественной активности, раскрывать сложности и трудности, неизбежно встающие на сложном пути развития социалистического общества. А это требует создания трудов высокого качества, нужных практике. Историки должны содействовать скорейшему формированию нового политического и исторического мышления, бороться против антиподов перестройки, тех, кто тормозит ее развитие, активно участвовать в пропаганде положений, идей и задач, содержащихся в решениях XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партконференции, пленумов ЦК КПСС.

Во многих творческих коллективах формируется адекватная перестройке нравственно-психологическая атмосфера. Практическая перестройка начала смыкаться с профессиональной готовностью к решению новых задач в исследовательской и преподавательской работе. У историков нарастают творческая раскрепощенность, чувство ответственности за обновление историко-партийной науки и повышение ее социальных функций, особенно в формировании нового исторического сознания и решении общих задач перестройки. Однако чтобы обрести новое качество хотя бы в главном, необходимо скорее восстановить ленинские традиции борьбы за правду, использовать накопленный большевиками на

заре Советской власти опыт смелого и целенаправленного поиска этой правды и уроков истории; преодолеть робость перед реальной действительностью с ее противоречиями, сложностями и трудностями. Предстоит честно, трезво и откровенно разобраться во всех поставленных перестройкой проблемах.

«Мы должны были дать ответ на вопросы принципиального характера: почему КПСС, созданная как подлинно демократическая организация, плоть от плоти трудового народа, не сумела воспрепятствовать процессам деформации социализма, связанным с культом личности Сталина? — говорил М. С. Горбачев на XIX Всесоюзной конференции КПСС.— Почему затем, вскрыв и осудив отступления от принципов ленинизма, она ограничилась поверхностными переменами, в результате чего стали возможны серьезные застойные явления в развитии страны?

Ответ заключается прежде всего в том, что произошли определенные деформации в самой партии, в содержании ее деятельности и связях с трудящимися, приведшие к утрате многих демократических большевистских традиций, которые были ей присущи изначально, закладывались многолетними усилиями Ленина и его соратников» [10].

Историки призваны ответить и на другие вопросы: почему произошла догматизация общественного сознания и теории? Каковы уроки, преподанные действием привходящих факторов истории ряда предшествующих десятилетий, в том числе тех, которые определили трагические последствия культа личности И. В. Сталина и негативные результаты субъективистских действий Н. С. Хрущева? [11] Тех, которые выразились в консерватизме, застое, свойственных деятельности Л. И. Брежнева? Попытки некоторых историков и публицистов ответить на эти вопросы зачастую носят идеалистический характер, а объяснения лишь путем ссылки на известное постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г.[12] многих уже не удовлетворяют.

---

[10] Правда, 29 июня 1988 г.

[11] См. *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 39—40.

[12] См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 9-е изд., доп. и испр. М., 1986, с. 111—129.

Такое чуждое марксизму-ленинизму общественное явление, как культ личности Сталина, смогло появиться в условиях советской действительности в силу ряда объективных и субъективных причин, внутренних и внешних факторов. Материалистическое понимание причин и условий его появления требует учета известных положений марксизма-ленинизма о роли народных масс, партий и отдельных личностей в истории; объективной оценки недостаточной зрелости социалистических общественных, в том числе внутрипартийных, отношений, отсутствия у партии и всего населения страны политического опыта в осуществлении подлинно социалистической демократии (большинство народов СССР не прошло даже школу буржуазной демократии); анализа закономерностей и объективных следствий классовой борьбы, а также логики и издержек внутрипартийной борьбы. Нельзя сбрасывать со счетов и теоретические ошибки Сталина, и догматическое восприятие им ряда ленинских положений — о единстве партии, об отношении к оппозициям и уклонам; извращение им ленинских принципов коллективного руководства. Большой вред партии и стране причинили авантюристы и карьеристы, пробравшиеся в административные органы. Подлинно партийный контроль за этими органами был в условиях культа личности серьезно ослаблен. Беспринципную позицию занимало сталинское окружение. Пропагандистский аппарат партии, художественная литература, кино, печать сыграли в этом плане отрицательную роль, возвеличивая одну персону и приписывая ей победы, на самом деле достигнутые народом под руководством партии. Массовым было головокружение от успехов. Часть пропагандистских кадров искренне заблуждалась на этот счет; позиция многих определялась личными интересами. Немалое влияние оказали на условия внутри партии и страны провокационные действия троцкистов и международный фактор — постоянные угрозы и антисоветские акции враждебного капиталистического окружения, что требовало небывалого сплочения, внутреннего единства, известной централизации. И, конечно же, существенно сказались отрицательные личные качества Сталина, на которые в свое время указывал В. И. Ленин и которые роковым образом проявились в нарушениях законности, в извращении кадровой политики, социалистической демокра-

тии, коммунистической нравственности, во внедрении догматизма в теорию и практику, в формировании и использовании волюнтаристских методов управления, в появлении местных «культиков». Все это привело к определенной деформации общественного сознания и образа мышления миллионов.

Ныне вновь, как и на других переломных рубежах нашей истории, возникает проблема истинных ценностей в исторической науке, встает во весь рост социальная значимость уроков истории, уроков правды. И как всегда, критерием истинности выступает социальная практика. Возможность перестройки и обновления безграничны. Однако надо учитывать приоритетные запросы социальной практики нынешнего этапа перестройки, ибо историю, ее опыт и уроки невозможно оторвать от проблем, интересов и процессов развития современного общества.

Актуальными и важными являются осмысление совокупного опыта КПСС и братских партий в формировании и совершенствовании международных отношений нового типа, анализ общего и особенного в этом опыте, освещение современной роли КПСС в мировом коммунистическом движении, ее международной политики и деятельности. Теоретические кадры КПСС в сотрудничестве с братскими партиями начали заниматься этими проблемами. Свой вклад в обновление подхода к идейно-теоретическому наследию вносит сотрудничество историков партий братских стран, объединение их усилий в области разработки теории, изучения истории и анализа современных проблем, совместные действия в целях предотвращения идеологических диверсий врагов социализма, в борьбе против буржуазных и ревизионистских фальсификаций истории и практики реального социализма, в пропаганде правды о международном коммунистическом движении, борьбе за мир и социальный прогресс.

* *
*

Положения и выводы партийных документов последнего времени заметно повлияли на деятельность Ученого совета и дирекции Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, редакции журнала «Вопросы истории КПСС». Они стали активнее и по-деловому

обсуждать конкретные вопросы теории, практики и планирования перестройки, повышения роли ИМЛ в обновлении обществоведения. Вызвали большой интерес и получили резонанс в среде научной общественности международный симпозиум на тему «Борьба за более эффективное экономическое и социально-политическое развитие социализма: опыт и проблемы» [13], семинар директоров филиалов ИМЛ [14], обсуждение Ученым советом ИМЛ актуальных проблем национальных отношений [15]. Полезно и заинтересованно прошли дискуссии по вопросам обновления историко-партийной науки в отделе истории КПСС ИМЛ [16], семинар, посвященный путям перестройки марксоведения [17], «круглый стол» по вопросам укрепления связей институтов истории партии — филиалов ИМЛ с местными парторганизациями и обобщения опыта совместных исследований [18], дискуссии по некоторым вопросам развития советского общества в 70-е годы и действия механизма торможения [19].

Главная цель проводимой в Институте работы по совершенствованию планирования и методов исследований — сосредоточение научного потенциала коллектива на приоритетных направлениях перестройки, скорейшее формирование нового образа мышления и действия, укрепление сотрудничества философов, историков и социологов, связей науки с практикой.

Опыт перестройки показывает, что инициативность, творчество, организованность и ответственность сотрудников ИМЛ, направленные на получение конечных результатов научных разработок, должны стать непременными и постоянными в их труде. Непрерывное обновление связей с современной социальной практикой, расширение сотрудничества Института с АОН при ЦК КПСС и АН СССР, активное участие в пропаганде идей марксизма-ленинизма и политики КПСС — неотложные задачи перестройки ИМЛ при ЦК КПСС и его филиалов. Важнейшим условием успешного выпол-

---

[13] См. Вопросы истории КПСС, 1987, № 9, с. 143—150.
[14] См. Вопросы истории КПСС, 1987, № 8, с. 140—148.
[15] См. Вопросы истории КПСС, 1987, № 12, с. 134—141.
[16] См. Вопросы истории КПСС, 1987, № 7, с. 137—152.
[17] См. там же, с. 153—156.
[18] См. Вопросы истории КПСС, 1987, № 5, с. 150—157.
[19] См. Вопросы истории КПСС, 1988, № 2, с. 110—133; № 1, с. 128—134.

нения ближайших и долговременных задач перестройки историко-партийной науки является всемерная мобилизация исторического опыта в интересах социально-экономического и научно-технического прогресса, совершенствования всего дела коммунистического воспитания трудящихся.

На новом этапе перестройки необходимо более эффективно объединять усилия ученых в центре и на местах в разработке таких сложных проблем, как, например, диалектика и конкретные проявления классового, национального и общечеловеческого в развитии современной культуры, объективные условия и субъективный фактор совершенствования национальных отношений и углубления интернационализма в нашей жизни. Ныне во весь рост выдвигается задача усиления идеологической интеграции партий стран мирового социалистического содружества. А есть ли такая постоянно действующая, комплексная, взаимообогащающая интеграция нашей науки внутри страны, объединяющая центр и республики? Анализ литературы и событий недавнего прошлого свидетельствует, что известная разобщенность, отсутствие коллективной ответственности обществоведов явились одной из причин оторванности исследований от реальной жизни, игнорирования противоречий, трудностей и упущений, что сказалось и на состоянии интернационального воспитания населения ряда республик.

Диалектика перестройки общественных наук в соответствии с требованиями XIX Всесоюзной партийной конференции состоит, с одной стороны, в стремлении к достижению качественно нового общего уровня развития этих наук, а с другой — в ликвидации разрыва между состоянием историко-партийных исследований в центре и на местах, в преодолении оторванности теоретических, социологических исследований от повседневной реальности. Для этого уже имеется богатый материал из живой практики. Сейчас важно общими усилиями выявить собственные факторы и механизм торможения, оказать содействие исследователям в раскрытии диалектики развития общих закономерностей и разрешении противоречий в местных условиях, преодолеть упрощенные представления о связях науки и социальной практики, проследить процесс интернационализации самой науки. Все это имеет прямое отношение, конечно, и к редколлегии, коллективу ре-

дакции, авторскому активу журнала «Вопросы истории КПСС».

Несмотря на неоднократные призывы редколлегии и редакции журнала к исследователям, адресованные им приглашения выступить по актуальным теоретическим, конкретно-историческим, историографическим и источниковедческим проблемам историко-партийной науки, журнал по-прежнему испытывает острый дефицит в материалах перестроечного характера. До сих пор нам не удалось опубликовать статьи и консультации по таким, например, актуальнейшим темам, как новое в содержании и функциях руководящей роли КПСС — политического авангарда народа; кадровая политика КПСС — фактор перестройки; единство политики, теории и исторического опыта; новое в концепции истории КПСС; о подлинных и мнимых процессах обновления; перестройка историко-партийных исследований и нашего образа мышления; идеологическое обеспечение перестройки и др.

Опыт перестройки деятельности журнала на первом этапе показывает, что проходит она недостаточно эффективно. Его воздействие на активизацию творческих поисков, актуализацию исследований, на совершенствование стиля и методов научной работы, на повышение ответственности научных сотрудников и преподавателей истории КПСС вузов еще не соответствует задачам нового этапа перестройки.

Журнал «Вопросы истории КПСС» призван усилить влияние на реальные процессы обновления историко-партийной науки, на разработку приоритетных направлений марксистско-ленинской теории, на исследование исторического и современного опыта руководящей деятельности КПСС по реализации решений XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партконференции.

Быть в авангарде обобщения накопленного партией опыта в деле ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса на втором этапе перестройки, полнее содействовать эффективному сотрудничеству ИМЛ с партийными организациями, научными учреждениями и журналами как внутри страны, так и в других социалистических странах, распространять новые формы сотрудничества науки с практикой обновления социализма — таковы неотложные задачи нашего журнала. По этим направлениям на его стра-

ницах будут публиковаться статьи ведущих советских и зарубежных ученых, руководящих партийных работников, публицистов. Более пристального и постоянного внимания требует всестороннее, углубленное освещение в нашем журнале актуальных проблем не только истории КПСС, но и марксоведения и ленинoведения, теории и практики партийного строительства, научного коммунизма, международного коммунистического движения — всех направлений научно-исследовательской деятельности Института марксизма-ленинизма и его филиалов.

Сложные задачи встают перед научной критикой. Прежние критерии качества исторических трудов устарели. Наметившиеся тенденции в науке, в образе мышления ученых еще не получили полного развития, в то время как самые высокие критерии правды истории и профессионального мастерства уже сформированы. Роль критики в переломный момент становится еще более ответственной, однако ее профессиональный уровень повышается медленно, не полностью соответствует новым задачам.

Критики и рецензенты не всегда объективно оценивают приращение знаний в публикуемых трудах, их научные достоинства, не всегда правильно характеризуют состояние разработанности той или иной проблемы, перспективы ее дальнейшего изучения, ее связь с современной практикой. Диалог рецензента с автором зачастую носит информационный характер, между ними редко возникают дискуссии. Все еще «не принято» открыто говорить об анемичности, беспомощности некоторых изданий, бесплодности многих конференций и симпозиумов. Развитие критики явно отстает от перестройки науки. А ведь по ряду параметров именно критика должна идти впереди, активно формируя общественное мнение вокруг приоритетных проблем, интенсифицировать научную мысль. Вместо принципиальных подходов и идейно-методологических критериев у многих рецензентов верх берут тактические соображения и личные интересы. Редакция журнала до последнего времени мирилась с информационно-аннотационным, стереотипным характером многих публикуемых рецензий и историографических (точнее, библиографических) обзоров. Редколлегия и коллектив редакции журнала сознают, что без принципиальной критики, без систематического анализа происходя-

щих в историко-партийной науке процессов, тенденций ее развития, без обстоятельной характеристики отрицательных явлений осуществить перестройку и обновление науки невозможно. Однако редакционная почта свидетельствует: многие рецензенты, авторы статей и обзоров не спешат расстаться с «некритическим наследием», тормозящим перестройку.

Проведенная журналом дискуссия показывает, что многие ученые озабочены состоянием периодизации истории КПСС в связи с идеями и оценками прошлого, содержащимися в документах XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партконференции, пленумов ЦК КПСС. Периодизация должна отражать основные рубежи и этапы, общее и особенное в развитии общества и самой партии. Дискуссия этих целей не достигла, и причина тому — отсутствие общей концепции истории партии. В дополнительном коллективном осмыслении нуждаются деятельность партии и противоречия общественного развития в период 50-х — начала 80-х годов. Публикацией статей в № 4 (1988 г.) журнал начал обмен мнениями по этим почти не разработанным периодам истории партии [20].

Много лет преподаватели критикуют существующие учебники и учебные пособия по истории КПСС, пишут и говорят о необходимости создания современного учебника для вузов и научно-популярной литературы для массового читателя. Однако дело с написанием учебника, новых пособий для студентов продвигается медленно. Объявлен открытый конкурс на создание учебника для студентов вузов по истории КПСС [21]. На страницах нашего журнала состоялся обмен мнениями о характере и содержании будущего учебника. Вузовские историки остро нуждаются и в учебных пособиях, конкретных рекомендациях по совершенствованию преподавания истории КПСС.

Историографическая преемственность и обновление теоретической, документальной фактической основы историко-партийной науки — весьма сложный, противоречивый и ответственный процесс. Преемственность

---

[20] См. *Глотов В. И.* О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 50-х — первой половине 80-х годов.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 4, с. 57—73; *Зубкова Е. Ю.* Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 годов.— Там же, с. 74—88.

[21] См. Вопросы истории КПСС, 1987, № 5, с. 158.

и обновление — главные средства материализации современного социального заказа науке, которые выражаются в избирательном отношении к существующим концепциям, представлениям, оценкам, методам исследования и, конечно, к документальным источникам, во введении в научный оборот новых массивов исторического и современного материала. Утверждая все истинное и отрицая устаревшее, осваивая новое, адекватное сущности и характеру современного переломного этапа развития общества, историография должна более эффективно выполнять свою прогрессивную миссию на втором этапе перестройки. Историографические уроки учат: необходимо повсюду создавать обстановку, которая исключала бы возможность возврата к догматизму и комментаторству, помогала бы избежать сознательных или неосознанных искажений, односторонности в исследованиях и научно-прикладных рекомендациях.

Сочетание конкретно-исторического и проблемно-исторического принципов исследования предоставляет уникальную возможность с высоты идей и решений XIX партконференции обновить там, где это необходимо, историю возникновения и развития КПСС — могучей общественной силы современности, раскрыть суть и закономерности ее руководящей роли, исторической деятельности масс, прежде всего рабочего класса, показать как заслуги, так и негативные стороны деятельности ряда личностей. Руководствуясь принципом историзма, важно всесторонне учитывать объективные условия, причины возникновения и логику развития процессов, явлений.

* *
*

Определяя содержание и специфику идеологической работы в условиях нового этапа перестройки, партийная конференция особое внимание обратила на ее связь с реальной жизнью, с практикой, на ее творческое начало и правдивость. Сегодня, как никогда, важно добиваться глубокого понимания характера и сущности стоящих перед обществом задач, формировать у людей прочное научное мировоззрение, принципиальность, высокую политическую культуру, ответственное отношение к делу на любом участке. Повышать степень зрелости общества — это значит не-

уклонно повышать уровень общественного сознания, обогащать духовный мир человека, усиливать роль науки с тем, чтобы реализовать демократическую и гуманистическую сущность социализма.

Как подчеркивалось на XIX Всесоюзной партконференции, мы отказываемся от всего того, что деформировало социализм в 30-е годы и что привело его к застою в 70-е годы. Мы хотим такого социализма, который был бы очищен от наслоений и извращений прошлых периодов и вместе с тем наследовал все лучшее, что рождено творческой мыслью основоположников нашего учения, что воплощено в жизнь трудом и усилиями народа, отражает его надежды и чаяния. Социализма, который вбирает весь передовой опыт мирового развития, в полной мере опирается на достижения человеческого прогресса.

«Конечно, во всех деталях обрисовать конкретный облик будущего, к которому мы идем через перестройку, сегодня невозможно. Но основные параметры, главные черты того, что мы называем качественно новым состоянием общества, обозначить можно и нужно» [22].

Партийная конференция помогла обозначить эти ориентиры; их дальнейшее исследование надо рассматривать как социальный заказ партии ученым-обществоведам.

В сложной внутренней и международной обстановке КПСС демонстрирует умение по-ленински мобилизовать огромный заряд собственных творческих сил, энергию всего советского народа на реализацию вставших перед страной экономических, социальных и научно-технических задач. Так бывало не раз. И всегда в таких случаях партия находила и находит пути их решения, видоизменяет методы руководства, демонстрирует свою мобильность и способность быть на высоте исторической ответственности, опираясь на прочный фундамент непрерывно развивающейся и обогащающейся марксистско-ленинской теории. Итоги XIX Всесоюзной партийной конференции, ее резолюции «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки», «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О борьбе с бюрократизмом», «О межнациональных

[22] Правда, 29 июня 1988 г.

отношениях», «О гласности», «О правовой реформе» и, наконец, резолюция «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны», которая как бы включает «пусковой механизм» реализации намеченного, убедительно подтверждают этот вывод.

Через обновление в духе ленинской концепции социализма, в свете идей и решений XIX Всесоюзной партконференции настойчиво и последовательно продвигаться к новому качественному состоянию и повышению эффективности своих социальных функций — таково магистральное направление дальнейшего развития историко-партийной науки.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 3—19.

В. Козлов

Историк и перестройка

Советское общество идет по пути перестройки. Мы уже перешагнули границу, за которой упрощенное понимание прошлого опыта, готовые прописи и рецепты, попытки действовать «под копирку», используя в качестве шаблона «окостеневшую» на уровне 30—40-х годов «модель» социализма, вполне обнаружили свою несостоятельность. Набирают силу процессы, которые ведут нас все дальше в область творчества нового. От самих историков зависит сегодня, какое место займет их наука в решении насущных общественных задач, выдвинутых апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК, XXVII съездом КПСС: будет ли она лишь фиксировать события или существенно обогатит социальную практику актуально осмысленным историческим опытом. Удовлетворит ли она потребность современного человека в познании прошлого и настоящего, или он будет обращаться за историческими знаниями и объяснениями к художественной литературе и публицистике. Сумеет ли историк донести до широкого читателя представления о конкретно-исторических закономерностях общественного развития или останется лишь поставщиком, пусть даже и яркого, иллюстративного фактического материала.

Пока что историки партии и советского общества находятся в сложном положении. Ученые советы и издательства уже возвращают, хотя и робко, книги, еще вчера казавшиеся бесспорно «проходимыми». Исторические журналы начали проявлять вкус к полемическим и критическим материалам. Средства массовой информации постоянно публикуют письма читателей с острыми, жгучими вопросами, на которые не всегда найдешь ответ даже в специальных исторических исследованиях, не говоря уже об учебниках; обострился вопрос о критериях актуальности и действенности исторических исследований. В то же время продолжают выходить книги и статьи, принадлежность которых нашему времени определишь разве что по

дате издания и модернизированной терминологии. В среде историков чувствуется некоторая растерянность. Иные просто оказались в положении «голого короля», хотя, подобно своему сказочному коллеге, часто этого и не замечают.

Серьезные трудности испытывают не только любители «цитатной методологии», комментаторства и общих мест, перемежаемых архивными сносками, но и те исследователи, которые действительно хотят серьезных перемен в познании прошлого. Получив возможность прямо и открыто высказаться по острым историческим проблемам, они ощутили тяжелое бремя личной ответственности за то, что хотели, но не сказали вчера, за то, что они могут и должны сказать сегодня. Ведь уход от трудностей овладения материалом, анализа и объяснений уже невозможно прикрыть спасительной ссылкой «премудрых пескарей» на то, что-де «об этом говорить все равно не дадут». А в это время в обществе идет бурное обсуждение проблем нашего давнего и недавнего прошлого. Писатели и журналисты, коммунисты и беспартийные, историки и неисторики, люди разных поколений и жизненного опыта торопятся высказаться по вопросам, которые долгое время обходила молчанием историческая наука. Сами же историки переживают своеобразный период манифестов и деклараций, которые выплеснулись из академических аудиторий и залов ученых советов на страницы популярных изданий [1].

Историю надо писать по-новому, ее надо очистить от искажений, замалчиваний и комментаторства — таков критический пафос прозвучавших призывов.

Идет необходимая и полезная для нашей науки работа.

После январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС страна вступила в новый этап перестройки: анализ ситуации углублен и уточнен, программа дальнейших действий выработана, и теперь ее надо претворять в жизнь ежедневными, кропотливыми, будничными делами. Историческая, в том числе историко-партийная, наука пока отстает от общего темпа дви-

[1] См. *Афанасьев Ю.* Энергия исторического знания.— Московские новости, 11 января 1987 г., с. 8—9; *Он же.* С позиций правды и реализма.— Советская культура, 21 марта 1987 г.; *Минц И.* Оружие не менее острое.— Огонек, 1987, № 1; *Самсонов А.* Знать и помнить.— Аргументы и факты, 1987, № 10, с. 1—2, и др.

жения. Представляется, что критический анализ положения, сложившегося в нашей области обществоведения, еще далек от завершения. Мы нередко еще ждем указаний и распоряжений, хотим, чтобы нам определили «границы дозволенного». Автор этих заметок судит в данном случае не только по себе и своим коллегам по работе. Реальное подтверждение той непростой психологической ситуации, тех трудностей, с которыми столкнулись историки, прежде всего преподаватели, можно увидеть, в частности, в письме доцента А. Н. Давыдова, с которым меня ознакомили в редакции журнала «Вопросы истории КПСС». «Известно,— говорится в письме,— что в последнее время на страницах газеты «Московские новости» появился ряд статей, относящихся к вопросам изучения истории КПСС (см. № 2, № 3, № 6). В № 2 за этот год была опубликована статья проф. Ю. Афанасьева «Энергия исторического знания» [2]. В № 6 в статье Егора Яковлева говорится, что проф. Афанасьев вовсе не истина в последней инстанции. Идет-де борение мнений. А в статье проф. Афанасьева поднимается ряд вопросов, по которым хотелось бы прочитать, услышать ваше мнение как органа Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ведь нам надо работать со студентами.

1. В статье т. Афанасьева говорится, что в учебниках иногда воспроизводится далекая от истины сталинская схема победы Октября и строительства социализма в СССР;

2. В статье говорится, что на несчастного студента обрушивается вал сталинских определений — «разновидность меньшевизма», «меньшевистский уклон», «антиреволюционная группа», «агентура кулачества» и т. п., на заучивание таких ярлыков-де должен тратить в основном свои мыслительные способности студент. А в то же время он лишен возможности разобраться в существе теоретических споров и концепций социализма; сравнить путь строительства социализма в СССР с путем строительства социализма в других странах и т. д.

Возникает вопрос о том, можно ли схему победы

---

[2] Автор письма имеет в виду изложение доклада, сделанного проф. Ю. Н. Афанасьевым в Московском государственном историко-архивном институте.— *Ред.*

Октября и строительства социализма, данную в нашей партийной литературе, называть только сталинской.

Можно ли определения некоторых (названных выше) уклонов и оппортунистических групп, бывших в рядах нашей партии, называть только сталинскими определениями? Ведь эти определения даются в материалах пленумов ЦК и съездов партии. Например...» Далее даются выдержки из партийных документов.

Я хорошо понимаю трудности, с которыми столкнулись А. Н. Давыдов и другие преподаватели истории партии. В многочисленных аудиториях звучат сегодня — публично и громко — вопросы, которые совсем недавно студенты задавали с глазу на глаз, в частных разговорах и только тем преподавателям, которым они всецело доверяют. Возможно, некоторые студенты ссылаются при этом на Ю. Афанасьева. Но разве такие вопросы не возникали перед другими историками? Ведь они, по сути дела, являются результатом замалчиваний, упрощений, схематизма в освещении истории партии.

Выступление Ю. Афанасьева и письмо А. Н. Давыдова полемически противостоят друг другу. Однако отнесемся с уважением к обеим точкам зрения, руководствуясь мудрым правилом: «Говорят, что посредине между двумя противоположными мнениями лежит истина. Никоим образом! Между ними лежит проблема...» [3]. Так в чем же состоит в данном случае проблема?

Ведь не о том же речь, кому персонально принадлежат оценочные формулы, о которых спрашивает А. Н. Давыдов (хотя в некоторых из них, по-моему, чувствуется та личная нетерпимость И. В. Сталина, о которой в свое время писал В. И. Ленин [4]). И тем более не о согласии с ошибочными взглядами тех или иных деятелей оппозиций и уклонов. Проблема, на мой взгляд, не в том, «можно ли схему победы Октября и строительства социализма, данную в нашей партийной литературе, называть только сталинской?». Любая «схема», может быть, и удобная для дидактических целей и заучивания, уже не удовлетворяет интеллектуальным потребностям общества. Сегодня

---

[3] *Гете И.-В.* Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957, с. 393.

[4] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 346.

требуется иной уровень доказательности и убедительности, преодоление застарелых болезней наших учебников, а отчасти и специальных исторических исследований — схематизма и упрощенчества в освещении острейших проблем истории партии и советского общества.

Эта потребность в глубине и объемности исторического восприятия ощущается сегодня повсюду. «Полуправда,— как справедливо пишет Г. Капралов в рецензии на цикл телефильмов «Штрихи к портрету В. И. Ленина»,— которая всегда рядом с ложью, изображение в качестве неких глупых «мальчиков для битья» тех, кто вступал в полемику с Лениным, стоял на иных позициях, переходил во вражеский стан, стоили нашему искусству немалых идейно-художественных потерь. Да и можно ли было всерьез учить на таких «примерах» мастерству и мужеству революционной борьбы, воспитывать подлинную ленинскую убежденность» [5].

Общая оценка положения дел в изучении и преподавании общественных наук уже дана партией. Как подчеркивал М. С. Горбачев на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук, «существующая пока постановка и формы, методы преподавания общественных наук в немалой степени способствуют тому, что мы называем догматизмом, схоластикой. Склонность искать в «прописных истинах» рецепты, годные на все случаи жизни, рождается из школярства, из расчета не на творческую работу мысли, а на бездумное заучивание общих положений. *Заучиванию, зубрежке Ленин, как известно, противопоставлял продумывание.* А этого как раз часто и не хватает в преподавании общественных наук» [6].

Дело, стало быть, в самостоятельном продумывании. Никто за нас, историков, не решит наши профессиональные вопросы. И вряд ли помогут взаимные обвинения и повышенный тон, обращения за «разъяснениями» в вышестоящие инстанции, а тем более попытки превратить полемические перехлесты в политические ошибки. Ведь все мы едины в том, что историю надо писать и преподавать по-новому. Готовых рецептов, как это делать, нет пока ни у кого. Но

---

[5] Правда, 26 января 1987 г.

[6] Коммунист, 1986, № 15, с. 5.

глубоким заблуждением было бы сводить наши новые задачи к простейшему арифметическому действию — элементарной замене плюсов на минусы (или наоборот) в оценке прошлого.

Когда мы задаем себе вопрос о том, почему с такой легкостью продували историографию «ветра конъюнктуры» (выражение К. Симонова [7]), почему после начавшегося на рубеже 50—60-х годов «углубления» в недавнее прошлое мы так легко попали в плен комментаторства, замалчивания, упрощения, то прежде всего видим причины этого за пределами самой исторической науки. До известной степени это оправданно. При анализе прошлого опыта историков побуждали к показу «полезного и хорошего», причем так, чтобы не затрагивать процессы превращения вчерашнего «хорошего» в сегодняшнее «плохое». Такая установка долгие годы сужала поле зрения историков, ориентируя их на «сбалансированный» рассказ о «хорошем» (прежде всего) и «плохом» (в последнюю очередь). Это было результатом той «несамокритичности», которая, как писал в свое время советский философ Э. В. Ильенков, «выражается в том, что настоящее представляется без противоречий, составляющих пружину дальнейшего развития. При таком абстрактно-самодовольном «самосознании» все предшествующее развитие и в самом деле начинает рисоваться как процесс приближения к некоторому идеально-предельному состоянию, каковым мнит себя это настоящее. В результате любой образ прошлого освещается лишь в тех абстрактных чертах, которые удается представить как «намеки» или «зародыши» сегодняшнего положения вещей. Все остальное начинает казаться «несущественным», и в разряд этого «несущественного» как раз и попадают те конкретно-исторические противоречия, которые эту пройденную ступень и породили, и разрушили» [8].

Такой подход плохо согласуется с революционным духом марксизма-ленинизма. Он наложил неблагоприятный отпечаток на всю историографию советского общества, которая напрямую испытала на себе по-

---

[7] См. Четвертый съезд писателей СССР. 22—27 мая 1967 года. Стенографический отчет. М., 1968, с. 160.

[8] *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М., 1984, с. 256—257.

следствия «непротиворечивой» концепции развития социализма. И если сегодня мы видим в жизни не «отдельные недостатки», для приличия присовокупленные к нашим бесспорным достижениям, а море проблем, которые и достижения и недостатки объясняют и порождают, то странно было бы не видеть того же самого в прошлом. Так общий ход перестройки, острый критический дух нашего переломного времени создают возможности для критического осмысления нашего «вчера».

Все это вовсе не значит, что на новом пути нас не подстерегают методологические рифы и теоретические мели. В спорах и дискуссиях сегодняшнего дня активно участвует история. И здесь иногда возникает тенденция механического переноса в прошлое сегодняшних представлений[9], попытки оценивать его как «неполноценное настоящее». Это касается, в частности, стремления некоторых публицистов перенести на оценку решений и практики переходного периода наше сегодняшнее восприятие и понимание хозрасчета, наше отношение к административным методам и т. п. Вольно или невольно, но при таком подходе события прошлого оцениваются не с точки зрения его реальных противоречий, проблем и возможностей, а с позиции соответствия или несоответствия нашим сегодняшним знаниям, предпочтениям, приоритетам, а то и просто личной точке зрения того или иного публициста.

Пример такого прагматического отношения к истории в некотором роде представляет статья Л. Воскресенского «На пути к социалистическому рынку», призванная объяснить читателю наш сегодняшний интерес к ленинской концепции нэпа. Появление статьи, безусловно, является откликом на насущные задачи времени, но реализация замысла не может не вызвать возражений. Л. Воскресенский весьма негативно оценивает политику «военного коммунизма». По его мнению, разрушение производительных сил страны к началу 20-х годов было вызвано не только длительной войной, но и «в не меньшей мере некомпетентными и волюнтаристскими упражнениями «левых»

---

[9] Есть, правда, иная, противоположная, но столь же ошибочная тенденция, на которую указывал И. П. Прусанов.— См. Вопросы истории КПСС, 1987, № 2, с. 78.

экстремистов, пытавшихся «огосударствить» все до последней нитки и иголки». Однозначно — но уже в розовых красках — оценивается практика новой экономической политики. Для доказательства своей точки зрения (наряду с абсолютно верными размышлениями о той спасительной роли, которую сыграл нэп в восстановлении разрушенной экономики страны) автор прибегает к прозаическому пересказу поэмы В. Маяковского «Хорошо!»:

«Весна 1927 года:

— Окна разинув, стоят магазины. В окнах продукты: вина, фрукты. Сыры не засижены (!). Лампы сияют. «Цены снижены».

— Пыхтят фабрики: больше будет ситца. Стала оперяться кооперация.

— Крестьянину с раннего утра «работа люба!»: «землю попашет, попишет стихи» [10].

На фоне такой непротиворечивой картины нэпа, в которой не нашлось места ни для классовой борьбы, ни для анализа серьезных диспропорций народного хозяйства, ни для изучения административных «подпорок» экономических рычагов, однозначно негативным выглядит изменение методов экономической политики в начале первой пятилетки: оно предстает как результат бюрократического произвола, и никаких объективных причин, никакого категорического императива переноса центра тяжести на административные методы Л. Воскресенский не видит.

Придерживаясь различных взглядов на нэповский механизм хозяйствования, историки-специалисты — как мне кажется, единодушно — не могут принять «образы» «военного коммунизма» и нэпа, предложенные Л. Воскресенским. И причины этого не в парадоксальности и новизне выдвинутой им концепции, а в ее очевидном несоответствии общеизвестным фактам.

В издании, рассчитанном на историков, вряд ли есть необходимость говорить об этом сколько-нибудь подробно, хотя подчеркнем, что эти вопросы отнюдь не относятся к числу «окончательно решенных» в исторической науке *. И все же для оценки представ-

---

[10] *Воскресенский Л.* На пути к социалистическому рынку.— Московские новости, 30 ноября 1986 г., с. 12.

* См., например, недавнюю дискуссию между Е. Г. Гимпельсоном и И. Б. Берхиным (Вопросы истории КПСС, 1986, № 6 и 10).

лений Л. Воскресенского о «военном коммунизме» стоит привести мнение человека, который не только «военному коммунизму», но и коммунизму вообще не сочувствовал: «Столкнувшись с нехваткой почти всех предметов потребления, вызванной отчасти напряжением военного времени — Россия непрерывно воюет уже шесть лет,— отчасти общим развалом социальной структуры и отчасти блокадой, при полном расстройстве денежного обращения, большевики нашли единственный способ спасти городское население от тисков спекуляции и голодной смерти и, в отчаянной борьбе за остатки продовольствия и предметов первой необходимости, ввели пайковую систему распределения продуктов и своего рода коллективный контроль. Советское правительство ввело эту систему, исходя из своих принципов, но любое правительство в России вынуждено было бы сейчас прибегнуть к этому. Если бы война на Западе длилась и поныне, в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты, одежда и жилье» [11]. Так писал Г. Уэллс, побывавший в Советской России в разгар «военного коммунизма» — осенью 1920 г.

Вынужденная чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны политика «военного коммунизма» действительно породила ряд иллюзий и утопических представлений, в том числе и в рядах нашей партии, вызвала неоправданные надежды: на волне революционного энтузиазма перейти непосредственно к социализму. Но вряд ли указания на «волюнтаристские упражнения «левых» экстремистов, пытавшихся «огосударствить» все до последней иголки и нитки», способны внести ясность в понимание такого сложного социально-экономического, политического и психологического явления, каким был «военный коммунизм». Не сделай коммунисты то, что они сделали, сконцентрировав ресурсы страны (а необходимость этого понимал не только рабочий класс, но и крестьянство), не было бы победы в гражданской войне, а следовательно, и новой экономической политики.

Теперь еще одно свидетельство современника: «...Нас внезапно застигло непредвиденное событие. Бесконечные империалистические провокации против советских представителей за рубежом и массовые

[11] *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1958, с. 14.

разговоры о возможной войне блока буржуазных стран против СССР вызвали среди части граждан панику. Началась повальная закупка муки и сахара. Кулаки и кое-кто из середняков стали придерживать у себя товарный хлеб и не пускать его в продажу» [12]. О каком времени это свидетельство? Да о том же 1927 годе. События разворачиваются спустя некоторое время после той весенней идиллии, которую описал Л. Воскресенский. А в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) прозвучало уже откровенное признание в том, что страна пережила *«экономические затруднения кануна войны без того, чтобы иметь войну»* [13].

В условиях начавшейся индустриализации и обострения международного положения хозяйственный механизм нэпа начал давать сбои. Ситуация, предшествовавшая повороту 1929 г., вызвала необходимость форсировать индустриализацию, сосредоточившись на немногих приоритетных задачах [14], пробежать в десять лет то расстояние, которое другие страны проходили за столетие, требовала нарушения «нормальных» пропорций хозяйственного развития, а следовательно, и перенесения центра тяжести от экономических рычагов к административным. Обеспечить беспрецедентное перераспределение средств в тяжелую промышленность иными способами было невозможно.

А угроза войны, которая заставляла это делать, отказываясь от нормального порядка движения, воспринималась современниками как совершенно реальная и близкая. И дело было не только в конфликте на КВЖД, который обнаружил серьезные проблемы в состоянии обороноспособности страны. В 1929 г. А. Гайдар писал в газете «Волна» (Архангельск): «Тот год и день, когда напряженную тишину тысячеверстной нашей западной границы разорвут первые залпы вражеских батарей... этот год и день и час не отмечен еще черной каемкой ни в одном из календарей земного шара. Но год этот будет, день возникнет и час придет» [15].

---

[12] *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973, с. 95.

[13] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. В 2-х т. Т. 2. М., 1962, с. 1094.

[14] См. *Ципко А. С.* Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983, с. 200—201.

[15] Цит. по: *Гайдар Т.* Голиков Аркадий из Арзамаса.— Новый мир, 1986, № 7, с. 151.

Нарастающее обострение обстановки (именно так воспринимали ситуацию многие современники) диктовало необходимость отказа от ряда наработанных методов, которые были хороши сами по себе, но не годились для новых условий. Кстати сказать, такую возможность в свое время предвидели Ленин, партия. В резолюции X съезда РКП(б), провозгласившего переход к нэпу, ясно говорилось, что «партия должна обладать достаточной эластичностью, чтобы в случае необходимости быстро перейти к системе боевых приказов»[16]. Такое же отношение к «системе боевых приказов» содержится в письме В. И. Ленина в Политбюро ЦК о тезисах Е. А. Преображенского (16 марта 1922 г.): «9. Вторая фраза II параграфа (против «комбедовских способов») вредна и неверна, ибо война, например, может принудить к комбедовским способам»[17]. Таким образом, вопрос о выборе методов решения экономических проблем Ленин диалектически ставил в зависимость от конкретной обстановки. Фактически любое серьезное изменение внутренней и внешнеполитической ситуации должно было менять пропорции и соотношения методов: административных и экономических, принуждения и убеждения, энтузиазма и личного интереса.

Больше всего меня смутили не те неточности, которые допустил Л. Воскресенский, а то, что это было сделано с благими целями, для обоснования идей, часть которых заслуживает весьма серьезного к себе отношения. Это ставит меня в психологически сложное положение. А заставляет вступать в полемику прежде всего прагматическое отношение к прошлому, лобовая «подгонка» его к злобе дня. Все это уже было. И наши публицисты не хуже меня знают, к каким печальным последствиям ведет этот путь. Прошлым нельзя командовать, оно признает только одну форму взаимоотношений — с ним нужно считаться и его нужно правильно понимать, независимо от того, нравится оно нам или нет.

Серьезный исторический анализ хозяйственного механизма 20-х годов способен дать современной практике гораздо больше, чем просто напомнить бес-

---

[16] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983, с. 327.

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 44.

спорную истину о выгодности хозрасчета. Дело в том, что исторический опыт показывает и ограниченность трестовского хозрасчета: этот хозрасчет был неглубок, он не доходил не только до отдельного рабочего места, но даже до предприятия, прибыль которого обезличивалась в едином балансе треста [18], и слабости системы материального стимулирования рабочего, действовавшей в то время в государственной промышленности. Словом, объективный исторический анализ в состоянии показать возможные «подводные камни» хозрасчета и способы обойти эти «подводные камни». Но Л. Воскресенский, увлеченный идеей социалистического рынка, не вспомнил даже о том, с каким именно рынком имела дело государственная промышленность в 20-е годы. А ведь это была стихия мелкотоварного производства, ежедневно порождавшая капитализм. Это совсем не тот рынок, опыт взаимоотношений с которым может иметь для нас сегодня принципиальное значение.

Идеализированные представления о нэпе способны, конечно, послужить эмоциональным аргументом в споре, но к истинным оценкам реального положения дел они привести не могут. Поясню свою мысль. Ленинские идеи хозрасчета и личного интереса были гораздо шире реальной практики нэпа, поэтому они и приобрели такую актуальность в наши дни. Нэп был конкретно-исторической формой реализации ленинских идей, рассчитанной на решение задач переходного периода, на создание предпосылок и «мостков» для перехода к социализму. В сегодняшних условиях речь идет о принципиально иной, не нэповской форме конкретно-исторической реализации концепции хозрасчета и личного интереса (нэповская форма, как известно, была рассчитана на многоукладную экономику), о качественно новом подходе, о новой концепции движения, отличающейся как от практики нэпа, так и от опыта форсированного социалистического строительства в годы первых пятилеток.

Возвращаясь к вопросу, который неожиданно увел нас к рассуждениям о нэпе, о повороте 1929 г., а

[18] См. *Звездин З. К., Кульчицкий С. В.* Проблема индустриализации в системе экономической политики переходного периода.— В кн.: Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986, с. 88.

вернее, о необходимости соблюдения принципа историзма в оценке прошлого, хотелось бы подчеркнуть, что не только «внешние условия», но и недостаточная культура, в том числе методологическая, иных ученых позволяли им в недавнем прошлом с легкостью менять оценочные суждения. Значит, и вырастали эти суждения не из глубокого осмысления исторических фактов на основе марксистско-ленинской диалектики, а просто облегчали и цементировали монтаж этих фактов, подчиняя его застывшему на уровне 30—40-х годов представлению о социализме, которое проникло в кровь и плоть исторических исследований, учебников, популярных работ и закреплялось в сознании людей. В этой «школе» выросло целое поколение историков, к которому относит себя и автор этих заметок. Некоторые из нас до сих пор воспринимают истину как золотую середину между критиканством и лакировкой. А она в действительности лежит вообще в другой плоскости мышления, и гражданская партийная позиция историка состоит вовсе не в умении сбалансированно подать недостатки и успехи, трудности и достижения.

Проблема не просто в том, что изучение прошлого невозможно без анализа его ошибок и просчетов. Это, казалось бы, аксиома для любого здравомыслящего человека. Но наивно считать, что такой анализ — дело, в общем-то, простое, что его эффективность определяется только доброй волей историка, только категорическим императивом говорить правду. Правда в истории предполагает решение серьезнейших профессиональных вопросов, она не сводится к указаниям на виновников и эмоциональным филиппикам. Объяснение историк не вправе подменять нравоучением, а знание — эмоцией. Все это вещи вполне очевидные. Но достаточно всерьез задуматься над тем, а что это, собственно говоря, такое — «ошибка» применительно к прошлому, чтобы понять всю нетривиальность проблемы. То, что признали за ошибку современники (или в принципе могли признать)? То, ошибочность чего стала нам ясна сегодня? А не будет ли в этом последнем случае наше движение по пути познания сопровождаться бесконечным открытием все новых и новых ошибок в прошлом? Прикладывая к оценке решений и действий наших исторических предшественников сегодняшнее знание и понимание, мы склон-

ны порой трактовать эти решения как ошибочные. Между тем критерий здесь должен быть другим — в какой мере политическое руководство в пределах понятий и представлений своего времени, уровня общественного сознания, его возможностей и средств могло найти более оптимальное решение? В какой мере ошибки и просчеты, а также то, что сегодня мы воспринимаем как ошибки и просчеты,— результат и отражение своего времени, в какой мере они оправданы (или не оправданы) реальными возможностями эпохи?

С этой точки зрения мы стоим сегодня не просто перед необходимостью новых оценок, но прежде всего перед переходом на качественно иной уровень профессионального и массового исторического мышления, не только закрытого для «ветров конъюнктуры» благоприятными внешними условиями развития науки, но и методологически защищенного от них.

Какая ситуация сложилась ныне в историографии КПСС и советского общества, если оценивать ее в самой общей форме? Налицо завершение того этапа развития исторической науки, который начался в конце 50-х — начале 60-х годов постановкой целого ряда новых проблем, продолжался бурными дискуссиями 60-х годов и (уже в условиях снижения общего тонуса творческой мысли, нарастания парадности и славословий) закончился подготовкой целого ряда обобщающих трудов. Часть из них уже опубликована, другая находится в печати, работа над третьими в самом разгаре. В свое время именно перспектива появления этих фундаментальных обобщений программировала тематику многочисленных локальных исследований, а сами эти исследования со всеми их достижениями и недостатками, естественно, определили уровень последующих обобщений.

Трудно вообразить, что на протяжении следующих десятилетий советская историческая наука будет занята только заполнением тех фактических лакун, которые выявились в ходе работы над обобщающими трудами. Применительно к нашей науке это был бы настоящий экстенсивный путь развития — может быть, и спокойный, но малоэффективный. Трудно вообразить и другое: что через 20—30 лет обобщающие труды по истории партии и советского общества в целом, рабочего класса, крестьянства, культуры будут просто повторять раз-

работанные для нынешних многотомников схемы и подходы, что, говоря словами философов, в «воспроизведении целостности» общественного развития мы достигли своего рода методологического потолка.

Таким образом, новый этап в развитии общества объективно совпадает с новым этапом в изучении его истории. Представляется, что наибольшие успехи этого нового периода будут связаны с усилением индивидуализации исторического творчества. Коллективные труды с их неизбежным спутником — обезличиванием исследования, собирающие под одной крышей иногда десятки ученых, хороши для подведения итогов и обобщения достигнутого. Но когда возникает потребность в обновлении познавательных структур исторического знания, успех дела поначалу решают компактные коллективы единомышленников и отдельные творческие индивидуальности, а преобладающей формой исследования становятся монографии.

В историографии КПСС и СССР мы имеем сегодня дело с тем, что в науковедении называют «проблемной ситуацией»: оскудевает многократно возделанное поле традиционных тем и проблем, и наши взгляды все больше обращаются к историографической целине, исчерпывают себя старые подходы и мучительно рождаются новые. Перед исследователями неизбежно возникают особенно острые в таких ситуациях вопросы: что делать и как делать? Продолжать ли, так сказать, экстенсивное накопление фактических данных для иллюстрирования уже известных выводов или же, продолжим аналогию, идти по интенсивному пути, задать себе те вопросы, на которые пока нет ясных и окончательных ответов.

Традиционные исторические обобщения часто строились по следующей схеме: исследователь раскрывал (иногда просто пересказывал) содержание тех или иных принципиальных политических решений, затем на конкретном материале показывал деятельность КПСС и Советского государства по их реализации (в начале периода: сложились предпосылки, поставлены задачи; в конце периода: задачи в основном решены). При таком подходе, до недавнего времени вполне удовлетворявшем многих историков, развитие советского общества представало как движение к некой «непротиворечивой сущности». Противоречия развития социалистического общества, эта «пружина», источник «само-

движения», как бы проваливались в «стыки» между периодами. Вопрос о том, как формулируются в дискуссиях и острых столкновениях мнений сами задачи, отражая реальные жизненные противоречия, как они решаются, порождая не просто «движение вперед», а вновь возникающие противоречия,— все это если не оказывалось за рамками исторического исследования, то, во всяком случае, получало облегченное освещение. Чему могла научить такая история? Прежде всего... исполнительности, тому, что, если задачи поставлены, их, конечно, надо решать. Но научиться самостоятельно мыслить, научиться диалектике, понять закономерности исторического движения общества и свое место в этом движении таким образом нельзя.

Методологические просчеты в освещении истории партии и советского общества (а они особенно заметны в учебной литературе) приводят к серьезным воспитательным потерям. Нагляднее всего это видно по той мозаичной картине, какую представляют в сознании современного человека 30-е годы: поразительный энтузиазм первых пятилеток и грубые нарушения социалистической законности; рост чувства собственного достоинства у миллионов людей и культ одного человека; ожесточенное сопротивление активного, реального, действующего классового врага и «враги народа», в разряд которых попали многие честные и преданные коммунисты и беспартийные. Все это было. Обо всем этом нужно знать и помнить. Но одинаково далеки от истины будут как попытки судить о 30-х годах по законам современной жизни, абстрагируясь от остроты классовой борьбы переходного периода, особенностей строительства социализма в одной стране, так и полное оправдание «суровостью времени» всех ошибок, перегибов, нарушений законности.

Ошибки не перечеркивают успехов, но и успехи не оправдывают ошибок — эта истина достаточно очевидна. Однако парадокс состоит в том, что «белая» и «черная» части общей картины 30-х годов существуют как бы независимо друг от друга, что одна часть этой картины формируется под влиянием научных и научно-популярных исторических исследований, а другая — основана на информации, почерпнутой из других источников, не «переваренной» профессиональной историей. А в результате в обыденных, повседневных дискуссиях о далеком и трудном довоенном времени

нередко доминирует упрощенная метафизическая логика: однозначные оправдания или осуждения прошлого. В повседневной «рабочей» модели 30-х годов, которой пользуется современный человек, преобладает «позитив» или «негатив», но обычно отсутствует диалектика. В результате разрушается целостное восприятие эпохи.

Объяснить этот феномен очень непросто. Выскажу лишь одно предварительное соображение. В свое время, на рубеже 50—60-х годов, в ходе открытого и гласного обсуждения проблемы, в исторической науке ссылки на «культ личности» нередко выступали в роли универсального объяснения всех проблем и трудностей довоенного периода. При этом имело место очень широкое толкование самого понятия. Начавшееся «углубление» в проблему было фактически свернуто в конце 60-х годов. Тема культа личности была, по сути дела, выведена из анализа довоенных пятилеток в своеобразные «резервации» — одна-две страницы в учебниках и обобщающих трудах, посвященные пересказу известного постановления ЦК КПСС. Обосновывалось это нередко тем, что по данному вопросу уже сказано достаточно. Образовавшийся вакуум стал быстро заполняться «устной традицией», обыденными, далекими от научности объяснениями. В изучении и освещении драматического предвоенного периода советской истории нашей науке предстоит «восстановить свою репутацию», и сделать это надо на современном методологическом уровне, избегая односторонних оценок и суждений.

К сожалению, в современной историографии я не могу найти убедительные примеры в освещении темы. Но представляется, что у нас есть поучительный литературно-художественный образец: роман А. Бека «Новое назначение» дал объективный образ коммуниста-руководителя конца 30—40-х годов — «солдата партии», «бойца за выполнение директив». Людей, подобных Александру Леонтьевичу Онисимову, как справедливо считает писатель, в истории еще не было: «Эпоха дала им свой чекан, привила первую доблесть солдата: исполнять! Их девизом, их «верую» стало правило кадровика-воина: приказ, и никаких разговоров!» [19]. Онисимову ненавистны замашки барина, ему

[19] Знамя, 1986, № 10, с. 42.

невмоготу досужие вечера дома, он знает только одно — дело. Но при этом он привык «держать аппарат в напряжении», руководствуясь авторитарным правилом «доверился — погиб», нетерпим к «нижестоящему» мнению и «самодеятельности» подчиненных. Онисимов, по словам А. Бека, «не знавал даже и мысли о парадоксах, о противоречиях эпохи. От вопросов, которые могли возмутить его, коммуниста, разум и совесть, он уходил, ускользал простейшим способом: не мое дело, меня это не касается, не мне судить. Любимый его брат погиб в тюрьме, в душе он оплакал Ваню, но и тогда остался твердым в своем «Не рассуждать!» [20].

Эти люди «вписаны» в эпоху, они отражают в своем духовном мире ее противоречия, трудности и ошибки. Очень просто выносить им обвинительные или оправдательные вердикты. Ведь Онисимову, его товарищам и коллегам дано было жить в своем суровом, трудном и героическом времени, нам же дано лишь безопасное и умозрительное знание о нем. Руководители типа Онисимова были жестко «привязаны» к своей эпохе, их стиль работы рассчитан на решение узкого круга задач в экстремальных условиях строительства социализма в одной стране. За пределами этой ситуации их методы руководства выродились в бюрократизм, администрирование, зажим инициативы снизу.

Историкам, на мой взгляд, еще только предстоит сделать то, что средствами художественного слова сделал писатель. Правда, в свое время историки уже приступали к решению этой задачи, например, при подготовке IX тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (сохранился первоначальный макет издания). А сейчас в среде историков можно услышать слова о необходимости специальных исследований по истории культа личности. Такая точка зрения, бесспорно, имеет право на существование. Но все же, на мой взгляд, предлагаемый некоторыми историками ракурс рассмотрения довоенной и послевоенной истории таит в себе опасность серьезных перекосов. При подобном подходе эпоха социалистического строительства, героизма, подвигов и борьбы советского народа рискует превратиться в «эпоху культа личности». Это было бы и несправедливо, и исторически

[20] Там же, с. 29.

неграмотно. А вот в создании подлинно научной политической биографии И. В. Сталина и других руководителей, в частности Н. С. Хрущева, сегодня действительно существует общественная потребность.

Издержки в освещении ряда острейших проблем истории партии и советского общества, на мой взгляд, прямо связаны с тем, что вопрос о конкретно-исторических противоречиях социалистического общества в значительной степени выпадал из сферы исторического анализа. В результате историческая мысль нередко фиксировала прежде всего «видимый слой» происходивших изменений, часто впадая в описательность и комментаторство, замыкаясь на показе «внешней стороны» процесса, как бы абстрагируясь от его глубинных основ. Последнее в таком случае становилось прерогативой философов и социологов, которые, по распространенному мнению, должны были «обобщать» накопленные исторической наукой факты. Единый процесс восхождения от абстрактного к конкретному как бы разделялся ведомственными барьерами, а место теоретической конкретности неправомерно занимала конкретность эмпирическая. В этом, думается, состоит главная внутренняя причина удивительной открытости исторической науки для «конъюнктурного произвола», за которую нас так часто и справедливо ругают в последнее время.

Недостаточная конкретно-историческая обеспеченность теоретических представлений о сложной диалектике развития советского общества в немалой степени способствовала и закреплению в общественном сознании застывшей «модели» социализма, распространению вредных иллюзий: достаточно принять «хорошее решение», чтобы раз и навсегда решить все проблемы. По сути дела, такие иллюзии — обязательный атрибут устаревшего типа мышления, о котором сказано немало справедливых и резких слов в партийных решениях последнего времени. Этот старый тип мышления выступал, в частности, как стремление к поиску «враз исцеляющих решений», уверенность в их высокой эффективности. Между тем с завершением переходного периода практика «разовых» действий, направленных на решение вопроса «кто кого?» и ликвидацию одной из борющихся противоположностей, должна была уступить место практике решений принципиально иного типа. Неантагонистические противоречия социалисти-

ческого общества предполагают не уничтожение одной из противоположностей, а их сознательное соединение [21]. Необходимость предвидения лишь ближайшего, «конечного» результата своих действий отступает перед необходимостью предвидеть новую форму противоречия и на этой основе «соединять», то есть использовать для дальнейшего движения, противоположности.

Главная проблема, конечно, не в том, чтобы продекларировать этот достаточно очевидный принцип, а в переводе общетеоретических положений на язык конкретной истории. От историков в связи с этим ждут не новых фактов самих по себе, а новых мыслей и идей, не пересказа, а рассуждений. Фактический материал — основа любого исторического исследования, но только основа, фундамент, на котором строится здание исторических обобщений. Слишком часто мы заранее знали конечный результат нашего исследования (исследования, а не научно-популярной работы), и под этот вывод нам оставалось только подобрать факты. Уже известные истины мы таким образом, может быть, и подтверждали, но новой открыть не могли.

Большие познавательные возможности, перспективы существенного углубления исторического анализа открывает, как мне представляется, то направление исторической науки, которое можно условно назвать анализом альтернативных ситуаций [22]. Вопрос слишком серьезен, чтобы бегло касаться его в этих заметках. Скажу только, что, на мой взгляд, историческое исследование, построенное на принципах этого подхода, способно обрести качественно новые черты и существенно изменить свои традиционные и во многом уже отставшие от запросов наших современников формы. Концентрация изложения вокруг критических точек общественного развития, рассмотрение истории с позиций диалектики возможного и действительного, теоретическое и конкретно-историческое обоснование инвариантности исторического процесса, раскрытие потенциальных возможностей прошлой действитель-

---

[21] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 211.

[22] См., например: *Волобуев П. В.* О проблеме выбора путей общественного развития.— Вопросы философии, 1984, № 1, 2; *Ковальченко И. Д.* Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии.— История СССР, 1986, № 4.

ности, а значит, в конечном счете, и возможностей нынешнего дня — все это способно вывести историческое познание на новый уровень доказательности и убедительности, повысить вклад историков в разработку методологических основ и практику научного управления обществом. Речь в данном случае идет не о фантазировании по принципу «что было бы, если...», столь характерном порой для обыденных рассуждений, а о вскрытии на материале конкретной истории реальной диалектики объективных условий и субъективного фактора в поворотные моменты общественного развития.

Поиски подходов к «альтернативным ситуациям» не единственная методологическая перспектива. В последней монографии И. И. Минца «Год 1918-й» мы также имеем дело с многообещающими методологическими разработками, направленными не просто на обоснование схемы последовательного изложения событий, а на выработку способов подчинить это изложение выявлению основного (основных) противоречия изучаемого периода, «гвоздей момента», и на этой основе дать его целостную, а не мозаичную картину. Вообще говоря, главное направление методологических разработок, как мне кажется, смещается сегодня в те самые «стыки» между периодами, где по традиционной формуле обобщающего труда по истории советского общества, образно говоря, «скрывались» противоречия. Одновременно резко повышается значение историко-психологических исследований, анализа «человеческого измерения» истории, конкретно-исторических закономерностей координации целесообразной деятельности людей в условиях строительства и совершенствования социализма.

На этих основах не только исследование истории, но и ее преподавание способны превратиться в постоянный и увлекательный поиск истины. Я представляю себе «методологические игры» в студенческих аудиториях, когда изучение, например, позиции правого уклона или «левых коммунистов» в период Бреста пойдет не по пути заучивания готовых формул и оценок, а будет строиться на коллективном критическом анализе предлагавшегося альтернативного пути. Убежден, что такое изучение истории партии и советского общества даст молодому человеку столь яркие политические уроки, будет так учить современному и самостоятельному мышлению, что оно (это изучение) превратит-

ся в один из самых популярных учебных предметов. Это будет действительно живая история, способная убеждать, а не назидать, воспитывать одно из главных качеств, необходимых нашему современнику,— ни слова не брать на веру, ни слова не говорить против истины.

Примеривая на себя будущее, размышляя о настоящем, современный человек все пристальнее вглядывается в зеркало прошлого. Задача историка не в том, чтобы до блеска полировать это зеркало или сдувать с него пылинки «пестрого сора» ушедшей жизни, главное — чтобы оно не было мутным или кривым.

Вопросы истории КПСС. 1987. № 5. С. 110—122.

ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, УРОКИ

Первый съезд РСДРП

Апрельские тезисы — стратегический поворот

1917-й: Октябрьское восстание

Первое правительство

Бесценные уроки партийной демократии и гласности

Нэп: Суть. Опыт. Уроки

«Вместе и наравне...»

Ленинское завещание

В дни всенародной скорби

Шаги индустриализации

Коллективизация: как это было

Перелом

Политические процессы 30-х годов

На первом этапе войны

Правда о «золотом веке» цен

«Ленинградское дело»

О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС

«Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых».

К. Маркс

(*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119)

«Исследовать движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих людей,— это единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах».

Ф. Энгельс

(*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 308)

«Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним, чтобы начать еще и еще раз сначала — нам придется много еще раз, во всех областях нашего строительства начинать повторно сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче».

В. И. Ленин

(Полн. собр. соч. Т. 43. С. 231)

А. Костин
В. Шелохаев

Первый съезд РСДРП: преодоление инерции антиисторизма

I съезд Российской социал-демократической рабочей партии, состоявшийся в марте 1898 года, в общем не был обойден вниманием советской историографии. Уже первое поколение историков партии, прошедшее суровую школу революции и гражданской войны, стремилось честно рассказать о делах и помыслах тех, кто стоял у истоков социал-демократического движения в России. На основе научного анализа фактов и событий прошлого им предстояло раскрыть и действительную роль I съезда РСДРП в процессе становления партии. Но путь к решению этой вроде бы простой задачи оказался сложным и длительным.

Напомним, что В. И. Ленин рассматривал первый и второй партийные съезды в их историческом и логическом единстве, как две ступени создания РСДРП. «Наша партия,— писал он в 1905 году,— начала складываться уже давно, тотчас после широкого рабочего движения 1895 и 1896 годов. В 1898 году собрался первый съезд, основавший Российскую социал-демократическую рабочую партию и наметивший ее задачи. В 1903 году состоялся второй съезд, давший партии программу, вынесший ряд резолюций о тактике и впервые попытавшийся создать цельную партийную организацию» (Полн. собр. соч., т. 10, с. 205—206). Ленин основывался на том, что I съезд РСДРП, при всех его недостатках, положил начало фактическому существованию нашей партии. Ему принадлежит вывод, что во второй половине 90-х годов Российская социал-демократия сделала крупный шаг вперед не только в идейном, но и в организационном отношении. При жизни Владимира Ильича оценка I съезда РСДРП как исходного пункта в истории создания партии стала общепризнанной.

В середине 20-х годов по вопросу о роли съезда развернулась дискуссия. Обсуждались две противопо-

ложные точки зрения. Сторонники одной вольно или невольно затушевывали «экономические тенденции» в социал-демократическом движении середины 90-х годов. Другие авторы явно преувеличивали опасность «экономического уклона», а соответственно высказывали сомнения в правильности «завышенных», на их взгляд, оценок I съезда.

Нарастание разноречивых толкований в литературе о I съезде РСДРП вызвало озабоченность в кругах научной общественности. 13 марта 1928 года Истпарт (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)) решил обсудить сложившуюся ситуацию на заседании Совета. Открывший прения П. Н. Лепешинский доказывал, что Ленин приурочивал зарождение партии к 1898 году. «Этой даты,— говорил Лепешинский о ленинской позиции,— он никогда не отрицал. Его отношение к I съезду было самое положительное. Я помню хорошо, как в ссылке он с большой радостью приветствовал известие о состоявшемся I съезде и нас всех приглашал разделить его радостное настроение. Мы все тогда сочли себя сейчас же членами партии... В общем и целом такая же традиция считать моментом зарождения I съезд прочно установилась и в последующее время».

Большинство из выступивших в тот день на заседании (С. И. Гусев, Е. М. Ярославский и другие) поддержали эту точку зрения. Лишь М. Н. Лядов и М. А. Савельев предложили вести отсчет истории партии либо с образования «Искры», либо со II съезда РСДРП. Однако определенного решения Совет Истпарта так и не принял, ограничившись обещанием открыть в будущем дискуссию.

Вскоре открытые споры о I съезде сменились длительной паузой. Она завершилась в 1938 году выходом в свет «Краткого курса» истории ВКП(б), созданного группой авторов во главе с И. В. Сталиным. В этой книге I съезду РСДРП отводилось крайне скудное, можно сказать, ущербное место. Была отмечена лишь формальная роль I съезда в образовании РСДРП и несправедливо приписаны ему многие ошибки и просчеты.

Вдумаемся в претензии, предъявленные съезду: он не создал партии, обошел задачу завоевания пролетариатом политической власти, ничего не сказал о гегемонии пролетариата и его союзниках. Ему, утвержда-

лось далее, «не удалось отдельные марксистские кружки и организации объединить и связать организационно. Не было еще единой линии в работе местных организаций.., не было руководства из одного центра». По сути подобные обвинения антиисторичны. Перечисленные кардинальные проблемы формирования партии, разработки ее стратегии и тактики нельзя было разрешить на одном съезде, для их реализации требовался определенный исторический период.

Историки 20—30-х годов, таким образом, не смогли выработать верный подход к изучению I съезда РСДРП. Усилились общая тенденция искажения истории партии, неоправданное преувеличение роли Сталина. Поэтому в «Кратком курсе» были даны ошибочные оценки не только I, но и II съездов РСДРП, VI Всероссийской партийной конференции. Одновременно инерция антиисторизма расчищала почву для новых волюнтаристских трактовок фактов и событий прошлого, вела к подмене исторической правды субъективистскими, а нередко и конъюнктурными, предвзятыми оценками.

Ситуация изменилась после XX съезда КПСС. Тогда заметно возрос идейно-теоретический и профессиональный уровень историко-партийных исследований, что позволило более глубоко осветить вопросы дооктябрьской истории партии. Однако этот процесс приращения знаний был прерван негативными тенденциями застойного периода. Сегодня перед историками КПСС стоит неотложная задача овладения научным методом изучения прошлого, применения и дальнейшего творческого развития ленинской концепции истории партии с самых истоков ее зарождения.

Последнее десятилетие XIX века знаменовало собой качественно новую ступень в развитии рабочего и социал-демократического движения в России. Теперь, подчеркивал Ленин, российская социал-демократия «появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия» (Полн. собр. соч., т. 6, с. 180).

На рубеже двух веков сложились как объективные, так и субъективные предпосылки для создания социал-демократической рабочей партии в России. В глубоком

подполье в таких крупных промышленных и культурных центрах страны, как Петербург, Москва, Иваново-Вознесенск, Киев, Екатеринослав, Казань, Самара, действовали первые марксистские кружки и группы, изучались труды К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова. Постепенно устная и кружковая пропаганда марксизма втягивала в свою орбиту и передовых рабочих.

В конце августа 1893 года из Самары в Петербург приехал Ленин. Под его руководством петербургские социал-демократы сумели преодолеть узкие рамки кружкового периода и начать борьбу за соединение теории марксизма с практикой рабочего движения.

Марксистское социал-демократическое направление в рабочем движении России утверждалось прежде всего в борьбе против либерального народничества и «легального марксизма». Именно поэтому критике народнических и либерально-буржуазных взглядов струвистского толка были посвящены почти все крупные ленинские работы петербургского периода.

Теоретическая деятельность Ленина с самого начала была подчинена решению практических задач рабочего движения, и в первую очередь самой насущной из них — созданию марксистской партии российского пролетариата. Важным шагом на этом пути явилось образование ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Арест в декабре 1895 года оторвал Ленина от непосредственного участия в борьбе за объединение революционных социал-демократов. Но и находясь в тюрьме, он продолжал руководить делами созданной им партийной организации. Здесь же им была сформулирована мысль о необходимости созыва съезда для образования партии. Владимир Ильич, по свидетельству Н. К. Крупской, торопил с организацией партии, всячески настаивал на подготовке первого партийного съезда.

В «Проекте и объяснении программы социал-демократической партии», написанном Лениным в тюрьме, были раскрыты ведущие тенденции общественного развития пореформенной России, показаны место и роль рабочего класса в обществе.

Первый программный документ, составленный Лениным, значительно отличался от двух аналогичных документов группы «Освобождение труда». Он был пол-

ностью свободен от влияния народничества и лассальянства, отражал новый уровень рабочего и социал-демократического движения в стране.

Намеченный Лениным план подготовки I съезда РСДРП пытались реализовать его товарищи и единомышленники, оставшиеся на воле. Так, в июле 1896 года по поручению Петербургского «Союза борьбы» Крупская ездила на Украину. В Полтаве она встретилась с представителями киевской социал-демократической организации и договорилась с ними о созыве съезда и издании нелегального партийного органа. Но новые аресты, а затем ссылка Ленина и других активных деятелей социал-демократического движения в Сибирь помешали провести съезд в 1896—1897 годах.

Однако идея созыва всероссийского партийного съезда со второй половины 90-х годов буквально витала в воздухе. Вопрос о подготовке съезда в 1896—1897 годах ставился и обсуждался социал-демократами Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Киева, Екатеринослава, Харькова, Вильно, заграничным «Союзом русских социал-демократов». В условиях усилившихся полицейских репрессий созыв съезда был весьма трудным делом. Практически подготовить и созвать съезд удалось лишь уцелевшей от полицейских погромов и хорошо законспирированной киевской социал-демократической организации, члены которой имели связи с петербургским «Союзом борьбы».

Попытку провести съезд киевская социал-демократическая группа «Рабочее дело» предприняла еще в марте 1897 года. Тогда в Киеве состоялась предсъездовская конференция, на которой присутствовали представители Петербурга, киевской группы польских социал-демократов и группы «Рабочее дело». Ее участники высказались за переименование социал-демократических организаций в «союзы борьбы за освобождение рабочего класса», приняли решение о подготовке съезда и издании в Киеве нелегальной общерусской «Рабочей газеты». Практическая подготовка съезда была возложена на группу «Рабочей газеты», в которую вошли члены киевского «Союза борьбы» Н. А. Вигдорчик, В. Г. Крыжановская-Тучапская, А. Д. Поляк, С. В. Померанец, П. Л. Тучапский, Б. Л. Эйдельман и другие.

За сравнительно короткий срок группа наладила вы-

пуск нелегального общероссийского печатного органа — «Рабочей газеты». В августе 1897 года вышел ее первый, а в декабре — второй номер. Эпиграфом к газете были взяты слова Маркса и Энгельса из «Манифеста Коммунистической партии»: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!». Во втором номере была опубликована передовая статья «Ближайшие задачи русского рабочего движения», в которой подчеркивалось: «*Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду рабочие кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или одну общую партию.* Эта партия будет способствовать объединению русских рабочих и росту русского рабочего движения... Всякая партия, выступающая впервые на арену истории, должна прежде всего развернуть свое знамя. На этом знамени она должна начертать те цели, за которые она намерена бороться, и не только ближайшие, но и самые отдаленные, конечные цели... Это красное знамя *международной социал-демократии. Русская рабочая партия будет партией социал-демократической*». Ленин дал этой статье положительную оценку (*см.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 174).

Осуществляя подготовку к созыву I съезда, группа «Рабочей газеты», а также ряд других социал-демократических организаций большое внимание уделили выработке документов программного и уставного характера (проект манифеста социал-демократической партии, «Устав коллоквиума», «Питерский устав», «Киевский устав»). Анализ этих документов показывает, что социал-демократические группы и кружки, участвовавшие в их выработке и обсуждении, пытались обобщить и осмыслить опыт программных и организационных принципов западно-европейского социал-демократического движения и группы «Освобождение труда». Однако группа «Рабочей газеты», не отрицая в принципе необходимости выработки программы, все же основное внимание сосредоточила на организационных вопросах. Главную свою цель подготовители съезда видели в объединении отдельных социал-демократических организаций в партию.

Помимо выработки документов уставного характера, члены группы «Рабочей газеты» побывали в известных им социал-демократических организациях Петербурга, Москвы, Одессы, Харькова и других городов, познакомили местных социал-демократов с «Уставом коллок-

виума», на основании которого предполагалось созвать партийный съезд.

Подготовка съезда проходила в крайне неблагоприятных условиях. Дело в том, что в рядах российских социал-демократов к этому времени уже явно обнаружились признаки оппортунистического течения — «экономизма». Его сторонники появились и в заграничном «Союзе русских социал-демократов», где начали борьбу против группы «Освобождение труда». Оппортунисты всячески препятствовали созыву съезда и образованию единой централизованной социал-демократической партии, отстаивали стихийность в рабочем движении.

Учитывая сложившуюся в социал-демократическом движении ситуацию, группа «Рабочей газеты» сумела противостоять «экономистам» и провести в жизнь принципиальную линию, выработанную ленинским «Союзом борьбы». Внимательно изучив состояние дел на местах, группа пригласила на съезд только те социал-демократические организации, которые выявили свое политическое лицо и на деле доказали способность руководить массовым рабочим движением. Местом проведения съезда был избран Минск, находившийся тогда вне усиленной слежки царской полиции. Соблюдая строжайшие правила конспирации, делегаты съезжались в город поодиночке. На съезд прибыли представители от четырех «Союзов борьбы» — петербургского (С. И. Радченко), московского (А. А. Ванновский), киевского (П. Л. Тучапский), екатеринославского (К. А. Петрусевич), а также от группы «Рабочей газеты» (Б. Л. Эйдельман, Н. А. Вигдорчик) и Бунда (А. И. Кремер, А. Я. Мутник и Ш. Кац).

Делегаты партийного съезда — это активные участники социал-демократического движения 90-х годов прошлого века. Так, Б. Л. Эйдельман социал-демократическую работу начал в 1893 году. Вскоре после съезда был арестован и выслан в Сибирь. Активно участвовал в революционных событиях 1905 года. При Советской власти работал в Народном комиссариате труда, преподавал.

С. И. Радченко занимался пропагандой марксизма в рабочих кружках столицы с 1890 года, был одним из организаторов социал-демократического кружка студентов-технологов, в который вступил В. И. Ленин. После ареста в 1904 году Радченко сослали в Вологду.

Из ссылки он вернулся в 1905 году тяжелобольным и в 1911 году умер.

Известно, что большинство делегатов I съезда РСДРП достойно прошли свой путь от зарождения партии до победы Октября. А некоторые из них (Вигдорчик, Петрусевич, Тучапский) трудились и в годы Советской власти.

Первый съезд РСДРП открылся 1 марта по старому стилю. Выбор этой даты был не случайным. В документах съезда подчеркивалась преемственная связь только что возникшей социал-демократической партии российского пролетариата с предшествующим поколением освободительного движения России, в частности с «Народной волей», исчерпавшей свои революционные возможности 1 марта 1881 года.

Работа съезда, продолжавшаяся три дня, протекала в обстановке строгой конспирации. Протоколов не вели. Другие материалы съезда могли быть уничтожены в любой момент в непрерывно топившейся печке. Это был единственный съезд нашей партии, состоявшийся в условиях царского самодержавия на территории России.

Основным вопросом повестки дня съезда явилось конституирование партии. Единогласно, без прений, было принято решение о слиянии «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы «Рабочей газеты» и «Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России» (Бунда) в единую организацию. Дискуссия развернулась лишь по вопросу о названии партии. На рассмотрение делегатов были представлены следующие варианты: «Русская социал-демократическая партия», «Русская рабочая партия», «Русский рабочий союз». Название «социал-демократическая» разногласий не вызвало. Затем было принято предложение одного из делегатов назвать партию «российской». Этому решению съезда Ленин придавал принципиальное значение. «Партия,— писал он,— чтобы уничтожить всякую мысль о ее национальном характере, дала себе наименование не русской, а российской» (Полн. собр. соч., т. 10 с. 267).

Острую дискуссию вызвал также вопрос о том, включать ли в название партии слово «рабочая». После длительных дебатов пятью голосами против четырех съезд утвердил название «Российская социал-демократическая партия». Слово «рабочая» было включено в

него уже после съезда, при составлении «Манифеста», с согласия двух членов ЦК.

В ходе обсуждения вопроса об отношении к Польской социалистической партии (ППС) было принято следующее важное решение: «Партия через свой Центральный Комитет вступает в сношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципов ее программы и приемов ее тактики. Партия признает за каждой национальностью право самоопределения». Таким образом, съезд правильно подошел к решению одной из коренных проблем общепрограммного характера — об отношении марксистской партии к национальному вопросу. Впоследствии соответствующий пункт был внесен в Программу партии, принятую на II съезде РСДРП.

На одном из заседаний съезда были заслушаны доклады делегатов о состоянии социал-демократической деятельности на местах. В целом новые методы работы, связанные с переходом от кружковой пропаганды к массовой агитации, получили единодушное одобрение. Остальное время съезд посвятил обсуждению принципов организационного построения партии. Они были изложены в одиннадцати параграфах решений съезда, где говорилось об образовании партии и ее названии, партийных съездах и порядке их созыва, правах и обязанностях ЦК и местных комитетов, финансовых средствах партии, о ее печатном органе и представительстве за границей. Организационные решения съезда представляли собой первый опыт выработки Устава только что созданной партии.

Вместе с тем следует отметить, что отсутствие необходимого организационного опыта у делегатов не могло не отразиться на решениях съезда по вопросам построения партии. Некоторые делегаты, боявшиеся придать организационной структуре партии слишком централистский характер, настаивали на сохранении широкой автономии местных комитетов. В итоге съезд наделил местные комитеты партии довольно большой самостоятельностью. Широкая автономия была предоставлена Бунду, который получил полную самостоятельность во всех вопросах, касавшихся специально еврейского пролетариата. Однако в вопросах общероссийского характера бундовцы должны были действовать солидарно с социал-демократами других национальностей, населяющих Россию.

В решениях съезда об автономии местных комитетов и Бунда, безусловно, сказались политическая незрелость и организационная разобщенность первых социал-демократических организаций, недостаточное понимание ими насущной необходимости подчинить местные интересы общим задачам партии, проявились привычки кружковщины. Позже, на II съезде РСДРП, организационные вопросы были решены в пользу более полного и последовательного проведения принципа централизма, что диктовалось в первую очередь необходимостью соблюдения строжайшей партийной дисциплины.

Съезд избрал Центральный Комитет в составе С. И. Радченко, Б. Л. Эйдельмана и А. И. Кремера. Официальным органом партии была объявлена «Рабочая газета», а заграничный «Союз русских социал-демократов» признан частью партии и ее представителем за границей. Съезд принял также решение о выпуске «Манифеста» партии, поручив его подготовку Центральному Комитету.

Вечером 3 марта I съезд РСДРП завершил свою работу. С сознанием исполненного долга, с глубокой верой в грядущее освобождение рабочего класса разъезжались делегаты по домам. Но в ночь с 11 на 12 марта 1898 года в 27 городах европейской России полиция произвела массовые аресты, жертвами которых стали около 500 человек. Царским ищейкам удалось напасть на след и арестовать делегатов съезда Б. Л. Эйдельмана, К. А. Петрусевича, А. А. Ванновского и П. Л. Тучапского. В Екатеринославе полиция захватила типографию «Союза борьбы», где готовился к выпуску третий номер «Рабочей газеты», на этом ее издание прекратилось.

Оставшиеся на свободе члены ЦК С. И. Радченко и А. И. Кремер прилагали все усилия к тому, чтобы выполнить решения I съезда РСДРП. Радченко организовал в Петербурге составление «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии». В связи с тем, что в это время в Петербурге не было ни одного крупного теоретика-марксиста, он обратился к П. Б. Струве. Как известно, между революционными марксистами и «легальными марксистами» типа Струве в этот период имел место политический союз в интересах борьбы с народничеством, теоретические догмы которого все больше становились тормозом на пути ре-

волюционного движения в России. Что же касается самого Струве, то он откровенно афишировал тогда свою близость к социал-демократии и быстро входившему в «моду» марксизму. Крупская вспоминала, что в 1897 году Струве был «социал-демократствующим», он «совершенно не был способен к работе в организации, тем более подпольной, но ему льстило, несомненно, что к нему обращаются за советами».

Сделанный Струве набросок «Манифеста» был просмотрен и одобрен членами ЦК Радченко и Кремером. В «Манифесте», ставшем первым официальным документом РСДРП, объявлялось о создании Российской социал-демократической рабочей партии, давалась в основном правильная характеристика нараставшего социал-демократического движения в России и в самой общей форме намечались его задачи. Вместе с тем следует сказать, что теоретический уровень «Манифеста», подготовленного Струве, был ниже уровня ряда теоретических работ, написанных марксистами того времени.

В целом же «Манифест» и решения I съезда РСДРП не только имели агитационно-пропагандистское значение, но и стали крупным организующим фактором, положив начало объединению разрозненных социал-демократических организаций России в единую марксистскую партию. «...Мы, русские социал-демократы,— писал Ленин,— должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии. Именно эта задача была намечена уже съездом 1898 года, образовавшим Российскую социал-демократическую рабочую партию и опубликовавшим ее «Манифест». Мы признаем себя членами этой партии, вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему важное значение, как открытому заявлению ее целей» (Полн. собр. соч., т. 4, с. 356).

Известие о съезде было с воодушевлением воспринято всеми революционными социал-демократами, ведущими подпольную работу в самых разных уголках России. Сразу же после съезда «Союзы борьбы» и социал-демократические группы начали преобразовываться в партийные комитеты. Так было в Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве, Екатеринославе, Одессе, Тифлисе, Ростове-на-Дону, Харькове, Гомеле, Вильно и других городах.

I съезд РСДРП вызвал интерес социал-демократов всех крупных европейских стран. Публикуя его документы, социалистические зарубежные газеты отмечали факт создания социал-демократической рабочей партии в тяжелейших нелегальных условиях царской России.

Съезд явился закономерным этапом в развитии рабочего и социал-демократического движения в России. Пролетариат стал первым классом российского общества, который создал самостоятельную политическую партию, возглавившую его борьбу против самодержавия и буржуазии. I съезд РСДРП положил начало объединению разрозненных и разбросанных по всей России социал-демократических кружков, групп, организаций под революционным марксистским знаменем. Трудно переоценить ту огромную роль, которую сыграли и сам факт созыва съезда, и его решения, и «Манифест». Это был крупный шаг на пути соединения социализма с рабочим движением, способствовавший консолидации пролетариата как самостоятельной политической силы. После съезда марксисты России стали активнее участвовать в конгрессах II Интернационала и в образованном в 1900 году на Парижском конгрессе Международном социалистическом бюро.

Вместе с тем решения I съезда РСДРП были исторически ограничены. Он не мог подняться над уровнем своего времени. Съезд не принял ни Программы, ни сколько-нибудь совершенного Устава партии, наметив лишь самую общую схему ее организации. Единства партии после съезда фактически не существовало: оно оставалось лишь «идеей, директивой» (*см. В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 100). Словом, съезд отразил не только сильные, но и слабые стороны социал-демократического движения, не преодоленную до конца идейную и организационную раздробленность.

Массовые аресты весной 1898 года еще более усугубили и без того сложную обстановку в РСДРП. В этих условиях активизировалась деятельность «экономистов», отрицавших авангардную роль марксистской партии рабочего класса в революционном движении. Отстаивая идею: рабочим — борьба экономическая, а буржуазии — политическая, они вызвали в РСДРП разброд и шатания, отбросив ее назад к кружковому периоду. Поэтому необходимо было восстановить партию, осно-

ванную на I съезде, всесторонне подготовить ее идейное и организационное единство.

Последующая борьба Ленина и его сторонников против «экономистов» составила целую историческую полосу напряженной идейно-теоретической и организационно-практической деятельности старой «Искры», внесшей решающий вклад в создание первой пролетарской партии нового типа — ленинской партии большевиков. Новую страницу в истории российского и международного рабочего движения открыл II съезд РСДРП.

Коммунист. 1988. № 6. С. 44—51.

П. Волобуев

Стратегический поворот: уроки Апрельских тезисов

70 лет назад, 4 (17) апреля 1917 года, вернувшийся из эмиграции в Петроград В. И. Ленин выступил с краткой программой, которой суждено было круто изменить ход и направление не только российской, но и всей мировой истории. То были знаменитые Апрельские тезисы, опубликованные три дня спустя на страницах большевистской «Правды» под названием «О задачах пролетариата в данной революции». Материализовавшись в исторической победе Великого Октября, они и сегодня поражают нас своей теоретической мощью, смелостью научного прогноза, решительностью перевода теоретических положений марксизма в плоскость революционной практики, социально-исторического творчества миллионов.

Обращение к ленинским тезисам, их политическим и методологическим урокам особенно уместно и поучительно в наши дни, когда осуществляется глубокая революционная перестройка, призванная вывести Страну Советов на путь обновленного социалистического развития, подобно тому как первые преобразования революции открыли перед ней дорогу к социализму. Несмотря на существенное изменение общих условий и факторов мирового революционного процесса, Апрельские тезисы сохраняют свое методологическое значение и для современного этапа борьбы народов за социальное и национальное освобождение как образец новаторства в области революционной теории и практики, высокого политического искусства.

Напомним вкратце конкретно-исторический контекст той неповторимой переломной эпохи. В 1917 году Россия оказалась на развилке исторических дорог. Февральская буржуазно-демократическая революция, свергнув царизм, открыла перед страной различные возможности политического и социально-экономического развития. Вопрос встал так: пойдет ли она прежним, капиталистическим путем или по пути перерастания бур-

жуазно-демократической революции в социалистическую, ведущему к социализму. В случае победы помещичье-буржуазной контрреволюции не исключался возврат к монархии. Объективное положение и весь ход событий настоятельно требовали от политических партий и их лидеров новых, смелых стратегических решений многочисленных острых и запутанных проблем.

Дело в том, что Февральская революция, хотя и превратила Россию по политическому строю в одну из передовых для того времени стран мира, отнюдь не разрешила глубочайших противоречий, переплетавшихся в один тугой узел и лежавших в основе кризиса российского общества. Недовольство народных масс буржуазной политикой продолжения империалистической войны в наиболее концентрированном виде отражало противоречие между российским империализмом и подавляющим большинством народа. Это противоречие обостряло все другие, в первую очередь между трудом и капиталом, чудовищно обогащавшейся на войне буржуазией и задавленным капиталистическим гнетом пролетариатом. Нерешенность аграрного вопроса углубляла конфликт между большей частью населения — крестьянством и горсткой промещиков-полукрепостников. Крайне острыми оставались и противоречия между чаяниями народов национальных районов России и великодержавно-шовинистической политикой русской буржуазии. Налицо было также противоречие между стремлением масс к установлению подлинно демократического строя и позицией российской буржуазии, всячески тормозившей демократический процесс. Словом, кризис — политический, социальный, экономический — оказался столь глубок, что его практически невозможно было преодолеть обычными буржуазно-реформистскими средствами. И Ленин имел все основания утверждать: «Пути реформ, выводящего из кризиса — из войны, из разрухи — *нет*» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 407).

Буржуазные партии, стремившиеся прежде всего сохранить и укрепить капиталистические порядки, довести войну до «победного конца», переложив все тяготы кризиса на народные массы, оказались органически неспособными стать идейным и материальным носителем буржуазно-реформистского развития. Ничего нового не смогли предложить народу и партии мелкобуржуазные — меньшевики и эсеры, ориентировавшиеся на буржуазные демократии Запада, откуда, по их представ-

лениям, и должна была со временем исходить инициатива социального переворота. Народные же массы — рабочие, крестьяне, солдаты, совершив Февральскую революцию, жаждали обновления и улучшения своей жизни, радикальных перемен, социальной справедливости; они хотели мира, земли, хлеба, подлинного народовластия.

Крутой революционный поворот общественно-политического развития на новый, социалистический путь стал, таким образом, для задыхавшейся в тисках империалистической войны и хозяйственной разрухи страны жизненной необходимостью. Нужны были, однако, гений и смелость Ленина, чтобы, во-первых, эту необходимость разглядеть, увидеть в ней практический выход из крайне тяжелого, кризисного положения и, во-вторых, призвать пролетариат и весь народ к безбоязненному движению вперед, к социализму. Историческое значение Апрельских тезисов и состоит прежде всего в том, что в них была гениально схвачена эта назревшая социалистическая альтернатива капитализму и в точных научных формулах определена задача перехода от первого, буржуазно-демократического этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму, социалистическому ее этапу, который должен был дать власть в руки пролетариата.

В. И. Ленин, намечая в Апрельских тезисах и в цикле работ, углубляющих и конкретизирующих их идеи, новый, «верный путь для революции» (Полн. собр. соч., т. 31, с. 455), исходил не только из внутренних условий развития страны, но и из трезвой оценки содержания новой исторической эпохи и международного значения русской революции. Именно это обстоятельство придало найденным им теоретическим и практическим решениям революционных задач российского пролетариата и его партии всемирно-историческую значимость и непреходящую актуальность.

Наступление эпохи империализма, свидетельствуя о зрелости мировой капиталистической системы для социалистического преобразования, открыло иные, благоприятные возможности и для тех ее периферийных звеньев, где капитализм был менее развит. А первая мировая война, явившись, по выражению Ленина, «всесильным «режиссером»», «могучим ускорителем» (*там же*, с. 13) течения всемирой истории, не только усилила созревание объективных, материальных предпосылок

социалистической революции, но и поставила ее в порядок дня. Под ударами войны затрещала общественная и государственная организация капитализма; громадные материальные и людские потери, страдания и бедствия миллионов радикализировали массы.

Ленин первым среди марксистов понял, что мировая война, как порождение империализма и милитаризма, оснащенного современной техникой истребления,— грозное предупреждение всему человечеству о нависшей над ним опасности гибели целых стран и народов. Диалектика истории оказалась такова, что общедемократическую задачу антивоенной борьбы можно было решить лишь посредством социалистической революции. Не случайно в первом из Апрельских тезисов, определяя отношение рабочего класса и партии большевиков к империалистической войне, Ленин утверждал: «...Кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала» (*там же*, с. 114). Таким образом, впервые была раскрыта неразрывная связь борьбы за мир, против войны с борьбой за социалистическое преобразование общества.

Эта тактика — увязка борьбы за мир с борьбой за социализм — блестяще оправдала себя в конкретно-исторических условиях того времени, позволив партии большевиков направить могучее общедемократическое движение против войны в русло борьбы за победу социалистической революции. Вот почему Апрельские тезисы навечно предстают как сплав понятий «мир» и «социализм».

Центральное место в Апрельских тезисах занимают идеи о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о роли и месте Советов в революции, о новом государственном устройстве, о методах работы в массах (тезисы второй, четвертый и пятый). Эти вопросы к моменту приезда вождя большевистской партии приобрели особую остроту в силу как их теоретического, так и в особенности практически-политического значения. Позиция меньшевиков и эсеров была однозначна: дальше упорядоченного буржуазного строя они идти не хотели, а Советы, несмотря на славословия в их адрес, не рассматривались ими как имеющие в будущем государственное значение.

Большевистская партия, выйдя после Февральской революции из подполья, развернула гигантскую работу в массах, разъясняя империалистический характер

войны, сплачивая трудящихся вокруг Советов, разоблачая антинародный характер политики Временного правительства. Однако в целом она, как показало Всероссийское совещание партийных работников (27 марта — 2 апреля 1917 года), придерживалась устаревшей уже платформы дальнейшего развития и углубления демократической революции. По ряду важных вопросов (например, об отношении к Временному правительству) допускались колебания, а главное, до приезда Ленина не было четко осознано значение Советов, не уяснена альтернатива: социализм или капитализм. Выступление Ленина с Апрельскими тезисами вскрыло гносеологические корни известного отставания партии и ее лозунгов от хода событий на крутом повороте истории.

Часть работников партии по вопросу о перспективах революции стояла на «старобольшевистских» позициях 1905 года, считая, что буржуазно-демократическая революция еще не закончена, поскольку не увенчалась установлением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Мысля устаревшими стереотипами и не поняв характера новой исторической полосы, они сводили очередную задачу пролетариата и его партии к борьбе за дальнейшее развитие демократической революции до ее «логического конца» в соответствии с формулой 1905 года. Отдельные деятели партии, исходя, по сути, из полуменьшевистских позиций, полагали, что ввиду незрелости страны для перехода к социализму преждевременно ставить вопрос о перерастании революции в социалистическую и что социализм первоначально должен победить в высокоразвитых капиталистических странах Запада. Были в партии и люди, страдавшие революционным нетерпением, готовые безотносительно к объективным условиям призвать массы к немедленному свержению Временного правительства.

В. И. Ленин, обосновывая необходимость перехода от первого буржуазно-демократического этапа революции ко второму, социалистическому, дал в Апрельских тезисах и в ряде других работ, их дополняющих, образцы марксистской методологии анализа действительности. Стержнем такого анализа была диалектика, составляющая живую душу Апрельских тезисов. Критикуя ошибочные взгляды своих соратников по партии, Ленин вскрыл их коренной методологический порок: отрыв от действительности, непонимание ее реальных противоре-

чий и противоборствующих тенденций, нового соотношения классовых и политических сил. Недостойно марксистов, указывал он, повторять «бессмысленно *заученную* формулу вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности». И далее: «...Марксист в учете момента должен исходить *не* из возможного, а из действительного», «учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни» (*там же*, с. 133—135). А в анализе действительности главное для марксиста — учет нового соотношения классовых сил. Такая методология позволила Ленину установить, что большевистские лозунги и идеи в общем вполне подтверждены историей, но конкретно дела сложились иначе, чем мог кто-либо ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее.

В самом деле, вторая буржуазно-демократическая революция создала невиданное прежде переплетение властей — власти буржуазии в лице Временного правительства и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов. Получилась не простая, «одноцветная», по определению Ленина, а чрезвычайно сложная, «двухцветная» действительность (*см. там же*, с. 139). Подобного исхода завершения революции не могла предусмотреть формула 1905 года, и потому она устарела. Тем временем буржуазно-демократическая революция в 1917 году не только дошла, хотя и в своеобразной форме, до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, но и обнаружила тенденцию к перерастанию в социалистическую. Советы и были шагом к социализму (*см. там же*, с. 109, 356). Для того чтобы партия могла двигать революцию вперед, она должна была освободиться от груза теоретических стереотипов, верных для своего времени, но переставших отвечать новым условиям развития.

Что касается ссылок на необходимость «подождать» со взятием власти пролетариатом до начала социалистической революции на Западе, то Ленин определил подобную систему воззрений как пародию на марксизм, ибо последний отвергает в принципе установление какой-либо очередности в переходе тех или иных стран к социализму (*см. там же*, с. 363). В то

же время он решительно выступал против всякого волюнтаристского забегания вперед, перепрыгивания через необходимые этапы развития, подталкивания революционного процесса, справедливо расценивая это как опасный субъективизм в политике. Так, Ленин убедительно доказал, что лозунг Троцкого «без царя, а правительство рабочее» означал бы прыжок к «чистой» диктатуре пролетариата помимо воли большинства крестьянства. Равным образом и несвоевременные призывы к свержению Временного правительства грешили бы бланкизмом и авантюризмом.

В связи с этим уместно заметить, что буржуазные марксологи, пытаясь противопоставить Ленина Марксу, постоянно обвиняют его, будто он в отличие от строгого детерминиста Маркса перешел в теории и на практике на волюнтаристские позиции. Между тем нет ничего лживее этой версии. Ленин, как никто другой, всю жизнь боролся внутри партии против волюнтаризма и субъективизма, считая их столь же гибельными для дела революции и социализма, как и догматизм, ревизионизм или топтание на месте.

Итак, важнейший методологический урок Апрельских тезисов состоит в том, что они ориентируют партию на творческое развитие марксистской теории на основе глубокого исследования живой, развивающейся действительности, новых процессов и явлений, обобщения опыта революционной борьбы масс, учат неустанной борьбе с догматическим мышлением, своевременному приведению теоретических положений в соответствие с новыми объективными условиями.

Главная роль в ленинском плане борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической отводилась Советам — массовым политическим организациям трудящихся, рожденным революционным творчеством российского пролетариата. Народные массы справедливо рассматривали их как органы подлинного народовластия. Так их оценивал и Ленин. Он призвал партию разъяснять массам, что Советы есть «*единственно возможная* форма революционного правительства» (*там же*, с. 115), подобная той, какой в свое время была Парижская коммуна. Верный творческому духу марксизма, черпая в народном творчестве материал для новых теоретических выводов, Ленин формулирует свой пятый тезис: «Не парламентарная республика,— возвращение к ней от

С. Р. Д. было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху» (*там же*). Так была подведена последняя черта в многолетних напряженных поисках ленинской мыслью наиболее целесообразной формы пролетарского государственного устройства в России. Ленин был полон уверенности, что народ, поставленный перед выбором: Республика Советов или обычная парламентарная буржуазная республика, сделает его в пользу Республики Советов и социализма. Первейшую обязанность партии большевиков он видел в том, чтобы помогать народу строить тотчас и повсюду Советы, «брать в их руки *всю* жизнь» и тем облегчить ему задачу «сделать... выбор в пользу Республики Советов рабочих и крестьянских депутатов» (*там же*, с. 164).

На основе Апрельских тезисов был выдвинут знаменитый лозунг «Вся власть Советам!», ставший главным политическим лозунгом большевиков почти на все время революции. Близко принятый и постепенно усвоенный массами, он воочию показал, как в революционную эпоху теория непосредственно переходит в политическую практику, а лозунги партии становятся могучим стимулятором революционной самодеятельности миллионов.

Отсюда — еще один методологический урок ленинских тезисов: только живое творчество масс, их революционный почин и энергия являются залогом успеха революционного преобразования. Провозглашенный XXVII съездом КПСС курс на всемерную активизацию человеческого фактора в ускорении социально-экономического развития, как видим, опирается на давние традиции большевизма.

Чтобы обосновать историческое предназначение Советов сначала как органов революционно-демократической, а затем пролетарской государственности, Ленин с разных сторон подходит к выяснению их происхождения, роли и места в революции. Во-первых, подчеркивает он, идея Советской власти выросла из самых глубин народного сознания, стала проявлением социально-исторического творчества масс. И действительно, Советы были подлинно демократическими по своему «социальному происхождению», широте представительства, по методам, характеру и направленности деятельности. Их демократизм превосходил де-

мократизм любых институтов буржуазной демократии. Не в декларациях, а на деле они могли обеспечить и обеспечивали самые широкие демократические права и свободы народу. Во-вторых, Ленин рассматривал Советы как лучшую форму народного, социалистического самоуправления. Они не только означали непосредственное и широкое участие масс «в *демократическом* строительстве всей государственной жизни снизу доверху», но и давали возможность народу самочинно творить «демократию *по-своему*» (*там же*, с. 163). Как органы подлинно народного самоуправления они способны, считал он, лучше, чем органы буржуазного государства, справиться с задачей удовлетворения насущных нужд людей и управления государственными делами вообще. В-третьих, в силу всех этих причин именно Советы открывали возможность неразрывно соединить демократию с социализмом. Социализму присуща имманентная потребность в демократии. Без нее он не может нормально функционировать, более того, без нее ему грозят серьезные деформации или даже перерождение в бюрократически-авторитарный режим. И наоборот, вне социализма подлинная демократия остается лишь благим пожеланием.

Наконец, последнее по порядку, но не по важности. Исходя из марксистского учения о государстве, Ленин пришел к выводу, что построение нового, пролетарского государства по типу Советов выдвигает на первый план вопрос о сломе старой буржуазной государственности и ее аппарата. В Апрельских тезисах читаем: «Устранение полиции, армии, чиновничества. Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего» (*там же*, с. 115).

Как известно, В. И. Ленин вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом считал, что постоянная армия как атрибут буржуазного государства должна быть заменена всеобщим вооружением народа. Однако опыт гражданской войны, а затем угроза империалистической агрессии, с одной стороны, и развитие военной техники — с другой, заставили советских коммунистов отказаться от этого представления и пойти по пути создания и укрепления регулярной армии как защитницы трудового народа. Что касается полиции, то после Октябрьской революции она была окончательно ликвидирована и заменена народной милицией.

Намного сложнее оказался вопрос устранения чиновничества, бюрократии. Общеизвестны резко отрицательные суждения о них основоположников научного коммунизма. Ленин в том же 1917 году писал, что в буржуазных государствах, независимо от их политической формы, «реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников. А эта армия насквозь пропитана антидемократическим духом,.. окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, заскорузла, окоченела,.. связана отношениями чинопочитания, известных привилегий «государственной» службы...» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 202—203). Ленин хорошо знал, какую неприязнь народа вызывало российское чиновничество: некомпетентное, бесконтрольное, безответственное, коррумпированное. Как же быть с этим «наследством»?

Марксизм в отличие от анархизма исходит из признания исторической необходимости государства как орудия построения и развития нового, социалистического общества, его защиты от покушений извне, подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. И хотя это государство (в данном случае советское) принципиально иного социального типа, оно не может, как и всякое современное государство, обойтись без соответствующего ему аппарата управления, то есть без служащих, чиновников. И ленинская мысль, начиная с Апрельских тезисов (и даже ранее, в ходе подготовительной работы над книгой «Государство и революция»), настойчиво ищет гарантии против всевластия чиновников в будущем социалистическом обществе и находит их в выборности и сменяемости, в лишении особых привилегий, в подконтрольности «низам» — народным массам и т. п.

За время после Апрельских тезисов Советы проделали большой исторический путь. Став после Октябрьской революции органами социалистической государственности и пройдя через трудные испытания, они выдержали проверку временем, доказали свою жизнеспособность. Но степень их активности и демократизма на разных этапах была неодинаковой. Бюрократические излишества и извращения не миновали также и советский государственный аппарат, а в последние годы многие его разбухшие звенья стали одним из основных компонентов того «механизма торможения» общественного развития, о котором речь шла на январском

(1987 год) Пленуме ЦК КПСС. Ныне, когда в нашей стране решаются задачи дальнейшей демократизации общества и государства, всемерного развития социалистического самоуправления народа, преодоления бюрократизма, ленинские идеи служат руководством к действию.

Разрабатывая вопрос о путях России к социализму, Ленин во главу угла ставил интересы народных масс, а посему искал в реальной действительности самый безболезненный и самый выгодный для них путь перехода к новому общественному строю. Общеизвестна его идея о возможности мирного развития революции. Ленин считал возможность такого развития революции и ее перерастания в социалистическую исторически чрезвычайно редкой и потому крайне ценной (*см. там же*, с. 135, 222). Уже одно выдвижение этой идеи начисто опровергает измышления противников марксизма, будто вождь большевиков возводил в абсолют насилие и гражданскую войну.

Трезвый анализ соотношения классовых сил позволил сделать вывод, что Советы, пользуясь отсутствием у Временного правительства надежной вооруженной силы и под давлением народных масс, могли мирно взять государственную власть в свои руки, положив конец двоевластию. Во главе правительства, вышедшего из недр Советов, стали бы меньшевики и эсеры, и оно по своему классовому характеру было бы революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Такой исход борьбы за власть позволил бы массам на собственном опыте избавиться от своих ошибок: быстрее изжить доверчивость к буржуазии и ее правительству (не случайно в третьем тезисе Ленин требовал отказать Временному правительству в какой-либо поддержке и доверии — *см.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 114), а также к соглашательским партиям меньшевиков и эсеров. Это одна сторона мирного развития революции. Другая состояла в том, что борьба классов и партий внутри полновластных Советов могла бы происходить мирно, в цивилизованных формах. В ходе такой борьбы большевики, завоевывая большинство среди народных масс, а значит, и в Советах, утвердили бы свое руководящее положение в них, превратив Советы в органы диктатуры пролетариата. «Чтобы стать властью,— писал Ленин,— сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сто-

рону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы...» (*там же*, с. 147). Завоевание же большинства трудящихся на сторону большевистской партии требовало, по мысли Ленина, учета подготовленности масс к решению тех или иных революционных задач, терпеливой, настойчивой, умелой разъяснительной работы в гуще масс, аргументированной критики соглашательской политики меньшевиков и эсеров. Вождь партии считал, что каждый большевик «должен сделаться всем: и агитатором, и пропагандистом, и устроителем нашей партии» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 51).

Следовательно, важный методологический урок Апрельских тезисов таков: для завоевания политически активного большинства трудящихся на сторону революционной партии (а без этого базового условия невозможна победа народной революции) необходима настойчивая политическая работа в массах, учет степени их подготовленности и сознательности в меру накопления ими собственного политического опыта. Это подтверждено практикой всех освободительных революций XX века.

Как известно, по вине лидеров меньшевиков и эсеров возможность мирного перехода власти к Советам была упущена. Ближайшие негативные последствия этого были проанализированы Лениным. Но ретроспективно можно отметить и более долговременные драматические последствия упущенной возможности мирного развития революции: нашей стране пришлось идти к социализму более тяжелым и болезненным путем — через вооруженное восстание и гражданскую войну. А ленинская идея мирного развития революции, хотя и не осуществилась в 1917 году, оказалась жизненной: она взята на вооружение мировым коммунистическим движением.

Особый интерес представляет концепция революционно-демократического пути к социализму, разработанная Лениным в Апрельских тезисах и особенно детально осенью 1917 года. В контексте ленинских работ она связана с обоснованием возможности мирного пути революции, но, безусловно, выходит за эти рамки и имеет общетеоретическое значение. По мысли Ленина, переход государственной власти к Советам как

органам революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства политически означал бы вступление на революционно-демократический путь к социализму. Созданное на базе Советов революционно-демократическое правительство должно было осуществить в области экономики систему смелых структурных преобразований, которые бы подорвали господство крупного капитала и усилили роль и значение рабочего класса в обществе. Эти мероприятия по своему характеру были бы еще не социалистическими, а революционно-демократическими и, как таковые, переходными к социализму.

Шестой, седьмой и восьмой ленинские тезисы определяли задачи партии в области экономики. Разработанная Лениным социально-экономическая программа также носила в методологическом отношении новаторский характер, поскольку, во-первых, отразила найденную им диалектическую взаимосвязь и поэтапность демократических и социалистических мероприятий и, во-вторых, предусматривала не непосредственное движение страны к социализму, а систему переходных мер и шагов к нему. К примеру, аграрная программа Апрельских тезисов содержала как общедемократические требования (конфискация всех помещичьих земель, национализация всей земли — последняя рассматривалась уже как шаг к социализму), так и требования социалистического типа (организация особых Советов батрацких депутатов и Советов депутатов от беднейших крестьян, образование из каждого крупного помещичьего имения образцовых государственных хозяйств). Однако уже в августе 1917 года Ленин, ознакомившись со сводкой крестьянских требований, призвал партию перенести центр тяжести в аграрной политике на поддержку революционно-демократической программы крестьянства (сохранение мелкокрестьянского хозяйства, уравнительное землепользование и т. п.), несмотря на ее эсеровский характер. Эта своевременная перестановка акцентов в аграрной программе партии дала богатые плоды, обеспечив поддержку пролетарской революции крестьянской революцией против помещиков. Трудящееся крестьянство именно через борьбу за близкие и понятные ему демократические требования было подведено к активному участию в борьбе за власть Советов, за социализм.

Апрельские тезисы учат, следовательно, не только

гибкости в политике, умению маневрировать, но и правильно сочетать и поэтапно решать общедемократические и социалистические задачи. Этот урок и сегодня актуален для коммунистических партий капиталистических стран, для революционно-демократических партий в «третьем мире».

В Апрельских тезисах Ленин решил труднейшую теоретическую задачу — перевел общие формулы марксизма о социалистической революции и социализме на язык конкретных мероприятий и живой революционной практики применительно к условиям данной страны — России. Мы видели это на примере найденной им советской формы пролетарской государственности. В области экономической он, будучи диалектиком, учитывал своеобразие «двухцветной» действительности, «соединившей на практике в России синдикаты в промышленности и мелкокрестьянское хозяйство в деревнях» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 293). Иными словами, в «командных высотах» экономики в стране имелись материальные предпосылки для социализма и не было таковых в сельском хозяйстве, обремененном остатками феодализма. Отсюда логически следовало, что непосредственно, сразу социализм в России неосуществим и что пролетариат «не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования» (Полн. собр. соч., т. 31, с. 451). Но социализм, считал Ленин, вполне осуществим путем неотложного проведения целого ряда переходных мер и шагов *нового типа*, как-то: объединение всех банков в один и государственный контроль над ним или национализация банков, национализация синдикатов, отмена коммерческой тайны, национализация земли и т. п. Взятые в единстве, они позволяли осуществить учет и контроль со стороны государства над общественным производством и распределением продуктов. Но эти же меры, по Ленину, одновременно являлись и главнейшим средством борьбы с хозяйственной разрухой. Вот почему Апрельские тезисы — это революционная программа спасения страны от национальной катастрофы.

Таким образом, предстоящий переход к социализму рассматривался не как некий сверхъестественный «прыжок в неведомое», а как практической выход из кризиса буржуазно-помещичьего строя, из того тупика, в котором оказалась страна в 1917 году, то есть

как конкретный ответ на конкретные проблемы ее общественного развития.

Отметим еще один аспект в ленинской программе переходных мер и шагов к социализму. Уже в Апрельских тезисах и других трудах, разрабатывая вопрос об учете и контроле, Ленин перебрасывал мостик к всеохватывающему учету и контролю как основе функционирования социалистической экономики. Напоминание об этих идеях тем более своевременно теперь, когда партия, отвергнув подмену учета отчетами, развернула широкомасштабную работу по восстановлению в практике хозяйственного развития основополагающего ленинского приципа «социализм — это учет».

Диалектический подход к российской действительности, основанная на нем программа переходных мер и шагов к социализму позволили Ленину решительно отвергнуть догматические заклинания меньшевиков о незрелости России для социализма, о хозяйственной разрухе и отсталости как непреодолимой преграде на пути к нему. Напротив, он доказал, что только разрыв с капитализмом, социалистическое обновление страны высвободят могучие народные силы и откроют перспективу в кратчайшие исторические сроки покончить с разрухой и преодолеть экономическую и культурную отсталость. Этот прогноз, как известно, полностью оправдался.

Девятый тезис посвящен внутрипартийным проблемам. На крутом повороте истории необходимо было укрепить партийные ряды, вооружить членов партии ясным пониманием новых исторических задач. Поэтому Ленин предлагал немедленно созвать съезд партии, в частности для пересмотра и принятия новой ее программы, а также переменить название партии. Вместо социал-демократической, как научно неверного и к тому же опозоренного предательством лидеров II Интернационала наименования, партии большевиков, по мнению ее вождя, следовало назваться коммунистической. Но это предложение смогло быть реализовано лишь в 1918 году на VII съезде партии.

В. И. Ленин считал, что международные обязанности рабочего класса России, оказавшегося на переднем крае мирового революционного движения, «с особенной силой выдвигаются на первый план» (*там же*, стр. 169). В связи с этим в последнем, десятом тезисе он предложил партии большевиков взять на себя

инициативу объединения всех революционно-интернационалистских сил в международном рабочем движении путем создания нового, III Интернационала. Спустя два года и эта ленинская идея была осуществлена.

После внутрипартийной дискуссии в печати и партийных организациях, выразившей коллективный разум партии, идеи Апрельских тезисов Ленина были одобрены VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП (б), состоявшейся в Петрограде 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 года. Так завершилась выработка нового стратегического курса и тем самым сделан крутой поворот в политике от линии на продолжение и углубление демократической революции к установке на переход к революции социалистической.

Время не властно над ленинской мыслью. И сегодня, осуществляя новый стратегический выбор — курс партии на ускорение социально-экономического развития страны, на перестройку, мы вновь и вновь обращаемся к творческой лаборатории В. И. Ленина, черпая в его наследии ценнейшие уроки научного анализа явлений действительности, подлинно новаторского подхода к решению сложнейших теоретических и практических проблем. В этом смысле классическое произведение марксизма-ленинизма — Апрельские тезисы — живет и действует в революционно-преобразующих свершениях наших дней, служит надежным ориентиром в борьбе за мир и социальный прогресс на современном этапе мирового развития.

Коммунист. 1987. № 5. С. 58—67.

1917-й: Октябрьское восстание

Документы далекого, но близкого сердцу каждого из нас времени комментируют, беседуя с корреспондентом «Правды», кандидат исторических наук Галина Зотиковна Мухина и доктор исторических наук Владимир Павлович Наумов.

Правде — в глаза

КОРР. Ни один период в истории нашей страны, да, пожалуй, и всемирной истории не имеет такой богатой литературы, как Великий Октябрь. И все-таки остаются до сих пор не вполне ясные моменты.

НАУМОВ. Да, и сегодня здесь есть свои «белые пятна», что все еще мешает правильному, правдивому познанию истории Великого Октября. Прежде всего свой отпечаток наложили явления культа личности, и это сказывается до сих пор. Мы сталкивались и продолжаем сталкиваться не только с замалчиванием, но и с искажением и даже прямой фальсификацией отдельных исторических фактов в угоду утвердившейся в тридцатые — сороковые годы концепции Октябрьской революции.

Для восстановления исторической правды лучше всего обратиться к Ленину, его теоретическому наследию. Хотелось бы, чтобы с читателями заговорил сам Ленин. Да, именно он — человек, который глубоко знал жизнь со всеми ее хитросплетениями, неожиданными поворотами, противоречиями.

МУХИНА. Продолжу вашу мысль, Владимир Павлович. Сила Ленина как личности в том и состоит, что ему был чужд вождизм. Сила Ленина в том, что он всегда был с народом, а не над народом. Он умел постигать думы народные, умел познавать, изучать жизнь народа, умел извлекать уроки.

НАУМОВ. Роль Ленина в победе Октября общеизвестна, и все-таки приходится лишний раз об этом напоминать. Дело в том, что в тридцатые годы утвердилась концепция «двух вождей» в Октябрьской революции. Вот как проводилась эта мысль в «Краткой биографии» И. В. Сталина, в редактировании которой он сам участвовал. Раскроем ее на странице 65: «Ленин и Сталин смело и уверенно, твердо и осмотрительно

вели партию и рабочий класс на социалистическую революцию, на вооруженное восстание. Ленин и Сталин — вдохновители и организаторы победы Великой Октябрьской социалистической революции. Сталин — ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания». Вот, видите, какая «железная», незамысловатая логика: дважды повторяются рядом Ленин и Сталин. А потом — в третий раз — остается Он. То есть Сталин. Он — один! — руководит всеми, вся, всем. Примерно по той же схеме изображаются события и в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

МУХИНА. Были и другие претенденты на особую роль в руководстве Октябрьским вооруженным восстанием. Таким претендентом выдвигал себя Троцкий. В статье «Уроки Октября» он пытался подвести читателя к выводу о своей исключительной роли в Октябрьской революции и особенно — в период вооруженного восстания.

Вот что он писал в этой статье: «С того момента, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания... С того момента, как батальоны по приказу Военно-революционного комитета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер».

Специально привожу эту весьма характерную выдержку, чтобы показать, сколько в ней непомерной амбициозности. Во-первых, протест вызывает это — «мы, Петроградский Совет». Да, Троцкий занимал пост председателя Совета, но ведь в Совет входили сотни депутатов — и большевики, и меньшевики, и эсеры, и анархисты, и беспартийные рабочие и солдаты; и сторонники позиции Ленина, и те, не скроем, кто разделял взгляды Троцкого... Так кого же имел он в виду, говоря «мы»? Скорее всего лишь самого себя. Во-вторых, здесь просматривается попытка противопоставить свои взгляды позиции Ленина, ЦК РСДРП(б). Восстание, по Троцкому, якобы началось 9 октября, то есть до известных решений ЦК от 10 и 16 октября. И это восстание носило, дескать, основной, а вот 25

октября — второстепенный, «дополнительный характер»...

НАУМОВ. Кстати, стоит вспомнить и статью Сталина «Октябрьский переворот», увидевшую свет в годовщину Октября — 6 ноября 1918 года. В этой статье Сталин, также умаляя роль Ленина, подчеркивал заслуги Троцкого в непосредственном руководстве восстанием. Разумеется, позднее этот эпизод Сталин больше не вспоминал. И здесь, как и во многих других случаях, он давал оценки исторических событий сквозь призму своих конъюнктурных расчетов.

КОРР. **Стоит ли сейчас ссылаться на Краткий курс истории партии?.. Нам ведь могут возразить, что этой книжкой давно уже никто не пользуется, что она давно уже списана в архив...**

МУХИНА. Насчет книжки — все верно. Но вот беда: концепции, взгляды, идеи, подходы этого «Курса» гуляют в той или иной степени и до сих пор. Инерция мышления, инерция познания исторического процесса, заложенная этим «трудом», сильно мешает правильному, объективному исследованию событий Октябрьской революции. Мешает и в объективном разборе той внутрипартийной дискуссии, что развернулась накануне вооруженного восстания. До сих пор не потеряли своей силы ярлыки, которые были розданы без разбору.

НАУМОВ. С горечью вспоминаем мы и о том, что имена многих активных участников Октября на долгие годы были вычеркнуты из истории. Шестнадцать членов и кандидатов в члены ЦК РСДРП(б) 1917 года стали жертвами произвола времен культа личности Сталина. Та же трагическая участь постигла и многих членов Военно-революционного комитета. Наш долг сегодня — вернуть истории, народной памяти все имена бойцов революции. Их жизнь и деятельность со всеми достоинствами и недостатками, ошибками, заблуждениями достойны быть отраженными и в научной, и в художественной литературе.

Урок диалектики

КОРР. **Расскажите об этапах, основных вехах в поиске путей завоевания власти рабочим классом в тех условиях, которые сложились в России в 1917 году. При всей их противоречивости и вариантной возможности развития событий. Причем, как известно, в быстро изменяющейся обстановке...**

НАУМОВ. В том-то и дело, что обстановка менялась очень быстро. Тем больше искусства требовалось от большевиков, чтобы определить не только стратеги-

ческий курс, но и методы, формы борьбы. Тем больше идейной убежденности, принципиальности требовал каждый шаг.

Итак, что происходило в марте — апреле 1917 года...

МУХИНА. Извините, Владимир Павлович, перебью вас. Думаю, что надо напомнить читателям о важнейшем теоретическом выводе, который сделал Ленин еще в 1915 году: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». А через год, в 1916 году, Ленин уже более уверенно определяет «непреложный вывод: социализм не может победить одновременно **во всех** странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах...»

Этот вывод Ленина и его теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую составили теоретическую опору для партии большевиков, сделавших в апреле 1917 года свой исторический выбор — курс на социалистическую революцию.

НАУМОВ. Итак, март — апрель 1917 года... «Письма издалека», которые Ленин отослал накануне возвращения в Россию. Четыре первых письма были написаны с 7 по 12 марта по старому стилю, а пятое, неоконченное письмо датировано 26 марта 1917 года. Уже в первом письме Ленин делает вывод, что власть перешла в руки буржуазии. А вопрос о власти — это главный вопрос революции. В данном случае буржуазно-демократическая революция закончена, наступает новый этап — этап перерастания ее в революцию социалистическую.

В этих письмах дается реалистический, научный анализ обстановки. Рядом с правительством буржуазии возникло по сути другое правительство — Совет рабочих и солдатских депутатов. Таким образом складывается двоевластие.

Эти выводы Ленина были направлены против ошибочных воззрений Каменева, считавшего буржуазно-демократическую революцию незавершенной, а движение к социалистической революции преждевременным. Выводы Ленина противостояли меньшевистским и правооппортунистическим догмам о якобы «незрелости», «неготовности» пролетариата.

КОРР. Какова история этих ленинских писем? Как они дошли до партии?

НАУМОВ. Письма Ленина привезла в Петроград Александра Михайловна Коллонтай. Первое письмо было напечатано в «Правде» в двух номерах, от 21 и 22 марта, но с очень значительными сокращениями. Сейчас почти невозможно установить, кто сделал купюры на одну пятую часть текста, но хорошо известно, что тогда в редакцию входили Каменев и Сталин. Ясно также, что рядовой сотрудник не посмел бы этого сделать. Нетрудно сейчас установить, что сокращения касались характеристики лакействующих перед буржуазией лидеров соглашательских партий — меньшевиков и эсеров. Был вырезан текст с разоблачением Временного правительства, продолжавшего войну.

КОРР. Чем можно сейчас объяснить эти вымарки?

НАУМОВ. Не составляет большего труда сопоставить эти купюры с позицией, которую в то время занимали Каменев и Сталин. С их приходом в редакцию в газете стали публиковаться материалы, в которых вопрос о поддержке Временного правительства ставился в соответствии с формулой «постольку-поскольку». Дескать, пока Временное правительство «не исчерпает себя», пока оно искореняет остатки царско-помещичьего режима, ему надо оказывать поддержку. А в редакционной статье «Без тайной дипломатии», написанной Каменевым, не осуждалось продолжение войны. Вряд ли надо пояснять, что это противоречило отношению Ленина и его единомышленников к империалистической войне и Временному правительству, противоречило лозунгу «Никакой поддержки Временному правительству!»

Определенная часть партийных организаций занимала в то время нечеткую или даже ошибочную позицию по отношению к войне, к буржуазному Временному правительству. Но в этой связи нельзя согласиться с утверждением Сталина, что это была позиция большинства партии. В ноябре 1924 года на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС он признал, что это была «глубоко ошибочная позиция», что она «лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс». «Эту ошибочную позицию я разделял,— продолжал Сталин,— с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина. Нужна была новая ориентировка». Все дело, как видите, лишь

в ориентировке. Но никак не в позиции. Но и это еще не все. Позднее, уже в другой работе Сталин заявил, что эту ошибочную позицию он разделял тогда с большинством партии. Такое искажение фактов с подачи Сталина довольно долго держалось в нашей исторической литературе.

КОРР. Таким образом, выводы о переходе к новому этапу революции, к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую, о сущности и роли Советов были сделаны Лениным сначала в «Письмах издалека», а затем сформулированы в Апрельских тезисах сразу же после возвращения в Россию. Не вдруг, не сразу новые ленинские положения были поняты и приняты всей партией. Почему?

МУХИНА. Обстановку того периода довольно точно обрисовала Коллонтай: «Для многих тезисы — откровение. Для других — нечто, что не сразу поймешь, освоишь. Для третьих, врагов революции, тезисы — опаснейшая политическая платформа».

По предложению Ленина в партии началась открытая дискуссия по коренным вопросам дальнейшего развития революции в России. Накануне Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции шел коллективный творческий поиск, определялось отношение к перспективе социалистической революции. И в этом поиске вырабатывалось новое мышление.

Так, в ходе острых внутрипартийных дискуссий, в процессе преодоления идейных и политических разногласий складывалось и утверждалось это новое мышление. Его плодотворность подтвердила Всероссийская конференция.

Весьма поучительный урок для нас, историков партии. Вместо того, чтобы наклеивать ярлыки «инакомыслящим», спорящим, давно бы следовало детально исследовать этот пример живой диалектики революционной мысли и действия.

КОРР. Почему в июле 1917 года был снят на время лозунг «Вся власть Советам!»? Почему пришлось отказаться от мирного пути развития революции?

НАУМОВ. Период от февраля к октябрю был насыщен крутыми поворотами в развитии событий. Один из них и произошел 3—5 июля 1917 года.

Расстрел июльской демонстрации при прямой поддержке меньшевиков и эсеров резко изменил политическую обстановку в стране. Кончилось двоевластие. Установилась диктатура контрреволюционной буржуазии. Вопрос стоял: или — или. Или полная победа контрреволюции, причем наиболее реакционного, воин-

ствующего крыла контрреволюции «корниловского типа», готового утопить в море крови революционную Россию. Или победа социалистической революции. Но уже не мирным путем, а с помощью вооруженного восстания.

МУХИНА. Стоит, очевидно, пояснить, что речь шла не о Советах вообще, а, говоря ленинскими словами, о «борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных Советов». А тогда эти Советы возглавляли эсеро-меньшевистские соглашатели. Поэтому речь шла о временном снятии лозунга «Вся власть Советам!», как лозунга мирного развития. Очень убедительно это показано в работе Ленина «К лозунгам». Процитирую лишь одно место: «Народ должен прежде всего и больше всего знать правду — знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики...»

И следующий абзац: «Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией пустые фразы, «самообман и обман народа».

Таким образом, выбор был лишь один — только вооруженное восстание для взятия власти.

В канун Октября, в период бурной большевизации Советов, лозунг «Вся власть Советам!» был восстановлен, но уже как лозунг вооруженного восстания.

Кто «спас» Ленина?

КОРР. Известно, что в основу решений Шестого съезда партии большевиков легли ленинские работы. Такие, как статья «К лозунгам», тезисы «Политическое положение», и другие. Решения съезда, несмотря на полемику перед съездом и во время него, приняты были единогласно.

Ленина на съезде не было. Он вместе с Зиновьевым скрывался в Разливе. Временное правительство требовало суда над Лениным и Зиновьевым, клеветнически обвинив их в «измене» и в «организации вооруженного восстания». Так вот, одним из первых на Шестом съезде обсуждался вопрос о явке Ленина на суд Временного правительства. В результате коллективного обсуждения съезд принял резолюцию, в которой высказался против явки Ленина на суд. Казалось бы, все ясно — никаких вопросов. Но в «Краткой биографии» И. В. Сталина, на странице 63 прочитал: «Сталин спас для партии, для нашего народа, для всего человечества драгоценную жизнь Ленина, решительно высказавшись против явки Ленина на суд контрреволюционеров...» Как было на самом деле?

МУХИНА. За неявку Ленина на суд выступили Орджоникидзе, Дзержинский, Скрыпник и другие. За

явку Ленина на суд (при условии гарантии личной безопасности, гласного ведения следствия и участия в нем представителей от ЦИК Советов) высказались Володарский, Мануильский, Лашевич.

Теперь о позиции Сталина по этому вопросу. В заключительном слове по докладу о политической деятельности ЦК Сталин сказал: «В данный момент все еще не ясно, в чьих руках власть». Хотя к тому времени это уже было ясно: власть в руках контрреволюции. Продолжим цитату из речи Сталина: «Нет гарантии, что если их (то есть Ленина и Зиновьева) арестуют, они не будут подвергнуты грубому насилию. Другое дело, если суд будет демократически организован и будет дана гарантия, что их не растерзают. На вопрос об этом нам отвечали в ЦИК: «Мы не знаем, что может случиться». Пока положение еще не выяснилось, пока еще идет глухая борьба между властью официальной и властью фактической, нет для товарищей никакого смысла являться к властям. Если же во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, которая будет иметь хоть некоторую честь,.. они явятся».

Позиция Сталина основывалась на неправильной оценке состояния политической власти в стране. Эта позиция, как видим, допускала возможность «честного» буржуазного суда. Следует, очевидно, напомнить ради правды, что в основе резолюции о неявке Ленина на суд, принятой съездом, лежал проект, который внес Бухарин.

Шестой съезд четко определил курс на вооруженное восстание. Осенью вопрос о восстании встал на повестку дня. А некоторые большевики выступали по существу против этого курса, против восстания. Это были Каменев, Зиновьев и некоторые другие. Ленин, находясь в подполье, проявлял огромное беспокойство по поводу проволочек, медленных темпов подготовки вооруженного восстания. Протестуя против такой политики, Ленин обращается не только в Центральный Комитет, но и в местные партийные организации, предлагая оказать давление на ЦК.

Ильич в Петрограде

КОРР. В конце сентября — начале октября 1917 года (точная дата не установлена) Ленин возвратился в Петроград.

10 октября Ленин впервые после долгого подполья участвует в

заседании ЦК РСДРП(б). На этом заседании ЦК принял резолюцию о вооруженном восстании, внесенную Лениным.

За ленинскую резолюцию голосовало десять членов ЦК, против — Каменев и Зиновьев. Курс на вооруженное восстание стал директивой партии.

Тогда же, 10 октября, Дзержинский предложил создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро. Читатели в своих письмах просят рассказать о нем подробнее, ссылаясь при этом, что официально Политбюро как постоянно действующий орган берет начало с 1919 года.

НАУМОВ. В 1917 году в Политбюро вошли Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов. Каких-либо документальных данных о деятельности этого органа нет. Имеются лишь воспоминания Рахьи, Ялавы и других. По изысканиям, которые провел ленинградский ученый Виталий Иванович Старцев, можно предположить, что Политбюро какое-то время действовало, неоднократно собиралось.

На заседании ЦК от 16 октября был организован Военно-революционный центр, иногда в литературе его называют Партийным центром. В него вошли: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Он действовал в составе Военно-революционного комитета.

КОРР. Бытует такое мнение, очевидно, под воздействием некоторых кинофильмов, что Ленин, скрываясь от ищеек контрреволюции, был в одиночестве, полностью изолирован, не имел никаких сведений. Так ли это было?

МУХИНА. Конечно, не так. Разберем этот период документально. Вернувшись в Петроград, Ленин берет непосредственное руководство подготовкой восстания в свои руки.

Обратимся к Биографической хронике Владимира Ильича Ленина после заседания ЦК 10 октября.

Между 10 и 16 октября. Ленин встречается с членами ЦК, обсуждает вопрос о подготовке вооруженного восстания.

Между 12 и 15 октября. Ленин несколько раз встречается с представителем Московского комитета РСДРП(б) О. А. Пятницким.

14 октября. Ленин встречается с руководящими работниками партии большевиков и Военной организации при ЦК РСДРП(б). В совещании участвовали В. А. Антонов-Овсеенко, Ф. Э. Дзержинский, М. С. Кедров, В. И. Невский, Н. И. Подвойский и другие. Ленин интересуется составом Воеино-революционного комитета, подчеркивает, что он должен быть полномочнейшим, но беспартийным органом восстания, связанным с самыми широкими слоями рабочих и солдат.

16 октября. Под руководством Ленина проходит расширенное заседание ЦК РСДРП(б). Подавляющее большинство поддержало резолюцию, принятую 10 октября. Против опять выступили Зиновьев и Каменев.

17 октября. Ленин пишет «Письмо к товарищам», в котором подвергает критике поведение Зиновьева и Каменева.

18 октября. Ленин пишет «Письмо к членам партии большевиков» в связи с тем, что Зиновьев и Каменев разгласили секретное решение ЦК о вооруженном восстании.

Не позднее 20 октября. Ленин принимает непосредственное участие в подборе комиссаров Военно-революционного комитета.

В ночь с 20 на 21 октября. Ленин встречается с руководителями Военной организации при ЦК РСДРП(б) Антоновым-Овсеенко, Невским и Подвойским.

24 октября. Вечером Ленин уходит в Смольный, оставляя Фофановой записку: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил...»

Стоит добавить, что именно в этот период Владимир Ильич был связан с партийными организациями не только Петрограда, но и многих других городов страны. Он поддерживал связь с революционными матросами Кронштадта и солдатами Урала, с трудящимися Сибири, Грузии, Азербайджана, Прибалтики, Белоруссии, с Московской, Курской, Вятской, Уфимской, Калужской, Ростовской и другими партийными организациями большевиков.

КОРР. Известно, что некоторые члены ЦК всячески оттягивали срок восстания. Как относился к этим проволочкам Ленин?

НАУМОВ. Противники восстания — и явные, и скрытые — подвергали в той или иной форме критике ленинскую позицию. Зиновьев и Каменев, например, тогда высказывали мнение, что социалистическая революция не получит поддержки ни внутри страны, ни за рубежом. Эта позиция определялась не только их личными качествами (трусость, шатания, неуверенность), но и отражала настроения той части рабочего класса, которая находилась под впечатлением июльских событий, не хотела рисковать, выжидала.

Троцкий считал ленинский план ни больше ни меньше как «партийным заговором». И противопоставлял ленинскому плану свою трактовку. Он требовал дождаться открытия Второго съезда Советов, которому, дескать, и передаст Временное правительство свои полномочия. Спустя несколько лет в статье «Уроки Октября» Троцкий и сам признал, что с восстанием не спешили.

Вооруженное восстание не было заговором. И Ленин это убедительно показал. Ленин имел в виду подготовку восстания партией передового класса — с широчайшим участием трудящихся в захвате власти, а затем уже — передаче ее Второму съезду Советов.

Оттяжка сроков восстания грозила провалом дела революции. Смертельную опасность представляла и линия на ожидание съезда Советов. Командные верхи

армии, кадеты готовили удар по революционным силам, кровавую бойню трудящимся.

Ленин тщательно анализирует состояние сил революции и контрреволюции, глубину общенационального кризиса в стране и определяет, что медлить с восстанием преступно.

МУХИНА. И здесь вновь надо отметить особую позицию Сталина. Можно было бы определить ее как центристскую. Не выступая прямо против линии Ленина, Сталин в то же время не осуждал ни позиции Каменева и Зиновьева, проголосовавших против решения о восстании, ни проводимой на практике линии Троцкого на оттяжку восстания до съезда Советов. Но почему Сталин пытался действовать так, чтобы играть роль третейского судьи? Вот с этим предстоит еще разобраться.

НАУМОВ. При всех колебаниях Сталин в важнейшие моменты склонялся к позиции Троцкого в определении сроков восстания, в оценке событий 1917 года. Вот достаточно красноречивое признание Сталина, сделанное в 1920 году: «И, несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания». В этих словах налицо явная смычка с позицией Троцкого. Естественно, что Сталин был не единственным среди тех, кто «не послушался» Ленина. Но Сталин был среди них.

Что касается непосредственного участия Сталина в руководстве восстанием,— об этом не сохранилось ни документов, ни убедительных воспоминаний.

МУХИНА. Видя известного рода колебания и опасность отсрочки восстания, Ленин бьет тревогу: «Промедление смерти подобно».

Ленин увидел в этой медлительности огромную опасность для революции, подошедшей к своему решающему рубежу,— опасность упустить исторический шанс победы на мощной волне революционного энтузиазма, благоприятной обстановки на международной арене. И Ленин направился в Смольный, чтобы непосредственно взять руководство восстанием в свои руки.

В Смольном

КОРР. Как вспоминал Подвойский, Ленин пустил машину восстания на полный ход, на самую высокую скорость. Смольный пришел в могучее движение. Шло заседание ЦК под руководством Ле-

нина. Оно обсуждало ход восстания. Действия ВРК приобрели фронтально-наступательный характер. Во все районы столицы, в Советы, на предприятия, воинские части, штабы Красной гвардии нарочные из Смольного доставляли приказы о решительном наступлении. Начался стремительный захват опорных пунктов Петрограда (мостов, телеграфа, телефона, радиостанции, вокзалов, электростанции и так далее). К утру 25 октября весь город, за исключением Зимнего дворца и здания штаба военного округа, был в руках восставших. Вечером 25 октября прозвучал холостой выстрел крейсера «Аврора» — сигнал к захвату Зимнего.

Какие организации осуществляли непосредственное руководство восстанием? Кто в них входил? Эти вопросы часто задают в своих письмах читатели «Правды».

МУХИНА. Непосредственное общее руководство восстанием обеспечивал ЦК РСДРП(б), действовавший в тесной связи с Петербургским комитетом РСДРП(б) и районными комитетами партии.

Главной организационно-политической опорой ЦК партии большевиков был Петроградский Совет, в котором к тому времени большевики составляли значительную часть депутатов. Однако Совет продолжал оставаться многопартийным. В него входили, кроме большевиков, эсеры, меньшевики и представители других политических групп. Отсюда — известные ограниченные возможности Совета в руководстве восстанием. Петросовет не мог действовать как самостоятельный орган по руководству восстанием, начатым по инициативе партии большевиков.

Оперативным штабом по подготовке и проведению восстания был Военно-революционный комитет, созданный при исполкоме Петросовета. ВРК создавался не как партийный, а как советский орган. По составу своему он был многопартийным, но с численным преобладанием большевиков.

НАУМОВ. Следует, очевидно, отметить, что ВРК объединял всех революционеров, стоявших на платформе борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией за власть Советов. Это, по мысли Ленина, обеспечивало широкое представительство различных непартийных организаций трудящихся, укрепляло надежные, постоянные тесные связи ЦК большевиков с рабочими, солдатами, матросами.

В ВРК входили представители Петербургского Комитета РСДРП(б), Военной организации при ЦК РСДРП(б), Петросовета, фабзавкомов, профсоюзов, Центрального штаба Красной гвардии, Центробалта и других организаций.

КОРР. Кто входил в Военно-революционный комитет — поименно?

МУХИНА. Общего и полного списка не сохранилось. Имеется несколько списков, разных по составу — от тридцати до ста человек. Но при этом нет четкой градации между членами комитета и его активом.

По данным специалистов, в ВРК за весь период его деятельности входили следующие большевики: Бубнов, Дзержинский, Свердлов, Сталин, Урицкий, Аванесов, Антонов-Овсеенко, Анцелович, Бокий, Быков, Вайнберг, Галкин, Гжельщак, Голощекин, Гусев, Дашкевич, Дыбенко, Евсеев, Еремеев, Ефремов, Животов, Залуцкий, Иоффе, Карахан, Коцюбинский, Крыленко, Лацис, Лашевич, Мехоношин, Мицкявичюс-Капсукас, Молотов, Невский, Павлов, Павлуновский, Петерс, Петерсон, Подвойский, Пригоровский, Садовский, Склянский, Скрыпник, Трифонов, Троцкий, Уншлихт, Федоров, Флеровский, Фомин, Чудновский, Шляпников, Шмидт, Юренев.

Левых эсеров представляли Лазимир, Алгасов, Балашов, Сухарьков, Устинов, Закс, Ильин и другие.

В ВРК были единичные представители от меньшевиков-интернационалистов, анархосиндикалистов, анархокоммунистов.

КОРР. Кто возглавлял Военно-революционный комитет?

НАУМОВ. 21 октября (3 ноября) было избрано бюро ВРК. В него вошли от большевиков Антонов-Овсеенко, Подвойский, Садовский, от левых эсеров Лазимир, Сухарьков.

По воспоминаниям Подвойского, председателем ВРК вначале был избран Лазимир, а впоследствии Подвойский, секретарем — Антонов-Овсеенко.

Непосредственными боевыми операциями при штурме Зимнего руководил Подвойский. Самое активное участие при этом принимали Антонов-Овсеенко, Чудновский, Невский, Дыбенко, Еремеев и другие.

Свершилось

КОРР. Какие революционные силы участвовали в восстании?

НАУМОВ. Десятки тысяч рабочих Петрограда были обучены, вооружены, подготовлены к решающим боям. К октябрю 1917 года общая численность Красной гвардии достигала двадцати тысяч бойцов. Среди них было

много рабочих Путиловского, Обуховского, Балтийского, Невского и других заводов.

Во главе петроградской рабочей гвардии стоял свой штаб, созданный задолго до октябрьских дней.

Значительная часть солдат Петроградского гарнизона уже в середине октября была готова выступить по призыву большевиков.

Революционные моряки по первому зову Центробалта готовы были выступить на поддержку революции. В распоряжении революционных сил к вечеру 25 октября находилось одиннадцать боевых кораблей, более десяти тысяч матросов.

Как видим, это было массовое, народное восстание. Вооруженные рабочие, солдаты, матросы занимали государственные учреждения, почту, телеграф, вокзалы; охраняли предприятия, мосты, другие важные объекты.

Революционные отряды плотным кольцом окружили Зимний дворец, где находилось Временное правительство. В осаде и захвате дворца участвовали отряды Красной гвардии численностью три-четыре тысячи человек. К ним присоединились революционные солдаты Павловского, Кексгольмского, Волынского, Литовского, Преображенского полков, броневого автомобильного дивизиона, десант кронштадтских моряков.

В ночь с 25 на 26 октября Зимний дворец был взят и арестовано Временное правительство. В одной из телефонограмм сообщалось: «2 часа 4 мин. был взят Зимний дворец. 6 человек убито — павловцев. Комендантом Зимнего дворца (назначен) Чудновский».

На Втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов было провозглашено воззвание, написанное Лениным. В воззвании говорилось:

«Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки».

Правда. 1988. 3 июня.

Е. Яковлев

Первое правительство

Зимний брали в ночь со вторника на среду, с 25 на 26 октября. «2 часа 4 минуты был взят Зимний дворец, 6 человек убито — павловцев»,— сообщала телефонограмма Петергофскому районному Совету, и собравшиеся в Смольном, в комнате номер 36, где проходило заседание ЦК партии, радовались: почти бескровным оказалось вооруженное восстание. Был оживлен, приветлив Владимир Ильич. Но вдруг, потеряв улыбку, стал серьезен: «Не радуйтесь, будет еще очень много крови. У кого нервы слабые, пусть лучше сейчас уходит из ЦК»...

В шестом часу утра Ленин согласился поехать на Херсонскую улицу к Бонч-Бруевичу, отдохнуть ненадолго. Закончилась вторая ночь, проведенная им в Смольном.

Спать, спать, спать. А сна нет. Зажигает свет, подсаживается к столу. Все, как прежде, как бывало много раз: стол, перо, бумага, рассвет за окном. Но пишет не прокламацию, не обличительный памфлет, не заметки публициста, не теоретический труд, не аналитическую статью. Пишет проекты законов, по которым жить России. Революционер, ниспровергатель устоев и основ, разрушитель старого мира становится созидателем нового — мы свой, мы новый мир построим...

Владимир Ульянов (Ленин) — будущий глава Советского правительства, очевидно, первым испытал это чувство. Разделить его предстояло и другим большевикам — тем, кто составит наше первое правительство.

Историки и сейчас размышляют, когда были сделаны Владимиром Ильичем эти заметки. В какую минуту — ночь, утро, день и снова ночь вооруженного восстания — взял лист бумаги, всего лишь один — провел параллельные линии, расчертив его на тринадцать равновеликих строк, отделяющих одну запись от другой. Наверняка известно одно — писал накануне, когда победа восстания была очевидна и вплотную подступало

время последующих действий. Значит, писал не позднее 26 октября 1917 года.

Лист, на котором помечено все, что было необходимо на первых порах для организации аппарата управления. Владимир Ильич явно спешил, писал, постоянно сокращая слова, все больше превращая их написание в понятные лишь для него обозначения: «Б-бр», «Ве. р. и кр. прав.», «м-ры и т-щи м-ра». Теперь в этой рукописи нет загадок. Ученые Института марксизма-ленинизма подготовили документ к печати, расшифровали имена: «Б-бр» — В. Д. Бонч-Бруевич, прочли сокращения «Ве(стник) р(абочего) и кр(естьянского) прав(ительства)», «м(инист)ры и т(овари)щи м(инист)ра...» Появившись в 1933 году на страницах «Ленинского сборника», документ обрел заголовок — «Заметки об организации аппарата управления». Они дают возможность проследить, как воплощались в революционной практике государства — в первые же дни, недели его рождения — тринадцать ленинских строк.

В левом верхнем углу Ленин написал «Назначения». Сохранилось немало рассказов о том, как проходило формирование Советского правительства в Смольном, все в той же комнате номер 36. Предстояло от захвата власти перейти к ее осуществлению,— шаг для нас теперь, казалось бы, очевидный, но тогда он многим давался нелегко. Началось обсуждение кандидатур — состав будущего кабинета, и вот, что испытывал при этом, скажем, А. В. Луначарский:

«Это совершалось в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне неподготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

— Пока — там посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить».

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Вечер 26 октября. Принимаются декреты о мире, о земле. В 2 часа 30 минут ночи стали

обсуждать состав правительства. Все его 15 кандидатов были от партии большевиков. Сотрудничать с буржуазными партиями, демонстративно покинувшими съезд Советов,— меньшевиками, правыми эсерами — представлялось, очевидно, бессмысленно: «Не для того бралась власть,— писала Н. К. Крупская,— устраивалась революция, чтобы впрячь в советскую телегу лебедя, щуку и рака, создать правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места». Войти в правительство предложили левым эсерам, которые оформлялись тогда в самостоятельную партию. Но они это предложение отвергли. В результате первое Советское правительство было однородным, однопартийным — большевистским.

«Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства» гласило: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров...

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц:

Председатель Совета — **Владимир Ульянов (Ленин);**

Народный комиссар по внутренним делам — **А. И. Рыков;**

Земледелия — **В. П. Милютин;**

Труда — **А. Г. Шляпников;**

По делам военным и морским — комитет в составе **В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко;**

По делам торговли и промышленности — **В. П. Ногин;**

Народного просвещения — **А. В. Луначарский;**

Финансов — **И. И. Скворцов (Степанов);**

По делам иностранным — **Л. Д. Бронштейн (Троцкий);**

Юстиции — **Г. И. Оппоков (Ломов);**

По делам продовольствия — **И. А. Теодорович;**

Почты, телеграфов — **Н. П. Авилов (Глебов);**

Председатель по делам национальностей — **И. В. Джугашвили (Сталин);**

Пост Народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незамещенным».

Вчерашние подпольщики, нелегалы, политкаторжане становились наркомами, особыми уполномоченными, чрезвычайными комиссарами. Один из первых наркомов Г. И. Ломов писал:

«Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших, высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии, Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы России, с подробным описанием режима, который в них существует. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством...»

Впрочем, и сам глава правительства Ульянов-Ленин, услышав от кого-то жалобы на недостаток опыта, расхохотался: «А вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?!» Да, они давно свыклись с судьбой революционера-профессионала; десятилетиями оставались нелегалами; пережили трагедию семьи, близких, кому неминуемо, не желая того, причиняли горе; махнули рукой на испуганно сторонившихся друзей юности, избравших карьеру процветающих чиновников и преуспевающих политиков; никогда не рассчитывали на признание общества, в котором жили; находились на свободе в перерыве между арестами. А все, что могли поставить себе в заслугу, каралось тюрьмами, ссылками, каторгой, смертной казнью.

Нарком земледелия В. П. Милютин: революционную работу вел с 19 лет, восемь раз арестовывался, семь лет провел в тюрьме и ссылке. Народный комиссар по внутренним делам А. И. Рыков последние пятнадцать лет перед революцией был на нелегальном положении, восемь раз арестовывался, три раза бежал. Комитет по делам военным и морским: В. А. Антонов-Овсеенко приговарился к смертной казни, Н. В. Крыленко арестовывался пять раз, П. Е. Дыбенко поднял восстание на линкоре «Император Павел I». Нарком по делам торговли и промышленности В. П. Ногин: агент «Искры», семь раз ссылался в Сибирь, на Север, шесть раз бежал. Нарком просвещения А. В. Луначарский: сын крупного чиновника, двадцати лет вступил в партию, 24-х был выслан, отдал революции талант крити-

ка, дар писателя, энергию публициста. Нарком финансов И. И. Скворцов-Степанов — автор перевода трех томов «Капитала», пробыл в тюрьме и ссылке более восьми лет. Нарком по делам иностранным Л. Д. Бронштейн (Троцкий): в рабочем движении с 17 лет, в девятнадцать — сослан в Сибирь. Нарком по делам продовольствия И. А. Теодорович: ссылался в Якутию, был на каторге в Сибири. Нарком почты, телеграфов Н. П. Авилов (Глебов) — рабочий-печатник и организатор подпольной печати. Сидел в крепости, тюрьме, трижды бежал из ссылки. Нарком по делам национальностей И. В. Джугашвили (Сталин) — был известен под именами Давид, Коба, Нижерадзе, Чижиков, Иванович, шесть раз ссылался, пять раз бежал из ссылки...

Многое можно сказать о людях, которых называли героями и мучениками революции. А возможно, и стоит продолжить этот список.

Но сколько ни называй имен — вскоре, например, в состав правительства войдут Г. И. Петровский, осужденный к вечному поселению в Туруханском крае; А. М. Коллонтай, дочь генерала, участвовала в социал-демократическом движении Англии, Германии, Дании, Франции, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, США, была арестована Временным правительством; Г. В. Чичерин 13 лет провел в эмиграции, Октябрьскую революцию встретил в камере лондонской тюрьмы; Ф. Э. Дзержинский, революционную работу начал за 23 года до победы Октября, половину этого времени провел в заключении — все отличие в этом перечислении, куда ссылали, на сколько лет приговаривали да по скольку раз бежали из-под ареста. Тогда все они были словно на одно лицо, будто цепочка бойцов на самой далекой черте горизонта, если и различимая, то лишь в зареве наших, по большей части романтических, представлений. На самом же деле они были очень разными — судьбой, образованием, характером. Одни были молчуны, другие — острословы. В ответ на раздраженное замечание Ленина — за такое отношение к делу следовало бы посадить виновного на хлеб и воду — нарком Милютин мог ответить: на воду — извольте, а хлеба у нас нет. Не были готовы к ведению делопроизводства, но умели отстаивать свою точку зрения, не оглядываясь,— кто за, а кто не поддерживает. Чаще всего не были знакомы со всеми тонкостями той

области, которой выпала доля руководить, но в каждом своем решении руководствовались единственным — своими представлениями об интересах рабочих и крестьян. Иной подход восприняли бы как предательство по отношению к самому себе, смыслу своей жизни.

Все они и не раз ошибались. Бывало и с Лениным — Владимир Ильич никогда этого не скрывал. Рыков, Милютин, Ногин, Теодорович находились в составе первого правительства, как говорится, без года неделю: уже 4 ноября они вышли из него, оказавшись на правом крыле партии. Других неудержимо влекла левая фраза. И Ленин с горечью спрашивал: «Что сделалось с этими людьми, как они могут из-за обрывков книжки забывать действительность?».

Он знал их всех по большей части много лет. Еще задолго до революции писал: «С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов». Дает самые откровенные характеристики тем, кто работал рядом, и в самом конце жизни, на рубеже двадцать третьего года, диктуя «Письмо к съезду» — один из документов политического завещания Владимира Ильича. О Сталине: «сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». О Троцком: «чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела». О Пятакове, тогда заместителе председателя Госплана: «человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе».

Читаешь ленинские, по нашим временам непривычно суровые оценки — и думаешь: а ведь со всеми этими людьми Владимир Ильич шел в революцию, выстоял в первые дни Советской власти, победил в гражданской войне, начал новую экономическую политику. И уже сам по себе стучится вывод: чем больше потенциал возможностей руководителя, тем шире круг тех, кого он привлекает, с кем находит возможность работать. Спорит, отстаивает истину, доказывает свою правоту и работает. От столкновения мнений по поводу Брестского мира, через профсоюзную дискуссию, к

обоснованию нэпа вновь и вновь отстаивал свою точку зрения. Верил людям, не подозревая их в злонамеренности, не разыскивал злоумышленников во имя самоутверждения.

Не на словах, а в самой сути своего взгляда на окружающих оставлял за ними право на ошибку: «... надо не видеть «интригу» или «противовес» в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей». Понимал, очевидно: иначе поднимется, разовьется и укрепится генерация тех, кто во всех тонкостях знает, как не надо, и при этом днем с огнем не разыщешь тех, кто понимает и умеет, как надо...

Начав «Заметки об организации аппарата управления» словом «Назначения», Ленин пометил четырьмя строками ниже: «Немедленное создание... народных комиссаров...»

Именно в этой рукописи впервые определяется название членов Советского правительства — народные комиссары. Название новое, непривычное, и Ленин чуть ниже помечает в «Заметках», заключая в скобки, как бы расшифровывая для себя,— «м(инист)ры — и т(овари)щи м(инист)ра», то есть этим должностным лицам в аппарате нового государства соответствуют народные комиссары и их заместители. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, словосочетание народные комиссары взамен принятых прежде министров предложил Ленин: «Как только наступил первый момент после захвата власти, когда пришлось всем подумать об устройстве правительства, то, конечно, сейчас же поднялся вопрос о формах его. Большинство определяло его структуру в старых формах: кабинет министров. Как сейчас помню, Владимир Ильич, заваленный крайне трудной работой с первых дней революции, услыхал этот разговор, переходя от телефона к телефону, и мимоходом бросил: «Зачем эти старые названия, они всем надоели. Надо устроить комиссии по управлению страной, которые и будут комиссариатами, председателей этих комиссий назовем народными комиссарами...»

Однако литературный характер воспоминаний всегда настораживает. «Как сейчас помню... услыхал этот разговор, переходя от телефона к телефону, и мимоходом бросил». Да было ли в этой комнате номер 36, на первом этаже Смольного, несколько теле-

фонов, если стульев и тех не хватало? Вот как описывает помещение, где заседал Центральный Комитет партии большевиков, например, Милютин: «посреди комнаты — стол, вокруг — несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто... в углу, прямо на полу лежит товарищ Берзин, ему нездоровится». Вызывает сомнение и некая отстраненность Ленина при обсуждении такого немаловажного вопроса: «...услыхал этот разговор... мимоходом бросил...».

Иначе описывает тот же эпизод большевик Рахья. Он вспоминает, что кто-то предложил название народные комиссары. Ленин согласился. Свидетельствует об этом и Милютин: приступили, было, к поименному списку кандидатур, «и вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство, его членов... Тогда и возникло — народный комиссар. «Да, это хорошо,— сейчас же подхватил товарищ Ленин,— это пахнет революцией» ...Так в комнате номер 36 Смольного родилось новое рабочее правительство и новое название». Общее же в этих воспоминаниях — отношение Владимира Ильича к самому этому понятию «народные комиссары»: видел в нем естественное продолжение революции, слышал в нем голос Парижской коммуны — исторического прообраза создающегося теперь государства. Ленина это радовало.

В день, когда закрылся под пение «Интернационала» Второй съезд Советов, на первом этаже Смольного, вновь в комнате № 36 (у главы правительства, скорей всего, еще не было своего кабинета), состоялось первое заседание Совнаркома. Утвердили постановление о созыве в назначенный срок Учредительного собрания. Приняли Декрет о печати. Обсудили и одобрили написанный Лениным «Проект положения о рабочем контроле». Правительство приступило к управлению страной...

С победой Октябрьской революции занятый практикой социалистического строительства Ленин дважды особенно подробно обосновывает его перспективы. Весной восемнадцатого в брошюре «Очередные задачи Советской власти»: социалистическое строительство находится еще на нулевом цикле, и речь идет, по сути, о всем укладе жизни, о том, как Россией управлять, общенародный лозунг момента «Учиться работать!». В конце жизни, на рубеже двадцать второго — двадцать третьего годов, в своих последних диктовках Вла-

димир Ильич занят социально-политическими проблемами. «Я советовал бы очень предпринять... ряд перемен в нашем политическом строе» — первая фраза его первой диктовки. Это и понятно: экономические проблемы разрешила новая экономическая политика, теперь важно провести в соответствии с ней социально-демократические преобразования... Знаю отлично, что всякое сравнение хромает, но не могу удержаться, чтобы не упомянуть: к июню 1988 года коренная реформа управления нашим народным хозяйством будет в разгаре, и собравшаяся к этому сроку XIX Всесоюзная партийная конференция обсудит вопрос «О мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества».

Вернемся к первым шагам первого Советского правительства. Что характерно прежде всего? Осуществлению того, что было намечено еще в канун октябрьских событий, о деле писал Ленин в работе «Государство и революция»: утверждение социалистической сути переворота, благодаря последующим за ним преобразованиям — слом старой государственной машины, утверждение народовластия, удовлетворение требований самых широких масс трудящихся. При этом политика правительства едина с методами ее воплощения. Поразительно едина!

В «Бюллетене ЦК РСДРП (Больш.) № 1» — было это 29 октября 1917 года — сообщалось: «Ввиду того, что газеты не выходят и телеграммы не передаются, ЦК для осведомления решил разослать краткие бюллетени о положении дел. Демократия в лице рабочих и солдат идет за нами... но мелкая буржуазия и чиновничество идут против нас, саботируют и бойкотируют военно-революционный комитет и комиссаров, так что технический аппарат на самом деле не в наших руках. Так же саботируют нас и телеграфисты, не передают наших телеграмм». Бюллетень переписан от руки — не было и машинисток.

В архиве и сейчас хранится документ, подписанный, скорей всего, единственным служивым человеком Министерства иностранных дел, сотрудничавшим с большевиками: «Пакет для посланника бельгийского получил. Швейцар Скоробогатов, 8-го ноября 1917 в 12 часов ночи от народных комиссаров». А в других министерствах, вывернутых наизнанку саботирующими чиновниками, и такого швейцара не было.

Значит, осуществить требования масс возможно,

лишь привлекая их самих к осуществлению этого. Готово ли было население России к той роли, которая отводилась ему с победой революции? Очевидно, нет. «У нас нет другой опоры,— говорил Ленин,— кроме миллионов пролетариев, которые несознательны, сплошь и рядом темны, неразвиты, неграмотны, но которые, как пролетарии, идут за своей партией».

И на первом же, как помните, заседании Совнаркома обсуждается проект положения о рабочем контроле: его осуществляют все рабочие и служащие каждого предприятия. В те же дни Ленин пишет «Ответ на запросы крестьян»: они могут «брать всю власть на местах в свои руки». Председатель Совнаркома обращается по радио ко всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота: им дано право вступать в переговоры о перемирии с неприятелем. Задумайтесь теперь, попробуйте подсчитать — да нет, хотя бы представить себе,— сколько тысяч или миллионов людей в первые же дни Советской власти оказались втянутыми в управление государством. Получили право решать и действовать. Действовать и решать без опаски и без оглядки.

...Большевики пришли к власти и сумели удержать ее в самых критических ситуациях. Но отчего же все-таки возникает вопрос: почему ни одна другая партия не смогла опереться на поддержку населения, не сумела совершить хоть нечто подобное? Были среди них и те, что именовали себя «марксистскими». За восемь месяцев со времени Февральской революции до Октябрьской, у власти побывали, кроме большевиков, представители практически всех политических партий России, и ни одна не сумела удержаться у власти. Почему? Крушение царизма открыло шлюзы, поднялась огромная народная волна. И каждая партия стремилась остановить ее, старалась преградить ей путь. Только большевики сумели двинуться вместе с этой волной, двинуться вперед вместе с массами.

Полностью во всем объеме уловить требования рабочих, крестьян, солдат, осмыслить, сделать из них практические выводы — постоянная забота Ленина. А когда это удавалось в какой-то мере другой партии, Владимир Ильич не считал зазорным обратиться к ее материалам. В принятый Вторым съездом Советов

Декрет о земле был включен наказ местных Советов крестьянских депутатов. Это вызвало вопросы из зала, и Ленин ответил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны». Умение понять требования широких масс и разделить их, даже если не согласны,— с этого начинался социалистический демократизм, на этих основах начинало свою деятельность первое Советское правительство.

Известия. 1987. 11 июля.

В. Суриков

Бесценные уроки партийной демократии и гласности

В преддверии XIX Всесоюзной конференции КПСС естественно обратиться к Ленину, к опыту работы партии в первые послеоктябрьские годы. В этом опыте содержатся поистине бесценные методологические уроки демократизации партийной жизни. О некоторых из них хотелось бы сказать особо.

Состоявшийся в марте — апреле 1920 года IX съезд партии избрал в состав ЦК 19 человек.

Избранный состав ЦК работает 11 месяцев, до середины марта 1921 года, когда состоялся X съезд партии. За это время проведено 103 заседания Оргбюро, 66 — Политбюро и 30 — пленумов ЦК.

Интенсивность работы Политбюро в целом соответствует нынешней, но вот пленумы ЦК собираются в 10—15 раз чаще. Уже из этого факта ясно, что на пленумы ЦК в те времена приходится центр тяжести работы — конкретизация политической линии, выработанной съездом, обсуждение и решение дискуссионных вопросов, экстраординарных проблем. Политбюро, не говоря уже об Оргбюро и Секретариате,— органы, *подготавливающие* такую работу, скорей исполнительные, чем «законодательные». Систематическое — раз в десять дней в среднем — обсуждение главнейших вопросов на пленуме гарантирует от каких-либо чисто бюрократических сегрегаций. И избирался орган такой власти всего лишь на год, да в промежутке еще отчитывался перед Всероссийской конференцией.

Как работала эта система? Вот пример. Профсоюзная дискуссия. Она, как известно, предшествовала X съезду. С чего все началось?

В начале ноября 1920 года на V Всероссийской конференции профсоюзов возникает конфликт между председателем президиума ВЦСПС М. П. Томским и Л. Д. Троцким. Томский обжаловал выступление Троцкого на фракции конференции в Политбюро, и вопрос выносится 8—9 ноября на Пленум ЦК, которому Троцкий предлагает проект своих тезисов о задачах профсоюзов. Ленин решительно поддерживает Томского, выдвигая свои тезисы, они собирают 8 из 15 го-

лосов. В ленинский проект вносятся поправки, и резолюция принимается уже десятью голосами. Четверо: Андреев, Крестинский, Рыков, Троцкий — против, один, Преображенский,— воздерживается. По инициативе образовавшейся «буферной группы» Пленум ЦК принимает решение — разногласия за пределы ЦК не выносить, отменить доклад Ленина на профсоюзной конференции и поручить Г. Е. Зиновьеву сделать на ней неполемический доклад.

В начале декабря на Всероссийском совещании Цектрана возникает конфликт. Его разбирает комиссия ЦК во главе с Зиновьевым, которая предлагает Пленуму ЦК (7—9 декабря) ряд практических мер, в частности, немедленное изменение состава ЦК профсоюза. Эта резолюция, поддержанная Лениным, на Пленуме не проходит (8 голосов против 7), принимается «буферная» резолюция Бухарина, которая рекомендует состав ЦК профсоюза пока оставить прежним. «Буфер» не срабатывает — раскол: 10 декабря водники покидают профсоюз.

Таким образом, в ЦК нет устойчивого большинства — у Ленина то 8 против 7, то 7 против 8 голосов. Есть попытки через «буферные» резолюции локализовать разногласия в ЦК, но раскол профсоюза транспортников, по существу, уже вынес дискуссию за его пределы. И как следствие — решение Пленума ЦК от 24 декабря об открытии дискуссии по вопросам порядка дня предстоящего съезда партии с одновременным переносом даты его созыва. Судя по всему, при решении вопроса об открытии дискуссии Ленин оказался на Пленуме в меньшинстве — он против. Об этом свидетельствуют и тон его статьи «Кризис партии» (январь 1921 года), и выступление на X съезде: дискуссия — «непомерная роскошь» и т. д.

Но решение Пленума состоялось, и в тот же день Троцкий начинает дискуссию выступлением на собрании профсоюзных работников и делегатов VIII Всероссийского съезда Советов. От ЦК поначалу представлено три платформы. Дискуссия разворачивается, идет на местах. В конце января Троцкий и Бухарин объединяются на общей платформе. Ее из членов ЦК поддерживают также Андреев, Дзержинский, Крестинский, Преображенский, Раковский, Серебряков. Свои платформы выставляют «рабочая оппозиция» (А. Г. Шляпников) и группа «демократического цент-

рализма» (Т. В. Сапронов), не представленные в ЦК. Выборы на X съезд идут по платформам. Платформа Троцкого — Бухарина несет на себе следы январской дискуссии и жесточайшей критики со стороны Ленина. Она даже по форме соответствует проекту Ленина — Зиновьева («платформа десяти»): некоторые разделы взяты из него почти без редакции. То есть очевидна попытка достичь согласия, четко отделить вопросы, по которым разногласий нет, от тех, где мнения расходятся.

Я намеренно не касаюсь существа разногласий. Здесь важна чисто процедурная сторона дела, вскрывающая, во-первых, громадную роль Пленума ЦК и показывающая, во-вторых, демократизм принципов его работы: возможность свободного обмена мнениями, невзирая на лица, в сочетании с жесткой партийной дисциплиной — до 24 декабря, то есть полтора месяца, члены ЦК сдерживают свои разногласия, неукоснительно следуя решению ноябрьского Пленума. Очевидна попытка выработать совместную точку зрения.

X съезд партии подведет итоги дискуссии: резолюция Ленина — Зиновьева соберет 83 процента голосов. Но что самое главное — это не отразится на выборах нового ЦК.

При выборах ЦК на X съезде было подано 479 голосов. Из прежних членов ЦК единогласно избран только Ленин. Радек — 475, Томский — 472, Калинин — 470, Рудзутак — 467, Сталин — 458, Рыков — 458, Троцкий — 452, Бухарин — 447, Дзержинский — 438, Раковский — 430, Зиновьев — 423, Каменев — 406, Сергеев (Артем) — 283. В ЦК не прошли все три прежних секретаря — с Секретариатом прежде всего связывают, видимо, делегаты рост бюрократизма, о котором так много говорилось на съезде. Лидер «рабочей оппозиции» А. Г. Шляпников избирается в состав ЦК (354 голоса), хотя его профсоюзная платформа собрала на съезде всего лишь 18 голосов. Лидер группы «демократического централизма» Т. В. Сапронов баллотируется, но не избирается (89 голосов).

Итак, партия, проведя дискуссию, съезд свой выбирала по платформам, но при выборах нового ЦК формальные результаты споров особой роли не играли — оценивалось нечто другое: результаты прежней работы и, конечно, потенциальные возможности. Мнения могли быть отвергнуты, даже осуждены как ошибки — на

оценке их сторонников и выразителей как личностей и работников это не отражалось!

Эпизод второй — переход к продналогу.

Конец декабря 1920 года. Полтора месяца назад разгромлен Врангель. Еще идут мирные переговоры с Польшей. Открывается VIII Всероссийский съезд Советов. Центральный вопрос съезда — план ГОЭЛРО. Основной источник финансирования этого плана — концессии. Обсуждается вопрос о сдаче в аренду всей Камчатки, есть проекты лесных и даже продовольственных концессий. Аренда на длительное время, на грабительских условиях! Маневр почище Бреста.

В отношении крестьянства курс в конце декабря прежний — продразверстка. В 1920 году она введена в Сибири, правительство планирует собрать около 300 миллионов пудов зерна, то есть в полтора раза больше, чем в предыдущем году. VIII съезду предлагается законопроект СНК «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», где, в частности, предусматривается премирование отдельных сельских обществ и «отдельных хозяев» — робкая собственно экономическая мера. О продналоге на VIII съезде — ни слова.

К концу января, то есть через месяц, ситуация в стране резко меняется. В Сибири вспыхивают кулацкие мятежи, расширяется мятеж Антонова, на Москву и Петроград обрушиваются топливный и продовольственный кризисы. Останавливаются некоторые заводы — нет топлива. В Петрограде на заводах — «волынки». 28 февраля начинается мятеж в Кронштадте.

8 февраля на заседании Политбюро, где заслушивается доклад замнаркома земледелия и сторонника группы «демократического централизма» Н. Осинского о посевной кампании и положении крестьянства, Ленин пишет «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян» — полстранички, на которой сформулирована идея замены продразверстки продналогом.

14 февраля на совместном заседании Политбюро и Оргбюро принимается решение заменить доклад Ленина на X съезде «Об основном хозяйственном строительстве» докладом «О политике и задачах по отношению к крестьянству».

16 февраля Политбюро принимает решение открыть дискуссию в «Правде» о продналоге.

24—25 февраля собирается Пленум ЦК, где заслушивается доклад комиссии, занимающейся изучением идеи продналога.

7 марта этот вопрос вновь обсуждается на Пленуме, создается комиссия для окончательной разработки проекта закона о замене продразверстки продналогом.

8 марта открывается X съезд.

15 марта — доклад Ленина на съезде о продналоге.

Всего пять недель разделяют черновой набросок и доклад на съезде, в котором будет предложена резкая смена внутриполитического курса. Инициатива принадлежит лидеру партии, но вопрос коллективно и обстоятельно прорабатывается в ЦК. Уже через неделю он обсуждается на совместном заседании Политбюро и Оргбюро. Это заседание выполняет, видимо, функции пленума, поскольку члены ЦК с конца января в разъездах: профсоюзная дискуссия. Потом еще два пленума. Оперативность здесь диктуется, конечно, критической обстановкой. Критической настолько, что чувствуется определенная торопливость. И о ней можно было бы говорить, если бы не партийный съезд, на который вынесен вопрос, если бы не исключительный авторитет съезда, если бы не атмосфера исключительной свободы мнений, царившая на нем. Съезд разберется, съезд, если надо, выправит — в те времена это стиль работы, единственный и естественный!

И, наконец, эпизод третий.

Это действительно эпизод: фракция РКП(б) VIII съезда Советов при обсуждении упомянутого ранее законопроекта СНК по аграрному вопросу требует устранить из него пункты о вознаграждении отдельных домохозяев. Мотив достаточно убедителен: предполагаемые премии «старательным хозяевам» приведут к усилению кулака.

В ответ ЦК корректирует формулировки: подчеркивается, что отдельные домохозяева премируются в основном средствами потребления и в том случае, если улучшения достигнуты некулацкими методами. Фракция принимает проект с дополнениями. Но до голосования к Ленину поступает любопытная записка: «Если фракция отклонит постановление ЦК, то будем ли мы достойными членами РКП?..» Сославшись на Устав партии, Ленин отвечает: ««В вопросах своей внутренней жизни и текущей работы фракция автономна». Значит, все члены фракции имеют право и

обязаны голосовать по совести, а не по указаниям ЦК. Если вы, голосуя по совести, вынесете второе решение против предложения ЦК, то... мы обязаны собрать и сейчас же соберем ЦК, на заседание которого вы пошлете своих представителей. Такой серьезный вопрос лучше обсудить два или три раза, чтобы попытаться устранить существенное разногласие между нами... Сейчас нужно голосовать не потому, что высшее учреждение партии внесло директивы, а потому — убедили вас тут или нет» (Полн. собр. соч., т. 42, с. 194—195).

Вот образец ленинского партийного руководства Советами, демократизм честнейший и бесстрашный. И это стиль не только лидера — стиль, принцип работы ЦК. И неизвестно, что больше убедило фракцию — сами ли дополнения или то доверие, которое продемонстрировано не на словах, а на конкретном деле — подходом к острому и непростому вопросу.

Мы должны признать, что верхний эшелон власти после Ленина претерпел эволюцию в сторону усиления аппаратных функций ЦК. Численность его росла, принцип представительства усиливался, уменьшилась частота съездов, исчезли из практики конференции. На мой взгляд, нужно чаще собирать пленумы, с тем чтобы они оказывали более оперативное воздействие на ход перестройки, чтобы на них заслушивалась также краткая информация о том, что делается по выполнению ранее принятых решений, и т. д.

Коммунист, 1988. № 7. С. 35—38.

НЭП: Суть. Опыт. Уроки.

Что такое нэп, что взять нам сегодня из этого опыта революционного социального новаторства,— об этом беседуют доктор исторических наук В. НАУМОВ и специальный корреспондент «Правды» Л. КУРИН.

Путь к вершине

Корр. Владимир Павлович, знаю по письмам читателей, многих интересует: как возникло это название целого периода в истории нашей страны — новая экономическая политика, сокращенно нэп?

В. Н. Сначала применяли такие термины: «новый режим», «новые формы», просто «экономическая политика». А потом и появилось название «новая экономическая политика», нэп.

Некоторые считают, что впервые этот термин был введен Лениным. Это не так. Сам Ленин употребил его после того, как он уже был в ходу. Набрасывая план статьи «Заметки публициста», Ленин с удивлением замечает тягу в русском языке к сокращенным названиям, на манер английского. И в пример приводит: «нэпо». А затем в различных работах, докладах, речах это «нэпо» трансформировалось в нэп.

Корр. Готовясь к нашей беседе, прочитал «Заметки публициста». Мне кажется, что первые строки этой ленинской работы очень подходят для начала разговора о нэпе. Процитирую их:

«Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и не исследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг. Он оказался в положении, когда двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно...»

Далее Ленин пишет, что восходителю пришлось спускаться вниз, искать других путей к вершине. Но и там новые опасности и трудности, пожалуй, большие, чем прежде. А внизу одни злорадствуют: «сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй!» Другие «благожелатели» по образцу Иудушки Головлева фарисейски скорбят, вознося очи горе: «К прискорбию, наши опасения оправдываются!», «Смотрите, смотрите, он пошел назад, он спускается вниз, он целыми часами подготовляет себе возможность продвинуться на какой-нибудь аршин! а нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!»

В. Н. Вы правы: отличная метафора! И вот что удивительно: о нэпе написано много книг, статей, мо-

нографий. Но что-то не встречал такого подхода. А она, эта метафора, довольно точно передает не только суть дела, но и обстановку в психологическом плане.

Корр. А нельзя ли поподробнее раскрыть эту метафору?..

«Без метафор»

В. Н. Что ж, попробуем. Тем более что следующая глава в тех же «Заметках публициста» как раз этому посвящена и называется «Без метафор». В ней Ленин пишет, что «российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту», что «мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху». А далее Ленин подходит к главному:

«Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий (и головокружения, особенно на больших высотах)...»

И далее продолжает развивать эту мысль: «Погибшими наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирно-историческое «предприятие», как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства). Не погибли (и, вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче».

Думаю, что в этих словах и заложена диалектика ленинских идей новой экономической политики.

Корр. Некоторым может показаться, что новая экономическая политика возникла сразу, вдруг, как нечто цельное, законченное. Так ли это?

В. Н. В том-то и дело, что нет. Ленин еще до Октябрьского восстания думал об основах политики переходного периода. Раскройте, пожалуйста, его работы «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», написанные накануне Октября, и вы убедитесь, как

упорно, как настойчиво, целенаправленно искал Ленин подходы к самому, пожалуй, трудному вопросу революции. Более подробный, более детальный план перехода к строительству социализма был намечен в широко известной работе «Очередные задачи Советской власти», увидевшей свет в апреле 1918 года. В работе «Главная задача наших дней», вышедшей весной того же года, Ленин поставил задачу «собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества».

В подготовительных материалах к Одиннадцатому съезду партии Ленин помечает: «Нэп: общая оценка его. Уже в 1918 г. дана...» Стоит, очевидно, напомнить, что Закон о продналоге вышел в октябре 1918 года. В 1919 году Восьмой съезд партии принял Программу РКП(б). И там сформулированы основные принципы и задачи экономической политики переходного периода.

До двадцатых годов Ленин сформулировал и общую концепцию переходного периода. Вот эти формулировки: «Пролетариат предполагает переход к новым общественно-экономическим отношениям возможно более постепенным»; «государственная власть — пролетариат — сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки».

Но все эти наметки, все эти планы постепенного перехода были сведены на нет ожесточенным сопротивлением российской буржуазии, интервенцией, гражданской войной. Все это толкнуло нас, как отмечал Ленин, «на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали».

Корр. Значит, «военный коммунизм» со всеми его последствиями был не нормальным явлением, а вынужденным, чрезвычайным, навязанным нам. И на этот счет есть откровенное признание Ленина: «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой».

Стало быть, отчаянная борьба заставила нас форсировать национализацию промышленности, вплоть до мелкой; запретить частную торговлю; перейти на строжайшее централизованное распределение сырья и топлива; распределять продукты по карточкам; ввести в деревне продразверстку, по которой крестьянин обязан был сдавать государству все излишки; свести почти на нет товарно-денежные отношения... Ведь без этих мер военного коммунизма тогда просто невозможно было обойтись. Правильно я понимаю?

В. Н. Правильно, но не совсем, не до конца. Здесь довольно сложная диалектика. Диалектика самой жизни.

Впрочем, непоследовательны и некоторые исследователи, рассматривающие этот крутой переход. Победа в гражданской войне породила в среде большевиков такой взгляд: переходный период к социализму можно пройти быстро, штурмом, теми же методами военного коммунизма. Трудно ставить такой взгляд кому-либо в вину. Потому что он был порожден невиданным массовым, народным энтузиазмом. Но этот взгляд был ошибочным. Впрочем, давайте почитаем Ленина. У него есть очень точные слова на сей счет. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», опубликованной в «Правде» 18 октября 1921 года, он писал: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы подготовить — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму».

Прошу прощения у читателей за слишком обильное цитирование, но без него мы не поймем, ни как родилась новая экономическая политика, ни сути ее, ни значения ленинской метафоры о горовосходителе, с которой начали нашу беседу.

«Так сказала нам жизнь»

Корр. Значит, насколько я понимаю, приходилось преодолевать не только трудности той поры, но и психологию военного коммунизма. Тогда придется, очевидно, хотя бы вкратце рассказать о той обстановке, которая заставила быстро переходить от военного коммунизма к новой экономической политике.

В. Н. После победоносного окончания гражданской войны Республика Советов столкнулась с острым политическим кризисом. Крестьянство, которое мирилось с продразверсткой в годы войны, после оконча-

ния войны стало проявлять недовольство. «Экономика весны 1921,— записал Ленин,— превратилась в политику: «Кронштадт».

Кронштадтский мятеж в марте 1921 года, как и волнения в других местах, отражали недовольство масс политикой военного коммунизма. Это недовольство усиливалось голодом и хозяйственной разрухой.

Политика «военного коммунизма» исчерпала себя. В упадке находилось сельское хозяйство. Распадалась промышленность.

Продукция индустрии в 1920 году уменьшилась в семь раз по сравнению с довоенным уровнем, выплавка чугуна сократилась в тридцать три раза, стали — в двадцать два. Со всей неотложностью встал вопрос о крутом повороте в экономической политике.

Вот что рассказывает очевидец той поры Елизавета Яковлена Драбкина. Цитирую по ее книге «Зимний перевал», которая написана двадцать лет назад, но издана только в 1988 году. Послушайте весьма характерное свидетельство:

«Вдобавок к материальным трудностям промышленность унаследовала от времен «военного коммунизма» бюрократическую систему управления, в которой — совсем как в учении средневековых схоластов — реальным бытием обладали лишь общие понятия — «универсалии», а индивидуальные, конкретные вещи являлись не более как их «атрибутами», или «акциденциями»: вместо рыбы царила лишенная субстанции Главрыба, вместо соли — Главсоль, вместо стекла и спичек — Главстекло и Главспичка. В заработной плате преобладала натуральная часть, в учете — цифирная тьма, хозяйственного расчета не существовало, хозяйственные нули числились хозяйственными единицами.

И все это — посреди половодья первых лет нэпа, в условиях всеобщей нищеты и катастрофического падения ценности бумажных денег».

Как видим, определение довольно точное. Остается добавить: фабрики и заводы остались без топлива, на селе — продразверстка, которую отвергал крестьянин, и голод 1921 года.

Вот в таких условиях входила в жизнь новая экономическая политика. Отсюда и ленинское определение: «Суть новой экономической политики: максимальный подъем производительных сил и улучшение положения рабочих и крестьян».

Существует много различных определений нэпа, но это, на мой взгляд, самое точное. Потому что оно отвечает гуманной сути социализма.

Корр. В связи с этой формулировкой возникает и такой вопрос. Некоторые ученые и публицисты порой сводят существо нэпа главным образом или только к замене продразверстки продналогом, да еще к допуску капиталистических элементов.

В. Н. Нэп — это цельный, неразрывный комплекс мер переходного периода. Экономического, политического, социального, идеологического, психологического характера. И ни одну из них нельзя рассматривать отдельно, вне связи с другими. И ни одну из них нельзя ни переоценивать, ни недооценивать. В этом как раз и состоит ленинская диалектика.

Что это за меры? Перечислю их. Укрепление союза рабочего класса и крестьянства на экономической основе. Развитие промышленности на базе электрификации. Кооперирование населения России. Использование товарно-денежных отношений. Повсеместное внедрение хозрасчета, личной заинтересованности в результатах труда. Временное допущение капиталистических элементов в экономику. Совершенствование государственного планирования и управления. Борьба с бюрократизмом, администраторски-командными замашками, комчванством. Повышение культуры во всех сферах деятельности человека. Так бы я кратко сформулировал основные задачи нэпа.

Ленинские идеи об экономической политике Советского государства в переходный период — это плод поиска развития научных положений марксизма. Они отнюдь не были некоей вспышкой гениального ума, не вышли готовыми, завершенными в какое-то одно мгновение. Ленин осмотрительно и осторожно продвигался вперед, тщательно взвешивая все повороты в развитии событий. И к каждой новой проблеме Ленин шел путем — повторяю — неустанного теоретического поиска, глубокого анализа реальной действительности.

И это была работа не одинокого мыслителя, это был труд руководителя партии и государства, вождя великого народа. Истины рождались в дискуссиях, спорах, в многочисленных непринужденных беседах по душам с представителями народа. Крестьяне, рабочие, ученые, организаторы промышленности, товарищи по партии часами беседовали с Лениным.

Трудно себе представить ленинские взгляды на нэп вне их развития, вне их динамики. Этот уровень постижения ленинского теоретического наследия необходим для глубокого и всестороннего анализа принципов экономической политики Советского государства в переходный период.

Одно из самых существенных положений, которое Ленин неустанно внушал всем, состоит в том, что социализм не «вводится» — его надо строить.

Корр. Нельзя ли хотя бы вкратце, в рамках нашей беседы, которой отведена одна газетная полоса, рассказать о тех основных элементах нэпа, которые вызывают наибольший интерес, рождают сегодня споры, дискуссии, вопросы.

В. Н. Хорошо. Начнем с того вопроса, который вы предложили,— продналог вместо продразверстки. Это действительно важный элемент. Но гениальность Ленина не в том, что он увидел необходимость отмены продразверстки. Ленин увидел в нэпе возможность сомкнуть, сплотить город и деревню, укрепить союз рабочего класса и крестьянства, определить путь к социализму. Ленин увидел теоретическую возможность и практические условия включения в строительство социализма огромных масс населения России посредством соединения личного интереса с общественным. Решение этой задачи позволило использовать кооперацию как средство созидания социалистической экономики и воспитания мелкотоварного производителя, частного собственника в социалистическом духе. Таким образом решались и тактические задачи (облегчить положение крестьянина, дать ему возможность трудиться в полную силу, ликвидировать нехватку продовольствия в городе) и стратегические. Решая насущнейшие, архизлободневные задачи, Ленин заглядывал далеко вперед.

Именно поэтому мы и сейчас обращаемся к ленинским идеям новой экономической политики. Конечно, наше общество находится на совершенно иной ступени развития. Но неисчерпаем идейный, политический и методологический потенциал ленинских мыслей о путях, формах и методах строительства нового общества. Как актуальны сегодня ленинские идеи о сочетании общественных и личных интересов, раскрывающие созидательную энергию, творческие возможности каждого члена общества. Вот эти слова Ленина:

«Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на лич-

ном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции».

Корр. Приходилось читать и слышать, что кто-то раньше Ленина якобы предложил заменить продразверстку продналогом. Больше того, ставился вопрос: кому принадлежит идея нэпа? Как вы смотрите на эти версии?

В. Н. Действительно, такие версии существуют и существовали ранее. Одним из авторов такой версии выступал в свое время Троцкий. В записке, адресованной в ЦК в феврале 1920 года, он предлагал внести изменения частного характера в порядок реквизиции излишков сельхозпродуктов у крестьян, то есть изменить налоговую систему в рамках военного коммунизма. Записка есть записка. Тем более частного характера, да всего в одну страницу. И никаких широкомасштабных выводов она не содержала. Но в конце 1924 года в брошюре «Новый курс» Троцкий без всякого стеснения заявил по поводу этой записки буквально следующее: «Весь текст в целом представляет довольно законченное предложение перехода к новой экономической политике в деревне».

Может быть, и не стоило сегодня вспоминать об этом. Но вот беда: амбициозная, ничем не обоснованная претензия Троцкого порой слишком серьезно обсуждается историками и литераторами, тогда как для этого нет никаких оснований.

Корр. Теперь, очевидно, надо перейти к хозрасчету, товарно-денежным отношениям. Ведь известно, что в двадцатые годы эти элементы нэпа считали капиталистическими. Да и в более поздние времена нашлись ортодоксы, которые отбросили эти элементы как чуждые социализму. Что можно сказать по этому поводу?

В. Н. Нэп, его методы привели к созданию нового хозяйственного механизма, к переходу от бюрократического централизованного управления к экономическому управлению промышленностью, всем хозяйством — через цены, кредит, через денежное обращение, к работе на рынок, к использованию хозяйственного расчета.

Да, действительно, тогда все эти элементы и методы считались капиталистическими. В тот момент их рас-

сматривали как наследие капитализма. Однако практика социалистического строительства показала, что все эти методы хозяйствования не были отступлением от социализма. Творчески, глубоко осваивалась реальность и вырабатывалась соответствующая политика быстрого реагирования на эту реальность.

Хозяйственный механизм нэпа порождал стремление к высшей производительности труда, к добросовестной работе, к лучшему качеству продукции. Были разработаны формы, методы, средства привлечения к активному и действенному участию массы населения в строительстве социализма путем соединения личных интересов с интересами общества.

Именно тогда и формировался новый тип труженика, который строил свою работу не только на энтузиазме, но через энтузиазм, через материальное стимулирование. Конечно, и здесь не обошлось без преодоления тех стереотипов, порой очень внешне красивых, очень романтичных, которые остались от времен военного коммунизма. Эти представления прочно укрепились в сознании не только рядовых исполнителей, но и руководителей. И воспитание нового человека, новой психологии, конечно же, шло в довольно жесткой борьбе. Новый тип работника должен был обладать и новым типом сознания. Оно требовало не порыва, штурма, а повседневного, ежечасного, напряженного труда, мастерства, состязательности, высокой культуры производства, общей грамотности. Круг проблем, которые объединял Ленин понятием «культурная революция», занимал тогда очень важное место.

Вот видите, как накрепко были сцементированы в нэпе экономические, нравственные, моральные, культурные понятия. И все это в динамике, в борьбе, в спорах. Почитайте литературу той поры, и вы поймете, какие страсти горели. Так что нельзя нам смотреть на нэп узко, зашоренно.

Теперь о товарно-денежных отношениях. Это, пожалуй, один из наиболее сложных вопросов нэпа. Известно, что в период военного коммунизма была предпринята попытка ликвидации товарно-денежных отношений. В начале нэпа пытались найти какой-то путь сохранения в принципе безденежного продуктообмена — без рынка, без торговли. Ряд ответственных работников Наркомзема, Наркомпрода решительно возражали против какой-либо легализации частного то-

варооборота. Например, Осинский, Фрумкин прямо говорили с высоких трибун, что товарно-денежные отношения приведут к краху народного хозяйства.

Но Ленин, осознав веление времени, требования жизни, решительно снимает с повестки дня все идеи продуктообмена и выступает за допущение свободной торговли. На Одиннадцатой партийной конференции в декабре 1921 года партия ставит перед Советами важнейшую политическую и экономическую задачу: считаться с рынком, владеть им, регулировать рынок и денежное обращение.

В глаза — «да», а за глаза — «нет»

Корр. Какова была расстановка сил, когда вводился нэп, как относились к новой экономической политике видные деятели партии и государства? Ведь это была ломка устоев, отмена стереотипов...

В. Н. Сущность ленинских идей нэпа была понята не сразу и не всеми. Неверие в нэп, в его социалистическую направленность порождало споры о путях развития экономики в стране, о возможности построения социализма на путях нэпа.

Часто нэп рассматривался только с точки зрения большего или меньшего допущения капиталистических элементов. Отсюда и рассуждения о том, что-де допускаются «слишком большие» уступки нэпу, его надо сократить.

Надо сделать больший нажим на нэп, чтобы определить твердый путь строительства социализма, предлагал Преображенский.

В этом плане можно рассматривать и известное высказывание Троцкого в 1923 году на Двенадцатом съезде партии о том, что необходимо «как можно быстрее заменить новую экономическую политику на новейшую», разумея под этим как раз известное «сокращение нэпа», «больший нажим на него».

При подобном подходе нэп понимался как некий тактический маневр, как непродолжительная передышка между двумя штурмами капитализма, имея в виду штурм в годы гражданской войны и приближающейся аналогичной ситуации в будущем. Зиновьев писал, что «нэп — это отступление подобно Бресту, подобно отступлению после июльских дней 1917 года. Когда созреет пролетарская революция в других странах, и пролетариат Запада придет нам на помощь, тогда мы

снова начнем наступление. Пока же мы имеем лишь «передышку».

Подобные настроения были довольно сильны, они захватили не только рядовых коммунистов, но и руководителей. Член коллегии Наркомпрода Свидерский вспоминал, как на одном из собраний руководящих работников в 1921 году Ленин сказал: «Когда я вам в глаза смотрю, вы все будто бы со мной согласны и говорите «да», а отвернусь,— говорите «нет».

Очевидно, учитывая эти настроения, Ленин подчеркивал, что нэп вводится всерьез и надолго.

Среди противников нэпа были и так называемые «борцы за принципы». Они считали, что с введением нэпа сдавались позиции буржуазии, создавались предпосылки для недалекой капиталистической реставрации, допускался отход от лозунгов Октября. Дело даже доходило до того, что некоторые демонстративно выходили из партии.

Однако не священная тревога за судьбу революции жила в этих людях, а глубоко скрытое неверие в будущее, нежелание расстаться со старым, привычным, удобным.

Партия в целом активно взялась за осуществление новой экономической политики. Решительный отпор маловерам, догматикам и консерваторам дало ленинское ядро Центрального Комитета, и в первую очередь Бухарин, Рыков, Рудзутак, Цюрупа и другие.

«Есть ли на деле успехи?»

Корр. Прежде чем переходить к первым результатам нэпа, и в первую очередь в сельском хозяйстве, разрешите привести выступление делегата Девятого съезда Советов Головкина. Вот что сказал на совещании беспартийных делегатов уважаемый старик крестьянин.

«Пережил я трех царей, и Александра Освободителя, и Александра Миротворца, и Николая Виноторговца, и говорю, что, слава богу, этих помазанников больше нет. Пока они были, я сидел за печкой с тараканами, ни земли, ни хлеба у меня не было, а теперь гляди, где я сижу — в президиуме Всероссийского съезда. И говорю я вам: наше советское хозяйство мы наладим обязательно. Построим мы скромно, честно, чисто, только не забывайте Карла Маркса. Дело это простое: вот у человека две руки, и он обязан одной работать для государства, а другой для себя, и тогда все пойдет очень хорошо благодаря новой экономической политике. При старой разверстке я сам зарывал в землю хлеб, а теперь все держу открыто, не боюсь, так как продналог уплатил. Надо крестьянина больше удовлетворить, а он все даст своему государству. Крестьянство — это основа. Вот

как в этом театре: стены — это крестьяне, крыша — рабочий, а окна и двери — интеллигенция. Подкопайте стены — рухнет все здание, сломается крыша, лопнут окна и двери. Погибнет крестьянин — все погибнет».

Не правда ли, сильно, от души сказано?

В. Н. В этих простых, может быть, несколько наивных словах выражена суть нэпа, его практическая направленность. Именно от крестьянина тогда много зависело.

Каковы же первые результаты нэпа? В короткий срок поднялось сельское хозяйство. Покончили с голодом. Страна была накормлена, одета. Может быть, и не очень быстро, но твердо и уверенно набирала силу кооперация.

В отчете Наркомзема за 1922 год отмечалось: «Сельскохозяйственная кооперация проявляла свою деятельность в снабжении своих членов семенами, удобрениями, машинами и другими предметами крестьянского обихода, в сбыте сельхозпродуктов и проведении среди крестьян культурно-просветительной работы».

В 1921—1922 годах было заготовлено более 38 миллионов центнеров хлеба, а в 1925—1926 годах — более 89 миллионов. В 1925 году размер посевных площадей достиг довоенного уровня. Поголовье крупного рогатого скота, овец, коз, свиней превысило довоенный уровень. Все это позволило не только хорошо зажить крестьянину, но и дать городу продукты питания. Укрепился союз рабочего класса и крестьянства, получив прочную экономическую базу. Начался хозяйственный подъем и в промышленности. Приведу выборочно некоторые статистические данные. За период 1921—1924 годов валовая продукция крупной государственной промышленности возросла более чем в два раза. На действовавших предприятиях удалось сохранить основные кадры рабочих. А с 1923 года начался быстрый рост числа рабочих, занятых в государственной промышленности.

Удивляют темпы возрождения промышленности, преодоления хозяйственной разрухи. Быстро восстанавливался транспорт и налаживалась его работа. Преодолевалась инфляция, укреплялась денежная система. Огромная сеть бирж, ярмарок, различных торговых предприятий устанавливала прочную связь государственной промышленности с рынком, крестьянскими массами. Был открыт ряд банков — Банк потребительской кооперации, Торгово-промышленный банк

и другие. В октябре 1922 года выпущен в оборот червонец, имевший твердое обеспечение. К весне 1924 года денежная реформа была завершена. Торговый оборот начал строиться на основе твердой советской валюты. За несколько лет производственный потенциал достиг довоенного уровня. Процесс восстановления промышленности включал в себя и значительное обновление основного капитала. Оживились все стороны жизни страны.

Что взять сегодня

Корр. Некоторые публицисты пытаются проводить прямые аналогии между нэпом и сегодняшней перестройкой. Очевидно, такие слишком длинные временные мосты в шесть десятков лет весьма непрочны. Но несомненно другое — многое можно взять из диалектического, методологического богатства ленинских идей о переходном периоде. Что же? Этот вопрос, знаю, интересует многих читателей «Правды».

В. Н. Выступая 21 ноября 1920 года с речью на Московской губернской партийной конференции, Ленин подчеркнул, что переход к решению важнейшей созидательной задачи — перестройки новых экономических отношений — «чрезвычайно резкий и трудный, требующий иных приемов, иного распределения и использования сил, иного устремления внимания, психологии и т. д.».

Как злободневны эти слова!

Поэтому чрезвычайно важно проследить, как осуществляются такие крутые повороты — перестройки в истории. Тем более важно, когда во главе такой перестройки стоял Ленин.

Сходство с нэпом не в частностях, не в видимых аналогиях, а в сущности ленинских принципов, применяемых партией и сегодня.

В центре внимания партии и шестьдесят лет назад, и сейчас — человек. И Ленин, партия так формулируют конкретные задачи перехода к новой политике, а сегодня — к перестройке, что в первую очередь учитывают политические настроения людей, их интересы, культурный уровень, принадлежность к определенному социальному слою. Отсюда поиски форм и методов реализации политики, которая бы пробудила все силы народа, спаяла воедино личные и общественные интересы.

В результате теоретических «упражнений» обществоведов в годы культа личности и вплоть до конца застоя

состояние общества представлялось где-то на приближении к коммунизму. Отсюда все социалистическое строительство отодвигалось в историческое прошлое. Отсюда — пренебрежительное отношение к опыту новой экономической политики, к ленинским идеям нэпа, их недооценка, а порой просто забвение. Ныне этому пренебрежению пришел конец.

Сейчас мы тщательно изучаем ленинские концепции построения социализма в нашей стране. Разумеется, речь не идет о восстановлении нэпа. Другая историческая обстановка, другие исторические условия, другие задачи. Но исследование роли в социалистическом строительстве таких категорий, как товарно-денежные отношения, хозрасчет, рынок, кооперация, сочетание личных и общественных интересов в социалистическом строительстве, представляет значительный интерес. К сожалению, достаточно глубокого изучения этих категорий и их использования пока не было. А это очень важно, когда идет перевод предприятий на хозрасчет и самоокупаемость, когда входят в жизнь новые, прогрессивные формы трудовых отношений на основе подряда и аренды, а также индивидуальная трудовая деятельность.

И в сегодняшнем наступлении на бюрократизм, на диктат, административный произвол в экономике, социальной и духовной сферах нам также сослужат верную службу ленинские идеи нэпа.

Правда. 1988. 15 июля.

В. И. Ленин: «Вместе и наравне...»

В беседе участвуют доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИМЛ при ЦК КПСС В. В. Журавлев и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР А. П. Ненароков, корреспондент «Правды» А. А. Ильин.

В жарких дискуссиях

— Поиск путей справедливого решения национального вопроса после победы Октября был, как известно, осложнен тем наследием, которое осталось от царской России. Видимо, следует хотя бы вкратце охарактеризовать его.

— Да, Октябрь принял в этом смысле очень тяжелое наследие. Российская империя была одним из самых многонациональных государств мира. Причем разные народы находились на весьма различных уровнях социально-экономического и культурного развития.

Положение осложнялось еще и тем, что правящие круги империи во имя сохранения собственных привилегий вели великодержавную шовинистическую политику в отношении народов страны. Это и стремление к русификации, и разжигание национальной вражды и розни, и попытки узаконения экономического, политического и культурного неравенства и отсталости народов.

— В своих работах, написанных до Октябрьской революции, В. И. Ленин много раз обращался к вопросам национальных отношений. И все-таки, когда эти проблемы на практике встали, как говорится, в повестку дня, пришлось многое искать и осмысливать заново. Чем это объясняется?

— Эти работы Ленина, партийные документы стали теоретической основой, компасом в поиске оптимального подхода к национально-государственному строительству в послеоктябрьский период, когда объективно назрел вопрос о переходе от военно-политического союза советских республик к их общегосударственному объединению. Но, разумеется, нельзя было заранее предусмотреть всех путей и возможностей практического решения этих задач. На руководителей партии и государства, которым предстояло их решать, легла огромная, можно сказать, историческая ответственность. Отсюда — та высокая степень внимания Ленина к этим вопросам и его весьма эмоциональное отношение к

отступлениям от партийных принципов в национальной политике. Особенно ярко это проявилось в известной ленинской статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации», в резкой критике нарушений, допущенных Г. К. Орджоникидзе, комиссией Ф. Э. Дзержинского в так называемом грузинском инциденте, торопливости и администраторского увлечения Сталина, его пренебрежения к национальным чувствам. Об этом «Правда» уже писала (25 марта с. г.).

Сейчас хотелось бы подчеркнуть, что поиск форм национально-государственного строительства проходил в обстановке острых дискуссий, столкновения различных мнений.

Часть партийных деятелей, в том числе И. В. Сталин, изначально считали создание независимых национальных республик решением чисто временных политических задач. Они абсолютизировали провозглашенные ранее принципы широкой областной автономии с учетом национальных особенностей. Чтобы не стимулировать так называемые «националистические тенденции», сторонники этих взглядов стояли каждый раз за возможно более крупное территориальное объединение. Конечно, с «учетом национальной специфики». Это выразилось в проектах и практике создания Татаро-Башкирской и Горской республик, Туркестана, в отрицательном отношении к Белорусской республике, почти тут же преобразованной в Литовско-Белорусскую, в возражениях против укрепления суверенности Украины и поспешности, с какой первоначально развернулось объединение закавказских республик в Закфедерацию.

Правда, еще зимой 1919 года по инициативе Я. М. Свердлова началось изучение практики и тенденций национально-государственных устремлений народов страны в ее различных регионах — Прибалтике, Средней Азии. После смерти Свердлова отчеты специально разосланных для изучения этих вопросов представителей так и не были обобщены.

Каким был ленинский подход? Владимир Ильич, исходя из непреложного права наций на самоопределение, выступал за национально-территориальный принцип формирования самостоятельных государственных образований как на уровне автономии в РСФСР, так и договорных самоопределяющихся республик.

Первые практические шаги в направлении юридического оформления федерации на этих принципах были сделаны в июне 1919 года. ВЦИК создал под председательством Л. Б. Каменева рабочую комиссию по вопросу о конкретных формах объединения РСФСР и советских республик. В комиссию входили: секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский, нарком юстиции РСФСР Д. И. Курский — секретарь комиссии, предсе-

датель Совета народных комиссаров УССР Х. Г. Раковский. В работе комиссии также участвовали заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан, председатель ВСНХ А. И. Рыков, заместитель председателя РВС республики Э. М. Склянский. Комиссия рассматривала вопросы о формах «постоянного и временного» объединения.

На заседании комиссии 2 июня 1919 года Раковский говорил, что постоянное объединение «возможно только на началах федеративного устройства (федеративной конституции), когда создается единый орган верховного управления в виде Федеративного Совета Республик». В качестве временных, предварительных шагов предлагалось «введение в состав ВЦИК представителей республик» и подчинение ряда республиканских наркоматов соответствующим ведомствам РСФСР.

Через год, в июне 1920-го, во ВЦИК вошло тридцать представителей от ЦИК Украины, а несколько позже и от Белоруссии. IX Всероссийский съезд Советов (декабрь 1921 г.) решил ввести в состав ВЦИК и представителей Азербайджана, Армении, Грузии. Началось и объединение ряда наркоматов. Но договоры между советскими республиками не предусматривали подчинения высших органов их государственного управления аналогичным органам РСФСР, и это порождало конфликты.

Партии приходилось учитывать, что в условиях перехода к нэпу наметился, с одной стороны, рост великодержавных тенденций, с другой — местничества и национализма. Некоторые партийные работники видели в стремлении республик к укреплению своих суверенных прав главную преграду на пути к единству. В. И. Ленину потребовалось специально разъяснять, что становление и развитие национальной государственности не противоречит стремлению советских народов к объединению. «Федерация,— отмечал он летом 1920 года,— уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)».

Это вызвало возражения Сталина, на взгляд которого существенного различия между украинским и башкирским типом федеративной связи не было. Выступая на X съезде РКП(б) с основным докладом по национальному вопросу, он прямо сказал, что РСФСР является «живым воплощением» искомой формы государственного союза республик.

В резолюции съезда «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» в соответствии с ленинскими принципами была подчеркнута целесообразность и гибкость применения различных видов федерации: основанной на договорных отношениях с независимыми республиками, на автономии, и промежуточных ступеней между ними. Резолюция отражала стремление обобщить накопленный партией опыт практической работы по национально-государственному строительству, определению и реализации национальной политики, «которая бы действительно оздоровила процесс революционного развития» в регионах.

Обсуждение на съезде носило дискуссионный характер.

Член ЦК КП(б) Украины В. П. Затонский довольно резко критиковал тезисы И. В. Сталина: «Эти тезисы как будто писались вне времени и пространства. В общем и целом их можно было написать и до Октябрьской революции, и в 1917 г. после Октябрьской революции, и в 1919 г., и в 1918 году...»

А. И. Микоян, в то время секретарь Нижегородского губкома, также высказал суждение, что «национальный вопрос должен стоять совершенно в другой плоскости... Нам нужно учесть опыт и определить формы советского строительства и классовые взаимоотношения на окраинах, ибо в программе указывается, что советская система подлежит изменению на окраинах сообразно экономическому быту и культурным потребностям их. Это требование обязывает нас на партийных собраниях и съездах определить, какие изменения должны быть проделаны в этой системе, какой тип советской системы должен быть установлен на окраинах. Тов. Сталин, к сожалению, ничего в этом направлении не указал».

Предлагая «точнее определить взаимоотношения частей федерации», Затонский говорил: «Нам необходимо вытравить из голов товарищей представление о советской федерации, как федерации непременно «российской», ибо дело не в том, что она российская, а

в том, что она советская... Федерация «российская» вносит громадную путаницу в сознание партийных товарищей».

— Вероятно, были основания для столь острой постановки вопроса?

— Да, были. К примеру, национальные особенности поначалу не брались в расчет при экономическом районировании страны. Потребовалось вмешательство В. И. Ленина, ЦК РКП(б), чтобы районирование было проведено без нарушения прав советских республик.

С учетом своеобразия

Два различных подхода к проблемам национального суверенитета проявились и среди руководящих партийных работников Закавказья. К сожалению, иногда и сейчас объективному анализу этих расхождений все еще мешает печать тенденциозного толкования, сложившегося под влиянием сталинских оценок. Речь идет о событиях весны и лета 1921 года, когда Кавказское краевое бюро ЦК РКП(б) под руководством Г. К. Орджоникидзе начало реализацию ленинских указаний о хозяйственном объединении закавказских республик.

Вопрос об этом был поставлен Владимиром Ильичем в телеграмме на имя Орджоникидзе от 9 апреля 1921 года. Однако, настоятельно требуя создания областного хозяйственного органа для Закавказья, Ленин ориентировал закавказских, и особо грузинских, коммунистов прежде всего на то, что новые внутренние и международные условия требуют от них «...не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики», возможно более полного учета своеобразия положения закавказских республик.

— В чем состояло это своеобразие?

— Дело в том, что Грузия единственная из советских республик имела уже сложившиеся торговые связи с капиталистическим миром через Батум. Создание областного хозяйственного центра, «отвечающего за Баку и Батум», писал Ленин, открывало реальную возможность «...использовать экономически всячески, усиленно, спешно капиталистический Запад в политике концессий и товарообмена с ним... для улучшения положения рабочих и крестьян, для привлечения к строительству хозяйства интеллигенции».

В свою очередь, последнее требовало, по мнению Ленина, «большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам», в частности интеллигенции, мелким торговцам, даже тем меньшевикам, которые «не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе».

Определенные В. И. Лениным подходы, упреждая от излишней поспешности в реализации объединительных тенденций, предполагали необходимость изменения советской системы в национальных регионах сообразно экономическому быту и культурным потребностям населения.

— Как эти направления реально воплощались в жизнь коммунистами Закавказья? Насколько известно, на оценку их деятельности повлияло отношение к этим вопросам И. В. Сталина.

— Да, это сказалось и на оценке линии Кавбюро, а затем и Заккрайкома и лично Г. К. Орджоникидзе, и на обвинении тогдашнего состава ЦК Компартии Грузии в национал-уклонизме. Без отказа от стереотипов невозможна, по нашему мнению, дальнейшая исследовательская разработка этих проблем.

Как в действительности обстояло дело? Проследим это на фактах и документах. Получив ленинскую телеграмму от 9 апреля, Г. К. Орджоникидзе, без всякого предварительного обсуждения в республиканских партийных организациях, объявил 11 апреля на заседании Бакинского Совета о том, что «...все необходимое для экономической мощи трех республик, для усиления их боевой мощи, должно быть объединено» и что партия будет решительно бороться со всеми националистическими пережитками, мешающими тесному единению закавказских республик между собой и с Россией. И в дальнейшем все практические решения в этом направлении, включая решение пленума Кавбюро от 2 ноября о создании Закфедерации, представлялись как указания вышестоящих партийных инстанций, обязательные для исполнения местными организациями.

Стремление форсировать объединение без должной подготовительной работы среди населения, включая и т. н. мелкобуржуазные его слои, вызвало серьезное противодействие. Против линии Кавбюро выступило большинство ЦК КП Грузии — Филипп Махарадзе и его сторонники — т. н. филипписты, а также Буду Мдивани и «будисты», в Азербайджане — Н. Нариманов, Р. Ахундов, М. Гусейнов.

Роковым оказалось и вовлечение в этот конфликт И. В. Сталина, который летом 1921 года побывал в Грузии. Он объяснил все еще сохраняющееся влияние здесь меньшевиков тем, что «товарищи в Грузии сделали фетиш из тактики уступок, между тем как теперь время не политических уступок, а, наоборот, политического наступления, как в России». Это в корне отличалось от ленинских оценок и установок.

Повторяя в самом общем виде ленинские суждения о необходимости объединения усилий республик Закавказья в хозяйственном строительстве, о том, что следует исходить из учета их внутренней специфики, особенностей международного положения и сохранения их независимости, Сталин по сути отступал от них. Для него были характерны призывы «ликвидировать националистические пережитки, вытравить их каленым железом», «раздавить гидру национализма». Напомнив слова Лассаля, что партия укрепляется, очищая себя от скверны, он рассматривал любые возражения против принятых Кавбюро решений как уклон, то есть скверну. Первыми в национал-уклонизме за обращение в ЦК РКП(б) с выражением несогласия по вопросу о формах и методах экономического объединения были обвинены «будисты».

К сожалению, зачастую историки забывают, что именно в этом «будисты» нашли поддержку у В. И. Ленина. 29 ноября 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло написанное Лениным постановление, признавшее идею федерации закавказских республик «в смысле немедленного практического осуществления преждевременной». В постановлении отмечалось, что «правильная и безусловно подлежащая осуществлению» идея Закфедерации требовала «известного периода времени для обсуждения, пропаганды и советского проведения снизу...»

Слова «известного периода времени» являются сталинской правкой первоначального ленинского текста «несколько недель», которую Владимир Ильич принял. Это по сути соответствовало ленинской позиции. Но Сталину зачем-то понадобилось на XII съезде партии в искаженном виде представить весь этот эпизод, приписав именно себе стремление не торопиться с созданием Закфедерации...

Весной и летом 1922 года в Закавказье шла напряженная разработка конституционных основ провозглашенного в марте Федеративного Союза Советских Социалистических Республик Закавказья. Свои проекты представили многие деятели Закавказья. 24 июля был принят окончательный вариант, под которым стояли подписи А. Мясникова, Н. Нариманова, Б. Мдивани и С. Кирова. Объединение предполагалось провести с максимальным уважением суверенных прав республик.

Новый союз не ущемлял ни одно из них. Но вскоре этим поискам был положен конец. Сначала сталинским планом автономизации, затем его же вариантом ЗСФСР.

— Когда же появился план автономизации и какова была реакция на него В. И. Ленина?

— Вопросы совершенствования отношений других республик с РСФСР почти одновременно подняли весной 1922 года ЦК компартий Украины и Белоруссии. В июле того же года аналогичное решение от закавказских республик принял пленум Заккрайкома. Эти вопросы рассматривались также ЦИК республик.

Опираясь на инициативу республиканских партийных и советских органов, Политбюро ЦК РКП(б) 10 августа 1922 года приняло решение создать комиссию, которой предстояло подготовить проект усовершенствования федеративных отношений между РСФСР и другими братскими республиками. 11 августа Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило следующий состав комиссии: В. В. Куйбышев (председатель), И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, Г. Я. Сокольников, Х. Г. Раковский и представители республик — С. А. Агамали-оглы (Азербайджан), А. Ф. Мясников (Армения), П. Г. (Буду) Мдивани (Грузия), Г. И. Петровский (Украина), А. Г. Червяков (Белоруссия), Я. Д. Янсон (ДВР) и А. Ходжаев (Хорезм).

Разработанный И. В. Сталиным проект резолюции комиссии Оргбюро — «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками» — предусматривал их вхождение в Российскую Федерацию на правах автономных республик. Во второй половине августа этот проект был разослан для обсуждения в ЦК компартий республик. Однако, как вскоре выяснилось, от них ждали не их мнения, а простого одобрения.

В. И. Ленин в первоначальном рассмотрении вопроса участия не принимал — он был болен. Но даже после того, как его здоровье улучшилось и Владимир Ильич в июле — августе стал вновь встречаться с партийными и государственными деятелями, в том числе и со Сталиным, тот ни разу не поднял в беседах с ним этой проблемы.

В общих чертах с основными положениями сталинского проекта Ленина познакомил, вероятно, Х. Г. Раковский, с которым Владимир Ильич встречался в Горках 25 августа. Председатель Совнаркома Украины не

скрывал своего отрицательного отношения к проекту автономизации и собирался выступить против него. Кстати, вполне возможно, что именно по совету Владимира Ильича, предполагавшего приступить к работе в конце сентября — начале октября, Х. Г. Раковский попытался оттянуть намеченный сбор комиссии на более поздний срок. Получив 16 сентября телеграмму председателя комиссии Оргбюро В. В. Куйбышева о том, что ее заседание назначено на 23 сентября, он вместе с Г. И. Петровским обращается с просьбой перенести его на 15 октября. По поручению Сталина помощник генерального секретаря А. М. Назаретян ответил: невозможно. 19 сентября это подтвердил и Куйбышев. Очевидно, Сталин форсировал принятие решения до активного вмешательства Ленина.

1 сентября Владимир Ильич беседовал с секретарем ЦК КП(б) Украины Д. З. Мануильским. Затрагивался ли в беседе вопрос о взаимоотношениях советских республик? Можно предполагать, что затрагивался, так как Мануильский после встречи специально оставил Сталину, вероятно, по его просьбе, послание, в котором поддержал и даже попробовал теоретически обосновать идею превращения договорных республик в автономные.

17 сентября секретари Ленина пометили отправление запечатанного конверта Сталину. Исходящий номер 8457. Имеется запись, что Сталин ответил в тот же день. Но ни письма Ленина, ни сталинского ответа пока обнаружить не удалось. Можно предположить, что именно в этой записке Владимир Ильич просил ознакомить его с проектом Оргбюро.

Косвенным подтверждением может служить собственноручная надпись Сталина поверх машинописного текста его письма Ленину от 22 сентября: «Ответ на записку». Излагая основные положения своего проекта, он утверждал: «Если мы теперь же не постараемся приспособить форму (здесь и далее подчеркнуто Сталиным.— Авт.) взаимоотношений между центрами и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем безусловно должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фактическую) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять единство республик».

Завершая письмо, Сталин отмечал, что прилагает к нему, как он выразился, мнение «липового украинца» Мануильского, который, как мы знаем, поддерживал сталинский проект, тут же обронив, что «нелиповый украинец» Раковский, как говорят, против автономизации. Письмо Сталина содержит и еще одну весьма расчетливую, хотя и сообщенную как бы вскользь информацию о том, что большинство членов комиссии поддерживает выдвинутый им проект. Особо поминалась поддержка наркома финансов РСФСР Г. Я. Сокольникова, встреча с которым у Ленина была уже запланирована на 25 сентября.

И проект Сталина, и тон его письма, и беседа с Сокольниковым не могли не вызвать беспокойства Ленина. По просьбе Владимира Ильича Назаретян, согласно сталинскому распоряжению, переслал в Горки 25 сентября как первоначальный проект комиссии Оргбюро, так и материалы обсуждений в Центральных Комитетах компартий республик. Здесь же содержались материалы двух, состоявшихся 23 и 24 сентября под председательством В. М. Молотова, который замещал ушедшего в отпуск Куйбышева, заседаний комиссии Оргбюро. Решения комиссии должны были лечь в основу соответствующих постановлений Политбюро, а затем и пленума ЦК РКП(б) по данному вопросу.

Ознакомление с этими материалами показало, что поддержка сталинского проекта была весьма относительной. Только ЦК компартий Азербайджана и Армении высказались за него без особых оговорок. ЦК Компартии Белоруссии отдавал предпочтение сохранению договорных отношений. ЦК КП Грузии 15 сентября большинством голосов вообще отверг сталинский план, записав: «Предлагаемое на основании тезисов т. Сталина объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным. Объединение хозяйственных усилий и общей политики считаем необходимым, но с сохранением всех атрибутов независимости».

Обычно эта последняя фраза в резолюции грузинского ЦК рассматривается как ошибочная — именно так под сталинским давлением расценила ее в своем решении комиссия Оргбюро. Однако сегодня, располагая документами, можно утверждать, что ЦК КП Грузии не выступал против объединения и речь об атрибутах независимости шла в рамках ленинского понимания демократического централизма.

ЦК КП(б) Украины специального обсуждения сталинского проекта автономизации провести не успел. Но Х. Г. Раковский, член комиссии и один из лидеров украинских коммунистов, в письме от 28 сентября кон-

статировал, что внесенный Сталиным план нуждается в пересмотре, ибо «...вместо того, чтобы довести начатое строительство до конца, поставив себе ясно и определенно вопрос о формах нашей государственной жизни и о построении наших центральных органов, вместо того, чтобы выработать действительную федерацию, которая обеспечивала бы для всех одинаковые условия революционного строительства, объединила бы рабочий класс всех национальностей России на основах равноправия, **данный проект проходит мимо этой задачи**».

Правда, за два дня работы комиссии некоторые изменения Сталиным в проект были все-таки внесены. Если первоначально предполагалось формальное вступление независимых советских республик в состав РСФСР, а также формальное распространение компетенции ВЦИКа, СНК и СТО РСФСР на соответствующие республиканские учреждения, то в окончательном варианте резолюции комиссии оба эти пункта были несколько изменены. Признавалось целесообразным заключение договора между республиками об их добровольном вхождении в РСФСР, а во втором пункте предлагалось «в связи с этим», т. е. договорами, «постановления ВЦИК считать обязательными для центральных учреждений» республик. Характерно, что второй пункт был принят восемью голосами против одного — Мдивани и при одном воздержавшемся — Петровском, которые представляли крупнейшие республиканские партийные организации.

Об атмосфере, в которой работала комиссия, можно судить и по специальной резолюции, осуждавшей решение ЦК Компартии Грузии, и по тому, что предложение Г. И. Петровского разрешить обсуждение принятых решений в бюро губкомов партии республик было отклонено пятью голосами против четырех — представителей Украины, Грузии, Белоруссии и Азербайджана.

Естественно, что, получив присланные ему документы, Владимир Ильич увидел в них тенденции к жестким формам централизации и стремление провести их в жизнь в неприемлемо сжатые сроки и путем использования той необъятной власти, что в короткое время оказалась сосредоточенной в руках генсека.

— Ленин в «Письме к съезду» говорит о сосредоточении в руках Сталина необъятной власти, о чем вы только что упомянули. Судя по вопросам читателей, это не всем понятно даже и сейчас, а тогда для многих было, вероятно, просто неожиданным.

— Вы правы. Ленинское утверждение о сосредоточении в руках генсека за короткое время необъятной власти было для многих действительно неожиданным и не совсем понятным. Между тем Владимир Ильич опирался на ряд точных фактов и наблюдений. Во-первых, он имел в виду ту роль, которую стал играть Секретариат и лично Сталин в решении кадровых вопросов: назначение секретарей губкомов, подбор состава комиссий, перемещения по принципу выдвижения преданных ему людей. Во-вторых, все большее утверждение директивного тона в решениях Оргбюро и Секретариата. В-третьих, использование авторитета ЦК для навязывания и форсированного проведения нужных генсеку решений. Да и в личном плане В. И. Ленин имел все основания на подобное утверждение. Сталин по ряду вопросов торопился утвердить собственные подходы и мнения, не советуясь с Владимиром Ильичем, не из-за боязни тревожить его во время болезни, а из желания сделать по-своему, поставив Ленина перед свершившимся фактом. В полной мере это касалось и вопросов образования СССР.

Уже 26 сентября, после длительной — 2 часа 40 минут — беседы со Сталиным, В. И. Ленин, суммируя по горячим следам свои впечатления, в письме к Л. Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) подчеркнет: «По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже».

Расценив идею «автономизации», то есть непосредственного вхождения независимых республик в РСФСР, как отступление от принципов пролетарского интернационализма, В. И. Ленин выдвинул новую форму добровольного и равноправного объединения самостоятельных советских республик. Он предупреждал против чрезмерного централизма. Выступал за необходимость укрепления суверенитета и атрибутов независимости каждой республики как обязательного условия сплочения народов. Полное равноправие, искренность, взаимное уважение, дружба, братское сотрудничество и взаи-

мопонимание — вот на чем прежде всего должны быть основаны, по его мнению, межнациональные отношения в новом Советском союзном государстве. Он писал: «Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию».

Вместе и наравне — так ставил вопрос Ленин.

В этом же письме от 26 сентября есть и другие детали, на которые надо обратить внимание. Возьмем первую же фразу: «т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР». Слова «его комиссии» и вместо официального названия резолюции «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками» — «о вхождении независимых республик в РСФСР» — показывают, что Владимир Ильич знал об особой роли Сталина. Хотя комиссию, как уже говорилось, возглавлял Куйбышев.

Ленин не мог не осуждать администрирование, торопливость, невнимание к национальным чувствам:

Характерно и такое ленинское замечание: «Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в «независимстве»)». Ленин не пользуется приклеенным Мдивани ярлыком «национал-уклонист», употребляя слово, означающее юридическую недоказанность обвинения — «подозреваемый» и не в «национал-уклонизме», а в «независимстве».

Далее Владимир Ильич пишет: «Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда. Я приезжаю в понедельник, 2/X».

Но Сталин нарушил данное слово. Заседания Политбюро состоялись 27 и 28 сентября, что подтверждается записями в ленинском архиве.

Его отношение к Ленину характеризуют и два новых документа, которые следует привести.

Первый — обмен записками между Каменевым и Сталиным, состоявшийся, как теперь можно установить, на заседании Политбюро 27 сентября, т. е. на следующий день после получения ленинского письма.

«Каменев: Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок. Звонила М. И. (Мария Ильинична.— Авт.).

Сталин: Нужна, по-моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то, спрашивается, при чем тут «независимость»?»

«Твердостью против Ильича» и было назначение заседания Политбюро вопреки просьбе Ленина в его отсутствие.

Соглашаясь с ленинскими поправками о необходимости вести речь об объединении независимых республик с РСФСР в Союз Советских Социалистических Республик Европы и Азии, Сталин выступил против любых предложений о необходимости создания федеральных (общесоюзных) органов власти. Он ошибочно полагал, что это должно непременно повести к созданию русского ЦИКа и к выходу «восьми автономных республик (татреспублика, туркреспублика и прочее)» из состава РСФСР и к «объявлению последних независимыми наряду с Украиной и прочими независимыми республиками», к созданию «двух палат в Москве (русского и федерального), и вообще, к глубоким перестройкам, что в данный момент не вызывается ни внутренней, ни внешней необходимостью».

Что касается соображений Владимира Ильича о слиянии в федеральные наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства, Сталин отметил: «По-моему, товарищ Ленин «поторопился». «Едва ли можно сомневаться в том, что эта «торопливость» «даст пищу независимцам» в ущерб национальному либерализму т. Ленина».

Попытки переадресовать Ленину его же собственные замечания о торопливости и нежелании давать «пищу» независимцам, сам тон и терминология письма выдают крайнее раздражение Сталина. Это чувствуется и в тоне его ответа на записку Каменева, полученную в ходе второго заседания Политбюро 28 сентября:

«Каменев: Думаю, раз Вл(адимир) Ил(ьич) настаивает, хуже будет сопротивляться (последнее слово Каменев подчеркнул трижды.— Авт.).

Сталин: Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению».

Однако, внося в свой проект весьма кардинальные поправки, Сталин попытался обойти расхождения с Владимиром Ильичем и, скрыв, что тот является фактически автором нового варианта резолюции комиссии, разослал его всем членам и кандидатам ЦК РКП(б) за подписями Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова. Более того, во вводной части к этому документу коренная разница между договором о вхождении в РСФСР и договором о создании Союза ССР смазывалась и утверждалось, что речь идет лишь о «несколько измененных, более точных формулировках», уточ-

няющих разосланную ранее окончательную резолюцию комиссии Оргбюро ЦК, которая «в основе правильная и безусловно приемлемая».

— Если Владимир Ильич сыграл столь активную роль в уточнении сталинского проекта образования нового многонационального советского государства, чем объяснить его фразу из декабрьской, 1922 года, диктовки: «...Вопрос миновал меня почти совершенно»?

— Дело в том, что, как мы теперь знаем, Сталин лишил Владимира Ильича возможности изложить свои соображения лично на заседании Политбюро, нарушив данное ему обещание. Владимир Ильич не смог сделать этого и на заседании пленума ЦК РКП(б) 6 октября, когда вопреки обыкновению обсуждение вопроса заняло целых три часа. Споры, видно, были серьезные, а из-за болезни именно на этом заседании Ленин отсутствовал.

Пленум ЦК полностью поддержал ленинские предложения. Как писал Мдивани, «дело повернулось в сторону коммунистического разума». Была принята резолюция, составленная на основе указаний и рекомендаций В. И. Ленина. А в конце работы пленума Л. Б. Каменев огласил для сведения присутствующих поступившую на его имя от Владимира Ильича записку: «т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть...

Надо **абсолютно** настоять, чтобы в союзном ЦИКе **председательствовали** по очереди

русский
украинец
грузин и т. д.
Абсолютно!
Ваш **Ленин**».

◇

Через несколько месяцев в Москве полномочные представители братских республик провозгласят образование СССР. Выбор сделан: вместе и наравне...

Правда. 1988. 8 июля.

Ленинское завещание

Документальный репортаж посвящается записям, которые продиктовал В. И. Ленин в конце декабря 1922 года и начале января 1923 года. Они вошли в Полное собрание сочинений В. И. Ленина под общим названием «Письмо к съезду». Родные, близкие, соратники Владимира Ильича называли их завещанием. Документы комментирует доктор исторических наук В. П. НАУМОВ. Он возглавляет сектор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Строго за фактом

Владимир Павлович Наумов при первой встрече сказал:

— Разумеется, «Письмо к съезду» следует рассматривать в общем контексте всех последних работ Владимира Ильича Ленина, посвященных практическому построению социализма. Перечислю их: «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)», «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)», «Лучше меньше, да лучше».

Возьмите сорок пятый том Полного собрания сочинений Ленина, прочитайте их. И вы убедитесь, что все они органически связаны между собой. Но это вовсе не значит, что каждую из этих работ не надо рассматривать детально, глубоко. В том числе и «Письмо к съезду».

Скажу прямо: этот документ непрост. Не только для непосвященного читателя, но и для специалиста-историка. Он требует очень скрупулезного, вдумчивого, диалектического и объективного, даже, не побоюсь сказать, объективистского анализа. Что это значит? Строго — за фактом. Строго — за документом. Строго — за добротным свидетельством очевидца. Ни в коем случае не опрокидывать историю, ни в коем разе не накладывать на нее поздние мерки, а тем более стереотипы, ярлыки. Исходить из тех условий политической обстановки, из тех идейных разногласий, а также личной борьбы за власть. Учитывать, что обусловлено объективными условиями, а что порождено субъективным

фактором. Значит — ни от чего не отворачиваться, ничего не скрывать, не бояться никакой правды. Значит — не обходить ни острых углов (а их будет предостаточно), ни диалектически разносторонних оценок, ни тех кажущихся, на первый взгляд, противоречий и загадок, которые встретятся в этом ленинском документе.

— Владимир Павлович, некоторым не нравится слово «завещание». Как вы на это смотрите?

— Хорошо, пусть будет не завещание. Хотя так называли его и Крупская, и Бухарин, и другие. Хорошо, будем рассматривать этот документ как один из последних уроков, данных Владимиром Ильичем Лениным и своим современникам, и нашим отцам, и нам, и нашим детям, и нашим внукам. Пусть не завещание, но урок мужества, мудрости, прозорливости, принципиальности, высокой нравственности. И добавлю, что немаловажно по нынешним временам,— урок доброжелательства, высокоинтеллигентной деликатности.

— А теперь пойдемте в библиотеку,— заключил Наумов.

Мужество

Признаюсь, ждал приглашения в архив, ну по крайней мере в так называемый «спецфонд». А мы спустились с пятого этажа в вестибюль, вышли в уютный заснеженный палисадник, за забором которого начиналась Выставка достижений народного хозяйства, и зашли в соседний корпус, где расположена институтская библиотека.

— Вы хотите знать, как писалось «Письмо к съезду»? — спрашивает В. П. Наумов.— Пожалуйста. Никаких секретов, никаких тайн. Возьмем с полки сорок пятый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Так вот, в конце сорок пятого тома, начиная со страницы 455, публикуется «Дневник дежурных секретарей Владимира Ильича Ленина». Он содержит записи поручений Ленина, приема им посетителей и других фактов с 21 ноября 1922 года по 6 марта 1923 года. Записи в дневнике вели секретарь СНК и СТО Л. А. Фотиева, помощник секретаря СНК и СТО М. А. Володичева, секретари Н. С. Аллилуева, М. И. Гляссер, С. А. Флакерман и библиотекарь Ш. М. Манучарьянц.

Затем откроем двенадцатый том Биографической хроники Владимира Ильича Ленина, где расписан каж-

дый день Ильича. И еще нам понадобится книга Л. А. Фотиевой «Из воспоминаний о В. И. Ленине (Декабрь 1922 г.— март 1923 г.)». Выпущена эта книга в 1964 году Политиздатом.

И вот эти три доступных всем источника лежат перед нами. Читая их, составим своеобразный дневник. Начнем с 12 декабря 1922 года.

Должен сказать, что записи наши будут неполными, а потому рекомендуем читателям прочитать все эти источники полностью.

12 декабря 1922 года. Утром Владимир Ильич приехал из Горок в Москву и пришел в свой кабинет в Кремле в 11 часов 15 минут. Побыл недолго и ушел домой, в свою квартиру. В 12 часов вернулся в кабинет и до двух часов беседовал со своими заместителями по СНК и СТО А. И. Рыковым, Л. Б. Каменевым и А. Д. Цюрупой... Вечером Ленин пришел в кабинет в 5 часов 30 минут, говорил по телефону. От 6 до 6 часов 45 минут беседовал с Ф. Э. Дзержинским, только что вернувшимся из Тифлиса, о конфликте между Закавказским крайкомом партии и членами ЦК КП(б) Грузии. Эта беседа сильно взволновала Владимира Ильича. После этого он занимался вопросом о монополии внешней торговли. Ушел домой в 8 часов 15 минут вечера. Никто не думал, что 12 декабря 1922 года станет последним днем работы В. И. Ленина в его кабинете в Кремле.

13 декабря у Владимира Ильича было два приступа болезни. Но, несмотря на это, врачам лишь с большим трудом удалось уговорить его на время совершенно отказаться от работы. Ленин сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела, что надо спешить, чтобы болезнь не застала врасплох.

Все три следующих дня — **13, 14, 15 декабря** — спешил: разговаривал по телефону, принимал дома товарищей, готовился к выступлению на X съезде Советов, написал несколько писем и записок о монополии внешней торговли, распределении обязанностей между заместителями председателя СНК и СТО, интересовался заготовкой хлеба урожая 1922 года, социальным обеспечением, переписью населения и другими вопросами.

В ночь с 15 на 16 декабря резкое ухудшение здоровья. Новый приступ болезни. Несмотря на это, утром 16 декабря, до прихода врачей, Владимир Ильич продиктовал Надежде Константиновне еще одно письмо.

С 11 до 11 часов 45 минут были врачи В. В. Крамер и А. М. Кожевников. На их предложение выехать в Горки Ленин отвечал отказом, он решил остаться в Москве. Ленин поручает Крупской передать Сталину, что по состоянию здоровья не сможет выступить на X Всероссийском съезде Советов. Вынужденный отказ от выступления сильно опечалил Владимира Ильича.

18 декабря заседает Пленум ЦК РКП(б). Принимается решение сообщить Ленину по согласованию с врачами текст резолюций Пленума. Специальным постановлением Пленум возлагает на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами.

20 декабря Ленина посещает профессор О. Ферстер. Владимир Ильич радушно его приветствует, спрашивает, как он доехал.

— Кстати, для выяснения дальнейшего хода событий весьма важно привести высказывание этого известного немецкого врача-невропатолога, который консультировал врачей, лечивших Ленина. «Болезнь Ленина,— говорил профессор,— была обусловлена в первую очередь внутренними причинами, она развивалась по внутренним законам, независимо от внешних факторов, с беспощадной закономерностью... Если бы Ленина в октябре 1922 года и дальше оставляли бы в бездеятельном состоянии, он лишился бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни. Работа для Владимира Ильича была жизнью, бездеятельность означала смерть».

21 декабря Ленин с разрешения профессора Ферстера диктует Крупской письмо Троцкому, выражает свое удовлетворение решением Пленума ЦК РКП(б) по вопросу о монополии внешней торговли, предлагает провести постановление о постановке на партийном съезде вопроса об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения, огласить это его предложение на комфракции съезда Советов.

После этого Сталин, узнав об этом письме, грубо обругал Крупскую по телефону и угрожал ей Контрольной комиссией за то, что она записала под диктовку названное выше письмо. В связи с этим Н. К. Крупская 23 декабря 1922 года направила Л. Б. Каменеву следующее письмо:

«Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина... Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская».

Надежда Константиновна сразу ничего не рассказала Ленину об этом факте. Так что он никоим образом не мог повлиять на ту характеристику Сталина, которая дана в записи от 4 января 1923 года. Лишь в начале марта 1923 года Ленин узнал о происшедшем и продиктовал письмо Сталину:

«Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин.

5-го марта 23 года».

Сталин, как писала позднее М. И. Ульянова в своем письме президиуму июльского (1926 года) Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором был поднят этот вопрос, извинился.

— Еще раз повторяем, что этот конфликт никак не мог отразиться на «Письме к съезду». Но взятый отдельно, сам по себе достаточно ясно характеризует в нравственном отношении участвующих в этом эпизоде лиц. Грубость, холодность, бездушие Сталина и предельная выдержка, деликатность, вежливость Ленина и Крупской. Сами по себе процитированные только что документы свидетельствуют об этом. И вряд ли стоило домысливать те скабрезные слова, которые вложил

драматург Михаил Шатров в уста Сталина в пьесе «Дальше... дальше... дальше!», описывая этот эпизод.

21 декабря Ленин поручает Н. П. Горбунову попросить члена коллегии НТО ВСНХ М. Я. Лапирова-Скобло, находящегося в командировке за границей, выписать срочно пару диктофонов и прислать с дипкурьером. Ленин борется со своей болезнью. Ленин не сдается.

В ночь на 23 декабря болезнь обострилась. Мария Ильинична Ульянова сообщила горькую весть: болезнь Владимира Ильича распространилась дальше, правая рука и правая нога поражены параличом. С этих пор Владимир Ильич больше не мог сам писать.

23 декабря. Ленин просит врача А. М. Кожевникова разрешить ему продиктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его «волнует один вопрос», и он боится, что не заснет. Получив разрешение, вызывает (в начале 21 час.) на квартиру М. А. Володичеву.

Запись Володичевой:

«В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: «Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!» Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось. По окончании спросил, которое число. Почему такая бледная?..»

Так Владимир Ильич диктует первую часть «Письма к съезду», в которой говорится о пополнении состава ЦК рабочими.

24 декабря. В ответ на требование врачей прекратить переговоры Владимира Ильича со своими секретарем и стенографисткой он поставил вопрос ультимативно: или ему будет разрешено диктовать свой «дневник» хотя бы в течение короткого времени ежедневно, или он вовсе откажется лечиться. Владимир Ильич, вероятно, полагал, что такое невинное название — «дневник» позволит быстрее получить разрешение.

В тот же день — 24 декабря — после совещания И. В. Сталина, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина с врачами принимается решение: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего

из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Ленин вызывает (между 18 и 20 час.) на квартиру М. А. Володичеву и диктует (в течение 10 минут) вторую часть «Письма к съезду», которая содержит личные характеристики видных деятелей партии.

М. А. Володичева записывает в дневнике: «Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является **абсолютно** секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал **все, что** он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считает **категорически** секретным».

Добавим к этому, что немаловажно, как окажется впоследствии. В 1929 году М. А. Володичева писала: «Черновики копий мною сжигались. На запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились, по его желанию, копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В. И. Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна. Слова: «а после его смерти» на конвертах я не писала».

— Здесь придется сделать отступление и забежать немного вперед,— говорит В. П. Наумов.— Ленин не хотел, чтобы кто-либо, включая и членов Политбюро, преждевременно узнал о тех личных оценках, которые были высказаны в этих документах. Это понятно. Можно представить себе, что влекло за собой преждевременное разглашение ленинских записей.

Что же произошло? Первая часть «Письма к съезду» в записи от 23 декабря, касающаяся увеличения числа членов ЦК, как и предназначалось, была в тот же день послана в ЦК РКП (б). Об этом имеется запись в «Книге регистрации писем, записок и поручений В. И. Ленина».

— А какова судьба остальных частей, которые были записаны 24, 25, 26 декабря?

— В литературе господствовало убеждение, что только в мае 1924 года, когда Крупская передала комиссии ЦК бумаги Ленина,— только тогда стало известно содержание всех ленинских записей, в том числе и записей, сделанных в конце декабря. Однако документы свидетельствуют о другом. О всех записях до 29 декабря по крайней мере Фотиева проинформировала Сталина и некоторых других членов Политбюро. В объяснении, написанном 29 декабря 1922 года на имя Каменева, она оправдывала свой поступок тем, что

будто бы Володичева не предупредила ее о строжайшем указании точно выполнить волю Ленина. Но достаточно обратиться к записям в дневнике дежурных секретарей Ленина, которые мы только что процитировали, чтобы поставить под сомнение эти объяснения Фотиевой.

Следовательно, члены Политбюро и часть членов ЦК были осведомлены о тех строго секретных личных характеристиках, данных Лениным некоторым деятелям партии. Трудно себе представить, что они никак не реагировали на эти оценки.

О грубейшем нарушении воли Ленина ему не сообщили, понимая, какую это вызовет реакцию, и учитывая состояние его здоровья. И Владимир Ильич был твердо убежден, что завещание его сохранится до съезда партии в строжайшей тайне.

— Возвратимся, Владимир Павлович, к нашему дневнику.

— Пожалуйста. Обратимся снова к источникам.

25 декабря Ленин продолжает диктовать М. А. Володичевой вторую часть «Письма к съезду».

26 декабря Ленин диктует Л. А. Фотиевой (в течение 15 минут) последнюю часть «Письма к съезду».

29 декабря — добавление к «Письму к съезду» — «К отделу об увеличении числа членов ЦК».

Врачи разрешают Ленину читать книги.

4 января 1923 года. Ленин диктует Л. А. Фотиевой добавление ко второй части своего «Письма к съезду» от 24 декабря 1922 года, дает в нем характеристику Сталина, рекомендует обдумать способ перемещения его с поста Генерального секретаря ЦК РКП(б).

— А теперь, наверное, надо переходить к содержанию «Письма к съезду».

— Но до этого несколько слов об обстановке в стране, в партии, в ее руководстве...

Обстановка

— Общий стратегический план строительства социализма был намечен Лениным ранее. Но опыт последних лет требовал корректировки, дополнения, существенных изменений. Те выводы, которые Ленин сделал из обобщения социалистического строительства на путях новой экономической политики, заставляли признать «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Неожиданная болезнь захватила В. И. Ленина на важнейшем переломном рубеже в истории нашей партии и государства.

Только что кончилась гражданская война, отживали нормы и правила военного коммунизма, страна переходила на новую экономическую политику. Это был перелом. Замечу: крутой перелом. Во всем: политике, экономике, идеологии, психологии людей. Далеко не сразу и далеко не все сумели принять этот перелом, понять его важность, осознать неизбежность. В том числе и члены Политбюро, члены ЦК партии.

Следует учитывать и насущную задачу, которая определена в резолюции X съезда по вопросам партийного строительства. Цитирую:

«Нужно вновь собрать партию, которая за период войны была разбита на отдельные отряды. Нужно сблизить «верхи» и «низы», военных работников и гражданских, профессионалистов и советских, старых и новых членов партии, «молодых» и «стариков». Без решения этой основной задачи не может быть выполнена гигантская строительно-хозяйственная роль пролетарского авангарда».

Чтобы уяснить роль этого пролетарского авангарда, приведу еще цитату. Закрывая XI съезд партии, Ленин говорил:

«Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное уменье».

Вот в этом и ключ к тем словам, которыми открывается первая часть «Письма к съезду». Откройте, пожалуйста, сорок пятый том Полного собрания сочинений на странице 343. Читаем.

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе».

Ради чего перемены?

— В. И. Ленин объясняет: «Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз».

— Владимир Павлович, извините, перебью вас. С первых строк этого важнейшего документа, в котором по сути выражена последняя воля вождя, никакой назидательности, никакого нажима, никакой жесткой категоричности. Обратите внимание на ленинскую лексику: «советовал бы», «мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными», «думаю предложить вниманию съезда», «мне думается»...

— И добавлю: такой стиль, такая манера изложения, когда речь идет о серьезнейших, кардинальных политических понятиях, категориях. И очень тревожных. Читаю фразу, с которой начинается запись, продиктованная 24 декабря 1922 года:

«Под устойчивостью Центрального Комитета, о котором я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты».

— Чем был так сильно встревожен Владимир Ильич, что его беспокоило в первую очередь?

— Объясню и это. Необходимо было сосредоточить все силы и средства, которыми располагала партия, наш народ на решение великих задач. Однако в этот ответственный, исторически переломный момент болезнь оторвала Ленина от партийного и государственного руководства. Владимир Ильич хорошо осознавал это. Знал он, видел, что в первые же дни, месяцы его болезни в штабе партии не налаживалась дружная работа. И дело было не только и не столько в отдельных конфликтах. Они были и ранее. Реальной угрозой стала перспектива раскола Центрального Комитета, руководства партии в целом. Вот это больше всего и тревожило Ленина.

Именно поэтому серия работ, созданных Лениным, когда он был тяжело болен, по справедливости получивших название политического завещания, открывается «Письмом к съезду». Это ключевой документ, который помогает нам многое правильно раскрыть и понять в истории нашей партии. Потому он и приобрел особое значение. Дело даже не только и не столько в многочисленных версиях, которые вроде бы объясняют появление документа или пытаются выяснить обоснованность той или иной характеристики. И даже не в том, что этот документ с момента появления стал предметом острых дискуссий в партии. Был — и это надо признать — орудием во внутрипартийной борьбе. И вполне естественно, что «Письмо к съезду» обросло мифами и легендами. Очевидно, тому в немалой степени способствовало и то, что впервые он был обнародован в открытой печати лишь в 1956 году. Среди так

называемых «белых пятен» «Письмо к съезду», история его создания, его содержание, суть его занимают одно из первых мест.

Добавлю. Положения этого документа, характеристики, которые там есть, используются сейчас в публикациях, в художественной литературе, в научных трудах. Не всегда при этом в своих суждениях авторы опираются на документы, на подлинные факты. Часто полагаются на чей-то домысел, предположения, догадку. Все это затемняет суть важнейшего ленинского документа.

Расширить ЦК

— Итак, перейдем к конкретному разбору. Что понимал Ленин под «устойчивостью Центрального Комитета»? Какие меры намечал для этого?

— Откройте 346-ю страницу того же сорок пятого тома. С чего начинается запись от 26 декабря?..

«Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двоякой или даже троякой цели: чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности».

— Стоит, очевидно, добавить, Владимир Павлович, кем хотел пополнить состав ЦК Ленин...

— Кем? Рабочими.

Ленин так и пишет: «Мне думается, что 50—100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил».

Возникает вопрос: а почему и зачем именно рабочими надо пополнять состав ЦК? И на этот вопрос отвечает Ленин в записке, составленной 26 декабря. Читаем: «Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох».

И далее Владимир Ильич разъясняет, как это должно быть:

«Я представляю себе дело таким образом, что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. РКИ, которой принадлежала эта функция вначале, оказалась не в состоянии справиться с нею и может быть

употреблена лишь как «придаток» или как помощница, при известных условиях, к этим членам ЦК».

Каких рабочих?

— Ленин дает пояснение: «Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться».

Прошу запомнить этот немаловажный тезис. Он нам пригодится в дальнейшем.

Что будут делать новые члены ЦК — рабочие?

— Какова их роль? Цитирую Ленина (страница 348): «Я думаю, что такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-первых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата».

Подведем итоги этой части «Письма». Коллективное руководство в партии, приобщение рабочих к руководству — вот к чему стремился Ленин. Создать такой штаб, в котором были бы условия для того, чтобы:

— обезопасить влияние отрицательных качеств отдельных руководителей партии;

— уменьшить влияние чисто личных, субъективных факторов, а также случайных обстоятельств в решении важнейших вопросов;

— понизить опасность раскола;

— обезвредить политические и теоретические колебания, ошибки отдельных руководителей;

— создать условия, при которых содержание работы строго централизованной высокоавторитетной группы Центрального Комитета партии было бы заключено в рамки и формы, соответствующие ее авторитету.

Ленин указывал также, что политика партии определялась громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Подчеркивая значение единства партии, Ленин говорил, что достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет зависеть не от него.

— Прежде всего, Владимир Павлович, понадобится, очевидно, точно определить, что понимал Ленин под личными характеристиками.

Это прежде всего не свойства характера, а отношение к делу партии, мировоззренческие позиции, преданность марксизму, умение диалектически анализировать обстановку.

— Верно. Но ведь в этих характеристиках присутствует и нравственное начало.

— Да, присутствует. Но только тогда, когда оно, это нравственное начало, так или иначе влияет на главные черты революционера, руководителя.

Сталин.

— Вот возьмем характеристику Сталина. С нее начинается добавление к письму от 24 декабря 1922 года, сделанное 4 января 1923 года. Эта фраза хорошо известна: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека».

Думаю, что здесь дан точный ответ, который возник у вас и может возникнуть у наших читателей. Ленин никогда не рассматривал нравственность, черты характера абстрактно, в отрыве от дела, которому служишь, от поста, который занимаешь. В этом ключ ленинской методологии. Это еще один ленинский урок. Урок в том, как оценивать людей, политических деятелей в особенности.

— Надо, наверное, рассказать, когда и при каких обстоятельствах Сталин стал Генеральным секретарем. Ведь раньше такой должности в партии не было...

— Хорошо, расскажу. Весной 1922 года Сталин был избран Генеральным секретарем ЦК РКП(б). До этого он, будучи членом Политбюро с марта 1919 года, возглавлял народный комиссариат по делам национальностей и рабоче-крестьянскую инспекцию. И в годы гражданской войны, и в первые годы после ее окончания, то есть до того периода, которого мы сейчас касаемся, Сталин проявил себя волевым руководителем, отличным организатором. Эти данные были замечены и соответствующим образом отмечены в партии.

Со второй половины 1921 года Политбюро поручает ему вести организационную работу в Центральном Ко-

митете. Ему вменялась подготовка пленумов ЦК, сессий ЦИК и другое, то есть по существу он исполняет обязанности секретаря ЦК.

Следует также отметить, что Ленин был главой Советского правительства. Формально Владимир Ильич не имел должности в партии, в ЦК. Но он вел заседания Пленумов ЦК, Политбюро. Таким образом, Ленин был фактически не только руководителем Совнаркома, но и Центрального Комитета партии. А фактическим помощником выступал секретарь ЦК, руководитель Секретариата. Официально такая должность не утверждалась, но практически выделялся один из секретарей, который возглавлял работу Секретариата.

Когда здоровье Ленина ухудшилось, возник вопрос об укреплении Секретариата. Потребовалась кандидатура авторитетного руководителя, который мог бы вести партийные дела в отсутствие Ленина. Выбор пал на Сталина. Тогда и было решено для поднятия престижа и авторитетности этой должности дать ей название — Генеральный секретарь. То есть выделить из числа других секретарей. Конечно, существенно повышалась и роль этой должности. Вот на нее и был выбран Пленумом ЦК Сталин.

Этот пост стал приобретать ключевое значение во всей системе партийной и государственной власти. Ленин увидел это, понял это. Вот отсюда и следуют слова Ленина:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Все это — необъятная власть в одних руках, возможность использовать ее без достаточной осторожности плюс грубость, частые вспышки озлобленности, капризности, нетерпимости, которые замечал и отмечал Владимир Ильич Ленин, и вынудили его предложить товарищам «обдумать способ перемещения Сталина с этого места».

Зиновьев и Каменев.

— Во второй части «Письма к съезду» сказано, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично». Тут что ни слово, то требуется объяснение. Почему этот эпизод «не являлся случайностью»? Почему «конечно»? Почему «мало может быть ставим им в вину лично»? Объясните, пожалуйста, Владимир Павлович.

— А вы откройте тридцать четвертый том Полного собрания сочинений на странице 502. Читайте.

10(23) октября 1917 года на заседании ЦК РСДРП(б) обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Зиновьев и Каменев выступили против него. Потерпев поражение на заседании ЦК, они на следующий день — 11(24) октября обратились с заявлением в ЦК и с письмом, озаглавленным «К текущему моменту», которое было адресовано Петербургскому, Московскому, Московскому областному, Финляндскому областному комитетам РСДРП(б) и в большевистские фракции ЦИК Советов и съезда Советов Северной области. В этом письме они выступали против принятого решения ЦК о вооруженном восстании. Не получив никакой поддержки на расширенном заседании Петербургского комитета 15(28) октября, на котором было зачитано их письмо, и на расширенном заседании ЦК 16(29) октября, Каменев от своего имени и от имени Зиновьева в газете «Новая Жизнь» 18 (31) октября высказался против вооруженного восстания, разгласив секретное решение партии.

В тот же день Ленин написал «Письмо к членам партии большевиков», а 19 октября (1 ноября) «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)».

Эти ленинские документы помещены в том же тридцать четвертом томе.

Письмо Ленина в ЦК обсуждалось на заседании Центрального Комитета 20 октября (2 ноября). Ф. Э. Дзержинский, выступивший первым, предложил: «потребовать от Каменева полного отстранения от политической деятельности». В отношении Зиновьева он сослался на то, что последний скрывается от властей и участия в партийной работе не принимает. Я. М. Свердлов указал, что поступок Каменева ничем не может быть оправдан, но что ЦК не имеет права исключать из партии. Он предложил принять отставку Каменева из ЦК. И. В. Сталин дважды выступал на заседании. Вначале он предложил перенести обсуждение этого вопроса на Пленум ЦК, а когда это предложение не было принято, он во втором выступлении заявил, что «исключение из партии не рецепт», и предложил обязать Зиновьева и Каменева подчиниться решениям ЦК, оставив их в составе ЦК. Эта же точка зрения была выражена Сталиным и на страницах газеты «Рабочий Путь» в заметке «От редакции», опубликованной

20 октября (2 ноября), до принятия решения Центральным Комитетом. В этой заметке Сталин писал, что резкость тона В. И. Ленина не меняет по отношению к Зиновьеву и Каменеву того, «что в основном мы остаемся единомышленниками». Эта заметка была напечатана уже после того, как Каменев выступил в газете «Новая Жизнь» и в письмах В. И. Ленина была дана оценка поведению Каменева и Зиновьева.

ЦК принял отставку Каменева о выходе его из Центрального Комитета. Зиновьеву и Каменеву было вменено в обязанность не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК.

— Так или иначе,— продолжал В. П. Наумов,— к тому времени, о котором мы ведем речь, Каменев и Зиновьев были в составе ЦК и Политбюро. Каменев был заместителем председателя СНК и СТО, а Зиновьев — председателем Исполкома Коминтерна. Но Ленин хорошо знал их прежние проступки, хорошо изучил их образ мыслей, мировоззренческие позиции и еще яснее понимал, чьи интересы, чьи взгляды представляют и выражают эти люди. Отсюда это слово — «конечно».

Теперь вернемся немного назад, в апрель 1917 года. На седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) при выдвижении кандидатур в состав ЦК кандидатуру Каменева отвела большая группа делегатов. Выступил Ленин и сказал, что Каменев отражает настроения определенных слоев масс. А потому важно иметь в составе ЦК выразителя этих настроений. И добавил при этом: «То, что мы спорим с т. Каменевым, дает только положительные результаты. Присутствие т. Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах».

Вот отсюда отгадка диалектически сложного словосочетания — «что... также мало может быть ставим им в вину лично». Ленин говорит, что их мировоззрение отражает настроения определенных слоев масс, которые надо все время учитывать, полемизировать с ними, преодолевать их, раз они реально фактически существуют. Хоть это и создает немалые трудности. И здесь Ленин выступает как блестящий боец, полемист, реалист, учитывающий трудности, противоречия в жизни партии.

Троцкий.

— Примерно так же следует, пожалуй, трактовать высказывание Ленина о небольшевизме Троцкого. Ленин учитывает долгий путь борьбы Троцкого с большевизмом. Сложный, извилистый путь, который привел его в ряды большевистской партии. Об этом пути коротко, в рамках нашей беседы не расскажешь. Что же можно посоветовать вам и читателям?.. Откройте справочный том к Полному собранию сочинений Владимира Ильича Ленина, найдите в именном указателе фамилию Троцкого и по сноскам на тома проведите небольшое исследование. Почитайте высказывания Ленина о Троцком и троцкизме в разные периоды истории партии, истории революционного движения. Подумайте, поразмышляйте.

Я лишь добавлю, что долгие годы борьбы с большевиками, с Лениным не только оставили свой след, но, более того, они были далеко не случайными, они отражали определенную систему взглядов, мировоззрения Троцкого. И дело тут, конечно, не только и не столько в отрицательных чертах характера этого человека, чрезмерно хватающего, как говорил Ленин, самоуверенностью. Троцкий тоже имел сторонников в партии, в массах. Своим артистизмом, талантом оратора умел увлечь на свою сторону определенную часть масс, пораженную ультралевой фразеологией. А «левые» настроения были широко распространены в те годы, особенно среди молодежи. И с этим, как ни тяжело, как ни трудно, но приходилось считаться.

Троцкий в 1922 году был членом Политбюро, наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета Республики. В это время Троцкий успешно выполнил ряд поручений партии в области народного хозяйства, но с чрезмерным увлечением «чисто административной стороной дела», как отмечает Ленин, что и приводило его, в конечном счете, к борьбе против ЦК.

Бухарин.

— Вызывает разные суждения оценка этого, по словам Владимира Ильича, ценнейшего и крупнейшего теоретика партии. Ленин тут же отметил, что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским».

— Нет ли тут противоречия? С одной стороны — крупнейший теоретик, а с другой стороны — «никогда не понимал вполне диалектики»...

— Да, противоречие есть, но оно диалектично, как противоречива сама жизнь. Вспомните позицию Бухарина, когда заключался Брестский мир, вспомните его позицию во время дискуссии о профсоюзах. Ведь эта позиция и объяснима непониманием диалектики. В чем признавался сам Бухарин. Загляните в ленинский сороковой сборник, который вышел в 1985 году. Там, начиная со страницы 383, опубликованы замечания Владимира Ильича на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». Масса точных пометок! Ленин отмечает недостаточно глубокий анализ общественных явлений, схоластику, эклектизм. И в то же время высоко оценивает те места и те главы, в которых правильно излагаются закономерности переходного периода. Изучение этих пометок — очень полезное занятие для всех, кто интересуется политэкономией, научным коммунизмом, диалектическим материализмом. Очень полезное занятие! Убедитесь в этом сами.

Поэтому Ленин тут же в «Письме к съезду» оговорился, что его оценка Бухарина относится к «настоящему времени» и что он верит, что Бухарин пополнит свои знания и изменит «свои односторонности».

Пятаков.

— К выдающимся и преданным работникам Ленин относит и Пятакова — человека «несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей», но слишком увлекающегося администраторством. Но и здесь Ленин выражает надежду, что и он исправит свои недостатки.

Помимо чисто познавательного, все эти оценки имеют большое методологическое значение. По ним можно судить, насколько был Ленин строг и доброжелателен, принципиален и деликатен, непримирим к недостаткам и полон надежды, что они исправятся.

Судьба завещания

— Как же развернулись события после того, как Надежда Константиновна Крупская официально передала комиссии ЦК бумаги Ленина?

— В комиссию входили Каменев, Сталин, Зиновьев и другие. Пленум ЦК 21 мая 1924 года по докладу Каменева принял решение произвести оглашение «Письма к съезду» не на заседании съезда, а по делегациям. При этом оговаривалось, что ленинские докумен-

ты воспроизведению не подлежат. Поэтому опубликованы они не были.

Перед отдельными делегациями съезда выступали Каменев, Зиновьев, Сталин. В их интерпретации получалось, что Ленин говорил лишь о **возможности** перемещения Сталина с поста генсека. А ведь Ленин говорил не о возможности, а о **способе перемещения.** Для Ленина вопрос о возможности перемещения и не стоял. Он говорил об этом перемещении как вполне определенном, решенном деле. Судя по словам Каменева, на первый план выступали лишь личные качества характера Сталина.

После чтения документа Каменев заявлял, что Сталин учтет критику. И Сталин давал слово в полной мере учесть критику Ленина. Но дело-то, как мы уже убедились, не только в личных качествах характера генсека, а в том, что он сосредоточил в своих руках слишком большую власть и вряд ли сможет пользоваться ею с осторожностью. А потом Ленин не ставил вопроса о выводе Сталина из Политбюро. Он предлагал лишь переместить на другой пост.

В литературе высказывается точка зрения, что члены Центрального Комитета боялись, что пост генсека может занять Троцкий. Возможно, что этого и боялись, учитывая его притязания на лидерство. Но надо иметь в виду, что для Ленина и других членов ЦК небольшевизм Троцкого напрочь отсекал его кандидатуру.

Сейчас ходят и другие версии, предположения. Дескать, тогда выставлялись другие, более достойные кандидатуры на пост генсека. Но это никак не подтверждается документально.

Конечно, очень важный политический документ требовал не только вдумчивого чтения, но и серьезного обдумывания, обмена мнениями, размышления вслух. Но никто из делегатов съезда не держал его в руках. А потому — никаких обсуждений.

Развернулась дискуссия лишь по поводу предложений Ленина об организационном строении руководящих органов партии. Вопрос обсуждался в ЦК. Решительно против пополнения Центрального Комитета рабочими выступил Троцкий.

Формально ленинское предложение было принято. XII съезд РКП(б) увеличил число членов ЦК с 27 до 40. Кроме того, был создан объединенный орган ЦКК — РКИ. XIII съезд партии увеличил число членов

ЦК с 40 до 53. Как видим, состав ЦК расширился незначительно. Во всяком случае не в тех масштабах, которые завещал Ленин. Да и расширился состав отнюдь не рабочими. Вовлечение рабочих в деятельность Центральной Контрольной Комиссии не сопровождалось теми мерами обучения и помощи, которые предусматривал Ленин. Все это не позволило осуществить замысел Ленина — приобщить рабочих к руководству партией, чтобы ничей авторитет не мог помешать сделать запрос, добиться осведомленности, проверки строжайшей правильности дела.

В 1927 году XV съезд ВКП(б) принял решение приложить «Письмо к съезду» к стенограмме, а также опубликовать в Ленинском сборнике. Текст «Письма к съезду» был опубликован в закрытом бюллетене. В Ленинском сборнике не печатался.

В октябре 1927 года состоялся Пленум ЦК и ЦКК. В речи Сталина частично цитировалось и комментировалось «Письмо к съезду», в том числе и запись от 4 января 1923 года. В Собрании сочинений Сталина эта речь была включена с сокращениями, запись о перемещении Сталина полностью не цитировалась.

В открытых изданиях все три части «Письма к съезду» вместе со всеми дополнениями были опубликованы в журнале «Коммунист» № 9 за 1956 год. Они вошли полностью, как я уже говорил, в пятое издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Уроки

— Владимир Павлович, читателей, очевидно, в первую очередь интересует, что ценного мы можем извлечь сегодня из ленинского «Письма к съезду». Это ведь завещание и нам, ведущим революционную перестройку. Правильно я понимаю?

— Правильно. Так подведем итоги. Сейчас, в условиях перестройки, демократизации, ленинское учение о партии, ее деятельности должно быть возрождено в полном объеме. «Письмо к съезду» как раз помогает нам возродить ленинский облик партии коммунистов, нового социалистического строя, очистить его от наслоений и деформаций, освободить от всего того, что сковывало общество и не давало в полной мере реализовать его потенциал. Завещание Ленина помогает нам снять с ценностей и идеалов социализма ржавчину бюрократизма, субъективизма и честолюбия, очистить

от всего бесчеловечного. Поэтому высвободить лучшие созидательные силы человека.

Ленин вел непримиримую борьбу против отчуждения рабочего человека от власти, от государственных интересов, от решения вопросов экономики, политики, идеологии, культуры. Именно об этом красноречиво и свидетельствует «Письмо к съезду». И эту заповедь Ленина следует сегодня взять на вооружение.

«Письмо к съезду» Ленина помогает нам отрешиться от догматического, бюрократического и волюнтаристского наследства, ибо учит реальной диалектике классового и общечеловеческого в нынешних конкретных условиях. В политическом завещании огромный, далеко не полностью раскрытый методологический потенциал.

Ленинский документ помогает понять, что такое субъективный фактор в истории и как он может повлиять на развитие общества. Бороться с чрезмерным централизмом и администрированием, вседозволенностью.

Словом, уроки более чем шестидесятилетней давности мы должны хорошо усвоить. Это жизненно необходимо.

И под конец пожелание. Хотелось бы, чтобы читатели познавали историю нашей партии и государства в первую очередь по Ленину. Причем не выдергиванием цитат, не бездумным заучиванием их, не раскавычиванием на сиюминутную потребу, не отточиями бесконечными, а овладением ленинской методологией, умением глубокого, диалектического анализа конкретной действительности.

— Мы не прощаемся, Владимир Павлович. А говорим: до свидания. До новых встреч, до новых бесед о «белых пятнах» истории.

Судить или учиться?

КОРР. Владимир Павлович, прошлый раз вы задали мне урок — прочитать все последние работы Ленина. Выполнил это задание. Прочитал их трижды. Первый раз — залпом, как говорится на одном дыхании. Поделюсь с вами самыми свежими, самыми эмоциональными впечатлениями от первого чтения. Умом хорошо понимал, что в этих работах Владимир Ильич Ленин решает текущие, очередные задачи, что все они — эти задачи — поставлены в конце 1922— начале 1923 года. Но я не мог читать как историк, как ни старался. Все время ловил себя на мысли, что читаю не про дела и заботы более чем шестидесятилетней давности, а про дела и заботы сегодняшнего дня. И каждую строку Ленина невольно сопоставлял с сегодняшним днем. И физически ощущал, чувствовал ленинский

взгляд, устремленный на меня, человека, живущего в 88-м. То веселый, добрый, подбадривающий взгляд. То доброжелательно-иронический. То осуждающий. При чтении думалось вот о чем: Ленин одобряет нашу сегодняшнюю революционную перестройку. Одобряет, что мы ввязались в серьезный бой, отошли от спячки, от половинчатости, от бесшабашного фразерства и хвастовства, от зашоренного педантства и догматизма. Так читал я работу «О нашей революции». Чувствовал ироническую улыбку, когда читал работу о госаппарате — «Лучше меньше, да лучше». Кажется, что это именно к нам обращено такое ленинское, такое взыскательное: «Надо вовремя взяться за ум». Первая фраза работы «О кооперации» начинается так: «У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимание на кооперацию». И эту фразу я невольно понимал как сегодняшнюю задачу дня. Ленин осуждает нас за то, что мы «далеко не достаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре». Ленин осуждает нас за то, что мы не всегда бываем предельно внимательны и серьезны во всем, что касается национального вопроса. Такое впечатление сложилось после чтения работы «К вопросу о национальностях или об «автономизации». А разве не к нам обращены слова Ленина: «В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус». Наверное, и зрелым...

В. П. По сути все верно. Только, по-моему, вы употребляете не те слова. Я убежденный противник употребления слов «судья», «судит», «осуждает», когда мы ведем речь об исторических событиях. Эта терминология позаимствована из лексикона действующих лиц некоторых пьес. Встречал такой же лексикон в иных публицистических статьях. Дело не в форме, не в условностях сценического действа. Давайте поговорим по существу.

Ленин никогда, ни при каких обстоятельствах не переходил на прокурорский, обвинительный тон. Он никогда не выносил приговоры как судья. И нам завещал то же. Так что давайте лучше будем не судьями, не прокурорами, не адвокатами, а прилежными учениками истории. Ленин сам учился у своих предшественников, сам брал уроки у истории и учил других диалектически применять уроки и закономерности исторического развития, теорию научного коммунизма к живой, сложной, многогранной, все время меняющейся, быстротекущей жизни. И сам учился и учил других вносить поправки в саму теорию. Ленин никогда не был ни догматиком, ни ортодоксом. Он, по воспоминаниям Крупской, был очень эмоциональным человеком. Но умел подниматься над эмоциями.

Ленин не только не использовал авторитет власти, но даже власть авторитета. Впрочем, послушаем лучше,

что сказал по этому поводу нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин:

«Он никогда не действовал голым авторитетом, а только аргументами и убеждениями, и он никогда не пускал в ход факта своего беспримерного влияния, чтобы преодолеть сопротивление инакомыслящих, а всегда аргументировал, убеждал и не успокаивался, пока не убедит других. Я получал от него несколько последовательных записок с новыми аргументами, когда он старался меня в чем-нибудь убедить. Я помню его спор по одному больному личному внутрипартийному вопросу с очень видным товарищем. Изложив свои аргументы, Владимир Ильич сказал: «Я убежден, что пред всяким партийным собранием я докажу, что вы неправы, и что всякое партийное собрание с этим согласится». Он никак не мыслил иначе победу над инакомыслящими, кроме как в форме победы своей аргументации в пределах организации.

Пусть подрастающая молодежь учится на его живом примере. В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы — одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства — над слепой стихией».

Эти слова сказаны 3 февраля 1924 года. Из них не следует, что при социализме уже нет совершенно стихийных сил, как это изображают некоторые авторы. Есть, и они дают знать о себе. Их надо изучать и находить эффективные средства управления ими. Так давайте же учиться у Ленина революционной диалектике. Давайте извлекать творчески, не догматически, не начетнически те уроки, которые преподал нам Ленин в своих последних работах.

Так я бы поставил вопрос. А насчет ленинского взгляда вы, пожалуй, правы. Его постоянно ощущаешь, когда читаешь работы Ленина. Со мной такое тоже бывало. И не раз. От этого восприятия никуда не денешься. Потому что Ленин, решая текущие, очередные задачи, заглядывал далеко вперед.

Надо сказать, что в течение длительного времени в нашей научной и популярной литературе этот комплекс ленинских работ рассматривался только как план социалистического строительства. Более того, в этом

плане вычленяли три момента: конкретные предложения Ленина, направленные на индустриализацию страны, на социалистическое преобразование сельского хозяйства, на осуществление культурной революции. Мне думается, что тем самым чрезвычайно суживалось и принижалось значение этих неисчерпаемой глубины документов. Ленинская концепция социализма охватывает не только указанные три направления, но и сферу социальных отношений, и демократические формы управления, и хозрасчет, и подъем науки и культуры. И везде просматривается приоритет интересов человека труда. Вот почему цель нынешней перестройки — теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма.

Ведь последние работы Ленина — это не только марксистский, диалектический анализ объективных реальностей того времени, но и смелый взгляд в будущее, концепция социализма на многие десятилетия вперед. Политическое завещание Ленина — это методологический ключ к пониманию и развитию основных принципов социализма, путей его строительства в целом. Это — ключ к пониманию современных процессов социалистического строительства.

Ленин предстает здесь как мыслитель, который смог проникнуть своим взором в глубь десятилетий. Его мечты и замыслы были настолько грандиозны, настолько неоглядны, дерзки, что им порой не верили не только фантасты, но и его близкие друзья, соратники. Кстати, о фантастах... Вы читали книгу Герберта Уэллса «Россия во мгле»?..

«Небо» и «земля»

КОРР. Не только читал, но и взял ее с собой на эту беседу. В книге Уэллса есть глава «Кремлевский мечтатель». В сей заголовок писатель, очевидно, вложил свое понятие о будущем России, свое отношение к замыслам Ленина. И, пожалуй,— немного английского скепсиса, приправленного эдаким легким юмором.

В. П. Пожалуй. Но меня интересует вот какой примечательный факт. Встреча Уэллса с Лениным произошла в 1920 году. На следующий год вышла книга «Россия во мгле». Владимир Ильич читал лондонское издание. И не только читал, но и, как всегда, подчеркивал, отчеркивал, ставил пометы. Вот одна из них. Сейчас найду это место в книге Уэллса... Вот оно. Уэллс пишет:

«Марксистская теория подвела русских коммунистов к идее «диктатуры классово-сознательного пролетариата», а затем внушила им представление,— как мы теперь видим, весьма смутное,— что в России будет новое небо и новая земля. Если бы так случилось на самом деле, это было бы подлинной революцией в жизни человечества. Но, судя по тому, что мы видели в России, там по-прежнему старое небо и старая земля».

Теперь смотрите. Владимир Ильич отчеркнул на полях этот абзац. А слова «будет новое небо и новая земля» подчеркнул и поставил против них знак вопроса.

КОРР. Хорошо бы расшифровать эти пометы. А попутно стоит, очевидно, ответить на вопрос: кто был бóльшим мечтателем: английский фантаст или Ленин?

В. П. Мне трудно судить об Уэллсе: читал его книги давно, в ранней юности. Ленина знаю несколько лучше: читаю-перечитываю каждый день. И по долгу службы, и по призванию. И беру на себя смелость утверждать: Ленин был великим мечтателем. Но, как писал один из публицистов двадцатых годов, Ленин никогда не качался на качелях своей мечты. Он всегда твердо стоял на земле. Он и в фантазиях, в мечтах своих всегда оставался реалистом. Это еще одна примета ленинской диалектики. В чем ее суть? Заглядывая в далекое-предалекое «небо», Владимир Ильич видел не только находящие тучи, но и видел, чувствовал, знал «землю» — до последней кочки, до последней рытвины. Да, такой, какой увидел землю английский фантаст — «огромной равнинной, покрытой лесами»; «населенной неграмотными крестьянами»; «не имеющей технически грамотных людей»; землю, «в которой почти угасла торговля и промышленность». Только, заметим, видел еще больше, еще глубже, еще дальше, чем фантаст за краткосрочный визит. От этого, согласитесь, не только не уменьшается грандиозность замыслов Ленина, а стократ увеличивается. Выходит, Ленин видел «небо» и «землю», а фантаст не разглядел ни того, ни другого. Вот теперь и сравнивайте...

КОРР. В своей книге Уэллс пишет: «Дело в том, что Ленин, который как подлинный марксист отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию...» Так ли это? Нельзя ли сравнить ленинский взгляд в будущее с мечтаниями утопистов?

В. П. Не только можно, но и надо, просто необходимо. Это очень важно в нашей беседе. Хорошо. Возь-

мем утопистов. Томас Мор, Кампанелла... Они мечтали об идеальном обществе, где будут царить справедливость, свобода, равенство, братство. Красивые мечты? Да, очень красивые. Но это были лишь грезы, мечтания. Потому что утописты, образно говоря, настолько запрокидывали голову, глядя на небо, что не видели, не чувствовали грешной земли. Поэтому и не знали, как осуществить мечту. Они хотели достичь «неба», не покопавшись в грязной «земле». Как осуществить мечту? Вот в чем вопрос.

Анархисты тоже мечтали. О полной, абсолютной свободе, об уничтожении всякого насилия, об уничтожении государства насилия — «с сегодня на завтра». Но какими средствами?.. Как они хитроумно говорили, — «тактикой прямого действия». То бишь стихийным бунтарством, террором, бомбой, гранатой. И подрывали не только своих противников, но и свою мечту.

А волюнтаристы всех времен и видов... Разве они не хотели въехать на белом коне в коммунизм «с сегодня на завтра». Как еще хотели, как еще мечтали. Вспомните-ка очень красивый тезис о том, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Это — о нашем с вами поколении. А сейчас, услышав или прочитав этот тезис, недоверчиво улыбаются наши дети. Скоро подрастут внуки и тоже, наверное, будут так же улыбаться. Почему? Да потому, что этот очень красивый, очень заманчивый, очень завлекательный тезис был продиктован лишь мечтой, не подкреплен реальными расчетами. Потому что между «небом» и «землей» была дистанция огромного размера.

Волюнтаристам не откажешь в энергии, в действии, в силе воли. Скорее наоборот. Они действовали порой сверхэнергично. Только эта сверхэнергия и сила были направлены главным образом на принуждение. И действовали они преимущественно приказом, командой, нажимом, «завинчиванием гаек», окриком. Действовали не властью авторитета, а авторитетом власти. Их мало интересовали мнение, интересы и потребности масс. Для волюнтариста верно только одно мнение — его собственное мнение. А все остальное — ересь. Для масс остается роль «винтиков», только послушание и бездумное заучивание непререкаемых догм, положений — выводов, указаний.

А Ленин как говорил?.. Раскройте, пожалуйста, тридцать пятый том Полного собрания сочинений. Читаем:

«Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс...»

«Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества».

Взгляните на дату. Когда сказаны эти слова? 4 (по старому календарю), 17 (по новому) ноября 1917 года. На заседании ВЦИК. Советской власти было всего-навсего десяток дней. И «земля» у Советской власти была весьма зыбкой, весьма шаткой. А какая уверенность, какая убежденность звучит в словах Ленина!

КОРР. И в конце 1922 года «земля» была не такой уж твердой. А с какой уверенностью в будущее продиктованы Лениным последние записи. Объясните, пожалуйста, поподробнее: откуда бралась эта уверенность?

В. П. Почитайте «Биографическую хронику Владимира Ильича Ленина», почитайте воспоминания о Ленине. Множество непринужденных бесед с рабочими, крестьянами, солдатами, интеллигентами, коммунистами зарубежных стран... Помните, как в фильме «Человек с ружьем»?.. По коридору Смольного идет Владимир Ильич. Навстречу ему солдат: «Уважаемый, где бы мне чайку?»... И пошел разговор — о войне, о мире, о земле, о том, куда теперь податься человеку с ружьем — в родную деревню или защищать Советскую власть... Очень тонко, очень метко схвачено. Тут весь Ленин. В простых, житейских разговорах он черпал мудрость из родника живого народного творчества. И его мечты, замыслы базировались на знании разнообразнейших запросов, забот, чаяний народных масс. И эти интересы, запросы, заботы — простые, житейские, немудреные,— глубоко обдуманные, обобщенные, отшлифованные диалектическим мышлением, мудростью ученого, взвешенные и отточенные острым умом политика, возвращались сторицей народу. Эту уникальную способность Ленина-мыслителя, Ленина-реалиста отметил в свое время Николай Иванович Бухарин. Выступая на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина, он сказал:

«Эти главнейшие вопросы политики Ленин развивал не с точки зрения моментальной и быстро преходящей

конъюнктуры: он ставил их с точки зрения «большой политики», широчайших перспектив, генеральных путей, столбовой дороги нашего развития. Его анализ — не крохоборческий анализ маленького участка, а громадное полотно, на котором с необычайной мощью, убедительнейшей простотой и выразительностью изображена тяжелая поступь исторического процесса. Из этого анализа Ленин делает громадные выводы, но этому же анализу он соподчиняет и сравнительно второстепенную организационную деталь».

Говоря о главнейших вопросах политики, Бухарин имел в виду как раз политическое завещание Ленина, то есть работы, которые мы рассматриваем.

Вот еще очень примечательный документ. Живой и человечный. Беспартийный крестьянин Осип Иванович Чернов в 1921 году два месяца добирался из Сибири в Москву, чтобы встретиться и поговорить с Владимиром Ильичем. Он встретился с Лениным, говорил с ним. А потом вспоминал об этой беседе так:

«Чем велик Ленин? А вот чем. Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах... Владимир Ильич не похож был на многих, его не сковывала теория, он хватал жизнь, события, революцию, направлял ее. Он творил волю массы, как старший, он есть душа массы, богатая всеми изгибами».

А вот как выразил ту же мысль поэт, публицист, революционер Поль Вайян-Кутюрье:

«Ленин-интеллигент умел мыслить как рабочий. Ленин-оратор говорил без пустых фраз и трескотни. Человек, потрясший весь мир, в чьем сознании беспрерывно переваривалось все, чем жил и дышал этот мир, этот человек сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить, как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный аннамит, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как петроградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер из Новой Виргинии. Ленин — это законченный тип нового человека; он являлся для нас прообразом будущего.

Таким предстал передо мной Владимир Ильич с первых дней моей встречи с ним».

КОРР. Французский революционер, поэт и крестьянин из Сибири, китайский кули и носильщик-негр... Какой огромный обзор! Пред взором Ленина в его последних работах предстают Германия, Англия, Америка, Канада, Индия, Китай, весь Восток «с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности». Ленин вспоминает Оуэна, Фурье, крестьянскую войну в Германии, Наполеона... Ленин мечтает о пролетарской солидарности, о шефстве рабочих над крестьянами, о строе «цивилизованных кооператоров»... Он мечтает о том, что мещанам и не снится... Ленин думает, беспрерывно думает... Чтобы потом, в течение отведенного ему краткого срока для диктовки, сказать самое важное, самое заветное.

Это и накладывает определенный характер на работы, которые он диктует. Здесь такой необычайный сгусток, такая концентрация мысли, что каждое слово, каждая фраза на вес золота.

И все это — в крайне непривычной для Ленина обстановке. Даже трудно себе представить.

«...не могут запретить мне думать»

В. П. А зачем представлять? Обратимся к документам, воспоминаниям, достоверным фактам. Они нам лучше скажут.

ГДЕ ДИКТОВАЛ Ленин свои последние работы? Вот свидетельство сотрудника комендатуры Кремля А. Д. Метелева:

«Комната Владимира Ильича в 36 кв. аршин (то есть ровно столько, сколько советские законы позволяли иметь каждому гражданину Республики, несущему определенную обязанность) имела всего одно окно. В комнате стояли небольшой письменный стол, металлическая кровать, небольшой шкаф, одно или два кресла — и это все...

Расположение его жилища было весьма неудобно: с одной стороны была маленькая столовая, с другой — комната Надежды Константиновны; входившие в ту или другую комнату обязательно должны были проходить мимо дверей Владимира Ильича, невольно создавая шум и беспокойство. Тщетно ему предлагали переменить комнату на лучшую, большую: Владимир Ильич не хотел и слушать».

КАК ДИКТОВАЛ Ленин? Дадим слово секретарям-стенографисткам. Сначала Марии Акимовне Володичевой:

«Он лежал в своей комнате на кровати. Около него был приспособлен небольшой столик, за который я садилась записывать. Владимир Ильич обычно просто, по-товарищески, приветливо здоровался, протягивая

левую руку, и только беспокоился, не слишком ли часто я дежурю, почему я такая бледная, спрашивал, правильно ли у нас соблюдается очередь дежурств, и прибавлял, грозя пальцем: «Смотрите, а то я...» Самым тяжелым наказанием, конечно, было бы быть лишенной возможности работать у Владимира Ильича, видеть и слышать его почаще, будучи сосланной хотя бы в самый лучший санаторий».

Вот воспоминания Лидии Александровны Фотиевой:

«Постепенно время для диктовки Владимира Ильича было увеличено до двадцати минут в день, а затем до сорока минут в два приема, утром и вечером.

Случалось, что Владимир Ильич переступал и эти границы, продолжая диктовать начатую статью. Фактически Владимир Ильич работал значительно больше положенного ему времени. Во время диктовки он иногда прочитывал продиктованное им раньше и переписанное на машинке...

Можно с уверенностью сказать, что многие часы днем и в бессонные ночи Владимир Ильич думал о том, что он считал необходимым безотлагательно сказать партии и что ему приходилось вмещать в тесные рамки времени, отведенного для диктовки.

Необходимость диктовать, а не писать самому, несомненно, сильно затрудняла Владимира Ильича. Он и до болезни не любил диктовать. Владимир Ильич говорил, что привык видеть перед глазами написанный текст и отсутствие этого условия при диктовке затрудняет его. Его стесняло и то, что в те минуты, когда он, продиктовав фразу, останавливался, обдумывая дальнейшее, стенографистка бездействовала, ожидая продолжения. Пытаясь приучить себя к диктовке, Владимир Ильич просил, чтобы стенографистка имела при себе какую-либо книгу для чтения в перерывах».

Вспоминает Мария Игнатьевна Гляссер:

«И раньше всегда характерным для Владимира Ильича было стремление как бы все ускорять темп своей работы, как будто он боялся, что не успеет переделать все то, что себе наметил. За период же своей последней работы — с декабря 1922 года по март 1923 года, имея в своем распоряжении лишь по полчаса ежедневно, редко — больше, а иногда и меньше, он страшно торопился успеть сказать и сделать все, что нужно. По мере же того как, хотя бы немного, улучшалось его состояние,— возвращалась его прежняя энер-

гия и инициатива, и оставаться в рамках «спокойно выздоравливающего больного» он явно не мог. А это, в свою очередь, вызывало ухудшение».

Снова записи Володичевой:

«За весь этот период, с конца декабря 1922 года до начала марта 1923 года, когда болезнь положила конец работе Владимира Ильича, он никогда не давал почувствовать, что он болен. Это был тот же Владимир Ильич, которого все мы знали, Владимир Ильич, глаза которого так зорко и неустанно смотрели далеко вперед, мысль которого работала так глубоко и сердце которого билось для трудящихся. Так ярко было обаяние силы его духа, что то, что он лежал, диктовал, а не работал, как обычно у себя в кабинете,— это казалось временным, незначительным препятствием, с которым, думалось, несомненно, Владимир Ильич скоро справится, потому что трудности были созданы не для того, чтобы Владимир Ильич не мог их преодолеть».

Вот так диктовал Ленин свои последние работы. С конца декабря 1922 и по март 1923 года. Однажды он сказал шутливо стенографистке: «Мы с вами уже две зимы пишем».

ОБСТАНОВКА... Что сказать о ней? Много не скажешь. Все тот же строгий режим врачей. Все тот же неусыпный и жесткий контроль нового генсека, который со свойственной ему холодной волей и железной логикой, лишенной всяких сантиментов, выполнял предписание Политбюро: переписка запрещается, свидания запрещаются, ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни. Вот запись Фотиевой: «...29 января Сталин звонил, что материалы без Политбюро дать не может. Спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел?»

КОРР. О каких материалах идет речь? И как, интересно, реагировал Ленин на решительный отказ?

В. П. Речь шла о «грузинском вопросе». К нему мы еще вернемся. И расскажем обо всем поподробнее. А пока скажу следующее. Фотиева рассказала Ленину об этом разговоре со Сталиным. Владимир Ильич сказал, что будет добиваться получения материалов.

Приведем в связи с этим еще одну запись Фотиевой:

«Вернувшись к вопросу о грузинской комиссии, Владимир Ильич сказал, смеясь: «Это ведь не газеты,

значит, я могу и сейчас читать». Настроение у Владимира Ильича было хорошее».

Мария Ильинична Ульянова вспоминала:

«Когда Владимир Ильич был уже болен и врачи старались всячески ограничить его работу, а мы пытались убедить его в необходимость меньше работать, он как-то на мои уговоры сказал мне: «У меня ничего другого нет». **«Ничего другого нет»**, и это была сущая правда. Он был весь в революции, в революционной работе и без этой работы чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег. И еще позднее, когда Ильич не мог уже вставать, врачи, видя его тяжелое состояние духа, решили сделать ему некоторое послабление и предложили свидания с товарищами, но с условием, чтобы он не говорил с ними о политике. Но Владимир Ильич наотрез отказался. «Какие чудаки,— говорил он нам, когда врачи ушли,— они думают, что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики». И еще позднее, когда он захотел диктовать свои записки, свои последние статьи и врачи было воспротивились этому, Владимир Ильич заявил, что, если ему откажут в этом, он вообще не будет лечиться».

И совсем короткая выдержка из воспоминаний Крупской: «Ильич часто говорил мне: «Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать».

Да, Ленин оставался все таким же — волевым, часто улыбающимся, близким к запросам, нуждам, настроениям людей. Теперь его можно было бы назвать «кремлевским затворником». Но он был рад каждому новому человеку и сразу же вступал с ним в беседу.

Он никогда никому не жаловался. Только иногда сожалел, что не может сделать все, что задумал.

1 февраля 1923 года Фотиева записывает в Дневнике дежурных секретарей:

«Владимир Ильич сказал: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы был на свободе), то я легко бы все это сделал сам».

Да еще в разговоре с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной признался полушутя-полугрустя: «В 1917 году я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 году — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было...»

Этот разговор произошел в начале марта 1923 года.

Несколько дней спустя после диктовки последней работы — «Лучше меньше, да лучше». У Ленина были новые замыслы, новые мечты. Да не сбылось...

Мещанам и не снится

В. П. Теперь вам ясно: где и как, в каких условиях диктовал Владимир Ильич свои последние работы, куда был направлен его взгляд, какие «небо» и «землю» он видел, о чем мечтал? Ясно? Хорошо. Это ведь очень важно при конкретном анализе политического завещания, его составных частей.

КОРР. Темы этих частей, на первый взгляд, разные. Но, наверное, есть какая-то общность, которая объединяет эти такие разные темы, какая-то сквозная идея? Ведь Ленин диктовал эти работы одну за другой, с небольшими перерывами.

В. П. В том-то и дело, что есть. Это — позиция революционера, позиция диалектика-мыслителя. Это прежде всего — озабоченность всесторонним развитием социалистических отношений, углублением их гуманистической направленности, их демократизма. И здесь все тот же ленинский взгляд на разные стороны жизни, но диалектикой жизни тесно связанные, туго переплетенные. Поэтому мы не будем подробно раскрывать содержание всех работ, перечислять все проблемы, которые там ставятся. Мы лишь проследим за тем, куда был направлен ленинский взгляд. Проследим позицию Ленина по основным вопросам. Причем позицию не созерцателя, не утописта, не реформиста, а именно борца. Готового самому ввязаться в бой и повести за собой других. Готового самому взяться за работу и убедить в необходимости этой работы других. Готового самому создавать условия для успешного завершения дела. Готового завоевать эти условия.

КОРР. Собственно, вы уже начали разбирать работу «О нашей революции». Там есть такое место:

«Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»

В. П. Правильно. Именно в этом суть. А почему Ленин пришел к этой мысли? Почему он убежден в ней? А вот читайте:

«И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалис-

тическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»

Да, такое изменение порядка развития вызывает неимоверные трудности и политического, и социального, и культурного характера. Ленин, как революционный диалектик, предвидел, понимал это, видел трудности. Рассматривая объективные возможности, которые имелись в России, он делает вывод, что мы располагаем всем необходимым для построения социалистического общества. Гарантией решения этой всемирно-исторической задачи Ленин считает укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством, вовлечение его в дело строительства социализма.

Ленин и здесь остается верен себе. Ленин и здесь, полемизируя с меньшевиком Сухановым, с мелкобуржуазными демократами, с трусливыми реформистами, опирается в своей полемике, в своем споре — на народ, на его устремления, на его чаяния.

КОРР. А кто такой Суханов? И почему Ленин спорит с ним? В чем повод для спора?

В. П. Н. Суханов — это псевдоним меньшевика Н. Н. Гиммера. Он написал «Записки о революции», изданные в 1922 году. Все книжные новинки попадали к Ленину. В Дневнике дежурных секретарей 24 декабря 1922 года помечено: «Владимиру Ильичу — взяли Суханова «Записки о революции», тома III и IV». А 29 декабря отмечается: «Врачи разрешили читать. Владимир Ильич читает Суханова «Записки о революции (III и IV тома)». Ленин прочитал эти тома и начал диктовать 16 января 1923 года, а 17 января продолжил. Статья была передана Надеждой Константиновной Крупской в редакцию «Правды». И была напечатана в газете 30 мая 1923 года.

Это была не просто рецензия на книгу Суханова. Это — ленинский взгляд на революцию, на теорию марксизма. Надеюсь, что читатели изучат эту работу Ленина, подумают, поразмышляют, сделают для себя выводы. Просил бы обратить при этом особое внимание на два ленинских положения. Процитирую их.

Обращаясь к лидерам II Интернационала, Ленин говорит:

«Они все называют себя марксистами, но понимают

марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики».

Далее Ленин приводит по-французски изречение Наполеона. И продолжает:

«В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п.».

Но Ленин бросает взгляд еще дальше. Читаем следующий абзац:

«Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция».

Анализ международного положения, соотношения сил на мировой арене позволили Ленину нарисовать перспективу мировой истории, показать те силы, которые смогут изменить соотношение сил в пользу социализма.

Ленин говорит, что путь развития будет иной, чем это было до Октябрьской революции. Раньше все взоры были обращены на Запад. Ленин бросает свой взгляд на Восток. Ленин последовательно раскрывает огромный революционный потенциал, который имелся у народов Востока. Они втянулись в такое развитие, отмечает Ленин, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Вот этот вывод Ленина — цитирую:

«Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена». Эта цитата уже из другой работы — «Лучше меньше, да лучше». Это

еще раз подтверждает, что работа «О нашей революции» является ключевой для всего комплекса последних статей и писем Владимира Ильича, что мысли Ленина, заложенные в ней, развиваются, детализируются, обогащаются, обретают плоть и кровь в других работах, составляющих политическое завещание Ленина.

«Надо вовремя взяться за ум»

КОРР. В первой беседе о «Письме к съезду» вы говорили о том, что Ленин вел непримиримую борьбу против отчуждения рабочего человека от власти, от государственного аппарата, равно как и государственного аппарата от рабочего человека. Очевидно, в этом смысл трех работ Ленина: «О придании законодательных функций Госплану», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше»? Как вы считаете?

В. П. Да, в этом суть. И здесь следует заметить, что некоторые ученые-историки и публицисты пытаются свести смысл этих ленинских работ лишь к реформе госаппарата, лишь к конкретным пожеланиям улучшить его, избавить от косности, бюрократизма, волокиты, бесхозяйственности, расхлябанности, неаккуратности и тому подобного. Да, действительно Ленин придавал большое значение борьбе с этими недостатками. В многочисленных записках, письмах, статьях, речах, в своих последних работах, которые мы сейчас рассматриваем, Ленин сурово критиковал, невзирая на лица, невзирая на дружеские отношения, тех «сановников, особенно из коммунистов», которые больше всего должны были бы действительно бороться с бюрократизмом и волокитой, «действительно добиваться немедленного улучшения положения и облегчения судьбы тех несчастных граждан, кои вынуждены иметь дела с нашим никуда негодным аппаратом». Подобные цитаты из Собрания сочинений Ленина мы в прошлом слышали не раз. В течение десятков лет они кочевали из доклада в доклад. Цитаты оскомину набили. Аппарат же оставался прежним — громоздким, неуправляемым, бюрократическим. Разве в связи с этим не актуально звучала в не столь отдаленные времена застоя и волюнтаризма мысль Ленина:

«Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги».

КОРР. Некоторые журналисты, социологи, публицисты, побывавшие в капиталистических странах, приводят в пример отличный, вышколенный, в высшей степени дисциплинированный, сверхаккуратный аппарат. Как в государственных учреждениях, так и в частных фирмах. Что же, нам не надо этому учиться?

В. П. Да, надо. Но это не полдела, даже не четверть дела. Вся суть в другом. Ее ясно и четко раскрывает Ленин в работе «Лучше меньше, да лучше». Цитирую: «Одним словом, нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазная Западная Европа, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну».

Как видите, Ленин ведет речь не об абстрактном аппарате, а о государственном аппарате — подчеркиваю — **социалистического государства.** Государства, в котором власть принадлежит трудящимся. Вот в чем смысл этих трех ленинских работ, которые мы разбираем.

КОРР. Таким образом, очевидно, речь идет не о реформе старого аппарата, не о подлатывании или перелицовке его, не о косметическом ремонте, а коренной перестройке, коренном обновлении аппарата. Очевидно, речь идет даже не о самом аппарате, а о прямом участии народа во всех без исключения партийных и советских органах власти. Так я понял?

В. П. Именно так. И только так ставил вопрос Ленин. Каков же способ коренного обновления аппарата? И на этот вопрос отвечает Ленин:

«Для этого нужно, чтобы действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе, с наибольшей осторожностью, обдуманностью, осведомленностью было прилагаемо к созданию нового наркомата».

Как видите, и здесь Ленин в своих замыслах опирается на народные массы, на передовых рабочих, во-первых, и во-вторых, на «элементы,— как говорил Ленин,— действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести». Как видите, и здесь Ленин обращается к глубочайшему, светлейшему, родниковому источнику Советской власти.

КОРР. О каком создании нового наркомата говорил Ленин?

В. П. О соединении Центральной Контрольной Комиссии с РКИ. О создании нового объединенного органа ЦКК — РКИ. По замыслу Ленина, это было одной из форм для осуществления контроля, проверки исполнения, для участия широких масс трудящихся в государственной работе, в решении важных вопросов

хозяйственной, социальной, политической жизни. Ленинский взгляд был направлен на «действительное участие действительных масс».

Дело, разумеется, не в самой форме. Дело в сути. А суть была такова: «Научить массу управлению, не книжному, не лекциями, не митингами, научить опытом, сделать так, чтобы на место того передового слоя, который пролетариат дал из своей среды... пришло десять таких же». Эту задачу Ленин сформулировал еще на VII съезде партии в докладе о пересмотре программы и изменении названия партии. К этой идее он возвращался не раз. Например, в статье «Как организовать соревнование?» Ленин писал: «Учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, могут быть только массовыми. Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество массы рабочих и крестьян в учете и контроле за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества...»

Именно в вовлечении масс в управление Ленин видел как раз действенное средство улучшения всей работы советского государственного аппарата, испытанный способ борьбы с бюрократизмом, косностью, чванством, чинопочитанием. Недаром Ленин называл вовлечение трудящихся в повседневную работу управления «чудесным средством», которое удесятеряет силу государства и которым никогда ни одно буржуазное государство не располагало и располагать не может.

После Октябрьской революции это был второй аналогичный шаг не формального, а действительного расширения подлинного народовластия. И это привлечение народных масс, по замыслу Ленина, касалось всех эшелонов власти, всех государственных и партийных органов.

Вернемся к работе Ленина «Письмо к съезду». Вот первая фраза этого документа: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе».

Вот в чем состоял главный замысел Ленина. Речь шла, по сути дела, о глубокой демократизации власти.

КОРР. В Полном собрании сочинений Владимира Ильича Ленина под статьей «О придании законодательных функций Госплану» сказано: «Впервые опубликовано в 1956 году в журнале «Коммунист» № 9». Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин» опубликована в «Правде» 25 января 1923 года. А работа «Лучше меньше,

да лучше» — 4 марта 1923 года. Прокомментируйте, пожалуйста, эти пометы. И несколько слов о судьбе этих работ.

В. П. Записи Ленина «О придании законодательных функций Госплану» рассматривались на заседании Политбюро. Политбюро не разрешило их печатать, так как там даются личные характеристики Кржижановскому и Пятакову.

До публикации статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» в Центральном Комитете партии высказывались соображения о том, что, может быть, напечатать эту статью в номере газеты с тиражом... в одном экземпляре — специально для Владимира Ильича, чтобы, дескать, не волновать, успокоить его. Но Ленин все же настоял на своем. И статья появилась в «Правде».

Но вскоре после ее публикации во все губкомы партии было направлено письмо Политбюро и Оргбюро. В этом циркуляре Политбюро и Оргбюро считали необходимым довести до сведения губкомов те обстоятельства, при каких написана статья. То есть имелось в виду болезненное состояние Владимира Ильича. В этом письме сообщалось, что Ленину из-за переутомления не разрешено читать газеты; что он не принимает участия в заседаниях Политбюро и ему не посылают протоколы; что врачи сочли возможным ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам; что отдельные части этого дневника по указанию и настоянию самого Владимира Ильича появляются на страницах печати. Таким образом, недвусмысленно давалось знать, как следует относиться к этим ленинским работам.

Подписали это письмо Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий 27 января 1923 года.

КОРР. Почему поначалу сомневались: печатать или не печатать статью?

В. П. Статью «Как нам реорганизовать Рабкрин» не хотели печатать из-за того, что ее могут неправильно воспринять массы.

КОРР. Вот у меня наготове лежит закладка на 569-й странице «Биографической хроники Владимира Ильича Ленина». Там написано: «Позднее 25 января.

Ленин, прослушав рассказ Н. К. Крупской о беседе с В. Н. Каюровым и К. Орловым, которые зашли справиться о здоровье Владимира Ильича, выражает сожаление, что она не спросила, читали ли они его статью «Как нам реорганизовать Рабкрин» (Предложения XII съезду партии)», понятна ли она рабочим, своевременна ли и чего в ней не хватает.

По поручению Ленина на следующий день Крупская вновь беседует с Каюровым и Орловым, которые сообщают, что идея статьи Ленина им понятна. «Это то самое, чего передовые рабочие так долго добивались...»,— говорят они».

«Нельзя нажимать»

КОРР. Владимир Павлович, подчас бытует эдакое ироничное отношение к кооперации. Что понимал Ленин под кооперированием населения России? Почему Владимира Ильича привлекла эта идея?

В. П. В работе Ленина «О кооперации» речь идет не о создании каких-либо отдельных кооперативов. Взгляд Ленина и здесь куда пристальнее, куда глубже. Ленина волновал вопрос, как привлечь огромные массы крестьянства к строительству социализма. Для многих социалистов этот вопрос был камнем преткновения. Считалось, что для перехода общества к социализму необходимо достичь пролетарского большинства населения страны. А как быть в России? Ведь революция победила в стране, население которой в своей преобладающей массе мелкобуржуазное, крестьянское... Крестьянин же, как известно, по своей природе и труженик, и собственник. Как же увязать эту вторую сторону его сущности — собственник — с возможностью участия в строительстве социалистического общества?

И Ленин нашел выход. Ленин-диалектик нашел такой метод, такие средства, которые позволяли всякому мелкому крестьянину участвовать в социалистическом созидании. Вот этот метод и есть кооперация.

КОРР. А чем диалектичен, чем жизнен, чем реален этот метод? Объясните, пожалуйста.

В. П. Жизнен потому, что он идет от жизни. Все та же проблема «неба» и «земли», о которой мы уже говорили. Кооперация открывала переход к новым — социалистическим — порядкам «путем более **простым, легким и доступным для крестьянина**».

«Одно дело,— говорит Ленин,— фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы **всякий** мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

Поэтому Ленин ставит задачу всемерной поддержки кооперации:

«Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный».

КОРР. А как, по замыслу Ленина, надо вводить кооперацию населения? Какими методами?

В. П. Ленин предостерегал, что поспешность внедрения коммунистических идей и отношений в деревне может принести только вред. Добровольность и постепенность в движении деревни от низших к высшим формам кооперации, от сбытовых, снабженческих, кредитных — к наиболее высоким формам производственного кооперирования. Таковы, по мнению Ленина, пути движения к коммунизму.

«Никоим образом нельзя понимать.., будто мы должны нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма.

...Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы».

КОРР. Веское предупреждение для любителей спешить, забегать вперед, проявлять торопливость... Оно и сейчас звучит актуально. Отводил ли Ленин срок для кооперирования населения России?

В. П. Ленин очень осторожен в отношении сроков. Он не называет конкретных дат. По этому поводу Владимир Ильич говорил так:

«Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения».

Лишь однажды Ленин назвал примерный срок, но и то со значительной амплитудой — десять — двадцать лет нормальных отношений.

КОРР. Когда говорят о кооперации, то обычно подразумевают сельскохозяственную кооперацию. Или — главным образом. Или — только ее. А каков был взгляд Ленина?

В. П. Ленин не сводил проблему только к объединению сельскохозяйственных тружеников. Ленин смотрел шире. Он ставил вопрос о таком виде «предприятий, которые раньше не имели самостоятельности с точки зрения принципиального значения, именно: о предприятиях кооперативных...»

«При нашем существующем строе,— говорил Ленин,— предприятия кооперативные отличаются от пред-

приятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, то есть рабочему классу».

Эта же ленинская мысль, как видим, легла в основу недавно опубликованного проекта Закона «О кооперации в СССР». Кооперативы могут создаваться в сельском хозяйстве, в промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле и общественном питании, в сфере платных услуг и других отраслях производства и социально-культурной жизни.

КОРР. Владимир Павлович, нам остается выяснить, какова судьба статьи Ленина и тех предложений, которые там содержатся.

В. П. Статья была передана Крупской в ЦК в мае 1923 года. Политбюро 24 мая приняло решение о необходимости быстрейшего напечатания статьи. 26—27 мая она была напечатана в «Правде». Ленинские идеи о кооперировании крестьянства легли в основу резолюций XIII съезда РКП(б) «О кооперации» и «О работе в деревне». В последней указывалось, что кооперирование мелкого производителя должно сыграть «гигантскую роль в деле строительства социализма».

Так что с публикацией и с принятием решения вроде было все в порядке. А вот с выполнением этого решения получилось далеко не все ладно. И в специальной литературе, и в публицистике неоднократно, с цифрами и фактами, убедительно показано: в двадцатые годы кооперация развивалась весьма успешно, но затем она начала хиреть. Ее роль либо практически отрицалась, либо — в лучшем случае — низводилась до второстепенной. Даже такая форма кооперирования сельских тружеников, как колхоз, со временем лишилась кооперативной сущности. Сейчас, как известно, мы возвращаемся к ленинским принципам, к ленинскому взгляду на кооперацию. Разумеется, в новых условиях.

«Сугубая осторожность»

КОРР. В конце декабря 1922 года после «Письма к съезду» Ленин диктует в два приема статью «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Начинается она так:

«Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально названный, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик».

Объясните, пожалуйста, историю этого вопроса. Почему извиняется Ленин перед пролетариями России? Чем взволнован Владимир Ильич?

В. П. В процессе подготовки объединения советских республик комиссией ЦК был принят проект, разработанный Сталиным. Этот проект предусматривал вхождение национальных советских республик в Российскую Федерацию на правах автономных республик. После вмешательства Ленина, который выступил против идеи об «автономизации» самостоятельных национальных советских республик, процесс их объединения был осуществлен на принципиально иных основах. По предложению Ленина создавался Союз Советских Социалистических Республик.

Ленин внимательно следил за процессом строительства союзного государства. Особенно беспокоило его, насколько последовательно будут соблюдаться при этом принципы пролетарского интернационализма.

Вы спросили насчет взволнованного, тревожного начала статьи. Основания для тревоги были. Они заключались в отношении Сталина к созданию союзного государства. Сталин совершенно неправильно отнесся к ленинской критике по его адресу и, самое главное, к предложению Ленина об объединении советских республик на основе равноправия и сохранения их суверенитета. В письме членам Политбюро от 27 сентября 1922 года Сталин, не уяснив интернационалистской сущности создания СССР, расценил позицию Ленина как «национальный либерализм». Но, понимая, что ЦК партии поддержит Ленина, Сталин не решился настаивать на своей точке зрения и переработал резолюцию комиссии Оргбюро ЦК в соответствии со всеми предложениями Ленина. Новый проект за подписями Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова был разослан членам и кандидатам в члены ЦК. Однако в вводной части к проекту умалчивалось, что он был переделан на основании принципиальных положений Ленина. Кроме того, в проекте смазывалась коренная разница между проектом «автономизации» и ленинским проектом образования союза социалистических республик. Утверждалось, что новая резолюция представляет собой лишь «несколько измененную, более точную формулировку» резолюции комиссии Оргбюро ЦК, которая (цитирую) «в основе правильная и безусловно приемлемая».

КОРР. Насколько я понимаю, дело не в формулировках, а в отношении Ленина и Сталина к национальному вопросу.

В. П. Конечно, здесь дело не в формулировках. Суть в отношении к архитонкому, архищепетильному вопросу. Как к нему подходить? Вытравлять каленым железом, давить гидру национализма?.. Или подходить к национальному вопросу сугубо осторожно, сугубо предупредительно. В связи с этим просто необходимо продолжить ленинскую мысль насчет сугубой осторожности. Ленин говорит:

«Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями».

КОРР. Вы уже упоминали «грузинский вопрос». Подошел черед разобрать его подробнее. Расскажите, как он возник, в чем его суть и какие выводы сделал из него Ленин.

В. П. Конфликт возник между ЦК Компартии Грузии и Закавказским краевым комитетом партии. В конце 1921 года Мдивани и другие руководители Компартии Грузии выступили против вхождения в Закавказскую федерацию. Ленин тогда критиковал их за это. Пленум ЦК РКП(б) в октябре 1922 года признал необходимым создание Закавказской федерации. Тем не менее ЦК Компартии Грузии настаивает на самостоятельном вхождении в Союз ССР, минуя Закавказскую федерацию. Ленин снова поправляет Мдивани.

Затем ЦК Компартии Грузии выступил против проекта Сталина об «автономизации», приняв на своем заседании решение: «объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным». Эту позицию поддержал Ленин.

КОРР. Почему же в одном случае Ленин был против Мдивани, а в другом — за?

В. П. Некоторые исследователи этого вопроса делают попытку доказать, что Ленин, дескать, хотя и был

против группы Мдивани, но поддержал ее, так как считал, что «лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». Эти слова действительно принадлежат Ленину, но они никоим образом неприменимы к оценке его отношения к группе Мдивани осенью и зимой 1922—1923 года. Делать такие выводы — значит не понимать смысла и духа лининской статьи — этого решительного и бескомпромиссного боя с великодержавным шовинизмом, за последовательное проведение принципов интернационализма. Именно этим объясняется поддержка группы Мдивани, выступившей с критикой Заккрайкома и его руководителя Орджоникидзе, в вопросе об автономизации. В этой политической дискуссии Орджоникидзе, справедливо выступая против проявлений национализма, не проявил должной выдержки. Ведь дело дошло до того, что Орджоникидзе, будучи оскорблен одним из участников этой группы, ударил его. Вот как расценивает этот поступок Ленин:

«Орджоникидзе был властью по отношению ко всем остальным гражданам на Кавказе. Орджоникидзе не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались». И далее Ленин предлагает: «Нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говорю это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции), а также доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются».

КОРР. В связи с чем Ленин упоминает Дзержинского?

В. П. 25 ноября 1922 года Политбюро своим решением направило в Грузию комиссию во главе с Дзержинским. Ленина очень беспокоил «грузинский вопрос», и он, как это видно из Дневника дежурных секретарей, с нетерпением ждал возвращения Дзержинского. 12 декабря тот вернулся в Москву и сразу же имел продолжительную беседу с Владимиром Ильичем. Из этой беседы Ленин сделал предположение, что комиссия Дзержинского не проявила должного беспристрастия в расследовании «грузинского конфликта». Все эти сведения взяты из примечания к работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации» в 45-м томе Полного собрания сочинений Ленина. Жаль только,

что в этом примечании сквозит мысль, что группа Мдивани всегда была не права и Ленин всегда выступал против нее. Это не так. Приведу только письмо Ленина (кстати, его последнее письмо), которое он направил Мдивани и Махарадзе:

«Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.

С уважением Ленин

6-го марта 1923 г.»

Записку и речь Ленин подготовить не сумел. Помешало резкое ухудшение здоровья. Но письмо все же, как видим, продиктовать успел. Последнее, повторяю, письмо, которое он продиктовал в своей жизни.

Этот эпизод и имел в виду Сталин, когда спустя три года говорил на заседании расширенного пленума Исполкома Коминтерна: «Ленин не знал и не мог знать этих фактов, так как он болел, лежал в постели и не имел возможности следить за событиями». Далее Сталин называет этот инцидент «незначительным».

Как видно из всего предыдущего, Ленин внимательно следил за событиями, знал все подробности этого эпизода. Более того, ему пришлось, как это ни тяжело, как ни горько, извиняться за грубость и нетактичность товарищей по партии, которых он уважал, с которыми многие годы дружил. Да, ему было очень тяжело, но не потому, что он болел, а потому, что он вынужден был это сделать. Это был его долг. Долг пролетарского интернационалиста.

И нельзя никоим образом сводить содержание статьи «К вопросу о национальностях или об «автономизации» к «незначительному инциденту». Статья Ленина была направлена на укрепление союза социалистических республик, на строжайшее соблюдение принципов интернационализма.

КОРР. Как же сложилась судьба этого документа?

В. П. Ленин придавал ему большое значение и предполагал позднее опубликовать его в виде статьи. Однако 5 марта 1923 года наступило резкое обострение болезни.

16 апреля 1923 года Фотиева направила статью Ленина в Политбюро. На XII съезде РКП(б) эти записи, как и «Письмо к съезду», были оглашены по делегациям, но в печать не попали. Лишь спустя трид-

цать три года статья появилась в журнале «Коммунист». Тридцать три года понадобилось для того, чтобы читатели прочитали: «Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль».

Остается только добавить, что Ленин был решительным, принципиальным противником национализма — во всех его формах, во всех его проявлениях. Но Ленин тонко улавливал ту малозаметную грань, которая отделяет национальное самосознание от национализма. Ленин поддерживал национальное самосознание и решительно выступал против национализма. И так же решительно действовал, когда национальное самосознание переходило в национализм. Именно в этом — ленинская диалектика в отношении к национальному вопросу. Именно этой диалектике мы и должны учиться. Потому что корни национализма весьма и весьма живучи.

«Во сто крат быстрее»

КОРР. В работе «О кооперации» Ленин говорил, чтобы перейти к социализму, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому, добавлял Ленин, «как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас». Что Ленин понимал под «культурничеством», под культурным строительством?

В. П. Это не узкое понятие. Под «культурничеством» Ленин понимал повышение политической культуры, производственной культуры, грамотности, культуры демократии, культуры управления. Очень широкий спектр понятий вкладывал в это слово Ленин. Причем это понятие он разрабатывает во многих своих работах, в том числе и последних.

Культурному строительству вот в таком широком понимании посвящена работа «Странички из дневника».

КОРР. Очевидно, не случайно после таких работ, как «Письмо к съезду», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», Ленин диктует записи, которые потом, в редакции «Правды», обрели название «Странички из дневника»...

В. П. Да, конечно, не случайно. Ленин считал, что культура должна пронизывать все стороны жизни. И тогда «мы начнем наверняка двигаться во сто крат быстрее».

КОРР. Ленин был уверен в том, что молодая Советская страна вырвется из бескультурья. Откуда бралась такая уверенность? Ведь в начале этой статьи приводится таблица. Из нее видно, что в России 319 человек из тысячи были неграмотны в 1920 году, то есть треть населения...

В. П. Ленин прямо отвечает на этот вопрос:

«Нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас»;

«нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас»;

«нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас».

Вот в чем уверенность Ленина.

<>

Учиться демократии по Ленину. И здесь политическое завещание Ленина окажет нам неоценимую помощь. Ведь это самый надежный ключ к разрешению многих проблем, которые волнуют сегодня советское общество.

Беседу вел Л. КУРИН

Правда. 1988. 26 февр., 25 марта.

В. Рябов

В дни всенародной скорби...

По страницам «Отчета Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина)»

Телевизионная эпопея «В. И. Ленин. Страницы жизни», демонстрировавшаяся по Центральному телевидению в январе 1988 г., вызвала сильный отзвук в сердцах советских людей. Наши читатели, телезрители, посмотрев заключительный фильм «Горестный январь двадцать четвертого», просят подробнее рассказать о трагических днях, о тех, кто провожал В. И. Ленина в последний путь, об откликах на его кончину, свидетельствовавших о всенародном горе и решимости советских людей продолжать дело Ленина, выполнять его заветы.

Публикуемый материал поможет воссоздать страницы истории, относящиеся к этим дням всенародной скорби.

«...Всю свою жизнь, от ее сознательного начала до последнего мученического вздоха товарищ Ленин отдал до конца рабочему классу. Не было и нет человека, который так глубоко был бы предан своему делу, как Ленин, не знавший в своей прекрасной жизни ничего, кроме интересов партии, пролетариата, коммунистической революции. Не было и нет человека, который имел бы такое глубочайшее чувство своей ответственности, как он. Нечеловеческая, неудержимая жажда работы, неустанная мысль, беспощадная растрата своей энергии сломили этот богатырский организм и погасили навсегда жизнь любимейшего из любимых — нашего Ильича.

Но его физическая смерть — не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина» [1]. Это слова из Обращения ЦК РКП(б) «К партии. Ко всем трудящимся», опуб-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984, с. 179.

ликованного в экстренном выпуске газет «Правда» и «Известия» 23 января 1924 г. В дни всенародной скорби и присяги на верность заветам Ильича.

День 21 января 1924 г. все дальше уходит в историю. Все меньше остается участников и очевидцев тех событий. Но все больше и больше растет интерес к тому времени, к личности Владимира Ильича, жизни его соратников. Об этом ярко свидетельствуют письма-отклики советских людей на телевизионную эпопею и особенно на ее заключительный фильм, где впервые по телевидению были показаны уникальные кадры кинохроники, рассказывающие о прощании советских людей с Лениным. Надо сказать еще, что «за кадром» осталось более трех четвертей отснятой пленки.

Письма телезрителей, их просьбы побудили нас обратиться к давно ставшему библиографической редкостью источнику — «Отчету Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина)» [2], опубликованному в 1925 г. В приложении к отчету помещены другие документы Комиссии. Книга представляет собой уникальное издание, дающее богатый материал для изучения истории нашей страны и КПСС.

Отчет открывается вступительным словом от Комиссии, строки которого и сейчас нельзя читать без волнения: за некоторой сухостью изложения в них чувствуются невосполнимая боль утраты и трагичность момента, ощущаются сила духа и решимость трудящихся выполнить заветы вождя, подчеркивается величие сделанного Лениным. Чтобы у читателя создалось более полное впечатление об этом издании, приведем выдержку из вступления: «Само собой разумеется, что ...организационная сторона кратко охватывается данным изданием лишь в некоторой ее части, именно в той, которая с самого начала была централизована около Президиума ЦИК СССР. ...В нем не нашла отражения великая организованная самодисциплина, проявленная массами в те глубоко скорбные, но и высоко торжественные дни. А между тем только она и дала возможность пропустить около гроба Владимира Ильича

---

[2] См. Отчет Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина). 1924. 21.1.1925. М., 1925 (далее ссылки на страницы книги даются в тексте без указания названия).

от 900 000 до 1 000 000 человек, несмотря на крайне тягостные условия: краткость времени и упорные жестокие морозы, стоявшие в конце января.

Наконец, представляя сборник очерков отчетного характера, настоящее издание не могло отразить настроений, которые оживают в нас при каждом напоминании о тех днях и которые сделали их незабвенными и для нашего Союза, и для всего мира. Эти переживания так глубоки и так неизгладимы, что всякий чувствует и сознает, насколько бессильно слово для их выражения. Члены Комиссии, избранной Президиумом ЦИК СССР, ясно видят, как противоречит и общему чувству, и действительным соотношениям само ее название: «Комиссия по увековечению памяти В. И. Ленина». Никакая комиссия, никакие памятники и мавзолеи, никакие издания ничего не привнесут к увековечению памяти великого вождя мировой революции, который своей деятельностью увековечил свое имя на тысячелетия. Всякие комиссии, всякие памятники, всякие издания — все это бесконечно далеко отстоит от тех чувств, которые питают к великому организатору великой революции XX века угнетенные во всем мире и всегда будет питать все человечество, когда оно освободится от всякого гнета и эксплуатации.

Ни перечни телеграмм, ни списки венков, ни подписи на них не дают представления о том отклике, который смерть Владимира Ильича нашла и в рабочем классе и крестьянстве нашего Союза, и в пролетариате промышленных стран, и среди колониальных рабов европейско-американского капитала.

Чем дальше мы отходим от этих событий, тем грандиознее обрисовывается перед нами великое дело жизни В. И. Ленина и тем мельче, несоизмеримее с этим делом кажется нам самим все, чем мы отмечаем наши воспоминания о Владимире Ильиче.

В дни января 1924 года, когда мы лишились Ленина, миллионы и десятки миллионов людей с небывалой ясностью почувствовали, как велик его жизненный подвиг и как велико, неисчерпаемо оставленное им наследство, в котором воплотились его мысли и его деятельность.

Для нас дорого все, что связано с великим вождем, и дорого все, что снова и снова оживляет те чувства, с которыми мысль миллионов и миллионов угнетенных

во всем мире устремлялась к Москве в торжественные и скорбные дни января 1924 года.

Как слабое напоминание об этих днях, как бледный их отголосок — настоящее издание находит для себя известное оправдание» (с. 3—4).

Это было написано в 1925 г. Рана была еще открытой, незаживающей...

Пройдем теперь по страницам этой интереснейшей книги, чтобы восстановить события января 1924 г., атмосферу глубокой скорби и уверенности в будущем, вспомнить имена тех, кто был у гроба Ленина в те горестные дни. В настоящем сообщении использованы и материалы, опубликованные в некоторых других изданиях.

* *
*

В своем слове, напечатанном в «Известиях» от 27 января 1924 г., Лариса Рейснер сказала: «Не надо ничего замазывать. Все мы знаем, что есть завтра, и во имя этого завтра надо жить. Но сегодня — горе».

Как известно, В. И. Ленин скончался в 6 часов 50 минут вечера 21 января в Горках [3]. А в 19 часов М. И. Ульянова из Горок сообщила об этом в Москву. Вечером этого же дня И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев и М. П. Томский прибыли в Горки на автосанях [4].

В 10 часов вечера в Кремле на квартире А. С. Енукидзе собрались В. М. Молотов, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев, В. А. Аванесов и др. Здесь же и были намечены первые мероприятия по организации похорон В. И. Ленина. В Горки выехали 50 рабочих, избранных от районов столицы, для несения почетного караула.

Ночью 22 января, в 2 часа 15 минут, члены Политбюро ЦК вернулись из Горок и собравшийся срочно Пленум ЦК РКП(б) утвердил первые мероприятия по организации похорон. Был составлен общий план дальнейших действий.

Пленум принял упомянутое выше Обращение

---

[3] В статье Н. И. Бухарина «Памяти Ленина» (Правда, 21 января 1925 г.; перепечатана в «Правде» 12 февраля 1988 г.) рассказывается о том, что автор находился в Горках в момент смерти В. И. Ленина, был рядом с ним в последнюю минуту.

[4] Имена здесь и во всех остальных случаях приводятся в том же порядке, как в «отчете Комиссии ЦИК СССР...».

ЦК РКП(б) «К партии. Ко всем трудящимся». «Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг... Никакие силы в мире не помешают нашей окончательной победе. Эта победа будет самым лучшим памятником товарищу Ленину...» [5] — говорилось в Обращении.

В ночь на 22 января 1924 г. (в 3 часа 40 минут) Президиум ЦИК СССР избрал Комиссию по организации похорон Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и РСФСР В. И. Ленина в следующем составе: Ф. Э. Дзержинский (председатель), К. Е. Ворошилов, А. С. Енукидзе, И. А. Зеленский, В. М. Молотов, Н. И. Муралов, М. М. Лашевич, В. Д. Бонч-Бруевич. Затем комиссия пополнила свой состав В. А. Аванесовым, Т. В. Сапроновым и Л. Б. Красиным.

Деятельность этой комиссии нуждается еще в дальнейшем исследовании. В 1974 г. была опубликована статья А. Н. Шефова о ее работе [6], но «Отчет Комиссии ЦИК СССР...» использовался в ней сравнительно мало.

Несколько слов о работе комиссии. Занималась она организационными делами, связанными с похоронами В. И. Ленина. Для более быстрого решения многочисленных вопросов комиссия образовала исполнительную тройку (В. М. Молотов, А. С. Енукидзе и Л. Б. Красин) и несколько подкомиссий, которые, впрочем, тоже именовались комиссиями (агитационная, оперативная, художественная, техническая, по организации почетного караула у гроба В. И. Ленина, по возложению венков, по внутреннему распорядку в Доме союзов, по приему и размещению делегаций с мест, по постройке склепа В. И. Ленина, по охране порядка в г. Москве и др.) [7].

[5] КПСС в резолюциях и решениях.., т. 3, с. 178, 180.

[6] См. *Шефов А. Н.* О деятельности Комиссии по увековечению памяти В. И. Ленина (1924—1926 гг.) — Вопросы истории КПСС, 1974, № 2, с. 86—90.

[7] 28 марта 1924 г. Президиум ВЦИК СССР переименовал Комиссию ЦИК СССР по организации похорон В. И. Ульянова (Ленина) в Комиссию ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина) (см. Отчет Комиссии ЦИК СССР., с. 35). 11 июня 1926 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о ликвидации Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина) и передаче ее функций и прав Институту В. И. Ленина (см. Известия, 12 июня 1926 г.).

Рано утром 22 января мир узнал о кончине В. И. Ленина из извещения по радио. А вечером вышли экстренные выпуски «Правды», «Известий» и «Рабочей Москвы». Президиум Московского Совета отменил все спектакли, киносеансы, концерты и т. д. с 22 по 27 января.

На утреннем заседании XI Всероссийского съезда Советов 22 января было принято постановление об объявлении 21 января днем траура, о воззвании к населению в связи со смертью Владимира Ильича, о направлении соболезнования семье Владимира Ильича (см. с. 51). Было решено прервать работу съезда и направить в Горки членов его Президиума для несения почетного караула у гроба В. И. Ленина и сопровождения гроба в Москву. Ответственным руководителем делегации был назначен член ЦИК СССР А. В. Шотман, а в ее состав входили в основном беспартийные крестьяне, представлявшие самые разные регионы страны — Владимирскую губернию и Дальневосточную область, Туркестан и Уральскую область, Самарскую губернию и Дагестан, Царицынскую губернию и Карачаево-Черкесскую область и др. До прибытия рабочих из Москвы и делегатов съезда, членов ЦИК и ВЦИК вахту почетного караула у гроба несли жители близлежащих деревень. Проститься с вождем приходили крестьяне, учащиеся.

22 января в 12 часов дня проф. А. И. Абрикосовым было произведено вскрытие тела В. И. Ленина. При этом присутствовали нарком здравоохранения Н. А. Семашко, а также профессора и врачи О. Ферстер, В. П. Осипов, А. А. Дешин, Б. С. Вейсброд, В. В. Бунак, В. Н. Розанов, Ф. А. Гетье, П. И. Елистратов, В. А. Обух.

В «Отчете Комиссии ЦИК СССР» приводятся слова из протокола вскрытия: «Данные вскрытия, а также история болезни устанавливают, что единственной основой болезни покойного Владимира Ильича является распространенный резко выраженный и давний склероз сосудов мозга, явившийся последствием чрезмерной мозговой деятельности, в связи с наследственным предрасположением к склерозу. Вследствие сужения просветов артерий мозга и нарушения его питания, в зависимости от недостаточного притока крови, развивались очаговые симптомы болезни (параличи, расстройства речи). Непосредственной причиной

смерти явилось усиление расстройства кровообращения в головном мозгу и кровоизлияние в область четверохолмия» (с. 7—8).

Первыми практическими шагами Комиссии по организации похорон стали: подготовка специального поезда для перевозки тела В. И. Ленина из Горок в Москву, на Павелецкий вокзал, установление порядка шествия от вокзала до Дома союзов, организация приема делегаций, приезжающих с мест на траурную церемонию, организация фото- и киносъемок различных моментов, связанных с похоронами В. И. Ленина. Комиссия оповестила население Москвы, что специальный траурный поезд прибудет из Горок на Саратовский (Павелецкий) вокзал в 1 час дня 23 января. Кроме делегаций, никто в район вокзала не допускался.

Доступ в Колонный зал Дома союзов, где предполагалось установить гроб с телом В. И. Ленина, намечалось открыть с 7 часов вечера 23 января. День похорон не был еще установлен. Члены ЦК и другие товарищи утром 23 января вынесли из помещения гроб с телом В. И. Ленина и около четырех верст (от Горок до станции Герасимово) несли его на руках. В процессии участвовало до 5 тыс. крестьян (см. с. 10).

...Горки провожали Ленина. Целые периоды его жизни, многие события связаны с этим подмосковным местечком. Впервые Владимир Ильич приехал сюда 25 сентября 1918 г.[8] для отдыха и продолжения лечения после тяжелого ранения. Затем он нередко посещал это место в выходные дни, в период отпусков, находился здесь во время болезни. В общей сложности Ленин прожил в Горках около трех лет[9]. Во время

---

[8] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. М., 1975, с. 145.

[9] В июле 1938 г. было принято решение ЦК ВКП(б) об организации в Горках Дома-музея В. И. Ленина, который открылся для массового посещения в январе 1949 г. В 1972 г. ЦК КПСС принял решение о создании Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» с охранной зоной. Мемориальная экспозиция музея включает сейчас около 6 тыс. подлинных вещей и предметов.

На территории заповедника работают Музей В. И. Ленина в деревне Горки (открыт в 1983 г.), Музей школы «Памяти В. И. Ленина» (открыт в 1981 г.). Восстановлена и отреставрирована станция Герасимово, с которой в январе 1924 г. траурный поезд доставил в Москву тело В. И. Ленина.

Ежегодно объекты заповедника посещают более 450 тыс. человек, в том числе Дома-музея В. И. Ленина в Горках до 300 тыс.; примерно треть из них — гости, туристы практически из всех стран мира.

пребывания в Горках Владимир Ильич занимался разработкой ключевых проблем марксистской теории, планов социалистического и коммунистического строительства. Именно здесь им написаны многие теоретические работы, сотни писем, записок. В Горках он готовился к X и XI съездам партии, к VIII, IX, X Всероссийским съездам Советов, ко II и III конгрессам Коммунистического Интернационала, встречался и беседовал с соратниками, делегациями рабочих, крестьянами...

Во втором экстренном выпуске газет «Правда» и «Известия», вышедшем в 11 часов дня 23 января, Комиссия по организации похорон В. И. Ленина объявила, что всем желающим проститься с Владимиром Ильичем будет предоставлена такая возможность. Население призывалось к строжайшему порядку и дисциплине во избежание опасной давки и несчастных случаев.

В среду 23 января «Правда» и «Известия» опубликовали, помимо процитированного выше Обращения ЦК РКП(б) «К партии. Ко всем трудящимся», Воззвание Исполкома Коминтерна «Ленин — наш бессмертный вождь». В этих документах дана оценка величия Ленина, его заслуг, подчеркивался трагизм момента, и вместе с тем выражалась твердая уверенность в правоте дела коммунизма, дела Ленина. Воззвание Исполкома Коминтерна заканчивалось следующими словами: «Мы обращаемся к миллионам наших товарищей по борьбе во всем мире с призывом: следуйте заветам Ленина, которые продолжают жить в его партии и во всем, что создано трудом его жизни. Боритесь, как Ленин, и как Ленин вы победите» (с. 55). Среди подписавших воззвание членов Исполкома Коминтерна его председатель Г. Зиновьев, Н. Бухарин, К. Радек, К. Цеткин, В. Коларов, О. Куусинен и др.

Траурный поезд с гробом В. И. Ленина прибыл на Павелецкий вокзал ровно в 1 час дня 23 января. Его встречали представители рабочих организаций, делегаты II Всесоюзного и XI Всероссийского съездов Советов, члены правительства, ЦК РКП(б). Под звуки похоронного марша в исполнении военных оркестров в 1 час 30 минут процессия направилась к Дому союзов. «Всю дорогу гроб несли на руках рабочие, делегаты съездов Советов, члены ЦК РКП, члены ЦИК Союза ССР, члены правительства, члены Реввоенсовета Союза ССР, члены Исполкома Коминтерна, члены Президиума ВЦСПС, члены ЦКК, МК и МКК РКП,

члены ЦК и МК РКСМ, члены Исполкома Моссовета и т. д. ...Непосредственно за гробом следовали члены семьи Владимира Ильича...» (с. 11).

Путь пролегал по Зацепскому валу, Кузнецкой улице, Климентовскому переулку, Пятницкой улице, Балчугу, Москворецкой улице, Красной площади, проезду Исторического музея у Кремлевской стены, по площади Революции, площади Свердлова. Колонна людей растянулась на несколько километров.

В 2 часа 45 минут процессия прибыла к Дому союзов, и гроб установили на специально приготовленном катафалке посреди Колонного зала. Согласно определенному комиссией и опубликованному порядку был выставлен почетный караул. Колонный зал открылся для прощания в точно установленное и заранее объявленное время — в 7 часов вечера 23 января. В первую очередь проходили делегации рабочих, красноармейцев, студентов и учащихся, а в промежутках между ними — остальные граждане, не связанные с той или иной организацией. От каждого района Москвы проходило в час от 700 до 1500 рабочих с 12 часов дня до 12 часов ночи (см. с. 12—13). С 5 до 10 часов утра прощались с вождем воинские части, с 10 до 12 часов дня — школьники, пионеры, с 12 ночи до 5 часов утра — студенты вузов. В час проходило от 15 до 25 тыс. человек. «Всего с 23 по 26 января включительно прошло от 900 тыс. до 1 миллиона человек» (с. 13).

Несмотря на предупреждение, которое комиссия направила всем губкомам и губисполкомам, о сокращении всяких делегаций, о трудностях приема и размещения их в Москве, только за три дня приехало для прощания с В. И. Лениным несколько тысяч делегаций из 38 губерний, автономных республик и областей Союза ССР. Причем в составе делегаций преобладали крестьяне и рабочие, было немало стариков, женщин с грудными младенцами. И каждый из них стремился прежде всего попасть в Колонный зал, чтобы проститься с Ильичем.

В дни прощания с Лениным в Москве стояли сильные морозы — от 25 до 30°. Но, несмотря на стужу, десятки тысяч людей часами ждали на улицах и площадях своей очереди. Рядом с Колонным залом был открыт врачебный пункт для заболевших и пострадавших от мороза. С 23 по 26 января в пункт было направлено 992 человека, из них десять госпитализи-

ровано, остальным оказана амбулаторная помощь. В ночь на 27 января в связи с понижением температуры была организована скорая медицинская помощь на улицах и в районах Москвы. Только за одну ночь и утро 27 января помощь получили 3186 человек. Преобладали случаи обморожения, ушибов, ранений, обмороков, истерии.

«Все привлеченные к этой работе лица: врачи, сестры милосердия, шоферы и т. д.— с величайшими преданностью и усердием, вообще характерными для этих дней особого нервного подъема, выполняли свое трудное дело» (с. 14).

24 января «Правда» опубликовала статьи о В. И. Ленине: Н. Бухарина «Товарищ», Л. Каменева «Великий мятежник», Л. Троцкого «Ленина нет...» (передана по телеграфу с вокзала из Тифлиса) [10], Г. Зиновьева «Кончина Ленина и задачи ленинцев», а также статьи Е. Ярославского, В. Карпинского, К. Цеткин, В. Коларова и др.

Н. И. Бухарин в своей статье писал: «Умер Ленин. Мы уже никогда не увидим этого громадного лба, этой чудесной головы, из которой во все стороны излучалась революционная энергия, этих живых, пронизывающих, внимательных глаз, этих твердых, властных рук, всей этой крепкой, литой фигуры, которая стояла на рубеже двух эпох в развитии человечества. Точно разрушилась центральная станция пролетарского ума, воли, чувства, которые невидимыми токами переливались по миллионам проводов во все концы нашей планеты, где бьются сердца рабочих, где куется сознание великого класса, где точится оружие его освободительной борьбы» [11].

Страницы газет были заполнены письмами, телеграммами с выражением соболезнования и скорби в связи с кончиной В. И. Ленина. Выступали рабочие и крестьяне, ученые и писатели, художники и ветераны партии. Мысли о Ленине, о понимании ленинизма, вера в дело партии Ленина, воспоминания и штрихи к портрету Ленина — все это зримо ощущаешь, листая страницы «Правды», «Известий» «Красной звезды», «Крас-

[10] Л. Д. Троцкий находился в это время в Сухуме в отпуске, он был сразу же поставлен в известность о смерти В. И. Ленина, однако на похороны не приехал.

[11] У великой могилы. М., 1924, с. 25.

ного воина», «Гудка», «Бедноты», «Рабочей Москвы», «Труда» и других изданий за январь 1924 г.

На страницах газет и журналов прозвучали также замечательные слова о Ленине Бернарда Шоу, Генриха Манна, Томаса Манна, Ромена Роллана, Анри Барбюса и многих других прогрессивных писателей Запада.

Интересно, что откликнулся на смерть В. И. Ленина и Карл Каутский. Он писал в те дни: «...Вследствие наших разногласий по существу он (В. И. Ленин.— Ред.) лично резко нападал на меня, и еще больнее были для меня нападки на все те элементы, также социалистические, которые расходились с воззрениями Ленина. Но в момент смерти мы должны оценить всего человека... и все личное должно замолчать. Наши разногласия не должны делать нас слепыми к величию усопшего. Он был колоссальной фигурой, каких мало в мировой истории» [12].

Только в течение первых двух дней (22 и 23 января) было получено около 300 телеграмм и соболезнований от рабочих и работниц фабрик и заводов, крестьянских собраний, 121 — от профессиональных организаций, 141 — от партийных и комсомольских организаций, 41 — от иностранных правительств, советских представительств и учреждений за границей, 36 — от красноармейских частей, флота и воздухофлота, 172 — от объединенных собраний (общественных, партийных и советских организаций и граждан), 19 — от национальных компартий и ЦИК автономных республик, 14 — от кооперативных объединений, коммун, артелей, товариществ, 9 — от духовенства и религиозных обществ, 92 — от исполкомов, съездов Советов, советских учреждений и организаций, 18 — от профессуры, школьных коллективов и учащихся учебных заведений (см. с. 30).

29 января 1924 г. «Правда» опубликовала ответ Н. К. Крупской на многочисленные выражения сочувствия по поводу кончины В. И. Ленина. «Товарищи, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки! — писала она.— Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д.— всему этому он придавал при жизни так мало значения,

[12] Там же, с. 383.

так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича,— устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д., и самое главное,— давайте во всем проводить в жизнь его заветы» [13].

Исключительную по объему работу выполнила образованная Комиссией ЦИК комиссия по организации почетного караула у тела В. И. Ленина. В нее входили: В. А. Аванесов, Бела Кун, И. Н. Крайнев, А. Д. Садовский, Э. М. Склянский и Ф. М. Сенюшкин.

В связи со стремлением делегаций исполнить последний долг и отдать последние почести любимому вождю почетный караул увеличивался до 8—12 человек, а смены, производившиеся сначала каждые 15—10 минут, были сокращены до 5 минут, а в отдельных случаях даже до 3 минут в зависимости от количества прибывавших делегаций.

Через почетный караул у гроба Владимира Ильича прошли 9300 человек, из них 82% составляли рабочие и крестьяне. В перечне делегаций от рабочих и крестьян — сотни заводов, фабрик, деревень и поселков со всей огромной страны. Члены ЦК РКП(б) входили в состав почетного караула постоянно.

В книге приводится состав почетного караула у гроба в Горках и во время перенесения тела из Горок на станцию. Среди тех, кто входил в него, были члены и кандидаты в члены ЦК РКП(б): И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, М. И. Калинин, Н. И. Бухарин, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак, В. М. Молотов, А. П. Смирнов, С. М. Киров, А. И. Микоян, Г. Л. Пятаков, А. Д. Цюрупа, А. Е. Бадаев, А. С. Бубнов, А. Ф. Мясников, М. Д. Орахелашвили, Г. Я. Сокольников, М. М. Лашевич [14] (см. с. 59).

В момент прибытия гроба на Павелецкий вокзал в почетный караул под руководством А. С. Енукидзе от ЦК РКП(б) входили Ф. Э. Дзержинский, К. Е. Ворошилов, И. А. Зеленский. Вместе с представителями ЦИК СССР, СНК СССР и РСФСР, народными комиссарами и представителями других организаций они

---

[13] Там же, с. 354.

[14] Такой порядок имен указан также в сборнике «У великой могилы», с. 14.

встречали и переносили гроб из вагона на площадь для дальнейшего следования в Дом союзов.

В почетный караул для приема гроба и для внесения в Дом союзов от ЦК РКП(б) входили А. А. Андреев, П. А. Залуцкий, И. А. Зеленский, Н. П. Комаров, И. И. Коротков, Н. А. Кубяк, Д. З. Мануильский, В. М. Михайлов, Г. И. Петровский, К. Радек, А. И. Рыков, К. В. Уханов, М. В. Фрунзе, В. Я. Чубарь, Н. Н. Колотилов, И. И. Лепсе, И. М. Москвин, Н. Н. Нариманов, И. П. Румянцев, Н. А. Скрыпник, М. Е. Урываев, М. С. Чудов (см. с. 60).

Вот некоторые подробности, характеризующие обстановку в Колонном зале Дома союзов. «Обе колонны,— говорится в Отчете Комиссии ЦИК СССР,— от входов в Дом Союзов по лестницам и коридорам двигались параллельно, по четыре-пять человек в ряду каждой колонны. При входе в Колонный зал обе колонны разделялись: одна огибала гроб слева, другая — справа и далее, снова сливаясь, двигались к выходу опять параллельно в одном направлении. Бесконечной вереницей протекали колонны рабочих, крестьян, работниц, детей и войсковых частей через Колонный зал. Оркестр Большого театра под управлением Н. А. Федорова и Н. С. Голованова или хор исполняли революционные гимны и похоронный марш. Многие из пришедших отдать последний долг своему вождю, не справившись с нервами, падали в обморок или начинали истерически рыдать и вскрикивать. Была организована медицинская помощь. Приняты были меры с той целью, чтобы проходящие в колоннах крепились, не утрачивали самообладания...» (с. 17).

С момента установления гроба в Колонном зале Дома союзов члены и кандидаты в члены ЦК становились в почетный караул по четыре человека в следующем порядке (с интервалом в 10 минут 23 января): А. А. Андреев, Н. И. Бухарин, К. Е. Ворошилов, Ф. Э. Дзержинский; Г. Е. Евдокимов, П. А. Залуцкий, И. А. Зеленский, Г. Е. Зиновьев; М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, Э. И. Квиринг, С. М. Киров; Н. П. Комаров, И. И. Коротков, Н. А. Кубяк, М. М. Лашевич; Д. З. Мануильский, А. И. Микоян, В. М. Михайлов, В. М. Молотов; Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, Г. Л. Пятаков, К. Радек; Х. Г. Раковский, Я. Э. Рудзутак, А. И. Рыков, А. П. Смирнов; Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Д. Е. Сулимов, М. П. Томский; Н. А. Уг-

ланов, К. В. Уханов, М. В. Фрунзе, М. М. Харитонов; А. Д. Цюрупа, Б. Я. Чубарь, А. Е. Бадаев, А. С. Бубнов; С. В. Косиор, Л. М. Каганович, Н. Н. Колотилов, Д. З. Лебедь; И. И. Лепсе, И. Т. Морозов, И. М. Москвин, А. Ф. Мясников (см. с. 60—61).

Состоявшийся в эти дни II съезд Советов СССР принял 26 января Обращение к трудящемуся человечеству. «Мы потеряли в Ленине,— говорилось в нем,— главного капитана нашего корабля. Эта потеря незаменима. Ибо во всем мире не было такой светлой головы, такого громадного опыта, такой непреклонной воли, какие были у Ленина. Но мы бесстрашно смотрим в грядущее» [15].

На заседании съезда, посвященном памяти В. И. Ленина, выступили М. И. Калинин, Н. К. Крупская, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, К. Цеткин, М. П. Томский, Ша-Абдурасулев (от народов Туркестана), А. Б. Краюшкин (от беспартийных крестьян), А. Н. Сергеев (от завода «Красный путиловец»), Н. Н. Нариманов, Зверева (от Трехгорной мануфактуры), Л. Б. Каменев, академик С. Ф. Ольденбург (от ученых), К. Е. Ворошилов, П. И. Смородин, А. И. Рыков.

В тот же день II съезд Советов Союза ССР принял ряд важнейших постановлений. Было решено установить памятники В. И. Ленину в Москве, Харькове, Тифлисе, Минске, Ленинграде и Ташкенте. Постановлением «Об издании сочинений В. И. Ленина» предусматривались срочные меры «к выпуску доступных народу избранных сочинений В. И. Ленина в миллионах экземпляров на различных языках, в особенности на восточных, с тем чтобы в первую очередь были изданы те сочинения, которые имеют особенно важное значение для широких слоев рабочих и крестьян». Институту В. И. Ленина было поручено подготовить и выпустить «полное собрание сочинений тов. Ленина в строго научном духе» [16].

Съезд Советов счел «вполне справедливым удовлетворить просьбу Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, поддержанную резолюциями рабочих всех фабрик и заводов Петрограда, о переименовании города Петрограда в Ленинград» [17].

---

[15] Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет. М., 1924, с. 57.

[16] Там же, с. 52.

[17] Там же, с. 55.

С этого времени колыбель пролетарской революции навечно связана с именем Владимира Ильича.

Еще один документ II съезда Советов СССР, который находит отклик в наших сердцах. «Создать при ЦИКе Союза ССР специальный фонд имени В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям, в особенности жертвам гражданской войны и голода» [18]. Так записал съезд в специальном постановлении. Сегодня спустя более полувека давно уже нет беспризорников. Но есть еще «трудные» семьи, есть брошенные дети, есть необходимость прийти им на помощь. Так возник осенью 1987 г. Советский детский фонд имени В. И. Ленина, истоки которого, как видим, берут начало в далеком 1924-м.

В траурные дни в рабочих массах родилась мысль сохранить тело Ленина, построив для этого специальный склеп. За 23—25 января комиссия получила тысячи телеграмм и заявлений с разных концов страны с такими предложениями. 24 января Президиум ЦИК Союза ССР принял следующее решение: «Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями к ЦИК Союза ССР, и в целях предоставления всем желающим, которые не успеют прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР п о с т а н о в л я е т:

1. Гроб с телом В. И. Ленина сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения;

2. Склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братских могил борцов Октябрьской революции» [19].

Была образована специальная Комиссия по устройству склепа, в которую вошли В. Д. Бонч-Бруевич, Т. В. Сапронов и И. В. Цивцивадзе. В крепчайший мороз, в удивительно короткие сроки были разработаны проект и план постройки склепа, проведены сложнейшие земляные, плотницкие и отделочные работы. Сооружение склепа было закончено рано утром 27 января, правда, в несколько сокращенном варианте по сравнению с первоначальным планом. Напряжение было велико. Достаточно сказать, что после земляных работ на сооружение самого склепа оставалось всего 12 часов.

---

[18] Там же, с. 53.
[19] Там же.

27 января, в воскресенье, в 8 часов 50 минут в Колонном зале оркестр Большого театра исполнил «Интернационал». Гроб с телом В. И. Ленина вынесли из Дома союзов, и процессия через площадь Свердлова, площадь Революции направилась к специальному деревянному помосту, сооруженному на Красной площади.

Главным руководителем процессии похорон был назначен член ЦИК СССР М. М. Лашевич. Был установлен следующий порядок шествия процессии: впереди гроба — представители организаций, которые несли венки и знамена, за ними оркестр. За гробом следовали члены семьи В. И. Ленина, почетный караул ЦК РКП(б), члены Исполкома Коминтерна, члены ЦКК, ЦИК Союза ССР и СНК Союза ССР, члены дипломатического корпуса, Реввоенсовета, представители союзных республик. Затем — Президиум ВЦСПС и МГСПС, Президиум Моссовета, Бюро МК РКП(б) и Президиум МКК, Бюро ЦК и МК РКСМ, Бюро Профинтерна... (см. с. 77).

От имени II Всесоюзного съезда Советов заместитель председателя Петроградского Совета Г. Е. Евдокимов оглашает «Обращение к трудящемуся человечеству».

В 15 часов 55 минут с гроба снимаются покрывавшие его знамена ЦК РКП(б) и Коминтерна (см. с. 34). В это же время был произведен военный салют на всей территории страны; заводы и фабрики в течение трех минут салютовали гудками. Приостановлено на 5 минут было всякое движение транспорта, а также работа учреждений и предприятий, «кои по роду своей деятельности эту работу в воскресенье производят и кои по техническим условиям могут быть приостановлены» (с. 70). Мимо могилы проходят москвичи и представители со всех концов страны.

Весь мир был извещен по радио о моменте похорон В. И. Ленина. Все, кто пришел на Красную площадь проводить Владимира Ильича в последний путь, поют «Вы жертвою пали».

На могилу В. И. Ленина за дни похорон был возложен 821 венок, из них 294 от рабочих, 50 — от партийных организаций, 78 — от крестьян, 48 — от профсоюзов, 10 — от организаций РКСМ и т. д.

Комиссия по увековечению памяти В. И. Ленина провела огромную работу. Она заседала 19 раз, заслу-

шала 277 вопросов, а ее Исполнительная тройка — 141 вопрос. Среди них вопросы о сохранении тела Владимира Ильича, об окончании постройки временного Мавзолея и о выработке проектов постоянного Мавзолея В. И. Ленина, об урегулировании производства и распространения скульптур, картин и других произведений с изображением Владимира Ильича и посвященных его памяти.

Секретарь Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе говорил: «Могила Владимира Ильича — это единственная могила, к которой никогда не зарастет путь, и можно смело сказать, что она будет посещаться во все времена» (с. 48). Прошедшие с той поры 64 года подтвердили правоту этих слов...

Состоявшийся в мае 1924 г. XIII съезд РКП(б) принял решение считать открытым Институт В. И. Ленина. Съезд обратился ко всем организациям партии, отдельным коммунистам, к братским компартиям всех стран с призывом помочь Институту в сборе материалов, относящихся к жизни и деятельности В. И. Ленина. В Институте В. И. Ленина сосредоточивались все ленинские рукописи, письма, заметки, оригиналы его фотографий и другие материалы, а также все без исключения литературные произведения, относящиеся к В. И. Ленину.

Институт В. И. Ленина создавался как база изучения и распространения ленинизма среди широких партийных и беспартийных масс. Съезд определил главную его задачу — «вполне научное и самое тщательное издание Полного собрания сочинений Ленина и подготовку ленинской библиотеки для более широких масс рабочих из избранных произведений В. И. Ленина на языках всех народностей, населяющих СССР» [20].

Шестой пункт этого постановления XIII съезда гласил: «Съезд обязывает ЦК РКП и местные партийные организации настойчиво следить за тщательным изданием всех литературных произведений В. И. Ленина и всего, что печатается о Ленине» [21].

Ленинские дни... Каждый год советские люди, все прогрессивное человечество отмечали их. Сначала это

---

[20] КПСС в резолюциях и решениях..., т. 3, с. 284.
[21] Там же.

были январские дни скорби [22]. Постепенно боль утраты притуплялась, оставалось горячее чувство благодарности и стремление следовать ленинским заветам.

«Товарищи, пять лет назад, в ясный зимний день отошел от нас гений пролетарской революции. Многим из нас выпало на долю счастье работать вместе с этим человеком, этим железным «Стариком», как мы его называли, вождем, революционером, ученым. Через пять лет после его кончины, после проверки его заветов жестоким опытом жизни мы больше, чем когда бы то ни было, с большей горячностью, с бóльшим упорством и с бóльшим знанием действительности подымем наши красные стяги, чтобы идти *вперед и вперед!*» [23]. Этими словами закончил доклад «Политическое завещание Ленина» на траурном заседании, посвященном пятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина в 1929 г., Н. И. Бухарин.

Теплые, проникновенные слова. Они как бы возвращают нас в холодный январский день прощания с Лениным. Точно так же, как и показанная по Центральному телевидению эпопея. Советские люди хотят больше знать о Ленине, ярче увидеть его многогранный образ, глубже постичь его бессмертные идеи.

---

[22] До 1955 г. День памяти В. И. Ленина отмечался 21 января. Согласно постановлению ЦК КПСС «О дне памяти В. И. Ленина» от 4 января 1955 г. День памяти В. И. Ленина стал отмечаться в день его рождения — 22 апреля (см. КПСС в резолюциях и решениях.., т. 8. М., 1985, с. 453—454).

[23] *Бухарин Н.* Политическое завещание Ленина.— Коммунист, 1988, № 2, с. 102.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 5. С. 98—108.

А. Колесниченко, В. Лельчук

Шаги индустриализации

Шел девятый год Советской власти... Как всегда шумели и потрескивали на морозе вековые сосны на горе Магнитной. Редкие караваны верблюдов неторопливо брели по трассе будущего Турксиба. Дремал подо льдом Днепр, копя силы для весеннего броска через пороги. Мела поземка по безлюдным степям Центрального Казахстана... На биржах труда зарегистрировано почти полтора миллиона безработных, около половины населения СССР не умело читать и писать, далеко не в каждой деревне можно было встретить человека, видевшего трактор или автомобиль...

В эти декабрьские дни 1925 года в Москве начал работу XIV съезд партии. Съезд, вошедший в нашу историю как съезд индустриализации.

У ее истоков стоял В. И. Ленин. Индустриализацию он понимал как двуединый процесс превращения страны земледельческой в страну с преобладанием промышленного производства при одновременном росте рабочего класса. Еще в дооктябрьских работах Владимир Ильич сделал вывод: Россия, так и не став в условиях буржуазно-помещичьего строя страной индустриальной, вплотную подошла тем не менее к социалистической революции, и, только совершив эту революцию, она преодолеет свое отставание от передовых промышленных держав мира.

Да, такую перспективу открыл Великий Октябрь. Но разруха и потери, вызванные гражданской войной, интервенцией, блокадой, а также отходом Прибалтики, Польши, Финляндии, резко понизили общий уровень развития производительных сил страны. Особенно в сложном положении оказались заводы и фабрики, шахты и нефтепромыслы, железнодорожный транспорт.

К середине 20-х годов ситуация в стране существенно улучшилась. На рельсах нэпа быстро возрождалось сельское хозяйство. К довоенному уровню выпуска продукции подошла промышленность. Однако Советский

Союз оставался страной преимущественно аграрной. Почти полное отсутствие импорта необычайно обострило вопрос о технической реконструкции промышленности, оборудование которой давно уже работало на износ.

Анализ обстановки позволил XIV съезду ВКП(б) провозгласить курс на индустриализацию задачей номер один. Стратегия определялась четко: превратить СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну их производящую; обеспечить экономическую самостоятельность СССР; добиться победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом.

Приступая к реализации намеченного, партия уже располагала значительным опытом революционного переустройства общества. Каждый знает о плане ГОЭЛРО. Чаще всего, однако, он воспринимается только как план электрификации. В действительности же — это первая в истории программа социалистической индустриализации. Составленный в 1920 году, этот план был призван в течение 10—15 лет «выравнить фронт нашей экономики в уровень с достижениями нашего политического уклада».

Важной частью опыта, накопленного в первые годы нэпа, стали уроки, связанные с изысканием средств для подъема индустрии. Промышленные тресты, получив самостоятельность, сами оплачивали топливо и сырье, реализовывали товары. Закон разрешал им действовать на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли. И они в короткий срок резко подняли цены на свою продукцию. Скажем, в 1923 году за плуг или за аршин ситца крестьянин должен был отдать зерна в четыре раза больше, чем в 1913 году. Началось затоваривание фабрично-заводскими изделиями. Кризис сбыта больно ударил не только по отдельным трестам, но и по всей финансовой системе государства. Жизнь наглядно показала опасность ускоренного развития тяжелой промышленности главным образом за счет деревни.

В 1927 году начало действовать новое положение о государственных промышленных трестах. Оно ориентировало не на получение прибыли вообще, а на выполнение обязательного для каждого предприятия задания.

Массовый характер приняла подписка на первый заем индустриализации в 1927 году. Громадная разъяс-

нительная и организаторская работа партии всколыхнула широкие слои рабочего класса, всех трудящихся. Они выразили готовность всеми способами активно содействовать сооружению предприятий тяжелой индустрии.

20 января 1929 года в «Правде» была впервые опубликована статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?» Ныне ее основные положения знают уже старшеклассники. И не потому только, что изучают в школе. Вся окружающая действительность помогает понять и усвоить характер общественных отношений людей в условиях социализма. А в конце 20-х годов такой строй еще лишь создавался. В рамках многоукладной экономики шел бой за превращение России нэповской в Россию социалистическую.

Весной 1929 года, когда XVI конференция ВКП(б) одобрила, а V съезд Советов окончательно утвердил основные направления первого пятилетнего плана, соревнование приобрело уже массовый характер. Тогда же были приняты меры по укреплению производственной дисциплины. В итоге в первом полугодии производительность труда увеличилась в промышленности на 10, а во втором — более чем на 20 процентов. План 1929 года крупная промышленность перевыполнила.

Уже в 1930 году тяжелая индустрия по объему валовой продукции впервые превысила отрасли, выпускающие предметы потребления. Прекратили существование биржи труда — безработица была ликвидирована.

Решающий импульс получило новое строительство, считавшееся по праву главным направлением пятилетки. Успех сопутствовал и машиностроителям, нефтяникам, электротехникам, усилиями которых их отрасли в 1931 году досрочно завершили выполнение пятилетнего задания.

Что же позволило добиться столь стремительного ускорения? Какие факторы обусловили форсированное перевыполнение важнейших директив пятилетки? Думается, в немалой степени это предопределялось установлением таких форм управления экономикой, которые наилучшим образом соответствовали задачам дня. Усилилось централизованное планирование. Жестко регламентировались задания, ресурсы для их выполнения, формы оплаты труда. Цель была одна — сосредоточить максимум сил и средств на решающих участ-

ках индустриализации, как можно быстрее создать мощную тяжелую промышленность.

Из 1.500 крупных предприятий — новостроек пятилетки была выделена группа первоочередных. Эти 50—60 объектов обеспечивались всем необходимым. Их стоимость достигала почти половины общих вложений в промышленность. Но и среди ударных строек предпочтение получили наиважнейшие 14. Особое внимание каждой из них уделял Г. К. Орджоникидзе, возглавлявший ВСНХ СССР, а с 1932 года — Наркомтяжпром.

Тогда по закону существовала пятидневка: четыре дня рабочих, пятый — выходной; на сменное задание отводилось шесть-семь часов. Но, например, на Магнитке почти никто не пользовался выходными, мало кто уходил с работы после смены. И делалось это добровольно.

Этот небывалый подъем духа советских людей, их трудовой энтузиазм надо отметить особо, так как здесь коренится важнейшая причина ускоренного хода индустриализации. Тем более что препятствий и трудностей на ее пути оказалось несравненно больше, чем виделось ранее.

Но каждый мог видеть и другое — как быстро уходила в прошлое старая жизнь. На фоне тяжелейшего кризиса, поразившего мир на рубеже 20—30-х годов, достижения СССР выглядели особенно впечатляюще. Было ясно, что экстремальные условия борьбы за превращение «России крестьянской в Россию металлическую» носят временный характер.

В годы первой пятилетки практически произошло удвоение основных производственных фондов, объема валовой продукции, числа занятых в промышленности. В 1933—1937 годах прирост продукции, в 2 с лишним раза превысивший показатели первой пятилетки, был получен в результате резкого увеличения энерговооруженности и производительности труда при незначительном расширении числа рабочих и служащих. Промышленность стала играть главную роль в создании национального дохода: ее вклад поднялся с 34,9 процента в 1913 году до 42,5 — в 1929 году и 53,1 процента в 1937 году.

Борьба за реконструкцию народного хозяйства повсеместно проходила под знаком технического прогресса, увеличения экономической эффективности произ-

водства. Примечательно, что уже в годы первой пятилетки Советский Союз сделал важный шаг в преодолении былой отсталости в области одного из главных направлений НТР — химии полимеров. Сообщение о том, что в СССР получена первая партия синтетического каучука, взбудоражило капиталистический мир. Там не верили, что советская наука и техника смогли добиться таких успехов. Даже знаменитый Томас Эдисон заявил: «Этого нельзя сделать».

Тяжелая индустрия и производство средств производства были основным ключом социалистических преобразований всего народного хозяйства. Однако партия не сводила к этому главному звену индустриализацию. Предпринимались меры для органичного сочетания интересов всех сфер экономики. Преображались сельское хозяйство, транспорт, связь, строительство, хотя, конечно, темпы их развития отставали от тех, что были в промышленности. Лишь сокращение импортных поставок и нехватка отечественного хлопка, шерсти, кожи помешали выполнить задания первой пятилетки по выпуску тканей, одежды и обуви. Но именно в эти годы закладывались основы для успешного решения задачи в дальнейшем.

По самой своей природе индустриализация СССР не могла ограничиться ни масштабами отдельных отраслей, ни территорией отдельных республик или районов. Директивы XV съезда партии по составлению первого пятилетнего плана особое внимание уделяли подъему экономики и культуры отсталых национальных окраин. Все наиболее крупные промышленные стройки в Белоруссии, на востоке страны, в республиках Средней Азии и Закавказья финансировались из Госбюджета СССР. Многие из них комплектовались кадрами специалистов и квалифицированных рабочих, приехавших из Москвы, Ленинграда, Донбасса, других старых индустриальных центров.

Принципиально важным результатом политики индустриализации стали преодоление технико-экономической отсталости, завоевание полной экономической независимости СССР. За годы второй пятилетки был прекращен по существу ввоз сельскохозяйственных машин и тракторов. Затраты на приобретение черных металлов сократились с 1,4 млрд. рублей до 88 млн. рублей. Наша страна самостоятельно вырабатывала все необходимое для социалистического строительства,

сохраняя свою полную независимость по отношению к окружающему капиталистическому миру. Была ликвидирована многоукладность экономики. Советский Союз по структуре промышленного производства поднялся на уровень самых развитых стран. По объему промышленной продукции он обогнал Англию, Германию, Францию и занял второе место в мире (после США), а по темпам индустриального роста превзошел и эту цитадель империализма.

Преобразуя общество, рабочий класс преобразовывал и себя. К концу 30-х годов удельный вес рабочего класса во всем населении страны по сравнению с 1928 годом увеличился почти втрое. Стремительно росли города, изменялась социальная структура их населения. Если еще в 1926 году в городах проживало всего 18 процентов населения страны, то в 1939 — уже почти треть. Изменялся общеобразовательный уровень населения, его профессионально-квалификационный состав. Жизнь вдребезги разбила великодержавные шовинистические и байские националистические «теории» о том, что, например, казахскому народу, «пастушескому по природе», якобы не свойственно пахать землю, работать на шахте, водить паровозы. К середине 30-х годов казахи составляли почти две трети всех забойщиков Караганды. За 10 лет численность квалифицированных рабочих-казахов — слесарей и машинистов — выросла здесь более чем в 5 раз. Бок о бок с ними трудились русские и украинцы, представители других наций и народностей.

В 1927—1928 годах ряды фабрично-заводских рабочих пополнялись преимущественно горожанами — выходцами из рабочей среды. В годы первой пятилетки возобладало крестьянское пополнение, что отразилось на составе всех отрядов рабочего класса. Эта же тенденция действовала и в 1933—1937 годы, хотя поток сельских жителей в города стал примерно вчетверо меньше, чем в первую пятилетку. Деревенское пополнение выглядело совсем иначе, чем выходцы из рабочих семей,— не было опыта городского уклада жизни, отставали школьная подготовка, уровень общей культуры и политической сознательности. Партия своевременно выявляла основные тенденции и специфику роста рабочего класса, разрабатывала меры, обеспечивавшие решение проблемы кадров и повышения производительности труда.

Пополнение рабочего класса из деревни, массовое вовлечение в производство женщин, ранее не связанных с ним, заметно осложняло освоение техники, борьбу за повышение производительности труда. Заметное же омоложение рабочего класса имело в основном положительное значение. Даже в самых сложных отраслях индустрии большая часть молодежи быстро продвинулась в ряды квалифицированных кадров.

В годы первой пятилетки распространялось мнение, что внедрение все более совершенной техники уменьшает потребность в рабочих высокой квалификации. Партия решительно выступила против таких представлений. Дело начинало тормозиться не из-за дефицита рабочих рук вообще, а из-за нехватки опытных, хорошо подготовленных работников. Сколько было советов приостановиться, подучиться, поднять уровень культуры, а уж потом развивать современное производство. Рабочий класс выбрал другой, очень трудный, но единственно верный тогда способ — одновременного подъема советской индустрии и формирования социалистических кадров.

Мощным рычагом дальнейшего подъема мастерства, производственной и общественной активности не только рабочего класса, но и всех трудящихся стало стахановское движение. Оно быстро распространялось и в городе, и в деревне. Стахановцы высоко подняли «потолок» своей профессии, опрокинули понятие о «бесперспективных» профессиях и наглядно показали, какие возможности открываются перед каждым рабочим на советских предприятиях. Они стремились выжать из техники все возможное, избегали трафаретов и шаблонов, искали новые приемы. Это действительно было движение новаторов. Впитав в себя все лучшее и передовое, что было накоплено ранее, оно подняло соревнование на более высокую ступень.

В марте 1939 года, оценивая общие достижения, связанные с победой социализма, XVIII съезд ВКП(б) отметил, что главная и решающая хозяйственная задача второй пятилетки — завершение технической реконструкции народного хозяйства — в основном выполнена. СССР превратился в независимую экономическую страну, обеспечивающую свое хозяйство и нужды обороны всем необходимым техническим оборудованием.

Практически это означало, что те рубежи, которые

в декабре 1925 года наметил XIV съезд партии, провозглашая курс на индустриализацию страны, достигнуты. Отсюда, однако, не следовало, будто индустриализация завершена целиком и полностью. Социализм был построен еще только в основном. Техническая реконструкция народного хозяйства была завершена также лишь в основном. То же самое было и с программой индустриализации. Сделать еще предстояло многое, очень многое. Однако сама жизнь доказала: нет таких крепостей, которые устояли бы перед советским человеком.

Правда. 1987. 26 июля.

Коллективизация: как это было

Коллективизация крестьянских хозяйств сыграла сложную и противоречивую роль в истории нашего общества. Об этом сейчас особенно много спорят и ученые, и публицисты, предлагая свои оценки и выводы, подчас весьма разноречивые и даже взаимоисключающие. В «Правду» приходит много писем, авторы которых считают, что необходимо наконец рассказать всю правду о том, как совершался этот глубочайший переворот в жизни деревни, к каким непосредственным и отдаленным последствиям он привел, как же в конечном итоге оценивать его сущность.

Публикуем беседу корреспондента «Правды» и заведующего сектором Института истории СССР АН СССР доктора исторических наук В. П. Данилова с участием кандидата экономических наук Н. В. Тепцова, старшего научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Страница подготовлена совместно с ИМЛ при ЦК КПСС.

«Революция сверху»

— При первых же признаках гласности история коллективизации оказалась в центре общественного внимания. Чем можно объяснить остроту сегодняшних споров?

— В сознании советских людей слово «коллективизация» всегда вызывало глубоко противоречивую реакцию. На протяжении десятилетий мы с убежденностью повторяли, что это была великая революция — вторая после Октябрьской революции. Говорили также, что она означала непосредственный переход к социализму для основной массы населения страны — для крестьянства, что она закрыла последние источники и каналы буржуазного расслоения и капиталистической эксплуатации в деревне, что, наконец, она позволила мобилизовать материальные и человеческие ресурсы для создания индустрии, укрепления оборонной мощи, для социального и культурного прогресса всего общества. И в самом деле, колхозы и колхозники выдержали тяжелейшие испытания войны и внесли неизмеримый вклад в дело великой Победы, колхозное производство было и остается одной из основ экономики и всего общественного строя нашей страны. На счет коллективизации относилось и то, что было получено благодаря ей, и то, что было достигнуто, несмотря на нее. Итоговая оценка отлилась в известную формулу: «Революция сверху при поддержке снизу».

Однако и откровенно предвзятая сталинская трактовка коллективизации как «классического образца» социалистического преобразования сельского хозяйства, и неопределенно туманные официальные оценки застойного времени о многом умалчивали. О том, что коллективизация и ликвидация кулачества проходили в обстановке безудержного форсирования и сопровождались насилием по отношению к крестьянам, привели ко многим человеческим жертвам. О том, что в ходе коллективизации и ликвидации кулачества подверглись сильнейшему разрушению важнейшие элементы производительных сил сельского хозяйства (наполовину истреблено поголовье скота и др.). О том, наконец, что вклад деревни в общественное развитие мог быть намного значительнее и не стоить ей так дорого. Молодые, только что созданные колхозы были поставлены в такое положение, которое исключало самодеятельность и инициативу, а тем самым и успешный хозяйственный рост, обрекало сельское хозяйство на отставание от потребностей общества.

— Круг вопросов, связанных с историей коллективизации, чрезвычайно широк. Здесь и развитие сельскохозяйственного производства в условиях нэпа, и расслоение крестьянства, сохранение в его среде кулачества — на одном полюсе, и батрачества — на другом, и развитие кооперации, и внутрипартийная борьба вокруг вопросов, связанных с путями и темпами социалистических преобразований, и многое другое. С чего, с какой «точки отсчета», на ваш взгляд, надо начать разговор?

— Наверное, нужно начать с вопроса о состоявшемся в декабре 1927 года XV съезде ВКП(б). До сих пор прочно сохраняется один из исходных стереотипов сталинской концепции, будто этот партсъезд провозгласил «курс на коллективизацию». Однако такая трактовка его решений соответствует скорее последующей практике, а не их подлинному содержанию. В действительности же на съезде речь шла о развитии всех форм кооперации, о том, что перспективная задача «постепенного перехода» к коллективной обработке земли будет осуществляться «на основе новой техники (электрификация)», а не наоборот: к машинизации на основе коллективизации. Ни сроков, ни тем более единственных форм и способов кооперирования крестьянских хозяйств съезд не устанавливал.

Точно так же решение съезда о переходе к политике наступления на кулачество имело в виду последовательное ограничение эксплуататорских возможностей и устремлений кулацких хозяйств, их активное вытесне-

ние экономическими методами, а не методами разорения или принудительной ликвидации. Задачи наступления на капиталистические элементы и в городе и в деревне формулировались с большой осторожностью: обеспечить относительное сокращение при «возможном еще росте» абсолютном.

В целом XV партсъезд никак не может быть назван «съездом коллективизации сельского хозяйства». Эти вопросы занимали важное место в его работе, однако в рамках постановки и решения всего комплекса проблем социально-экономического развития страны в целом. Обсуждались задачи ускорения реконструктивных процессов и в промышленности, и в сельском хозяйстве на основе нэпа, при сохранении и дальнейшем совершенствовании его принципов. Применительно к деревне это означало осуществление весьма многообразной системы мер, направленных на производственный подъем многомиллионной массы крестьянских хозяйств, увеличение их товарной продукции и вовлечение в русло социалистического развития. Это вполне обеспечивалось на пути их кооперирования.

В стране складывалась крепкая система сельскохозяйственной кооперации (в 1927 г. она объединяла уже третью часть крестьянских хозяйств). Рядом с ней действовали не менее развитая потребительская и растущая кустарно-промысловая кооперативные системы. Вместе они охватывали свыше двух третей товарооборота между городом и деревней, обеспечивая тем самым прочную экономическую связь («смычку»!) между крестьянскими хозяйствами и социалистической промышленностью, чему, как известно, В. И. Ленин придавал важнейшее значение. Развитие капиталистических элементов и в торговле, и в производстве находилось уже под достаточно полным и эффективным контролем. Таким образом, были все условия для того, чтобы на основе общего производственного подъема деревни (а тем самым и экономического роста страны в целом) в обозримый период — всего за две пятилетки — осуществить кооперирование крестьянских хозяйств и создать при этом мощный сектор коллективного земледелия. Трудности на этом пути были неизбежными, особенно в связи с задачами индустриализации, но и преодолимыми без насилия над крестьянством.

Кризис и «чрезвычайщина»

— Самым очевидным доказательством правильности «курса на коллективизацию» и необходимости его форсированного осуществления считался хлебозаготовительный кризис, возникший зимой 1927—1928 годов и преодоленный лишь в результате коллективизации. Что можно сейчас сказать о его причинах и последствиях?

— Дело обстояло куда сложнее. В 20-х годах был действительно заметным подъем крестьянского хозяйства, свидетельствуя о благотворных результатах национализации земли, освобождения крестьян от помещичьего гнета и эксплуатации со стороны крупного капитала, а также об эффективности новой экономической политики. За 3—4 года крестьяне восстановили сельское хозяйство после сильнейшей разрухи. Однако в 1925—1929 годах производство зерна колебалось на уровне чуть выше довоенного, и это не могло не стать проблемой для страны, вступившей на путь индустриализации. Рост производства технических культур был умеренным и неустойчивым. Впечатляющими темпами увеличивалось поголовье скота: с 1925 г. по 1928 г. примерно на 5 процентов в год. Словом, мелкое крестьянское хозяйство отнюдь не исчерпало возможностей для развития. Но, конечно, они были ограниченными с точки зрения потребностей индустриализации страны. Это понимали и признавали представители всех направлений общественно-экономической мысли того времени, включая и таких экономистов, как А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев. Признавали они и необходимость мобилизации средств, создаваемых в сельском хозяйстве, на нужды промышленного развития.

Кризис хлебозаготовок в конце 1927 г. возник как результат рыночных колебаний. Для заготовок хлеба очень благоприятным оказался предыдущий, 1926 год, когда был получен хороший урожай зерновых при пониженном урожае других культур. Напротив, в 1927 году зерновых собрали на 45 миллионов центнеров меньше, тогда как урожай технических культур заметно вырос. Рыночная конъюнктура позволила крестьянам, прежде всего зажиточным, в особенности кулакам и лишь частично — середняку, придержать хлеб, решить свои товарно-денежные проблемы за счет реализации технических культур и продуктов животноводства.

Сокращение государственных заготовок хлеба создавало угрозу планам промышленного строительства, осложняло экономическое положение, обостряло соци-

альные конфликты и в городе, и в деревне. Но были ли основания для угрожающих выводов? Ведь подобного же рода «кризис» хлебозаготовок имел место и зимой 1925—1926 гг., из-за чего пришлось несколько сократить масштабы развертывания промышленного строительства. И что же? В 1926 году сельское хозяйство дало заметный прирост хлебной продукции, с лихвой покрыв плановый недобор предыдущего года и обеспечив возможность действительно высоких темпов развития индустрии. Уже в 1927 году объем промышленного производства превысил довоенный уровень на 23,7 процента.

Сбои в поступлении зерновых на рынок и связанный с этим быстрый рост цен на хлеб обнаружились в ходе заготовительной кампании. Бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства к тому времени уже реализовали свой «товарный» хлеб (эти слои деревни вынуждены были продавать по дешевке хлеб осенью и покупать его ближе к весне — втридорога). Возникли трудности с реализацией экспортных и снабженческих планов.

Обстановка к началу 1928 года серьезно осложнилась, требовала взвешенного подхода. Но сталинская группа, которая только что добилась большинства в политическом руководстве, не проявила ни государственной мудрости, ни понимания ленинских принципов политики по отношению к крестьянству как союзнику рабочего класса в строительстве социализма. Больше того, она пошла на прямой отказ от этих принципов, на слом нэпа и широкое применение чрезвычайных мер, т. е. насилия над крестьянством. На места последовали подписанные И. В. Сталиным директивы с угрозами в адрес партийных руководителей и требованием «поднять на ноги партийные организации, указав им, что дело заготовок является делом всей партии», что «в практической работе в деревне отныне делается ударение на задаче борьбы с кулацкой опасностью». Таким языком с партийными работниками и организациями ЦК не вел разговоров с гражданской войны.

Тон был задан сталинской поездкой по округам Сибири в январе — феврале 1928 года. Во время этой инспекции были сняты с работы и подвергнуты наказаниям, вплоть до исключения из партии, многие десятки местных работников — за «мягкотелость», «прими-

ренчество», «срастание» с кулаком и т. п. Волна замены партийных, советских, судебных и хозяйственных работников прокатилась тогда по всем районам. На Урале за январь — март 1928 года были отстранены 1.157 работников окружного, районного и сельского аппарата. Все это нагнетало обстановку нервозности и административного произвола. Началось закрытие рынков, проведение обысков по крестьянским дворам, привлечение к суду владельцев не только спекулятивных хлебных запасов, но и весьма умеренных излишков в середняцких хозяйствах. Суды автоматически выносили решения о конфискации как товарных излишков хлеба, так и запасов, необходимых для производства и потребления. Изымали часто и инвентарь. Аресты в административном порядке и тюремные заключения по приговорам судов довершают картину произвола и насилия, чинимого в деревне зимой и весной 1928 года. Дело доходило и до «рукоприкладства», физического насилия. Наконец, в ход пошла и статья 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация), она применялась против тех, кто осмеливался вслух осуждать насилие.

О том, что происходило в деревне, можно судить по докладу секретаря ВЦИК А. С. Киселева на заседании фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК 26 марта 1928 года. Приведем лишь несколько характерных высказываний: «...применялись такие меры принуждения и административного нажима, что они нам совершенно испортили настроение крестьянства...», «антисоветские настроения в деревнях за последнее время усилились в связи с тем, что забирали у крестьянства хлеб. Причем, если бы забирали только у кулаков, то это было бы еще ничего, но хлеб забирался и у середняков, и у бедняков...» «...На Северном Кавказе были организованы чрезвычайные тройки для усиления хлебозаготовок... Так как этим тройкам было предоставлено право ареста, то они арестовывали крестьян за невыполнение их приказаний... По Батайскому округу... имелись такие примеры, когда заставляли вывозить и остаток, имеющийся лишь на прокормление семьи и посев. В станице Екатерининской у одного крестьянина отобран купленный им семенной материал. По Воронежской губернии группа заключенных Богучарского ИТД пишет, что многим из них ничего не оставлено на посев, у некоторых конфисковано больше хлеба, чем имеется, и поэтому пришлось оплачивать деньгами, что «наступает весна, время посева, мы томимся в заключении». Просят об освобождении». Назвав ряд подобных фактов, А. С. Киселев констатировал, что «настроение в связи с посевной кампанией скверное, что в деревне появилось стремление к сокращению посевов («сей для себя»). «Крестьяне говорят, неужели мы пришли к военному коммунизму.., нет уверенности, что у тебя будет прочная база для того, чтобы в дальнейшем развивать свое хозяйство... Они обращаются к газете за разъяснениями, обращаются к правительству с просьбой дать твердую основу, сказать, как быть дальше. Мы считаем, что имеются перегибы, при которых вести крестьянское хозяйство невозможно».

В следующей хлебозаготовительной кампании, особенно к весне 1929 года, «чрезвычайные» меры стали применяться еще шире и жестче. Под давлением непосильных заданий местные организации становились на путь повальных обысков и арестов. Нарушения законности, произвол, насилие вызывали открытые протесты крестьян вплоть до вооруженных восстаний. В 1929 году было зарегистрировано до 1.300 «кулацких» мятежей. Эти мелкие и разрозненные выступления часто затухали сами собой — они были настолько же противоестественны в условиях советского общественного строя, насколько противоестественным было и насилие над крестьянами.

Вопреки ленинским принципам

— Напрашивается вопрос: была ли возможность иного выхода из экономической ситуации, которая сложилась к концу 20-х годов? Как происходил выбор пути и почему на передний план выдвинулось силовое давление на крестьянина?

— Анализ происхождения кризиса хлебозаготовок и путей его преодоления был в центре внимания апрельского и июльского Пленумов ЦК ВКП(б) в 1928 году. На этих Пленумах выявились коренные расхождения в позициях Бухарина и Сталина, в предлагаемых ими решениях возникших проблем. Для Сталина кризис хлебозаготовок объяснялся «кулацкой стачкой» — выступлением выросшего и окрепшего в условиях нэпа кулачества против Советской власти, так же, как «шахтинское дело» (первый неправедный процесс над «вредителями» в промышленности) было якобы свидетельством выступления против Советской власти технической интеллигенции — агентуры международного капитала. Вообще все трудности, по Сталину, создавались врагами: «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту». И средства преодоления трудностей виделись ему в беспощадном уничтожении врагов, среди которых на первом месте стояли кулаки.

Бухарин при анализе тех же явлений делал акцент на имеющихся недостатках и ошибках в работе органов власти: «Мы знаем, что главнейшие рычаги хозяйственного воздействия находятся в наших руках и овладение этими рычагами делает нас непобедимыми с точки зрения внутренних отношений, если только мы не будем делать крупных ошибок. Кулак же представляет

опасную силу в первую очередь постольку, поскольку он использует наши ошибки». Уроки зимы 1928 года Бухарин видел в том, что она выявила недостатки, лежащие в сфере управления обществом — «в нас самих». Отсюда и альтернатива: сталинской линии с упором на насилие в борьбе с врагами, на административно-волевые методы противостояла бухаринская — на совершенствование работы партии и государства, на осуществление индустриализации страны и социалистического кооперирования сельского хозяйства в меру созревания объективных и субъективных условий, на сохранение и совершенствование экономического механизма, складывавшегося в годы нэпа. Фактически вопрос стоял так: будет или не будет осуществляться ленинский план построения социализма, основой которого являлся подлинный союз рабочего класса и крестьянства, исключавший применение насилия по отношению к трудящимся массам деревни. В этом и состояла суть борьбы Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и их сторонников против сталинского варианта решения проблем.

Их предложения о выходе из ситуации, созданной кризисом хлебозаготовок, на путях нэпа (отказ от «чрезвычайных» мер, сохранение курса на подъем крестьянского хозяйства и развитие торгово-кредитных форм кооперации, повышение цен на хлеб и др.) были отвергнуты как уступка кулаку и проявление правого оппортунизма. Перевод сельского хозяйства на путь крупного обобществленного производства стал рассматриваться как средство решения хлебной проблемы в самые короткие сроки и одновременно ликвидации кулачества как главного врага Советской власти. Такая трактовка задач кооперирования крестьянских хозяйств и преодоления социального расслоения деревни была принципиальным нарушением ленинской концепции строительства социализма, прямым отказом от ленинского кооперативного плана.

Бухаринский вариант решения проблем не был единственной альтернативой сталинскому варианту. Не менее важным, а главное практически выполнимым, привязанным ко времени был вариант, предусмотренный первым пятилетним планом развития народного хозяйства СССР (1928/29—1932/33 гг.). Этот план был одобрен XVI партконференцией в апреле и принят V съездом Советов СССР в мае 1929 года. Намечался огромный шаг по пути индустриализации страны. В то же время и процесс кооперирования в деревне получал мощный толчок: к концу пятилетки все формы сельскохозяйственной кооперации должны были охватить до 85 процентов крестьянских хозяйств, 18—20 процентов

из них предполагалось вовлечь в колхозы. Планировались реальные меры, направленные на подъем производства в «индивидуальном секторе», то есть у основной массы мелких крестьянских хозяйств. Все это подкреплялось необходимыми материальными ресурсами, производством техники, подготовкой кадров. Это был очень напряженный, требующий больших усилий, но реальный план. В его основе лежали принципы нэпа и кооперативного развития.

Выбор пути совершился в конце 1929 года и нашел свое выражение прежде всего в осуждении группы Бухарина как якобы правооппортунистической и в отстранении ее от участия в политическом руководстве, что завершилось на ноябрьском Пленуме ЦК партии. В то же самое время был фактически отброшен и первый пятилетний план: продуманные и взаимосвязанные задания стали произвольно пересматриваться в сторону увеличения без учета реальных условий и возможностей. Начиналась безумная и бездумная гонка «за темпом».

— Иногда пишут, что Сталин в конце 20-х годов перенял троцкистские концепции строительства социализма и даже, как выражаются некоторые публицисты, «перетроцкистил троцкистов».

— Широкое распространение подобных мнений характерно. Это один из расхожих постсталинских идеологических стереотипов: попытка перенести ответственность за насилие над крестьянством, за создание репрессивного механизма власти и многое другое со сталинского руководства (Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Куйбышев, Микоян, Андреев и др.) на Троцкого и вообще «левых». Однако между самыми левыми концепциями перехода к социализму, при всей их неприемлемости, и сталинской практикой было принципиальное различие. В основе подхода «левых» к поиску решений социально-экономических проблем переходного периода лежали все-таки попытки понять, привести в действие какие-то объективные условия и средства максимального ускорения индустриального развития страны. Что же касается сталинского руководства, то оно просто игнорировало эти условия, не считалось с объективными законами, без колебаний прибегало к любым средствам. При этом идеи заимствовались и «справа» и «слева», нимало не заботясь об их взаимном соответствии. Так что не станем отнимать у Сталина и его группы право на авторство насильственной экспроприации в отношении крестьянских масс.

— В чем же состояло реальное содержание тех изменений в деревне, которые долгое время именовались у нас «великим переломом»? Когда и как политика XV партсъезда стала «курсом на коллективизацию»?

— Трансформация политики всемерного развития кооперации во всех ее формах в «курс на коллективизацию» началась в ходе хлебозаготовок и в непосредственной связи с ними. Вслед за сталинской директивой от 13 февраля 1928 года, требовавшей «поднять на ноги партийные организации» на ликвидацию кризиса хлебозаготовок, на места последовало подписанное секретарем ЦК В. М. Молотовым циркулярное письмо «О весенней посевной кампании» от 1 марта 1928 года. В нем объявлялось, что «вся работа местных парторганизаций по проведению посевной кампании будет расцениваться в зависимости от успехов в деле расширения посевов и коллективизации крестьянских хозяйств».

Резко возрастают масштабы государственной помощи колхозам — кредитование и снабжение машинами и орудиями, передача лучших земель, налоговые льготы. Партийные, советские, кооперативные организации развертывают активную пропаганду коллективного земледелия, работу по практической организации колхозов. Число колхозов увеличилось с 14,8 тыс. на июнь 1927 года до 57 тыс. на июнь 1929 года, а удельный вес объединяемых ими хозяйств — с 0,8 процента до 3,7. Колхозы создавались тогда наиболее сознательной частью бедноты и в целом на добровольной основе. Однако уже в то время имели место факты бюрократического планирования сверху, «разверстки» заданий, «ударных кампаний», нереальных обещаний снабжения техникой, обеспечения агрономической помощи и т. п. Начавшееся весной 1928 года форсирование организации колхозов с течением времени становилось все более откровенным и сильным. Летом 1929 года провозглашается лозунг «сплошной коллективизации» крестьянских хозяйств целых округов (первым среди них стал Хоперский округ Нижневолжского края).

Тенденция к безоглядному форсированию коллективизации отражала позицию Сталина и его окружения. В основе этой позиции лежало пренебрежение к настроениям крестьянства, игнорирование его неготовности и нежелания отказаться от собственного мелкого хозяйства. Игнорировались и ленинские принципы, партийные решения о недопустимости и пагубности

торопливости и насилия при кооперировании деревни. «Теоретическим» обоснованием форсирования коллективизации явилась статья Сталина «Год великого перелома», опубликованная 7 ноября 1929 года. В ней утверждалось, что в колхозы якобы пошли основные, середняцкие массы крестьянства, что в социалистическом преобразовании сельского хозяйства уже одержана «решающая победа» (на самом деле в колхозах тогда состояло 6—7 процентов крестьянских хозяйств, при том, что свыше третьей части деревни составляла беднота).

«Головокружение» от... успехов?

Следующий шаг на пути усиления гонки за «темпом коллективизации» был сделан на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) того же 1929 года. Задача «сплошной коллективизации» ставилась уже «перед отдельными областями». Сообщения членов ЦК, сигналы с мест о спешке и принуждении при организации колхозов не были учтены. Между тем они требовали серьезного внимания. Например, С. В. Косиор сообщал о «десятках перегибов» на Украине: «У нас было несколько историй, когда переходили в коллектив целые села, а потом они быстро разваливались, и нас выгоняли оттуда с барабанным боем. Мы имели сплошную коллективизацию на территории десятков сел, а потом оказывалось, что все это дутое, искусственно созданное, а население в этом не участвует и ничего не знает».

На Пленуме было оглашено письмо Баранова — председателя комиссии Колхозцентра в Хоперском округе. «Местными органами проводится система ударности и кампанейства. Вся работа по организации колхозов проходила под лозунгом «Кто больше!» На местах директивы округа иногда преломлялись в лозунг: «Кто не идет в колхоз, тот враг Советской власти!»

Совокупность этих причин дает формально на 60 процентов, а может быть, пока пишу письмо, и 70 процентов коллективизации... Если сейчас же не принять мер к укреплению этих колхозов, дело может себя скомпрометировать. Колхозы начнут разваливаться. Необходимо учесть, что в округе идет сильнейшая распродажа скота...»

По поводу этого письма Сталин бросил характерную реплику: «Что же, вы хотите все предварительно организовать?» Чем обернулась коллективизация без «предварительной» организации, вполне выяснится зимой-весной 1930 года. Написанное в октябре и зачитанное на Пленуме в ноябре 1929 года письмо давало почти полную картину того, что через два-три месяца стало происходить едва ли не повсеместно.

Руководители парторганизаций Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Украины стали брать своего рода «обязательства» по проведению коллективизации за «год-полтора», к лету 1931 года. Но и эти «обязательства» были признаны недостаточными. Вот как выступил В. М. Молотов: «Мы имеем основание утверждать,— а я лично в том не сомневаюсь,— что летом 1930 г. коллективизацию Северного Кавказа в основном мы закончим. Будущей осенью мы наверняка сможем уже сказать, что в основном коллективизация будет завершена не только на Северном Кавказе». И далее: «...в теперешних условиях заниматься разговорами о пятилетке коллективизации, значит заниматься ненужным делом. Для основных сельскохозяйственных районов и областей, при всей разнице темпов коллективизации их, надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе». Неудивительно, что А. А. Андреев и другие, возвратившись на места, провозглашали лозунг «бешеных темпов коллективизации».

Попыткой внести элементы разума, понимания сложившейся обстановки были рекомендации Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации (в ее составе были руководители ряда краевых и областных парторганизаций, центральных органов управления).

Комиссия, естественно, исходила из установок ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). Однако выработанный ею проект постановления предлагал решить задачу коллективизации «огромного большинства крестьянских хозяйств» на протяжении первой пятилетки: в основных зерновых районах за 2—3 года, в потребляющей полосе — за 3—4 года. Завершение коллективизации в экономически отсталых национальных республиках отодвигалось на вторую пятилетку. Комиссия рекомендовала считать основной формой колхозного строительства сельскохозяйственную артель, в которой «коллективизированы основные средства производства (земля, инвентарь, рабочий, а также товарный продуктивный скот), при одновременном сохранении в данных условиях частной собственности крестьянина на мелкий инвентарь, мелкий скот, молочные коровы и т. д., где они обслуживают потребительские нужды крестьянской семьи». Намечались конкретные принципы и порядок образования неделимых фондов и оборотных средств в колхозах и т. п. К сожалению, даже эти рекомендации,

сделанные с учетом практического опыта и элементарного понимания положения в деревне, были отброшены. Хотя необходимость в них была предельно острой — сплошная коллективизация крестьянских хозяйств уже шла полным ходом.

— Как протекали эти процессы? Прокомментируйте их прямые и непосредственные результаты и последствия.

— На основе предложений комиссии Политбюро 5 января 1930 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Как и предлагалось комиссией, зерновые районы были разграничены на две зоны по срокам завершения коллективизации. Но Сталин внес свои поправки, и сроки были резко сокращены. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были в основном завершить коллективизацию «осенью 1930 года или во всяком случае весной 1931 года», а остальные зерновые районы — «осенью 1931 года или во всяком случае весной 1932 года». Столь сжатые сроки и признание «социалистического соревнования по организации колхозов» находились в полном противоречии с указанием о недопустимости «какого бы то ни было «декретирования» сверху колхозного движения». Хотя постановление характеризовало артель как «наиболее распространенную» форму колхозов, но как всего лишь «переходную к коммуне». Были исключены положения о степени обобществления скота и инвентаря, о порядке образования неделимых фондов и т. д. Не было дано рекомендаций по этим вопросам и в Примерном уставе сельскохозяйственной артели, опубликованном лишь 6 февраля 1930 года.

Под сильнейшим нажимом сверху не только в передовых зерновых районах, но и в черноземном центре, и в Московской области, и даже в республиках Востока выносились решения завершить коллективизацию «в течение весенней посевной кампании 1930 года». Разъяснительная и организационная работа в массах подменялась грубым нажимом, угрозами, демагогическими обещаниями. Раскулачивать стали не только кулаков, но и середняков — тех, кто еще не хотел вступать в колхозы. Число «раскулаченных» во многих районах достигало 10—15 процентов крестьянских хозяйств, число «лишенцев» (лишенных избирательных прав) — 15—20 процентов. Грубейшие извращения

допускались при обобществлении средств производства. Товарищества по обработке земли (тозы) в административном порядке переводились на уставы артелей и коммун. В артелях добивались максимального обобществления — включая единственную корову, мелкий скот и птицу.

Уровень коллективизации стремительно повышался: к началу января 1930 года в колхозах числилось свыше 20 процентов крестьянских хозяйств, к началу марта — свыше 50. Конечно, среди них было немало «дутых», значившихся лишь на бумаге. Нереальность директив, угрозы за их неисполнение, парадная шумиха толкали многих местных работников на путь очковтирательства. Однако главным последствием насилия при создании колхозов стало массовое недовольство и открытые протесты крестьян, вплоть до антисоветских вооруженных выступлений. С начала января до середины марта 1930 года их было зарегистрировано более двух тысяч. Росли случаи расправ над коммунистами и колхозными активистами. Истребление скота приобрело массовый харктер.

Неверно было бы отрицать наличие в деревне этого времени сторонников коллективизации, ее подлинных энтузиастов, борцов за колхозы. Они были представлены беднотой и частью середнячества. Без их активной поддержки ни коллективизация, ни ликвидация кулачества были бы просто невозможны. Но и самый убежденный сторонник коллективного земледелия не мог понять и принять того разгула бюрократического насилия, который ворвался в деревню зимой 1929/30 года.

О том, что происходило в деревне на первом этапе сплошной коллективизации, знали все, включая, разумеется, Сталина и его непосредственное окружение. Не говоря уже об обычных каналах партийной и государственной информации, отметим, что за осень и зиму на имя Сталина и Калинина поступило из деревни 90 тысяч писем с жалобами, протестами, описаниями творившихся безобразий. И тем не менее нажим на местные организации продолжал нарастать. 3 февраля 1930 года, когда насилие над крестьянами достигло предела, в передовой статье «Правды», написанной по прямому указанию Сталина, заявлялось: «Последняя наметка коллективизации 75 процентов бедняцко-середняцких хозяйств в течение 1930—1931 года — не является максимальной». В «Ответе товарищам свердловцам», опубликованном 10 февраля 1930 года, Сталин требовал «усилить работу по коллективизации в районах

без сплошной коллективизации» в качестве средства борьбы против самоликвидации кулацких хозяйств и «растранжиривания» их имущества.

Однако уже во второй половине февраля 1930 года ЦК партии дал директивы о ликвидации спешки при организации колхозов, прекращении раскулачивания там, где сплошная коллективизация еще не началась, о необходимости учета местных условий в национальных республиках. 2 марта «Правда» опубликовала переработанный Примерный устав сельскохозяйственной артели, учитывающий возможности и настроения крестьян (хотя и не столь полно, как это предлагалось ранее в проекте комиссии Политбюро).

В том же номере газеты появилась статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой осуждались перегибы, подчеркивалась необходимость соблюдения принципов добровольности коллективизации. При этом вся ответственность за допущенные «искривления» перекладывалась на местных работников, обвиненных в «головотяпстве». Тем не менее достигнутый к 20 февраля 50-процентный уровень коллективизации объявлялся в этой статье успехом, свидетельствующим, что «коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным». Местные работники обязывались «закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего движения вперед». Оставалось загадкой, что же нужно делать: исправлять создавшееся положение или закреплять его?

Местные организации, активисты колхозного строительства были поставлены в крайне тяжелое положение. На многих обрушились суровые наказания, вплоть до судебных репрессий. Причем эти карательные меры проводились теми же лицами и органами, которые сами и навязали нелепую и пагубную гонку темпов коллективизации. Не случайно в мае — июне 1930 г., когда шла подготовка к XVI партсъезду, на партийных собраниях в первичных организациях многие коммунисты выступили с резкой критикой сталинской политики коллективизации, развязанного сверху насилия над крестьянами и отсутствия честности в оценках происхождения и характера допущенных ошибок и перегибов. Для настроений коммунистов характерно письмо рабочего Мамаева «К XVI съезду партии», опубликованное «Правдой» 9 июня 1930 г. С подлинной смелостью в письме ставился вопрос: «У кого же закружилась голова?

На деле получилось так, что к середняку применили политику, направленную против кулака». И еще: «Выходит, «царь хорош, а чиновники на местах негодные». Напомнив партийные решения о недопустимости насилия над середняком, Мамаев писал: «Постановляем одно, а на деле проводим другое. Так нечего наводить тень на ясный день. Надо сказать о своих собственных прострелах и не учить этому низовую партийную массу».

Мамаев и другие коммунисты, выступившие тогда с открытой критикой сталинского руководства, были прямо обвинены в том, что они выступают «против внутрипартийного режима и руководства ЦК», ошельмованы как правые уклонисты, что автоматически вело к исключению из партии.

В марте — апреле 1930 года ЦК ВКП(б) принял ряд важнейших документов, направленных на преодоление извращений в коллективизации и нормализацию общей обстановки в деревне. «Прилив» в колхозы сменился «отливом» из них крестьян. Исчезли «бумажные» и насильственно созданные колхозы. В августе 1930 года, когда «отлив» прекратился, колхозы объединяли 21,4 процента крестьянских хозяйств. Эта цифра свидетельствует, что значительная часть крестьянства связала свою судьбу с колхозами, что их укрепление и развитие могло и должно было стать определяющим фактором социалистического преобразования сельского хозяйства. Задания первого пятилетнего плана, напомним, как раз и предусматривали 18—20 процентов хозяйств, объединенных в колхозы. «Гонка за темпом» ничего, кроме вреда, не принесла.

Но впереди был второй этап...

Публикацию подготовил
А. ИЛЬИН.

Правда. 1988. 26 авг.

На новом этапе

— В прошлой нашей беседе мы остановились на событиях августа 1930 года, когда были подведены итоги первого этапа коллективизации. Они показали, что «гонка за темпом» нанесла серьезный ущерб делу, но что вместе с тем часть крестьянства (21,4 процента) к тому времени связала свою судьбу с колхозами. Надо сказать, ваш рассказ вызвал противоречивые отклики читателей. К примеру, одни отмечают, что недостаточно определенно было подчеркнуто такое

негативное следствие «революции сверху», как отчуждение крестьян от земли, от средств производства и результатов труда. Другие, напротив, упрекают, что участники беседы односторонне подошли к характеристике роли Сталина в коллективизации, оттенив в основном лишь негативные моменты. Что можно сказать по этому поводу?

— Различия в суждениях неизбежны. В последнее время появилось немало публикаций о коллективизации, резко отличающихся от прежних, упрощенных оценок и стереотипов. Естественно, не все можно безоговорочно принять. К тому же в современных публикациях даются подчас неоднозначные оценки тех или иных событий, их причин и следствий. Что ж, к этому надо привыкать. Идет научный поиск, разные подходы — это не беда, а, думается, благо, хорошая основа для воссоздания полной и правдивой картины. При этом мы не можем, не должны уходить от больных вопросов нашей истории, замалчивать их. Правдивый анализ уроков прошлого поможет решать сегодняшние проблемы, в том числе и подъема сельской экономики. Сегодня, пожалуй, главное — вернуть крестьянину утраченное в прежние годы положение хозяина земли, пробудить чувство любви к ней, уверенность в завтрашнем дне. И различные формы подряда, и аренда, и меры социального развития деревни призваны обеспечить успех в решении этих задач, но как не просто идет обновление села!

Что касается роли Сталина, то об этом лучше всего судить не по его словам,— он умел подать себя беспримерным радетелем о благе народа,— а по практическим делам.

— Видимо, не все в полной мере представляют принципиальную разницу между избранным партией курсом и сталинской практикой. Она убедительно раскрыта в докладе, посвященном 70-летию Великого Октября. Отмечено значение коллективизации в укреплении позиций социализма в деревне, в коренном изменении всего уклада жизни основной массы населения на социалистических началах, дан глубокий анализ причин и последствий допущенных в те годы перегибов, отхода от ленинских принципов внимательного отношения к интересам трудового крестьянства.

— Социалистическое преобразование сельского хозяйства на основе коренной технической реконструкции, подъема общей культуры деревни, который был бы равноценен подлинной культурной революции, как это и намечал ленинский кооперативный план, было исторической необходимостью. К концу 20-х — началу 30-х годов объективный ход социально-экономического развития поставил эти вопросы в повестку дня. Хозяйство-

вание на мелких клочках земли с помощью примитивных орудий обрекало крестьян на тяжелый ручной труд, обеспечивая им всего-навсего поддержание существования, бесконечное воспроизводство все тех же отсталых условий труда и быта. Низкий уровень сельскохозяйственного производства сдерживал общее экономическое развитие страны, ставил серьезные преграды начинавшейся индустриализации, строительству социализма в целом. Положение страны в мире повелительно диктовало ускорение развития всех отраслей народного хозяйства, в особенности индустрии. Вместе с тем эта необходимость не требовала проведения «сплошной коллективизации» за два или три года и любыми средствами. Никакие объективные условия не могут оправдать того насилия над крестьянством, которое было совершено при проведении коллективизации и раскулачивания по-сталински.

— Итак, вернемся к августу 1930 года. Какие выводы были сделаны из итогов первого этапа? Ведь стоило верно оценить ситуацию, учесть объективные обстоятельства и реальные возможности, и преобразование деревни могло в дальнейшем идти на здоровой основе и принести более весомые результаты.

— Конечно. Коррективы, по крайней мере на первых порах, были внесены. Стали более активно применяться экономические рычаги. На решении задач коллективизации по-прежнему сосредоточивались основные силы партийных, государственных и общественных организаций. Возросли масштабы технической реконструкции в сельском хозяйстве — главным образом через создание государственных машинно-тракторных станций (МТС). За 1931 год было создано 1.040 МТС. Уровень механизации сельскохозяйственных работ заметно поднялся. Был упорядочен процесс обобществления крестьянских средств производства, хотя «недоразумения» с крестьянкой из-за коровы, как позднее признавал Сталин, еще продолжались. Лишь 26 марта 1932 года вышло постановление ЦК, которое обязывало местные организации не только прекратить принудительное обобществление скота, но и помочь колхозникам в обзаведении пользовательным скотом.

Государство в 1930 году оказывало колхозам большую помощь, им предоставлялись существенные налоговые льготы. Зато для единоличников были увеличены ставки сельскохозяйственного налога, введены взимаемые только с них единовременные налоги. Рос также

объем государственных заготовок, которые приобретали обязательный характер.

Состоявшийся в декабре 1930 года объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) объявил, что в области сельского хозяйства в «первые два года пятилетки мы успели уже превзойти вдвое всю пятилетнюю программу» и даже разрешить «в основном» зерновую проблему (?!) в результате «крупнейших успехов, достигнутых в области колхозного и совхозного строительства, и неуклонно проводимой на базе сплошной коллективизации ликвидации кулачества как класса». Никакого напоминания об уроках предыдущей зимы здесь не было. В резолюции «О народнохозяйственном плане на 1931 год» были указаны контрольные цифры по коллективизации для всех групп районов страны. Для Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, степной Украины устанавливалось задание объединить в колхозах «не менее 80 проц. крестьянских хозяйств». Для Центрально-Черноземной области, Сибири, Урала, лесостепной Украины и зерновых районов Казахстана предписывалось «обеспечить 50 проц. коллективизации крестьянских хозяйств», «для потребляющей полосы по зерновым хозяйствам» — 20—25 процентов, а по Союзу в целом — «не менее половины крестьянских хозяйств». Причем, как указывалось в сталинской телеграмме секретарю Восточно-Сибирского крайкома Ф. Г. Леонову (март 1931 г.), местным организациям «не только не возбраняется, но, наоборот, рекомендуется перевыполнять задание». И оно, в общем, действительно было выполнено и даже перевыполнено: по стране в целом к июню 1931 года в колхозах состояло уже 52,7 процента крестьянских хозяйств.

1932 год был объявлен «годом завершения сплошной коллективизации». При этом несколько понижался критерий завершения коллективизации в «основном»: объединение в колхозах 68—70 процентов крестьянских хозяйств. Осенью в колхозах значилось 62,4 процента крестьянских хозяйств. Крупное коллективное хозяйство, таким образом, становится одной из основ нашей экономики и всего общественного строя.

Опираясь на бедноту

— Коллективизация затрагивала интересы и судьбы всего крестьянства. Но, естественно, различные социальные слои деревни по-разному воспринимали переход к коллективным формам хозяйствования.

Что означал он для бедняцких масс, для середняков, значительная часть которых к осени 1932 года вошла в колхозы?

— Надо, очевидно, сначала охарактеризовать масштабы социального расслоения деревни перед коллективизацией. По данным комиссии СНК СССР о тяжести налогового обложения (ее иногда называли комиссией Рыкова), в 1927 году среди крестьянских хозяйств было 3,9 процента кулацких, 62,7 — середняцких, 22,1 — бедняцких и 11,3 процента пролетарских. Основную массу, как видим, составляли середняки, треть — бедняки и батрачество.

Для последних была характерна безлошадность, поэтому, даже имея землю, хозяйствовать самостоятельно они не могли, находились в сильнейшей зависимости от зажиточных слоев деревни, в особенности от кулачества. Собственный опыт «сидения вольными хозяевами на вольной земле» показал им, что у них нет реальной перспективы в одиночку вырваться из нищеты и кабалы. Эта часть деревни увидела выход для себя в объединении. Она-то и стала той социальной силой, которая активно поддержала и сплошную коллективизацию, и ликвидацию кулачества.

Более сложным и противоречивым было отношение среднего крестьянства. Условия их жизни и труда также оказались весьма нелегкими. Большинство середняков начинало понимать ограниченность возможностей мелкого хозяйства. Но и переход к коллективным формам хозяйствования означал для них коренную ломку привычного уклада жизни. Неизбежными были поэтому их сомнения и колебания. Прежде чем решиться на этот шаг, они хотели видеть практические, наглядные доказательства преимуществ колхозов, получить возможность самим, без принуждения, в соответствии со своими интересами строить новые формы жизни. При этих условиях середняк делал выбор добровольно.

Вниманию к интересам трудового крестьянства учил В. И. Ленин. В написанной им в 1919 году резолюции VIII съезда партии был сформулирован важнейший вывод: «Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике».

Необходимо было учесть также, что за годы после революции крестьянство как класс коренным образом изменилось. Крестьянин-труженик считал теперь Советскую власть своей, стал настоящим союзником рабочего

класса. Опора на бедноту, последовательное проведение ленинской линии на союз со средним крестьянством против кулака позволили бы избежать перегибов, имевших место в конце 20-х — начале 30-х годов.

— А как строилась политика в отношении кулачества — в первые годы Советской власти, в период нэпа и позднее, во время сплошной коллективизации? Об этом сейчас особенно много говорят и пишут.

— Борьба против кулачества как эксплуататорского класса началась уже в ходе Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда в числе средств этой борьбы было и раскулачивание, то есть прямая и насильственная экспроприация (полностью или частично) средств производства в кулацких хозяйствах. Однако даже в годы революции и гражданской войны, когда классовая борьба в деревне часто доходила до вооруженных столкновений, а тем более в период нэпа перед кулаком не закрывалась дорога в новое общество. Он имел право вступать в сельскохозяйственные кооперативы всех типов, включая колхозы. Было, правда, и ограничение: кулаки не могли выступать учредителями кооперативов и избираться в их правления.

Такая политика вполне отвечала марксистско-ленинской постановке вопроса о путях ликвидации эксплуататорских классов. Она предусматривала уничтожение эксплуататорских отношений, замещение их отношениями сотрудничества, но не уничтожение людей.

В условиях нэпа имел место рост кулацких хозяйств. Их насчитывалось в 1927 году около 900 тысяч — это максимальная численность за послереволюционное время. Однако этот процесс находился под весьма жестким контролем государства, проводившего политику ограничения и вытеснения эксплуататорских устремлений кулачества.

В 1928—1929 годах наблюдалось быстрое сокращение численности хозяйств кулацкого типа. Это было следствием чрезвычайных мер при хлебозаготовках, конфискации хлебных запасов и части средств производства у кулаков. Многие из них были осуждены по обвинению в спекуляции. Проведенное в 1928—1929 годах изъятие земельных излишков, принудительный выкуп тракторов и сложных машин, сокращение, а затем прекращение кредитования и снабжения средствами производства, усиление налогового пресса — все это также подрывало экономические и политические позиции кулака. Введение индивидуального обложения, изы-

мавшего весь годовой доход, а часто и сверх него, прямо разоряло эти хозяйства. Начались свертывание в них производства, распродажа скота и инвентаря, сельхозмашин. Кулацкие семьи переселялись в города, уезжали на промышленные стройки. По данным ЦСУ СССР, доля кулацких хозяйств по РСФСР сократилась с 3,9 процента в 1927 году до 2,2 в 1929 году, по Украине — с 3,8 до 1,4 процента. К осени 1929 года их суммарный удельный вес едва ли превышал 2,5—3 процента, а численность — 600—700 тысяч семей.

Обстановку в деревне и весь ход событий резко обострило принятое летом 1929 года решение о запрещении принимать в колхозы кулацкие семьи. Это сразу и полностью отделило и противопоставило их всему крестьянству, вызвало крайнее озлобление, до предела ожесточило сопротивление кулачества. Раскулачивание захватило и значительную часть середняков.

О переходе к политике ликвидации кулачества как класса Сталин объявил 27 декабря 1929 года в речи на научной конференции аграрников-марксистов. Объявил как об уже свершившемся факте. 11 января 1930 года в «Правде» была опубликована передовая статья «Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня». В ней прозвучал призыв «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли».

Выработка конкретных мер и способов осуществления этой политики 15 января 1930 года была поручена специальной комиссии Политбюро под председательством В. М. Молотова. 30 января Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Предписывалось провести конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и семенных запасов. Хозяйственное имущество и постройки передавались в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, часть средств шла в погашение долгов кулацких хозяйств государству и кооперации.

Раскулачиваемые делились на три категории. К первой относился «контрреволюционный актив» — участники антисоветских и антиколхозных выступлений (они сами подлежали аресту, а их семьи — выселению в отдаленные районы страны). Ко второй — «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации» (их выселяли вместе с семьями в отдаленные районы). И, наконец, к третьей — «остальная часть кулаков» (она подлежала расселению специальными поселками в пределах районов прежнего своего проживания).

Постановление определило, что число раскулачиваемых по районам не должно превышать 3—5 процентов всех крестьянских хозяйств. И все же это было намного больше, чем сохранилось к зиме 1930 года кулацких хозяйств. Для районов сплошной коллективизации (Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга, Центрально-Черноземная область, Урал, Сибирь, Украина, Белоруссия и Казахстан) в постановлении указывались цифры «ограничительных контингентов», подлежащих высылке в отдаленные районы страны: 60 тысяч хозяйств (семей) первой категории и 150 тысяч — второй. 25 февраля были установлены «ограничительные контингенты» раскулачиваемых для Ленинградской, Западной, Московской, Иваново-промышленной областей и Нижегородского края: 17 тысяч первой категории, 15 тысяч — второй.

Жесткая разверстка сверху заданий по районам, предписываемый порядок проведения крупномасштабной насильственной акции, вся тональность постановления, как и инструкций центральных советских органов, и конкретных указаний на места, по сути перечеркивали содержащиеся в них предупреждения против «увлечений», «отрыва от масс»...

«В особо срочном порядке...»

— И все-таки у ряда читателей, как можно судить по редакционной почте, создается впечатление, что историки и публицисты тоже допускают сегодня «перегибы» в оценках, сгущают краски. Если раньше все просчеты списывались на местных «перегибщиков», сейчас главную вину возлагают на высшее руководство. Ведь и статья «Головокружение от успехов» и другие предупреждения сыграли свою роль в переломе к лучшему настроений массы крестьян.

— Нельзя отрицать ни объективных трудностей, ни грубых ошибок местных работников, которые подчас слишком усердно «проявляли инициативу», прибегали к необоснованным угрозам, прямому насилию. Но нельзя не учитывать, что тон этим перегибам был задан еще во время зимней поездки Сталина в районы Сибири, о которой мы уже говорили. В день его отъезда, 14 января 1928 года, была разослана директива, в которой сложившаяся ситуация, прежде всего рост цен, объяснялась тем, что «частник и кулак использовали благодушие и медлительность наших организаций, прорвали фронт на хлебном рынке, подняли цены и создали у крестьян выжидательное настроение...» В директиве

обосновывалось требование чрезвычайных мер, содержалось прямое указание «арестовывать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен». И судить их «в особо срочном и не связанном с формальностями порядке».

Чрезвычайные меры были с тех пор превращены в систему. Не только против кулачества, но и против середняков действовали приемами времен гражданской войны и военного коммунизма.

Это нашло выражение, в частности, в практике раскулачивания. Так, зимой 1930 года широко применялся перевод раскулачиваемых из третьей категории во вторую. Стремление к «перевыполнению» спущенных сверху «норм», «контрольных цифр», «заданий» приобрело повсеместное распространение. Причем нужно иметь в виду, что начиная с весны 1930 года речь шла о ликвидации по существу бывших кулацких хозяйств, ибо постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля они уже были лишены возможности арендовать землю и эксплуатировать чужой труд.

Взрыв крестьянского возмущения заставил сталинское руководство дать отбой, принять меры к исправлению наиболее грубых актов произвола и насилия. Была проведена и «реабилитация» части раскулаченных и предназначенных к раскулачиванию. Об итогах исправления «перегибов» в это время имеются пока лишь отдельные сведения. В Курском округе, например, из 8.949 раскулачиваемых хозяйств было восстановлено 4.453, в Льговском округе — 2.390 из 4.487, то есть больше половины.

С февраля по октябрь 1931 года прошла новая, наиболее широкая волна ликвидации кулацких хозяйств. Общее руководство осуществлялось специальной комиссией, которую возглавлял А. А. Андреев. Раскулачивание производилось и в дальнейшем — и после того, как в марте 1932 года эта комиссия прекратила свое существование. Оно все больше принимало характер репрессий за невыполнение заданий по хлебозаготовкам, за хищения колхозной продукции, за отказ от работы...

Лишь 8 мая 1933 года партийным и советским организациям была разослана инструкция, предписывающая ограничить наконец масштабы репрессий в деревне. Этот документ, подписанный Сталиным и Молотовым, констатировал, что с мест «все еще продолжают поступать требования о массовом выселении из деревни и применении острых форм репрессий. В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из краев и

областей около ста тысяч семей». В инструкции разъяснялось, что, хотя «классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться» и в дальнейшем, тем не менее ее старые методы «изжили себя»: «В результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников».

В связи с этим принималось решение: «Немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян». Однако на деле речь шла всего лишь об ограничении масштабов выселений — они должны были производиться «только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок». Та же инструкция «допускала» выселение 12 тысяч хозяйств и давала их «разнарядку» по республикам и районам.

— Сколько же всего семей было раскулачено? В прессе приводятся разные расчеты, например, называют цифру «не менее трех миллионов», то есть 11—12 процентов всех крестьянских хозяйств.

— Пока трудно определить численность раскулаченных хозяйств и пострадавших при этом людей. К сожалению, некоторые авторы стремятся называть как можно большие цифры, не заботясь об их достоверности и аргументированности. Хотят шокировать читателя гибелью 13 или 15 миллионов человек, как будто цифра «всего» 4 или 5 миллионов недостаточна, по их мнению, чтобы со всей решительностью осудить сталинское насилие над крестьянством.

Точные данные имеются лишь о численности семей, высланных в отдаленные районы страны (то есть о тех, которые постановлением от 30 января 1930 г. были отнесены к первой и второй «категориям»). В 1930 г. выселена 115.231 семья, в 1931 г.— 265.795. За два года, следовательно, были отправлены на Север, на Урал, в Сибирь и Казахстан 381 тысяча семей. Часть кулацких семей (200—250 тысяч) успела «самораскулачиться», то есть распродать или бросить свое имущество и бежать в города или на стройки. В 1932 году и после специальные кампании выселения не проводились. Однако общее число высланных в то время из деревни составило не менее 100 тысяч. Примерно 400—450 тысяч семей, которые должны были расселяться отдельными поселками в пределах краев и областей прежнего проживания (третья «категория»), после конфискации имущества и разных мытарств в массе своей также ушли из деревни на стройки и в города. В сумме получается около одного миллиона — 1.100 тысяч хозяйств, ликвидированных в ходе раскулачивания.

Голод 1932—1933 гг.

— И все же самая трагическая страница — голод, постигший деревню в 1932—1933 гг. Долгое время о нем даже упоминать запрещалось. Зато вовсю пропагандировался выдвинутый Сталиным именно тогда лозунг «сделать всех колхозников зажиточными».

— Да, голод в зерновых районах страны, разразившийся в те годы, был одной из запретных тем, и не только в период культа личности. Правда, из произведений Михаила Алексеева и Ивана Стаднюка советский читатель в начале 60-х годов узнал о вымирании от голода деревень в Поволжье и на Украине. Однако только в условиях гласности историки получили возможность обратиться к изучению этой трагедии. Первые же результаты конкретно-исторического анализа показали, что голод, унесший столько жизней, был самым страшным преступлением Сталина и его окружения.

В печати уже появлялись утверждения, что голод — простое следствие коллективизации по-сталински. Дескать, раз трагедия произошла после коллективизации — значит вследствие этого. Как же было на самом деле?

Обратимся к цифрам и фактам. В целом урожаи 1931 и 1932 годов были лишь немного ниже средних многолетних и сами по себе не грозили голодом. Беда пришла потому, что хлеб принудительно и по сути «под метелку» изымался и в колхозах, и в единоличных хозяйствах ради выполнения нереальных, произвольно установленных сталинским руководством в 1930 году, вопреки пятилетнему плану, заданий индустриального развития. Заметим, что эти волюнтаристские задания выполнить не удалось, о чем уже говорилось в недавних публикациях прессы.

Для закупки промышленного оборудования требовалась валюта. Получить ее можно было лишь в обмен на хлеб. Между тем в мировой экономике разразился кризис, цены на зерно резко упали. Однако сталинское руководство и не подумало пересматривать установку на непосильный для страны индустриальный «скачок». Вывоз хлеба за границу все возрастал. В 1930 году было собрано 835 млн. центнеров хлеба, что позволило экспортировать 48,4 млн. центнеров. В 1931 году сбор составил намного меньше — 695 млн. центнеров хлеба, а на внешний рынок было вывезено больше зерна — 51,8 млн. центнеров. У многих колхозников был изъят весь хлеб, включая семенной фонд. В Сибири, Поволжье, Казахстане, на Северном Кавказе и Украине возникли серьезные продовольственные трудности, местами начинался голод. И колхозники и единоличники, иногда

целыми селами, снимались с места, уходили в города, на стройки. Ряд колхозов распался. В тот год все же были приняты меры по нормализации обстановки в деревне (продовольственная и семенная ссуда и т. п.), предотвратившие массовый голод.

В 1932 году валовой урожай зерновых составил 699 млн. центнеров, но часть его осталась на корню. Сказались, конечно, и объективные трудности. Однако главное состояло в другом. После горького опыта 1931 года колхозники вынуждены были искать любые заработки на стороне, уклоняясь от колхозных работ. Они хорошо помнили, как выращенный ими в том году хлеб шел по «конвейеру» — с поля на молотилку, затем сразу на заготовительный пункт, минуя колхозные амбары.

К лету 1932 года деревня зерновой полосы России и Украины после полуголодной зимы вышла физически ослабленной. На еще невызревших полях появились «парикмахеры» — чаще всего отчаявшиеся при виде голодных детей женщины. Они ножницами срезали колосья на кашу для семьи (на колхозных полях это делалось обычно тайком, воровски, по ночам). Когда началась уборка — а первые обмолоты вновь полностью вывозились на заготовительные пункты — появились «несуны». Зерно несли с токов в карманах, за пазухой...

И вот 7 августа 1932 года принимается Закон об охране социалистической собственности, написанный собственноручно Сталиным. Он вводил «в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». Амнистия по делам этого рода была запрещена. Действительный смысл того закона — закона, вводившего беззаконие — был современникам вполне ясен. «Закон о пяти колосках» — так назвали его в деревне. Его осуждали и в партийной среде.

К началу 1933 года, за неполные пять месяцев, по этому закону было осуждено 54.645 человек. Из них 2.110 — к высшей мере наказания. Приговоры приведены в исполнение примерно в 1.000 случаев. Судьи заявляли, что у них «рука не поднимается...»

— А страшный голод уже стучался в избы крестьян. Прокомментируйте, как развивались события.

— На Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, Украине колхозы не смогли в 1932-м выполнить за-

даний по сдаче хлеба. Когда Сталину доложили, что руководители Ореховского района Днепропетровской области разрешили колхозам оставить себе фонды на посев, засыпать страхфонд, он впал в неистовый гнев. 7 декабря 1932 года за его подписью всем партийным органам был разослан циркуляр, в котором Сталин объявил этих руководителей «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую политику под флагом своего «согласия» с генеральной линией партии». Он потребовал «немедля арестовать и наградить их по заслугам, то есть дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения каждому». Такой же срок по его требованию давался «саботажникам» хлебозаготовок и в других районах. Тогда же в Сталинградский округ была послана подписанная Сталиным и Молотовым телеграмма, требовавшая «преступников», повинных в прекращении сдачи хлеба, «немедленно судить и дать 5, лучше 10 лет тюремного заключения».

В эти районы были командированы чрезвычайные комиссии. На Северный Кавказ выехала группа в составе Л. М. Кагановича (руководитель), М. А. Чернова, А. И. Микояна, М. Ф. Шкирятова, Г. А. Юркина, Г. Г. Ягоды и др. На Украине чрезвычайную комиссию возглавлял В. М. Молотов. Репрессии стали средством проведения хлебозаготовок. Многие колхозы, первичные, а нередко районные партийные организации объявлялись кулацкими, секретари райкомов, председатели райисполкомов, колхозов, директора МТС объявлялись саботажниками и перерожденцами. Их арестовывали и расстреливали, публикуя сведения об этом в печати. В результате чистки по Северо-Кавказскому краю было исключено из партии 26 тысяч человек, или 45 процентов сельских коммунистов. На Кубани население целых станиц выселялось в северные районы страны в наказание за невыполнение плана хлебозаготовок.

О возмутительных методах действий при заготовках в Вешенском и других районах М. А. Шолохов 16 апреля 1933 года написал Сталину. В ответном письме Сталин обвинил колхозников в том, что они вели «саботаж» и даже «войну на измор» против рабочих и Красной Армии. О бедственном положении самой деревни — ни слова...

Деревню захлестывала волна административного произвола и насилия. Позднее в упоминавшейся уже инструкции от 8 мая 1933 года, Сталин и Молотов признавали: «Арестовывают председатели колхозов и члены

правления колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. И неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разобраться». Инструкция запрещала «производство арестов лицами, на то не уполномоченными по закону», а также «заключение под стражу до суда за маловажные преступления». Однако осужденный слишком поздно «разгул практики арестов» сам был следствием произвола, который учинило сталинское руководство в обескровленной деревне при хлебозаготовках из урожая 1932 г.

Зимой 1932/33 года в селах зерновых районов страны — на Украине, Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, Южном Урале и в Казахстане — разразился массовый голод. Имелись случаи вымирания целых селений.

Чрезвычайно трудно установить количество погибших в результате голода. Научных исследований советских историков-демографов пока еще нет — по причинам, о которых уже говорилось. Зарубежные советологи приписывают сплошной коллективизации сельского хозяйства уничтожение 13 млн. крестьян, в том числе более 7 млн. человек, умерших от голода. Однако эти цифры вызвали критику даже в англо-американской научной литературе. Достаточно убедительно показано, что в основе приведенных расчетов — использование «темных источников», «ничем не оправданные интерпретации», а главное — стремление вызвать «возмущение» против Советского Союза, против социализма вообще. По более объективным оценкам статистических данных в работах историков Роберта Дэвиса и Стивена Уиткрофта, демографов Барбары Андерсон и Брайана Сильвера, число жертв голода составило 3—4 миллиона человек. Советским обществоведам еще предстоит провести большую исследовательскую работу, чтобы сказать свое слово.

Преодолеть отчуждение

— Завершение коллективизации приходится на годы второй пятилетки, когда в колхозы были вовлечены остатки единоличного крестьянства. Как шло тогда становление колхозного строя, развитие сельской экономики?

— Начало второй пятилетки было крайне тяжелым для сельского хозяйства. Валовой сбор зерновых культур в 1933 и 1934 годах в среднем составлял около 680 млн. центнеров — самые низкие урожаи после 1921 года.

Однако государственные заготовки зерновых были крайне высокими — 233 млн. ц в 1933-м и 268 млн. ц в 1934 году. Из-за насилия при организации колхозов, установки на максимальное обобществление скота и пережитого деревней голода было подорвано животноводство. Поголовье крупного рогатого скота сократилось с 60,1 млн. голов в 1928 году до 33,5 млн. в 1933 году, поголовье свиней — с 22 млн. до 9,9 млн., овец — с 97,3 млн. до 32,9 млн. (в 1934 году), лошадей — с 32,1 млн. до 14,9 млн. (в 1935 году). Деревня влачила полуголодное существование.

Преодоление кризисной ситуации требовало огромных усилий и времени.

В этих условиях положительную роль сыграл принятый в феврале 1935 года новый Устав сельскохозяйственной артели. Он обобщил и оформил новые отношения в колхозной деревне, определил главные принципы организации производства и распределения в колхозах, гарантировал существование личного подсобного хозяйства колхозников.

Восстановление сельскохозяйственного производства началось в 1935—1937 годах. Стали увеличиваться урожаи, возобновился рост поголовья скота, улучшилась оплата труда. Сказывались и результаты технического перевооружения сельского хозяйства. В 1937 году система МТС обслуживала 9/10 колхозов. Однако прирост производства за эти три года не покрыл потерь первых двух лет.

Что касается коллективизации единоличных крестьянских хозяйств, которых к началу второй пятилетки насчитывалось около 9 миллионов, то события 1932—1933 годов ее фактически приостановили. В партийной среде распространялись мнения о необходимости серьезного пересмотра политики в деревне, особенно в области колхозного строительства. Высказывались, в частности, рекомендации о расширении личных подсобных хозяйств колхозников (увеличение приусадебных участков, разрешение иметь двух коров и т. п.), о стимулировании единоличных хозяйств.

Но 2 июня 1934 года в ЦК ВКП(б) состоялось совещание по вопросам коллективизации, на котором выступил с речью И. В. Сталин. Он объявил о начале нового, завершающего этапа коллективизации. Предлагалось перейти в «наступление» на единоличника путем усиления налогового пресса, ограничения земле-

пользования и т. п. В августе — сентябре 1934 года были повышены ставки сельхозналога с единоличников и, кроме того, введен для них единовременный налог, на 50 процентов увеличены нормы обязательных поставок продукции государству по сравнению с колхозниками.

К 1937 году коллективизация завершилась. В стране насчитывалось 243,7 тыс. колхозов, объединявших 93 процента крестьянских хозяйств.

Говоря об истории коллективизации, ее уроках, нельзя забывать, что на этом пути мы были первыми, и объективные трудности поисков не сбросишь со счетов. Нельзя не воздать должное колхозному крестьянству, которое столько сделало для страны, для укрепления ее экономической и оборонной мощи, что особенно проявилось в годы войны.

И наш, и позднее — зарубежный опыт показал, что крупное коллективное хозяйство открывает широкие возможности экономического и социального прогресса. Но эти возможности реализуются в полной мере, когда трудовой коллектив на деле является хозяином — самостоятельным, инициативным, когда отношения строятся на демократических началах. Именно к этому мы и стремимся сегодня.

Долгое время эти принципы нарушались. Самодеятельность колхозов с самого начала была резко ограничена, что тормозило их инициативу, хозяйственный рост. Из колхозной деревни шла постоянная мобилизация человеческих и материальных ресурсов на различные государственные нужды. В январе 1933 года после провала хлебозаготовок вводятся обязательные поставки колхозной продукции государству, имевшие характер и силу налога. Цены на зерно и большую часть других сельскохозяйственных продуктов были установлены в 10—12 раз ниже рыночных.

Важнейшие средства производства — практически вся машинная техника,— а также квалифицированные кадры были сосредоточены в системе государственных МТС, обрабатывающих колхозные поля за натуральную плату, причем размеры ее устанавливались сверху.

Это также способствовало отчуждению производителя и от средств производства, и от результатов труда. Параллельно складывалась система директивного планирования и бюрократического командования колхозами со стороны аппарата. К тому же колхозники не

имели паспортов, что лишило их возможности свободного перемещения, юридически привязало к колхозу, придавало их труду принудительный характер. Происходило раскрестьянивание деревни.

Командно-бюрократическая система управления колхозами, несмотря на существенные изменения конца 50-х — начала 60-х годов, дожила и до наших дней. Она фактически стала тормозом развития колхозного производства, реализации его возможностей. В ней надо искать и объяснение причин отставания сельского хозяйства от потребностей страны, а также бегства крестьян от земли и запустения деревень. Окончательный слом командной системы, развитие подлинной самостоятельности трудовых коллективов, как подчеркивалось на XIX Всесоюзной партконференции, и составляют ныне основу перестройки в колхозном секторе экономики.

Современная аграрная политика КПСС в соответствии с ленинскими идеями о кооперации направлена на осуществление глубокой демократизации экономики. Речь идеть о возрождении и дальнейшем развитии колхозов как кооперативных объединений, о перестройке их внутренней структуры и деятельности на кооперативных началах. Колхозы становятся объединениями первичных коллективов (бригад, звеньев, семей и др.), работающих на подрядных, арендных, вообще хозрасчетных принципах,— своего рода кооперативами кооперативов. Они объединяются с другими колхозами, совхозами и разного рода предприятиями в межхозяйственных кооперативах — производственных, сбыто-снабженческих и др. Таким образом возникает кооперативная общественно-экономическая структура. Ее создание и развитие станет крупным шагом на пути практического осуществления ленинской идеи о социализме как строе цивилизованных кооператоров.

Публикацию подготовил
А. ИЛЬИН.

Правда. 1988. 16 сент.

О. Лацис

Перелом

Ну вот мы и вернулись к тому, с чего начинали тридцать с лишним лет назад. К проклятым нашим вопросам. Почему мы строили социализм по-сталински? И могли ли мы иначе его построить? Не праздное любопытство стоит за этим желанием постичь наше прошлое, а тревога о настоящем и будущем, потому что, не разобравшись со сталинщиной, мы не обретем гарантий против ее повторения, не укрепим доверие новых поколений к социализму, не возродим его авторитет в мире. А без этого мы просто не можем жить.

Ведь были двадцать лет умолчания о неудобных вопросах. Что они дали? Укреплен ли авторитет социалистической идеи в результате этого молчания? Нет, только ослаблен. Это наша пропаганда молчала о горькой правде нашего прошлого, это наша наука не исследовала сложные проблемы. Чужая пропаганда не молчала, чужие историки не теряли времени. Да и те советские люди, кто не слушал чужих голосов, они не мирились с незнанием и заполняли вакуум мифами, самодельными концепциями.

Социалистическое сознание старших поколений пострадало относительно меньше. Жизненный опыт людей, прошедших революцию и гражданскую войну, социалистическое строительство и войну Отечественную, этот опыт давал ощущение силы нашего строя. Потрясенные горькой правдой в пятьдесят шестом году, люди тех поколений в большинстве своем все же выработали понимание того, что ленинские идеи, социализм — это одно, сталинщина — другое. Но совсем иную закалку дал жизненный опыт тем, кто вступил в активный возраст в семидесятых, для кого политика отождествлялась лишь с застойным временем.

Именно в те времена, когда на страницах печати господствовала «идейная чистота», в реальной общественной жизни произошло немыслимое прежде засорение идеологии. Монархические, буржуазно-демократические, шовинистические, националистические, разномастные религиозные идеи, справедливо считавшиеся некогда принадлежностью лишь остатков эксплуата-

торских классов, распространились среди интеллигенции, среди рабочих и крестьян, среди потомков революционеров. Не просто распространились, а стали модой, свидетельством вольномыслия. Сегодня противники перестройки любят порассуждать о случившемся будто бы в пору гласности повреждении основ социализма, о появлении «альтернативных башен», стремящихся сокрушить наш строй. Есть подобные «башни», хотя «плакальщики по социализму» любят приписывать к ним и любую критику извращений прошлых времен. Есть в обществе носители антисоциалистической идеологии, но гласность только лишь позволила им обнаружиться. А появились они в годы молчания.

Сегодня историки начинают сначала. Начинают в худших условиях, потому что двадцать лет упущены. Начинают в лучших условиях, потому что документы 70-летия Октября дали то, что нужно науке: не истину в последней инстанции по всем вопросам, а возможность вести объективное исследование. Начинают с тех же вопросов, перед которыми остановились в конце пятидесятых — начале шестидесятых.

И вот уже первые ответы.

Дмитрий Волкогонов, кажется, выложил всю горькую правду. Вот некоторые оценки Сталина и сталинщины из его очерка в «Литературной газете» от 9 декабря 1987 года: «попрание человечности»; «преступления»; «нечеловеческие унижения и испытания»; «чудовищная несправедливость», «никакие заслуги не оправдывают бесчеловечности»; «озлобление», «методы командно-бюрократического стиля, насилия, «закручивания гаек», апологетом которых был именно Троцкий, будут взяты на вооружение Сталиным»; «быстро привык к насилию»; «ликвидация личных противников»; «страшная инерция насилия»; «смотрел на общество как на человеческий аквариум; все в его власти»; «не была ли рядом с жестокостью и никогда не распознанная душевная болезнь Сталина?». Такие вот оценки. И факты, страшные факты. Только в органах НКВД «более 20 тысяч честных людей пало жертвами этой вакханалии беззакония».

И после всего этого: «Во время борьбы за выживание нового строя исключительное значение имела целеустремленность и политическая воля лидера. Здесь, пожалуй, Сталину после Ленина не было равных». Затем: «имел и нечто такое, чего не было у

других». Вывод: «В этих условиях альтернатива других лидеров была маловероятной».

Так ли? Вспомним слова из доклада «Октябрь и перестройка: революция продолжается»: «...Культ личности не был незбежным. Он чужд природе социализма, представляет собой отступление от его основополагающих принципов и, таким образом, не имеет никакого оправдания». А ведь заявление об отсутствии «альтернативы других лидеров» автоматически оправдывает перед лицом истории все, что творил Сталин. Однако разве, если будет доказано, что надо оправдать, добросовестный исследователь не обязан принять это? Но в том-то и дело, что не доказано. Целеустремленность и политическая воля? Десятки соратников Ленина обладали этими качествами, и ясно сейчас, что любой из них был лучше, потому что невозможно придумать худшее: на всех поворотах истории, на каждой ее развилке Сталин избирал для нашего народа путь наибольших издержек и жертв. Лишь непостижимый логический сбой позволяет иным авторам твердить, что Сталин каким-то образом ускорил наше развитие; все факты вопиют о том, что он его замедлил, что он не раз отбрасывал страну назад и лишь крайнее напряжение сил народа и великие жертвы позволили избежать полной утраты завоеваний Октября.

Игорь Клямкин в «Новом мире» тоже доказывает объективную предопределенность сталинского пути социалистического строительства, но подходит к делу более основательно. Отсутствие альтернативы он выводит из анализа классовых сил, из социальной психологии численно преобладавшей крестьянской массы: «Победили тогда сильнейшие, и никто, кроме них, победить не мог, потому что другого «проекта застройки» нашей улицы, способного конкурировать с коллективизацией, в ту пору не было». И дальше: «Большинство крестьян примирилось с коллективизацией, потому что в кулаке видело своего врага. Потому что не успело «обуржуазиться», не было готово к конкурентной борьбе на рынке, боялось его разоряющей стихии еще с дореволюционных времен».

В этом есть правда: действительно, крестьянам были тогда присущи и такие свойства. Вероятно, эта правда помешала автору увидеть, что он дал лишь неполный ответ на неполный вопрос. Здесь анализ

много глубже и убедительнее, чем у Д. Волкогонова, поскольку И. Клямкин от рассмотрения свойств отдельных лиц перешел к характеристике социальных слоев. Но вопрос он потихоньку подменил. Нас интересует, почему победила сталинская линия строительства социализма, сталинская линия в индустриализации, коллективизации, государственном и партийном строительстве. Почему за Сталиным, а не за группой Бухарина пошли правящая партия и ведущий в политическом отношении класс, а уж затем и наиболее многочисленный тогда класс — крестьянство. И. Клямкин, ненароком опустив вопрос о выборе, который сделало руководство партии, свел все к крестьянству. Но и на этом не закончились малозаметные подмены. Отвечая прямо на поставленный вопрос: приняли ли крестьяне сталинскую коллективизацию? — пришлось бы признать: нет, не приняли. Лучшее тому доказательство — массовое уничтожение скота и сокращение сбора хлеба. Но, признай это, рухнула бы затейливо выстроенная концепция. Поэтому автор ставит еще более узкий вопрос: почему крестьяне не восстали, как предрекала эмиграция? На этот неполный вопрос и дается приведенный выше ответ. Он также неполон. Для восстания требовалась не только «любовь» к раскулачиваемым. Многое нужно мирному хлебопашцу, чтобы затеять войну в собственном доме. Нужна привычка к войне, нужна политическая организация, нужна уверенность в своей силе и в слабости противника, нужно крайнее отчаяние от безвыходности, от невозможности существования в сложившихся обстоятельствах. Такое редкое сочетание условий было только в двадцатом году, тогда и были мощные восстания. В двадцать девятом из всех этих условий была разве что безысходность, но и ее Сталин вовремя пригасил лицемерным отречением от «перегибов». В такой обстановке следовало бы удивляться не тому, что крестьяне в целом не восстали, а тому, что кое-где они все-таки восстали.

Нет, не удалась и И. Клямкину попытка доказать, что страна наша получила тот путь, какого заслуживала, что иного быть не могло. Был иной путь, были сторонники иного пути. Многие авторы сегодня склоняются к тому, что путь, предлагавшийся группой Н. И. Бухарина, обеспечил бы выполнение тех же исторических задач ценою меньших издержек. Так,

Л. Гордон и Э. Клопов («Знание — сила», 1988, № 2) пишут: «Опыт реального социализма — и в СССР, и в других странах — говорит о принципиальной возможности построения социализма в рамках политики, близкой к той, которая предлагалась оппонентами И. В. Сталина».

Был иной путь. Почему же он остался только возможностью? Полный ответ на этот очень важный и далеко не академический вопрос потребует немалых трудов, в том числе изучения еще не прочитанных документов. Но некоторые предположения можно высказать уже сейчас. Они связаны с характеристикой не крестьянства, а рабочего класса и его партии, руководства этой партии после Ленина.

I

Отдельная личность мало что может изменить в моменты резкого неравновесия общественных сил, значительного перевеса одной силы. Вероятно, никакое влияние одной личности не могло бы остановить народное восстание против Временного правительства в конце 1917 года, после того как оно доказало свое неумение и нежелание дать то, ради чего совершился февраль: землю крестьянам, хлеб рабочим, мир народам. Это особенно ясно доказано случаем с Каменевым и Зиновьевым, личный авторитет которых был велик. Но так силен был массовый напор, что самые авторитетные личности, не посчитавшиеся с ним, оказались в изоляции. Большинство против них в ЦК было столь решительным, что мы вправе предположить: случись так, что Ленин вовсе не смог бы по каким-либо причинам повлиять на это решение, Каменев и Зиновьев все равно большинства не собрали бы. А если бы и собрали, если бы и ушли большевики в сторону, это лишь освободило бы поле для левых эсеров, для анархистов или иных политических сил, но не остановило бы восстание.

Иное дело, когда сталкиваются две противоборствующие тенденции, имеющие с обеих сторон мощную социальную поддержку, так что весы качаются примерно в равновесии. Тут бывает достаточно толчка даже одной личности, чтобы одна чаша перетянула. Так было в вопросе о Брестском мире. Предположим на минуту, что в этот момент опять-таки Ленин не

смог бы по какому-то стечению обстоятельств участвовать в решении. Пожалуй, тогда, без противодействия этой единственной личности — Ленина, противники мира победили бы в партии. Ведь в какой-то момент в ЦК они оказались в большинстве, и против него не хватило даже всего ленинского авторитета, громадной энергии и силы убеждения. Понадобились еще время, стоившее ухудшения условий мира, и угроза отставки на съезде (к чему Ленин не прибегал никогда более и что дало несколько голосов). Здесь именно личность, заняв правильную позицию и приложив все свои способности, спасает дело.

Состояние не очень устойчивого равновесия — притом не на момент, а на длительный период — создавал неизбежно и план перехода к социализму, названный новой экономической политикой. На десятилетия — вплоть до создания нового рабочего класса — преобладающей в стране оставалась крестьянская масса, отнюдь не сознававшая своей заинтересованности в социалистическом будущем. Правда, в руках рабочего класса была государственная власть, но и она не обеспечила бы перевеса, если бы использовалась для политики подавления крестьян,— возможна была лишь политика союза. В длительной перспективе это означало неизбежное мелкобуржуазное влияние на самих рабочих. Избежать связанных с этим опасностей можно было лишь при полном единстве среди «личностей» — верхнего слоя партии. На это время чрезвычайно выросла роль не миллионов, а тысяч — большевиков с дореволюционным стажем — и даже единиц — руководителей партии.

Как дожить до того времени, когда сложится мощный слой рабочих? Как избежать перерождения и прочих опасностей? Ведь мелкокрестьянское хозяйство порождает капитализм «ежедневно, ежечасно». А тонкий слой рабочих стал после войны еще тоньше. Кто убережет его от всепроникающего мелкобуржуазного влияния? Ответ был только один: убережет партия. А кто убережет партию? На XI съезде, последнем, где был Ленин, стоял особым вопросом повестки дня доклад о партийном строительстве. В нем приводилась цифра: большевики со стажем до февраля 1917 года составляют в партии два процента. Это уже после чистки, уменьшившей партию на четверть за счет новоиспеченных коммунистов.

Два процента, но твердокаменных, с громадным политическим опытом, занявших все ключевые позиции в партии и государстве. Они должны были удержать на рельсах паровоз революции на самом трудном перегоне. Только после этого роль личности или нескольких личностей, от которых зависел успех всего дела, могла уменьшиться до нормальных пределов. Под силу ли такая задача нескольким тысячам — верхушке партии? Под силу, если только не будут мешать друг другу. Отсюда тревога о единстве на протяжении всего 1923 года, во всех последних работах Ленина. Отсюда «завещание» — стремление внимательно присмотреться к самым верхним, от которых все зависит. Напомним имена шестерых вождей. В «Письме съезду» названы: Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Пятаков.

Спустя всего четыре года Троцкий был уже в ссылке, Каменев, Зиновьев и Пятаков исключены из партии; спустя еще два года Троцкий был выслан из страны, Бухарин лишен сколько-нибудь значительной власти. Сталину не противостоял никто из старых вождей. Его власть стала единоличной уже тогда, в конце двадцатых годов. Репрессии тридцатых годов не означали захват власти Сталиным — они означали только укрепление ранее захваченной власти. Тогда устранялась уже тень возможной конкуренции. Как же были устранены реальные конкуренты?

Самой драматической схваткой, в которой потерпел поражение последний из конкурентов Сталина в шестерке, была борьба против правого уклона, начавшаяся после XV съезда (декабрь 1927) и закончившаяся к XVI съезду (1930). Этот период интересен не только тем, что означал фактический захват неограниченной власти. И не только мощью поверженных противников (Бухарин — член Политбюро, руководитель Коминтерна, редактор «Правды», виднейший теоретик и любимец партии, Рыков — член Политбюро, председатель Совнаркома и, таким образом, непосредственный преемник Ленина по занимаемой должности, Томский — член Политбюро еще при Ленине, председатель ВЦСПС). Интересно и распределение позиций в этом сражении.

Вспомним: первый из шестерки, кто был повержен,— Троцкий, сам напал на Политбюро и ЦК. Он был настолько самоуверен, настолько действительно

крупной был фигурой благодаря своим заслугам в двух революциях и в недавно закончившейся гражданской войне, что не только пошел один против всех остальных вождей, но и пошел против политики партии, разработанной на очередном съезде еще при жизни Ленина и проводившейся Центральным Комитетом единогласно. Троцкий бросил на весы свой личный авторитет — и был побит. Главными его оппонентами были, между прочим, Зиновьев и Каменев.

Через полтора года пришел их черед, они пошли против Сталина и Бухарина, возглавлявших большинство ЦК. Опять инициатива исходила от оппозиционеров, они в качестве формальной мишени (неудобно выступать просто с предложением изменений в руководстве) избрали политику партии по основным социально-экономическим вопросам, разработанную единогласно на предыдущем съезде, конференции и пленумах,— и были биты. Потом они объединились с Троцким, которого сами же раньше колотили,— это уж было явно проигрышное дело, к XV съезду всех троих выбросили из Политбюро, затем из ЦК и, наконец, из партии (как и Пятакова, занимавшего менее значительные посты).

Но Бухарин не создавал оппозиции, недаром к нему применили слово «уклон». Бухарин не выступал против политики партии, напротив, отстаивал решения последнего съезда. Напасть на его позицию означало напасть на генеральную линию партии. До тех пор каждый, кто это делал, терпел поражение. Но Сталин сумел саму генеральную линию изменить между съездами, вытащить ее из-под ног стоявшего на прежних позициях Бухарина.

С 1923 года, когда Ленин отошел от руководства страной, и до конца 1927 года, включая XV съезд, Сталин неизменно стоял на позициях твердой защиты новой экономической политики, начатой Лениным. Борьба бывала резкой и трудной, соперники — сильнейшими, но Сталин и Бухарин — двое из шести — всегда стояли на ленинских позициях, причем если за Бухариным замечались в ходе отстаивания этих позиций некоторые ошибки, за которые его критиковали и которые приходилось признавать, то у Сталина и ошибок в эти годы не отмечалось. Он стоял, как скала, казалось, оставив все колебания и ошибки в том, прошлом времени, когда был Ленин, который мог

поправить любого. Тем более ошеломительным выглядит его поворот в 1928 году.

Основными вопросами схватки с «правыми уклонистами» были пути и темпы индустриализации (что свелось в основном к обсуждению заданий первой пятилетки) и пути и темпы коллективизации. В начале 1929 года Госплан предложил Совнаркому два варианта, которые не противопоставлялись политически, ибо отражали один и тот же подход — разница была лишь в степени напряженности. Один из этих вариантов, названный оптимальным, превосходил другой, названный отправным, примерно на 20 процентов. То есть по оптимальному можно было за пять лет достичь тех же показателей, что по отправному — за шесть.

Председатель Госплана Кржижановский поначалу не брал на себя ответственность за оптимальный вариант и объяснял в своих выступлениях, что два варианта плана — это как бы артиллерийская вилка, так что «попадание» при выполнении плана будет в ее пределах. Он полагал, что отправной вариант будет выполнен безусловно, а если к тому же, ориентируясь на оптимальный, мы вырвемся вперед на отдельных участках, это только полезно.

Однако позднее даже само название отправного варианта употребляли все реже, именуя его «минимальным», оппортунистическим, враждебным и т. п. Совнарком после первого же рассмотрения стал рекомендовать только оптимальный вариант. В апреле 1929 года XVI партконференция без споров приняла оптимальный вариант на основании единых по духу докладов Рыкова, Кржижановского и председателя ВСНХ Куйбышева. Затем на основе решения конференции V съезд Советов СССР принял пятилетний план. Однако история плана на этом не кончилась. Во-первых, серией постановлений ЦК партии, Совнаркома, ЦИК СССР были повышены показатели по отдельным отраслям — чугуну, нефти, тракторам, сельхозмашинам, электрификации железных дорог (повышение задания по чугуну особо отметил в своей резолюции XVI съезд партии). Во-вторых, был выдвинут лозунг «Пятилетку — в четыре года». Это стало общепризнанной целью, но позднее и ее решено было превзойти. Докладывая на сессии ЦИК СССР о контрольных цифрах на 1931 год, Молотов сообщил, что намечен прирост промышленной продукции на 45 процентов вместо 22,

предусмотренных пятилетним планом для третьего года пятилетки. А через месяц в речи на первой конференции работников промышленности в феврале 1931 года Сталин пояснил, что выполнение такого годового задания означает выполнение пятилетки в три года по основным отраслям. К тому времени подоспело решение перенести начало хозяйственного года на 1 января. А в январе 1933 года Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) объявил, что пятилетний план выполнен за 4 года и 3 месяца. Таким образом, если по плану отчетным годом пятилетки должен был стать 1932/33 хозяйственный (с 1 октября по 1 октября), то фактически им стал 1932 календарный год.

Оценить количественные результаты развития промышленности в годы первой пятилетки невозможно в двух словах. Из популярных учебников известно, что она была успешно выполнена за 4 года и 3 месяца. Несколько реже упоминается, что она была выполнена по валовой продукции промышленности на 93,7 процента. Это уже не совсем выполнение, но, учитывая сокращенный срок,— итог хороший. Однако интерпретация показателей валовой продукции требует определенной осторожности. Их значение нельзя преуменьшать, но не следует и преувеличивать. Во-первых, нам трудно определить, в какой степени сказался на этих показателях происшедший в годы пятилетки рост оптовых цен, на который вполне определенно указывает советская экономическая литература. Во-вторых (и это, может быть, важнее), стоимостная оценка объема продукции по природе своей условна, особенно при той беспрецедентной ломке структуры производства, какая произошла в те годы. Целые громадные отрасли, не существовавшие в 1928 году, давали продукцию в 1932-м: автомобильная, тракторная, авиационная, сельхозмашиностроение, нефтехимия. Известно, что именно продукция машиностроения, особенно производство оборудования, станков, оказала большое влияние на итоговую цифру валовой продукции всей промышленности. О чем говорит сопоставление индексов, включающих продукцию этих отраслей, с индексами того времени, когда их не было? Главным образом о том, что самолет как сумма валовой продукции больше, чем телега. Но надо помнить об условности валовых показателей при количественной оценке: на с к о л ь к о возросла валовая продукция страны, если

вместо ста телег произведено сто самолетов. Между тем сама природа поставленного вопроса (как выполнен план) требует именно точной количественной оценки. Для достоверного и полного ответа на этот вопрос надо использовать не только стоимостные, но и натуральные показатели по важнейшим отраслям.

Рассмотрим в качестве примера перипетии плана по чугуну. Это не наш выбор: именно чугун в политических спорах того времени оказывался на первом месте среди прочих отраслевых показателей. Металл был символом индустриальной мощи, а в стране, не накопившей металлофонд, именно чугун определял возможности металлургии. Отправной вариант предлагал выплавить в последнем году пятилетки 7 миллионов тонн чугуна, оптимальный (а значит, и первоначально утвержденный план) — 10 миллионов, повышенное задание XVI съезда — 17 миллионов. Фактически в 1932 году выплавлено 6,2 миллиона тонн. Против 3,3 миллиона тонн в 1928 году это было блестящим, невиданным в мире успехом, но никак не подтверждало правоту Сталина в споре о рубежах пятилетки — напротив, итог получился близким к отправному варианту.

То же произошло и со всеми прочими натуральными показателями. Пятилетний план намечал довести производство тракторов до 53 тысяч, повышенное задание — 170 тысяч, фактический итог — 49 тысяч. Соответствующие показатели по автомобилям: 100 тысяч, 200 тысяч, 24 тысячи. Электроэнергии в 1932 году произведено 13,5 миллиарда киловатт-часов при 22 миллиардах по пятилетнему плану, минеральных удобрений — 0,9 миллиона тонн вместо 8 миллионов тонн. Выполнение отмечалось только там, где показатели были стоимостные,— по общему и сельскохозяйственному машиностроению.

Означает ли это невыполнение основных показателей, что оптимальный и даже отправной вариант были нереальны? Едва ли. Рассмотрев ход пятилетки по годам, можно с большой степенью уверенности предположить, что если не полное выполнение оптимального плана, то попадание в «вилку» между ним и отправным было вполне возможным (по основным показателям объема промышленной продукции — о качественных показателях промышленности и других целях плана судить сложнее). Даже самый общий

анализ показывает, что ход пятилетки был сорван после ее начала резкими толчками к ускорению по сравнению с оптимальным вариантом — и без того достаточно напряженным. Лозунги выполнения плана в четыре года и даже в три, попытка насильственного ускорения в начале и середине пятилетки привели к диспропорциям, нарушению плановости и в итоге к спаду темпов в конце пятилетки, продолжавшемуся и в начале второй пятилетки. Общий итог довоенного развития промышленности — по сравнению с тем, что, судя по опыту, может дать планомерное, пропорциональное развитие,— этот общий итог был, несомненно, снижен скачком с последующим спадом, ибо спад дал большее отклонение от средних цифр, чем скачок.

Отправной вариант предлагал высокие, но постепенно снижающиеся ежегодные приросты промышленной продукции — от 21,4 процента прироста в первом году пятилетки до 17,4 в пятом. Это соответствовало объективным тенденциям роста в те годы. Оптимальным вариантом предписан был постепенный рост — от 21,4 до 25,2 процента. Но в годовых планах уже со второго года началось подхлестывание, которое не дало реального ускорения, но дезорганизовало производство. Вместо декретированного прироста на 31,3 процента фактический прирост в 1930 году составил 22 процента. На третий год запланировали 45— вышло 20,5. На четвертый план был 36 — факт 14,7. Начался неудержимый спад, который снизил прирост 1933 года до 5,5 процента — неслыханно мало по тем временам. Но Сталин уже объявил пятилетку выполненной, пятый год в нее не попал и не испортил картину побед.

Механизм таких срывов известен. Возможность волевого изменения темпов ограничена наличными ресурсами. Ясно, что если, имея материалов на один завод, начинаешь строить два, не построишь ни одного. Так получилось с металлургией. Когда задание пятилетки по чугуну с 10 миллионов тонн подняли до 17 миллионов, отрасль надорвалась. Год самых больших по плану темпов — 1931-й — фактически дал снижение выплавки и чугуна, и стали. Затем последовал медленный рост, так что от 5 миллионов в 1930 году дошло лишь до 7,1 миллиона в 1933-м. А потом сразу скачок до 10,4 миллиона в 1934 году, когда ускорительские тенденции перестали существовать и таких скачков

от промышленности не требовали. Тут уже сработал увеличенный задел, образовавшийся тогда, когда заложили сразу много новых строек. И хотя дата выплавки первоначально намеченных 10 миллионов тонн (шестой год после начала первой пятилетки) как будто говорит в пользу отправного варианта, возможно, был бы реален и оптимальный, не случись еще большего ускорения.

В речи «О задачах хозяйственников», где выдвигался лозунг выполнения пятилетки в три года и обосновывалась цифра в 45 процентов прироста промышленной продукции на 1931 год, Сталин спрашивал: «Есть ли у нас все возможности, необходимые для выполнения контрольных цифр на 1931 год?» И отвечал: «Да, такие возможности у нас имеются». Далее он в своей обычной манере — по пунктам — разбирал эти возможности: природные богатства; власть, «которая имела бы желание и силу двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа»; поддержка этой власти массами рабочих и крестьян; такой строй, который был бы свободен от неизлечимых болезней капитализма; сплоченная и единая партия. «Вот, товарищи, все те объективные возможности, которые облегчают нам осуществление контрольных цифр 1931 года, которые помогают нам выполнить пятилетку в 4, а в решающих отраслях — даже в 3 года».

Бесспорно, все эти условия были в действительности. Но поминать о них было бы необходимо (и достаточно), если бы шла речь, предположим, о принципиальной возможности индустриализации. Но речь-то шла о конкретной хозяйственной задаче, и никто не мог бы объяснить, каким образом из наличия Советской власти и партии большевиков, поддерживаемых миллионными массами, вытекает задача повысить в 1931 году промышленную продукцию именно на 45 процентов, а не на 44 или 46, не на 10 или 100. В принципе для социалистического строительства абсолютно необходимы перечисленные Сталиным условия. Но это далеко не «все», как он сказал, условия, необходимые для решения конкретной хозяйственной задачи. Тут нужны были еще также такие пустяки, как гвозди и доски, кирпич и железо, цемент и стекло, притом нужны в определенном количестве и определенного качества, к определенному сроку и за определенную цену,— только на основании такого анализа можно

говорить о реальности конкретной цифры прироста. Этой прозой Сталин пренебрег.

Но не все могли так легко отмахнуться от мелочей жизни. В феврале хозяйственники аплодировали Сталину, а в апреле ВСНХ делил между крупнейшими промышленными объединениями фонды на цемент и пиломатериалы на текущий год. Речь шла об объединениях Сталь, Уголь, Союзнефть, Союзсредмаш, Союзсельмаш, Парвагдиз и других такого же масштаба. Объединение, которому повезло больше всех, получило 84,4 процента потребного цемента и 71,7 процента пиломатериалов. Союзсельмаш — чуть больше половины нужного ему цемента и меньше половины — пиломатериалов, текстильная промышленность соответственно — 31 и 23,6 процента.

Нетрудно понять, что срыв второй половины пятилетки объяснялся именно авантюрным игнорированием материальной стороны дела. При такой напряженности и отсутствии резервов за срывом в одном месте шла цепная реакция, одна диспропорция тянула за собой другую.

Позднее Орджоникидзе говорил о недостатках в организации работы металлургии в те годы. Магнезит возили на южные заводы с Урала, хотя он был на Украине. Огнеупорный кирпич покупали за границей, имея огнеупорную глину в стране. Таковы неизбежные издержки погони за ростом любой ценой.

Все это сказалось на качественных показателях, прежде всего на себестоимости и, стало быть, накоплениях, а от их суммы зависело все, весь план, поскольку одним из краеугольных камней индустриализации был расчет на внутренние накопления. Среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве за четыре года пятилетки удвоилась и в 1932 году достигла 22,9 миллиона человек вместо 15,8 миллиона по плану. Такой избыток численности позволял компенсировать диспропорции, затыкать многие дыры в хозяйстве, но лишние миллионы трудящихся сами по себе представляют такую диспропорцию, которая способна расшатать весь народнохозяйственный организм. Так оно и вышло.

Хотя производительность труда в промышленности возросла за годы пятилетки лишь на 41 процент (планировался рост на 110 процентов), средняя зарплата за это же время удвоилась (а план предусматривал

ее рост менее чем в полтора раза). Поскольку удвоилась и численность рабочих и служащих, выходит, общий фонд зарплаты возрос вчетверо, хотя план этого не предусматривал. А производство товаров народного потребления росло, напротив, медленнее, чем намечалось. Таким образом, не плановым, а стихийным стало движение и другой важнейшей пропорции: соотношения массы денег и массы товаров. Естественное следствие — быстрый рост розничных цен, сменивший политику низких цен, которая проводилась до 1928 года. Между тем планом предусматривался (и Сталиным был не раз обещан) рост уровня жизни. Хозяйственные органы стремились средствами плана сдержать рост цен, и они повышались не так быстро, как требовалось для сохранения равновесия на рынке. Рухнуло важнейшее завоевание нэповских времен — твердый, надежно обеспеченный рубль (оно не возвращено по сей день). Начался товарный голод. В год начала первой пятилетки была введена карточная система розничной торговли — отменили ее через два года после завершения пятилетки. Это был единственный случай в советской истории, когда карточная система в целом по стране вводилась в мирное время. Впрочем, коль скоро речь зашла о карточках, по которым распределялось прежде всего продовольствие (но не только оно), то следует обратиться к развитию сельского хозяйства в годы пятилетки.

Заметим, что данные о валовом сборе и урожайности основных сельскохозяйственных культур начала тридцатых годов не публиковались в статистических сборниках более пятидесяти лет и появились лишь в ежегоднике «Народное хозяйство СССР», вышедшем в 1987 году. Неудобно было сообщать эти сведения. Ведь палочная коллективизация — сталинская вместо ленинской — все эти годы оправдывалась необходимостью преодолеть хлебные затруднения. Вот как их преодолели. Валовой сбор зерновых в 1932 году составил 69,9 миллиона тонн вместо 105,8 миллиона по плану и 73,3 миллиона тонн, полученных в 1928 году. Сбор сахарной свеклы за четыре года упал с 10,1 миллиона до 6,6 миллиона тонн. Поголовье лошадей сократилось с 32,1 миллиона до 21,7 миллиона (а планировался его рост). Поголовье крупного рогатого скота упало с 60,1 миллиона до 38,3 миллиона (в пятилетнем плане значилось — 80,9 миллиона).

Поголовье свиней и овец сократилось более чем вдвое. Резко (в полтора-два раза) сократилось производство молока, мяса, шерсти, яиц.

Впрочем, только при составлении пятилетнего плана уделялось большое внимание показателям развития сельскохозяйственного производства. А в более поздних документах основное внимание сосредоточивалось на одном показателе: уровне коллективизации. Пятилетний план предусматривал охватить коллективизацией около 20 процентов хозяйств. Это задание было перекрыто уже в первый год пятилетки, а к концу ее в важнейших сельскохозяйственных районах коллективизация была в основном завершена. Таким образом, в сельском хозяйстве реакция на «ускорительство» была своеобразной. Тот показатель, который непосредственно старались «ускорить» — процент коллективизации,— действительно быстро рос. Но в том, ради чего добивались ускорения коллективизации — в производстве,— одновременно происходило ухудшение. Цель не оправдала страшные средства, она была взорвана ими.

Почему же так получилось? Было ли все это неожиданным, теоретически непредвиденным? А если предвидели вред ускорительства, кто толкнул к нему и зачем? Обратимся к документам.

В апреле 1923 года XII съезд партии — первый, где Ленин не присутствовал, но за работой которого наблюдал,— записывает в резолюции по отчету ЦК:

«Еще более тесная связь города с крестьянством, составляющим громадное большинство населения России, всестороннее обслуживание деревни передовыми рабочими, руководимыми нашей партией, широкая организация шефства и пр., осторожная линия, учитывающая действительную платежеспособность крестьянства при взимании налогов,— вот коренные практические вопросы, стоящие перед партией на ближайший период. В тесной связи с этим стоит важнейшая политическая задача партии, определяющая весь исход революции: с величайшим вниманием и тщательностью оберегать и развивать союз рабочего класса с крестьянством. Под этим углом зрения партия должна подходить к разрешению всех важнейших очередных проблем, не упуская из виду, что удельный вес госпромышленности во всей экономике страны может увеличиваться лишь постепен-

но и лишь при неуклонной и систематической работе партии над улучшением организации промышленности, повышением ее прибыльности и т. д.».

«Осторожная линия» (для села), «лишь постепенно» (для промышленности) — такие определения характерны.

Резолюция съезда «О налоговой политике в деревне» предусматривала новый шаг в углублении нэпа: переход от натурального налога к денежному, что «облегчает положение крестьянства и дает выгоду крестьянскому хозяйству не только сокращением издержек по взносу налога, но и тем, что предоставляет крестьянину возможность свободно приноравливаться к рынку»...

Май 1924 года. XIII съезд подтверждает решения XIII партконференции, которая отклонила троцкистскую критику экономической политики партии, разработанной X, XI, XII съездами. Затем XIV партконференция (апрель 1925 года) наметила существенный поворот — не к ослаблению, а к укреплению нэповских начал, прежде всего в отношениях с крестьянством. Конференция потребовала искоренения остатков военного коммунизма в налоговой политике и административной практике. Ставилась задача укрепления союза между рабочими и крестьянами и диктатуры пролетариата «на основе новых отношений и новыми методами, вытекающими из этих новых складывающихся отношений».

Конференция предложила использовать дополнительные ресурсы для кредитования и помощи основной массе крестьянства, приняла решение об облегчении условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной аренды земли (целью этого было использование избыточности населения), предоставила право участия в кооперации «всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством». Последнее означало допуск в кооперацию кулаков, притом с правом голоса, но предлагалось внести в уставы кооперативных организаций ограничения, гарантирующие недопущение «явно кулацких элементов» в правление обществ. Конференция потребовала полной свободы выборов в кооперативные органы, предупредила партийные и советские органы на местах от административного вмешательства в кооперативную работу.

Через несколько месяцев экономическая политика, подтвержденная XIV партконференцией, подверглась

атаке «новой оппозиции» на XIV съезде. К этому времени заканчивалось послевоенное восстановление хозяйства, и потому перед съездом стояла далеко не только задача ответа оппозации — надо было наметить линию индустриализации и социалистической перестройки всей экономики. Какими методами вести эту работу?

Съезд отмечал в основной резолюции: «Налицо экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики». Это важно подчеркнуть: раз наступление — значит, принятые в этот период экономические нововведения в деревне были не вынужденными, с горя, уступками, которые при первой возможности берут назад, а частью постоянных принципов политики.

Съезд, далее, ставил задачу: «...держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования...», «развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и с финансовыми возможностями государства...». Эта резолюция вошла в историю как первый партийный документ, выдвинувший индустриализацию в ряд дел ближайших, сегодняшних. Важно остановить на этом внимание: не XV или тем более XVI, а уже XIV съезд обозначил поворот от восстановления к индустриализации, и если бы сама логика этого поворота требовала перехода от пропорционального развития к ускорительству, то этот же XIV съезд должен был бы провозгласить подобный новый подход. Но ничего такого здесь не происходит. При всей краткости приведенных указаний принцип подхода к делу не вызывает сомнений — строгая сбалансированность и планомерность, обеспечение резервов. По существу, здесь прямое предупреждение против напряженных или перенапряженных планов.

Касаясь работы в деревне, съезд осуждал два уклона: с одной стороны, недооценку борьбы с кулаком, с другой — переоценку этой борьбы, затушевывающую «основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка, как центральную фигуру земледелия, и о кооперации, как основной организационной форме движения деревни к социализму.

Съезд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном. При относительно большей подготовленности партии к непосредственной борьбе с кулаком и к преодолению первого уклона, гораздо более трудную задачу представляет преодоление второго уклона, ибо его преодоление требует более сложных приемов борьбы по сочетанию методов политической изоляции кулачества с методами вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства. Тем более что в настоящих условиях этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней линии партии в деревне, линии, уже обеспечившей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством и, стало быть, срывом всей нашей строительной работы».

Вот как!

Съезд одобрил решения XIV партконференции по крестьянскому вопросу, указав, что «только этот поворот партийной политики, вытекающей из изменившихся отношений между классами, коренным образом улучшил положение в деревне...». Об улучшении положения резолюция поминала не зря: перед конференцией были крестьянские восстания, о них говорили на съезде ораторы, в том числе Сталин в отчетном докладе.

В конце 1926 года XV партконференция приняла резолюцию «О хозяйственном положении страны и задачах партии», в которой интересующему нас вопросу целиком посвящен первый раздел. Он так и называется: «Период перестройки хозяйства на новой технической базе и темп индустриализации». Здесь читаем:

«Конференция категорически осуждает взгляды оппозиции о необходимости проведения индустриализации путем такого обложения деревни и такой политики цен, которые неизбежно привели бы к приостановке развития сельского хозяйства, сократили бы источники сырья для промышленности и рынок сбыта ее продукции, что с неизбежностью привело бы к резкому падению темпа индустриализации страны».

Можно привести много других документов, подтверждающих незыблемость в течение ряда лет той линии экономической политики, которую прокладывал, начиная с X съезда партии, Ленин,— линии, противопоставляющей всяким скачкам, «истерическим

порывам» «мерную поступь железных батальонов пролетариата». Но самым значительным документом в этом ряду, документом, вобравшим в себя и достижения экономической теории и практический опыт хозяйственного строительства за десять лет Советской власти, были директивы XV партийного съезда по составлению первого пятилетнего плана, принятые в декабре 1927 года. Они и по сей день служат в экономической науке примером всесторонней разработки проблемы эффективности производства. Здесь на нескольких страницах рассмотрено соотношение потребления и накопления, промышленности и сельского хозяйства, производства средств производства и производства предметов потребления — короче, все основные народнохозяйственные пропорции. И ни в одном вопросе не допускалось нарушения равновесия, увлечения одной стороной пропорции в ущерб другой.

Этот документ трудно цитировать, мало толку рассматривать отдельные положения — надо воспринимать его целиком. Приведем лишь один небольшой пример — для характеристики самого подхода к решению проблем. В директивах сказано: «В вопросе о т е м п е развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на б л и ж а й ш и й год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы д л и т е л ь н о наиболее быстрый темп развития».

Как долго еще после этого оставался распространенным и неодолимым соблазн скачка, решающего все проблемы одним махом! Какими неисповедимыми путями в мечтах о скачке стандартизировалась сама продолжительность его (Сталин требовал выполнить пятилетку в три года, Хрущев мечтал догнать Америку по животноводству в два-три года, Мао планировал первый Большой скачок на три года)! И как ясно партия ставила задачу всего за несколько месяцев до первой в истории социалистического строительства попытки скачка: «Д л и т е л ь н о наиболее быстрый темп развития». Этим исключается предположение, что заранее, до первого опыта, могли не знать о пагубности скачка. Знали и зарекались от таких попыток. Стало быть, Сталин — а только он имел на то силу и власть — сознательно игнорировал это знание.

Но, может быть, Сталин и раньше выступал сторонником ускорительства, а ему мешали осуществлять его идеи? Посмотрим, что говорит он сам.

1921 год. В статье «Партия до и после взятия власти» Сталин пишет о хозяйственном строительстве: «Процесс этот будет, несомненно, медленный и болезненный, но он неизбежен, неотвратим, и от того, что некоторые нетерпеливые товарищи нервничают, требуя быстрых результатов и эффектных операций, неизбежность не перестанет быть неизбежностью».

1924 год. «Об основах ленинизма»:

«Едва ли нужно доказывать, что выполнить эти задачи в короткий срок, провести все это в несколько лет — нет никакой возможности». (Это — об основных задачах социалистического строительства. Как тут не вспомнить знаменитое изречение времен пятилетки: или мы пробежим это расстояние в несколько лет, или нас сомнут.)

1925 год, доклад «К итогам работы XIV конференции РКП(б)»:

«Некоторые товарищи, исходя из факта дифференциации деревни, приходят к тому выводу, что основная задача партии — это разжечь классовую борьбу в деревне. Это, товарищи, неверно. Это — пустая болтовня. Не в этом теперь наша главная задача. Это — перепевы старых меньшевистских песен из старой меньшевистской энциклопедии. Главное теперь вовсе не в том, чтобы разжечь классовую борьбу в деревне. Главное теперь состоит в том, чтобы сплотить середняков вокруг пролетариата, завоевать их вновь. Главное теперь состоит в том, чтобы сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень и двинуться вперед вместе с этой основной массой по пути к социализму».

Дальше:

«Но как включить крестьянское хозяйство в систему хозяйственного строительства? Через кооперацию. Через кооперацию кредитную, кооперацию сельскохозяйственную, кооперацию потребительскую, кооперацию промысловую. Таковы те пути и дорожки, через которые медленно, но основательно должно включиться крестьянское хозяйство в общую систему социалистического строительства».

Вот как: «медленно, но основательно»! И еще:

«Необходимо, чтобы коммунисты в деревне отказались от уродливых форм администрирования. Нельзя выезжать на одних лишь распоряжениях в отношении к крестьянству. Надо научиться терпеливо разъяснять крестьянам непонятные для них вопросы, надо научиться убеждать крестьян, не щадя на это дело ни времени, ни усилий».

А в заключительном слове на XIV съезде Сталин прямо дал понять, что и единение с середняком против кулака не следует понимать как объявление войны кулаку. Вот что он говорил по поводу содержавшегося в книге Ларина положения о соглашении с середняком:

«Это верно, что он в своей книге оговаривается об этом, утверждая, что нейтрализация недостаточна для нас, что нам нужно сделать «шаг дальше» в сторону «соглашения с середняком против кулака». Но тут, к сожалению, припутывается тов. Лариным его схема «второй революции» против засилья кулака, что не разделяется нами, что сближает его с тов. Зиновьевым и что заставляет меня несколько отмежеваться от него».

Попозже, года через три-четыре, очень уместно было бы вспомнить, что Сталин отмежевался от такой «второй революции», и не где-нибудь, а на съезде, поддержавшем его против оппозиции.

1925 год вообще дал множество подтверждений того, что новая линия в деревне разработана сталинским большинством ЦК (конкретно комиссией Молотова) не как кратковременный тактический шаг, а основательно, как политика всерьез и надолго. Вот «Вопросы и ответы» Сталина — июньская речь в Свердловском университете. Вопрос ему был поставлен прямее некуда: «Как вести борьбу с кулачеством, не разжигая классовой борьбы?» Отвечая, Сталин убедительно доказывает, что можно и нужно разрешать классовые противоречия, не разжигая классовой борьбы. В частности, о борьбе против кулачьих спекулянтских цен:

«Мы здесь также не заинтересованы в разжигании классовой борьбы... мы вполне можем и должны обойтись здесь без разжигания борьбы и связанных с ней осложнений». Как? Ответ убедителен: «Мы можем и должны держать в распоряжении государства достаточные продовольственные запасы, необходимые для того, чтобы давить на продовольственный рынок, вмешиваться в дело, когда это необходимо, поддерживать

цены на приемлемом для трудящихся масс уровне и срывать, таким образом, спекулянтские махинации кулачества».

Далее сообщалось об успехах такой политики: сохранили низкие цены на хлеб и заставили кулака в ряде районов капитулировать, выбросить на рынок хлебные запасы по невысоким ценам.

Из доклада XIV съезду:

«Надо дать лозунг бедноте, чтобы она стала, наконец, на свои собственные ноги, чтобы она при помощи коммунистической партии и при помощи государства организовалась в группы, училась на арене Советов, на арене кооперации, на арене крестьянкомов и на всех аренах деревенской общественности бороться с кулаком, но бороться не путем обращения в ГПУ, а путем политической борьбы, путем организованной борьбы. Только так можно закалить бедноту, только так можно организовать бедноту и только так можно из деревенской бедноты вместо иждивенческой группы создать опору пролетариата в деревне».

Формулировки того же доклада в отношении промышленности не оставляют сомнений, кому принадлежат соответствующие фразы в резолюции съезда: «Можно было бы положить вдвое больше ассигновок на развертывание промышленности, но это был бы такой быстрый темп развития промышленности, которого мы не выдержали бы, ввиду большого недостатка свободных капиталов, и на почве которого мы наверняка сорвались бы...» И еще: «...в дальнейшем развитие нашей промышленности будет идти, по всей вероятности, не таким быстрым темпом, каким оно шло до сих пор». Сталин втолковывает настойчиво: «...мы должны строить с резервами, нам необходимы резервы, которые могли бы покрывать наши прорехи... нам нужно усвоить себе мысль о необходимости накопления резервов». Что ж, запомним это слово: резервы.

1926-й. Первый год индустриализации, первый год развития промышленности в новых условиях, принципиально отличающихся от условий периода восстановления. Изменилась ли позиция Сталина? Ни на йоту. Вот из его доклада «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии»:

«То же самое надо сказать о темпе нашего накопления, о резервах, имеющихся в нашем распоряжении для развития нашей промышленности. У нас любят

иногда строить фантастические промышленные планы, не считаясь с нашими ресурсами. Люди забывают иногда, что нельзя строить ни промышленных планов, ни тех или иных «широких» и «всеобъемлющих» предприятий без известного минимума средств, без известного минимума резервов. Забывают об этом и забегают вперед». И дальше: «Командный состав в армии, отрывающийся от своей армии и теряющий с нею связь, не есть командный состав. Равным образом индустрия, отрывающаяся от народного хозяйства в целом и теряющая с ним связи, не может быть руководящим началом народного хозяйства».

В докладе на XV партконференции (ноябрь 1926 года) Сталин говорит, что оппозиционный блок «скатывается... на путь «сверхчеловеческих» прыжков и «героических» вторжений в области объективного хода вещей. Отсюда... требование индустриализировать нашу страну чуть ли не в полгода и т. д. Отсюда... авантюризм в политике оппозиционного блока. В связи с этим приобретает особое значение теория оппозиционного блока (она же теория троцкизма) о перепрыгивании через крестьянство у нас, в нашей стране, в деле индустриализации нашей страны...»

В том же докладе звучит еще один мотив, который настойчиво повторялся в разных выступлениях:

«Тов. Троцкий, видимо, не признает того положения, что индустриализация может развиваться у нас лишь через постепенное улучшение материального положения трудовых масс деревни... Отсюда практические предложения оппозиционного блока насчет поднятия отпускных цен, налогового нажима на крестьянство и т. д., предложения, ведущие не к укреплению экономического сотрудничества между пролетариатом и крестьянством, а к его разложению...»

В беседе с иностранными рабочими делегациями (5 ноября 1927 года) Сталину был задан вопрос: «Как думаете вы осуществить коллективизм в крестьянском вопросе?» Он отвечал:

«Мы думаем осуществить коллективизм в сельском хозяйстве постепенно, мерами экономического, финансового и культурно-политического порядка».

Далее Сталин показывает, что в снабжении деревни различными промышленными товарами доля кооперации и государственной торговли достигла 70—100 процентов, в закупке крестьянского хлеба — свыше

80, в закупке сырья для промышленности — почти 100. Тем самым государственное плановое начало уже внедрилось в сельское хозяйство. Размеры производства, цены, качество хлопка, сахарной свеклы и т. п. определяют путем контрактации государственные синдикаты, а не игра сил на неорганизованном рынке. Сталин заключает: «...можно сказать с уверенностью, что все отрасли сельского хозяйства, не исключая производство хлеба, постепенно будут переходить на этот путь развития. А этот путь есть прямой подход к коллективизации сельского хозяйства». Но что касается «всеохватывающей коллективизации», то «к этому дело еще не пришло и не скоро придет. Почему? Потому, между прочим, что на это нужны громадные финансы, которых еще нет у нашего государства, но которые будут, несомненно, накапливаться с течением времени».

Он и об индустриализации судил в ту пору с не меньшей осмотрительностью. Его позиция в докладе на XV съезде партии (декабрь) почти безупречна. Сталин приводит сначала цифры прироста продукции крупной национализированной промышленности за последние три года: 42,2 процента, 18,2 и 15,8. Затем — госплановские черновые наметки пятилетки: среднегодовой прирост продукции крупной промышленности — 15, всей промышленности — 12 процентов. Следует сравнение с американскими темпами (от 2,6 до 8,2) и дореволюционными российскими (10,7 в лучшие годы). Вывод: «Процент ежегодного прироста продукции нашей социалистической промышленности, а также продукции всей промышленности есть рекордный процент, какого не имеет ни одна крупная капиталистическая страна в мире».

В резолюции съезда по сталинскому отчетному докладу нет ни слова о повышении темпов, по отношению к индустриализации употреблены слова «продолжать неослабным темпом», выделена проблема накопления товарных и валютных резервов. А в директивах съезда подчеркнуто, что «центральной проблемой промышленности», решению которой должны быть подчинены все остальные задачи, является снижение себестоимости — количественные задачи на втором плане. Формулировка директив о темпах, не только не требующая их немедленного повышения, но почти предостерегающая от этого, приведена выше.

Задачи деревенской работы в докладе Сталина на съезде рассматриваются в духе изложенного выше пункта беседы с иностранными рабочими. Заслуживает внимания одна деталь: «Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство — легкое, но далеко не действенное. Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности». Запомним дату: это сказано в декабре 1927 года.

Богат событиями, мудр и оптимистичен был этот съезд. Он оставил за спиной полосу первых успехов социалистического строительства и уверенно планировал дальнейшее движение. Он освободился от оппозиционного блока, участники которого в разных комбинациях терзали партию более четырех лет, начиная с выступления Троцкого в 1923 году. Всем надоела возня с оппозицией, всем хотелось спокойно работать, строить новую жизнь засучив рукава. Все с облегчением проголосовали за исключение оппозиционеров из партии. Овацией ответил съезд на итоговое рассуждение сталинского заключительного слова:

«Если просмотреть историю нашей партии, то станет ясным, что всегда, при известных серьезных поворотах нашей партии, известная часть старых лидеров выпадала из тележки большевистской партии, очищая место для новых людей. Поворот — это серьезное дело, товарищи. Поворот опасен для тех, кто не крепко сидит в партийной тележке. При повороте не всякий может удержать равновесие. Повернул тележку, глядь — и кое-кто выпал из нее. (Аплодисменты.) Возьмем 1903 год, период Второго съезда нашей партии. Это был период поворота партии от соглашения с либералами к смертельной борьбе с либеральной буржуазией, от подготовки борьбы с царизмом к открытой борьбе с ним за полный разгром царизма и феодализма. Во главе партии стояла тогда шестерка: Плеханов, Засулич, Мартов, Ленин, Аксельрод, Потресов. Поворот оказался роковым для пяти членов этой шестерки. Они выпали из тележки. Ленин остался в единственном числе. (Аплодисменты.) Получилось так, что старые лидеры партии, основатели партии (Плеханов, Засулич, Аксельрод) плюс двое молодых (Мартов, Потресов) оказались против одного, тоже молодого, Ленина... Теперь ясно каждому большевику, что без

решительной борьбы Ленина с пятеркой, без оттеснения пятерки, наша партия не могла бы сплотиться как партия большевиков, способная повести пролетариев на революцию против буржуазии (Голоса: «Верно!»)». Перечислив другие повороты и других «выпавших из тележки», Сталин закончил: «То же самое надо сказать о настоящем периоде нашей революции. Мы переживаем теперь период поворота от восстановления промышленности и сельского хозяйства к реконструкции всего народного хозяйства, к перестройке его на новой технической базе, когда строительство социализма является уже не перспективой только, а живым практическим делом, требующим преодоления серьезнейших трудностей внутреннего и внешнего порядка. Вы знаете, что этот поворот оказался роковым для лидеров нашей оппозиции, испугавшихся новых трудностей и вознамерившихся повернуть партию в сторону капитулянтства. И если теперь выпадут из тележки некоторые лидеры, не желающие твердо сидеть в тележке, то в этом нет ничего удивительного. Это только избавит партию от людей, путающихся в ногах и мешающих ей двигаться вперед. Видимо, они серьезно хотят освободиться от нашей партийной тележки. Ну, что же, если кое-кто из старых лидеров, превращающихся в хламье, намерены выпасть из тележки,— туда им и дорога! (Бурные продолжительные аплодисменты. Весь съезд встает и устраивает тов. Сталину овацию.)»

Оратор не подчеркнул совпадения: в 1923 году, после ухода Ленина, как и в 1903 году, в «тележке» оставались шестеро. Как и тогда, трое старых (Троцкий, Каменев, Зиновьев) и трое более молодых (Сталин, Бухарин, Пятаков). Совпадение было бесспорно случайным, но случайно ли Сталин подвел к нему слушателей? Уж очень нарочито подведение самых разных событий четвертьвековой истории партии, самых разных лиц под одну «теорию тележки», подтверждающую некую закономерность выбрасывания большинства лидеров и оставления одного. Не слишком ловко и привязывание длительной оппозиционной борьбы, начатой в 1923 году, к повороту года 1927-го. Оратор не подчеркнул и различия: XV съезд выбрасывал из «тележки» не пятерых, а четверых. Оставались двое, оба из молодых: Сталин и Бухарин. Но ведь никто не обещал, что это последний поворот.

Еще раз напомним дату: декабрь 1927 года.

А теперь шагнем дальше. Совсем недалеко, тут же рядом: январь 1928-го.

15 января 1928 года Сталин выехал в Сибирь. В Новосибирске, Барнауле, Омске, Рубцовске он собирает партийный актив и проводит совещания. Не прошло и месяца после съезда, на котором Сталин — как и год, и два, и четыре назад — громил троцкистскую «левизну», непреклонно и красноречиво отстаивал генеральную линию партии, ленинский план перехода к социализму. Но того Сталина больше никто никогда не услышит. И в этих первых после XV съезда публичных выступлениях, и во всех последующих звучит другой голос. Впрочем, публичными их можно назвать с одной оговоркой: они были впервые опубликованы спустя 21 год, притом в краткой записи.

Тема была узкая, конкретная: хлебозаготовки. Подход к теме был широкий, как подобает вождю. Сначала злоба дня: план заготовок не выполняется, поэтому надо нажать. Как нажать? Очень просто: с помощью судебных и прокурорских работников, применяя статью Уголовного кодекса о спекуляции. Ведь ясно, что план не выполняется из-за того, что кулаки хотят спекулировать хлебом.

Это было разумно: начинать поворот «тележки» с удара по кулакам. Момент опасный, ведь «теория тележки» не дает ответа на вопрос, чья очередь вылетать на повороте. Посему начинать надо полегче. У коммунистов нет причин любить эксплуататоров, и ясно, что защита партийной линии должна быть наименее уверенной именно в этом пункте. И все-таки местные работники спорили с генеральным секретарем. Они были, видно, старого воспитания, а главное — слишком прилежно читали то, что он сам говорил месяц-два назад. Приходилось вразумлять:

«Вы говорите, что применение к кулакам 107 статьи есть чрезвычайная мера, что оно не даст хороших результатов, что оно ухудшит положение в деревне. Особенно настаивает на этом т. Загуменный. Допустим, что это будет чрезвычайная мера. Что же из этого следует? Почему применение 107 статьи в других краях и областях дало великолепные результаты, сплотило трудовое крестьянство вокруг Советской власти и улучшило положение в деревне, а у вас, в Сибири, оно должно дать якобы плохие результаты и ухудшить

положение? Почему, на каком основании? Вы говорите, что ваши прокурорские и судебные власти не готовы к этому делу. Но почему в других краях и областях...»

Пожалуй, достаточно. «Теоретическое обоснование» отхода от генеральной линии ясно: «почему в других краях...»

Но ведь не за тем же генеральный секретарь сразу после съезда сорвался с места на три недели, чтобы улучшить хлебозаготовки в Сибирском крае. Ухватившись за эту оглоблю, он приступает к более радикальному повороту «тележки» партийной политики:

«Нет гарантий, что саботаж хлебозаготовок со стороны кулаков не повторится в будущем году. Более того, можно с уверенностью сказать, что пока существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок. Чтобы поставить хлебозаготовки на более или менее удовлетворительную основу, нужны другие меры. Какие именно меры? Я имею в виду развертывание строительства колхозов и совхозов».

Вот как. Не от коренной задачи социалистического преобразования деревни, а от текущей хлебозаготовительной надобности, оказывается, надо идти к мысли о колхозах и совхозах. Глубочайший социальный переворот, составляющий, по Ленину, целую эпоху («на хороший конец, одно-два десятилетия»), у Сталина превратился в оперативную кампанию, которую можно, как и хлебозаготовки, проводить административными средствами. До этого, пожалуй, не додумывалась ни одна оппозиция. Но ведь тут было не до теории. Коллективизацию как раз и требовалось обосновать текущей, острой потребностью — иначе нельзя было уйти от своих же вчерашних слов об осторожности, о вреде торопливости, о том, что массовая коллективизация — дело несегодняшнее, что к нему мы еще не подошли. А уйти от этих слов надо было непременно. Ибо вопреки всему, что было до того говорено и писано, Сталин теперь считал возможным ставить сроки этого крупнейшего общественного преобразования. Не приблизительные, а точные, не дальние, а близкие: «...нужно добиться того, чтобы в течение ближайших трех-четырех лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба».

Однако и здесь еще не кончался поворот «тележки». Не к кулакам вел столь устрашающий заход с прокурорами и Уголовным кодексом, не кулаков боялись

обидеть споривших с генсеком сибиряки. С кулаков только начиналась речь — с кого же иначе! — а вела она дальше: «нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчика хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян».

Вроде бы не только бесспорно, но и старо. Колхозы нужны, кто станет с этим спорить! Новое было в том, что это ставилось в зависимость от дела срочного, текущего, от хлебозаготовок. Новое было в том, что генсек, еще вчера хвалившийся прекрасной смычкой госпромышленности с крестьянством через кооперацию разного рода, через госторговлю, через государственные синдикаты (контрактация), теперь заявлял, что советский строй не может держаться на двух разнородных основах — социалистической промышленности и индивидуальном сельском хозяйстве.

Нет, не случайно он не публиковал эту запись двадцать один год. В 1949-м ему уже некого было бояться, а в 1928-м это был бы скандал: неприлично. Ведь не прошло и месяца после XV съезда, исключившего из партии оппозиционеров за те же самые речи.

Только в 1949 году опубликовано впервые и письмо ко всем организациям ВКП(б) «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии». Оно было подписано так: «По поручению ЦК ВКП(б) И. Сталин». Писанное в феврале, сразу по приезде из Сибири, оно содержало мысли, обкатанные в январских речах. Но это уже был документ, хоть и не для печати. Тут нельзя было просто «забыть» о некоторых неизбежных вопросах. Например, о таком: а как с государственными резервами, которыми так успешно побивали кулака еще вчера? Пришлось сделать изящное па в этом направлении: «Однако этих резервов не оказалось, как известно, у государства». И в том же письме: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба». Чтоб не забывались.

Ну и, конечно же, письмо строго предостерегало от перегибов. Уголовный кодекс применять, но незаконных арестов чтоб не было. Самообложение усилить, но разверстку — ни-ни. И никакого чтоб этого левацкого прямого товарообмена, а только «в исключитель-

ных случаях допускать в отношении остродефицитных товаров распространение льгот пайщиков кооперации на некооперированных крестьян при продаже ими хлеба». Теперь понятно?

А потом был доклад «О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК». Он почему-то начинался с большого — чуть не треть доклада — раздела «О самокритике», хотя такой вопрос на пленуме не стоял. Сообщалось, что самокритика нужна нам как воздух, как вода. Чтоб неясностей не оставалось, Сталин прямо указывал, кого нужно критиковать: вождей. Вот так, по-революционному: чтоб не отрывались от масс, надо их критиковать. И пожурил массы за то, что они «начинают смотреть на вождей снизу вверх, зажмурив глаза, и нередко боятся критиковать своих вождей». И погрозил гибелью партии, если вожди зазнаются. И призвал: «...надо дать советским людям возможность «крыть» своих вождей...». И еще уточнил: «...необходимо внимательно выслушивать всякую критику советских людей, если она даже является иногда не вполне и не во всех своих частях правильной». Многим, верно, невдомек тогда было: к чему бы это после разгрома всех оппозиций столько о самокритике, да еще вождей велят крыть? А сейчас мы просто вспоминаем, что сделал первый человек в Китае, когда захотел убрать второго. Он выпустил дацзыбао: «Огонь по штабам!»

В том же докладе по-новому разъяснялся вопрос о статье 107 Уголовного кодекса. В феврале, как помним, писано было, что это только на один раз, на этот год. В апреле «тележку» довернули еще чуть: «...если в будущем заготовительном году не будет чрезвычайных обстоятельств и заготовки пойдут нормально, 107 статья не будет иметь применения. И наоборот, если чрезвычайные обстоятельства наступят и капиталистические элементы начнут опять «финтить», 107 статья снова появится на сцене».

В мае раздался первый залп по истинной цели всех этих маневров. В беседе «На хлебном фронте» Сталин сказал — для начала без имен,— что «есть люди», не понимающие значения борьбы с кулаком. Разговоры, что кулак не опаснее городского нэпмана, объявлялись «пустой либеральной болтовней», усыпляющей бдительность... Разъяснялось, что мелкому капиталисту в городе противостоит крупная промышленность, а кулаку —

лишь неокрепшие колхозы и совхозы. Правда, то же самое говорила «новая оппозиция», и ей тогда сам генсек резонно возражал, что те же госпромышленность, транспорт, госторговля, банки противостоят не только городскому, но и сельскому капиталисту, и противостоят успешно. Сталин клеймил тогда Каменева и Зиновьева «паникерами», испугавшимися кулака, «капитулянтами», не верящими в победу социалистического хозяйства. Но теперь он говорил, что не понимать, сколь силен кулак,— «это значит сойти с ума, порвать с ленинизмом, перебежать на сторону врагов рабочего класса». А после ругани — к делу: «Широкая волна образования новых колхозов и расширение старых в начале этого года должны дать значительное увеличение производства хлеба в колхозах к концу года». Вот уже и «широкая волна». Конечно, когда крестьянам собирались показывать на опыте выгоды коллективного хозяйства, никто не ждал сразу «широкой волны», значительных результатов к «концу года». А стоило показать 107 статью — и волна тут как тут, и время меряется другими мерками.

Проведя свою линию на апрельском пленуме, Сталин попытался использовать первую победу, чтобы немножко ослабить обязательность решений прошедших съездов партии. В июне он пишет письмо «Ответ Фрумкину», которое посылает членам Политбюро (впервые опубликовано в 1949 году). Фрумкин, работавший по хлебозаготовительной части, попытался напомнить о решениях XIV и XV съездов. И Сталин отвечал ему, во-первых, что XIV съезд тут вообще ни при чем и незачем тащить нас назад — мы уж вон сколько отшагали вперед. А XV съезд — он же призвал бороться с кулаком. Как истолковывал эту борьбу и съезд, и он сам в то время, Сталин умолчал. Он всеми силами старался доказать, что чрезвычайные меры — это и есть выполнение решений XV съезда.

Но в июле произошла заминка. Поворот «тележки» встретил сопротивление на пленуме ЦК. Пленум длился девять дней, Сталин выступал по меньшей мере с тремя большими речами, в этих речах есть прямое указание на споры по основным вопросам деревенской политики. И здесь он применяет один из своих излюбленных приемов игры на публику. Если сравнить его речи на пленуме, впервые опубликованные через двадцать один год, и его доклад ленинградскому партактиву об итогах

пленума, сделанный на другой же день и немедленно опубликованный, перед нами опять предстанут два разных человека. На пленуме Сталин крутит и вертит, отстаивая главное: сохранение заниженных цен на хлеб. Это ключ к той самой основной троцкистской линии — ускоренная индустриализация за счет сверхналога с деревни,— из которой вытекает все остальное: чрезвычайные меры (без них не выколотить хлеб при низких ценах), ускоренная коллективизация, также для облегчения хлебозаготовок, раскулачивание. В речи 9 июля (не для печати) Сталин говорит откровенно, что крестьянство «платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это, во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это, во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога...» Здесь излагается политика не только по существу, но даже по форме, по словам настолько откровенно троцкистская, что так и ждешь: сейчас генсек на нее обрушится, как делал не раз еще недавно. Но он продолжает (с места, где мы прервали цитату): «...который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии...» Вынуждены — и все тут. Аргументация? Пожалуйста: «Мы не были бы большевиками, если бы замазывали тот факт, и закрывали глаза на то, что без этого добавочного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут». Здесь бесспорный «шаг вперед» по сравнению с прежними речами, где такой путь индустриализации отвергался с возмущением. Далее Сталин говорит, что этот добавочный налог можно уничтожить, во-первых, лишь постепенно, через ряд лет, а во-вторых,— путем снижения цен на промышленные товары и снижения издержек производства хлеба. Тем самым путь повышения цен на хлеб не принимался даже на будущее. В речи на пленуме двумя днями позже сказано и больше того: что сами оппоненты генсека отказались «от политики восстановительных цен» на хлеб. (Восстановительные — это цены, покрывающие издержки производства. Что означает для крестьянства —

будь оно единоличное или колхозное — намерение государства годами не платить восстановительных цен, понять нетрудно.) А еще через два дня, теперь уже в докладе «для печати», Сталин с удовлетворением сообщал о решении пленума провести «некоторое повышение цен на хлеб...» Так он выдал за свою заслугу то решение пленума, против которого рьяно выступал.

Это был третий пункт решений пленума, сообщенный в докладе о его итогах. Первые два были такие: «а) немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности; б) немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов продразверстки и каких бы то ни было попыток закрытия базаров...» Любопытен сам этот перечень средств воздействия на крестьянство, применявшихся еще до провозглашения политики «ликвидации кулачества как класса», да и не о кулачестве ведет здесь речь Сталин, а о крестьянстве в целом. Решимость отменить эти меры особенно умилительна, если учесть, что не только январскими речами сам генсек добился их введения, но еще четырьмя днями раньше, на пленуме, подробно объяснял, сколь не правы те, кто полагает, что чрезвычайные меры можно исключить в будущем. Ссылался при этом на Ленина. И не заметил (или не счел нужным замечать), что цитата из Ленина побивает скорее его, чем оппонентов. Ленин писал, что нельзя навсегда исключить чрезвычайные меры, потому что к ним «война, например, может принудить...» Так ведь то война.

На сей раз, однако, вышла неувязка: сам Троцкий оказал Сталину плохую услугу. Июльский пленум частично отменил чрезвычайные меры. Троцкий же, который мог и вовсе не знать, как относился к этому Сталин, в открытом письме обрушился на такое решение, отстаивая политику чрезвычайных мер. Получив такого сторонника, Сталин оказался в глазах посвященных — то есть участников пленума и более или менее широкого партийного актива — в весьма неудобном положении. Это неудобство еще более возросло, когда Бухарин выступил в «Правде» со своей знаменитой статьей «Заметки экономиста».

На первый взгляд кажется вполне естественным, что Бухарин — правая рука Сталина в деле теоретического разгрома троцкистско-зиновьевского блока, основная мишень нападок оппозиционеров — выступает

с очередной развернутой критикой троцкистских взглядов. Но чем дальше читаешь статью, тем более странным кажется ее тон. Троцкисты уже несколько месяцев как исключены из партии, их уже без лишнего шума арестовывают, высылают, они перестали хоть как-нибудь влиять на политику партии, а в статье Бухарина такая страсть, такой запал, будто речь идет о настоящем времени, борьба кипит и опасность велика. И вдруг соображаешь: так и есть, противник не в прошлом, он перед ним во плоти. «Троцкисты» — лишь псевдоним, прием автора статьи. Его противник — Сталин. Именно он говорил в последние месяцы все то, что теперь громит Бухарин. Правда, троцкисты тоже говорили это, почему и удалось Бухарину замаскировать критику псевдонимом, затрудняя прямой ответный удар. Но троцкисты говорили раньше — Сталин говорит теперь. Вот один пример. С начала 1928 года — в январских речах, затем на апрельском пленуме, затем на июльском — Сталин настойчиво повторяет, что деревня разбогатела благодаря трем подряд урожайным годам и теперь может припрятать хлебные излишки. Вывод из этого тезиса ясен: допущен перекос в ущерб индустриализации, в пользу села, в этих условиях нелепо требовать повышения цен на хлеб, надо, наоборот, поприжать деревню и взять с нее «дань» в пользу промышленности.

Это звучит очень революционно, особенно если учесть, что вслед за словами «растет и богатеет деревня» Сталин подпускает, что особенно богатеет кулак. Кто не захочет раздеть эксплуататоров на пользу социалистической индустрии? Но это лишь словесность, хоть и красивая. А у Бухарина против этого (то есть, разумеется, не против этого, а против дословно похожих рассуждений троцкистов) — факты, экономический анализ. Ряды цифр выстраиваются в доказательный вывод: доходы крестьян растут, но при этом хлебное хозяйство подорвано чрезмерным изъятием средств в пользу промышленности. Бухарин доказывает с цифрами в руках, что чуть не половину возросших доходов деревни составляют заработки отходников, что означает, во-первых, ускоренный рост промышленности при далеко не блестящем положении хлебного хозяйства, а во-вторых, массовый рост доходов отнюдь не кулацких: кулакам отходничество ни к чему. Ясны и практические выводы: стимулирование отходничества стране,

и промышленности в том числе, не требуется, ибо рабочих рук и так избыток, а вот подрыв хлебной базы опасен, и в первую очередь для самой индустриализации. С особой яростью, с возмущением, почти явно искусственным, обрушивается Бухарин на письмо Троцкого против решений июльского пленума об отмене чрезвычайных мер.

Тут-то и выявилось, сколь нелегко бывает при повороте «тележки» выбросить другого и усидеть самому. Бухарин не выступил с оппозиционной платформой против линии партии, не выступил и с личной критикой Сталина, напротив, он защищает генеральную линию. Но так рьяно защищает, что генсек то и дело натыкается на нее сам.

Отступать поздно, Сталин может только расширять атаку. В октябре он выступает на пленуме МК и МКК ВКП(б) с речью «О правой опасности в ВКП(б)», которая публикуется в «Правде». Сталин доказывает, что в партии есть правый уклон, что это явление не пустяковое, а серьезное, и называет его основные признаки: правые против борьбы с кулаком и за свертывание темпов индустриализации. Он утверждает затем, что хотя из двух опасностей — правой и «левой» — «обе хуже», все же надо сосредоточить внимание на борьбе с правой, ибо «партия за годы борьбы с «левым», троцкистским уклоном научилась многому и ее уже нелегко провести «левыми» фразами». (Ах, где те золотые деньки 1925—1927 годов, когда партия, по утверждению ее генсека, была невосприимчива к правой опасности! Всего несколько месяцев прошло — и она уже готова этой опасности поддаться.)

В ноябре 1928 года пленум ЦК обсуждал контрольные цифры на 1928/29 хозяйственный год, первый год пятилетки. Речь Сталина на этом пленуме называлась «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)». Три вопроса ставит оратор в самом начале речи: о темпах индустриализации, о сельском хозяйстве, о правом уклоне. В связи с первым вопросом затронуты самые разнообразные темы: и «индустриализация» Петра Великого, и дооктябрьская статья Ленина, и рассуждение о том, что кабы нам да германскую промышленность, то и не нужны особо высокие темпы индустриализации. Одно не упоминается ни единым словом, именно то, что имеет самое близкое отношение к теме: XV съезд и его директивы по пятилетнему

плану. И немудрено: установки сталинской речи прямо противоположны линии съезда, ибо теперь выдвигается задача односторонняя: ускоренное развитие тяжелой индустрии. Не упомянут съезд и в связи со вторым вопросом, о сельском хозяйстве. И лишь по третьему вопросу, о борьбе с правым уклоном, помянут XV съезд. Помянут не без раздражения: «...XV съезд приплетен здесь ни к селу ни к городу». Такими словами начинается отповедь члену ЦК Фрумкину, который вновь обратился с письмами в ЦК и ЦКК и вновь напоминал о решениях XIV и XV съездов.

1929 год начался с выступлений Сталина на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, опубликованных впервые в 1949 году в краткой записи под названием «Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии». Здесь впервые названы имена: Бухарин, Рыков, Томский. Здесь сказано о разногласиях по тем же вопросам — темп индустриализации и пути решения зерновой проблемы,— впервые проявившихся на июльском пленуме. Здесь сказано, что статья «Заметки экономиста» — это попытка пересмотреть или «поправить» линию ЦК. Позднее, в речах гораздо более пространных, но для печати, то есть публиковавшихся немедленно, не нашлось места для упоминания этой статьи. Неудобно было Сталину публично признавать, что узнал себя в описании позиции, которую Бухарин критиковал как троцкистскую.

Первым из таких публичных выступлений против Бухарина была речь на пленуме ЦК и ЦКК в апреле, впрочем, напечатанная в то время в «Правде» с большими изъятиями. Там тоже шел бой, который нельзя было проигрывать. Пленум принимал тезисы о пятилетнем плане к XVI партконференции, которая этот план утвердила. На этом пленуме официальная критика правых была развернута уже во всех деталях. Она продолжалась и в других выступлениях Сталина в течение 1929 и 1930 годов.

С середины 1929 года генсек необычайно откровенен. Видимо, на апрельском пленуме он убедился, что Бухарин, Рыков и Томский сложили оружие. Это подтверждает и небывало резкий тон его речей. Когда-то он сдерживал Каменева и Зиновьева, требовавших немедленных репрессий против Троцкого. Потом, разгромив на XIV съезде «новую оппозицию», оставил высокие посты ее лидерам. Репрессий всегда добивались

другие, а Сталин соглашался на них последним. Рано было показывать когти, пока в «тележке» оставался еще кто-то, кроме него. И даже в 1928 году, написав статью «Докатились!», в которой обосновывались аресты и высылки троцкистов, Сталин не опубликовал ее — она увидела свет лишь после войны, когда вышел соответствующий том его сочинений. А тут, в отношении правых, чьи прегрешения были гораздо меньшими, а капитуляция скорой и безоговорочной — строгость небывалая. На апрельском пленуме Сталин требует снять Бухарина и Томского с занимаемых ими постов (Коминтерн, «Правда», ВЦСПС), предупредив, что при малейшей попытке неподчинения они будут выведены из Политбюро. В этой речи гремит и первый, дальний еще гром грозы, разразившейся в 1937-м: Сталин намекает на причастность Бухарина... к заговору левых эсеров. От политических споров к обвинению в антигосударственной деятельности — это тоже было внове. И в то же время так понятно: побит последний соперник из шестерки, больше некого бояться, некого стесняться, некого удерживать в союзниках. В конце концов Сталин не боится даже признать, что отброшены и линия XV съезда, и вся новая экономическая политика, разработанная Лениным. Вот кое-что из его речей и статей 1929—1930 годов.

«Если раньше кулак был еще сравнительно слаб... то теперь... он получил возможность маневрировать на рынке, он получил возможность отложить хлеб, эту валюту валют... Смешно было бы теперь надеяться, что можно взять хлеб у кулака добровольно».

Еще летом 1928-го он отмечал недовольство деревни, даже угрозу смычке и четко определял причину этого: не имея резервов, государство путем чрезвычайных мер затронуло страховые запасы хлеба у крестьян. Спустя несколько месяцев, весной 1929-го, он уже высмеивает Бухарина, объясняющего брожение деревни «перегибами» в политике, и дает новое объяснение: брожение отражает обострение классовой борьбы, каковое обострение неизбежно при наступлении социализма. Первый, но, увы, не последний, раз прозвучали слова о неизбежном обострении классовой борьбы.

Далее, не стесняясь троцкистских слов, Сталин вновь настойчиво повторяет тезис о необходимости «дани», «перекачки средств», «сверхналога» на крестьян. Не утруждая себя поисками аргументов, он обходится

конструкцией типа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»: «Не означает ли это, что беря этот добавочный налог, мы тем самым эксплуатируем крестьянство? Нет, не означает. Природа Советской власти не допускает какой бы то ни было эксплуатации крестьянства со стороны государства». С той же степенью убедительности дан ответ на вопрос: посилен ли этот добавочный налог для крестьянства (именно так говорилось: «для крестьянства» — Сталин и не пытается утверждать, будто речь идет о сверхналоге на кулачество). Ответ: посилен, потому «что взимание этого добавочного налога происходит в условиях непрерывного улучшения материального положения крестьянства». То есть посилен, потому что посилен. А на Украину надвигался голод, от которого крестьяне умирали,— яркое свидетельство «посильности» сверхналога.

Предметом высмеивания стало и то, что сам Сталин отстаивал всего полутора годами раньше: «Известно, что Бухарин убегает от чрезвычайных мер, как черт от ладана». Интересно, что эти чрезвычайные меры в одном месте именуются «уральско-сибирским методом хлебозаготовок». Выше показано, как генсек организовывал в Сибири этот «метод», ссылаясь на «другие края и области», но не называл их. Теперь другим ставят в пример Сибирь. Трудно отделаться от мысли, что тогда, в сибирских речах, эти «другие края», успешно применявшие прокуратуру на хлебозаготовках, были мифом.

На глазах меняются сталинские критерии правильности политики партии. Еще в 1928 году в одной из речей он говорил, что поскольку после насильственного изъятия хлеба не произошло сокращения посевов,— значит серьезного недовольства крестьян нет. И это — отсутствие или наличие сокращения посевов — было, конечно, верным критерием. Но в 1929 году Сталин не желал его применять. О сокращении посевов (теперь уже происшедшем) в кулацких (по его словам) хозяйствах он говорил как о доказательстве необходимости чрезвычайных мер. Теперь уже даже восстания не были доказательством ошибок в политике. Сталин называет группу Бухарина «мелочной» за то, что она «пытается теперь использовать в своих фракционных целях такую ничтожную мелочь, как волнения в Аджарии. В самом деле, что представляет собой это так называемое «вос-

стание» в Аджарии в сравнении с такими восстаниями, как кронштадтское восстание?» И дальше: «От нас требуют, очевидно, чтобы у нас не было недовольных элементов. Не с ума ли они сошли, эти товарищи из группы Бухарина?»

Еще в конце 1927 года поворот сознания крестьян в пользу коллективизации рассматривался как отдаленный и длительный процесс, притом процесс объективный, протекающий по своим законам. И хотя политика государства может его ускорять или замедлять, в любом случае это крупнейшее общественное преобразование происходит постепенно и не поддается планированию даже с точностью до года. В 1929 году Сталин уже не сомневается, что этим процессом можно управлять по своей воле, определяя сроки с точностью до месяца или недели. «Нам удалось повернуть основные массы крестьянства...», «нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства...» — это, по Сталину, достижения одного года. Вспомним ленинское: «работой долгого ряда лет подготовить...»

О законах и постановлениях, подтвержденных XV съездом (включая недопустимость раскулачивания), Сталин говорит: «Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ликвидации кулачества, как класса? Безусловно, да! Стало быть, эти законы и эти постановления придется теперь отложить в сторону в районах сплошной коллективизации, сфера распространения которой растет не по дням, а по часам». Это сказано в январе 1930 года. Никакого съезда после XV еще не было. Не съезд отменил решения съезда, а Сталин.

Его тут же спросили свердловцы: коли теперь новая политика — ликвидация кулачества как класса, то какими методами должна она осуществляться? Ответ: «Основным методом осуществления ликвидации кулачества, как класса, является метод массовой коллективизации. Все остальные меры должны быть приспособлены к этому основному методу. Все, что противоречит этому методу или ослабляет его значение, должно быть отброшено». На первый взгляд в этом ответе содержится лишь простая тавтология. Ясно, что сплошная коллективизация означает ликвидацию не только класса кулаков, но и класса единоличных крестьян вообще. Может быть, Сталин хотел этим сказать, что не нужно

раскулачивания, что надо всего лишь побыстрее загонять кулаков в колхозы? Нет, он четко объяснил, что раскулачивать надо, а пускать бывших кулаков в колхозы нельзя. Он обругал правых и за отстаивание политики кооперирования, этой предварительной ступени коллективизации, которая еще недавно удовлетворяла его и которая, между прочим, допускала участие кулаков в кооперативах, хотя и с ограничением прав. Так в чем же смысл этого ответа? В знаке равенства между раскулачиванием и коллективизацией, поставленном как бы ненароком, самим приравниванием того и другого к ликвидации кулачества как класса. Сталин высказался формально (и теоретически) правильно, настолько правильно, что будто бы ничего не сказал (если рассматривать этот ответ изолированно от других ответов беседы). Но в горячке «великого перелома» массе низовых работников ничего не стоило совершить логическую ошибку: если коллективизация есть метод ликвидации кулачества как класса, то и ликвидация кулачества как класса (по другим речам читай: «раскулачивание») есть метод коллективизации. Сталин этой ошибки не сделал, упаси бог. Он только предоставил другим сделать ее. Другие покатились от высылки кулаков к высылке «подкулачников», а затем к агитации середняков за колхозы с помощью пистолета — все это достаточно ярко описано у Шолохова в «Поднятой целине», у Залыгина в «На Иртыше» и у других.

А Сталин пришел исправлять «чужие» ошибки. Разжегши страсти и позволив сделать то, что ему было нужно, мессия явился со своим «Головокружением от успехов» и «Ответом товарищам колхозникам».

Эти два выступления, а также основанное на них постановление ЦК от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» ясно показывают и методы ликвидации кулачества, и, главное, методы коллективизации. Сталин поминает угрозу военной силой, угрозу лишить поливной воды (в районах орошаемого земледелия) и промтоваров, допущение «насилия в области хозяйственных отношений с середняком».

Однако надо было отмежеваться так, чтобы не помешать теми же темпами и дальше загонять середняка в колхоз. Вот почему постановление, сказав очень коротко о главном — нарушении добровольности в колхозном движении,— затем сосредоточивает внимание на

мелочах, в которых отступить было не жаль: на «головотяпском перескакивании» от артельной формы к коммуне, на закрытии церквей и базаров, на обобществлении мелкого скота и птицы, на ликвидации приусадебных огородов. С этим всем предлагается решительно покончить. А вот главное — взятый темп коллективизации,— наоборот, закрепить. Предписывание сроков, повышающее процент коллективизации «в отдельных районах» до 90 за несколько дней, именуется «чиновничьим декретированием», а поднятие этого процента за год-полтора по всей стране до 40—50 именуется успехом. И подтверждается постановлением ЦК о темпе коллективизации, предписывающее весьма короткие сроки — в основном один-два года — для завершения коллективизации во всех основных зерновых районах. Это постановление (январь 1930 года) не вязалось не только с решениями XV съезда, принятыми до сталинского поворота, но и с пятилетним планом, принятым XVI партконференцией уже после этого поворота: ведь он предусматривал 20 процентов коллективизации за пять лет, а тут получалось 40 процентов за один год. Этим Сталин похвалялся. И в «Головокружении от успехов» критику предварял главным требованием: «з а к р е п и т ь достигнутые успехи и планомерно и с п о л ь з о в а т ь их для дальнейшего продвижения вперед». А в «Ответе т. М. Рафаилу», не предназначавшемся тогда для печати, писал откровенно о своем «Головокружении от успехов» и сопутствующих решениях: «Здесь, в марте 1930 г., не было никакого поворота в политике. Мы одернули зарвавшихся товарищей,— только и всего».

В 1929 году, как и позднее, Сталин настойчиво отстаивал единственный мотив ускорения коллективизации: решение хлебной проблемы. Для подтверждения этого он не гнушался жульнической статистикой, приводя цифры о том, что колхозы и совхозы уже дают больше хлеба, чем давали кулаки, и тем самым решается проблема «заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов». Между тем ясно, что проблема решается лишь в том случае, если колхозы заменяют производство не только кулацкое, но и тех середняков и бедняков, которые в эти колхозы вступили. А середняки были главными держателями хлеба, так что, «забыв» о них, Сталин значительно упрощал задачу. Он не скупился на обещания: «Благодаря росту

колхозно-совхозного движения мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса. И если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире!» Три года — какой знакомый срок! Сталин не любил заставлять ждать обещанного больше, чем три года. Однако через три года после этих посулов наша страна не стала самой хлебной в мире — она была страной с карточками на хлеб. И если голодные крестьяне все-таки строили колхозы, а голодные рабочие строили Магнитку и Кузнецк, то не благодаря сталинскому руководству, а вопреки ему. Он же не последний раз эксплуатировал героизм народа.

Ясно, что хлебная проблема не решалась такими методами — так можно было только сорвать ее решение, что и сделал Сталин. Отрицательные последствия сталинского способа коллективизации были возмещены в зерновом хозяйстве лишь через несколько лет, в животноводстве — спустя десятилетия. Трудно сказать, были ли они вообще когда-нибудь устранены в психологии тех крестьян, которые в том же духе стали относиться к труду в колхозах. (Колхозный строй соответствует интересам крестьянства, и зло было не в коллективизации вообще, а в извращенных методах ее проведения. Сами эти методы не сводились к административному насилию над людьми — голое насилие над всеми крестьянами было не по зубам даже Сталину. Точнее говорить о насилии над объективными законами общественного развития, включавшем и репрессии, и обман, и налоговое давление, и эксплуатацию энтузиазма передовых крестьян, и эксплуатацию низменных чувств толпы — вроде дележа имущества раскулаченных. Крестьянству пришлось заплатить за все — вот почему слово «насилие» ярче всего выражает его представление о коллективизации по-сталински.)

Одна цель была достигнута: с криками, шумом о правой опасности «тележка» была повернута, и Бухарин вылетел на повороте. Еще до XVI съезда его вывели из Политбюро. Троцкий, потом Каменев и Зиновьев тоже пытались изменить политику партии между съездами — и не смогли. Генсек смог. К XVI съезду он пришел победителем.

Может быть, именно ощущение победы, безраздель-

ной власти, еще не отравленное горечью поражения, которое ему готовила в 1931—1933 годах экономика, побудило Сталина к необычайной откровенности на съезде в июне 1930 года. Он не скрывал, что был инициатором пересмотра оптимального варианта пятилетки в сторону дальнейшего ускорения, вне связи с реальностью. Он заявил в отчетном докладе съезду, что нужно «дальнейшее ускорение темпа развития нашей промышленности», а «люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма...» Он похвалялся решениями о повышении контрольных цифр по крупнейшим отраслям. Он развернул целую «теорию» о том, что планирование не кончается составлением плана и надо повышать план на ходу.

Возможно, он и впрямь поверил, что потоки чугуна и ход конвейеров подвластны его слову — прикажи, и пойдут быстрее. Иначе не проговорился бы в своем длинном рассуждении о предложениях троцкистов по пятилетке. Он настолько забыл прошлые речи, что решил похвалиться: мы более «сверхиндустриалисты», чем троцкисты, поскольку предлагаем темпы более высокие, чем предлагали они. Приведенное Сталиным для осмеяния старое рассуждение Троцкого (теперь оно именуется «капитулянтской теорией потухающей кривой») было просто изложением общепринятого в партии в 1925—1927 годах положения о том, что темпы периода нового строительства неизбежно ниже темпов периода восстановления. Наконец, Сталин был так неосторожен, что привел конкретные цифровые предложения Троцкого и троцкистов, чтобы противопоставить их своим и осмеять. Оказывается, Троцкий предлагал в свое время для пятилетки среднегодовой прирост промышленной продукции 18 процентов. Противопоставляя этому предлагаемые на 1930/31 хозяйственный год 47 процентов, Сталин не мог еще знать, что в 1930 году фактический прирост составит 22, а в 1931-м — 20 процентов, то есть очень близко к цифре Троцкого и очень далеко от его, сталинской цифры. Но он должен был знать, что тогда, когда выступал с этим предложением Троцкий, таким было общее мнение,— 18—19 процентов предлагала, например, комиссия Куйбышева. Даже более скромные темпы — 12 процентов — сам Сталин называл тогда рекордными. Но дело в конце концов не в цифрах. Характерно само

намерение «перетроцкистить» троцкистов. И после этого Сталин еще повторил, что главная опасность в партии — правая опасность!

Впрочем, это говорилось больше для порядка. Сталин уже не боялся правых. Он победил — оставалось прибрать осколки побитой в драке посуды. И тут оказалось, что набито и наколочено много, приборка будет непростой. После лихих поворотов хромало не только сельское хозяйство — хромала промышленность. Еще совсем недавно звучали призывы критиковать «вождей», вообще поддерживать критику, даже если в ней только пять процентов правды. Но теперь, поскольку правых уже не было в «штабах», критика вождей не могла означать критику Бухарина, Рыкова, Томского. Она могла означать только критику Сталина и его людей, сменивших правых (место Рыкова в Совнаркоме, например, занял Молотов). И зазвучали звонки отбоя. В решении ЦК подвергается критике самый рьяный критикан — Демьян Бедный. Не в силах понять суть событий, раздосадованный неожиданностью, Демьян пишет письмо Сталину. И генсек в длинном личном письме отчитывает поэта. Он отвечает, что да, в его фельетонах «имеется ряд великолепных мест, бьющих прямо в цель» (неужели меньше пяти процентов?). Но есть еще «ложка такого дегтя, который портит всю картину». Это «клевета на наш народ, развенчание СССР...». Сколько раз, из скольких уст слышали потом сатирики подобные слова!

Однако усмирение Демьяна ничуть не помогает усмирить вырывающуюся из рук хозяйственную машину. В июне 1931 года в речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» Сталин предлагает разукрупнить хозяйственные объединения — то есть сделать более плотным административный контроль за предприятиями, приблизить к ним ведомства. Но такие меры уже явно не помогали, крах ускорительства становился все очевиднее.

В 1932 году вождь замолчал. Все его выступления за год уместились на 25 страницах 13-го тома сочинений — короткие официальные приветствия «по случаю», одно короткое внешнеполитическое интервью, один ответ на письма с вопросами по истории большевизма. За год была одна статья — «О значении и задачах бюро жалоб». За год не было ни одной речи — не выступил даже на XVII партконференции, обсуждавшей директи-

вы на вторую пятилетку и план на 1932 год. Все публикации года, вместе взятые, короче одной речи на совещании хозяйственников в июне 1931 года — а в том году за пять месяцев было два таких совещания, и на обоих Сталин выступил. Еще раньше статьи и речи одного года не умещались в целый том сочинений.

Что же произошло? Догадаться нетрудно: получив в 1931 году 20 процентов прироста вместо 45, которых он требовал, вождь понял, что в экономике не все подчиняется приказам. И предоставил некоторое время другим катить телегу ускорительства, которая уже сделала свое дело, которую пора было заменять. Не Сталин, а Орджоникидзе в докладе на XVII конференции сообщал о приросте промышленной продукции за прошедший год, в два с лишним раза меньшем, чем планировалось. И он же докладывал о запланированном на 1932 год приросте в 36 процентов — столь же нереальном, как и предшествующие 45. Не Сталин, а Молотов и Куйбышев называли фантастические контрольные цифры на вторую пятилетку (когда двумя годами позже XVII съезд утвердил окончательные директивы, его цифры просто не имели ничего общего с наметками конференции). Сталин счел за благо на время отойти в сторону, чтобы с тем большим успехом снова сыграть потом роль гения, который первым откажется от старой линии,— и кто позволит себе вспомнить, что он же эту старую линию выдумал, он же ее протащил, несмотря на протесты других?

В январе 1933 года Сталин выступил с первой за полтора года речью, точнее, с докладом «Итоги первой пятилетки» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Человек наивный ожидал бы, наверное, в докладе на такую тему увидеть таблицы, много таблиц: в одной колонке — что планировалось, в другой — что получилось. И цифры в тексте, много цифр: что планировалось и что получилось. Разве можно без этого рассказать об экономических итогах? Оказывается, можно. В докладе нет таблиц — ни одной таблицы. В докладе нет цифр плана по промышленности — ни одной цифры о том, что планировалось. В докладе всего две цифры о выполнении плана — проценты по валовой продукции промышленности в целом и по тяжелой промышленности в том числе. Зато полтора десятка изречений буржуазной печати о пятилетке. Есть в нем и знаменитые сталинские заклинания: «У нас не было тракторной промышленно-

сти. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно...» и т. п. Есть в докладе длинные рассуждения о том, что социализм лучше, чем капитализм, а индустриализация лучше, чем ее отсутствие. Оказывается, членов ЦК партии большевиков после пятнадцати лет Советской власти нужно было во всем этом убеждать...

Но что поделаешь, не мог генсек заговорить по существу: так, мол, и так, вы знаете, что были споры — не о том, проводить ли индустриализацию, а о том, к а к ее проводить. Возобладала такая-то линия, это дало такие-то результаты. Не мог он этого сказать. А менять политику было пора, и перемену эту следовало обосновать. Оратор находит такой ход: «Правильно ли поступала партия, проводя политику наиболее ускоренных темпов? Да, безусловно правильно». Дальше следуют известные доказательства этой «правильности», но: «Можно ли сказать, что во второй пятилетке придется проводить такую же точно политику наиболее ускоренных темпов?» Для наивного человека и вопроса такого нет: ведь это уже решено XVII партконференцией, и никто ее решений не отменял. Но Сталин не наивный человек:

«Нет, нельзя этого сказать. Во-первых, в результате успешного проведения пятилетки мы у ж е в ы п о л н и л и в основном ее главную задачу — подведение базы новой современной техники под промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что нет в этом теперь необходимости. Во-вторых, в результате успешного выполнения пятилетки нам у д а л о с ь у ж е поднять обороноспособность страны на должную высоту. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что теперь нет в этом необходимости».

В этом рассуждении — двухэтажное лукавство: одно уклонение от истины перекрывается другим. Внимание слушателя сосредоточено на верхнем этаже, прямом утверждении: выполнение основных задач индустриализации завершено. При некритическом подходе это воспринимается как истина, при критическом — можно задуматься, так ли это. Взять обороноспособность: можно ли считать ее экономически обеспеченной, когда промышленность еще слабее, чем в любой из крупнейших капиталистических стран Европы — потенциаль-

ных агрессоров: Германии, Англии, Франции?.. А «база современной техники» под промышленность, транспорт, сельское хозяйство неужели подведена уже полностью? И это были бы справедливые вопросы. Но неопасные для Сталина. Человек, задумавшийся только над этими вопросами, уже мыслил бы в заданной колее, уже думал лишь о том, нужно ли ускорительство в будущем. Отодвигался в сторону вопрос, нужно ли оно было в прошлом. Как бы само собой разумелось, что, пока задачи индустриализации не выполнены, есть резон «подхлестывать и подгонять страну» (слова-то какие!). Как бы само собой разумелось, что ускорительство какую-то пользу принесло, приблизило момент победы в соревновании с капитализмом. Затуманивалась самая неприятная истина: что ускорительство отдалило этот момент.

Дальше оставалось оттиснуть мысль в надежную форму простого лозунга. Нашлись нужные слова: в первой пятилетке главным был «пафос нового строительства», во второй будет «пафос освоения». Пафосы получили количественное выражение: генсек объяснил, что «пафосу нового строительства» соответствовал ежегодный прирост промышленной продукции в 22 процента (он слегка преувеличил), а под «пафос освоения» хватит 13—14. После этого пленума XVII съезду были представлены директивы, по существу полностью отменявшие директивы XVII конференции. На съезде предложенные цифры кое в чем сократили. Фактически итоги второй пятилетки по основным отраслям были лишь чуть ниже цифр, принятых съездом.

Так завершился вираж в промышленности. С сельским хозяйством было сложнее. Ведь промышленность действительно двигалась вперед семимильными шагами, а что она могла бы двигаться еще быстрее и с меньшими жертвами — это уж были тонкости, очевидные далеко не всем. Но сельское хозяйство вовсе не двигалось вперед, а пятилось назад. Тут сложнее было и оправдывать прошлую политику, и обосновывать будущую.

О прошлом было сказано так: «Располагая тракторами и сельхозмашинами, с одной стороны, и пользуясь отсутствием частной собственности на землю (национализация земли!), с другой стороны, партия имела все возможности форсировать коллективизацию сельского хозяйства». Каким образом национализация земли

помогала проводить коллективизацию именно форсированную, и почему до этого раньше никто не додумался, хотя национализирована земля была еще в 1917 году,— это вопрос темный. А вот утверждение о том, что форсировать коллективизацию можно было, поскольку трактора появились,— это утверждение заслуживает внимания хотя бы потому, что оно повторялось не раз до и после этой речи.

Цифры, приведенные самим же Сталиным несколько позже, на XVII съезде, показывают, что в «год великого перелома» не было еще и по одному трактору на двадцать колхозов, и даже в начале второй пятилетки, когда в основных зерновых районах коллективизация завершилась, набралось примерно по полтрактора на колхоз. Как во многих других случаях, здесь тоже верная в о о б щ е мысль (о том, что выгодность крупной техники побуждает крестьян к совместному хозяйствованию) не вязалась у Сталина с конкретным приложением этой мысли: не получалось, чтобы в первой пятилетке трактора могли сагитировать крестьян в м а с с е за колхоз — не было еще массы тракторов.

В 1928 году тракторам принадлежало 2,5 процента энергетических мощностей сельского хозяйства, рабочему скоту — 94,8 процента. Даже в 1940-м перевес тракторов еще нельзя назвать подавляющим: 37,1 процента против 22,3 — на долю рабочего скота, численность которого к тому времени резко сократилась. При таких цифрах нужна была чисто сталинская смелость, чтобы «великий перелом» к коллективизации в 1929 году объяснять не административным давлением, а изменением массовых убеждений крестьян с приходом трактора в деревню.

Отношение к труду и общественной собственности лучше всего показывает, с каким настроением шел крестьянин в колхоз. Средняя выработка трудодней на трудоспособного колхозника в 1932 году — 118. Даже в 1953 году, когда общее падение трудового энтузиазма в колхозах было достаточно ярко охарактеризовано сентябрьским пленумом ЦК, соответствующая цифра составила 295.

Главной собственностью, которую нес в колхоз крестьянин, был крупный скот. Шолохов ярко описал, на какие муки пошел дед Щукарь (кстати, бедняк по всем признакам), чтобы эту свою собственность в колхоз не отдать. Сколько было таких «щукарей?» Даже

падёние поголовья коров с 29 миллионов в 1928 году до 19 миллионов в 1934-м не открывает всей картины. Уцелевшие 19 миллионов — в основном коровы личных подсобных хозяйств либо единоличников. На конец 1932 года, когда коллективизация была уже в основном проведена, колхозных коров было всего 2,6 миллиона и даже к началу 1941-го — всего лишь 5,7 миллиона из общих 27,8 миллиона.

Ну и еще одна цифра — для характеристики ухода за скотом в колхозах времен «великого перелома». Средний годовой удой молока от фуражной коровы в колхозах составил в 1932 году 931 килограмм. Кто знает, что в личном хозяйстве не держат корову, которая дает меньше ведра молока в день, тот поймет, что девятьсот литров в год — это ближе к продуктивности хорошей козы. Даже в 1945—1946 годах, когда и засуха была, и голод, и пахали на колхозных коровах — и то лучше доились они, чем в год «великого перелома».

О том, что коллективизацию не надо больше форсировать, Сталин также сказал в докладе. Ясное дело: в основном ее закончили, чего же теперь форсировать. Но этим дело не исчерпывалось. Производство хлеба не шло по плану, посевы зерновых в 1932 году были меньше, чем в 1930-м, а валовой сбор меньше, чем в 1929-м и в 1913-м. А хлеб надо было взять. И Сталин выступил на пленуме еще раз, с отдельной речью «О работе в деревне». Это было объявление войны уже колхозному крестьянству. Во-первых, генсек поносил местное руководство за то, что позволяет колхозам до сдачи хлеба государству создавать разные фонды: для собственного питания, фуражный, страховой и т. д. Сперва сдай государству, потом думай о себе. Во-вторых, он сообщал, что в колхозы пробрались враги и используют колхозы для борьбы против Советской власти. С учетом этого должны быть изменены политика и методы работы в колхозах. Яснее высказаться нельзя было. Колхозы оставались для Сталина врагом до конца — даже в предсмертном экономическом сочинении он успел указать на них как на главное препятствие на пути к коммунизму.

Но на этом кончается история о том, как Сталин повернул против Сталина. В дальнейшем мир знал только одного Сталина, он умело совершал самые невероятные повороты, но никогда не изменял себе. Психологов и писателей может заинтересовать вопрос, из-

менил ли он себе и при этом повороте или он с самого начала был иным, чем казался, и просто ловко лицемерил. Но для исторического, для политического анализа это — вопрос несущественный. Мы убедились в самом факте: Сталин отказался от собственных слов, в 1928 году он сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал. Во многих важных теоретических и практических вопросах он встал на чисто троцкистские позиции. Остается невыясненным, однако, вопрос: почему ему это удалось, почему он не вылетел из тележки на таком повороте?

II

Вождь должен видеть дальше, чем масса,— на то он вождь. Иногда его обязанность — не поддерживать, а сдерживать большинство, во имя, пусть еще не осознанных всеми, интересов этого большинства. Так Кутузов в 1812 году сдерживал нетерпение войска, отступавшего по родной земле. Так Ленин сдерживал революционное нетерпение партии в период Бреста. Так руководство партии в период XIV—XV съездов сдерживало нетерпение коммунистов «раздеть кулака». Во всех этих случаях вождь не выполнил бы своего долга перед народом, если бы выполнил волю народа так, как понимало ее большинство. Стало быть, вождь может быть повинен в невыполнении своего долга и в том случае, когда он не сдерживал страсти, присоединялся к ним, инициативу предоставляя другим.

Сталин вполне владел искусством предоставить другим совершить именно ту ошибку, которая ему нужна, заранее зная, что это ошибка, что в будущем она станет для всех очевидной и тогда придется отвечать. На этот случай он в стороне. Больше того — он охотно возьмет на себя инициативу исправления ошибки. Так было с печально знаменитой историей обороны Киева в 1941 году. Сталин не отдал вовремя приказ оставить Киев и даже снял с должности начальника Генштаба Жукова, который слишком настойчиво добивался такого решения. Но Сталин обставил дело так, что внешне инициатива обороны города в безнадежных условиях принадлежала не ему — это хорошо показал в своих мемуарах маршал Баграмян. Сталин, видимо, хорошо знал недостатки командующего фронтом

Кирпоноса — горячность, повышенное солдатское самолюбие, не позволявшее ему настаивать на отступлении. Долг главнокомандующего в разговоре с таким подчиненным — сдерживать его, не позволять зарываться. Сталин, напротив, играл на самолюбии Кирпоноса и умел повернуть разговор так, что командующий фронтом, только что договорившийся со своим штабом настаивать на отходе, к ужасу подчиненных, заявлял обратное: можем держаться. Он держался до последнего и погиб вместе с бóльшей частью своих войск. Благодарностью ему было забвение или очернение его памяти при жизни Сталина — не объявлять же, в самом деле, что в гибели фронта повинен Верховный Главнокомандующий.

Нечто подобное было разыграно и в годы первой пятилетки. Лозунг «Пятилетку — в четыре года!» придумал не Сталин. Этот лозунг пришел снизу, с предприятий. Он отражал и благородный энтузиазм строителей социализма, и экономическую малограмотность широких масс. Партия вполне способна была, ничуть не гася энтузиазма, направить его в полезное русло — борьбы прежде всего за качество, себестоимость, производительность труда при точном выполнении плановых сроков и количественных заданий. Но Сталин на «пять — в четыре» ответил «пять — в три».

Почему левацкая тенденция оказалась в тот момент сильнее? Тому были, очевидно, и объективные причины: прежде всего преобладание мелкой буржуазии в населении. Шестерка вождей могла противостоять давлению мелкобуржуазного сознания, могла сама подчиняться ему, а могла и сознательно эксплуатировать его. Сталин именно это последнее и выбрал в заключительной схватке. Раньше него тот же путь прошли (только с меньшим успехом) Каменев и Зиновьев, также пытавшиеся играть на «левых» устремлениях масс. В числе их сотоварищей по оппозиции был Пятаков — единственный из шестерых, не сыгравший в период после Ленина самостоятельной роли. Еще один — Троцкий — бывал и «левым», и правым, не будучи, надо полагать, по убеждению ни тем, ни другим — он вообще, по сути дела, не был большевиком. Незаурядный революционер-организатор, он не нашел (и не сумел сколотить) партии «под себя» и в предвидении скорой революции всего за несколько месяцев до Октября избрал большевиков как единственную дееспо-

собную партию. Но эта партия так никогда и не стала для Троцкого до конца своей.

Шестым был Бухарин. Этот вождь, закончивший свою карьеру с клеймом «правого уклониста», был лидером движения «левых». Он был «левым» при Ленине и против Ленина. Но в этой его позиции не было спекуляции. Он был «левым», потому что искренне считал свою позицию правильной — так, во всяком случае, судил о нем Ленин.

Решающее значение имеет, конечно, оценка не личных истоков воззрений «левых», а социальной направленности их идей. Такая оценка содержится уже в заголовке главной полемической работы Ленина того периода: «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». В ней дан знаменитый анализ пятиукладной экономики России, в котором Ленин выделяет мелкокрестьянское хозяйство (а не крупнокапиталистическое) как основное препятствие на пути к социализму.

Почти всякий спор марксистов с «левыми» оказывается внешне (а в значительной степени и по существу) спором о темпах продвижения вперед. Так могли бы спорить два человека, стоящие у железнодорожного переезда — пересекать ли полотно после того, как поезд прошел, или... чуть-чуть раньше. «Левые» вроде и стремятся туда же, куда и прочие революционеры, и переходить дорогу намерены в том же месте — только всегда норовят побыстрее. А что под колеса — ну, какой же революционер боится таких пустяков. Спор Ленина с группой Бухарина по вопросу о Брестском мире тоже был спором о том, надо ли пролетариату России бросаться под поезд, чтобы поторопить мировую революцию.

Значение этого спора и его исход слишком широко известны, чтобы здесь повторять основные исторические факты. Но для последующего изложения весьма интересны некоторые цитаты из речей Бухарина на VII съезде партии, решившем в пользу Ленина спор о мире. Вот самое характерное суждение:

«Тов. Ленин в конце своей речи говорил, что он подпишет какой угодно мир, чтобы эвакуировать рабочих из Петрограда; я утверждаю, что это как раз есть фраза, не холодный расчет, а самое настоящее увлечение чувством, конечно, очень хорошим чувством, но далеким от холодного расчета, который говорит нам,

что в случае необходимости мы можем и должны пожертвовать десятками тысяч рабочих».

Пусть не покажется Бухарин легкомысленно кровожадным на основании этой вырванной из контекста фразы. Он ведь думал, что лишь возвращает Ленину его упреки «революционерам фразы», его призывы к холодному расчету соотношения сил. «Левые» больше всех кричали в защиту рабочих и крестьян Украины, Прибалтики и других районов, которые Брестский мир отдавал немцам. Бухарин различал лишь «массы», и лексикон его речей на съезде отлично показывает отношение «левых» к этим массам: «нужно обрабатывать человеческий материал», «нужно заставить массы понять», «мы должны массы поднять до себя», «наша священная обязанность заключается в том, чтобы давить на массы, втягивать их в борьбу». Действенным способом «давить на массы» он считал и немецкую оккупацию: давайте воевать, и если даже придется отступать из-за того, что рабочие и крестьяне воевать не желают,— это неплохо. Пусть узнают, что значит «жить под немцем»: «когда будет железное кольцо вставлено в ноздри, тогда, поверьте, товарищи, тогда мы получим настоящую священную войну».

Много позже, когда Бухарина станут именовать уже не «левым», а «правым», у него не раз будет повод вспомнить эти речи — и особенно слова о том, что революция может развиваться ценою гибели передовых рабочих.

История Бухарина — виднейшего теоретика и любимца партии — особенно наглядно показывает, сколь привлекательна для многих, сколь неотразимо сильна бывает при революционном наступлении склонность к мелкобуржуазной «левизне», как легко раскачать на нее людей и как трудно бывало остановить — даже когда останавливал Ленин. Бухарин дал самые наглядные уроки этого — а Сталин был внимательным учеником. Он не хотел лишний раз напоминать, что Бухарин был «левым», но сам его опыта не забывал, силу «левизны» растолковывал очень ярко и верно. В докладе XIV партсъезду, рассуждая о двух уклонах в борьбе с кулаком (переоценке и недооценке кулацкой опасности), Сталин говорил:

«Оба уклона опасны, оба они хуже, нельзя говорить, какой из них опаснее, но говорить о том, к борьбе с каким уклоном больше всего подготовлена партия,—

можно и нужно. Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия,— к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только,— и мигом разденут кулака. А вот что касается того, чтобы не раскулачивать, а вести более сложную политику изоляции кулака через союз с середняком, то это дело не так легко переваривается».

Сталин понимал, что «левая» политика менее сложна, меньше хлопот требует.

Однако ведь и это не было новостью, все это Ленин предвидел, был стройный план изживания мелкобуржуазной «левизны» масс под политическим руководством партии. И сама партия не поддалась ни на «левизну» Троцкого — Преображенского в 1923-м, ни на «левизну» Каменева — Зиновьева в 1925-м, ни на «левизну» всех их вместе в 1927-м. Почему прошла «левизна» Сталина в 1928—1929-м?

Можно найти частные обстоятельства, которые способствовали «ускорительскому» рвению при подготовке первой пятилетки. Например, на XVI партконференции, утвердившей оптимальный вариант плана, особенно дружно прозвучали голоса членов ЦК с мест, руководителей республик и областей. Никто не предлагал меньше, все хотели больше: дайте больше Украине, Сибири, Уралу и т. д. Однако позднее, на XVII съезде, на такие же речи о второй пятилетке Орджоникидзе ответил: эдак получится десятилетка. При обсуждении первой пятилетки тот же Орджоникидзе был ярым «ускорителем». А ведь при борьбе с любой оппозицией или уклоном его голос весил много как в силу авторитета, так и по должности: в период борьбы с правыми он был председателем ЦКК. Его личная честность вне подозрений — это доказано не только его жизнью, но и смертью. Он не лукавил — он искренне заблуждался. Он поверил Сталину в тот момент — и не он один, а большинство ЦК. Может быть, им не хватало политического опыта? Нет, это отпадает. Но ведь и член ЦК, нарком, дышит тем же воздухом, что и все простые смертные, и на него действует окружающая атмосфера, давят мнение окружающих, страсть тысяч и миллионов. И он не меньше — а может, и больше других боится оторваться, отстать от народа.

Здесь мы подходим к вопросу, который волею истории тесно связан с именем Каменева и особенно Зиновьева.

«Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат. Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда Секретариат объединяет и политику и организацию и фактически предрешает политику. Вот, товарищи, что нужно сделать. Каждый, кто не согласен со мной, сделает свой вывод. Это право оратора начать с того, с чего он хочет. Вам кажется, следовало бы начать с того, что я сказал бы, что лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб. Я не считаю, что это основной политический вопрос. Я не считаю, что этот вопрос более важен, чем вопрос о теоретической линии. Я считаю, что если бы партия приняла определенную политическую линию, ясно отмежевала бы себя от тех уклонов, которые сейчас поддерживает часть ЦК, то этот вопрос не стоял бы сейчас на очереди. Но я должен договорить до конца. Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя! Этими словами я и кончаю речь свою».

Эти замечательные слова бросил в лицо Сталину член Политбюро ЦК РКП(б), председатель Совета Труда и Обороны Лев Борисович Каменев. Он произнес их с трибуны XIV съезда партии 21 декабря 1925 года (между прочим, в день рождения Сталина). Одних этих слов достаточно, чтобы увидеть, что противники Сталина не сдавались без боя и что не все в

партии были обмануты. Добавим, что большинство делегатов съезда составляли люди, которых сам Сталин счел впоследствии своими врагами и поступил с ними соответственно. Почему же, почему в ответ на слова Каменева, сегодня столь понятные нам, а тогда столь очевидно близкие к словам ленинского «завещания», почему на речь Каменева съезд ответил овацией Сталину?

Начать придется с того, что больше других содействовали этому сам Каменев и его соратник Зиновьев. Приведенные выше смелые и мудрые слова вовсе не кажутся ни смелыми, ни мудрыми, если прочитать их в контексте всего, что наговорила на съезде оппозиция. Каменев одну-две минуты разговора о Сталине утопил в более чем часовой речи о «теоретических вопросах» (и вслед за ним примерно так же выступил Сокольников), а первый оратор от оппозиции, ее «главный калибр» — Зиновьев — о необходимости замены Сталина не сказал в своем докладе ни слова. Вместо того он искал «уклоны» в политике ЦК, что было неверно прежде всего принципиально: политика ЦК в основных вопросах была верной. Это было наивно и тактически: со Сталиным вздумали тягаться на таком поле!

Не слишком ли строги мы к этим людям, которые — что бы там ни было — первыми громко сказали партии о том, что ее ждет? Но в том-то и дело, что объективно они в этот момент не ослабили, а укрепили Сталина. Они «подставились», пойдя на него неправой войною, дали ему легкую победу. Шутка сказать, три такие фигуры — Каменев и Зиновьев вслед за Троцким. Вместе с Пятаковым четверо из пяти сталинских соперников. Еще летом 1917 года VI съезд партии в одной из резолюций назвал Троцкого и Зиновьева — вслед за Лениным — «вождями мирового пролетариата». Они дали Сталину проглотить себя — и он как бы прибавил их вес к своему. Все их заслуги в революции и войне он как бы приплюсовал к своим, оказавшись победителем. И теперь уже мог идти с любой войною — правой и неправой — на кого угодно.

Чем они «подставились»? Прежде всего тем, что выступили слишком явно против самих себя. И не только тогда, когда блокировались с Троцким, в которого прежде первыми кидали камни — то уж было окончательное падение. Они выступили против себя еще на XIV съезде партии. Возьмем крестьянский вопрос.

Всего за несколько месяцев до съезда XIV партконференция провозгласила новую политику в деревне — ту самую политику, на которую Каменев и Зиновьев напали на съезде. Руководил же конференцией Каменев, он председательствовал на всех заседаниях, в речи при открытии отметил «рекордный» рост промышленности и одобрил поворот «лицом к деревне». Последними словами, произнесенными с трибуны XIV партконференции, были полные оптимизма слова Каменева: «... Коминтерн... может быть уверен, что правильной политикой усиления социалистических элементов в нашем хозяйстве мы докажем, что и при замедленном темпе мировой революции социализм должен строиться и в союзе с крестьянством нашей страны будет строиться и построен будет».

Это было сказано 29 апреля 1925 года. А 21 декабря того же года тот же оратор говорил XIV съезду: «В чем действительная опасность? В том, что при затяжке мировой революции, при стабилизационных настроениях извне и внутри, при богатеющей... стране, при том мелкобуржуазном окружении, в котором живет рабочий класс, растут неизбежно элементы прикрашивания нэпа».

Да, поверить в искренность этого оратора делегатам XIV съезда было мудрено.

Каменев говорил на XIII съезде: «На вопрос о том, где же наш план, я отвечаю: наш план заключается не в этих абстрактных схемах. План, который проводила наша партия в течение последних месяцев, начиная с дискуссии, воплощен в двух словах: в денежной реформе. Никакого другого плана в том смысле, что это есть реальное направление и увязывание всего хода народного хозяйства вокруг одного стержня, в том смысле, что мы имеем определенное звено, ухватившись за которое, мы могли бы тянуть всю цепь,— никакого другого плана не могло быть в прожитые месяцы».

Разумеется, к XIV съезду положение экономики было иным, чем к XIII: денежная реформа была давно закончена, завершено и послевоенное восстановление промышленности, возникло много новых возможностей планового воздействия на производство, в том числе и самого прямого. Никто не стал бы в декабре 1925 года утверждать, что в денежной реформе и есть единственный план. Но остался в силе общий принцип: формы плана определяются содержанием решаемых хозяйст-

венных задач, а значит, для любого момента есть формы более подходящие, менее подходящие и совсем неподходящие. Что же говорит XIV съезду Каменев, столь разумный еще на предыдущем съезде? Вот что:

«Что же, вы хотите, чтобы мы дожили до того, когда совершенно ясно выкристаллизуется психология, идеология того крестьянства, которое не хочет давать нам хлеб в том размере, который нам нужен для развития социализма, не хочет давать хлеб по той цене, по которой нам, рабочему государству, было бы выгодно?..»

Это уже иной голос, иной строй мыслей, чем у Каменева на XIII съезде. Тот Каменев сказал бы, что, если крестьянство не хочет давать хлеб по плану, виновато не крестьянство, а план (делегаты XIV съезда так и кричали с мест Каменеву: что это просчет плана, просчет высшего хозяйственного органа — СТО и его председателя — Каменева). После XIV съезда эта истина осталась в распоряжении других — не Каменева. Другие, в том числе Сталин, разъясняли, что план должен и может предусмотреть, во-первых, реальную, а не односторонне выгодную цену, во-вторых, хлебные и другие резервы для маневра в случае попыток спекулятивного вздувания цен. Каменев еще пытался подпустить туману: «...я не предложу: давайте устроим раскулачивание деревни. Я говорю только, что линия должна быть взята правильно...» Но это уже были наивные попытки. Кто говорит, что надо получить у крестьян хлеб, не применяя экономического воздействия, тот может не договаривать, что требует воздействия административного: третьего не дано. И не случайно Каменева тут же, на съезде, ткнули носом в это противоречие. Микоян сказал: «Если вы говорите, что кулаки более сильны, чем это полагает партия, то извольте одно из двух: или больше уступок, или мордобой ему сейчас,— или раскулачивание, или больше уступок, для того, чтобы не было сорвано хозяйственное строительство».

Выходит, Сталину не было нужды заново конструировать политическое оружие в 1928 году: он мог брать его готовым из арсенала оппозиции 1925—1927 годов. И он использовал эту возможность достаточно широко.

Нападки на «врастание» кулака (Каменев на XIV съезде не раз повторил это обвинение Бухарину) Сталин тоже придумал не сам. Но в 1925-м он ответил на это: не дадим вам крови Бухарина. Вообще нетрудно заметить, что оппозиция предвосхитила все основные

шаги Сталина 1928—1930 годов. Ей принадлежали не только пропагандистские штампы, использованные позднее Сталиным, но и сама главная тактическая идея надеть маску «левизны» перед наступлением на линию партии, обвинив других в правом уклоне. А формирование оппозиционной ленинградской делегации на XIV съезде было настоящей опытной лабораторией для любого организатора «поворота тележки».

Нельзя не подивиться одной особенности оппозиции на XIV съезде: ее географической определенности. Ленинградская делегация — сплошь оппозиционеры, в прочих делегациях их почти нет. Прежде такого не бывало. Социальные особенности ленинградской организации совсем не объясняют дело, наоборот: это самый передовой, самый пролетарский отряд партии, наименее подверженный мелкобуржуазному влиянию. Обычное объяснение — ленинградская партийная организация накануне съезда была обманута своими руководителями. Верно, роль руководства (в Ленинграде господствовал Зиновьев) была решающей, но обеспечивало оно свой успех не обманом, а более надежными средствами. Хотя в руках оппозиции были ленинградские газеты, они ведь не были единственным источником информации для ленинградцев. Центральная «Правда» вела линию большинства ЦК. Да и на районных и губернской конференциях противники губкома не молчали, так что информацию о позициях обеих сторон парторганизация губернии имела. Нет, обмануть питерских рабочих оппозиция не смогла и молчать тоже не заставила,— достаточно посмотреть выступления представителя Металлического завода и некоторых других предприятий с приветствием съезду. Чтоб заставить замолчать,— для этого потребовалась бы долгая «работа» потом, в случае победы оппозиции. Но к съезду этого и не требовалось, а нужно было другое, что и сделал зиновьевский губком: обеспечить свой состав делегации на съезд. Этот успех оппозиции можно объяснить только одним: действием такой мощной организующей силы, как партийный аппарат. В руках оппозиции был партийный аппарат губернии, и она его полностью использовала. В речах делегатов XIV съезда сведения о борьбе за аппарат прорывались лишь изредка, но все же наговорено достаточно много, чтобы уловить характер этой борьбы.

Псковский делегат Струппе рассказал, как перед

съездом готовилась первая партийная конференция Северо-Западной области, в которую должны были войти пять губерний, включая Ленинград. Конференция не состоялась — псковская губернская организация не пошла на нее. Не сговорились о представительстве: Ленинград требовал себе в новом областном комитете не менее $^{4}/_{5}$ всех мест, а ему давали не более $^{3}/_{4}$. Оппозиция пыталась овладеть аппаратом пяти губерний вместо одной, за это шла борьба, генеральная линия политики осталась где-то за пределами внимания.

Другой пример. Молотов показал съезду протокол пленума ленинградского губкома, состоявшегося перед губернской конференцией. С патриархальным простодушием были занесены в протокол списки новых составов губкома и губернской контрольной комиссии, составленные старым губкомом. Если губком мог избрать сам себя и провести решение на конференции, то он мог провести там все, что хотел. Он провел и свой состав делегации на съезд, отобрав надежных и выбросив сторонников большинства ЦК — даже Комарова, который был раньше секретарем губкома.

О попытке захвата центрального аппарата рассказал на съезде Ворошилов. С наивностью, по-видимому, нарочитой, он описал тайное совещание нескольких членов ЦК в пещере под Кисловодском, где предполагалось перестроить Секретариат ЦК так, чтобы отнять власть у Сталина.

В свою очередь, отказ Каменева и Зиновьева от предложенных накануне съезда условий примирения невозможно понять вне аппаратной борьбы: ведь по этим условиям им сохранялись все их посты. Терялся «только» контроль над имевшейся в их руках частью аппарата — а это и было главным. Попытки завоевать партийный аппарат были основным содержанием борьбы, которую вели Каменев и Зиновьев, а выдвигаемые ими политические позиции — лишь маскировкой, к тому же весьма неудачной, поскольку она не ослабила, а усилила огонь по ним. Победить на этой почве борьбы за аппарат Каменев и Зиновьев заведомо не могли — здесь Сталин был сильнее, хотя они, может быть, и думали иначе. Могли ли они победить, сойдя с этой почвы? Нет, в таком случае они не смогли бы даже начать борьбу в 1925 году: кроме как за аппарат, им не за что было бы бороться со Сталиным, пока он сам не отошел от генеральной линии, то есть до 1928 года. Но ведь

и он в таком случае не мог бы победить их в 1925 году. А в 1928-м ему в этой предполагаемой ситуации пришлось бы нападать не только на Бухарина, Рыкова, Томского, но еще и на Каменева, Зиновьева, Сокольникова, да впрочем и на Троцкого, который в 1923—1924 годах не все потерял — добит он был лишь после блока с Зиновьевым. Короче говоря, не сверни они сами на выгодную Сталину почву аппаратной борьбы — видимо, коллективное руководство в верхушке партии продержалось бы дольше, а может быть, дожило бы и до такой степени стабильности внутри ЦК, когда разрушить эту коллективность уже не мог бы никто.

Что выступление Каменева и Зиновьева на XIV съезде было Сталину выгодным, что Сталин этого выступления хотел, показывает один эпизод, рассказанный Куйбышевым в заключительном слове по докладу ЦКК на съезде. Желая показать миролюбие Сталина, Куйбышев сообщил, что во время Ленинградской губернской конференции, когда уже ход ее (организованная подготовка оппозиционной делегации) стал ясен, в большинстве ЦК обсуждался вопрос, не послать ли нескольких членов ЦК, чтобы сообщить конференции точку зрения большинства и предотвратить оппозиционное выступление на съезде. Оказывается, «не кто иной, как Сталин, высказывался за то, чтобы не делать этого, потому что была еще надежда, что дело не зайдет так далеко. Была надежда, что товарищи одумаются и борьбу прекратят». Интересно: на что опиралась такая надежда, если предлагалось их *не* разубеждать, *не* мешать готовить делегацию оппозиции? Если с одобрения Политбюро (это на съезде не отрицалось) Московская конференция записывает в свою резолюцию обвинения оппозиции, идущие настолько далеко (ликвидаторство, аксельродовщина), что в резолюции съезда их и не пытались повторять, хотя по соотношению сил могли это сделать? Ясно, что цель сталинского «доброго» шага могла быть одна: не спугнуть. Одно дело побить Зиновьева на Ленинградской конференции и тем подорвать его позиции как лидера ленинградской организации, и другое дело — побить (а это было обеспечено, лишь бы они выступили) и Зиновьева, и Каменева на съезде и подорвать их положение как вождей всей партии. Тем более что Сольц — «совесть партии» — в речи на съезде толковал яснее ясного: за спорами следуют оргвыводы — это законно, по Ленину.

От оппозиции Сталин получил в подарок не только выгодное поле битвы, но и полезный опыт. Зиновьев на практике показал, что аппарат способен — пусть только на время, пусть только в одном вопросе, но в нужное время и в решающем вопросе — повернуть по своему желанию даже самую передовую губернскую организацию. Способен повернуть вопреки ленинской линии, вопреки вчерашним клятвам собственных вождей,— потому что он — аппарат, организующая сила внутри партийной организации.

Впрочем, не будем забывать, что истина становится неуловимой при всякой попытке разбирать действия отдельных лиц сами по себе. И поступки Каменева и Зиновьева интересны нам не сами по себе, а лишь постольку, поскольку позволяют лучше разглядеть характер того массового движения, отдельные черты которого отражали и эти двое.

Но что здесь еще рассматривать? Уж говорено-переговорено об этой стороне дела, и ясность как будто полная: есть рабочие, их мало; есть крестьяне, их много. По мере индустриализации рабочих будет становиться все больше, а до того надо уберечься от влияния мелких собственников. Все ясно. И ничего не ясно. Неясен механизм этого пресловутого влияния. Когда Сталин вдруг сообщает, что руководитель Коминтерна и главный редактор «Правды» Бухарин, преемник Ленина на посту предсовнаркома Рыков и председатель ВЦСПС Томский стали выразителями интересов кулачества, это звучит... странно. И многие почувствовали эту странность. Ее почувствовал и председатель ЦКК Орджоникидзе, говоривший в одной из речей 1929 года: «Могут сказать: что же, вы такое обвинение выдвигаете против Бухарина? Разве Бухарин хочет капитализма? Разве в Октябрьские дни он не был рядом с нами? Ну, конечно, товарищи, Бухарин не хочет восстановления капитализма, в Октябрьские дни он был вместе с партией. Больше того, я не сомневаюсь, что он и сейчас готов вести беспощадную борьбу с буржуазией, но дело не в желании, а в политике. А политика т. Бухарина тянет нас назад, а не вперед».

Конечно, Серго говорит не так, как Сталин, он говорит о заблуждающихся товарищах, а не о врагах. И допускает вопросы, которых Сталин не допускал. Как мог Орджоникидзе, в декабре 1927 года докладывавший XV съезду партии об исключении из партии

троцкистов и зиновьевцев, через несколько месяцев поверить Сталину, провозгласившему те же троцкистско-зиновьевские идеи? Почему поверили ему тысячи других — столь же честных и столь же опытных, как Орджоникидзе, столь же дорого заплативших потом за эту доверчивость?

Мы не найдем ответа, пока будем мыслить в категориях, привычных по сталинским речам: черное — белое без оттенков, рабочий — мелкий собственник без промежуточных переходов, причем рабочий — непременно человек без недостатков. Всегда ли господствовал такой подход? Нет, не всегда. Ленин, чуждый либерально-интеллигентского сюсюканья о рабочих, всегда анализировал не «рабочего вообще», а конкретные слои рабочего класса — начиная с «Развития капитализма в России» и до последних лет жизни. Большевики при Ленине видели даже различия между пролетариатом Петрограда и Москвы, знали различие между металлистом и горнорабочим и т. д. После гражданской войны Ленин был особенно внимателен к различиям внутри рабочего класса, и еще до того, как в «завещании» рассмотреть вопрос об устойчивости ЦК с точки зрения взаимоотношений «шестерки», он поставил этот вопрос с точки зрения надежности состава партии в целом. В 1922 году вопрос о партийном строительстве был внесен в повестку дня XI съезда — последнего, на котором Ленин присутствовал. Сам Ленин выступал с политическим отчетом, но за подготовкой резолюции о партийном строительстве следил внимательнейшим образом. Он написал об этом два письма членам ЦК перед пленумом, вносившим предложения ЦК на съезд. Вот взгляд Ленина на проблему:

«Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы. Это — факт общеизвестный. С другой стороны, так же несомненно, что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике. Далее, надо принять во внимание, что соблазн вступления в прави-

тельственную партию в настоящее время гигантский. Достаточно вспомнить все литературные произведения сменовеховцев, чтобы убедиться, какая далекая от всего пролетарского публика увлечена теперь политическими успехами большевиков». И дальше: «...безусловно необходимо, чтобы не обманывать себя и других, определить понятие «рабочий» таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта.

Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него» [1].

В тех же письмах можно найти два важных количественных определения. Во-первых, Ленин считал имеющееся количество членов партии — 300—400 тысяч — чрезмерным и предлагал его уменьшить путем исключения непролетарских элементов. Во-вторых, он указывал, что настоящим рабочим, для которого можно сохранить короткий кандидатский стаж, следует считать лишь того, кто не менее 10 лет пробыл фактически рабочим «в крупных промышленных предприятиях».

Как видим, Ленин усматривал главную опасность мелкобуржуазного влияния не в прямом воздействии крестьян на партию — крестьянина с рабочим не спутаешь, он виден. Главная опасность — рабочий из вчерашних крестьян, полурабочий. Была ли такая постановка вопроса в 1922 году неожиданной?

«Деклассирование» было в политическом лексиконе того времени одним из самых употребительных слов. Оно означало разрушение рабочего класса. И когда X съезд решил самые срочные по окончании войны вопросы, в том же году декабрьская конференция

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 19—20.

обсудила вопрос о партийном строительстве, а еще через четыре месяца этот вопрос был поставлен вновь — на XI съезде. Докладчиком был Зиновьев, резолюцию, судя по упоминанию в ленинском письме, готовил тоже Зиновьев. Не гнаться за расширением партии, заботиться о качестве, сдерживать напор полурабочих, помнить о деклассировании — все это он разделял в 1922 году, выступая с докладом по поручению ЦК. А в 1925-м, на XIV съезде, Зиновьев выступает с содокладом от имени оппозиции, он ее главный оратор. Здесь он трубит в фанфары:

«Мы продвинулись в области хозяйства в значительной мере вперед, все это признают, мы подходим к довоенной норме. Прекратилось деклассирование пролетариата, активность бьет ключом, культурный уровень рабочего поднимается и т. д. и т. п.»

Восторг такой, что даже слов не хватило: «и т. д. и т. п.» Куда делся видный теоретик, опытный политический вождь? Откуда взялся оратор, не понимающий даже такой очевидной истины, что сегодняшний хозяйственный успех только лишь стабилизирует состав рабочих, но нужны еще годы, чтобы выработать из них настоящий пролетарский кадр? Вспомним: Ленин брал для этого как минимум 10 лет. К тому же о стабилизации состава рабочих речи не могло быть. Разбегаться из городов перестали, но началось своего рода «деклассирование наоборот»: в город из деревни пошла масса, в которой вопреки бурному оптимизму Зиновьева лишь малую долю составляли старые рабочие, прежде ушедшие, а теперь возвращающиеся. Томский, как председатель ВЦСПС, в отличие от Зиновьева располагал на сей счет точными данными. Вот что он говорил в своем докладе XIV съезду:

«Из каких элементов пополняется промышленная группа? Часть, бесспорно, за счет пролетарского элемента,— дети рабочих, большинство комсомольцы. Это молодой, свежий элемент. Незначительная часть — старые рабочие, которые теперь возвращаются в крупные города из деревень, куда они убежали во время голода. Большая же часть — свежие крестьянские элементы, крестьянская молодежь. Это те новые рабочие, которые за два года пополняли нашу промышленность и каждый год прибавляют по 14%. Этот состав не связан с историей рабочего класса последних революционных годов, он не знаком с фабрикой, не прошел фаб-

ричную школу, не является активным участником гражданской войны, той героической борьбы наших рабочих, которая происходила в эти годы... Можно несколько остановиться на этом новом типе рабочего, пришедшем из деревни, который рассматривает себя до известной степени как гостя, как временного жителя фабрик и заводов. Под воскресенье, в субботу, такой рабочий уезжает с заработком в свою деревню, к понедельнику он возвращается на работу с котомкой, в которой он приносит хлеб, картошку и др. продукты на неделю. Держится такой рабочий от общественной жизни рабочих в первое время особняком. Этот рабочий принес много деревенских настроений и новый, совершенно своеобразный подход к фабрике, которую не рассматривает, не привык еще рассматривать своей, так как рассматривает ее основной, переживший революцию рабочий, который сам это производство ставил, ставил с великими трудностями, с напряжением, который испытал и горести развала и радость восстановления».

Весьма солидный прирост новых рабочих в промышленности — 14 процентов в год — не шел, однако, ни в какое сравнение с приростом в других отраслях. Число членов профсоюза строителей за 2 года и 9 месяцев возросло со 107 тысяч до 575 тысяч. Представители этой профессии — в то время сезонной — сплошь полурабочие и крестьяне. И именно эта часть рабочего класса росла быстрее всего еще в период восстановления, в 1923—1925 годах. В последующие годы (1926-й — первый год индустриализации, т. е. широкого строительства новых предприятий) не только еще быстрее пошел рост строительных рабочих, но и начался их быстрый перелив в промышленность. Множество рабочих Сталинградского тракторного, Горьковского автозавода, Кузнецка, Магнитки и многих других предприятий — их бывшие строители. Крестьяне шли в Москву на стройку метро, АМО, Шарикоподшипника и оставались в городе.

По данным позднейшей советской литературы, из 1,7 млн. промышленных рабочих, учтенных переписью в августе 1920 года, кадровые рабочие составляли не более 40 процентов, грамотные (по переписи 1918 года) — 64 процента. Трудно сказать, сколько из них осталось на заводах в ближайшие затем годы — война-то кончилась, но голод был еще впереди. Во всяком слу-

чае, расчет (40 процентов от 1,7 миллиона) показывает, что исходная позиция периода восстановления, с которой начал преодолевать свою деклассированность рабочий класс,— не более 700 тысяч кадровых рабочих. Запомним эту цифру. Потом начался обратный поток, лишь в первое время поглощавший городских безработных. Уже в 1926 году была острая нехватка квалифицированных рабочих, а среди безработных преобладали конторские служащие низшей квалификации и чернорабочие, в 1922—1925 годах, именно в тот период, о котором говорил на XIV съезде Зиновьев, из новых металлистов Ленинграда 45 процентов составляли дети крестьян, служащих, кустарей. А ведь это были из лучших лучшие и по географии, и по профессии — металлисты Ленинграда. Там среди вновь поступивших лишь менее 9 процентов имели землю — среди новых шахтеров Донбасса таких было почти 24 процента, а среди металлистов Московской области, принятых на работу в те же годы, сохраняли землю в деревне 25 процентов.

Из пополнения рабочего класса 1926—1929 годов в целом по стране выходцами из крестьянских семей были 45 процентов, из служащих — почти 7 процентов, имели землю почти 23 процента. Имевшие землю не спешили порывать экономическую связь с деревней. В 1929 году из металлистов СССР, имевших землю, 62 процента продолжали участвовать в сельскохозяйственных работах. Лишь 26 процентов металлистов-«землевладельцев» было без посева и без скота, но 47 процентов — и с посевом, и со скотом.

В годы первой пятилетки крестьянство стало резко преобладающим источником пополнения рабочего класса. И какого пополнения! Вспомним двадцатый год: всего 1,7 миллиона промышленных рабочих, из них меньше половины кадровых. А за годы первой пятилетки в народное хозяйство прибыло 12,5 млн. новых рабочих и служащих, в том числе 8,5 млн. из крестьян. Работать они обучались быстро. Стаханов, Бусыгин, Гудов были из крестьян. Но и это приходило не сразу: в 1932 году прогульных дней на одного рабочего было в 9 раз больше, чем в 1934-м. Нечего и говорить, что политический опыт приходит медленнее, чем трудовые навыки.

Вспомнив движение первой и второй пятилеток (скачок в 1930—1931-м, спад в 1932—1933-м, ровный

ход в дальнейшем), интересно посмотреть данные о численности оседавших в городах деревенских жителей: 1928 год — 1062 тысячи, 1929-й — 1392 тысячи, 1930-й — 2633 тысячи, 1931-й — 4100 тысяч, 1932-й — 2719 тысяч, 1933-й — 772 тысячи, 1934-й — 2452 тысячи.

С учетом тех, кто в городе не задержался, крестьянский водопад был еще в несколько раз мощнее. Приведенные цифры показывают лишь ту часть крестьянского населения, которая осталась в городе. Гораздо больше было таких, которые приходили и, побыв некоторое время, уходили.

На таком фоне разворачивались в период XIV съезда споры о том, произошла ли стабилизация рабочего класса с окончанием разрухи,— споры, имевшие далеко не теоретическое значение, ибо от них зависела политика регулирования состава партии. Перед съездом оппозиционер Саркис написал статью, в которой требовал в течение одного года добиться, чтобы рабочие составили не менее 90 процентов членов партии. В отчетном докладе съезду Сталин посмеялся над этим, показав простым расчетом, что для этого потребовалось бы за один год увеличить партию с 900 тыс до 5 млн., в то время как всех рабочих в стране — считая и сельскохозяйственных, и мелкую промышленность — было тогда 7 млн. Казалось, и спорить не о чем. Но вот выступает с содокладом Зиновьев. Обругав тульскую областную газету, которая предлагала принимать в партию и некоторое количество крестьян, он говорит:

«Но когда рядом с такими предложениями о приеме крестьян предостерегают против отсталых слоев рабочих,— что же это такое в самом деле? Я читал глубоко пессимистическую в этой части речь тов. Бухарина на московской конференции, который говорит, что такое теперь рабочий класс, сколько в нем нового, непереваренного элемента, сырья, и т. д. Меня это чрезвычайно удивляет. Откуда это идет так много сырья? Разве мы не понимаем, что дело будет идти так, что основное ядро рабочего класса будет переваривать сырье, а не наоборот? Откуда опасения, что мы возьмем такое большое количество, что не успеем переварить?.. откуда эта боязнь рабочего класса? Я не понимаю, откуда она. (Голоса: «Боязни нет».) Но тогда, что означают эти две статьи и тот вопль, который подняли против Саркиса?.. как можно выхватывать отдельные

кусочки, полемизировать и приписывать аксельродовщину?.. Теперь ярлык аксельродовщины пришивается тем товарищам, которые повторяют основное положение большевизма о том, что наша партия по своему составу должна становиться все более и более рабочей».

Зиновьев разъяснял затем, что такое аксельродовщина: меньшевик Аксельрод предлагал «широкую рабочую партию» против большевиков. Но ведь раньше уже было про Аксельрода говорено. И говорено было вот что:

«Взять статистику, надеть очки и сказать: в партии только 50 или 49% рабочих, значит, она не рабочая партия,— это очень простая дешевенькая критика... В политике часто случается, что люди, желающие попасть в одну дверь, попадают в другую, и это случается с товарищами, которые берут под защиту рабочий класс, когда мы говорим о его деклассированности, когда они говорят об оскорблении его величества пролетария, когда говорят о взаимоотношениях с крестьянами. Они думают, что, поступая так, критикуют слева, а на самом деле поступают как люди, которые занимаются жалкими, мизерными перепевами того, что было сказано меньшевиками... щеголяют в истоптанных башмаках Аксельрода...»

Говорил это тоже Зиновьев, только на XI съезде. Тогда он умел и шире взглянуть на социальный состав партии, и ярлык аксельродовщины считал настолько правомерным оружием, что сам им пользовался. А к XIV съезду его точка зрения на те же вещи стала прямо противоположной.

Ленин видел два «этажа», определяющих дееспособность партии: массовую базу и верхушку. Верхушка регулирует социальный состав массовой базы, а масса помогает сохранять устойчивость верхушки. Троцкий, а затем Каменев и Зиновьев всю борьбу замкнули в верхушке — суждения о массовой базе служили им всего лишь материалом для манипуляций. В противном случае Зиновьев не встал бы в этом вопросе с ног на голову на XIV съезде. Между тем именно в вопросе о массовой базе Сталин готовил стремительный обход последнего соперника. Каменев и Зиновьев этого не только не замечали, но помогали ему изо всех сил. Он шел по проложенной ими лыжне. Разумеется, на словах Сталин и в этом вопросе, как во всех других, громил

оппозицию. На деле он вел курс, противоположный решениям XI съезда, задолго до рождения этой оппозиции.

На XII съезде, при жизни Ленина, отхода от курса XI съезда не произошло. В отчете об организационной деятельности ЦК Сталин сообщил, что увеличение доли пролетарских элементов в партии за 1922 год произошло не за счет широкого приема в нее рабочих, а за счет вычищения непролетарских элементов и сокращения общей численности партии. Всего в партии осталось к началу 1923 года 373 тысячи членов (против 700 тысяч к X съезду). Резолюция по организационному вопросу подтвердила курс на сдерживание численного роста партии, несмотря на усиливающийся напор желающих вступить в нее.

Другого способа сохранить пролетарский состав не было, потому что практически не оставалось вне партии сколько-нибудь широкой массы кадровых рабочих. И если принять ленинскую норму — крестьянин делается рабочим (а не полурабочим) не менее чем за десяток лет на фабрике, то должно было пройти немало времени от первого периода нового роста рабочего класса (1922—1925) до того, как этот новый рост создаст массовый слой новых кадровых рабочих — рабочих не только по анкетным данным, а по всему сознанию и поведению. Соответственно и курс на замедление численного роста партии (у Ленина — даже на сокращение ее) должен был, казалось, сохраниться надолго. Однако он не продержался даже до XIII съезда, который собрался через год после XII. Уже в январе 1924 года XIII партконференция в специальной резолюции о партийном строительстве выдвинула задачу усиленной в е р б о в к и новых членов партии — рабочих от станка.

Интересно, что это была та самая XIII партконференция, главным событием которой было принятие резолюции против троцкистов, а одним из главных тезисов троцкистов было утверждение о неправильности линии в партийном строительстве за последние два года — то есть именно линии XI съезда, исключавшей массовый рост партии.

Сейчас широко распространен взгляд, что причиной Ленинского призыва в партию в 1924 году была смерть Ленина. Поэтому нелишне уточнить, что такой взгляд впервые высказал тогда же троцкист Преображенский, а Молотов в докладе XIII съезду о партийно-организа-

ционных вопросах высмеял его как недостойный марксиста, идеалистический взгляд. Молотов был прав — и не только потому, что призыв в партию ста тысяч рабочих от станка был намечен XIII партконференцией за несколько дней до смерти Ленина. Он был прав и потому, что требовалась определенная гибкость в проведении принятого XI съездом способа регулировки состава партии. Ограничение приема новых членов имело не только сильные стороны. Численный состав партии не мог слишком долго развиваться в направлении, противоположном развитию численности рабочего класса в целом. Это грозило разрывом связей с массами — и механизм такого разрыва был прост. Ведь правящая партия должна занимать своими людьми руководящие посты в Советах, профсоюзах, комсомоле, в хозяйстве и армии. И при малой ее численности она чуть ли не вся уходила на эти руководящие посты. Да, к началу 1924 года удалось добиться того, что почти половину партии составляли рабочие. Но в основном рабочие по происхождению, а ныне уже партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные, военные работники. Нужны были свежие силы, хоть немного. Механически закупорить партию на годы нельзя было: это уж была бы не партия, а сословие. Вопрос был в конкретном соотношении. На 350 тысяч членов партии (на 1 января 1924 года) 100 тысяч новичков из рабочих — это было реально, такое количество можно было постепенно «переварить», обучить, поднять до политического уровня старых большевиков.

Но вот прошло еще четыре месяца, собрался XIII съезд. О чем говорит Молотов в докладе? Уже не о 100 тысячах: принято более 200 тысяч. Он призывает остановиться? Нет, такое «перевыполнение» считает благом, требует продолжить, принимать еще. Он требует долю рабочих от станка довести не менее чем до половины партии в ближайшее время. Расчет, подобный тому, какой позже применил Сталин к предложению Саркиса, показал бы, что для этого нужны были еще тысяч 200—300, так что к концу года остались бы в меньшинстве те, что были членами партии в его начале. Но Молотов говорил, что при этом надо и для крестьянства, и для интеллигенции приоткрыть дверь — соответственно для выполнения поставленной им задачи рабочих от станка потребовалось бы еще больше, гораздо больше, чем вообще было в стране

рабочих кадровых. Значит, выдвинутая количественная задача означала требование принимать в партию полурабочих. Наконец, Молотов выговорил и сакраментальные «90 процентов» — те 90 процентов, которые уже в следующем году стали главным предметом издевательства над оппозицией из-за того, что Саркис всего лишь в неопубликованной статье назвал эту цифру. Правда, в отличие от Саркиса, пожелавшего это выполнить за один год, Молотов срока не назвал: «наша партия ставит перед собой задачу максимального вовлечения рабочих в нашу партию с тем, чтобы довести процент рабочих в партии до 90%...» Но Молотов зато вышел с этим на полтора года раньше, чем Саркис, и нереальность задачи была гораздо более вопиющей. Да и не считал он это делом далекого будущего, потому что тут же издевался над украинской республиканской партконференцией, поставившей задачу иметь рабочих «всего лишь» 65—70 процентов. Молотов сказал, что эту ошибку надо исправить. Нет нужды доказывать, что Молотов — человек Сталина. Сейчас это просто давний исторический факт, но и тогда это было очевидно хотя бы потому, что именно Молотову передал Сталин в начале двадцатых годов руководство организационными делами партии, которые прежде вел сам. Так что линия Молотова здесь — это линия Сталина. Как видим, в отличие от других вопросов, в которых Сталин стал на платформу оппозиции позже, в 1928 году, в этом вопросе он придерживался таких взглядов раньше самих зиновьевцев или вместе с ними, под прикрытием их артподготовки. Значение состава партии он понял раньше других, причем для него это был вопрос не риторики, а дела.

Характерно, что в дальнейшем широкая вербовка в партию никогда не давала на практике того результата, который служил для нее благим предлогом: не давала роста доли рабочих в партии. Лозунг — одно дело, но прием ведь оставался индивидуальным, и при таком широком наборе рабочий класс середины двадцатых годов не мог дать достаточного количества кандидатов, выдерживающих конкуренцию с представителями других слоев. Вот почему к следующему, XIV съезду сами же руководители большинства ЦК — прежде всего Бухарин — вынуждены были говорить о неподготовленных кадрах, которых стало слишком много в партии.

Сталин был сдержаннее в выражениях, чем Бухарин, но, учитывая, что вчерашние лозунги Молотова сегодня стали лозунгами оппозиции, дал в докладе достаточно фактов, доказывающих, что рост партии между XIII и XIV съездами был чрезмерным. Сталин сообщил, что к 1 июля 1925 года в партии было 911 тысяч членов и кандидатов — вместо 446 тысяч (без Ленинского призыва) к I апреля 1924 года. Удвоение за 15 месяцев! И остановки не последовало: к 1 ноября 1925 года уже 1025 тысяч. Простой расчет показывает, что все имевшиеся к началу восстановительного периода кадровые рабочие крупной промышленности (вспомним: 700 тыс. в 1920-м) должны были вступить в партию, чтобы ее численность возросла с 300—400 тыс. в 1922 году до миллиона в 1925-м. А фабричные новички эпохи восстановления могли по ленинской норме числиться кадровыми только с начала тридцатых годов. В партию вошло 25,5 процента всех (а не только кадровых) имевшихся к ноябрю 1925 года рабочих крупной промышленности. Часть рабочего класса, принятая в партию, росла быстрее, чем общая численность рабочих крупной промышленности,— где уж там было говорить о том, чтобы новый рабочий сначала «поварился» в фабричном «котле». Но даже и при этом условии процент рабочих — членов партии снижался — так широко были раскрыты ее двери. Если на XIII съезде Молотов сообщил, что после приема 200—220 тысяч рабочих Ленинского призыва процент рабочих в партии поднялся до 62—65, то в докладе на XIV съезде он же отметил, что в результате дальнейшего приема этот процент снизился до 57,4, в том числе от станка — 38—40.

Молотов на XIV съезде не сказал о качестве массы коммунистов-новобранцев. Кое-что на сей счет сообщил на XV съезде Косиор. Массовый набор рабочих, начиная с Ленинского призыва (240 тысяч), включая второй Ленинский призыв в годовщину смерти Ленина (еще 75 тысяч) и дальше, дал до первого января 1927 года 488 тысяч новых коммунистов-рабочих. Из них 8 тысяч были за это же время исключены из партии и 47 тысяч ушли сами. В целом более десяти процентов не удержались в партии. К этому надо добавить, очевидно, гораздо большее количество таких, которые не совершили тяжких проступков, наказуемых исключением, и не сочли нужным уйти сами, но, остав-

шись в партии, отнюдь не были способны самостоятельно вырабатывать политическую позицию.

Вспомним Ленина: безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. На XIV съезде в речи делегата Захарова проскользнуло: «У нас в партии имеется 28 тысяч азбучно неграмотных». И это, несомненно, было следствием усиленной вербовки.

И другая сторона развития рабочего класса того времени. Еще в 1929 году на таких крупнейших ленинградских заводах, как «Большевик», «Кооператор», среди рабочих даже с 20—30-летним стажем, да к тому и потомственных — с отцами-рабочими,— находились такие, которые держали в деревне крупное хозяйство с наемной рабочей силой. Выходило, что стаж в 10 лет для кадрового рабочего Ленин назвал по меньшей мере без преувеличения. Особенно верно это было после войны и революции, перемесивших классы и социальные слои: так, в 1926 году на «Красном треугольнике» работали бывшие офицеры царской армии и потомственные дворяне.

Из всего этого ясно, что в середине двадцатых годов прием в партию всех или большинства рабочих мог рассматриваться лишь как возможность отдаленного будущего. Между тем в 1925 году Зиновьев, цитируя весьма растяжимую в смысле сроков фразу из резолюции XIII съезда («Близится время, когда в партию будет входить вся основная масса пролетариата нашего Союза»), старался доказать, что уже можно принимать в партию подряд всех рабочих:

«Что самое характерное в нашем рабочем классе? Неужели то, что небольшая горсточка деревенщины перевешивает основную массу? Не наоборот ли? Откуда этот пессимизм как раз по самому основному вопросу?»

Так и хочется к этой колонне вопросительных знаков добавить еще один: неужели это тот самый человек, который тремя годами раньше, стоя на той же трибуне — трибуне съезда,— столь убедительно объяснял, что такое деклассирование пролетариата?

Тем временем Сталин осмеивал оппозицию лишь за саркисовские крайности — не более. Это помогало ему сделать не столь заметным то, что он принимал самую суть идеи ускоренного расширения партии. На том же самом XIV съезде тихо и без споров, без обвинений в аксельродовщине прошел доклад Андреева об изменениях в уставе партии. Суть этих изменений

в резолюции съезда определена так: «смягчение формальных условий по вступлению в партию рабочих и крестьян».

О каких «формальных условиях» шла речь? До того действовало положение, принятое партконференцией в 1922 году — как раз тогда, когда столько внимания регулированию состава партии уделил Ленин. Для приема в партию рабочего требовались три рекомендации коммунистов со стажем не менее трех лет. В то время это означало стаж до 1919 года, то есть до того времени, когда Деникин, создав на подступах к Москве самую большую за всю гражданскую войну угрозу Советской власти, тем самым устроил последний суровый экзамен коммунистической решимости вступавших в партию. Партийная неделя 1919 года была вербовкой в партию рабочих в условиях, когда вступить в партию значило показать готовность идти на смерть. Такой партийный стаж для рекомендующих в сочетании с предложенным Лениным (и не принятым) десятилетним рабочим стажем для вступающих давал бы солидную гарантию чистоты партийных рядов. А на XIV съезде Андреев предложил ввести для рабочих две рекомендации от коммунистов с одногодичным стажем, для крестьян сохранить три рекомендации, но стаж рекомендующих сократить с трех до двух лет. Масса новых коммунистов набора 1924—1925 годов получила возможность воспроизводить самое себя.

В дальнейшем для объявления массового набора в партию перестали даже искать объяснений в каких-либо изменениях объективной обстановки, стали использовать и такой повод, как юбилей, годовщина прошедшего события. Канула в прошлое былая теоретическая строгость Молотова, искавшего марксистское объяснение Ленинскому призыву. Очередной призыв был объявлен в честь десятилетия Октября, и Рыков с гордостью сообщил XV съезду, что за первые недели этот призыв дал 70 тысяч заявлений от рабочих. К концу 1927 года в партии было 1,2 млн. человек. А давно ли Ленин говорил, что 300—400 тысяч — чрезмерное количество? Кстати сказать, и доля рабочих в партии опять не возросла, а сократилась к XV съезду с 58 до 56 процентов, в том числе рабочих от станка — с 40,8 до 37,5 процента. Таков был тот состав партии, которому предстояло через несколько месяцев сделать выбор между Сталиным и Бухариным. Бухарин

и не пытался доводить до такого выбора, до какого доходили троцкисты и зиновьевцы: дискуссия по всей партии, голосование по ячейкам. Если в бюро ячеек еще к XIV съезду половину составляли члены партии с 1917—1920 годов, то к XV съезду девять десятых низового партийного аппарата составили те, кто вступил в партию в 1924 году и позже. Зато среди секретарей губкомов возросла доля коммунистов с подпольным стажем. Верхушка партийного аппарата и его низы двинулись в разные стороны. (Видно, за десяток лет Сталин развел их достаточно далеко, если в 1937-м низы поверили, что верхушка сплошь состоит из врагов.)

Так в партии создалась на несколько лет масса людей с минимальным политическим опытом и теоретическим багажом — масса, которую более опытным людям, да еще располагающим аппаратом организации, нетрудно было повернуть в нужную сторону. Более того, эта легковоспламеняющаяся масса была способна увлекать руководителей своим молодым энтузиазмом.

Яков Ильин, умерший в начале тридцатых годов журналист «Комсомольской правды» и писатель, оставил замечательный портрет рабочего первой пятилетки. Он собрал из рассказов строителей и работников СТЗ документальную книгу «Люди Сталинградского тракторного». Ее почти невозможно сейчас достать, но переиздавался в пятидесятые годы роман Ильина «Большой конвейер», написанный с той же документальной точностью: многие его эпизоды, портреты героев полностью совпадают с описаниями из сборника. Одно из биографических интервью в сборнике «Люди Сталинградского тракторного» называется: «Я говорю сынам: учитесь». Это рассказывает о себе один из лучших бригадиров стройки, талантливейший человек, но неграмотный. Другой рассказ принадлежит работнице из народности эрзя, ставшей ударницей. Она пришла на стройку в лаптях, вода из крана была для нее дивом.

Еще один заголовок: «Да, мы ломали станки». Рассказчик не из деревни, а с московского завода, комсомолец. Но в Москве он видел только станки из XIX века: под потолком общий вал и к каждому станку ременная трансмиссия. Станок с электрическим индивидуальным приводом — американский — увидел впервые на Тракторном. Станок был для обработки бронзовых

деталей, а парню было любопытно, что получится, если сунуть туда сталь. Любопытство было удовлетворено вполне: станок сломался.

Сознательность комсомольцев была выше самых высоких вершин. Заводить дома свое хозяйство? Никогда: только коммуной. Получку, премию — на стол: каждый берет сколько хочет. Уйти на гулянку в штанах товарища, оставив его без оных,— ничего особенного. Позор не выйти на ночной комсомольский субботник, но вполне можно не выйти на обычную дневную смену. Вели спор, надо ли бороться с клопами в бараке. Постановили: комсомолец выше мелочей быта. Чтобы изменить генеральную линию в этом вопросе, потребовался приезд секретаря ЦК комсомола Косарева.

Психологии быта соответствовала психология производства. Законы конвейера, потока, исключавшего героический штурм, были непостижимы не только для крестьянина, но и для старого рабочего. Он не понимал, что 144 трактора в день, как требовал проект, это не только новые станки, но и новая психология. Для того чтобы сборка шла как следует, нужны были точные, стандартные детали. А сборщик искренне хотел сделать больше, дать план, несмотря на отсутствие деталей. И, оглянувшись, не идет ли директор, он вытаскивал из-за голенища напильник, подтачивал бракованную деталь и ставил на трактор. Директор, прячась за колоннами, ловил нарушителей, отнимал напильники, но никак не мог объяснить, что для того, чтобы собрать больше тракторов, надо бракованные детали возвращать.

Стройка шла героическим темпом, сроки несколько раз укорачивали. В 1930 году директора командировали в Америку, на тамошние тракторные заводы. Вернувшись, он узнал, что коллектив под руководством парткома взял обязательство пустить завод еще на три месяца раньше; к XIV съезду партии. Директор в ужасе сказал, что это невозможно. Ему ответили, что невозможно только одно: отменить это обязательство, опубликованное в газетах. Съезд, собравшийся увеличить задания пятилетки, должен получить первый трактор. И пуск завода состоялся за неделю до съезда, с конвейера сошли первые пять тракторов. В день открытия съезда на его трибуну вышел для приветствия представитель завода и доложил, что вопреки «маловерам и нытикам» завод пущен на два месяца раньше послед-

него правительственного срока. Директор оказался не прав.

За следующий месяц завод не смог выпустить ни одного трактора. В течение года после пуска он давал вместо 144—30, 50, 70 тракторов в день. Директора сняли. Второй директор довел выпуск до 90 тракторов, надорвался и, заболев, умер. Проектную мощность завод освоил при третьем директоре. Выигранные два месяца обернулись проигранным годом. Директор оказался тысячу раз прав.

Можно ли осуждать этих рабочих, зажигавших энтузиазмом не только своих директоров и парторгов, но и американских специалистов? Можно ли предполагать, что новообращенный рабочий класс мог вырасти в стойкого пролетария-коммуниста, избежав всех заблуждений подросткового возраста? Это были золотые люди, способные отдать все делу социализма. У них не было опыта, но приобретали они его с поразительной быстротой. Харьковский тракторный, пуск которого отделен от пуска Сталинградского месяцами, пошел сразу неизмеримо лучше, а Челябинский, еще позднее,— еще лучше. Но был, был момент, когда молодая необузданная культура не могла обойтись без направляющей руки, которая помогла бы миновать опасные рифы. Однако вождь прибавил газу там, где его обязанностью было притормозить. Может быть, и Сталин увлекся, подобно тому, как увлекся Серго Орджоникидзе, поверил на время во всесилие энтузиазма? Можно допустить и это, но какое это имеет значение? Увлекся он искренне или цинично рассчитал свою политическую выгоду от эксплуатации массовых заблуждений, которые обязан был рассеять,— это вряд ли имело значение для того же Серго в феврале 1937-го, когда он решил уйти из жизни.

Сталин и Молотов, громогласно осмеивая требование прибавить к 200 тысячам рабочих, бывших в партии при Ленине, 5 миллионов новых, под шум этих споров спокойно прибавили без малого миллион — и не только рабочих — всего за четыре года, прошедших от XIII конференции до XV съезда. Этого было достаточно, чтобы к моменту последней решающей схватки в руководстве партии превратить «стариков» в незначительное меньшинство. Не только в составе рядовых членов партии, но и в низовом партийном аппарате все позиции занял партийный молодняк, для которого

перипетии истории партии при Ленине звучали почти как библейские сказания.

За период борьбы с правым уклоном — с XV по XVI съезд — партия увеличилась численно еще в полтора раза, до 1952 тысяч. Новый набор был на сей раз преимущественно рабочим, а принятые критерии приема в партию сделали этот набор прямым пополнением резервов во время боя с правыми. В организационном отчете XVI съезду Каганович нарисовал весьма яркую картину:

«Этот рост идет в ногу с политическими лозунгами нашей партии. Под какими лозунгами шли рабочие в партию раньше и под какими идут они в настоящее время? В 1924 г. рабочие шли под лозунгом: «Укрепим партию. Возместим потерю Ленина». В 1927 г., в дни десятилетия Октябрьской революции, рабочие шли под лозунгом борьбы с троцкизмом, за ленинизм, за ленинский ЦК. В 1929 г. они шли под теми же лозунгами, но к этому прибавляли: «Одобряя решения партии по вопросу о правых уклонистах, заявляю, что буду бороться решительно с правым уклоном, прошу меня принять в ряды партии, чтобы помогать строить социализм в нашей стране». (Из заявления рабочего завода имени Ильича.) В 1930 г. к этим лозунгам прибавляется: «Для выполнения заветов Ильича, намеченного промфинплана и пятилетки в 4 года объявляем себя ударниками. Всем коллективом желаем вступить в партию». (Коллектив рабочих фабрики «Заря социализма».) Как видим, характер заявлений идет в ногу с теми политическими лозунгами, которые партия выдвигала».

Каганович, конечно, не понял, какую глубокую правду содержит последняя фраза приведенного отрывка. Вступить в партию коллективом (он не сделал даже формальной оговорки по этому поводу), чтобы выполнять промфинплан и заветы Ильича,— такую смесь в головах рабочих действительно можно объяснить лишь тем, что «характер заявлений идет в ногу» со сталинскими политическими лозунгами тех дней. Не менее характерно и первое из этих восхитивших Кагановича заявлений. Человек, еще не вступивший в партию, уже имеет мнение о существующем в партии уклоне, это мнение ставит в основу своего решения о вступлении, с этим его принимают. Начало спора с правыми — это лишь предыстория его партийной биографии. Он пришел к концу, заранее зная, что правые неправы. И когда

через два-три года сама жизнь подтвердит все предсказания Бухарина о судьбе первой пятилетки, такой коммунист с 1929 года может даже не заметить этого. Он ведь пришел в партию, когда звучал голос лишь одной стороны. Сталинский поворот 1933 года он воспримет лишь как доказательство сталинской гениальности, а не как вырванное жизнью признание бухаринской правоты.

Устойчивость. Поразительно верно найденное Лениным слово. Именно неустойчивость — главная черта всякого неофита. Полузнайка опаснее незнайки. Активность уже разбужена, опыта и воспитания еще нет. Идеи уже знает, относиться к ним критически еще не умеет. Из младенцев во взрослые не перескакивают — сначала бывают подростками. Возраст заблуждений — он бывал опасным даже у теоретиков высокой культуры, у большевиков с дореволюционным стажем, и не только у молодого Бухарина, но и, например, у Дзержинского, Фрунзе, ошибавшихся в споре о Брестском мире. Уже этот спор показал, сколь опасны могут быть политические подростки, даже если это лучшие из лучших. Через десяток лет эти — десятки, сотни, тысячи, решавшие тогда,— имели неизмеримо больший политический опыт. Однако за ними уже шли миллионы новых, поднятые революцией к политической активности, но, увы, не имевшие ленинской направляющей руки. Бухарины-подростки смяли Бухарина-взрослого.

Краткость исторического опыта, молодость культуры социализма была определяющей чертой двадцатых годов. «Страна-подросток» — это повторяли за Маяковским с гордостью. Не было привычки мыслить десятилетиями, «через год» это было долго, «через десять лет» — туман, фантазия. В этом было большое преимущество строителей нового общества, но в этом и слабость. Сама мысль об отдаленных последствиях не доходила. Как в медицине: чтобы узнать, что ДДТ опасен тем, что накапливается в организме, надо было его одному поколению накопить. Когда Бухарин говорил об отдаленных последствиях ускорительства, его мало кто понимал. Орджоникидзе в речах 1929—1930 годов, приводя цифры об успехах начала пятилетки, вполне искренне утверждал, что эти цифры опровергают предсказание «Заметок экономиста», верил и в 17 млн. т чугуна в 1933 году. Понадобилось столкнуться с отда-

ленными последствиями — спадом темпов в конце пятилетки,— чтобы в 1934-м на XVII съезде тот же Серго предложил снизить контрольную цифру по чугуну на 1937 год с 18 до 16 млн.,— и это было принято, потому что делегаты съезда прошли ту же школу первой пятилетки. Фактический итог второй пятилетки по чугуну был близок к контрольной цифре: 14 вместо 16 — это уже совсем не то, что 6 вместо 17.

Беда была не только в незнании законов долговременного экономического развития (точнее — в непонимании, потому что тех, у кого знание было,— не слушало большинство) — не было и понимания отдаленных последствий текущих организационных и политических решений для социалистической культуры, психологии, традиции, когда принятые в прошлом конкретные решения, переплавившись в определенный тип культуры, сами потом влияют на совсем другие решения, в другой обстановке. Так, дружный напор массой, числом стал нормой именно в первую пятилетку. В речи на знаменитом Объединенном пленуме ЦК и ЦКК в 1933 году даже Орджоникидзе не заметил в своих цифрах того, что сегодня бросилось бы в глаза любому внимательному экономисту. Как о бесспорном успехе он сообщал, что за пятилетку на Московском автозаводе основной капитал возрос с 9,9 млн. рублей до 53,4 млн., а численность рабочих с 1,9 тыс. человек до 15 тысяч. Приводя затем аналогичные цифры по 23 крупнейшим предприятиям, он не сделал сопоставления, лежащего на поверхности: численность занятых растет быстрее, чем основные фонды, то есть фондовооруженность рабочего падает, возможности роста производительности труда на основе новой техники используются не полностью. В экономическом отношении человек ценился ниже, чем основной капитал, машина: людей много, машин мало. Это лишь первый шаг экстенсивной культуры хозяйствования, потому что затем приходит и неполное использование машины. Действие наряду с интенсивными экстенсивных факторов роста неизбежно на начальной стадии индустриализации, но политик должен предвидеть и неизбежные последствия этого для культуры труда и управления, избежать наслаивания привычки, сохранить возможность перехода к интенсивному хозяйствованию. Сам Серго скоро увидел опасность зарождавшегося типа культуры труда. В речах он упрекал директоров

заводов, что у них из семи часов смены работают от силы пять. Некоторые оправдывались: у меня не пять, у меня шесть часов работают. Что работают всю смену, не утверждал никто, излишек рабочих на заводах был общепризнанным фактом. Серго не победил эту «культуру», она оказалась страшно стойкой, выросла в нынешнюю «сверхзанятость», которая лишь с огромным трудом вытесняется экономической реформой.

Героические штурмы, возведенные в закон, выросли в штурмовщину,— судя по речам Орджоникидзе, даже домны Магнитки «качало» от 1000 тонн суточной выплавки до 400 тонн. А на Сталинградском тракторном степень штурмовщины испугала Серго, он сказал: прекратите ночные коммунистические воскресники, у людей не останется сил работать днем. Но прежде чем отказаться от штурма как метода работы, надо было убедиться, что он не дает желаемых результатов. А тем временем сложилась привычка, произошел отбор, укрепился круг специалистов по штурму, которые именно так умели работать лучше других, а по-другому не умели и должны были бы уступить место.

Сложилась всеобщая привычка к низкому качеству роста, сложилась система экономической защиты низкого качества. Необратимость валюты и административное утверждение нереального обменного курса, централизованное установление цен и поддержание их на нереальном уровне независимо от состояния внутреннего рынка, узкобюрократическое толкование монополии внешней торговли, обеспечивавшее искусственную защиту неэффективных производств, столь же узкое толкование планирования и роли плана, отрицание экономических стимулов — эти и много других мер были нужны, чтобы и при низком качестве роста поддержать видимость экономического равновесия.

Сами по себе эти меры нельзя считать ни плохими, ни хорошими. Весь вопрос в том, применяют ли их, когда это действительно нужно, сознают ли их отдаленные последствия, помнят ли, что эти меры могут быть только временными. За всю сталинскую четверть века, в течение которой они применялись, эти меры были оправданы шесть лет, с 1939 по 1945-й — годы второй мировой войны. Только в эти годы был нужен и оправдан рост любой ценой, хотя бы ценой низкого качества. Сталин же сделал высокий темп самоцелью

на все времена, не глядя, дает это что-нибудь людям или, напротив, обедняет их жизнь. Соответственно оправдывались любые меры, которые обеспечивали (или казалось, что обеспечивали) высокий темп. С годами все большему числу людей стало казаться, что без этих мер вообще нельзя, что в них-то и выражаются основные преимущества социализма в экономике.

Этот барьер массовой психологии оказался прочным. Уж на что смелой была хрущевская критика сталинизма, куда как решительна ломка старого при создании совнархозов. А по сути дела, весь замысел этой «революции» остался в узком кругу идей, завещанных Сталиным, не вышел за пределы перестройки административной лестницы.

Субъективизм, вера во всесилие приказа жили рядом с отношением к людям как материалу для строительства социализма, а не как к цели этого строительства. Тут рождалась самая тяжелая сторона психологии и культуры раннего социализма. Рядом с бухаринскими речами 1918 года (пусть немцы вставят «кольцо в ноздри» рабочим и крестьянам — лишь бы шли воевать, пусть погибнет Советская Россия — лишь бы раздуть мировой пожар), рядом с общим согласием сослать тысячи кулаков и «подкулачников» с семьями — лишь бы колхозы были не через пять лет, а через год — интересно вспомнить знаменательный спор между наркоматом юстиции и ЦКК — РКИ, разыгравшийся на XV съезде партии. В прениях по докладу Орджоникидзе работник ЦКК — РКИ Янсон заявил:

«По тому опыту, с которым мы встречаемся в работе органов юстиции, я лично пришел к убеждению, что здесь нам нужно не только реформами заниматься, но даже небольшую революцию произвести (Сольц: «Правильно!») снизу и доверху. Правда, товарищи, которые работают в органах юстиции, призваны к тому, чтобы защищать законность, но иногда эта защита законности превращается в буквоедство. Иногда начинают рассуждать таким образом, что если нужно тебе помирать, то помирай по закону.

Крыленко. Правильно!

Янсон. Это никуда не годится. По-моему, совершенно безразлично, если человек помирает — по закону он это делает или без закона,— результат одинаковый. Мы думаем, что наша законность должна быть построена так, чтобы она была связана непосредственно

и в первую очередь с требованиями жизни (Голос: «Правильно!»), с жизненной целесообразностью. (Аплодисменты.)... идет орабочивание судебного аппарата не только судейского, но также прокурорского и следственного. Но здесь еще колоссальное поле деятельности, и я полагаю, что наибольших результатов мы достигнем в том случае, если мы органы юстиции построим по такому принципу, чтобы там было определенное количество людей с практическим смыслом и опытом, людей рабочего происхождения (Аплодисменты.)...

Сольц. И поменьше юристов.

Янсон. ...которые должны быть спаяны с нашими советскими юристами... А сейчас у нас имеется некоторый профессиональный юридический уклон, который не совсем полезен для дела советской юстиции, являющейся совершенно новой формой юстиции по сравнению с буржуазными».

Выступавший от имени прокуратуры Крыленко еще не знал, скольким из аплодировавших Янсону предстоит через десяток лет «помирать не по закону». И возражать Янсону он начал в его логике, доказав сначала, что у юристов нет юридического уклона, ибо рабочих среди них 33,5 процента. Но при этом из 1176 уездных помощников прокуроров РСФСР лишь 124 имеют юридическое образование, 139 — высшее (видимо, неюридическое), 210 — среднее, 690 — низшее, 236 — без всякого юридического стажа. Почти 100 процентов — коммунисты. Но, кроме этого, Крыленко все-таки поставил основной вопрос: «Что в конце концов является для судебных работников основным указующим критерием: имеет ли он право, или не имеет права вкривь и вкось, по своему усмотрению, толковать, применять или не применять любой закон?» Его ответ: революционная целесообразность в переводе на простой язык означает «как бог на душу положит», она не может заменять точные указания Советской власти. Крыленко привел слова Ленина:

«Рабкрин судит не только с точки зрения законности, но и с точки зрения целесообразности. Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом, и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовывать всякое незаконное решение, причем прокурор не вправе приостанавливать решения, а обязан только принять

меры к тому, чтобы понимание законности установилось абсолютно одинаковое во всей республике» [1].

Ни одну речь на съезде, кроме речей оппозиционеров, так не перебивали репликами, как речь Крыленко. Даже посреди цитаты из Ленина кричали: «Не делайте из этого фетиша». Вот характерный кусок стенограммы:

«...т. Сольц... подал реплику: «есть законы плохие и есть законы хорошие». Хороший закон, говорит он, надо исполнять, а плохой (Голос с места: «Исправлять!») не исполнять. (Голос с места: «Правильно!» Голос с места: «А как же иначе?» Смех.) Нет, товарищи, я должен сказать, что горжусь тем, что в этом вопросе никто не может упрекнуть ни прокурорский надзор, ни судебные органы в том, что они берут на себя смелость исправлять законы или берут на себя смелость истолковывать их по-своему. Они делают то, что им приказали рабочий класс и партия, и большего от них требовать нельзя. (Мандельштам: «Как чиновники») Погодите, нет, не как чиновники, а как пролетарии».

Последнее слово осталось отнюдь не за Крыленко. Выступил Шкирятов и рассказал, как в одной деревне происходили убийства, а суд никого не мог осудить. Он говорил с возмущением:

«Суд, видите ли, ищет фактов. Тут царит только буква закона. На глазах происходит убийство, а им давай факты. К букве закона не подходит — судить нельзя».

Рассказал другую историю — о человеке, который во время гражданской войны боролся с бандитизмом:

«Этот товарищ кое-кого без закона расстрелял в то время. А теперь, когда мы живем в спокойной обстановке, когда все успокоилось, один из судебных крючкотворов разыскивает это дело... и говорит: вот такой-то коммунист (хороший ленинградский, кажется, или украинский рабочий-металлист) обвиняется в том, что он не по закону расстреливал,— и его предают суду. (Крыленко: «Да не отдал под суд! Что вы рассказываете!») Да, да, т. Крыленко, если бы не вмешательство ЦКК, товарища бы отдали под суд. Вот тут-то нужно руководствоваться не только буквой закона, а нужно подходить к этому

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 199.

закону своим пролетарским революционным чутьем. Вот что должно быть, т. Крыленко. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты. Крыленко: «Выходит, что расстрелять можно беззаконно?») Нет, не выходит, а выходит то, что нельзя быть бездушным чиновником».

«Хороший рабочий-металлист» мало интересовал Шкирятова, который даже не помнил — ленинградский он или украинский. Едва ли интересовала его и та бесспорная истина, что во время гражданской войны неизбежны иногда и расстрелы без суда — это не требовалось объяснять сидевшим в зале. Речь шла о том, как относиться к закону в мирное время — и тут поддержка зала была, увы, не на стороне Крыленко. В этом было главное. Даже делегаты съезда, цвет партии, в 1927 году были готовы принять анархистское, полурабочее отношение к такому важному вопросу — лишь бы оно было украшено эпитетами «пролетарского», «революционного» толка.

Более или менее длительный период неустойчивости пролетарского сознания в начале социалистического строительства нельзя считать ни случайным, ни характерным лишь для отсталых стран с многочисленным крестьянским населением. Здесь не случайность, а социальная закономерность, проявление особого этапа развития пролетарского самосознания, дающего некий промежуточный уровень. Уже осознаны революционные классовые интересы, но еще не накоплен достаточный политический опыт, чтобы преодолеть полностью мелкобуржуазные влияния. Уже отброшена старая буржуазная культура, но еще не выросла новая, социалистическая. Это этап, когда роль партии объективно огромна, когда от верности ее политики зависит все. Задача партии — вести рабочий класс путями, позволяющими наиболее надежно преодолеть это «недоразвитие», с наименьшими издержками достичь более высокой ступени пролетарского самосознания.

Путь, обеспечивающий наименьшие издержки и наилучшее качество новой культуры, не всегда самый прямой и короткий. В этом особая сложность задачи правящей партии. Образцом правильно проложенного пути была новая экономическая политика. Острота столкновения с крестьянами в дни Кронштадта и Тамбова побудила Ленина в первые дни поворота к нэпу характеризовать его как особую политику по отноше-

нию к крестьянству. В этом действительно заключалось начало, фундамент всего здания. Но в целом нэп был шире и богаче содержанием, что и раскрыл Ленин в последующие месяцы. Это была, кроме того, и особая школа для рабочего класса. Недаром Ленин так любил слово «учиться» — от «учиться торговать» и «учиться социализму у организаторов трестов» до лозунга «Задач союзов молодежи»: учиться всему, что создала до нас мировая культура.

Пытаясь использовать особенности этого исторического этапа в своих интересах, Троцкий первым додумался опереться на тот слой, в котором Ленин видел источник неустойчивости партии. Еще в 1923 году Троцкий воззвал к молодежи. Но его подвело именно то, что он был первым: слишком рано было, и первые струйки молодых, неустойчивых сил партии еще не могли одолеть старый костяк, даже если Троцкому удавалось повести их за собой. Сталин использовал тот же прием вовремя, когда приток молодых сил стал самым мощным. В середине и конце тридцатых годов наступил третий этап: приток новых рабочих стал не столь сильным по сравнению с уже сложившейся за две пятилетки массой рабочего класса. Появилась естественная устойчивость, которую уже не надо было поддерживать особыми мерами,— наоборот, особые меры требовались для того, чтобы ее нарушить. Новички третьей пятилетки не могли свалить новичков первой пятилетки одной своей массой. А свалить Сталину нужно было, ибо поколение двадцатых годов в рабочем классе и партии к концу тридцатых годов уже не было неопытным. Оно обучилось, запомнило и горький опыт первой пятилетки, через который прошло под сталинским флагом. Лучшие люди этого поколения начали понимать слишком много — Сталин почувствовал это на XVII съезде, где, может быть, не хватило немногого, чтобы сменить его у руля. Потому-то он не мог позволить большинству делегатов дожить до следующего съезда.

Тем временем в политике чрезвычайные меры уступили место новой Конституции, в экономике ускорительство начало отступать перед трезвым расчетом. Приходило понимание отдаленных последствий сегодняшнего решения. А с ним и вопросы: какие сегодняшние обстоятельства сами служат лишь отдаленными последствиями вчерашних решений? И следующий воп-

рос: было ли необходимым ускорительство в первой пятилетке, нужно ли было претерпеть голод в начале тридцатых? Эти вопросы готов был выдвинуть не тончайший слой «старой гвардии», а основной, массовый слой «молодой гвардии». У него еще нет вождя, который выразит окрепшее новое сознание, но разве мало их, из второго эшелона старых большевиков, занявших место вытолкнутых соперников Сталина по шестерке? Киров, Орджоникидзе, Рудзутак, Постышев, Эйхе, Тухачевский — любой может завтра стать опасен. Может быть, они и сами еще не все это поняли — вот и надо спешить, пока не поняли. Надо убрать и их, и тот слой, идеи которого они готовы выразить.

Но победить массовый слой можно только массовым насилием. В этом секрет бессмысленной на первый взгляд массовости репрессий тридцать седьмого. Вот почему наивно говорить, что Сталина обманывали Ежов и Берия, что ему случайно не повезло: ошибся, мол, не тем поверил. Нет, он поверил именно тем, кому хотел поверить, он выбрал тех, кто лучше всего подходил для выполнения поставленной задачи. Чтобы убедиться в этом, нет нужды разглядывать темные фигуры этих бандитов. Они были всего лишь исполнителями, палачами с топором. Работу палачу задает прокурор, а он действовал вполне открыто. Теории Вышинского в сочетании со знаменитой речью самого Сталина об обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма доказывают неопровержимо, что установка была именно на массовые репрессии.

Остановимся на фигуре Вышинского и попробуем рассмотреть его тоже, как представителя определенной социальной силы, интересной в данном случае постольку, поскольку Сталин счел нужным на нее опереться. Оксфордский «Сарвей» (советологический «журнал исследования Востока и Запада») в 1971 году опубликовал отрывок лагерных воспоминаний Иосифа Бергера, в тридцатые годы выполнявшего ответственные задания Коминтерна в ряде стран. Отрывок называется «Инжир». Так звали заключенного, с которым Бергер встречался в лагерях Красноярского края в послевоенные годы. Инжир поведал Бергеру, что он старый меньшевик, после Октября перекрасившийся в беспартийного специалиста в ожидании гибели большевиков. По делу Промпартии он был арестован и спасся от сурового приговора тем, что оговорил невинных людей — боль-

шевиков. С тех пор он видел в этом дело своей жизни: губить большевиков руками большевиков, писать на них доносы и сажать в тюрьму как можно больше. Он сделал на этом блестящую карьеру: когда начальником Гулага сделался Ежов, Инжир стал его главным бухгалтером. Эта близость его погубила: когда посадили Ежова, был вновь арестован и Инжир — он закончил свою жизнь в заключении.

Раздобыл ли «Сарвей» подлинные мемуары или изготовил фальшивку? Писал ли правду Бергер? Рассказывал ли ему правду Инжир? Мы не можем это проверить, но при всех скидках на возможную недостоверность одна деталь важна в этой истории: Инжир — меньшевик. Вспомним: при всей вере в возможность использования даже буржуазных специалистов, меньшевикам Ленин не доверял никогда. В пору чистки партии, отмечая, как мало в ней бывших меньшевиков, Ленин писал: хорошо бы оставить в партии в сто раз меньше. Имена многих меньшевиков используются в ленинских статьях как нарицательные, как ругательные слова: церетели, даны, заславские, майские.

Заславский, один из главных сотрудников самого ненавистного Ленину издания — меньшевистской газеты «День», стал при Сталине одним из видных сотрудников «Правды». По свидетельству старых правдистов, в двадцатые годы коммунисты «Правды» трижды отказывали Заславскому в приеме в партию. Он был принят, когда принес рекомендацию Сталина.

Безусловно, полезной была и дипломатическая и научная работа Майского. Но как не подивиться его везению: этот бывший меньшевик, став в 1932 году советским послом в Лондоне, уцелел тогда, когда послы из старых большевиков гибли один за другим. Слава богу, что уцелел Майский. Но почему бы не уцелеть и Раскольникову?

Зато нельзя сказать, что была полезной деятельность Мехлиса. В воспоминаниях нескольких видных военачальников оценка его «подвигов» в Отечественной войне самая печальная. В отличие от Заславского и Майского этот бывший меньшевик был доверенным лицом Сталина и как таковой провалил не одну военную операцию, загубил немало людей. И должности он получал посолиднее: главный редактор «Правды», начальник Главпура, министр Госконтроля.

Самой страшной — и по существу точно совпада-

ющей с предполагаемой деятельностью Инжира — была всем известная деятельность Вышинского. Из бывших меньшевиков он достиг самого высокого положения. Если бы только кто-нибудь сказал Ленину, что на процессе, который кончился смертным приговором троим из шести названных им виднейших руководителей партии (Каменеву, Зиновьеву, Бухарину), а также секретарю ЦК при Ленине Крестинскому и другим виднейшим старым большевикам,— если бы он мог представить, что государственным обвинителем на этом процессе будет меньшевик Вышинский! Человек 1923 года мог бы такую воображаемую ситуацию объяснить только одним: значит, победила контрреволюция. А ведь Вышинский был не только практиком, не только организатором одного центрального процесса. Он был и теоретиком, создателем норм для всех остальных «процессов» 1937—1939 и послевоенных лет.

Роль нескольких меньшевиков в истории сталинской эпохи прослежена здесь отнюдь не для того, чтобы дать какую-либо оценку меньшевизму в целом или хотя бы части его. Такая оценка, во-первых, увела бы нас от темы, а во-вторых, она невозможна в двух словах. Меньшевизм, как всякая социал-демократия, течение многоцветное, не поддающееся однозначной оценке,— сама природа этих партий допускает существование под одной крышей очень разных, порой противоположных направлений. Выше названы не вообще меньшевики, а лишь бывшие меньшевики, оставившие свою партию после Октября. И не вообще бывшие меньшевики, а лишь те из них, которые, не желая оставаться вне политики, исполнили предсказание XI съезда партии большевиков: пошли в единственную правящую партию, хотя отнюдь не стали большевиками по своим взглядам, а некоторые из них, возможно, не утратили и враждебности к большевикам. Но даже и этой узкой группе нельзя дать однозначную оценку. Да такая оценка и не нужна в рамках нашей темы. Нам важно оценить не меньшевиков, а Сталина, в данном случае через его отношение к меньшевикам. Мы видим, что Сталин относился к ним иначе, нежели Ленин и основная масса большевиков. Это отличие, это стремление Сталина опереться на силу, искони враждебную большевикам, само по себе говорит о многом.

Наш анализ подходит к концу. Мы увидели, какую роль в подготовке событий до конца тридцатых годов

сыграли события двадцатых: внутрипартийная и межпартийная борьба, действия меньшевиков, троцкистов, уклонистов. Издержки отчаянной борьбы за власть, желание замести следы, скрыть ошибки — все это объясняет многое в сталинских репрессиях, особенно в его маниакальном стремлении убрать не только личных врагов, но и близких соратников, от Каменева до Тухачевского, и личных друзей, например, Сванидзе. Но и это не до конца объясняет главную загадку: массовость репрессий, уничтожение тысяч и тысяч вовсе не знакомых и явно не опасных ему лично людей. Ответ на эту загадку может дать только анализ классовой направленности сталинской политики.

Такой анализ сразу показывает, что Сталин не мог ограничиться разгромом партии, отстранением от власти старой партийной верхушки. Его политика противоречила коренным интересам рабочего класса независимо от того, что рабочие в массе этого не сознавали и, соприкасаясь с негативными последствиями сталинского курса, воспринимали их как результат произвола местных властей, частные ошибки и т. п. Даже без осознания общей картины политического развития рабочий класс был способен инстинктивно, следуя ближайшим интересам, сломать сталинскую политику суммой отдельных решений по частным вопросам — посему следовало отнять у него власть над этими решениями. А власть рабочим при Ленине была дана большая.

Начнем с главного вопроса, определяющего демократизм общественного строя в современных условиях — с вопроса о распределении вновь созданной стоимости. Что достается работнику (в виде заработной платы), что — предприятию (прибыль), что — государству (отчисления от прибылей, налоги и проч.)? В подходе к решению этого вопроса — одно из главных отличий социализма от капитализма. Каковы бы ни были мнимые и даже подлинные свободы в буржуазном государстве, капиталист не может допустить рабочего к решению этого вопроса, в особенности у себя на предприятии, иначе он перестанет быть капиталистом. Именно власть решать этот вопрос делает капиталистов господствующим классом.

Классовое содержание этого экономического вопроса до предела обнажено одним замечанием Ленина на книгу Бухарина: «классы представляют из себя

прежде всего «группы лиц» (неточно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы» [1]. Годом раньше, в «Великом почине», эта формула развернута подробнее, но здесь Ленин оставил суть, вывод: возможность присвоения чужого труда. Проще простого: дай рабочему власть решать самому, на предприятии и в государстве, вопрос о распределении вновь созданной стоимости — и он никому не позволит «присваивать себе труд другой группы». Так вопрос о демократии (не в буржуазном, а в социалистическом понимании, хотя для сохранения социалистической демократии не безразличны буржуазные свободы), вопрос о подлинной демократии становится вопросом о характере общественного строя. Как же решался этот вопрос до поворота 1928 года и как — после?

Прежде всего для самостоятельного решения о распределении вновь созданной стоимости рабочему нужна информация — нельзя же решать с завязанными глазами. И в двадцатые годы регулярно публиковались индексы цен, сообщения о прожиточном минимуме, другие необходимые сведения. Сталин не только сделал государственной тайной прожиточный минимум и его отношение к средней зарплате, но и всю народнохозяйственную статистику довел примерно до такого же «совершенства», как позднее Мао в Китае. Даже издание обычных ежегодников «Народное хозяйство СССР» возобновилось только после XX съезда.

Дальше, требуется право рабочих участвовать в решении вопроса о величине заработка. Такую возможность рабочим удается нередко завоевать и при капитализме, но на условиях, которые не изменяют их положения эксплуатируемого класса: у них нет ни средств производства, ни государственной власти. Их профсоюзы всего лишь один из участников торга, в лучшем случае формально равноправный, но всегда ведущий торг в менее выгодных условиях, чем покупатель рабочей силы. Однако при социализме одного этого формального равноправия профсоюза с администрацией в решении вопроса о зарплате в сочетании с демократизмом рабочего государства достаточно, чтобы поставить рабочий класс в положение стороны

[1] Ленинский сборник XL, с. 391.

решающей. Через профсоюз он решает этот вопрос на уровне предприятия в условиях действительного равноправия, поскольку предприятие не принадлежит не только профсоюзу, но и администрации, и вместе с тем рабочие сознают, что как часть рабочего класса они являются его хозяевами. Через государство, если оно демократично на деле, рабочие решают проблемы распределения на всех уровнях выше предприятия.

На предприятии (а это рабочему всего ближе и важнее) вопрос решался в двадцатые годы самым простым и верным способом: уровень зарплаты на каждый год определялся коллективным договором администрации предприятия с профсоюзом. Этот порядок был отменен в тридцатых годах, причем не только профсоюз, но и предприятие, и даже отраслевой промышленный наркомат не могли уже решающим образом влиять на уровень зарплаты — все решалось в едином центре, не несущем прямой ответственности за ход производства и тем более не подведомственном профсоюзам.

Далее, для подлинного влияния на распределение необходимо право рабочих влиять на само производство, от результатов которого зависит размер распределяемой стоимости. Этот вопрос объективно один из самых сложных, так как современное производство невозможно без централизованного управления и, казалось бы, предприятиям нельзя дать сколько-нибудь широкую возможность самоуправления, не нанеся ущерба общественной собственности. Но в двадцатые годы находили выход в том, чтобы поставить под контроль рабочих коллективов саму центральную хозяйственную власть.

Поначалу даже Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) был выборным, его избирали на Всероссийском съезде совнархозов. И совнархозы тогда не были таким порождением административной премудрости, как в конце пятидесятых годов,— это были Советы, часть Советов депутатов, выборной народной власти. В свою очередь, право распоряжаться производством на своей территории делало Советы депутатов органами реально властвующими.

Но одна лишь выборность руководства не гарантирует подлинную власть рабочих: «демократию избирательной урны» легко сделать формальной. Важно подкрепить ее другими мерами, в частности, демократией

экономической. И это было сделано. Новая экономическая политика дала предприятиям значительную свободу действий, а к концу двадцатых годов предприятия приобрели и значительный экономический контроль над вышестоящим аппаратом: назначаемые ВСНХ главки — главные управления по промышленным отраслям — были вытеснены синдикатами — органами особого рода. Предприятия входили в состав синдикатов добровольно, в качестве пайщиков, правления синдикатов были выборными от предприятий, само существование синдикатов зависело от экономической поддержки предприятий, а такая поддержка обусловливалась высоким качеством управленческих услуг.

Сталин тараном форсированной индустриализации разбил и созданные на основе синдикатов объединения, и ВСНХ, и совнархозы — всю эту никогда и нигде больше не повторенную систему демократического управления экономикой огромной страны, которую с огромным трудом возрождает лишь нынешняя перестройка. Руководитель той системы в ее наиболее развитом виде — последний председатель ВСНХ Орджоникидзе — еще до XVII съезда превратился всего лишь в одного из промышленных наркомов. Реальная власть над народным хозяйством ушла из его рук, остался лишь громадный личный авторитет — слишком ненадежная броня, как выяснилось вскоре.

Наконец, предприятия лишились всех экономических прав, какие они имели в двадцатые годы: права устанавливать цены, распоряжаться капиталовложениями и собственной продукцией. Вспомним, как высоко ставил Энгельс власть над продуктом труда. Он писал в «Происхождении семьи...»:

«Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже больше не знали, что с ним станет. Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения» [1].

Разумеется, коль скоро при социализме сохраняется товарное производство, неизбежно и отчуждение продукта путем обмена. Но рабочему далеко не безразлично, каким способом это делается, участвует ли он, производитель, в решении вопроса о цене и других

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 113.

условиях продажи продукта своего труда, или это делает «сторонний ценовщик», выражаясь словами Чернышевского.

Колхозников, правда, Сталин так и не смог лишить формального права распределять вновь созданную стоимость. Но он вполне преуспел в лишении их этого права на деле, по возможности отбирая у колхозов весь произведенный продукт.

Узурпировав таким образом не только права партии, но и права рабочих и крестьян, Сталин неизбежно должен был и охранявшие его власть меры подавления направлять не только против партийной верхушки. Никак нельзя было арестовать всех рабочих и крестьян (хотя система Гулага представляла собой весьма обширный эксперимент по созданию «рабочего класса» совсем особого рода), но опасность для Сталина объективно представляли именно все, ибо он нарушил коренные интересы обоих трудящихся классов в целом. Даже не осознав своей враждебности Сталину, массы могли сорвать его экономическую политику хотя бы простым стихийным бегством с одного места работы на другое, что и происходило в масштабах, коих сам Сталин не мог скрыть. Последовало логичное завершение системы: всеобщая обязательная паспортная прописка, лишение рабочих и служащих права менять место работы по собственному желанию, приковывание колхозников к деревне путем лишения паспортов.

Можно еще долго характеризовать отношения Сталина с рабочим классом, и нигде не минуется отрицание «не»: люди, пользующиеся жильем, не решали, сколько и где должно строиться жилых домов на накопленные их трудом средства, покупатели не решали, сколько и каких товаров производить, за какую цену продавать, сколько и где магазинов для того построить. Нет, былая бедность наша, конечно, вызвана была не тем, что один Великий и Мудрый все решал. Но кто сочтет, насколько она продлилась из-за того, что от решений отстранялась мудрость народная?

Коль скоро народ не решал по-хозяйски вопросов трудных — вроде вопроса, как разделить небогатые свои доходы,— то создавалось впечатление, что не его, народа, а сталинской заслугой были и решения приятные — вроде ежегодного снижения цен. Все, что создавалось трудом народа, представало в обыденном

сознании как дар вождя. Позднее его же исключительной заслугой стали представляться и военные победы, одержанные отнюдь не малой кровью. Изжить подобные элементы массового сознания — задача во многом актуальная и по сей день.

Решить эту задачу нелегко, такое решение требует и освобождения от многих предрассудков, и глубокого анализа многих сложных и неясных явлений общественного сознания. Взять, например, известный феномен «духа тридцатых годов». Откуда воспоминание о них как о времени светлом, радостном, героическом — о прекрасном утре социализма? Это не случайные личные впечатления людей, помнящих то время,— литература оставила нам достоверные художественные документы эпохи. Катаев, Третьяков, Каверин, Олеша, Горбатов, Ильф и Петров, Фраерман, Твардовский, Исаковский, Паустовский и десятки других, в том числе, может быть, самый удивительный голос, почти целиком отзвучавший именно в десятилетии тридцатых: Гайдар. Такие разные по характеру таланты и такие сходные по настроению книги той эпохи — веселые. Поразительный факт: даже в книгах конца тридцатых о шпионах, о врагах, обманывающих нас (Макаренко — «Флаги на башнях», Гайдар — «Военная тайна», «Судьба барабанщика»), даже в таких книгах главный мотив не угрюмое слово «бдительность», оглушавшее нас в начале пятидесятых, а мысль о доверии к людям. Гайдар в этом особенно настойчив, он эту мысль проводит и в «Тимуре», и в «Голубой чашке» уже в 1939-м, когда «дух тридцатых» умер,— не случайно этот рассказ был принят официальной критикой с недоумением.

Верно, существовало и другое мировосприятие, и у него были свои выразители — Булгаков, Пильняк. Но между ними и авторами, так сказать, оптимистического направления нет пропасти. Многие охватывали разные стороны действительности — далеко не однозначны, например, настроения Олеши. Платонов, может быть, лучше других видел силу и рабочего человека (в большинстве своих произведений), и его противника («Город Градов»). Но для анализа корней «духа тридцатых годов» нет нужды изображать оптимистическое мировосприятие того времени как исключительное, единственное. Не так важно даже, было ли оно присуще большинству. Достаточно, что оно

существовало и было массовым, что оно остается таким и в памяти многих наших современников, а в некоторых книгах наших дней даже изображается как вполне адекватно отражавшее объективную действительность тридцатых годов.

Оговоримся: мы ссылаемся здесь на художественную литературу без каких-либо литературоведческих претензий — просто как на документальное подтверждение того, что определенные взгляды и настроения существовали. Именно это явление массового сознания нас и интересует — каким оно было в жизни, а не как отражалось в книгах. Для людей, бывших тогда уже взрослыми, дух тридцатых — это нарком Серго, которому рабочие говорили «ты», это красные директора, еще не сменившие кепку на шляпу, это привычка говорить всю правду, ни на кого не оглядываясь и никого не опасаясь. Откуда все это в тридцатых, если Сталин победил в 1929-м?

В том-то и дело, что тогда он победил организационно, политически, но еще не победил психологически и социально. Более того, объективная инерция социальной психологии стала работать против него именно потому, что переворот его был скрыт от сознания масс, и, отрекшись от некоторых имен двадцатых годов, люди не отреклись от революционных идей. Революционный дух первых лет Октября, прорвавшись сквозь нэп, стряхнув частника, зарядившись энтузиазмом пятилеток, нашел наконец себе постоянную и прочную демократическую опору: массив нового рабочего класса. И непосредственно над этим рабочим классом стоял средний слой старой, ленинской закваски — он-то, слой, непосредственно общавшийся с массой, и создавал для рядового человека живое представление о характере власти. По этому слою судя, человек решал: своя власть. Откуда им было знать о характере сталинской группы на самом верху?

Это противоречие между новым сталинским курсом и старым духом среднего слоя опять-таки создавало в перспективе опасность, которую нельзя было устранить простой заменой нескольких лидеров; и по этим соображениям тоже выходило, что надо срезать целый слой. (Разумеется, полного единообразия не могло быть, часть старых кадров приспосабливалась, перестраивалась в новом духе, но монолитного просталинского сознания от этого поколения руководящих

кадров нельзя было ожидать, вернее всего было — со сталинской точки зрения — это поколение вырвать.) Легко представить, что для массового сознания переход от светлого «духа тридцатых» в подземелье тридцать седьмого был страшен и непонятен своей неожиданностью, как для древних людей — солнечное затмение среди ясного дня. Чем лучше было жить, тем труднее для рядового человека заметить, какой подготавливается поворот. Даже оказавшись в заключении, люди подолгу не понимали происходящего, не представляли масштабов репрессий, отказывались верить тому, что с ними творится.

Объяснить это наваждение сегодня поможет только анализ направленности сталинской политики, очищающий суть явления от маскирующей шелухи разноречивых фактов. Эту суть раскрывает именно приложение ленинского понятия класса к сталинской политике.

При этом стоит заметить, что, определяя суть социально-экономических сдвигов, учители марксизма ограничивались указанием на возможность присвоения чужого труда — большего они не требовали для научной оценки явления. Энгельс говорит, что появление товарного обмена создало возможность порабощения человека с помощью продуктов его труда. Он не рассматривает здесь, каким сроком отделено воплощение в действительность от появления возможности. Он не интересуется, понимали ли участники первой купли-продажи, какому великому историческому процессу открыли путь (и без слов ясно, что не понимали).

Ленин тоже говорит о возможности присвоения чужого труда как основе классовых различий. И политически нам безразлично, пользовался ли Сталин лично этой возможностью — достаточно того, что он ее создал. Этим одним уже определяется направленность его политики. А уж для сохранения этой основы ему потребовались прочие действия, включая ликвидацию в той или иной форме буржуазных свобод и нарушение прав личности. Эти действия, их внешняя неожиданность и непонятная массовость сразу теряют загадочность, лишь только мы посмотрим на них как на средства и покажем, какой была цель.

Историю нельзя переиграть заново. Ранний социализм в Советском Союзе выполнил свое предназначение. Правда, получилось не так, как хотел Ленин и

как реально можно было — сравнительно быстро и с наименьшими потерями,— а по-сталински, мучительно и с громадными жертвами. Международная обстановка тоже не облегчала этот путь. Но дело сделано. У сталинизма больше нет массовой социальной опоры в стране. Пусть никого не вводит в заблуждение обилие людей, готовых и сейчас петь славу Сталину. Во Франции было много монархистов и сто лет спустя после Великой революции, но монархизм умер как жизнеспособная перспектива в 1789 году — ни одна его позднейшая победа не была прочной. В пятидесятые годы сталинизм утратил последние объективные основания.

Сталинизм не может существовать как живое и развивающееся течение. Но это не значит, что на него можно махнуть рукой. Бывает, и мертвый хватает живого. Трудно и медленно восстанавливается в нашей жизни то, что Сталин разрушил. Эта работа пойдет много быстрее, когда будет четко осознано, что́ именно разрушено и что́ надо восстанавливать.

Культ личности как феномен массового сознания заслуживает самого пристального внимания.

Буржуазная пропаганда склонна изображать культ Сталина как порождение лишь террора и запугивания. Таково свойство буржуазного сознания: оно всегда воспринимает собственные представления как всеобщие, всегда использует законы и мерки собственного мира для объяснения чуждых ему явлений и потому ошибается. Парадокс «социалистического» культа заключается в том, что наибольшую силу ему придает опора пролетарской революции на широкую, демократическую социальную базу — попросту говоря, ее демократический характер.

Вспомним Бонапарта, который, кстати, в главном очень похож на Сталина: он тоже перевернулся. В молодости якобинец, друг младшего Робеспьера, освободитель Италии — он стал монархом, палачом уцелевших якобинцев. Но есть и разница, притом существенная: для деятеля буржуазной революции такой путь естествен, для вождя революции социалистической — нет. Буржуазная революция неизбежно должна перейти от безбрежного демократизма вначале, дающего ей поддержку масс против аристократии, к решительному антидемократизму после победы. В лице Бонапарта буржуазная революция искала и нашла че-

ловека, способного к такому повороту. Совершив поворот в интересах своего класса, Наполеон направил террор против демократических слоев и лишился их поддержки. Когда после Ватерлоо они вновь предложили ему помощь, он отказался: для этого надо было вооружить народ Парижа. Культ умер, умерла и империя.

Сталин был в другом положении. В социалистической революции ее цель и ее движущие силы едины: это трудящиеся классы. Она не нуждается в антидемократическом повороте, и если Сталин такой поворот произвел, то это был рецидив буржуазности, а не действие закономерностей пролетарской революции. Потому и террор Сталина обрушился не на «чужих», как у Наполеона, а на «своих», на людей социалистической революции.

Но культ здесь оказался — до поры — на стороне вождя. Им не были охвачены лишь те, кто осознал сталинское отступничество,— либо благодаря большому политическому опыту (меньшинство рабочих и интеллигенции), либо испытав это отступничество на себе: жертвы репрессий, значительная часть крестьянства, некоторые национальные меньшинства. Сталин немало потрудился для подрыва своего культа: срывом первой пятилетки, голодом в начале тридцатых, поражениями в начале войны, грубыми ошибками во внешней политике, наконец, самой пропагандой культа, которая многим внушала отвращение. Но все превозмогала благоприятная почва для развития культа, объективно существовавшая в сознании молодого рабочего класса, молодежи вообще. Это потом, повзрослевший рабочий класс накопит неприятие культа, накопит опыт, помогающий воспринимать раздельно достижения народа и заслуги вождей. А не освободившись от мелкобуржуазного сознания, человек склонен переносить свои устремления на вождя, за которым он идет. Ему кажется, что вождь думает так же, стремится к тому же. А если что-то в действиях вождя вызывает сомнения, простой человек готов сам себе все объяснить великими словами «так надо». Сейчас мы говорим «надо, Федя» — и смеемся. Смеемся, прощаясь с детством. Но слова «так надо» имели и другое значение. Это были не только самодельные шоры для себя самого. Человек говорил «так надо» — и это значило, что он готов служить великой цели.

Это трудно представить человеку нового поколения, который не видел тех дней своими глазами. Да и старшие начинают забывать, как уживались в народе ненависть к злодею и поклонение Вождю и Учителю. Все чаще справляются с непонятным фактом самым простым способом: отрицают факт. Одни не верят в массовое искреннее поклонение — дескать, был только обман и запугивание. Другие сомневаются в сталинском злодействе. А в жизни все было: и поклонение, и злодейство. Для большинства, которое не заметило и не поняло сталинского поворота, реальный Сталин не имел значения. Будь на его месте любой другой — ему так же досталась бы вся сила энтузиазма масс, стремящихся слить в одном имени свое представление о революции.

Именно демократические корни революции придают режиму прочность даже невзирая на культ. Бонапартистский поворот в условиях социалистической революции не разрушил революционное государство, хотя и ослабил его. Даже те, кто отвернулся от Сталина, не могли отвернуться от революции. А для большинства Сталин и революция были нераздельны.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

Две последние строчки тут устарели, две первые многие люди старшего поколения могли бы повторить и сейчас, только теперь осознавая, как много правды нечаянно вложил в них поэт. Это наш полет, наша юность и наша слава. Наша, а не его — вот чего в то время большинство неспособно было понять.

Культ личности не обязательный атрибут социализма вообще. Но, похоже, он атрибут раннего социализма, опирающегося на молодой рабочий класс. Это особенно верно для стран, где нет вековой культуры демократии.

В такой стране этап раннего социализма требует от революционного вождя сознательной и активной борьбы против культа личности. Достаточно лишь ничего не делать — и культ возникнет. Многим простым людям он даже необходим для политической ориентировки. Чапаев в фильме братьев Васильевых не знал, какой Интернационал свой: Второй или Третий. Но классовый инстинкт дал ему индикатор, действу-

ющий и без политического знания: он за тот Интернационал, в котором Ленин. Председателем этого Интернационала был Зиновьев — вполне достаточное основание, чтобы возник и его культ. Был культ Троцкого после гражданской войны, культ Рыкова, доставшийся ему как бы по наследству вместе с должностью председателя Совнаркома. Собрав все должности — вождя партии, государства, армии, мирового пролетариата,— Сталин взял себе и все причитающиеся по этим должностям культы. Это был уже суперкульт, дальше некуда.

Следующим этапом могло быть только разочарование — и с ним прозрение. После этого искренний, самородный массовый культ личности уже никогда не родится. Может быть уважение, авторитет — но их уже надо заслужить самому. Можно попытаться навязать культ силой или пропагандой. Но навязанный культ не бывает настоящим — от него за версту разит бутафорией, эрзацем.

Разумеется, есть слабые души, есть политически отсталые люди (не говоря уж о политических спекулянтах). Они обращаются к прошлому, тащат из гроба на пьедестал все того же Вождя и Учителя. Безнадежность этого подтверждает сам факт, что они не находят ничего лучшего, как оживлять труп — останки былого культа.

Знамя. 1988. № 6. С. 124—178.

Н. Маслов

Политические процессы 30-х годов: характер и особенности

Одной из наиболее трагических страниц истории советского общества являются репрессии, развернутые в середине 30-х годов в обстановке сложившегося тогда культа личности И. В. Сталина. Они коснулись многих тысяч членов партии и беспартийных. Возникшие в атмосфере нетерпимости, вражды и подозрительности, «теоретически» обоснованные выдвинутым Сталиным в 1937 г. ложным тезисом об обострении классовой борьбы в стране по мере дальнейшего строительства социализма, эти репрессии распространились по всем областям, краям и республикам, унося из жизни или из нормальных условий существования и деятельности лучших людей — представителей ленинской большевистской гвардии, партийных и государственных работников всех рангов, деятелей науки, культуры, военачальников, хозяйственных руководителей.

Эти репрессии нанесли серьезный ущерб делу социализма, авторитету партии. Их масштабы и нанесенный ими нашему обществу вред в полной мере не оценены до сих пор. Более того, после XX съезда КПСС (в конце 50-х — начале 60-х годов) была предпринята попытка рассказать правду об этих репрессиях. Но процесс этот был приостановлен. «...И сейчас еще,— сказал М. С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Великого Октября, — встречаемся с попытками отвернуться от больных вопросов нашей истории, замолчать их, сделать вид, будто ничего особенного не произошло. С этим мы не можем согласиться. Это было бы пренебрежением к исторической правде, неуважением к памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола. Не можем еще и потому, что правдивый анализ должен помочь нам решать сегодняшние наши проблемы: демократизации, законности, гласности, преодоления бюрократизма — сло-

вом, насущные проблемы перестройки. Вот почему нам нужны и здесь полная ясность, четкость и последовательность».

Большое число граждан были подвергнуты наказаниям, вплоть до высшей меры — расстрела, на основании решений неконституционных, чрезвычайных, закрытых органов. В таких условиях подсудимые лишались права на защиту, на апелляцию, даже на попытку самооправдания. Так, «суд» по делу гениального ученого-генетика Н. И. Вавилова продолжался несколько минут. Он был приговорен к расстрелу, который позднее был заменен 20 годами тюремного заключения. «Суд» над соратником В. И. Ленина, в 30-е годы наркомом юстиции СССР Н. В. Крыленко продолжался 20 минут, а его протокол уместился в 19 строк. Приговор тот же — расстрел. Это было введенное в практику беззаконие, жестокое и неумолимое.

Хроника процессов

Но в нескольких случаях, когда речь шла о крупнейших деятелях партии и Советского государства, имена которых были известны всему миру, Сталин счел необходимым организовать открытые процессы. В ходе их необходимо было публично доказать виновность обвиняемых в якобы совершенных ими преступлениях. С одной стороны, подтверждалась «законность» их репрессирования, а с другой — в стране создавалась обстановка всеобщей подозрительности и страха. В этой обстановке было легче оправдать прошлые и будущие репрессии, доказать свою личную правоту в борьбе против оппозиционных группировок, которые, как утверждалось в ходе процессов, представляли собой «банды убийц и шпионов».

Первым из этих процессов, проходившим в августе 1936 г., был процесс по делу так называемого троцкистско-зиновьевского террористического центра, по которому проходили Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов и другие — всего 16 человек. В печати сообщалось, что названный террористический центр, следуя прямым указаниям находившегося за границей Троцкого, подготовлял террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского государства.

Подсудимым вменялась в вину подготовка и осуществление убийства С. М. Кирова, подготовка покушений на жизнь Сталина и других руководителей партии, а также шпионаж, вредительство, диверсии и другие преступления против советского строя.

Затем, в 1937 г., был проведен судебный процесс по делу Г. Л. Пятакова, К. Б. Радека и других, также обвинявшихся в антисоветской деятельности, вредительстве, шпионаже и диверсиях, подготовке террористических актов и других преступлениях.

Наконец, в марте 1938 г. был организован судебный процесс по делу «право-троцкистского блока». Здесь в числе обвиняемых проходили Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский и другие — всего 21 человек. Подсудимые обвинялись в шпионаже против Советского государства и измене Родине, убийстве С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького, подготовке покушения на жизнь В. И. Ленина, И. В. Сталина, Я. М. Свердлова и других деятелей партии.

К этим трем процессам примыкает и закрытый суд по делу военных руководителей М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича и других, обвиненных в шпионаже и подрыве боевой мощи Красной Армии. Материалы этого суда не публиковались, хотя имена подсудимых часто фигурируют в процессе 1938 г. в качестве соучастников преступных действий.

Особенностью было и то, что организаторы процессов стремились связать имена и инкриминируемую подсудимым преступную деятельность с троцкизмом и именем Троцкого. Он фигурировал и в приговоре процесса 1936 г., где указывалось, что Троцкий, как инициатор, вдохновитель и руководитель всех действий подсудимых, подлежит немедленному аресту в случае появления на территории СССР.

Рассматривая и оценивая ход и результаты процессов, в данном случае мы, однако, не будем отвлекаться на характеристику крайне противоречивой фигуры Троцкого. Его роль в истории нашей партии, его длительная борьба против ленинизма, его, наконец, тщеславные честолюбивые стремления стать на пост руководителя партии и Советского государства после кончины Ленина, требуют специальной оценки, что, вероятно, будет сделано.

Вообще же подчеркнем: все эти процессы связаны между собой и характером, и содержанием предъявлявшихся обвинений, и методами «доказательства» вины обвиняемых, и ссылками на якобы ранее «установленные» факты, и, наконец, той «теоретической» юридической основой, на которой строилось обвинение. И здесь надо сказать, что главной действующей фигурой этих процессов был А. Я. Вышинский, в то время Генеральный прокурор СССР. Он выступал в качестве государственного обвинителя. В молодости меньшевик, А. Я. Вышинский вступил в большевистскую партию в 1920 г. Окончив в 1913 г. юридический факультет Киевского университета, он в 1925—1931 гг. являлся ректором Московского университета, а затем перешел на руководящую работу в органы юстиции. Здесь он быстро продвинулся, уже в 1933 г. став заместителем, а в 1935 г.— Генеральным прокурором СССР. Именно его руками были не только оклеветаны и фактически уничтожены крупнейшие деятели партии и Советского государства, но и создана «теория» юриспруденции, ставшая основой судебного произвола.

Прежде всего была изъята из обращения «презумпция невиновности» — юридическая формула, утверждающая, что лишь суд устанавливает виновность обвиняемого, который вплоть до приговора считается невиновным. Подтверждением служат публикации в газетах того времени, которые еще до начала судебных процессов не только утверждали виновность обвиняемых, но и определяли содержание будущего приговора.

Так, например, 15 августа 1936 г., в день, когда было опубликовано сообщение Прокуратуры СССР о передаче на рассмотрение Верховного суда СССР дела Зиновьева, Каменева, Евдокимова и других, одна из газет писала: «Теперь они (обвиняемые.— **Н. М.**) разоблачены до конца. Вскрыта связь зиновьевцев с заграничной контрреволюционной организацией Троцкого, систематическая связь с германской фашистской охранкой (гестапо). Маскировка бесполезна. Не о «моральной», не о «политической» ответственности идет речь, а о прямой организации Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бакаевым подлого убийства Кирова и террористических покушений на жизнь товарища Сталина и других руководителей партии. ...Смрадом бан-

дитского подполья дышит на нас дело Троцкого — Зиновьева — Каменева. Гадина подползает к тому, что для нас дороже всего. ...Нет пощады, нет снисхождения для врагов народа, пытающихся отнять у народа его вождей. Слово принадлежит закону, который знает только одну меру для преступлений, совершенных троцкистско-зиновьевской бандой».

Таким образом, газета не только свидетельствовала виновность обвиняемых, но и предрешала приговор еще не начавшегося суда.

«Формулы» Вышинского

Вышинский «обосновал» положение, что суд вообще, принципиально не может установить объективную истину, ибо он не может использовать практику как критерий истины: преступление не воспроизведешь. А раз это так, то нет и нужды в поиске истины, достаточно «максимальной вероятности» виновности обвиняемого. Цель суда не поиск истины, а установление «вероятности» виновности обвиняемого, которая субъективно определяется обвинением.

Но и это еще не все. Вышинский утверждал, что объективные факты, их поиск и представление суду — дело излишнее. Человек может быть осужден на основе одной лишь вероятности фактов, подлежащих судебной оценке. Отсюда вытекает безграничный произвол, ибо доказать «вероятность» факта с помощью казуистики и софистики можно всегда. И следовательно — «доказать» виновность невинного человека, подвергнуть его любому наказанию вплоть до наказания смертью.

Однако и это не было пределом «теоретических» новаций Вышинского. Вопреки общепринятым юридической наукой постулатам, он заявлял, что объективные доказательства вины вообще не нужны, если подсудимый признался в инкриминируемых ему преступлениях. Поэтому задачей следствия и суда становилась необходимость вынудить обвиняемого признать свою вину. Как это делалось в каждом конкретном случае, мы не знаем. Но читателя судебных отчетов по процессам 30-х годов не может не поразить готовность почти всех обвиняемых признать любые возводимые на них преступления, даже самые невероятные.

Что это? Безразличие полностью сломленных людей к своей дальнейшей судьбе, которая к тому же была

им ясна однозначно? Или надежда на оправдание историей, которая не сможет согласиться с невероятными обвинениями? Или страх за близких, судьба которых находилась в руках карательных органов? Последняя мысль находит косвенное подтверждение в материалах процесса так называемого «право-троцкистского блока».

Один из обвиняемых — врач Л. Г. Левин, которому приписывались убийства В. Р. Менжинского и А. М. Горького,— на вопрос о том, почему он согласился на злодейское предложение Ягоды (которому инкриминировалась организация этих убийств в действительности), ответил: «Психологически я объясняю это какой-то трусостью, причем не за свою жизнь... Меня больше страшило то, что он (Ягода.— **Н. М.**) пригрозил разгромить мою семью». Может быть, и на других подсудимых давили таким же способом?

Ну а если подсудимый в чем-то все-таки не признается? Вышинский и в этом случае нашел «теоретическое» обоснование для его осуждения. В своей обвинительной речи на процессе по делу «право-троцкистского блока» он заявил: «Есть мнение среди криминалистов, что для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на каждое из преступлений. Но эта точка зрения неправильная (!). Она не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения. Для соучастия нужно общее, объединяющее соучастников данного преступления начало, общий преступный замысел... В этом деле, товарищи судьи,— налицо заговорщическая группа, агентура иностранных разведок, объединенная... единой для всех них преступной целью. Конкретные преступления, совершенные теми или другими преступниками,— это лишь частные случаи этого единого для всех подсудимых плана преступной деятельности».

Смысл этой тирады — в утверждении равной ответственности всех подсудимых, даже если они, принадлежа к преступному сообществу, не участвовали в преступлениях и не знали о них.

Чтобы закончить характеристику Вышинского и его роли в процессах, отмечу еще его исключительную грубость, неэтичность поведения по отношению к обвиняемым. Вот, например, как характеризует он Н. И. Бу-

харина: «Это лицемерная, лживая, хитрая натура. Этот благочестиво-хищный и почтенно-злой человек, эта, как говорил Максим Горький про одного из героев из галереи «Бывших людей»,— «проклятая помесь лисицы и свиньи».

И это не единичный пример. Вышинский не церемонился с людьми, которые находились в полной его власти.

Жесткое правосудие

Анализируя материалы процессов середины 30-х годов, нельзя избавиться от ощущения, что каждый из них — это поставленный умелым режиссером спектакль, в котором роли каждого действующего лица жестко определены заранее, трагический сюжет развивается по заданному плану, а финал предусмотрен задолго до его начала. Однако эти спектакли поставлены были отнюдь не талантливым режиссером. В них слишком много натяжек, абсурдностей, бездоказательности, юридических слабостей.

Объективные факты, доказывающие виновность обвиняемых. Их нет. Нет ни собственноручных записей, ни писем или записок, свидетельствующих о криминальных действиях подсудимых, нет истории болезни людей, которые были якобы убиты («залечены») преступниками-врачами, нет доказательств участия подсудимых в диверсионных и вредительских акциях. Нет ничего, кроме взаимных наговоров подсудимых и их личных «признаний» в совершенных преступлениях.

Свидетели. Их по сути тоже нет. Свидетелями на процессах выступают сопроцессники, свидетельствующие друг против друга. И все они — свидетели обвинения.

Редчайший случай «приглашения» свидетелей — это допрос бывших левых эсеров Камкова, Карелина, и «левых» коммунистов Яковлевой, Осинского и Манцева по эпизоду, связанному с обвинением Бухарина в покушении на жизнь Ленина, Сталина и Свердлова в 1918 г. Но эти свидетели, давно пребывавшие в заключении и находившиеся в полной власти организаторов процесса, не могли быть объективными.

Экспертиза. Она, не располагая никакими объективными материалами, дает заключения на основании самообвинений подсудимых. В результате ее выводы

целиком и полностью подтверждают обвинительную версию прокурора.

Защита обвиняемых. Она на этих процессах отсутствовала или почти отсутствовала. В частности, на процессе по делу «право-троцкистского блока» лишь трое подсудимых имели защитников. Остальные 18 от защиты отказались. Почему? Вероятно, не видели в ней смысла.

Таким образом, все принципы демократического правосудия были в этих случаях нарушены. Они велись в духе предвзятости и имели целью еще раз подтвердить безусловную виновность подсудимых и великую правоту тех, кто давно уже разглядел в них заклятых врагов социализма.

В выступлении государственного обвинителя на процессе 1938 г. говорилось: «Ровно год назад товарищ Сталин, анализируя недостатки нашей работы и указывая меры ликвидации троцкистских и иных двурушников, говорил: «Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей Родины. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений». Прошел год. На примере настоящего процесса мы видим, как глубоко прав был товарищ Сталин в своей оценке троцкистов и бухаринцев».

Как говорится, что и следовало доказать!

Справедливость восторжествует

После XX съезда КПСС Верховный Суд СССР, созданные ЦК КПСС и Верховным Советом СССР специальные комиссии развернули большую работу по реабилитации жертв репрессий, имевших место не только в 30-е, но и в 40-е и в начале 50-х годов. Честное имя было возвращено тысячам и тысячам людей. Многие из них были восстановлены в партии.

Однако уже во второй половине 60-х годов этот

процесс был заторможен. Реабилитация жертв репрессий была приостановлена. О самих репрессиях старались не упоминать. Когда же в связи с теми или иными юбилеями на страницах газет и журналов появлялись статьи и очерки о деятелях партии и государства, погибших в результате нарушения социалистической законности, дата их смерти обычно не упоминалась.

Ныне в соответствии с решениями XXVII съезда КПСС, октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК партии продолжен процесс реабилитации безвинно пострадавших. Работает комиссия Политбюро ЦК партии по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. Обстоятельно исследуют дела Прокуратура СССР, Верховный Суд СССР. Тщательно исследуются документы, проверяются и перепроверяются факты.

4 февраля пленум Верховного Суда СССР рассмотрел протест Генерального прокурора СССР по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова и Х. Г. Раковского, привлекавшихся к уголовной ответственности по делу «право-троцкистского блока» (март 1938 г.). Пленум единогласно принял постановление об отмене приговора и прекращении дела в отношении этих лиц за отсутствием в их действиях состава преступления.

Реабилитация имеет важные политические и идеологические последствия. Политические — в том смысле, что будет окончательно опровергнуто в какой-то мере сохраняющееся до сих пор представление о большой группе бывших лидеров нашей партии как уголовных преступниках, шпионах и агентах иностранных разведок, диверсантах и террористах. Ведь если поверить материалам судебных процессов 30-х годов, наша революция в значительной степени осуществлялась руками «врагов народа», уже тогда, в 1917—1918 гг., злоумышлявших против партии, против Ленина, против революции.

Опровержение результатов этих судебных процессов, явившихся способом расправы Сталина со своими политическими противниками, явится еще одним крупным шагом на пути утверждения «урока правды», про-

возглашенного XXVII съездом КПСС. Правда нужна нам как воздух. Слишком часто искажали мы историю, руководствуясь различными субъективными соображениями и «благими» целями. Мы не имеем права забывать завет Ленина, который писал: «Прикрывать неприятную правду добренькими словами — самая вредная и самая опасная вещь для дела пролетариата, для дела трудящихся масс. Правде, как бы она горька ни была, надо смотреть прямо в лицо. Политика, не удовлетворяющая этому условию, есть гибельная политика».

Аргументы и факты. 1988. № 7. С. 6—7; № 8. С. 4—5.

Н. Павленко

На первом этапе войны

Заметки военного историка

22-е число июньского календаря — особо памятная нам дата, неизбежно побуждающая к размышлению о минувшей войне, и прежде всего о крайне тяжелом, драматическом для нас ее начальном периоде. Воссоздание исторической правды требует вскрыть корни военных просчетов и неудач, через которые и вопреки которым советский солдат донес знамя Победы до Берлина.

Ни в одной области человеческой деятельности не стоит столь остро вопрос о качестве руководства людьми, как в вооруженной борьбе. Это обусловлено главным образом тем, что в такой борьбе за все приходится расплачиваться кровью — и за успехи, и за неудачи. Причем за неудачи, просчеты и ошибки зачастую более дорогой ценой, нежели даже за крупные достижения стратегического масштаба. Вот почему руководить войсками в боевой обстановке методом «проб и ошибок» не только недопустимо, но и преступно.

Как показывает военная история, максимально избежать просчетов можно лишь при высоком профессионализме командных кадров, глубоком знании ими боевого опыта и способов действий противника. Именно таких кадров и не хватало нам в начальный период войны. Массовые репрессии в вооруженных силах страны в 1937—1938 годах лишили ее более сорока тысяч командиров, политработников, военных инженеров и специалистов. «Без тридцать седьмого года,— отмечал в этой связи маршал А. М. Василевский,— возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел. ...Был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были пого-

ловно арестованы». Хотя в последующие годы урон, нанесенный кадрам, и был восполнен численно, в качественном отношении этого не произошло. Многие командные и штабные должности заняли недостаточно опытные и подготовленные люди. Оказавшись в тяжелейших условиях начального периода войны, они, естественно, допускали немало промахов.

Но надо признать и другое. Наиболее крупные ошибки, порой трагического характера, совершались в стратегическом звене руководства войсками. И многие из них — лично И. В. Сталиным, который, по оценке маршала Г. К. Жукова, и перед войной, и в начале ее имел весьма смутное представление о военном деле. Тем не менее на протяжении свыше полутора лет (начиная с весны 1941 года) он мало считался с мнениями военных специалистов, полагая себя единственным стратегом. Только суровая действительность осени 1942 года поубавила его амбиции полководца.

В нашей военно-исторической литературе нередко говорится о том, что в начале Великой Отечественной войны при создании чрезвычайных органов — Государственного Комитета Обороны (ГКО) и Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) — учитывался опыт периода гражданской войны. Есть, однако, основания считать, что чрезвычайные органы в этих войнах весьма сильно различались, равно как и методы их деятельности. Главной особенностью Совета Рабочей и Крестьянской Обороны времен гражданской войны было то, что он не заменял и не подменял собой органов партийных и правительственных. Принципиальные вопросы ведения боевых действий рассматривались тогда и на заседаниях Совнаркома, и на Политбюро и пленумах ЦК, и на съездах РКП(б). В Великую Отечественную никаких пленумов, а тем более съездов партии не проводилось, все кардинальные военные вопросы решались в ГКО, а если говорить точнее,— лично Сталиным. Поэтому трудно согласиться с утверждением, будто ГКО во главе со Сталиным имел прообразом Совет Рабочей и Крестьянской Обороны, находившийся под руководством В. И. Ленина, как сказано, например, в Военной энциклопедии (*см.* т. 2, стр. 622).

Существенно отличалась как по структуре, так и по методам работы от действовавшего в гражданскую войну Реввоенсовета Республики и Ставка Верховного

Главнокомандования. Это отличие восходит, с одной стороны, к специфическим особенностям обстановки, а с другой — к субъективным позициям и взглядам политических руководителей государства в обеих войнах.

Ленин, будучи главой правительства и Председателем Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, не считал возможным брать на себя функции руководства военным ведомством, а тем более обязанности главнокомандующего вооруженными силами. В годы гражданской войны главнокомандующими вооруженными силами страны являлись крупные военные специалисты — вначале И. И. Вацетис, затем С. С. Каменев, которые одновременно были и членами Реввоенсовета Республики. В своей практической работе они руководствовались директивами ЦК РКП(б), указаниями Ленина и Реввоенсовета. Главнокомандующие пользовались доверием Советского правительства и всецело посвящали свою деятельность руководству вооруженной борьбой. В их распоряжении находился Полевой штаб РВСР во главе с его начальником. И надо отметить, что подобная организация руководства фронтами в гражданскую войну полностью себя оправдала. Задачи, возникавшие перед вооруженными силами, решались обычно успешно и на высоком профессиональном уровне.

Сталин фактически отбросил опыт гражданской войны в области организации стратегического руководства вооруженными силами. Хотя в Ставке и числилось в разные периоды от шести до восьми членов, на деле в ней работали два-три человека. Вот как характеризовал деятельность Ставки, ее взаимодействие с ГКО Г. К. Жуков на встрече военных историков осенью 1966 года в редакции «Военно-исторического журнала», о чем сохранилась сделанная тогда запись: «Трудно было разобрать, где кончается Государственный Комитет Обороны и где начинается Ставка, и наоборот. Это происходило и потому, что Сталин был председателем Государственного Комитета Обороны и одновременно возглавлял Ставку Верховного Главнокомандования. Бывало, придешь к Сталину и не знаешь, куда ты прибыл: то ли на заседание ГКО, то ли на совещание в Ставку — одинаково ругали. На практике получалось так: Сталин — это Ставка и Государственный Комитет Обороны — тоже Сталин. Он командовал

всем, он дирижировал, его слово было окончательным и обжалованию не подлежало».

А вот как оценивал Ставку маршал А. М. Василевский: «За более чем 30-месячный период моей работы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном ее составе при Верховном Главнокомандующем ни разу не собиралась». По свидетельству Василевского, Сталин придавал мало значения принадлежности тех или иных военачальников к Ставке.

Как известно, в период Великой Отечественной войны Сталин занимал целый ряд важнейших партийных и государственных постов. Он являлся Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), председателем Совета Народных Комиссаров СССР, Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами и наркомом обороны СССР. Помимо того, ему отводились и другие высшие руководящие функции: возглавлять Транспортный комитет, почти ежедневно заниматься наркоматами, ответственными за производство вооружения и боеприпасов, решать с наркомами и конструкторами вопросы совершенствования военной техники и т. д. Естественно, такая перегрузка Верховного Главнокомандующего не могла не сказываться отрицательно на качестве его собственно военной деятельности, мешала ему вникать в сущность проблем. «Ежедневно решая сотни больших и малых дел,— вспоминал в беседе со мной бывший начальник Главного управления тыла Советской Армии А. В. Хрулев,— Сталин подчас давал самые противоречивые указания, взаимно исключающие друг друга. Поскольку обычно никаких стенограмм и протоколов при этом не велось, некоторые его распоряжения оставались невыполненными. Конечно, те, кто в силу различных причин рисковал идти на это, всегда имели наготове лазейку, чтобы свалить вину на другого...»

Оценивая качество стратегического руководства войсками в начальный период войны, мы вновь и вновь возвращаемся к ее кануну. Ведь тогда в числе различных тревожных факторов были и такие, с которыми просто нельзя было не считаться. Например, участившиеся перелеты немецкими самолетами наших границ и переброска на территорию СССР диверсионных и разведывательных групп. Или же массовое выселение германскими властями поляков из приграничных

районов, подвоз понтонных средств к рекам, выгрузка боеприпасов на грунт и снятие проволочных заграждений. Такого рода факты всегда служили сигналом о том, что до нападения врага остаются уже не недели, а дни и даже часы.

Исходя из ошибочной оценки намерений фашистского руководства, Сталин запретил советскому военному командованию выполнить необходимые мобилизационные мероприятия, осуществить перегруппировку войск в приграничных округах и привести их в боевую готовность. Контроль за строгим исполнением указаний Сталина возлагался на Берия и его аппарат.

Маршал Б. М. Шапошников, еще в бытность начальником Генерального штаба, на основе анализа исторических, географических и оперативно-стратегических факторов сделал вывод, что в случае войны с Германией ее командование будет наносить главный удар на смоленско-московском направлении. Этот вывод Сталин отбросил «с порога». Он заявил, что для ведения войны Германии нужен хлеб. Поэтому, мол, главный удар может быть нанесен на Украине. Понятно, что мнение Сталина стало директивным для нашего военного командования.

Весной 1941 года основные силы немецко-фашистской армии (в том числе три танковые армии из четырех) сосредоточились на рубежах к северу от Полесья. Стало очевидным, что главный удар противника последует все же через смоленские «ворота». Никто, однако, не рискнул докладывать Сталину о его просчете. Но «в рабочем порядке» решили перебросить часть сил с Украины в район Смоленска.

Многие важные проблемы, в том числе и новые способы ведения вермахтом боевых операций, «проглядели» и в результате кадровой чехарды в высших звеньях командования. Достаточно сказать, что только за один год — с лета 1940-го до лета 1941 года — трижды менялись начальники Генерального штаба: Б. М. Шапошникова сменил К. А. Мерецков, затем на эту должность был назначен Г. К. Жуков, которого вновь сменил Б. М. Шапошников. Подобные перемещения производились и в других высших военных органах. Все это затрудняло выработку новых подходов к стратегии и тактике вермахта, начинавшего боевые действия в Европе уже не частью сил, как это

было в первую мировую войну, а вводом в сражение сразу главных сил.

Как указывал впоследствии Жуков, для нас оказалась неожиданной ударная мощь немецкой армии. Неожиданностью было и шести — восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях. «Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны»,— подчеркивал маршал.

Допущенные ошибки и просчеты военно-стратегического характера вылились в крупные поражения Красной Армии летом 1941 года. В этой связи уместно напомнить известные слова Жукова: «Если бы войска приграничных округов были заранее приведены в полную боевую готовность, можно было нанести врагу в первые же дни войны более значительный урон, дольше задержать на западных оборонительных рубежах. Все это позволило бы более организованно вводить в действие подходившие части из внутренних военных округов». Иными словами, это означало бы срыв вражеского плана «молниеносной войны» не на рубежах Ленинграда, Москвы и Ростова-на-Дону, а намного западнее.

Немалый ущерб организации управления действующими фронтами в 1941 году наносили и личные качества Сталина, нередко проявлявшего раздражительность и даже истеричность. Сошлюсь на случай, рассказанный мне маршалом И. С. Коневым. 4 октября 1941 года в телефонном разговоре со Сталиным он просил разрешения отвести потерпевшие поражение войска на один из тыловых рубежей. К своему удивлению, вместо ответа по существу Конев услышал следующее, сказанное в третьем лице: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин — честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам...»

В результате тяжелой и изнурительной борьбы советским войскам удалось остановить противника на всем стратегическом фронте в конце 1941 года. Более того, нанести ему ряд поражений. Особенно крупных успехов они добились зимой 1941/42 года под Москвой и на западном направлении, где нанесли серьезное поражение группе армий «Центр».

Эти успехи решено было использовать для развития общего наступления. Сталин считал, что после битвы под Москвой враг в растерянности и для такого наступ-

ления «самый подходящий момент». 5 января 1942 года в Ставке Верховного Главнокомандования состоялось обсуждение наметок плана. Жуков высказался за то, чтобы вести более мощное наступление на западном направлении, усилив резервами фронты, а на других направлениях от наступательных действий воздержаться. По его свидетельству, против общего наступления возражал и присутствовавший на заседании председатель Госплана Н. А. Вознесенский, который аргументировал свои возражения острой нехваткой материальных средств и невозможностью одновременно обеспечить ими все фронты.

Фронты, конечно же, перешли к наступательным действиям, но нигде не удавалось достичь сколько-нибудь существенных результатов. «Сталин требовал от нас наступать,— отмечал Г. К. Жуков на упомянутой встрече 1966 года.— Он говорил: если у вас сегодня нет результата, завтра будет, тем более вы будете сковывать противника, а в это время результат будет на других участках. Конечно, эти рассуждения — младенческие... В итоге жертв было много, расход материальных средств большой, а общестратегического результата — никакого. А если бы имевшиеся у нас в то время силы и средства были использованы на западном направлении, то итог был бы иной».

В марте 1942 года состоялось новое совещание у Сталина, где обсуждался возможный характер действий Красной Армии на летний период. Ввиду превосходства противника и отсутствия «второго фронта» начальник Генерального штаба Шапошников в обстоятельном докладе предложил в ближайшее время ограничиться активной обороной. Основные стратегические резервы, не вводя их в дело, сосредоточить на центральном направлении и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, могли разыграться главные события. Рассматривая план командования юго-западного направления по развертыванию харьковской наступательной операции, Шапошников попытался обратить внимание на трудности ее организации. Как свидетельствует Жуков, Сталин, оборвав начальника Генштаба на полуслове, заявил: «Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника». Совещание закончилось указанием Вер-

ховного подготовить и провести в ближайшее время частные операции в Крыму, на харьковском направлении и в ряде других районов.

В соответствии с этим указанием на обширном фронте, простиравшемся от Баренцева моря до Крымского полуострова, организуется множество частных наступательных операций. Карельскому фронту ставится задача очистить от противника советскую территорию на своем участке и восстановить государственную границу. 7-я армия должна была захватить плацдарм по северному берегу реки Свирь. Ставятся также задачи деблокировать Ленинград, ликвидировать демянскую группировку врага, разгромить ржевско-вяземскую, орловскую и харьковскую группировки. На юге планируется операция по освобождению Крыма. Как видно из перечня этих задач, из разумного и взвешенного плана Генерального штаба получился, по сути, новый план, предусматривавший целый ряд разрозненных наступательных операций.

Большинство из них, будучи слабо обеспеченными в материально-техническом отношении, не достигло поставленных целей. Более того, операции на харьковском направлении и в Крыму завершились для нас катастрофически, что положило начало новым поражениям. В результате этих неудач, а затем и поражения наших войск под Воронежем противник захватил стратегическую инициативу и повел стремительное наступление к Волге и на Кавказ. Советским войскам пришлось приложить чрезвычайные усилия, чтобы задержать вражеское наступление в предгорьях Главного Кавказского хребта и на берегах Волги и Дона.

Поражения Красной Армии на южном крыле советско-германского фронта не могут быть объяснены особенностями обстановки, как это в какой-то мере служит оправданием наших поражений летом 1941 года. Главной причиной провала летней кампании 1942 года явилось ошибочное решение Верховного Главнокомандующего «подвесить» к стратегической обороне многочисленные частные наступательные операции на всех фронтах. Это привело к разбросу сил, преждевременному расходованию стратегических резервов, что заведомо обрекало сталинский план на неудачу.

В результате отступления советских войск к берегам Волги и предгорьям Кавказа на территории, временно оккупированной фашистами, оказалось более

80 миллионов человек. Страна лишилась крупнейших промышленных и сельскохозяйственных областей, производивших свыше 70 процентов чугуна, 58 процентов стали, 63 процента угля, 42 — электроэнергии, располагавших 47 процентами всех посевных площадей. Это означало, что отныне Советское государство могло использовать в войне с гитлеровской Германией и ее союзниками фактически лишь половину своего экономического потенциала.

К осени 1942 года появились первые признаки того, что стиль и методы стратегического руководства стали меняться. Сталин назначил заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова. Надо сказать, что и Жуков теперь уже не смотрел на Сталина как на воплощение мудрости и способного найти выход из самых трудных положений. Обогатившись опытом сражений, он смелее отстаивал перед Сталиным не только свои предложения, но и позиции Генерального штаба, что оказало благоприятное влияние на способы выработки решений.

Это стало заметно уже при подготовке контрнаступления под Сталинградом осенью 1942 года. Сталин гораздо более внимательно прислушивается в тот период к мнениям военных специалистов и помощников. Раньше же это случалось лишь в экстремальных, критических ситуациях, как, например, в период битвы под Москвой. Тогда, по свидетельству маршала Жукова, «он был весьма внимателен к советам, но, к сожалению, иногда принимал решения, не отвечающие обстановке. Так было с выводом в резерв 1-й ударной армии, с развертыванием наступления всех фронтов».

Говоря о тяжелейшем для нас первом периоде войны, нельзя не воздать должное мужеству и героизму советского солдата, показавшего беспримерные образцы стойкости и несокрушимости морального духа. Нельзя не воздать должное командирам и политработникам, славной плеяде советских полководцев и военачальников, сумевших в самые критические моменты сохранить боевую мощь армии, выправить стратегическое положение и обеспечить перелом в дальнейшем развитии событий.

В истории второй мировой войны было мало государств, которые смогли после крупных поражений начального этапа преодолеть ситуацию и выйти на победные рубежи. С учетом огромной разницы в усло-

виях ведения вооруженной борьбы к таким государствам относятся СССР и США. Конечно, степень тяжести нанесенных им ударов была крайне неодинакова. Но различным был и подход государственного руководства к причинам поражений.

В США к расследованию причин катастрофы в Пирл-Харборе приступили спустя десять дней после начала войны. Разумеется, американцам было несравненно проще решать такие задачи: боевые действия разворачивались вдали от их берегов. Важно другое: вскрылись просчеты и ошибки ответственных военных деятелей в Вашингтоне, а из отчетов комиссий были сделаны надлежащие выводы относительно военного строительства, улучшения управления вооруженными силами сверху донизу и т. д.

По-иному к причинам поражений Красной Армии в начале войны подошел Сталин. Чтобы отвести вину за них от себя, он и его ближайшее окружение организовали судилище. На основании сфальсифицированных приговоров была осуждена и казнена большая группа генералов. Среди них — командующий войсками Западного фронта Д. Г. Павлов, начальник штаба того же фронта В. Е. Климовских, командующий войсками 4-й армии А. А. Коробков и другие военачальники.

В условиях жесткого контроля за различного рода «разговорами» те военачальники, которые пытались разобраться в причинах поражений, попадали под подозрение и подвергались репрессиям. Так, за доверительные беседы с сослуживцами о возможных ошибках командования в стратегических вопросах крупный военный исследователь, автор капитального труда о стратегическом развертывании генерал В. А. Меликов был обвинен в «пораженчестве» и заключен в тюрьму, где и погиб.

Наряду с репрессиями за попытки анализа причин поражений усиленно распространялась версия о внезапности нападения врага и прочая полуправда. Но если во время войны и вскоре после нее замалчивание истины как-то объяснимо, то с развенчанием культа личности Сталина, казалось бы, правда о начальном периоде войны, об ответственности за промахи и неудачи должна быть сказана сполна. Однако еще и сегодня мы встречаемся с искаженными представлениями на этот счет не только в обыденном сознании,

но и в отдельных трудах по истории Великой Отечественной войны.

Характерно, что в некоторых из них старательно обходится слово «репрессии», заменяемое, как правило, более скромным — «обвинение». Так, во 2-м томе двенадцатитомной «Истории второй мировой войны 1939—1945» читаем: «В 1937—1938 гг. вследствие необоснованных обвинений из армии было уволено значительное количество командиров и политработников» (стр. 206). Далее указывается, что жалобы уволенных якобы были рассмотрены и ошибки в значительной степени исправлены, и нет даже намека на физическое уничтожение огромного числа командиров, на гибель ряда выдающихся полководцев. Текст обработан так, что тягчайшие преступления Сталина выглядят невинными ошибками.

Приведенный пример — типичное отражение так называемого «преодоления перекосов» в оценке культа личности, протаскивавшегося в военно-историческую науку в течение двух десятилетий, начиная с 1965 года. Приверженность многих исследователей утвердившимся в этот период схемам и стереотипам, неотмененные запреты на доступ к целому ряду источников и материалов — все это отбросило историографию Великой Отечественной войны далеко назад. Остается лишь сожалеть о том, что время потеряно, многие участники и свидетели событий ушли от нас, и самые существенные проблемы начального периода войны приходится изучать, по сути, заново.

Сейчас развертывается работа по созданию нового капитального труда по истории Великой Отечественной войны. С учетом печального опыта ряда прошлых исследований она должна вестись профессиональными историками. Хотелось бы, чтобы эта летопись трагических и героических дней военного лихолетья отразила всю правду истории. Такая задача может быть успешно решена лишь в том случае, если военные историки будут в отличие от прошлого руководствоваться не конъюнктурными поветриями, а подчинят свою исследовательскую работу воссозданию исторической реальности и извлечению из нее необходимых уроков.

Коммунист. 1988. № 9. С. 88—94.

Правда о «золотом веке» цен

Очень много сейчас разговоров о реформе цен. По сути — об их повышении. С другой стороны, люди постарше вспоминают, что вскоре после войны цены ежегодно снижались. То время даже именуют «золотым веком». Нельзя ли рассказать об этом?

Р. ШИМОНЕНКО
г. Ставрополь

Прежде всего хотелось бы напомнить вот о чем. После войны, перед отменой карточной системы, в нашей стране была проведена реформа розничных цен. В результате по сравнению с 1940 годом они выросли в среднем втрое (на продовольствие в 3,6 раза, непродовольственные товары — в 2,2 раза). А зарплата у рабочих и служащих за эти годы увеличилась лишь в полтора раза и составляла в 1946 году всего 48 рублей, в 1950-м — 64 рубля в месяц. К тому же ежегодно десятки миллиардов рублей из зарплаты приходились на подписку по государственным займам.

Жили люди в те трудные послевоенные годы бедно. Да, во многих магазинах продавались икра, другие деликатесы, но подавляющему большинству они были не по карману. Кажущееся изобилие на прилавках (да и то в основном лишь в крупных городах) было следствием низкой покупательной способности. Судите сами. Потребление мяса на душу населения составляло в 1950 году 26 килограммов (сейчас — более 62), молока и молочных продуктов — 172 килограмма (сейчас — 333). Тканей на душу приходилось лишь 16,5 квадратных метра (сейчас почти 38), верхнего трикотажа — 0,3 штуки (2,3), бельевого — 0,8 (4,6). Многие предметы культурно-бытового назначения считались роскошью.

Цены же в государственной торговле по мере восстановления хозяйства и роста производства товаров действительно снижались. Если их уровень в четвертом квартале 1947 года, когда были отменены карточки, принять за 100, то на 1 марта 1949 года их индекс составлял 71 процент, на 1 апреля 1954 года — 43. Но и при этом они более чем на треть превышали довоенный уровень. Следует отметить, что от снижений

цен выигрывали в большей степени люди с высокими по тем временам заработками.

Зарплата же в те годы практически замораживалась. К примеру, с 1950 по 1955 год она выросла в среднем лишь на 12 процентов при росте за то же время производительности труда в промышленности, строительстве и на транспорте в 1,4—1,5 раза.

Был еще один фактор, за счет которого в те годы снижались цены. Это — резкое ухудшение жизни в деревне, где тогда проживало свыше половины населения страны. В начале пятидесятых годов колхозники получали за свой труд в среднем лишь 16,4 рубля в месяц, то есть почти в четыре раза меньше, чем рабочие и служащие. Пшеницу закупали у колхозов по одной копейке (!) за килограмм при розничной цене на муку равной 31 копейке. Говядину брали за 23 копейки, а продавали в городах килограмм в среднем за 1,5 рубля. И подобных примеров можно привести много.

Вот она, правда о «золотом веке». Не был он таковым. Страна преодолевала тяжкий урон, нанесенный войной. Причем объективные трудности усугублялись субъективными, немалыми ошибками в экономической политике. Первоначальное крупное повышение цен, замораживание зарплаты, закупка продуктов на селе практически за бесценок позволяли снижать розничные цены в послевоенные годы. Можно ли идти этим путем сегодня? Ответ однозначен: нет!

Агитатор. 1988. № 1. С. 29.

Н. Зимарина

«Ленинградское дело»

«Ленинградское дело» — это серия дел, сфабрикованных против ряда видных партийных, советских и хозяйственных работников Ленинграда в конце 40-х — начале 50-х годов. В результате этой акции были осуждены и физически уничтожены многие руководители, которые выдвинулись накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Началом широкомасштабного «ленинградского дела» послужило анонимное письмо, пришедшее в ЦК ВКП(б) вскоре после Ленинградской X областной и VIII городской объединенной конференции ВКП(б), проходившей 25 декабря 1948 г. В письме сообщалось, что председатель счетной комиссии конференции А. Я. Тихонов, заведующий отделом тяжелой промышленности Ленинградского горкома, фальсифицировал результаты голосования, обманул делегатов конференции и ЦК партии, сообщив о единогласном избрании первого секретаря обкома и горкома П. С. Попкова, второго секретаря обкома Г. Ф. Бадаева и второго секретаря горкома Я. Ф. Капустина. Автор письма утверждал, что он сам и другие члены счетной комиссии видели множество зачеркнутых бюллетеней. (В действительности такие бюллетени были, но их было немного: против П. С. Попкова проголосовало 4 делегата, Г. Ф. Бадаева — 2, Я. Ф. Капустина — 15, председателя Ленгорисполкома П. Г. Лазутина — 2. Причины, которые побудили А. Я. Тихонова исказить результаты голосования, неизвестны, но это было грубым нарушением Устава партии.)

В начале февраля 1949 г. в Москву к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову был вызван А. Я. Тихонов. Затем 15 февраля на заседание Политбюро пригласили П. С. Попкова. В этот же день он, а также секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов и Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов были сняты со своих постов. 5 марта 1949 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об освобождении

Н. А. Вознесенского с поста заместителя Председателя Совета Министров и председателя Госплана СССР и от всех других руководящих должностей. Через несколько дней И. В. Сталин подписал решение о выводе Н. А. Вознесенского из состава Политбюро, а затем об исключении из членов ЦК ВКП(б).

Биографическая справка. Николай Алексеевич Вознесенский родился в 1903 г. в Тульской губернии. После смерти отца, мелкого служащего, был учеником столяра, рабочим типографии, в этот же период стал выполнять первые поручения большевиков.

В 1919 г. он был принят в члены РКП(б). С 1928 г. Н. А. Вознесенский — слушатель, а затем преподаватель экономического института красной профессуры. В эти годы началась научная деятельность Н. А. Вознесенского. В печати постоянно появлялись его теоретические статьи по вопросам социалистического планирования, организации труда, хозрасчета и другим коренным экономическим проблемам социализма. В 1935—1937 гг. Н. А. Вознесенский работал председателем Ленинградской городской плановой комиссии и заместителем председателя Ленгорисполкома.

В 1937 г. Н. А. Вознесенский — заместитель председателя Госплана СССР, с начала 1938 г.— председатель Госплана СССР. На этом посту он проработал более одиннадцати лет. В 1939 г. Н. А. Вознесенский был назначен заместителем, а в 1941 г.— первым заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР. Член ЦК ВКП(б) с 1939 г., в 1941 г. он становится кандидатом, а в 1947 г.— членом Политбюро ЦК ВКП(б).

В годы Великой Отечественной войны Н. А. Вознесенский входит в состав Государственного Комитета Обороны. Под его руководством велась разработка военно-хозяйственных планов, он руководил работой эвакуированных на восток наркоматов: авиационной, танковой промышленности, вооружения, черной металлургии, боеприпасов, а с 1943 г. входил в состав Комитета по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации. В послевоенный период Н. А. Вознесенский возглавил подготовку пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, а также перспективного Генерального плана на 15—20 лет.

В 1943 г. Н. А. Вознесенский был избран действительным членом Академии наук СССР. Свой последний и главный труд «Политическая экономия коммунизма» Н. А. Вознесенский заканчивал уже в ожидании ареста.

21 февраля 1949 г. состоялось объединенное заседание бюро, а 22 февраля — объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома партии. На них присутствовали Г. М. Маленков и член Оргбюро ЦК ВКП(б) В. М. Андрианов. С сообщением об антипартийных действиях А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и П. С. Попкова выступил Г. М. Маленков. Им приписывалась самовольная организация в Ленинграде в январе 1949 г. Всесоюзной оптовой ярмарки, которая якобы привела к разбазариванию государственных товарных фондов и нанесла материальный ущерб

государству. Надуманность этого обвинения была очевидна, тем не менее оно было использовано как основа для политической дискредитации руководства Ленинградской партийной организации.

Им были поставлены в вину: сепаратизм, противопоставление себя ЦК ВКП(б), намерение превратить парторганизацию Ленинграда в свою опору для борьбы с ЦК, создать Компартию РСФСР. По словам Г. М. Маленкова, руководство Ленинградской партийной организации знало о фальсификации итогов голосования на конференции и намеренно не сообщило об этом в ЦК ВКП(б).

Выступившие после Г. М. Маленкова участники пленума отметили целый ряд серьезных недостатков в работе обкома и горкома партии: нарушение принципа коллективности руководства, заседательскую суету, бюрократические методы работы, проявление зазнайства и нескромности. Надо сказать, что общий критический тон выступлений резко отличался от атмосферы предшествующей конференции. Тем не менее критика не давала оснований для обвинений в антипартийном уклоне и сепаратизме.

Пленум поддержал решение ЦК о снятии П. С. Попкова с занимаемых постов и объявил ему выговор.

Биографическая справка. Петр Сергеевич Попков родился в 1903 г. во Владимирской губернии в рабочей семье. В 1925 г. вступил в Коммунистическую партию. Был на хозяйственной, комсомольской, партийной работе. С 1928 г. он в Ленинграде.

В ноябре 1937 г. П. С. Попков становится председателем Ленинского райисполкома, с июля 1938 г.— первым заместителем председателя, а в 1939—1946 гг.— председателем Ленгорисполкома. С 1 июля 1941 г. П. С. Попков — член комиссии по вопросам обороны Ленинграда. Ему принадлежит видная роль в организации обороны города в годы войны.

Особую роль сыграл П. С. Попков в эвакуации населения и промышленности, перестройке предприятий на военный лад, в строительстве оборонных сооружений, прокладке ледовой «Дороги жизни», продовольственном снабжении города. Он возглавил работу чрезвычайной противоэпидемической комиссии, обеспечившей санитарное и эпидемиологическое благополучие города.

В 1946 г. он сменил А. А. Кузнецова на посту первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Тогда же П. С. Попков стал членом Президиума Верховного Совета СССР.

Были сняты с работы и строго наказаны также некоторые другие ответственные работники, а А. Я. Тихонов исключен из партии.

Первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) пленум избрал В. М. Андрианова, канди-

датура которого была предложена Г. М. Маленковым. Свою главную задачу новый первый секретарь видел в том, чтобы очистить Ленинградскую парторганизацию от «антипартийных деятелей». Ленинградский историк В. Кутузов на основе документов и свидетельств пишет, что в июне 1949 г. в Ленинград по просьбе Андрианова прибыла группа работников, которые были назначены на все ключевые посты в партийном и советском аппаратах города.

Были отстранены от работы и исключены из партии большинство партийных, советских, комсомольских и профсоюзных работников. Полностью обновлен аппарат областного и городского комитетов партии, исполкомов областного и городского Советов, обкома и горкома ВЛКСМ, облсовпрофа, заменены руководители районного звена, предприятий, учреждений, вузов. Всего в 1949—1951 гг. в Ленинграде сменилось более 2 тыс. руководящих работников. Сотни коммунистов были исключены из партии за «связь с Кузнецовым, Попковым, Лазутиным, Капустиным», за то, что не написали разоблачительных заявлений об их враждебной деятельности.

Но это была лишь одна сторона так называемого «ленинградского дела». Его организаторам было недостаточно разгромить Ленинградскую партийную организацию и политически дискредитировать ее руководителей. Параллельно началась подготовка к политическому уничтожению и физической расправе над ними.

Как сообщил бывший тогда Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко на собрании партийного актива Ленинграда 6 мая 1954 г., «ленинградским делом» с санкции Сталина занимался заместитель Председателя Совета Министров СССР Берия. Непосредственное осуществление акции взял на себя Абакумов, в то время министр государственной безопасности.

Первой жертвой сфабрикованного дела стал второй секретарь Ленинградского ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустин. 23 июля 1949 г. по приказу Абакумова он был арестован без санкции прокурора. Я. Ф. Капустину предъявили обвинение в шпионаже в пользу английской разведки. Допросы вел сам Абакумов.

В августе 1949 г. последовали аресты А. А. Кузнецова и П. С. Попкова, а затем Н. А. Вознесенского,

М. И. Родионова, П. Г. Лазутина и других бывших руководящих работников Ленинграда.

Арестованным было предъявлено обвинение в измене Родине, в том, что они проводили «вредительски-подрывную работу в партии», намереваясь превратить Ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с ЦК ВКП(б), вели подрывную работу в государственных органах, нарушали государственные планы и т. д. В ходе следствия арестованных заставляли «признаваться» в «преступлениях», которых они никогда не совершали.

В сентябре 1950 г. в Ленинграде состоялся судебный процесс выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Сведений об этом процессе в печати не было, однако на нем присутствовали представители партийного актива города. В последнем слове на судебном процессе Н. А. Вознесенский сказал: «Я не виноват в преступлениях, которые мне предъявляются. Прошу передать это Сталину». Еще более решительно и определенно высказался А. А. Кузнецов: «Я был большевиком и останусь им, какой бы приговор мне ни вынесли, история нас оправдает...»

Биографическая справка. Алексей Александрович Кузнецов родился в 1905 г. в городе Боровичи в семье рабочего. В 1922 г. он — рабочий на лесопильном заводе. С 1924 г.— на руководящей комсомольской работе в Боровичах, Луге, Ленинграде. В 1925 г. он стал членом партии.

С 1930 по 1946 г. жизнь А. А. Кузнецова связана с Ленинградом. В 1932 г. он — инструктор Ленинградского горкома ВКП(б), в 1936 г.— секретарь Смольнинского, а затем Дзержинского райкомов партии. В 1937 г. А. А. Кузнецов становится вторым секретарем Ленинградского областного, а в 1938—1945 гг. также и городского комитета партии, с 1939 г.— член ЦК ВКП(б).

В годы Великой Отечественной войны А. А. Кузнецов был одним из руководителей и организаторов героической обороны города и разгрома немецких захватчиков под Ленинградом.

В 1945—1946 гг. А. А. Кузнецов возглавлял Ленинградскую партийную организацию.

В марте 1946 г. А. А. Кузнецов становится секретарем ЦК ВКП(б), вводится в его Оргбюро, назначается начальником Управления кадров ЦК партии.

Без глубокого изучения материалов следствия суд приговорил к смертной казни шестерых обвиняемых: Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, М. И. Родионова, Я. Ф. Капустина и П. Г. Лазутина. Остальные обвиняемые были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Однако на этом «ленинградское дело» не закончилось. В течение 1950—1952 гг. Военной Коллегией

Верховного Суда СССР и Особым совещанием при МГБ были осуждены и приговорены к расстрелу и длительным срокам тюремного заключения свыше 200 партийных и советских работников Ленинграда, а также их близкие и дальние родственники. К высшей мере наказания были приговорены второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Г. Ф. Бадаев, председатель исполкома Ленинградского областного Совета И. С. Харитонов, секретарь Ленинградского горкома П. И. Левин, первый секретарь Куйбышевского РК ВКП(б) М. А. Вознесенская (сестра Н. А. Вознесенского), уполномоченный МГБ по Ленинградской области П. Н. Кубаткин и другие. Было заменено все руководство чекистов Ленинграда, командный и политический состав ЛВО, Ленинградской милиции.

В ходе последовавшей серии судов были репрессированы бывшие ленинградцы: председатель Госплана РСФСР М. В. Басов, второй секретарь Мурманского обкома партии А. Д. Вербицкий, первый секретарь Крымского обкома Н. В. Соловьев и многие другие.

«Ленинградское дело» можно расценивать как политическое звено в цепи мер, направленных на упрочение культа личности И. В. Сталина, сложившегося в 30-е годы. Ленинградская партийная организация стала главной мишенью репрессий конца 40-х — начала 50-х годов не случайно. Слова «Ленинград», «ленинградцы» для каждого советского человека стали символом мужества и стойкости, преданности Родине и социализму. Удар по Ленинградской партийной организации был рассчитан на подавление выросшего в годы войны чувства самоуважения народа, несовместимого с идеологией культа личности. Репрессии были направлены не только против лиц, обвиненных по «ленинградскому делу», но и на устрашение тех сил в партии, которые могли выступить за восстановление ленинских принципов партийного и государственного руководства.

После смерти И. В. Сталина и разоблачения в 1953 г. Берии ЦК КПСС провел проверку «ленинградского дела». 30 апреля 1954 г. Верховный Суд СССР реабилитировал всех обвинявшихся по этому делу, в том числе многих посмертно. А Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС восстановил их в партии и подтвердил членство в КПСС Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова и Я. Ф. Капустина.

Аргументы и факты. 1988. № 17.

В. Глотов

О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 50-х — первой половине 80-х годов

Осуществление задач перестройки, ее второго этапа диктует необходимость вновь и вновь обращаться к историческому опыту партии, чтобы яснее увидеть как истоки наших достижений, так и корни различного рода негативных тенденций и процессов. Материалы 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, документы февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС дали новые принципиальные ориентиры для постижения богатства нашего исторического опыта, уточнили направления его исследования.

Основной вопрос марксистско-ленинской методологии исторических исследований — и на это вновь было обращено внимание в выступлении М. С. Горбачева на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС — заключается в том, чтобы «написать правдивую и полную историю, которая была бы историей жизни и борьбы народа» [1]. Речь идет о том, чтобы ярко показать, как жили и трудились, во что верили миллионы людей. Все более актуальным становится изучение этапа, который непосредственно предшествует современности, анализ того, как вызревали предпосылки перестройки, как настоятельная потребность в ее осуществлении все более широко осознавалась в партии и в стране. Этой проблематике уже был посвящен ряд научных дискуссий [2].

Есть смысл сразу оговорить хронологические рамки периода, о котором пойдет речь. В ходе дискуссии по проблемам периодизации на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» уже было высказано предложение рассматривать 1956—1985 гг. как один из этапов

[1] *Горбачев М. С.* Революционной перестройке — идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года. Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988, с. 11.

[2] См. Вопросы истории КПСС, 1988, № 1, с. 128—134; № 2, с. 110—133.

развивающегося социализма [3]. Оно представляется справедливым, ибо состоявшийся в 1956 г. XX съезд КПСС ознаменовал собой такой рубеж в истории партии и страны, когда суть момента стали определять поиски путей совершенствования социализма с учетом кардинальным образом изменившихся внутренних и внешних условий. Правда, эти поиски велись не всегда последовательно и целеустремленно. Иной раз допускались необоснованные импровизации и решения субъективистского толка. Подчас эти поиски искусственно сдерживались. На определенном отрезке времени, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «не только в силу объективных факторов, но и причин прежде всего субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались» [4]. Но и в годы, которые принято называть «застойными», поиск путей совершенствования социализма, его обновления не был полностью остановлен.

В рамках исследуемого периода видятся два этапа. Рубежом между ними можно считать начало 70-х годов.

Первый этап характерен тем, что поиски путей обновления общественной жизни, различных ее сторон доминировали в практической деятельности партии. Главное в том, что атмосфера поиска способствовала усилению политической и трудовой активности советских людей, утверждению творческих начал в нашей жизни, более полному раскрытию созидательного потенциала социализма.

К концу 60-х годов темпы преобразований в стране замедлились. Но и тогда экономическая реформа середины 60-х годов, другие позитивные начинания еще приносили положительные результаты. Поэтому было бы, очевидно, правомерным отнести вторую половину 60-х годов к первому этапу рассматриваемого периода.

В рамках данного этапа особое место занимает октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС. Тогда, как

[3] См. *Барсуков Н. А.* О переломных рубежах, основных периодах и этапах истории КПСС.— Вопросы истории КПСС, 1987, № 6, с. 101. См. также Вопросы истории КПСС, 1987, № 7, с. 54; № 9, с. 84; № 12, с. 80.

[4] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля — 6 марта 1986 года, Стенографический отчет. [В 3-х т.] Т. 1, М., 1986, с. 24.

известно, произошла смена руководства партии и страны. События, связанные с этим Пленумом и последовавшими за ним процессами, важно рассматривать диалектически, не впадая в ту или иную крайность. Его решения отражали стремление партии «добиться известной стабилизации в политике, придать ей реалистические черты и основательность» [5].

В середине 60-х годов перед партией и страной встала альтернатива — либо, избавившись от субъективистских и волюнтаристских подходов, последовательно и на научной основе продолжать курс, начало которому положил XX съезд КПСС, проводить необходимые существенные преобразования в духе назревших требований времени, либо идти по пути частичного совершенствования экономического механизма и политической системы общества, не затрагивая глубинных факторов, тормозивших прогресс страны. К сожалению, развитие событий пошло по тому пути, который неизбежно вел к свертыванию процесса демократизации, к консервации переставших отвечать требованиям времени элементов общественных отношений. Это стало особенно заметно в конце 70-х — начале 80-х годов, что и было отмечено в материалах XXVII съезда партии, последующих пленумов ЦК КПСС, в других партийных документах.

Встает вопрос: что же предопределило развитие событий по этому пути? В поисках ответа на него в статье и предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты теоретической и практической работы КПСС во второй половине 50-х — первой половине 80-х годов.

* *
*

Углубляя анализ недавнего прошлого, данный XXVII съездом партии, январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС большое внимание уделил оценке положения в области теории. При этом было подчеркнуто, что «степень осознания жизненных проблем и противоречий, общественных тенденций и перспектив во многом зависела от состояния и развития теоретической мысли,

[5] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 28.

от существовавшей атмосферы на теоретическом фронте» [6].

Такая постановка проблемы не случайна. На протяжении десятилетий некоторые идеи классиков марксизма-ленинизма, касающиеся материалистического понимания истории, толковались односторонне и упрощенно. Дело нередко изображалось таким образом, что социалистическая действительность чуть ли не автоматически будет способствовать формированию новых прогрессивных идей, которые, в свою очередь, будут без всяких проблем овладевать массами и становиться «материальной силой». Возможность тормозящего воздействия устаревших идей и представлений на ход общественного развития, по существу, не рассматривалась.

Было бы, конечно, ошибкой недооценивать значение предпринимавшихся в разное время попыток по-новому подойти к решению важнейших теоретических вопросов. Вывод XX съезда КПСС о возможности предотвращения мировой войны в новых исторических условиях сегодня в еще большей мере, чем когда-либо, актуален, играет первостепенную роль в формировании и реализации внешнеполитического курса КПСС и Советского государства. Важное значение имел и сформулированный тогда же вывод о расширении возможностей для мирного перехода народов различных стран к социализму.

Эти и ряд других выводов характерны тем, что партия смело отказалась от устоявшихся в течение десятилетий представлений, которые перестали отвечать новым историческим условиям, творчески, с учетом новых реалий подошла к оценке обстановки. В партийных решениях, в трудах обществоведов в конце 50-х — начале 60-х годов были подвергнуты критике отдельные, явно противоречившие действительности положения (например, о перспективах развития колхозной собственности, о товарно-денежных отношениях при социализме). Но представления о социализме и путях его перерастания в коммунизм не выходили за рамки тех нередко умозрительных стереотипов и схем, которые сложились еще в 30-е — начале 40-х годов. Это в значительной мере оказалось характерным и для той редакции третьей Программы партии, которая была принята XXII съездом КПСС. И в том, что стратегическая

[6] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. М., 1987, с. 8.

задача партии — построение коммунистического общества — была перенесена в плоскость непосредственной практики, несомненно, сыграли свою роль и существовавшие десятилетиями представления о социализме как относительно непродолжительном периоде, на протяжении которого осуществляется поступательное развитие общества по пути к коммунизму. При этом решение задач строительства коммунизма мыслилось главным образом в рамках уже существовавших форм политической и экономической организации общества. Какие-либо новые формы его организации предложены не были. Это стало следствием недооценки богатства и многообразия ленинских идей о социалистическом самоуправлении, о кооперации, о хозрасчете и товарно-денежных отношениях, многих других компонентов ленинской концепции социализма.

На практике подобная недооценка вела к различным субъективистским импровизациям, выразившимся, в частности, в упразднении промысловой кооперации в конце 50-х годов, в не оправдавшей себя передаче ряда функций государственных органов общественным организациям в начале 60-х годов и т. д.

Жизнь, однако, все более настоятельно требовала отказа от умозрительных представлений о перспективах общественного развития, властно диктовала необходимость творческого анализа состояния дел в обществе. В конце 60-х — начале 70-х годов стало ясно, что без корректировки имевшихся к тому времени представлений о социализме и перспективах его развития было бы трудно рассчитывать на успешное решение экономических и социальных задач.

Это предопределило поиск ответа на многие вопросы в рамках концепции развитого социализма. Ее выгодно отличало от предшествовавших теоретических построений и более реалистическое представление о социализме как об относительно длительном историческом этапе, и то, что при ее разработке предпринимались более тщательные попытки проанализировать процессы развития общества в данный конкретный момент. Но эти процессы рассматривались лишь под одним углом зрения — что достигнуто в сравнении с прошлым. Сопоставления же имевшихся достижений с возможностями социализма, анализа того, насколько эффективно они используются, сделано не было.

Показательна в этом смысле статья Л. И. Брежнева

«Исторический рубеж на пути к коммунизму», опубликованная в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1977 г., вскоре после празднования 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В ней утверждалось: «...**В СССР теперь построен развитой социализм, то есть достигнута такая ступень, такая стадия зрелости нового общества, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах.** Полный простор для действия законов социализма, для выявления его преимуществ во всех сферах общественной жизни, органическая целостность и динамизм социальной системы, ее политическая стабильность, несокрушимое внутреннее единство — таковы важнейшие отличительные признаки развитого социалистического общества» [7]. И это утверждалось в условиях, когда негативные явления в различных областях жизни видны были уже достаточно отчетливо.

Такой подход не оставлял места для анализа трудностей и противоречий, для раскрытия корней и природы негативных явлений. Не могло это, разумеется, не сказаться и на состоянии разработки соответствующих проблем учеными-обществоведами [8].

В результате не только консервировались устаревшие представления о социализме, но и упускались из виду многие стороны ленинской концепции социализма, которые по ряду причин десятилетиями оставались вне поля зрения исследователей. Так, весьма ограниченно, а нередко и искаженно толковались ленинские идеи о социалистическом распределении по труду. Все богатство ленинского учения о кооперации, идеи Ленина о строе «цивилизованных кооператоров» было сведено к идее о необходимости коллективизации сельского хозяйства, о развитии колхозного строя. Практически запретным оставался для исследователей вопрос о том, насколько полностью и последовательно реализованы ленинские

[7] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., 1978, с. 627.

[8] На страницах журнала «Вопросы философии» (1987, № 12) возникла полемика между Р. И. Косолаповым и А. П. Бутенко. В ходе ее оба они пытаются выявить «вклад» друг друга в формирование концепции развитого социализма в том виде, в каком она существовала до середины 80-х годов, а заодно преуменьшить степень своего участия в этом деле. Представляется, однако, что их работы по проблематике развитого социализма, если оценивать их с позиций сегодняшнего дня, отличались в трактовке данного вопроса лишь нюансами.

идеи о социалистической государственности и социалистическом народовластии, о богатстве его форм, о необходимости обеспечения активного и сознательного участия широких масс трудящихся в управлении делами государства и общества и т. д. Тем самым создавалась обстановка, когда поиск путей совершенствования социализма мог вестись только в рамках устаревших представлений. Многие же работы, в которых содержались нестандартные оценки событий, встречали настороженное отношение в редакциях и издательствах.

Были принижены прогностические функции общественных наук. На это, как и на ряд других негативных проявлений в обществоведении, обращалось внимание в партийных документах. В принятом в 1967 г. постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» отмечался дефицит разработки фундаментальных теоретических проблем, всесторонне раскрывающих механизм общественного развития, недостаточная глубина и качество исследований по вопросам философии, политэкономии, истории КПСС. «Многие работы,— подчеркивалось в этом документе,— не содержат новых выводов, обобщений и рекомендаций, имеющих серьезное теоретическое и практическое значение» [9]. И хотя были приняты меры, призванные активизировать творческие поиски обществоведов (образован ряд новых институтов в системе Академии наук, в том числе Институт социологических исследований, Институт США и Канады, Институт Дальнего Востока, Институт научной информации по общественным наукам, проведены дискуссии на научных совещаниях и на страницах журналов), заметных перемен к лучшему не наступило. Более того, в условиях нараставших негативных явлений в 70-е годы разрыв между выводами ученых-обществоведов и потребностями практики стал увеличиваться.

Ситуация усугублялась еще и тем, что, как отмечает Г. Л. Смирнов, «в стране не было создано постоянной деловой потребности в исследовательской продукции обществоведов, а у практических, политических работников не были сформированы вкус и умение использовать научные рекомендации в интересах дела» [10].

---

[9] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11. 9-е изд., доп. и испр. М., 1986, с. 240.

[10] *Смирнов Г. Л.* Революционная суть перестройки. Социально-философский очерк. М., 1987, с. 39.

Неоднозначные процессы происходили в рассматриваемый период в историко-партийной науке. Решения XX съезда КПСС благотворно повлияли на ее развитие. Историки партии отказались от многих неверных схем книги «История ВКП(б). Краткий курс», которые сдерживали творческий поиск в науке. Существенно обогатилась источниковая база исследований — вышли в свет новое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Полное собрание сочинений В. И. Ленина. Переизданы протоколы и стенографические отчеты многих партийных съездов и конференций, печатались сборники документов. Значительно расширился доступ исследователей к архивным материалам.

Опыт партийного руководства социалистическим строительством стал раскрываться все более конкретно и многопланово. Предметом анализа исследователей стали и допускавшиеся ошибки в ходе решения тех или иных задач. Реабилитация людей, невинно пострадавших от репрессий, связанных с культом личности, дала возможность вернуть истории имена большого числа видных деятелей партии, раскрыть их вклад в борьбу за победу социалистической революции и построение социализма.

Для развития историко-партийной науки, как и исторической науки в целом, особое значение имело состоявшееся в 1962 г. Всесоюзное совещание историков. На нем были высказаны соображения об основных направлениях историко-партийных исследований и путях преодоления последствий культа личности, проблемах подготовки кадров, совершенствовании организации исследований. Отмечалась, в частности, важность изучения опыта перехода РКП(б) от политики «военного коммунизма» к нэпу, причем это было охарактеризовано как долг историков партии перед международным коммунистическим движением [11]. Более детально вопросы историко-партийных исследований обсуждались на специальной секции.

В целом совещание, в котором участвовали видные историки, и среди них академики Е. М. Жуков, И. И. Минц, М. В. Нечкина, Б. Н. Пономарев, Б. А. Рыбаков, С. Д. Сказкин, помогло определить приоритетные направления и перспективы развития исторических ис-

[11] См. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, 18—21 декабря 1962 г. М., 1964, с. 26

следований, нацелило научные коллективы на творческий подход к анализу важнейших проблем, создание в исторической науке атмосферы состязательности и творческих дискуссий. Однако историкам партии не удалось при анализе ряда проблем избавиться от конъюнктурщины и комментаторства. Так, в течение ряда лет, вплоть до октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, период, связанный с деятельностью Н. С. Хрущева на посту Первого секретаря ЦК, показывался почти исключительно в позитивных аспектах, а в 1963—1964 гг. получил даже распространение термин «великое десятилетие». В то же время при анализе предшествующих лет оставались в тени многие позитивные стороны накопленного опыта.

Во второй половине 60-х годов в историко-партийной науке были предприняты попытки избавиться от этих конъюнктурных наслоений. Но уже тогда начали действовать факторы, которые особенно негативно сказались на развитии историко-партийной науки в 70-е и в первой половине 80-х годов. Под предлогом недопущения «очернительства» от исследователей стали требовать, чтобы они не заостряли внимание на допускавшихся в разное время ошибках и недостатках [12].

На практике такая постановка привела сначала к беспроблемному освещению событий и сведению роли историко-партийной науки во многом лишь к комментированию партийных решений, а впоследствии — к появлению новых «белых пятен» в истории, в том числе относящихся к 50-м и первой половине 60-х годов. Не удалось преодолеть до конца и обезличивание истории партии. Более того, в числе тех, чьи имена упоминать стало «не принято», попали многие руководители конца 50-х — начала 60-х годов.

Возможности для доступа исследователей к архивным источникам опять стали ограничиваться, а количество публикаций документальных материалов резко уменьши-

[12] Характерна в этом отношении опубликованная в 1969 г. в журнале «Коммунист» статья В. Голикова, С. Мурашова, И. Чхиквишвили, Н. Шатагина, С. Шаумяна «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС», авторы которой, справедливо выступая против раздувания ошибок, допускавшихся в ходе социалистического строительства, призывали исследователей вместе с тем исходить лишь из того, что «это были ошибки в практической работе по осуществлению правильной, научно обоснованной генеральной линии партии» (Коммунист, 1969, № 3, с. 70). Такой подход во многих случаях не исчерпывает всей диалектики строительства нового общества.

лось. В историко-партийных трудах вновь усилились проявления догматизма, цитатничества и комментаторства. Недооценка значения как позитивного, так и негативного исторического опыта стала одним из существенных недостатков историко-партийной науки.

Имели место и факты администрирования, в частности в связи с попытками ряда ученых в конце 60-х — начале 70-х годов осуществить так называемое «новое прочтение» ленинских оценок, характеризующих особенности развития капитализма и революционного процесса в России. Высказанные на сей счет сторонниками «нового направления» доводы представляются во многом не бесспорными. Но вместо организации серьезной научной дискуссии на страницах исторических изданий в ход пошли запреты и организационные меры, что в значительной степени усложнило весь процесс разработки соответствующих проблем.

Что же касается освещения в историко-партийных трудах опыта деятельности КПСС в 60—70-е годы, то исследователей ориентировали, по существу, на то, чтобы любой вопрос рассматривался ими через призму тезиса о развитом социализме как о высшем достижении общественного прогресса. И хотя исследователи немало сделали для изучения и обобщения накопленного положительного опыта, в целом историко-партийная наука оказалась не на высоте положения, поскольку не смогла раскрыть негативные тенденции и противоречия, не проанализировала действие механизма торможения, а нередко способствовала лакировке действительности.

Уроки отсюда очевидны. Они прежде всего диктуют необходимость постоянно сверять теоретические положения с жизнью, видеть, насколько они отвечают ее потребности. Опыт прошедших десятилетий показывает, как важно различать грань, за которой забота о чистоте марксистско-ленинского учения переходит в начетничество и догматизацию тех или иных положений классиков. Не менее важно, разумеется, понимать, за какой гранью забота о творческом развитии марксистско-ленинского учения оборачивается выхолащиванием его сущности.

Опыт недавнего прошлого говорит также о том, насколько необходимо создание в обществе в целом и в общественных науках в частности обстановки творческих дискуссий, в ходе которых обеспечивается поиск оптимальных путей совершенствования социализма.

* *
*

Состояние теоретической мысли, анализа исторического опыта, процессов современного развития и перспектив не могло не сказаться на степени эффективности партийного руководства обществом. Речь идет о полноте анализа происходящих процессов, о правильном выявлении приоритетных направлений, о последовательности и целенаправленности в действиях. Речь идет и о том, насколько учитывается в практике руководства своеобразие каждого этапа, его преемственность с предыдущим и одновременно качественное отличие. «...Вся трудность задачи, которая ложится на нас, вся трудность политики и все искусство политики,— говорил В. И. Ленин в 1920 г.,— состоит в том, чтобы учесть своеобразные задачи каждого такого перехода» [13], имея при этом в виду этапы развития социализма.

Чем больше мы удалялись от времени, связанного с деятельностью Ленина, тем меньше готовых ответов на конкретные вопросы развития общества можно было найти в его трудах. Ленин не ставил перед собой задачи предвидеть весь конкретный ход событий на 40—50 лет вперед. Состояние же теоретической мысли не позволяло дать ответ на многие вопросы. В результате создалось положение, так охарактеризованное в 1983 г. Ю. В. Андроповым: «...Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» [14].

И преобразования, осуществленные в середине и второй половине 50-х годов, и преобразования середины 60-х годов отвечали назревшим потребностям общественного развития. Если вести речь о преобразованиях 50-х годов, то они объективно и субъективно были направлены на ослабление изжившей себя командно-административной системы управления экономикой, как, впрочем, и преобразования 60-х годов.

В ходе проведения преобразований в 50-е годы и в экономике, и в других сферах общественной жизни упор

---

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 104.

[14] *Андропов Ю. В.* Избранные речи и статьи. 2-е изд., М., 1983, с. 294.

делался главным образом на изменения организационно-структурного характера, хотя их социально-экономическая сущность нередко выходила за рамки таковых. В одних случаях преобразования себя оправдали. Это касается, например, реорганизации МТС. В других случаях приходилось сталкиваться с негативными последствиями, как это произошло при создании совнархозов.

Опыт преобразований, осуществленных во второй половине 50-х годов, дает основание утверждать, что при их проведении не было должной последовательности и целенаправленности. Не было и ясного представления о том, какие направления работы являются приоритетными. Это опять же может объясняться во многом тем, что задачи, обусловленные потребностями нового этапа развития социализма, пытались решить исходя из переставших отвечать требованиям времени теоретических представлений о социализме. Но такой подход вносил элемент стихийности в решение ключевых проблем развития общества.

В середине 60-х годов понимание того, что решающим звеном в цепи взаимосвязанных задач совершенствования социализма является экономика, в руководстве партии и страны было. Было и понимание необходимости эффективнее использовать экономические законы социализма, усилить внимание к вопросам интенсификации экономики, ускорения научно-технического прогресса. Об этом свидетельствует сама направленность экономической реформы 1965 г., осуществлявшейся в соответствии с решениями сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, об этом же свидетельствует и характер мер по обеспечению развития сельского хозяйства, принятых в соответствии с решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС.

О понимании необходимости изменить подходы к вопросам развития экономики говорит и поставленная XXIII съездом КПСС задача «улучшать руководство экономикой страны на основе неуклонного осуществления решений партии о совершенствовании планирования, экономического стимулирования производства, расширения инициативы и хозяйственной самостоятельности предприятий, повышения материальной заинтересованности трудящихся в результатах их труда» [15].

[15] Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, с. 232.

Об этом же, наконец, говорит и содержавшееся в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии положение о необходимости **«органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства,** шире развить свои, присущие социализму, формы соединения науки с производством» [16]. Практика показала, однако, что одного понимания необходимости тех или иных преобразований мало. Важно видеть и конкретные пути их осуществления. Требуется и необходимая воля, настойчивость в осуществлении намеченных задач. Всего этого и не хватило ни в 50-е, ни в 60-е годы. М. С. Горбачев, характеризуя причины неудач реформ, предпринимавшихся в 50-е годы, отметил, что они «не опирались на широкое развертывание процессов демократизации» [17]. Эта оценка справедлива и по отношению к реформам середины 60-х годов. Когда в процессе осуществления реформ — как в первом, так и во втором случае — были уже во многом исчерпаны «видимые» возможности, лежавшие на поверхности резервы, темпы экономического и социального развития страны стали замедляться.

В первой половине 60-х годов возникавшие проблемы пытались решать путем субъективистских импровизаций, инициатором которых нередко выступал Н. С. Хрущев. Эти импровизации, как бы ни отличались они друг от друга, сводились в своей сути к одному — упованию на эффект организационных перестроек. «Венцом» такого подхода стали решения ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС, в соответствии с которыми структура партийных и советских органов на местах перестраивалась по так называемому производственному принципу. Они были приняты вопреки мнению многих членов Центрального Комитета партии, не всем

---

[16] XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет, В 2-х т. Т. I, М., 1971, с. 82.

[17] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 28.

из которых хватило, однако, принципиальности [18].

Упование исключительно на эффект организационных перестроек так или иначе связано с фетишизацией представлений о силе и возможностях аппарата партийных и государственных органов. Оно не оставляет места для проблем действительной демократизации общества — они видятся в его рамках чем-то несущественным, второстепенным.

Нараставший поток субъективистских импровизаций был остановлен октябрьским (1964 г.) Пленумом ЦК КПСС. Начавшаяся вслед за ним экономическая реформа, меры по развитию сельскохозяйственного производства на какое-то время приостановили негативное развитие событий, вновь создали предпосылки для перелома ситуации в экономике, в других сферах жизни общества.

Но когда уже в 70-е годы жизнь властно потребовала углубления реформ, руководство партии и страны оказалось как в теоретическом, так и в практическом плане не подготовленным к этому. В отличие от первой половины 60-х годов в той ситуации возобладало стремление «улучшить дела, ничего не меняя» [19].

Это означало фактически консервацию многих переставших отвечать требованиям времени форм экономической и политической жизни, идеологической работы,

---

[18] Примечателен такой факт. Бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии В. П. Мжаванадзе, выступая на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, сказал: «...Многие члены ЦК говорили об этом, когда было разделение обкомов и облисполкомов. Члены Центрального Комитета партии, с которыми я встречался, выражали негодование по этому вопросу, говорили Хрущеву, что это осложнит работу, что нельзя этого делать, но он не желал ни к кому прислушиваться. Всё вынесли, но посягательства на партию члены Центрального Комитета партии не вынесли, не стерпели и совершенно правильно поступили» (Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, 24—26 марта 1965 года. Стенографический отчет. М., 1965, с. 89). Но о том, насколько был «принципиален» В. П. Мжаванадзе, свидетельствует его выступление на Пленуме ЦК КПСС в ноябре 1962 г. «Мы,— сказал он,— целиком разделяем положения, высказанные Н. С. Хрущевым, что теперь старые организационные формы уже становятся в известном смысле тормозом в деле руководства партии производством. Мы целиком разделяем и поддерживаем предложения Н. С. Хрущева о новой структуре партийных органов» (Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, 19—23 ноября 1962 года. Стенографический отчет. М., 1963, с. 218).

[19] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 24.

вело к застою в кадровой политике. Одновременно это означало неприятие, отторжение творческого анализа обстановки, нестандартных решений и идей.

С таким подходом было несовместимо действительное расширение и углубление демократических начал в партийной и государственной жизни. Следствиями данного противоречия явились формализация работы пленумов партийных комитетов, принижение роли членов выборных партийных и советских органов, ослабление критической направленности анализа состояния дел. Даже постановления ЦК КПСС, направленные на демократизацию внутрипартийной жизни, в такой обстановке не «срабатывали». Именно так случилось, например, с принятым в 1969 г. постановлением «О практике проведения партийных собраний в Ярославской городской партийной организации» [20] или с постановлением ЦК КПСС «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации» (1975 г.) [21]. Оба документа имели общепартийное значение, но их реализация ограничилась лишь кратковременными кампаниями.

Не удалось развить в должной мере наметившиеся в конце 50-х — начале 60-х годов положительные тенденции в работе Советов. В то время стали регулярно и с привлечением актива проводиться сессии Советов, вошли в практику систематические отчеты депутатов перед избирателями, расширился круг, повысилась роль и стали более многообразными функции постоянных комиссий Советов. Жизнь требовала идти дальше по линии обеспечения действительного полновластия Советов, повышения роли и ответственности депутатов, устранения практики подмены партийными органами Советов.

Однако целостная концепция роли Советов выработана не была, хотя только за последние 15 лет было принято 14 постановлений руководящих органов об улучшении деятельности Советов [22]. Не была должным образом осознана необходимость возрождения власти Советов в ленинском понимании. Складывавшаяся в стране в 70-е — начале 80-х годов ситуация во все боль-

---

[20] См. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 11, с. 435—440.
[21] См. там же, т. 12. М., 1986, с. 526—530.
[22] См. *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 111.

шей степени мешала реализации демократического потенциала Советов. Наметилась тенденция к формализации и тех сторон их деятельности, которые хорошо зарекомендовали себя в 60-е годы. Деформации принципов социалистического народовластия все более усиливались.

Приверженность шаблонам и стереотипам, все более утверждавшимся в 70-е — начале 80-х годов, отсутствие контроля за выполнением принимаемых решений, последовательности в работе, формализация демократических институтов вели к деформации и в кадровой политике, негативным изменениям в кадровом корпусе. Складывалась ситуация, которую в определенной степени можно охарактеризовать как «культ посредственности». Неприятие нового, закостенение традиционных форм работы создавали во многих местах обстановку, при которой творчески мыслящие, инициативные работники оказывались «не ко двору». Произошло и нравственное перерождение части кадров.

Неоднозначные процессы происходили в рассматриваемый период и в идеологической работе. Решения XX съезда КПСС открыли простор для развития творческих начал в этом деле, дали возможность отойти от догматических представлений и схем. Но, несмотря на то, что на протяжении всего периода, о котором идет речь, в области идеологической работы было немало достижений, ценных находок, приобретений, использовать все открывшиеся возможности не удалось.

Одна из причин этого — не преодоленный в 50—60-е годы и резко усилившийся в 70-е — начале 80-х годов разрыв между словом и делом. Уроки правды, преподанные XX и XXII съездами партии, были назревшей необходимостью. То обстоятельство, что они покончили с имевшимися в массовом сознании представлениями об относительной безошибочности пройденного партией и страной пути, резко обозначило проблему единства слова и дела в воспитательной работе. Прожектерские же установки начала 60-х годов не способствовали такому единству.

К сожалению, после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС урока правды не получилось. Хотя на мартовском и сентябрьском (1965 г.) Пленумах ЦК, на XXIII съезде партии и говорилось об имевших место трудностях в экономике и их связи с нарушениями требований экономических законов социализма, тем не

менее многие острые вопросы остались обойденными. Никто, в частности, не решился в то время сказать ни о причинах, обусловивших субъективистские и волюнтаристские проявления, ни об их конкретных виновниках, ни об истинном положении дел в экономике.

Верная по своей сути идея о необходимости воспитывать советских людей в духе гордости за свершения социализма, формировать у них убежденность в преимуществах нового строя была истолкована крайне односторонне и извращенно. Победные рапорты и надуманные начинания типа «сделать Москву образцовым коммунистическим городом» широко пропагандировались, а усиливавшиеся трудности, негативные процессы в экономике, нравственные деформации замалчивались, как и их причины.

Характерно в этом отношении объяснение Л. И. Брежневым на XXV съезде КПСС причин, в силу которых темпы экономического роста в десятой пятилетке намечались более низкими, чем были достигнуты в девятой. «В какой-то части,— говорил он,— тут нашли отражение трудности предыдущих лет. Но это временный и отнюдь не первостепенный фактор. Главное заключается в том, что мы стремились обеспечить в этой (т. е. десятой.— **В. Г.**) пятилетке большую сбалансированность и пропорциональность развития народного хозяйства, создать лучшие условия для повышения качественных показателей работы» [23].

Все более ярко проявлявшееся стремление выдать желаемое за действительное, приукрасить ситуацию существенно снижало научный уровень партийного руководства обществом, мешало эффективно использовать колоссальный потенциал партийных организаций, партии в целом. «...Даже многие хорошие люди,— говорил М. С. Горбачев на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС,— в прошлом как бы свыклись с нарушениями и недостатками, стали равнодушны к ним, снизили свою социальную активность» [24].

В 70-е годы со все усиливающейся интенсивностью стали проявляться славословия в адрес Л. И. Брежнева. Марксизм-ленинизм никогда в принципе не отрицал

---

[23] XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля — 5 марта 1976 года. Стенографический отчет. [В 3-х т.]. Т. 1. М., 1976, с. 68.

[24] *Горбачев М. С.* Революционной перестройке — идеологию обновления, с. 6.

значения авторитета руководителей в деле строительства нового общества. Да и сегодня, даже с учетом того, что стало известно о застое и механизме торможения, было бы ошибочным вычеркивать из истории имя Л. И. Брежнева, как и любого другого руководителя партии и страны. К каждому факту, связанному с именем того или иного деятеля партии, мы призваны подойти конкретно-исторически. Однако то, что делалось в этом плане в 70-е — начале 80-х годов, когда при нараставших трудностях, негативных явлениях «брежневский стиль руководства» и «брежневское отношение к кадрам» [25] выдавались за образец работы, означало явное приукрашивание действительности, вводило массы в заблуждение.

Ситуацию усугубляло то, что на фоне парадности, шумихи и славословия усиливались деформации нравственного порядка, подтачивавшие основы социализма. Так, уже в первой половине 70-х годов стали широко известны факты, связанные с негативными явлениями в Грузии. Борьба с ними, начатая вскоре после принятия в начале 1972 г. постановления ЦК КПСС «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии по выполнению решений XXIV съезда КПСС» [26], показала, что такие явления получили в республике достаточно широкий размах, и — что должно было прежде всего насторожить — к ним оказалось причастным значительное число руководящих работников. Еще раньше подобного рода явления были вскрыты в Азербайджане. Негативные процессы особенно рельефно проявились в 70-е — начале 80-х годов в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, ряде краев и областей Российской Федерации. Но даже к ставшим известными фактам нравственных деформаций, коррупции относились как к локальным явлениям. Они не связывались с игнорированием принципов социальной справедливости в обществе, с различного рода социальными извращениями, отступлениями от принципов социалистического образа жизни.

Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, выступая на XXV съезде КПСС, обратил внимание на уроки происшедшего в республике. «Опыт

---

[25] См. *Черненко К. У.* Народ и партия едины. Избранные речи и статьи. М., 1984, с. 328.

[26] См. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 12, с. 201—207.

недавнего прошлого в нашей республике,— отметил он,— говорит о том, что любой компромисс в сфере надстройки общества вызывает спад экономического потенциала». Указав далее на то, что консервативные привычки, частнособственнические тенденции и иные пороки серьезно ограничивают общественную и политическую активность личности, задерживают «процесс интеллектуализации тех сфер, где человек создает материальные и духовные ценности», Э. А. Шеварднадзе высказал мысль о том, что «освобождение членов общества от подобных пороков, как и глубокие сдвиги в области экономики, является сложнейшим революционным, демократическим процессом, имеющим свою теорию и практику» [27]. Но должных выводов в масштабе страны из случившегося не последовало.

Застой в теории, разрыв между словом и делом ослабляли саму основу идеологической работы. Парадность, умалчивание о негативных явлениях подрывали у людей веру в авторитет партийного слова, что явилось самым большим нашим уроном. Дефицит правды вел к появлению различного рода примитивных мифов, а подчас и к усилению влияния чуждой идеологии.

И хотя в эти годы были приняты десятки партийных решений по вопросам идеологической работы, а с трибуны XXVI съезда КПСС даже прозвучал призыв о необходимости ее перестройки [28], сдвигов не происходило. Когда сама жизнь изображалась в руководящих выступлениях в приукрашенном виде, то призывы об укреплении связи воспитательной работы с жизнью «повисали» и ожидать перестройки не приходилось. Все это вело к формализации идеологической работы, снижало ее эффективность.

Негативные тенденции проявились и в области национальных отношений. И здесь причины их заключались как в слабой теоретической проработке многих вопросов, так и в отсутствии должного анализа происходящих в данной сфере процессов, что мешало своевременно принять назревшие решения.

Нельзя, конечно, недооценивать значения принятых во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов

---

[27] XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. I, с. 185.

[28] См. XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 23 февраля — 3 марта 1981 года. Стенографический отчет. [В 3-х т.] Т. I. М., 1981, с. 94.

мер, направленных на расширение прав союзных республик, ликвидацию последствий допущенных в условиях культа личности грубых нарушений принципов ленинской национальной политики. Позитивную роль сыграла и работа по осуществлению принимавшихся в последующие годы решений партии и правительства, направленных на развитие экономики и культуры отдельных республик и регионов страны.

Однако начиная с первой половины 70-х годов творческий подход к анализу и решению вопросов национальной политики все больше стал подменяться констатацией бесспорных успехов в сфере национальных отношений, замалчиванием нерешенных проблем, шаблоном в практических действиях.

Сам по себе вывод о решении оставшегося от прошлого национального вопроса, сформулированный впервые в докладе Л. И. Брежнева в связи с празднованием 50-летия образования СССР, был верным. Более того, в том же документе отмечалось, что национальные отношения и в новых условиях — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи [29].

Однако в повседневной практике внимание акцентировалось лишь на наших достижениях. Имела место фетишизация цифровых показателей развития экономики и культуры республик, когда за броскими цифрами нередко не видели реального содержания, того, что эти цифры «наполняет», не видели нараставших сложностей. За теоретическими спорами о сущности тенденций капитализма и социализма в национальных отношениях и т. п. исчезали из поля зрения усиливавшиеся в ряде мест националистические проявления. Они выражались в искажении ленинских принципов кадровой политики, в местнических, иждивенческих настроениях применительно к сфере экономики, в неклассовом подходе к оценке событий истории и культурных ценностей, в стремлении к национальной замкнутости, в настроениях национальной кичливости и чванства.

Все это происходило в первую очередь на общем фоне нарастания негативных тенденций в стране. Недооценка важности многих преобразований в области экономики, недостаточное внимание к вопросам со-

---

[29] См. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4, М., 1974, с. 63.

циальной сферы, грубые нарушения принципов социальной справедливости, серьезные упущения в идеологической работе, в кадровой политике имели последствия, которые проявлялись в различных республиках соответственно их специфике. Крайне негативную роль играло и то, что в силу факторов чисто субъективного, личностного характера некоторые республики и области оказались вне зоны критики.

Одной из причин негативных проявлений в национальных отношениях стало то, что вольно или невольно роль национальной политики КПСС как относительно самостоятельного направления ее деятельности недооценивалась. Дело представлялось таким образом — об этом достаточно красноречиво свидетельствуют выступления многих партийных руководителей того времени на различного рода торжествах в республиках,— что решение экономических, социальных и иных задач, предусмотренных соответствующим пятилетним планом, чуть ли не само собой приведет к дальнейшему сплочению народов СССР.

Но, во-первых, многие намеченные задачи не выполнялись. Во-вторых, приоритет задач экономической и социальной политики никогда не избавлял коммунистов от необходимости видеть эти задачи и под углом зрения национальной политики, а саму национальную политику рассматривать во всей ее целостности.

Таким образом, отсутствие у руководства партии и страны последовательности и целенаправленности в решении многих задач, недостаток критического подхода и политической воли, слабая требовательность и неумение вовремя увидеть новые тенденции и процессы в развитии общества выступили факторами, затормозившими темпы экономического, социального и духовного прогресса советского общества. Формирование механизма торможения было связано именно с тем, что объективные тормозящие факторы в экономике и других сферах жизни общества смогли на определенном этапе сочетаться с названными субъективными факторами.

* *
*

С течением времени жизнь все более властно диктовала необходимость осуществления таких перемен, которые остановили бы нарастание негативных тенден-

ций, привели к слому механизма торможения, создали предпосылки для продвижения общества к качественно новому состоянию. «Перестройка,— отмечает М. С. Горбачев,— это назревшая необходимость, выросшая из глубинных процессов развития нашего социалистического общества» [30].

Вопрос о вызревании в обществе предпосылок перестройки требует специального исследования. Для его разъяснения важно исходить из правильного понимания целей и смысла перестройки. Речь идет о необходимости глубокого обновления всех сторон жизни страны, придания социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полного раскрытия гуманистического характера нашего строя [31].

Такая необходимость была назревшей по крайней мере уже к началу 60-х годов. И если бы она была своевременно осознана, не пришлось бы иметь дело с механизмом торможения, а задачи обновления социализма решались бы в обстановке, не отягощенной действием этого механизма. В самом деле, к началу 60-х годов страна располагала мощным экономическим, научным и духовным потенциалом. Символами поистине революционного прорыва в развитии советской науки, событиями, имевшими всемирно-историческое значение, стали запуск в 1957 г. первого в мире искусственного спутника Земли, а в 1961 г.— первый в мире полет человека в космос, осуществленный Ю. А. Гагариным.

Достигнутый к тому времени уровень развития советской экономики позволял все более непосредственно нацеливать ее на решение задач, связанных с повышением благосостояния трудящихся.

Новые требования к экономике предъявляла развертывавшаяся научно-техническая революция. О том, что это обстоятельство принималось руководством партии и страны во внимание, свидетельствуют материалы июльского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС.

Таким образом, серьезные экономические предпосылки для обновления социализма были уже к началу 60-х годов. И поиск новых форм организации управления экономикой по своей сути отражал этот факт. К тому времени существовали и некоторые политичес-

---

[30] *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, с. 11.

[31] См. там же, с. 51.

кие предпосылки для обновления социализма. Предпринятые в середине 50-х — начале 60-х годов меры по демократизации многих сторон жизни общества способствовали активизации политического творчества широких масс трудящихся.

Что же касается вызревания идеологических предпосылок обновления социализма, то этот процесс затянулся на долгие годы и проходил весьма болезненно. Трудным делом оказалось, в частности, прийти к пониманию того, что преодоление негативных тенденций в обществе требует его обновления, решения кардинальных экономических, политических, социальных, идеологических задач в их неразрывной взаимосвязи.

Задержка с решением назревших вопросов жизни страны порождала противоречия между растущими возможностями социализма и тем, как они используются в экономике, в социальной сфере, в других областях. Темпы экономического роста оказались к началу 80-х годов настолько низкими, что стало правомерным говорить об экономической стагнации. Но и эти низкие темпы, как отмечалось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, «достигались в значительной мере на нездоровой основе, на конъюнктурных факторах» [32]. Это вело к ситуации, которая в конце концов приняла предкризисный характер. Но одновременно это побуждало многих коммунистов и беспартийных к поиску путей выхода из сложившейся ситуации.

Инициатива трудящихся не могла полностью заглохнуть и в то время. Зародилось немало начинаний, которые по своей сути были направлены на качественные перемены прежде всего в экономике. Некоторые из них получали поддержку со стороны Центрального Комитета партии.

Так, в 1969 г. ЦК КПСС одобрил опыт работы партийного комитета Щекинского химического комбината по мобилизации коллектива трудящихся на увеличение объемов производства за счет роста производительности труда [33]. В 1972 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об опыте работы Свердловской партийной организации по увеличению выпуска продук-

---

[32] *Горбачев М. С.* Революционной перестройке — идеологию обновления, с. 26.

[33] См. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 11, с. 426—428.

ции за счет реконструкции действующих предприятий с минимальными капитальными вложениями» [34]. В том же году на основе анализа и обобщения опыта работы бригады московских строителей, руководимой Героем Социалистического Труда Н. А. Злобиным, и ряда других коллективов ЦК КПСС принял постановление «О новой форме бригадного хозяйственного расчета в строительстве» [35]. В нем выражалось одобрение ценному начинанию, широкое применение которого и в строительстве, и в других отраслях способствовало выявлению новых резервов производства, повышению его эффективности.

На это же был направлен и поиск партийной организации, коллектива Волжского автозавода, которым удалось выработать систему комплексного решения вопросов повышения эффективности производства и качества труда. Опыт вазовцев был в 1977 г. одобрен Центральным Комитетом КПСС [36]. Но силы инерции, торможения, приверженность многих руководителей в центре и на местах старым штампам, шаблонам помешали повсеместному распространению этих инициатив.

О заинтересованности партийных организаций, коммунистов, широких масс трудящихся в последовательном проведении в жизнь намеченных в партийных решениях мер, об их стремлении к поиску путей улучшения положения дел свидетельствуют и выступления в прениях делегатов партийных съездов.

Так, уже на XXIV съезде партии ряд делегатов проявили обеспокоенность тем, что экономическая реформа столкнулась с серьезными трудностями, высказали конкретные предложения по их преодолению. Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш, например, поставил вопрос о том, что «цены должны в большей мере стимулировать новую технику, так же как и более полная реализация предусмотренных мероприятий по системе кредитования» [37]. Первый секретарь ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечкус говорил о необходимости усилить внимание к вопросам создания

---

[34] См. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 11, 8-е изд., доп. М. 1978, с. 153—154.

[35] См. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 12, с. 251—252.

[36] См. там же, т. 13. М., 1987, с. 195—199.

[37] XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 273.

научно-производственных объединений [38]. Шлифовщик ленинградского Кировского завода Е. И. Лебедев предложил направлять больше нового оборудования на предприятия, где есть квалифицированные кадры. «Если к тому же,— продолжал он,— нам удастся повысить коэффициент сменности оборудования, то и строить новых предприятий, наверно, не придется столько, сколько строим сейчас» [39].

Однако эти предложения не получили реализации. Да и причины затруднений, с которыми столкнулась экономическая реформа, не стали предметом глубокого анализа.

Немало критических выступлений, заслуживающих внимания предложений, многие из которых в наше время воплощаются в жизнь, было высказано на XXV и на XXVI съездах КПСС. Так, на XXV съезде КПСС первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров предлагал создать при Совете Министров СССР «соответствующие структурные подразделения, которые могли бы действенно управлять многообразными межотраслевыми процессами» [40]. На XXVI съезде КПСС бригадир одной из шахт Ворошиловградской области Герой Социалистического Труда А. Я. Колесников остро ставил вопрос о том, что серьезные просчеты в планировании подрывают саму основу, на которой строится социалистическое соревнование [41]. Ситуация побуждала констатировать имевшиеся трудности, недостатки.

Важное значение в данной связи имел состоявшийся в ноябре (1982 г.) Пленум ЦК КПСС, на котором впервые за многие годы было со ставшей уже непривычной откровенностью сказано о многих негативных тенденциях в экономике. Этот Пленум послужил толчком к более интенсивному осмыслению сложившейся в стране ситуации. Однако данный процесс проходил непросто. Он характеризуется тем, что, с одной стороны, начал осуществляться ряд необходимых и назревших преобразований в различных областях жизни, а с другой стороны, многие из этих преобразований

---

[38] См. там же, с. 338.

[39] Там же, т. 2. М., 1971, с. 75.

[40] XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 157.

[41] См. XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 308.

мыслились в рамках устаревших стереотипов, непоследовательно. Приходилось сталкиваться и с попытками затормозить начинавшиеся преобразования. Поэтому нередко то, что намечалось осуществить, не приносило должного результата. Примерами могут служить мероприятия в области идеологической работы, определенные июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС, или же школьная реформа, которая, как отмечалось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, не подкреплялась мерами по демократизации системы народного образования и исходила из необходимости удовлетворения потребностей в трудовых ресурсах экстенсивно развивавшегося народного хозяйства.

В свете этого особенно ярко выступает историческое значение апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, где партия взяла курс на революционное обновление общества. Это явилось результатом поиска путей совершенствования социализма, активизировавшегося в значительной мере благодаря тому, что в руководстве партии и страны все большую роль стали играть новые люди, понимавшие необходимость решительных перемен в обществе.

* *
*

Анализ уроков рассматриваемого периода сделан в документах XXVII съезда КПСС, последующих пленумов ЦК. Недоставало правды, а «полуправда, стыдливо обходящая острые углы, тормозит выработку реальной политики, мешает нашему движению вперед» [42]. Не обеспечивалось последовательности и целеустремленности в практических действиях, активного и сознательного участия масс в осуществлении намечавшихся мер в различных областях жизни [43]. Стал падать международный авторитет страны.

Эти выводы носят самый общий характер, и одна из задач, которые стоят сегодня перед исследователями,— конкретизировать их и тем самым раскрыть всю диалектику исследуемого периода, всю неоднозначность и противоречивость различных процессов, тенденций, явлений.

---

[42] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 44.

[43] См. там же.

Многое из того, что сделано советскими людьми, остается нашим достоянием, предметом гордости. Творческий поиск партийных организаций, коммунистов, подвижнические усилия многих из них на деле олицетворяли руководящую роль партии как политического авангарда общества.

Но это ни в коей мере не означает, что мы должны «замазывать» негативные явления того периода, «дозированно» давать позитивный и негативный материал, занимаясь при этом чуть ли не арифметическим подсчетом того, было ли больше плюсов или минусов в развитии общества. Такой подход противоречил бы исторической правде, принципам научности и историзма.

Лишь исследуя всю совокупность взаимопереплетающихся, порой противоречивых тенденций, явлений, мы сможем получить достоверное представление о том, что происходило в эти годы, не растерять накопленный позитивный опыт, извлечь уроки — во многом суровые, горькие.

Партийные документы последнего времени дают нам ориентир для такого анализа, который не ограничился констатацией негативных явлений на XXVII съезде КПСС. Напротив, он продолжал углубляться, и суть механизма торможения раскрывалась все глубже, анализ охватывал все новые и новые стороны жизни общества, многие из которых длительное время вообще были вне поля зрения исследователей.

Опыт прошедших десятилетий убедительно показал, что закономерности развития социализма отнюдь не действуют автоматически. И хотя предкризисные и кризисные ситуации и раньше имели место в практике мирового социализма, здесь пришлось впервые столкнуться с ситуацией, когда предкризисные явления распространились в обществе, не только решившем задачи переходного периода от капитализма к социализму, но и прошедшем определенные рубежи развития социализма.

Отсюда следует ряд выводов. Во-первых, относительно самой возможности возникновения предкризисных и кризисных ситуаций и в условиях, когда социализм достиг уже известной степени своего развития. Это возможно при условии, если игнорируются требования экономических законов социализма.

В рассматриваемый период имели место и отход от реализма в оценке состояния и перспектив развития советского общества и соответственно в практических действиях и вместе с тем проявления консерватизма и догматизма в теории и на практике. Это, по сути дела, ослабляло роль партии в обществе. Как отметил М. С. Горбачев, «мы только думали, что управляем, а на самом деле складывалась ситуация, о которой предупреждал еще Ленин: машина едет не туда, как думают те, кто сидит у руля» [44].

Во-вторых, если в условиях переходного от капитализма к социализму периода возникновения кризисных ситуаций нередко связано с деятельностью антисоциалистических сил, то в основе предкризисной ситуации, возникшей в нашей стране,— несоответствие между растущими возможностями социализма и практической деятельностью по их реализации. Но логика событий и в данном случае привела к размыванию некоторых нравственных ценностей социализма, и это достаточно серьезный урок рассматриваемого периода.

В-третьих, возрастает значение творческого подхода партии к анализу процессов развития социалистического общества. Речь идет о важности своевременно вскрывать новые процессы, тенденции общественного развития, вносить необходимые коррективы в формы и методы работы, не допускать догматизации представлений, бывших верными на определенном этапе, но переставших отвечать требованиям общественного прогресса в новых исторических условиях. Жизненной потребностью является широкая демократизация в общественных науках. Лишь творческая состязательность, возможность сопоставления различных точек зрения, широкие дискуссии помогут поднять роль общественных наук в начатом партией обновлении социализма.

Научное обсуждение проблем исторического опыта деятельности партии в период, о котором шла речь, призвано способствовать более полному осмыслению и эффективному использованию накопленного опыта, учету уроков рассматриваемого периода.

---

[44] *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, с. 18.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С. 57—73.

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Культ личности и историко-партийная наука

Вожди и массы

Перекрашивают Иудушку

О Л. Б. Каменеве

Григорий Зиновьев: жизнь и борьба

Николай Иванович Бухарин

К биографии А. И. Рыкова

И единожды не солгавший (О. Пятницкий)

Человек и символ

Сталин: борьба за лидерство в партии

Политический портрет Н. С. Хрущева

«Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения».

К. Маркс

(*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175)

«Необходимо также, чтобы люди перестали, наконец, обращаться с партийными чиновниками — своими собственными слугами — с постоянной чрезмерной деликатностью и вместо критики их покорнейше повиноваться им как непогрешимым бюрократам».

Ф. Энгельс

(*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 38. С. 29)

«...Наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда».

В. И. Ленин

(Полн. собр. соч. Т. 45. С. 107)

И. Маньковская, Ю. Шарапов

Культ личности и историко-партийная наука

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, в документах последующих пленумов ЦК, постановлениях Центрального Комитета, выступлениях и трудах Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева сформулированы принципиально важные методологические положения, касающиеся перестройки и дальнейшего развития советского обществоведения, в частности историко-партийной науки. Особое значение имеют в этом плане доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» и его книга «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Большое внимание в них отводится такому сложному явлению, как культ личности, и оценке самой личности И. В. Сталина.

«Сейчас много дискуссий о роли Сталина в нашей истории,— отмечалось в юбилейном докладе о 70-летии Великого Октября.— Его личность крайне противоречива. Оставаясь на позициях исторической правды, мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний, так и грубые политические ошибки, произвол, допущенные им и его окружением, за которые наш народ заплатил великую цену и которые имели тяжелые последствия для жизни нашего общества. Иногда утверждают, что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений» [1].

Как известно, крупной вехой в истории партии и советского народа стал XX съезд КПСС, внесший большой вклад в теорию и практику социалистического строительства. «На нем и после него была предпринята

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 21.

мощная попытка повернуть руль в движении страны, дать импульс освобождению от негативных моментов в общественно-политической жизни, порожденных культом личности Сталина» [2]. Были предприняты крупные меры и на идеологическом фронте. Так, 18—21 декабря 1962 г. в Москве проходило Всесоюзное совещание по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, созванное по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В его работе приняли участие около 2 тыс. историков. Состоялось два пленарных заседания, работали три секции. Материалы совещания были опубликованы [3].

К сожалению, «под давлением наследия прошлого со всеми его доминантами и атрибутами» [4] названные меры оказались половинчатыми и непоследовательными. Это касается, в частности, на наш взгляд, и такого вопроса, как расчистка историко-партийной науки от негативного влияния культа личности, что невозможно без выяснения его истоков и хода его воздействия на историческую науку.

В данной статье ставится скромная задача — осветить лишь некоторые аспекты зарождения влияния культа личности в историко-партийной науке, ибо полное решение данного вопроса, по нашему мнению, требует неодноразовых и притом коллективных усилий исследователей.

* *
*

В материалах XX съезда КПСС, в постановлении ЦК партии от 30 июня 1956 г. справедливо подчеркивалось, что культ личности не изменил природы нашего строя, не вызвал перерождения ленинской партии и Советского государства, не мог остановить неодолимого движения нашей страны по пути социализма [5]. Каждый

[2] *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 40.

[3] См. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18—21 декабря 1962 г. М., 1964, 518 с. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966, с. 551—556.

[4] *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, с. 40.

[5] См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 9-е изд., доп. и испр. М., 1986, с. 11—129.

этап нашей истории наполнен героическим трудом советских людей. Тем не менее культ личности нанес серьезный вред партии и государству, развитию общественных наук, в том числе и в наибольшей мере историко-партийной науке.

На наш взгляд, отрицательные последствия культа личности Сталина для исторической науки в целом, в том числе и для историко-партийной науки, сводятся к трем главным моментам. Во-первых, это умаление роли Ленина, роли масс и партии в истории нашей страны. Во-вторых, распространение немарксистского подхода к изучению исторического процесса, субъективизм, догматизм и произвол в оценке исторических событий и деятелей. В-третьих, создание обстановки администрирования, недобросовестной критики в научных коллективах, приклеивания различных ярлыков.

Влияние культа личности Сталина на историко-партийную науку было составной частью становления культа личности вообще. Оно усиливалось постепенно, по мере того как деятельность партии все более связывалась в массовой литературе и устной пропаганде с деятельностью одного лица — Сталина, который ставился рядом с В. И. Лениным как основатель и вождь большевистской партии. На всех этапах истории партии выпячивались заслуги Сталина, особенно в ходе Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Тем самым принижалась роль В. И. Ленина как теоретика, создателя Коммунистической партии и Советского государства, вождя и организатора Великой Октябрьской социалистической революции. Замалчивалась правда о многогранной кипучей деятельности В. И. Ленина в период военной интервенции и гражданской войны. В ход была пущена формула «Сталин — это Ленин сегодня». Сталин оказался включенным в число классиков марксизма-ленинизма.

Создание ореола гениальности вокруг имени Сталина вело к утаиванию его ошибок. Историко-партийная литература перестала освещать крупные и важные научные проблемы, историки партии ушли в изучение частных вопросов. Постепенно из статей и книг исчез научный аппарат, стали редко употребляться ссылки на архивные источники. Возобладал общий декларативный характер изложения. Избегая собственных выводов и обобщений, историки подгоняли материал к

«нужным» цитатам, причем преимущественно сталинским. Критерием политической благонадежности авторов стало безудержное славословие в адрес Сталина. Без этого ни одна работа по истории партии не могла увидеть свет. Основным языком историко-партийной литературы стал язык цитат, стандартных формул. Начетничество и догматизм делали невозможным подлинно научное исследование истории нашей партии.

Наибольший вред развитию историко-партийной науки нанесла книга «История ВКП(б). Краткий курс», вышедшая в 1938 г. Однако проявление влияния культа личности на историко-партийную науку началось еще раньше. Если мы проанализируем материалы XIV, XV и XVI съездов партии, то увидим, что наряду с попытками критики позиции Сталина по ряду важнейших политических вопросов того времени уже видна явная апологетика Сталина. Тому были как объективные, так и субъективные причины. Рядовые делегаты партийных съездов видели в Сталине деятеля, олицетворявшего победу партии над оппозиционерами, прежде всего Троцким. Вместе с тем на трибуну этих съездов уже выходили люди, которые в ближайшем будущем зарекомендуют себя как активные пособники насаждения культа личности Сталина во всех сферах жизни советского общества.

Начало насаждения культа личности в историко-партийной науке особенно отчетливо проявилось в связи с двумя событиями на рубеже 20—30-х годов. Во-первых, с юбилейными материалами к 50-летию Сталина, во-вторых, с письмом Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

21 декабря 1929 г. «Правда» вышла на восьми страницах, причем большая часть из них была посвящена Сталину. Особое внимание обращали на себя статьи Л. М. Кагановича и К. Е. Ворошилова. В статье «Сталин и партия» Каганович отводил ему роль одного из лучших организаторов и строителей партии, «когда закладывались ее первые камни, когда строились первые ее кружки», приписывал Сталину роль организатора «Правды» и т. п. Кагановичу, конечно, были известны серьезные ошибки и колебания Сталина в отдельные периоды, но он вопреки исторической правде писал: «Самой замечательной и характерной чертой т. Сталина является именно то, что он на протяжении всей своей партийно-политической деятельности не отходил от Ле-

нина, не колебался ни вправо, ни влево, а твердо и неуклонно проводил большевистскую выдержанную политику, начиная с глубокого подполья и кончая всем периодом после завоевания власти» [6].

Статья К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия» преувеличивала вопреки фактам роль Сталина в гражданской войне. «В период 1918—1920 гг.,— писал автор,— тов. Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный Комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места» [7]. Считая, что деятельность Сталина во время гражданской войны якобы не получила должной оценки, Ворошилов изобразил его как главного и чуть ли не единственного спасителя Республики Советов. С этой целью в статье были представлены, как наиболее важные, именно те фронты, на которых находился Сталин, непомерно преувеличивалась его роль в отдельных операциях и совершенно замалчивались допущенные им ошибки, о которых говорил еще В. И. Ленин в своей речи по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 г. [8].

Кроме указанных статей Кагановича и Ворошилова, в «Правде» были помещены статьи В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе, М. И. Калинина, А. И. Микояна, Ем. Ярославского. Заголовки говорят сами за себя: «Сталин и индустриализация страны», «Твердокаменный большевик», «Стальной солдат большевистской гвардии». Здесь же была помещена статья Михаила Кольцова под названием «Загадка — Сталин» [9].

Юбилейные материалы декабря 1929 г. отрицательно повлияли на работу историков партии, а именно: они положили начало активному проникновению в историко-партийную литературу культа Сталина.

В 1931 г. увидело свет письмо Сталина в редакцию «Пролетарской революции» [10]. Если юбилейные материалы 1929 г. в довольно откровенной форме дали

---

[6] Правда, 21 декабря 1929 г.

[7] Там же.

[8] См. Ленинский сборник XXXVII, с. 135—142.

[9] См. Правда, 21 декабря 1929 г.

[10] См. Пролетарская революция, 1931, № 6(113), с. 3—12. Письмо это затем переиздавалось неоднократно (см., например, издания книги: Сталин И. В. Вопросы ленинизма).

толчок проникновению в историко-партийную науку концепции культа личности Сталина, то его письмо в «Пролетарскую революцию» ввело в практику такие методы руководства делами историко-партийной науки, которые способствовали повсеместному насаждению этой антимарксистской концепции.

Как известно, непосредственным поводом для этого письма явилась статья А. Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса», напечатанная в № 6 «Пролетарской революции» за 1930 г. В письме в «Пролетарскую революцию» по отношению к историкам партии, допускавшим действительные или мнимые ошибки, Сталин применил такие выражения, как «троцкистский контрабандист» и «троцкистский фальсификатор». Эти и производные от них формулы послужили основанием для политических обвинений многих работников историко-партийного фронта, никогда не примыкавших к троцкизму ни идейно, ни организационно. Фактически Сталин наложил запрет на изучение важного периода истории партии. Отвечая на заявление редакции в ЦК ВКП(б) от 20 октября 1931 г., в котором говорилось о необходимости дальнейшей разработки всего круга проблем, связанных с взаимоотношением большевиков с довоенным II Интернационалом, Сталин высказался в том смысле, что сам факт изучения данной проблемы будто бы нанесет вред истории большевизма. «...Вы,— писал он членам редакции журнала,— допускаете в своем заявлении новую ошибку, декларируя, что «редакция считает политически крайне актуальным и необходимым дальнейшую разработку на страницах «Пролетарской революции» всего круга проблем, связанных с взаимоотношением большевиков с довоенным II Интернационалом. Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, нуждающуюся в «дальнейшей разработке». Почему, на каком основании?» [11]. В сущности, Сталин ставил под сомнение значимость партийных документов как исторических источников, заявляя: «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных

[11] *Сталин И. В.* Соч., т. 13, с. 85.

крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?» [12]. Надо сказать, что этот «рецепт» пренебрежительного отношения к документам вел к искажениям, которые служили созданию концепции культа личности Сталина в историко-партийной науке.

Критикуя Слуцкого за освещение деятельности левых в германской социал-демократии накануне первой мировой войны, Сталин сам неверно охарактеризовал их поведение в тот период, в сущности, как путь сплошных ошибок. Сместив акценты и лишь мимоходом отметив их заслуги, он исказил подлинную роль левых, в особенности Розы Люксембург, в истории рабочего класса и Коммунистической партии Германии.

Известно, что В. И. Ленин, сурово критикуя ошибки Розы Люксембург, в то же время писал, что «несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира» [13]. О ленинской оценке левых в германской социал-демократии Вальтер Ульбрихт писал: «Хотя Ленин и критиковал германских левых за то, что они вовремя не осуществили организационного разрыва с ревизионизмом, он все же высоко ценил то, что германские левые в период первой мировой войны высоко держали знамя пролетарского интернационализма и тем самым спасли честь германского рабочего класса» [14].

За письмом Сталина в редакцию «Пролетарской революции» последовало выступление Кагановича на собрании, посвященном 10-летию Института красной профессуры, усугубившее все отрицательные стороны письма Сталина. Каганович «углубил» тезис о маскирующихся под большевистских историков партии троцкистах, заявив, что «оппортунизм пытается поэтому пролезать сейчас в наши ряды, прикрываясь, примазываясь, прикрашиваясь, ползая на брюхе, пытается проникнуть в щели и в особенности пытается влезть через ворота истории нашей партии» [15]. О Розе Люксем-

[12] Там же, с. 96.

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 422.

[14] Незабываемый Ленин. Сб. воспоминаний. М., 1958, с. 9.

[15] *Каганович Л. М.* За большевистское изучение истории партии. 2-е изд. М., 1932, с. 27.

бург и ее друзьях в германской социал-демократии Каганович говорил не иначе, как о «так называемых левых» [16]. Изучение партийных документов он назвал «формально-бюрократическим ковырянием в бумажках» [17].

Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» и упомянутое выступление Кагановича в ИКП были приняты в научных учреждениях как безоговорочная директива, причем обсуждение этих документов сопровождалось, как правило, «выявлением» новых «троцкистских контрабандистов» и «фальсификаторов». В печати появились разгромные статьи, направленные против многих историков партии. Подобная «критика» расчищала путь созданию литературы, восхваляющей Сталина, служащей созданию его культа.

Впрочем, обстановка, складывавшаяся в историко-партийной науке, была связана не только с письмом Сталина в «Пролетарскую революцию» и выступлением Кагановича в ИКП. Как секретари ЦК, Сталин и Каганович непосредственно занимались вопросами историко-партийной науки, возглавляя различные комиссии и редакции, контролируя подготовку изданий. Ни один документ Маркса, Энгельса, Ленина, ни одно издание ИМЭЛ не выходили без личной визы Сталина или его согласия (записанного его секретарем Поскребышевым). Вопросы, связанные с перемещением и расстановкой научных кадров, также решались Сталиным и Кагановичем. Документы тех лет показывают, что культ личности в историко-партийной науке создавался не только с ведома Сталина, но и под его непосредственным руководством.

Необходимо отметить, что вопросами идеологии занимался и секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев, который был противником избиения научных кадров. Об этом, в частности, свидетельствует его выступление в январе 1932 г. на Краснопресненской районной партийной конференции. После письма Сталина в «Пролетарскую революцию», говорил П. П. Постышев, «начали исключать из партии без разбора, начали ставить вопрос таким образом, что вместо того, чтобы человеку, сделавшему ошибку, помочь и по-товарищески его исправить, его так отработают, что он становится выбитым из

[16] См. там же, с. 16.
[17] См. там же, с. 26.

строя или во всяком случае с подбитыми крыльями». П. П. Постышев считал необходимым «различать отдельную ошибку человека от системы взглядов». Он говорил, что, борясь с действительными троцкистами, надо уметь критиковать по-товарищески честных, но ошибающихся товарищей, не характеризуя их как уклонистов [18]. Однако Постышев был не в силах противостоять курсу, который проводился с ведома и по указаниям Сталина.

«Можно ли говорить, что вообще не было никакого сопротивления историков насаждению культа личности Сталина, догматизма в исторической науке? — говорил Е. Н. Городецкий, выступая на Всесоюзном совещании историков в 1962 г.— Нет. Когда мы обращаемся к документам, то видим, что сопротивление было. В фондах М. С. Ольминского, Н. К. Крупской много документов, где выражается протест против насаждения культа личности, против искажения нашей истории. Но, конечно, это было опасно: те, кто вставал на путь сопротивления, преследовались» [19].

Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» нанесло серьезный удар по кадрам историков партии. Однако это был только первый удар. После него в историко-партийной науке еще продолжалась значительная положительная работа. Это в первую очередь относится к научным коллективам Института Маркса — Энгельса — Ленина, который был создан в ноябре 1931 г., институтов истории партии и истпартов на местах. В 1932 г. ИМЭЛ завершил 2-е издание Сочинений В. И. Ленина, параллельно с которым печатались идентичные ему тома 3-го издания. В первой половине 30-х годов были впервые изданы или переизданы протоколы II—VI съездов партии, VII, VIII и X партийных конференций. Велась перепечатка текстов большевистских газет — «Правды», «Звезды», «Казармы». В связи с 15-летием Великой Октябрьской социалистической революции и началом работы над «Историей гражданской войны в СССР» в центре и на местах было многое сделано по собиранию и изданию документов партии и мемуаров, изучению деятельности партийных организа-

[18] См. *Постышев П.* От XVI до XVII съезда. Статьи и речи. М., 1934, с. 269, 270.

[19] Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, с. 364.

ций. Особенно большое значение имела работа Н. К. Крупской «Воспоминания о Ленине», первое издание которой вышло в 1930 г. Изучение истории фабрик и заводов, начатое по инициативе А. М. Горького, стимулировало разработку истории партийных организаций наиболее крупных предприятий.

Но уже и в первой половине 30-х годов культ личности накладывал заметный отпечаток на всю эту работу. Он ограничивал возможности отбора для публикации документов и мемуаров, постепенно проникал в научный аппарат документальных сборников.

Когда вышли в свет все три части «Воспоминаний о Ленине» Н. К. Крупской (1933—1934 гг.), в «Правде» появилась рецензия П. Н. Поспелова «К воспоминаниям о Ленине». В ней мемуары Н. К. Крупской, самого близкого В. И. Ленину человека, противопоставлялись воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой, как якобы более достоверным. Сам по себе этот прием достоин сожаления. Но главное было в другом. «Существенным пробелом в книге,— утверждал П. Н. Поспелов,— является недостаточное освещение пражской конференции. Никак нельзя согласиться с той оценкой, которую дает Н. К. Крупская пражской конференции» [20]. Еще бы! Ведь то, что написала Н. К. Крупская, прямо противоречило насаждавшемуся тогда тезису о пражской конференции, как основательнице партии. Автор рецензии посетовал, что в воспоминаниях Н. К. Крупской лишь «кратко перечисляются встречи Ленина со Сталиным» и заключал, что мемуары «нуждаются... в серьезных уточнениях и исправлениях» [21].

Однако самый ощутимый удар был нанесен по научно-исследовательской историко-партийной литературе и в первую очередь по тому ее направлению, которое было связано с подготовкой крупных, обобщающих работ в области истории партии.

Об этом можно судить по документам личного архива Ем. Ярославского, хранящимся в ЦПА ИМЛ. Один из старейших деятелей партии и видных ее историков [22], Ем. Ярославский был членом ЦКК ВКП(б),

---

[20] Правда, 9 мая 1934 г.

[21] Там же.

[22] Подробнее об этом см., например: *Иллерицкая Н. В.* Историко-партийное творчество Е. М. Ярославского.— Вопросы истории КПСС, 1987, № 11.

занимал руководящие посты во Всесоюзном обществе старых большевиков, в Обществе историков-марксистов, в редакциях газеты «Правда», журналов «Большевик», «Пролетарская революция», «Историк-марксист». Его труды сыграли важную роль в формировании многих ученых — историков партии. После письма Сталина в «Пролетарскую революцию» Ем. Ярославский стал одним из главных объектов разгромной критики. В сложившейся обстановке Ярославский не нашел в себе сил, чтобы воспрепятствовать этой «обработке». В итоге его политический и научный авторитет был поставлен на службу культу личности, и он оказался в числе тех, кто повинен в искажениях исторической правды в угоду Сталину.

«Перековка» Ярославского происходила следующим образом. В 1932 г. развернулась критика четырехтомной «Истории ВКП(б)», вышедшей в 1926—1929 гг. под общей редакцией Ем. Ярославского [23]. Среди авторов четырехтомника были Д. Баевский, Д. Кин, Г. Крамольников, И. Минц, Н. Никитин, С. Пионтковский, Н. Рубинштейн, А. Сидоров, Н. Эльвов. Авторскому коллективу были поставлены в вину все те же «троцкистская контрабанда» и «троцкистская фальсификация» истории партии. Критика велась в тоне, который был задан письмом Сталина в редакцию «Пролетарской революции»: тут было и навешивание ярлыков, что вело к политической дискредитации авторов, и неприкрытая тенденция к замалчиванию ошибок Сталина, допущенных им в отдельные периоды, выпячивание его личности, приписывание ему несуществующих заслуг. Авторов прямо обвинили в систематическом искажении и замалчивании роли Сталина в истории нашей партии [24].

В ноябре 1931 г. состоялось заседание президиума Общества историков-марксистов, посвященное обсуждению письма Сталина в «Пролетарскую революцию». Ярославский не был на него приглашен и даже не получил протокола этого заседания и текста принятой резолюции. Протестуя против этого, он писал 11 ноября 1931 г. в президиум Общества историков-марксистов, что «вряд ли здесь вопрос возможно свести к техни-

[23] Пятый том был сдан в набор, но света не увидел (ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 7, д. 69, л. 10—11).

[24] См. Большевик, 1932, № 1—2, с. 126.

ке»[25]. Вскоре состоялось обсуждение письма Сталина на общем собрании Общества историков-марксистов, а затем на большевистской фракции Общества. Обсуждение происходило также в отсутствие Ярославского, находившегося в отпуске. На общем собрании, а затем в начале обсуждения на фракции об ошибках четырехтомника говорилось как об ошибках «наших большевистских историков». Но к концу заседания фракции произошел поворот к более «радикальной» критике[26]. Выступление Кагановича в ИКП 1 декабря 1931 г., в котором этот труд квалифицировался как «история, подкрашенная под цвет троцкизма», определило характер всей последующей критики «Истории ВКП(б)». В ЦК стали поступать клеветнические заявления на Ем. Ярославского. Его обвиняли в попустительстве Слуцкому, а также в том, что он, Ярославский, на каких-то этапах истории разделял троцкистские взгляды, тут же раздували и его ошибки в период Брестского мира и т. п.[27].

10 декабря 1931 г. в «Правде» было опубликовано письмо Ярославского в связи с ошибками четырехтомника. 15 декабря он выступил с большим докладом на эту тему в Обществе старых большевиков, 8 (или 9) января 1932 г. на партийной конференции Краснопресненского района, а 13 и 14 января посвятил свои выступления ошибкам четырехтомника на Замоскворецкой районной и Московской областной партийных конференциях[28]. Наконец, 10 февраля Ярославский на пленуме ЦКК еще раз говорил об ошибках четырехтомника[29]. Во всех этих выступлениях он признавал ошибки четырехтомника и брал на себя вину за его небрежное редактирование.

Выступая 12 января 1932 г. на Замоскворецкой районной конференции, Ярославский отмечал и перегибы, которые допускались в критике историков партии[30]. На это он указывал в речи на пленуме ЦКК 10 февраля 1932 г.[31].

---

[25] ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 7, д. 30, л. 1.
[26] Там же, л. 3.
[27] Там же, оп. 3, д. 170, л. 1—2; оп. 7, д. 30, л. 3; оп. 5, д. 31, л. 4—14.
[28] Там же, оп. 7, д. 89; д. 66; д. 68; д. 69; д. 70, л. 1—4.
[29] Там же, оп. 3. д. 96, л. 11—13.
[30] Там же, ф. 89, оп. 7, д. 69, л. 7—8.
[31] Там же, оп. 3, д. 96, л. 11—13.

После опубликования письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» работы Ярославского перестали издавать. В связи с этим 9 марта 1933 г. он писал: «...Прошло уже больше года со времени приостановки моих работ по истории партии...» [32].

В это время Ярославский был занят переработкой своего учебника «Краткая история ВКП(б)», вышедшего в свет в 1930 г. В условиях складывающегося культа личности Сталина, в обстановке разгромной критики Ярославский перерабатывал учебник в духе выпячивания роли Сталина в истории партии, зная, что Сталин и Каганович проявляли повышенный интерес к этой книге.

С первых же страниц учебника, вышедшего в 1933—1934 гг. в двух частях под названием «История ВКП(б)», подчеркивались заслуги Сталина в творческом развитии ленинского теоретического наследия. Везде и всюду, особенно начиная с событий 1917 г., Сталин ставился рядом с Лениным, ему же отводилась роль «вождя и организатора» Октябрьской революции, главного творца разгрома интервентов и белогвардейцев и т. д.

Об ошибках Сталина, в том числе об его ошибках в марте 1917 г., когда он практически разделял полуменьшевистские взгляды Каменева, в учебнике не говорилось ни слова. Об освещении мартовского периода 1917 г. Ярославский стал думать сразу после опубликования письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». В конце 1931 г., будучи в отпуске, Ярославский написал письмо членам авторского коллектива четырехтомника по поводу переработки IV тома, особенно раздела о «мартовско-апрельских колебаниях у отдельных членов партии», надеясь, что, возможно, еще удастся переиздать этот том. Ярославский предлагал авторам не обходить ошибки Сталина, но основываться при их характеристике на высказываниях самого Сталина. «Об ошибках этого периода,— писал Ярославский,— лучше всего сказать так, как об этом говорит сам т. Сталин в предисловии к «Урокам Октября» (т. Сталин там говорит об ошибках большинства партии)...» [33]

Однако если в 1924 г. Сталин еще находил возмож-

---

[32] Там же, ф. 89, оп. 8, д. 827, л. 3.
[33] Там же, оп. 7, д. 66, л. 5.

ным хотя бы в такой форме говорить о своих ошибках после Февраля 1917 г., то в конце 1931—1932 гг. были приняты меры к тому, чтобы вытравить из исторической литературы вообще всякое, даже косвенное, упоминание о них. С этой целью 27 января 1932 г. в «Правде» было опубликовано письмо некоего Севрука. В марте 1917 г. этот Севрук занимал антипартийную, оборонческую позицию, был исключен из большевистской партии и перешел к меньшевикам. И вот через 15 лет, в январе 1932 г., в связи с развернувшейся в печати критикой мемуаров Шляпникова «1917 год», Севрук выступил как «свидетель» событий марта 1917 г. В своем письме он пытался представить дело так, будто в марте 1917 г. допускали ошибки только он, Севрук, и немногочисленная группа большевиков. О Сталине в этой связи не говорилось ни слова. Тем самым давался повод, чтобы совершенно снять вопрос об ошибках Сталина.

5 февраля Ярославский сделал для себя запись: «Свидетель» — Севрук». Неужели история партии не может обойтись без таких свидетелей?» [34]. Однако в переработанном учебнике по истории ВКП(б) Ярославский не только сам ничего не сказал об ошибках Сталина в марте 1917 г., но и изобразил его позицию как целиком правильную, якобы соответствовавшую позиции Ленина в тот период, взяв при этом в «свидетели» того же Севрука и его письмо, опубликованное в «Правде» 27 января 1932 г.

26 февраля 1933 г. Ярославский писал Сталину: «Посылаю текст переработанного мною «Учебника истории ВКП(б)». Я исправил его самым тщательным образом, приняв во внимание все сделанные Вами и т. Стецким указания». Ярославский просил Сталина разрешить печатать учебник [35]. Такое разрешение, видимо, не было получено, поскольку 9 марта, направляя экземпляр учебника Кагановичу, он вновь просил дать указания Партиздату на печатание учебника. В этом письме Ярославский еще раз подчеркнул, что он учел все данные ему указания: «Я заново написал, примерно, одну третью часть учебника. Дал новые гла-

[34] Там же, оп. 7, д. 67, л. 4.
[35] Там же, оп. 8, д. 827, л. 1.

вы (роль т. Сталина в гражданской войне, значение теоретических работ т. Сталина и др.)» [36].

В июне 1933 г. Ярославский получил анонимную рецензию на вторую часть своего учебника, в которой говорилось о том, что Ярославский будто бы упорно замалчивает роль Сталина в истории партии. Возражая против этого, Ярославский 26 июня 1933 г. писал Стецкому, что в учебнике «История ВКП(б)» показана исключительная роль Сталина в истории партии, что в нем есть специальные главы: «Сталин в гражданской войне», «Сталин и национальный вопрос», «Сталин как теоретик», которых нет в других учебниках по истории партии [37].

Когда учебник уже находился в производстве, Ярославский направил в Партиздат письмо, в котором писал, что сначала в «Указателе имен для «Истории ВКП(б)» он не дал текста о Сталине (так же, как о Марксе и Ленине), но потом решил такой текст поместить, исходя из того, что биографию Сталина, отпечатанную небольшим тиражом, плохо знают. Он просил взять биографические сведения о Сталине из справочного аппарата XXII тома Сочинений Ленина и добавить: «Под руководством т. Сталина партия после смерти В. И. Ленина выполнила грандиозную работу по социалистическому переустройству СССР. Учение Маркса — Ленина по ряду вопросов... было самостоятельно развито и продолжено т. Сталиным» [38].

Усилению влияния культа Сталина в историко-партийной литературе способствовала обстановка середины 30-х годов. Убийство С. М. Кирова, полоса массовых репрессий, вся атмосфера, которая сопровождала борьбу с «врагами народа» после выступления Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г., кампания клеветы против М. Н. Покровского и его учеников — все это делало невозможной нормальную работу историков. Критика ошибок М. Н. Покровского, старого большевика и видного ученого-историка, справедливо осуждавшая схематизм и отвлеченную социологизацию в его трудах, в сущности, толкала историков в другую крайность — к отказу от теоретических обобщений, от анализа источников и фактов, к эмпиризму и фактологии.

[36] Там же, л. 3.
[37] Там же, д. 828, л. 18.
[38] Там же, д. 827, л. 5.

В 1934 г. в передовой статье № 4 «Пролетарской революции» была дана обширная программа развития историко-партийной науки после XVII съезда партии. Перед историками партии наряду с задачами по разработке истории партии в советский период, созданию популярного учебника по истории ВКП(б) и учебников по истории национальных компартий, укреплению республиканских институтов истории партии и местных истпартов содержался, в сущности, прямой призыв к созданию через историко-партийную науку культа Сталина. В статье говорилось, что изучение истории партии, особенно в советский период, должно показать «во весь рост... исполинскую фигуру Сталина». Историки партии ориентировались на то, чтобы все успехи советского народа в социалистическом строительстве приписывать личным заслугам Сталина. Статья призывала к преимущественному изучению именно тех разделов истории партии, с которыми было связано имя Сталина, истории тех местных партийных организаций, в которых он работал.

В 1935 г. были закрыты Общество старых большевиков и Общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Этому предшествовало «перетряхивание» организаций старых большевиков — проверка членов Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, аресты в Обществе старых большевиков [39]. Закрытие обществ привело к уменьшению выпуска исторической, особенно мемуарной литературы. Прекратили свое издание сборник «Старый большевик» и журнал «Каторга и ссылка». В 1937 г. вышли последние номера журнала «Красная летопись» — органа Ленинградского института истории ВКП(б). После письма Сталина фактически переживает агонию журнал «Пролетарская революция». В течение первого десятилетия своего существования он выходил 12 раз в год; в 1932 г. он не выходил совсем. С 1933 по 1941 г., почти за девять лет, в общей сложности было выпущено всего 19 номеров.

Создавшаяся обстановка накладывала особый отпечаток и на работу Института Маркса — Энгельса — Ленина. С 1935 г. значительное место в ней начинает занимать подготовка к изданию биографии Сталина и собрания его сочинений. Еще в 1933 г. ИМЭЛ проводит сбор документов Сталина и о Сталине по всем

[39] Там же, оп. 5, д. 60, л. 3; д. 57, л. 6—7.

центральным и местным архивам. С августа 1935 г. началась работа по изданию 8—10 томов Сочинений Сталина, для чего был установлен кратчайший срок: 1—1,5 года [40]. Сталин лично занимался вопросами, связанными с работой над его биографией и сочинениями.

В то же время затормозилось издание и распространение ряда других работ, подготовленных ИМЭЛ. Одной из причин этого явилось упоминание в них так называемых «одиозных лиц». Так, готовый тираж протоколов VII съезда партии, протоколов I съезда РКСМ, сборника «Партия в революции 1905 г.» и некоторых других изданий не был распространен и частично был передан Партиздатом в распоряжение ИМЭЛ на правах рукописей [41].

В обстановке возрастания культа личности Сталина не могла идти нормально и подготовка ИМЭЛ такого важнейшего объекта, как научная биография В. И. Ленина.

В ИМЭЛ велась работа над хроникой жизни и деятельности В. И. Ленина, которая рассматривалась как одна из первых ступеней подготовки научной биографии Ленина. В 1931 г. вышло первое, а в 1933 г. второе, значительно расширенное издание книги «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина. 1870—1924». Однако создание подлинно научной биографии В. И. Ленина оказалось в условиях культа личности Сталина невозможным. Работы о В. И. Ленине, опубликованные в тот период, были написаны главным образом под углом зрения «сотрудничества Ленина и Сталина» и в значительной мере посвящены не Ленину, а Сталину. Одним из примеров этому может служить план тезисов, разработанных ИМЭЛ к 10-летию со дня смерти В. И. Ленина. Шестой раздел тезисов назывался «Сталин» и состоял из таких пунктов: 1. Сталин — продолжатель дела Ленина; 2. Краткая характеристика революционной работы Сталина до 1924 г.; 3. 1924—1934 гг.; 4. Сталин и Коминтерн; 5. Сталин и дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории [42].

В 1932 г. ЦК ВКП(б) создал группу для составления многотомной «Истории ВКП(б)». В нее вошли

---

[40] Там же, д. 66 и др.
[41] Там же, д. 55, л. 58.
[42] Там же, ф. 71, оп. 1, д. 59, л. 19.

Д. Кнорин, Н. Попов, А. Бубнов, Ем. Ярославский, Н. Скрыпник, В. Быстрянский, И. Товстуха, В. Адоратский. Редактирование было поручено всем секретарям ЦК. 16 января 1932 г. состоялось первое заседание группы, на котором обсуждался характер и план издания, решался вопрос о количестве томов [43]. О ходе работы ИМЭЛ рапортовал в отчете XVII съезду партии [44].

Условия, в которых пришлось работать авторскому коллективу над многотомной «Историей ВКП(б)», были чрезвычайно неблагоприятными. Об этом свидетельствует, например, письмо А. Кучкина от 28 сентября 1936 г. В. Сорину и М. Волину. А. Кучкину было поручено разработать раздел истории партии 1917 г., связанный с мартовскими событиями. Кучкин отмечал, что этот период — всего один месяц истории — оказался чрезвычайно трудным для написания. Особенно сложной для него, как автора раздела, явилась задача показать, «что товарищ Сталин вплотную подвел партию к новой ориентировке... что основные положения статей Сталина полностью совпадают с основными положениями первого «Письма из далека» Ленина» [45]. Естественно, что провести такую идею было нелегко, поскольку она явно противоречила фактам! Подготовка многотомной истории так и не была доведена до конца.

Документы свидетельствуют о том, что Сталин в целом ряде случаев не давал санкции на публикацию ленинских материалов или считал возможным лишь неполную публикацию документов В. И. Ленина. Так, он не дал санкции на выпуск XXXI тома (3-го издания) Сочинений В. И. Ленина. Этот том должен был содержать произведения и документы, опубликованные ранее в Ленинских сборниках и других изданиях. 7 января 1937 г. Адоратский вторично направил Сталину письмо о XXXI томе [46]. 25 января В. Сорин послал Сталину XXXI том с закладками и просил указаний о возможно-

---

[43] Там же, ф. 89, оп. 7, д. 69, л. 17; ф. 71, оп. 2, д. 120, л. 7—10.
[44] Отчет ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) XVII съезду ВКП(б). М., 1934, с. 16—17.
[45] ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 2, д. 140, л. 1—2.
[46] Там же, оп. 3, д. 98, л. 5—7.

сти публикации ряда документов [47]. 4 февраля Сорин вновь просит Сталина решить судьбу XXXI тома [48]. 9 мая Сорин просил Стецкого поговорить со Сталиным о XXXI томе Сочинений Ленина. Он указывал: «Том лежит в типографии уже несколько месяцев, и если вопрос не будет решен в пользу печатания, то том разберут» [49]. 13 мая 1937 г. датировано последнее из сохранившихся писем о XXXI томе Сочинений В. И. Ленина — письмо Адоратского Молотову [50]. Но этот том так и не увидел света.

Обстановка культа личности накладывала отпечаток и на работу местных историко-партийных учреждений, в частности Ленинградского института истории ВКП(б). В 1934 г. Институт приступил к созданию трехтомной истории Ленинградской организации большевиков, в №№ 2 и 3 журнала «Красная летопись» был опубликован проект плана издания. Однако массовые аресты и изгнание из Института ряда работников помешали осуществлению этой работы.

Огромный вред историко-партийной науке в те годы нанес Берия, который, не гнушаясь никакими способами (в том числе и террористическими), насаждал культ Сталина. Еще в 1932 г. Берия, возглавлявший тогда партийную организацию Закавказья, создал шумиху вокруг статьи Сталина «Письмо с Кавказа» [51]. Конечно, эта статья, написанная Сталиным в 1909 г. и опубликованная в 1910 г. в приложении к газете «Социал-демократ», сыграла в те годы определенную роль в борьбе с меньшевиками в Закавказье. В 1932 г. ей было придано особо актуальное значение. В течение недели были приняты постановления республиканских партийных органов Грузии и Азербайджана, комитетов партии Тбилиси и Баку, в которых предлагалось «проработать» «Письмо с Кавказа» во всей сети партийного просвещения, широко пропагандировать его в печати, развернуть на его основе массово-политическую работу. Историко-партийным учреждениям вменялось в обязанность в месячный срок пересмотреть все работы по истории партии под углом зрения статьи Сталина «Письмо с Кавказа».

---

[47] Там же, л. 30.
[48] Там же, л. 36.
[49] Там же, л. 106.
[50] Там же, л. 110.
[51] См. Большевик, 1932, № 4, с. 21—26.

В 1935 г. Берия выступил с докладом «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», который был опубликован и затем в течение ряда лет переиздавался огромными тиражами на разных языках. Этот доклад не что иное, как самая злостная и разнузданная фальсификация истории закавказских партийных организаций и истории партии в целом. Берия подверг разгрому все работы по истории закавказских партийных организаций, написанные А. Енукидзе, Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили, и, исказив историю, связал всю деятельность партии в Закавказье исключительно с именем Сталина.

В этой бериевской фальшивке впервые в столь одиозном плане был сформулирован распространившийся потом в историко-партийной литературе тезис о Пражской конференции 1912 г. как начале существования большевистской партии. Он прямо противоречил известному положению Ленина о том, что «большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» [52], шел вразрез со всей историко-партийной литературой, которая в 1933 г. широко отметила 30-летний юбилей создания большевистской партии. После выступления Берия в многочисленных письмах читателей указывалось на противоречие тезиса Берия положению Ленина. Но Берия, отвечая на эти письма через «Правду», не только продолжал настаивать на своей фальсификации, но даже «развивал» и «обосновывал» ее.

К 1937 г. появился целый поток литературы, восхвалявший Сталина и его заслуги. Пропитан культом личности Сталина был и вышедший вторым изданием в 1936 г. 1-й том «Истории гражданской войны в СССР» *. Для превознесения заслуг Сталина была использована почти непрерывная цепь юбилейных дат — годовщины Пражской конференции 1912 г., VI съезда партии, создания «Правды», 30-летие Батумского комитета РСДРП, 35-летие Батумской демонстрации 1902 г. и пр. Во всех юбилейных статьях и брошюрах главным «героем» был Сталин. Он рассматривался и как основатель и руководитель закавказских партийных организаций, и как инициатор создания «Правды», и как руководитель VI съезда партии и т. д. Использо-

[52] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

* Первое издание появилось в 1935 г.

вался любой повод, чтобы поставить имя Сталина в один ряд с именем Ленина.

Массовое появление литературы, пропитанной культом Сталина, подготовило почву для выхода «Истории ВКП(б). Краткий курс». В этом учебнике, ставшем каноном для всех изучающих историю партии, как бы сконцентрировались те искажения исторической истины, которые делались ради насаждения культа личности Сталина. «Краткий курс» неверно освещал многие вопросы, принижал роль Ленина, партии и народных масс. В течение последующих почти двух десятилетий, историки партии создавали в основном безликие популярные брошюры, построенные на цитатах из работ Сталина и «Краткого курса» [53].

Но вред «Краткого курса» состоял не только в этом. Главное было в догматизме, который насаждался в историко-партийной науке. Ей был спущен «эталон», согласно которому предписывалось мыслить и творить. Любое отклонение от «эталона» неукоснительно преследовалось.

Не один догматизм был порожден «Кратким курсом». Эта книга наложила печать на освещение истории партии, особенно послеоктябрьского периода. Именно в трактовке этого периода сказались субъективизм и волюнтаризм. Любое положение Сталина, когда бы он ни высказал его, объявлялось истиной в последней инстанции, и это наложило свой отпечаток на весь последующий процесс научного и художественного отображения действительности.

Что касается историографии истории партии, то после «Краткого курса» неправомерно замалчивалось лучшее, что было в трудах историков большевизма 20—30-х годов. Между тем, несмотря на то, что эти труды несут на себе печать времени, в них было много полезного и достоверного.

Влияние культа личности Сталина пагубно сказалось на методологии истории. Стали распространяться немарксистские взгляды на исторический процесс. Прошлое, невзирая на всю его противоречивость, стало идеализироваться. Это относится как к событиям, так и к историческим деятелям. Нарушался классовый подход к истории, партийность исторической науки стала

[53] Историю подготовки «Краткого курса» и его редактирования Сталиным следовало бы осветить в специальной статье.

противопоставляться объективности. Историкам внушалась мысль об их мнимой теоретической неполноценности, поскольку право на развитие теории стало принадлежать одному Сталину. Отсюда уход историков в детали прошлого вместо исследования его в целом. Мелкотемье среди историков родилось не вчера, это — наследие 30—40-х годов.

Из обихода исторической науки практически исчезли дискуссии. Если они и были, то касались либо второстепенных проблем, либо глубокой древности (типа «была ли Киевская Русь рабовладельческой?»). Тематика советского периода истории нашей Родины обсуждению не подлежала, все было предопределено заранее.

Разумеется, было бы неправильно думать, что развитие историко-партийной науки в те годы полностью остановилось. Среди потока популяризаторских брошюр и статей встречались и действительно полезные научные исследования. Но, как правило, они были ограничены узкими рамками местных и второстепенных тем и написаны без широкого использования архивных документов, которые стали в тот период почти недоступными для исследователей.

После XX съезда КПСС историки получили широкий доступ к архивным документам по истории партии и возможность их публикации. В центре и на местах стали издаваться историко-партийные документальные сборники, что в большой мере расширило источниковедческую базу науки. Увидели свет многочисленные документы Ленина и документы партии, которые в обстановке культа личности были достоянием только архивных полок.

После многолетнего перерыва стали издаваться и переиздаваться воспоминания старых большевиков. Читатель встретился в научной и мемуарной литературе со многими именами видных деятелей партии, которые были незаконно заклеймены и незаслуженно забыты в период культа личности. Широко развернулось научное исследование гигантской деятельности основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина. На большой документальной базе историки создали много ценных коллективных трудов и монографий по истории партии.

Вместе с тем и тот период имел свои «свет» и «тени», последнее усугубилось с середины 70-х годов. Только настоящий период начавшейся перестройки экономичес-

ской, политической жизни, идеологической работы партии открывает широкие возможности для развития историко-партийной науки на подлинно документальной основе, правдивого и научного освещения героической и сложной истории нашей партии.

Известно, что отрицательный результат принимается к исследованию наукой так же, как и положительный. Негативный опыт влияния культа личности Сталина на историко-партийную науку многому учит. И прежде всего тому, что подлинная наука может развиваться и достигать вершин только в обстановке демократии и гласности, принципиальной партийной критики, ленинской заботы о научных кадрах, их росте и совершенствовании. Монополия одной личности — смерть для науки. Творчество, поиск, эксперимент, гипотезы, дискуссии — вот животворный путь истинной науки.

«Вопросы теории,— подчеркивалось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС,— не могут и не должны решаться никакими декретами. Нужно свободное соревнование умов. От этого только выиграет наша общественная мысль, умножится ее прогностическая сила, а значит — способность служить надежной основой для выработки политики партии» [54].

Партия призывает учиться у Ленина творческому подходу к теории и практике социалистического строительства, брать на вооружение его научную методологию, овладевать искусством конкретного анализа конкретной ситуации [55].

Следование ленинской методологии — необходимое условие успеха и в решении задач основательной перестройки, которая предстоит в исторической науке [56], призванной способствовать пропаганде опыта воплощения ленинского идеала социализма.

---

[54] Материалы Пленума Коммунистической партии Советского Союза, 17—18 февраля 1988 года. М., 1988, с. 10.

[55] См. *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, с. 41.

[56] См. там же, с. 46.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 5. С. 57—70.

А. Бовин

Вожди и массы

Чтобы совершить прорыв в будущее, мы разбираемся в своем прошлом, анализируем уроки сталинизма, учимся говорить горькую правду. Не всем она нравится. Товарищи, которые возражают против преувеличенного, как они полагают, внимания к «культу личности», к негативным, преступным сторонам деятельности Сталина, его политики, обычно обосновывают свою позицию следующим образом. Раздувание «темы репрессий», говорят они, упор на злодейство, преступления Сталина принижают реальные достижения того времени, перечеркивают героические усилия целого поколения советских людей, наносят удар по чести и достоинству первопроходцев социализма. И еще: чрезмерное внимание к Сталину игнорирует объективные законы истории, проявляющиеся в деятельности классов и масс.

Попробуем разобраться.

Критика «культа личности» вовсе не смазывает те достижения, которыми было отмечено время Сталина, не отрицает того факта, что Советский Союз вышел на второе место в мире по общему объему производства, превратился в страну грамотных людей и т. п. Критика разворачивается в другой плоскости. Критика утверждает, что превращение нашей страны в великую державу сопровождалось — из-за сталинского курса — отступлением от идеалов социализма, их выхолащиванием.

Нет спора — Советский Союз действительно превратился в великую державу, стал «сверхдержавой». И фундамент этого заложен, несомненно, при Сталине, под руководством Сталина. Но было бы неправильно ограничиваться данной констатацией. Есть другой, и тоже весьма существенный аспект того, что можно назвать анатомией достижений. Обычно перечисляется, что сделано. И чем больше сделано, тем больше достижений. Справедливо, но частично. Не менее важно, как сделано.

Методы, которые предпочитал Сталин,— это команда, приказ, директива, сводящие к минимуму возможность самостоятельно принимать решения, учитывать реальные потребности общества. Система получения достижений, которую мы унаследовали от Сталина и долгое время считали единственно соответствующей социализму системой, лишала основные производительные звенья народного хозяйства механизма саморазвития, внутренней потребности постоянно впитывать научно-технические новшества, совершенствовать качество продукции.

Опираясь на заложенную в годы первых пятилеток основу, мы создали гигантский производственный потенциал, многоотраслевое народное хозяйство, но в экономическом, научно-техническом отношениях мы продолжаем заметно отставать от мирового уровня. Как правило, мы меряем себя американской меркой. От Америки как-то не стыдно отставать, привыкли к этому. Но ведь мы **по всем** качественным показателям экономики отстали от Финляндии и Австрии, Дании и Швейцарии, от Швеции и многих других стран.

Наши недоброжелатели язвительно называют Советский Союз «Верхней Вольтой с ракетами». Обидно слышать такое. Зло берет. Но на кого обижаться, на кого злиться? Ведь поем же мы сами: «А также в области балета...» И вот эту нашу отсталость, фундамент которой тоже был заложен при Сталине и под руководством Сталина, никакие достижения «уравновесить» не могут.

Далее. Создание социалистического общества, то есть общества, находящегося выше капитализма по уровню производительности труда и материальному достатку трудящихся, по степени реализации социальной справедливости и социального равенства, по масштабам подлинного народовластия, отвечало самым жизненным интересам трудящихся. Поэтому Россия пошла за партией большевиков и ее вождями. Здесь же — коренная причина, истоки массового героизма, энтузиазма, готовности выдержать любые трудности, пойти на жертвы ради победы социализма. Люди, миллионы людей верили в новую жизнь, хотели, жаждали ускорить ее приход, они смотрели вперед, в будущее, считая выпавшие на их долю тяготы, неустройства неизбежным спутником, следствием охватившей Россию социальной бури.

Воистину у нас за спиной великая история великого народа.

Сталин обманул «свой» великий народ.

Вожди, политические лидеры крупного калибра не являются марионетками, которых дергают за ниточки классы или некие «законы истории». Вожди и подвластный им аппарат, особенно если они выходят из-под контроля своего класса, своей партии, если они обретают практически абсолютную власть, обладают значительной степенью самостоятельности, их деятельность может ускорять или замедлять ход естественно-исторического развития и — больше того — может направлять это развитие в русло, не совпадающее с «ходом истории».

Сталин обманул людей, верящих в социализм. В центре его внимания находились не столько интересы социализма, сколько прежде всего интересы «державные», требующие превращения России в могучее, способное выдержать натиск извне государство. Могут сказать: интересы «державные» не противоречили интересам социализма. Да, в принципе это было так. Чтобы выжить, мы должны были стать сильными. Люди понимали это и поддерживали политику Сталина. Но сталинское понимание «державности» возвышало Государство над гражданином, превращало суверенную личность в послушный, безропотный «винтик» огромной государственной машины. Что не имело ничего общего с интересами социализма.

Ничего общего с интересами социализма не имели и личные интересы Сталина, требующие устранения всех, кто мог бы претендовать на равное с ним положение, возражать против подмены диктатуры класса диктатурой вождя, настаивать на собственных оценках и суждениях. Но время, обстоятельства «работали» на Сталина. Россия, революция нуждались в сильной личности. На Сталина «работали» и отсутствие демократических традиций, и царистские, воспитанные веками настроения крестьянской массы, которая стала огромным резервуаром для пополнения быстро растущего рабочего класса, количественного роста партии, формирования партийного и государственного аппарата.

Так формировалась социально-политическая и психологическая среда для превращения первого среди

равных в первого без равных. И такое превращение состоялось. Была выбита, раздавлена наиболее интеллектуально и политически развитая, самостоятельная, инициативная часть партии, прошедшая горнило революции.

Опыт массовых движений показывает, что верить в идеал, идти за непогрешимым, мудрым, всесильным вожаком гораздо легче, чем понимать научное содержание этого идеала и ломать себе голову над характером отношений между вождем и массами. Вера в социализм была отождествлена с верой в Сталина и заменена последней.

А вера, слепая вера — в бога или в коммунизм — делает мысль бессильной, превращает ее в свою служанку, лишает человека возможности здраво, критично судить о предмете веры...

В принципе вера — утешение слабых духом. Но и сильным иногда нужны кумиры. Вера в Сталина облегчала жизнь, помогала уходить от больных вопросов, создавала и поддерживала иллюзию победоносного шествия «от победы к победе». И современникам Сталина или тем, кто привык некритически воспринимать его деятельность, обидно, когда рушатся алтари и кумиры. Я вполне их понимаю. И, по моим представлениям, вера в Сталина никоим образом не умаляет заслуги людей, которым пришлось начинать путь в социалистическое будущее. Беда не в том, что они верили Сталину. Беда в том, что Сталин не отвечал им взаимностью. Он, повторяю, обманул партию, народ, людей советских.

Я не берусь реконструировать мысли, эмоции Сталина, мотивировку его поведения. Судя по всему, им владела «одна, но пламенная страсть» — жажда власти, стремление повелевать. Здесь, в «дворцовой» политике, в интригах на византийский манер Сталин поднимался до высот шекспировского театра. Его главное «достижение» — собственный автопортрет, созданный, вылепленный им — при соавторстве многих сервильных натур — образ «отца всех народов», «корифея всех наук»...

Создать такой образ, поощрять и поддерживать свой «культ» — задача далеко не элементарная. Сталин решил ее блестяще. Он тонко чувствовал ситуацию,

понимал психологию людей, разбирался в страстях и слабостях человеческих.

Страх растлевает человека, превращает его в безвольное орудие чужой воли.

Надежда возвышает человека, дает ему силы, уверенность, стойкость в жизненных перипетиях.

Опираясь и на массовые репрессии, и на массовый героизм, Сталин использовал страх одних и спекулировал на надежде других. Он предавал и казнил друзей, он превратил заключенного, «зэка», в одну из самых массовых профессий. И он же фотографировался с Мамлакат, возвеличивал Стаханова, окружал заботой Чкалова, Папанина, Шмидта. Повсеместные проклятия в адрес «врагов» народа и рапорты о трудовых победах, выражение восторгов перед «ежовыми рукавицами» и «Марш энтузиастов», грубейшие нарушения законности и «Сталинская Конституция» — таковы парадоксы самого парадоксального периода в истории социализма.

Тот, кто делает историю, тот и отвечает за содеянное. Но, если принять логику людей, апеллирующих к народу, народ, крестьяне, отвечают за варварски проведенную коллективизацию? Значит, народ, рабочие, отвечают за массовые репрессии, которые отвратили от социализма, от коммунистических партий миллионы людей во всем мире? Значит, народ наш, массы отвечают за трагедию 1941—1942 годов? Если именно народ делал историю, а Сталин лишь выполнял его волю, то на все эти вопросы придется дать положительный ответ.

Любопытно, что люди, вспоминающие о народе, чтобы защитить, вывести из-под удара Сталина, забывают об этом «аргументе», когда речь заходит о Хрущеве или Брежневе. А ведь что проще? Появится следующая Нина Андреева и скажет: надо ли снова и снова множить счет ошибкам? И зачем преувеличивать минусы «застоя»? Ведь народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция — осваивал целину, строил КамАЗ и БАМ, создавал ракеты и спутники, народ продолжал строительство социализма...

Да, народ продолжал... Но дело в том, что как и раньше, народ был лишен возможности принимать решения по фундаментальным вопросам, определявшим направление, характер, темпы развития. Ведь не народ же «решил», что мы уже создали развитое, зрелое социалистическое общество. Не народ спустил на тор-

мозах решения XX съезда КПСС, реформу 1965 года. Не народ довел нашу экономику до предкризисного состояния.

При том уровне демократизма, который существовал в нашей стране, народ не имел возможности выполнять свою миссию сознательного творца истории. Строить БАМ и строить социализм — не одно и то же. Народ мог строить и строил, но не мог сказать, что и как надо строить. Такова правда.

Есть и другая правда. Гегель выразил ее так: «Великим, бросающимся в глаза революциям должна предшествовать тихая, скрытая революция, совершающаяся в самом духе века, революция незримая для взора каждого, наименее доступная для наблюдения современников, столь же трудно выразимая в словах, сколь и трудно постижимая». Видимая невооруженным глазом коррупция, наглое воровство, обман, подтасовки отчетности, рост «теневой экономики», разболтанность, расхлябанность на производстве отравляли жизнь, мешали работать каждому честному человеку. В глубинах народной жизни зрели гроздья гнева, накапливались недовольство, раздражение, все более острым становилось желание перемен — и перемен не косметических, не уравновешенных на весах придворных компромиссов, не сводящихся к длинной или короткой рокировке в «верхах», а перемен, затрагивающих основы устоявшихся порядков. Зрела перестройка.

Я не хочу углубляться в философию истории, излагать марксистскую концепцию роли масс в историческом процессе. Это дело философов и историков. Но мне как-то неловко, совестно возлагать на народ ответственность за те эксцессы, которыми сопровождалась история социализма и которые исказили, извратили суть социализма.

Предвижу возражение — оно, собственно, давно сформулировано: каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает. Верно, но только в одном случае. Этот «случай» — демократия. Перестройка — это исторический шанс демократизации.

И то, как мы используем этот шанс, покажет — чего мы заслужили.

Новое время. 1988. № 19. С. 26—27.

В. Иванов

Перекрашивают Иудушку

Недавно западногерманский журнал «Шпигель» опубликовал пространную, в две тысячи слов, статью с иллюстрациями о современных оценках в Советском Союзе некоторых событий первых лет революции, предпослав ей многозначительный аншлаг — «Троцкий, заклятый враг диктатора, теперь становится «героем и мучеником». Ссылаясь на публикации нашей прессы, в том числе и материалы на исторические темы «Советской России», журнал рассматривает объективное изложение фактов как некое указание на «реабилитацию Троцкого», которое-де «обеспечивают журналисты». Ничтоже сумняшеся «Шпигель» заверил своих читателей, что массовая газета «Советская Россия» уже в начале года опубликовала фотографию Троцкого в качестве руководителя армии, еще не называя имени, а позже, в июне, продолжила, мол, реабилитацию. Упиваясь своими «хитроумными» построениями, журнал не может удержаться от патетического восклицания: «...Дух Троцкого все еще блуждает по университетам и учебным кабинетам России, в которых идеи революционера с мировым именем вспоминают как легенду...»

Наверное, имеет смысл, отбросив патетику, поверить подлинными фактами истории эту легенду, столь настойчиво навязываемую последнее время редакциями, подобными «Шпигелю», голосами, подобными радио Франции, другими источниками, что и в нашей почте появились недоуменные письма. С этой целью мы предоставляем слово профессору, доктору исторических наук В. М. Иванову под нашей традиционной рубрикой «Переписка иа исторические темы».

Авторы статьи в «Шпигеле», к которой мы будем не раз обращаться в нашей беседе, не скупятся на лестные эпитеты, они представляют своим читателям Л. Д. Троцкого как «великого революционера», заслуги которого перед революцией если не больше, то по крайней мере не меньше, чем В. И. Ленина.

«Кто организовал захват власти большевиками? Кто был первым министром иностранных дел нового Советского государства, создал Красную Армию и победил в гражданской войне?» — развешивая целые гроздья подобных риторических вопросов, где ядовитая ложь коварно прикрыта одеждами полуправды, журнал очерчивает величественные контуры «героя» и спекулятивно констатирует: «Ответы на эти вопросы подвергались в СССР фальсификации на протяжении

более полувека». Из двух тысяч слов в статье не нашлось буквально ни одного, которое рассматривало бы и опровергало хоть один партийный документ или противостояло ленинским оценкам Троцкого и троцкизма, сложившимся в первой четверти нынешнего века. Было бы полезно восполнить этот пробел.

Но прежде зададимся вопросом: кто же такой Троцкий? Как и почему он примкнул к революционному движению? Чем проявил себя как его участник в предреволюционные годы? Эти детали биографии Троцкого авторы статьи в «Шпигеле» старательно обходят. Между тем, как резонно замечают в своих письмах читатели «Советской России», они имеют немаловажное значение для понимания и оценки личности Троцкого, характера его поступков и линии поведения.

Л. Д. Троцкий (Бронштейн) родился в семье крупного земельного арендатора на юге России, все его ближайшие родственники принадлежали к буржуазным кругам. 1917 год отец Троцкого встречал, имея почти миллионное состояние. Когда же произошла революция, сын помог отцу устроиться в голодной Москве «по хлебному делу».

Еще учеником старших классов реального училища Лев Бронштейн увлекся концепциями либеральных народников и вместе с ними боролся против распространения марксизма. «Я считал себя противником Маркса, книг которого, правда, не читал»,— признавался он впоследствии.

Сблизившись с молодой женщиной, он познакомился с ее помощью с социал-демократами и вошел в состав «Южно-русского рабочего Союза», действовавшего в Николаеве. После разгрома этой малочисленной кустарнической организации, находившейся под влиянием экономистов, Бронштейна и его жену арестовывают, а затем высылают в Сибирь. В одесской тюрьме он впервые познакомился с несколькими работами Маркса и Энгельса и сразу пришел к выводу, что их взгляды «совпадают» с его суждениями. С пребыванием в тюрьме связан принятый им псевдоним — Троцкий. (Такую фамилию имел один из надзирателей).

В 1902 году Троцкий бежит из иркутской ссылки, оставив в Сибири жену и двух дочерей. Перебирается за границу и сразу же примыкает к Аксельроду и другим будущим меньшевистским лидерам, начинает сотрудничать в «Искре», несмотря на энергичные возражения Плеханова, всегда подозревавшего Троцкого в том, что он заботится не об интересах революции, а о своей революционной карьере.

В эмиграции Троцкий в отличие от многих русских революционеров жил достаточно безбедно. Успел получить за это время высшее образование. Сошелся с русской студенткой, дочерью купца первой гильдии Н. Седовой, ставшей его второй женой и матерью сына Льва, который, кстати, принимал активное учас-

тие в антисоветской деятельности отца в тридцатые годы.

Воспользовавшись печатью Сибирского социал-демократического союза, Троцкий сам себя делегирует на II съезд РСДРП. По количеству выступлений на нем он превзошел многих, поразив участников съезда своей крайней беспринципностью. Даже говорливый бундовец Либор, будущий идейный единомышленник Троцкого, заметил в сердцах: «Выдергивает разные принципы, как ярлычки, в зависимости от того, который из них более удобен».

Меньшевики, предложившие свой список кандидатур в ЦК, включили и Троцкого. Но, как известно, большинством голосов в Центральный Комитет были избраны сторонники Ленина. Через месяц после окончания съезда совещание 17 меньшевиков в Женеве оформило руководящие органы своей партии, в бюро вошли Мартов, Дан, Потресов, Аксельрод и Троцкий. Совещание утвердило план борьбы против большевиков, разработанный Мартовым и Троцким.

Характеризуя статьи Троцкого в меньшевистской печати тех лет, М. С. Ольминский отмечал, что он «врет ради процесса вранья, соврет и «забудет», опять соврет и опять забудет». В брошюре «Наши политические задачи» Троцкий, излагая меньшевистские взгляды по вопросам строительства партии, обвинял большевиков в формализме, в стремлении к «заместительству» рабочего класса и установлению «диктатуры» партии над пролетариатом, приписывал большевикам намерение строить партию по образцу капиталистической фабрики, превращая социал-демократов в послушные «колесики» и «винтики», изображал Ленина «диктатором», «узурпатором». Естественно, меньшевики и буржуазные либералы устроили овацию Троцкому за его опус. А передовые рабочие с негодованием осудили эту клевету.

Тем временем Троцкий, запутавшись в интригах, вступил в личный конфликт с Даном (человеком, очень близким к Мартову) и вынужден был покинуть руководящий центр меньшевиков. Он объявил себя стоящим вне фракций, но фактически продолжал сотрудничество с меньшевиками. С началом первой революции в России Троцкий с правых оппортунистических позиций переходит на позиции «левого» оппортунизма, сохраняя по-прежнему идейное родство с меньшевиками.

шевиками. Он, как писал Ленин, «вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультрареволюционной фразой».

Претензии Троцкого на особое положение в социал-демократическом движении окончательно определились в связи с идеей так называемой «теории перманентной революции». Пытаясь представить ленинское учение о революционно-демократической диктатуре как концепцию «самоограничения» пролетариата в демократической революции, Троцкий заявлял, что уже на этом этапе рабочий класс должен установить свою диктатуру, а затем, пока ее не смело «враждебное» социализму крестьянство, с помощью «революционно-агрессивной тактики» (т. е. путем военного вторжения) перенести революции в более подготовленные для социализма страны. В. И. Ленин выступил против этой авантюристической концепции. Безумцами или провокаторами называл Ленин людей, утверждавших, подобно Троцкому, что революция может родиться в чужой земле по заказу.

Следует сказать, что, когда Троцкий отмежевывался от крайних оппортунистических позиций, В. И. Ленин положительно оценивал эти шаги. Однако очень скоро выяснилось, что расхождения Троцкого с другими оппортунистами существуют лишь в частностях.

Уже в феврале 1917 года Владимир Ильич в письмах товарищам говорил о Троцком: «Вот так Троцкий! Всегда равен себе — виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...»

Конечно, наряду с чрезмерной амбициозностью, себялюбием, эгоизмом, чванством были у Троцкого и воля, и личная смелость, и решительность, так необходимые для революционной деятельности. Но отсутствовала главная черта пролетарского революционера — идейная убежденность в правоте дела, во имя которого боролась и шла на неслыханные жертвы партия. Потому-то он так легко и менял свои идейные установки, так часто приспосабливался к более перспективным, как ему казалось, идейным течениям.

Вернувшись в мае 1917 года из эмиграции в Россию, Троцкий вступил в межрайонную объединенную организацию РСДРП, занимавшую промежуточные позиции между меньшевиками и большевиками. Многие деятели «межрайонки» выступали за объединение с большевиками. Троцкий противился этому, он говорил, что «большевики разбольшевичились» и «признания большевизма требовать от нас нельзя». Он был сторонником сближения с меньшевиками, примиренчески относился к буржуазному Временному правительству, пытался поставить под сомнение правильность ленинского курса на социалистическую революцию, заявлял, что в России нет предпосылок для социализма.

После разгрома июльской демонстрации Троцкий

добровольно явился к властям и попросил заключить его в тюрьму. Там он отмежевывается от большевиков, заявляет, что поддерживал связи лишь с одним большевистским деятелем — Каменевым, который был женат на сестре Троцкого.

Прошу извинить, что пересказываю широко известные сведения, но очень уж негодует журнал «Шпигель», что в советских изданиях ничего, мол, по-прежнему не найти о Троцком. Помилуйте, любая солидная библиотека представит желающему обширную подборку изданий. Не говоря уж о десятках ленинских томов, где, что называется, с натуры воссоздается политический портрет героя фразы.

Один из главных вопросов, вокруг которого продолжает накручиваться множество вымыслов,— это роль Троцкого в Октябрьской революции. Помните риторику: кто организовал захват власти большевиками? Кто был первым министром?..

Для неосведомленного читателя вопросы журнала звучат как некая сенсация, складывается впечатление, будто обнародуется нечто такое, что тщательно скрывалось и утаивалось. Но это, повторяю, для неосведомленного читателя.

По сути же и в самих вопросах, и в том, какая цель преследуется такой их постановкой, нет ничего нового. Это лишь возвращение к истории, которая в свое время получила широкое освещение в прессе и, больше того, явилась предметом открытой дискуссии об «Уроках Октября» в 1924 году.

Хорошо известно, что после смерти В. И. Ленина вначале единомышленники Троцкого, а затем и он сам опубликовали целый ряд статей о Ленине, в которых принижалась и искажалась роль Владимира Ильича в революции и всячески выпячивалась личность самого Троцкого. Даже эмигрантский орган меньшевиков «Социалистический вестник» вынужден был признать, что в воспоминаниях Троцкого о Ленине содержатся «такие сведения», которые в чужих устах звучали бы клеветой и явной насмешкой». В своих мемуарах и статьях Троцкий утверждал, что «довоенный» ленинизм не оправдал себя и сам Ленин якобы отказался от него в 1917 году, изображал Ленина сторонником узкого конспиративного заговора, организованного за спиной Советов, приписывал ему упорное стремление к развязыванию террора против свергнутых эксплуататорских классов.

Несостоятельность попыток Троцкого изобразить себя главной, центральной фигурой Октябрьской революции, равно как и выдуманной его сторонниками «теории» двух вождей Октября, очевидность клеветнических выдумок об «идейном перевооружении» большевизма, о двух «ленинизмах», вздорность заявлений, что якобы «теория перманентной революции» стала «теорией» подготовки и проведения Октябрьской революции, были убедительно доказаны в ходе дискуссии. Но поскольку эти обветшалые легенды вновь извлечены на свет, есть смысл в интересах исторической правды восстановить некоторые события.

Прежде всего о том, как Троцкий оказался во главе Петроградского Совета. Мы уже говорили, что после июльских событий 1917 года он добровольно явился к властям, предпочитая заключение в тюрьме. В это время состоялся VI съезд РСДРП(б), на котором «межрайонка» влилась в большевистскую партию. Два ее представителя — Троцкий и Урицкий — были избраны в состав ЦК. После разгрома корниловского мятежа встал вопрос об изменении состава руководящих органов Петроградского Совета. Вот тогда-то на пост председателя по инициативе Каменева и был предложен только что вышедший из тюрьмы Троцкий.

Всего лишь месяц находился Троцкий на этом посту в предоктябрьские дни. Его деятельность в основном сводилась к произнесению речей, чаще всего длинных и поверхностных. По свидетельству Джона Рида, даже в канун восстания Троцкий говорил с трибуны Петроградского Совета по 6, 8 и даже 12 часов в день, на практические дела времени просто не оставалось. Это обстоятельство заставило Ф. Э. Дзержинского 21 октября 1917 года на заседании ЦК РСДРП(б) очень остро поставить вопрос о полной дезорганизации в исполнительном комитете Петроградского Совета, возглавляемом Троцким. По решению Петроградского комитета партии на работу в исполком срочно было направлено дополнительно десять видных большевиков — Дзержинский, Сталин, Володарский и другие.

Особенно опасный характер для революции приобрели попытки Троцкого сорвать военно-техническую подготовку восстания (Троцкий называл ее заговорщичеством) и отложить решение вопроса о власти до созыва II съезда Советов. Этот маневр безогово-

рочно поддерживали Каменев и Зиновьев, так же, как и Троцкий, требовавшие подменить восстание легальными средствами борьбы — созывом съезда Советов, а затем Учредительного собрания. Партии большевиков при этом отводилась роль «влиятельной оппозиции».

Такой путь был решительно отвергнут. Уже в сентябре В. И. Ленин наметил точную схему восстания: «власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, **который передаст** ее съезду Советов». Именно так, несмотря на противодействие оппортунистов и колеблющихся, и произошла Октябрьская революция. Однако Троцкий во всех своих статьях и книгах об Октябре упорно доказывал, что восстание победило именно так, как предсказывал он, то есть мирным, легальным путем, путем резолюций, голосований и прений на заседаниях Петроградского Совета, а затем и съезда Советов. «На $^{3}/_{4}$, если не на $^{9}/_{10}$ восстание было совершено еще до 25—26 октября»,— писал Троцкий в 1924 году в своей статье «Уроки Октября». И далее: Каменев и Зиновьев, выступавшие против восстания, «несомненно оказывали восстанию известную услугу, питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага».

Не останавливаясь перед прямыми наветами, Троцкий изображал дело так, как будто В. И. Ленин, придя в Смольный для руководства восстанием, узнал из его уст, что оно идет по плану Троцкого, «стал молчаливее, подумал и сказал: «Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть». Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора».

Что же в действительности происходило в Смольном после прихода туда Владимира Ильича?

Свидетельство Г. И. Ломова (наркома юстиции в первом правительстве):

«Ленин кипит и бурлит. Он издевается над нашей нерешительностью. Сейчас же надо дать все необходимые директивы, брать все здания, все правительственные учреждения, все вокзалы, телефоны и телеграф в свои руки, пользуясь нерешительностью Керенского. С этого момента колебаний и осторожности — как не бывало... Ночью — так около 3 часов утра — положение совершенно определилось: фактически власть находилась в наших руках».

В своих мемуарах Троцкий утверждал, что в ночь с 24 на 25 октября из кабинета председателя Петро-

градского Совета в Смольном вместе с подоспевшим ему на помощь Каменевым он руководил «восставшими полками», а Ленин появился там лишь на следующий день, когда восстание уже окончательно победило. Воспользовавшись-де отсутствием Троцкого, ушедшего после бессонной ночи отдыхать, он, мол, наметил состав Советского правительства под своим руководством. Но хорошо известно, что штабом восстания был не кабинет председателя Петросовета, а ВРК, работавший в тесном контакте с ЦК партии большевиков, лично В. И. Лениным. По словам одного из руководителей вооруженного восстания В. А. Антонова-Овсеенко, члена ВРК, они «чувствовали Троцкого не как организующее, но преимущественно как тормозящее, сдерживающее начало, чуждое ленинскому руководству». В его установках «сквозило органическое недоверие к большевистской партии».

Затеянная Троцким возня с «пересмотром» исторических событий вновь обнажила всю его нравственную нечистоплотность как революционера. Даже люди из стана контрреволюции характеризовали его с предельной откровенностью. «Троцкий — талантливый обманщик, для которого революция была сценой для показа своих собственных способностей и для получения власти и славы»,— отмечал В. Войтинский.

В предреволюционный период Троцкий не скрывал своей неприязни к Владимиру Ильичу, постоянно выступал против его теоретических и политических установок. Нет смысла здесь перечислять все бранные слова, измышления, которые были у него в ходу. После II съезда Троцкий поднял вместе с другими меньшевиками «восстание против ленинизма» — так характеризовал эти действия Мартов. В разгар острейшей борьбы большевиков с ликвидаторами и отзовистами Троцкий предсказывал: «Великая будет драка — и Ленин в ней примет смерть». Он призывал меньшевиков к разрушению «самих основ ленинизма». Больше того, незадолго до прихода в большевистскую партию в 1917 году Троцкий упрекал одного из своих бывших сотрудников (Мельничанского) за то, что тот «поторопился связаться с большевиками». Став членом большевистской партии, а затем и Советского правительства, Троцкий, конечно, высказывался сдержаннее. Неприятие ленинизма в этот период проявлялось в завуалированной форме. Но оно оставалось. О неуважительном отношении к Ленину свидетельствует и такой факт: узнав о кончине вождя партии, он даже не прервал свой отдых в Сухуми, в похоронах не участвовал. Как впоследствии писал сам Троцкий в своей книге «Моя жизнь», в этот трагический для страны день он стоял на берегу моря и вместе с его дыханием «всем существом своим ассимилировал уверенность в своей исторической правоте».

Теперь — о деятельности Троцкого в послеоктябрьский период. «Шпигель» выделяет его участие в первом Советском правительстве. Да, действительно, В. И. Ленин предложил ввести Троцкого в первое правительство, поручив ему пост народного комиссара по иностранным делам. Но фактическим руководителем внешнеполитической деятельности молодого Советского государства был В. И. Ленин — тут предостаточно свидетельств одних иностранцев. Да и сам Троцкий признавался, что рассматривал свое пребывание на посту наркома по иностранным делам как временное. Он считал, что у социалистического государства не может быть внешних дел, так как должна подоспеть мировая пролетарская революция, упраздняющая все государственные границы. Если же этого не произойдет в самое ближайшее время, предсказывал Троцкий, Советская власть обречена, она не продержится в обстановке враждебного капиталистического окружения.

Именно эта далекая от марксизма точка зрения определила линию поведения Троцкого в период борьбы за выход Советской России из войны с Германией, о чем достаточно подробно рассказывалось на страницах «Советской России». Как известно, срыв по вине Троцкого переговоров в Брест-Литовске был использован Германией как предлог для возобновления наступления. А так как при этом Троцкий заявил о роспуске русской армии, то германским войскам удалось захватить огромные территории и выйти на дальние подступы к Петрограду.

В обстановке смертельно опасного для революции военного кризиса началось отрезвление «героев «левой» фразы» — так назвал В. И. Ленин сторонников продолжения войны с Германией. Однако Троцкий и находившиеся под его политическим влиянием Бухарин, некоторые другие не отказывались от своей безрассудной политики. На VII съезде партии Троцкий заявил, что если международный пролетариат не может дать отпор германскому империализму, значит, «мы явились слишком рано и должны уйти в подполье...»

Из документов партии мы знаем, что VII съезд РКП(б) осудил позицию «левых» авантюристов. В знак протеста Троцкий демонстративно заявил, что уходит со всех занимаемых постов. В. И. Ленин, характеризуя поведение «революционеров» фразы, говорил, что их

субъективная «психология» есть психология взбесившегося мелкого буржуа».

Такова была принципиальная оценка поведения Троцкого.

Однако он остался в руководстве. Принимая во внимание организаторские способности Троцкого, ему доверяют пост руководителя народного комиссариата по военным и морским делам, а затем и пост председателя созданного в условиях гражданской войны Реввоенсовета Республики. Организация Красной Армии, руководство ею, решение важнейших военно-стратегических и оперативных вопросов было важнейшим делом всей партии, ее ЦК. В. И. Ленин возглавил созданный на период войны чрезвычайный орган — Совет рабочей и крестьянской обороны.

Деятельность Троцкого на посту руководителя военного ведомства находилась под постоянным контролем, что позволяло не раз пресекать ошибочные, авантюристические действия, грозившие серьезными последствиями для дела защиты социалистического Отечества. С личным участием В. И. Ленина были пресечены, например: авантюра Троцкого, приказавшего расстрелять ряд видных политработников Восточного фронта за допущенную измену Советской власти группой военных специалистов; требование прекратить преследование за Уралом разгромленного Колчака; его предложение о посылке конного корпуса через Афганистан в Индию для осуществления там революции... Многие другие неверные шаги. Его политические и военные ошибки подвергались острой критике на VIII съезде РКП(б), на ряде Пленумов ЦК партии.

Из всего сказанного видно, что после прихода в большевистскую партию Троцкий подвергался резкой критике со стороны В. И. Ленина по коренным вопросам внутренней и международной политики. Почему же Владимир Ильич тем не менее не предлагал освободить Троцкого от руководящей работы в Советском правительстве, что дает сегодня повод тому же «Шпигелю» говорить о какой-то исключительности?

Обращаясь к событиям истории, мы должны рассматривать их с позиций того времени. Представим общую ситуацию: во-первых, труднейшее положение Республики Советов, сменяющие друг друга гражданская война, иностранная интервенция и послевоенная разруха. В такой обстановке, думается, приходилось

использовать любую находившуюся в распоряжении партии силу, в том числе и не всегда надежную. Во-вторых, гигантский дефицит кадров. В-третьих, международная известность Троцкого, которого знали руководители германской, австрийской, некоторых других социал-демократических партий, и поддержка со стороны ряда влиятельных деятелей, таких, как Бухарин, Каменев, Пятаков. Наконец, стремление В. И. Ленина воздействовать на Троцкого, убедить его в необходимости подчиняться решениям и традициям партии, поставить его несомненные способности на службу стране. Общеизвестно, что в кадровой политике В. И. Ленин проявлял величайшую принципиальность, высокую требовательность в сочетании с товарищеским доверием, никогда не опускался до политиканства, не руководствовался ни личными привязанностями, ни антипатиями. Все это проявлялось и в отношении к Троцкому. После вступления Троцкого в большевистскую партию В. И. Ленин критиковал его за ошибки в духе норм партийной этики в корректной форме. Владимир Ильич неоднократно и положительно отзывался об отдельных сторонах деятельности Троцкого и как члена ЦК партии, и как члена Советского правительства. В ноябре 1917 года он, например, ставил Троцкого в пример Каменеву и Зиновьеву за то, что он сумел порвать с меньшевиками. Положительно оценивалась деятельность Троцкого на посту руководителя военного ведомства в условиях послебрестовской мирной передышки. Отмечал В. И. Ленин и заслуги Троцкого в налаживании военной дисциплины в Красной Армии.

В известной беседе с Горьким (ее содержание воспроизведено Алексеем Максимовичем в брошюре «В. И. Ленин») Владимир Ильич указывал на организаторские способности Троцкого, поставленные на службу революции. Однако, как вспоминал Горький, в то же время В. И. Ленин обратил внимание на такие черты характера Троцкого, как чрезмерное честолюбие. «С нами, а — не наш» — так лаконично, но очень точно определил Владимир Ильич место Троцкого в партии, в революционном движении.

Этой оценки придерживался он и в дальнейшем. В известном «Письме к съезду» Владимир Ильич выделил Троцкого, как, пожалуй, самого способного члена ЦК. И одновременно напомнил о том, что его дооктябрьский небольшевизм не был случайностью, что он отличается чрезмерной самоуверенностью, умением вести борьбу против Центрального Комитета и непомерно увлекается административной стороной дела.

Такую корректность, лояльное отношение Троцкий воспринимал как проявление слабости. Его фракцион-

ная деятельность против партии и ее ЦК становилась все более жесткой. Большинство членов Центрального Комитета, как свидетельствуют документы, прямо ставили вопрос о необходимости отстранения Троцкого от руководящей работы в партии и государстве. XIII конференция РКП(б), состоявшаяся в январе 1924 года (на ней присутствовало 128 делегатов с решающим и 222 делегата с совещательным голосом), обсудила итоги дискуссии с троцкистами и в своей резолюции, принятой при 3 голосах против, признала:

«В лице нынешней оппозиции мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон. Не подлежит никакому сомнению, что эта оппозиция объективно отражает напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской партии и ее политику».

Даже Каменев и Зиновьев, которых еще В. И. Ленин называл непоследовательными троцкистами, в конце 1924 года требовали исключить Троцкого из ЦК партии. Оба эти деятеля, объединившиеся вскоре с троцкистами в единый блок, обвиняли ЦК в чрезмерно мягком, примиренческом отношении к Троцкому.

В резолюции январского (1925 года) Пленума ЦК и ЦКК РКП(б) отмечалось, что Троцкий развернул прямой поход против основ большевистского мировоззрения. Пленум самым категорическим образом предупредил Троцкого и освободил от обязанностей наркома по военным и морским делам. Все партийные организации страны, братские компартии, исполком Коминтерна одобрили решения ЦК РКП(б).

Говоря о Троцком, авторы статьи в «Шпигеле» правы в одном, когда констатируют, что для ускоренного перехода к социализму Троцкий предложил осуществить идею «милитаризации труда». Оставляя на их совести замечание о том, что милитаризация труда практикуется в СССР по сей день, скажем, что действительно в конце гражданской войны Троцкий выдвинул план всеобщей милитаризации труда, рассчитанный на весь период строительства социализма. Выступая на IX съезде РКП(б), он предложил перестроить хозяйственную жизнь по армейскому образцу, подчинить рабочих и крестьян жесткой воинской дисциплине, превратить профсоюзы в орудие милитаризации труда. «В военной области,— говорил Троцкий,— имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие

для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде в области трудовой...»

Мы знаем, что партия отвергла эти попытки. Был разработан план развития экономики на основе внедрения в нее новейших достижений науки и техники — план ГОЭЛРО. Троцкий был противником этого плана, предсказывал его неминуемый провал.

Наибольшей остроты расхождения между Лениным и Троцким достигли в период перехода от войны к миру, особенно в ходе общепартийной дискуссии о профсоюзах. Троцкий выступил с требованием «перетряхнуть» профсоюзы, сделать их «проводником революционной репрессии», орудием принуждения рабочего класса и крестьянства к трудовой деятельности. Он возражал против курса партии на демократизацию профсоюзной жизни, требовал «завинтить гайки военного коммунизма», пытался превратить профсоюзы, вернее их руководящие органы, в составную часть государственного аппарата, лишить профсоюзы характера самодеятельной общественной организации («огосударствление» профсоюзов). Троцкий отвергал ленинскую идею соревнования, экономического стимулирования трудовой деятельности, использования материальной заинтересованности рабочих и крестьян в повышении производительности своего труда. Он ратовал за уравниловку в распределении при сохранении ударности в производстве, основанном на голом принуждении.

Характеризуя смысл развернувшейся дискуссии, Владимир Ильич указывал, что борьба в ней шла фактически по вопросу «о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой». Троцкий отстаивал военно-бюрократическую линию, в основе которой лежали идеи мелкобуржуазного «казарменного коммунизма». Особую опасность предложений Троцкого и других оппозиционеров В. И. Ленин видел в том, что они «договариваются до отречения... от руководящей роли партии по отношению к массе беспартийных». Это было «коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма...»

В резолюции X съезда РКП(б) «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» был подтвержден принципиальный вывод о том, что без руководства со стороны Коммунистической партии «диктатура пролетариата немыслима». На этом же съезде

была принята и другая резолюция — «О единстве партии». Автором обеих этих резолюций и инициатором их принятия был В. И. Ленин. В своем выступлении на съезде он назвал прошедшую дискуссию, развязанную троцкистами, непозволительной роскошью и заверил, что впредь таких дискуссий партия не допустит.

В этот период Троцкий использовал любой предлог для нападок на ЦК, отказывался выполнять его указания.

«Уже не месяц и не два, а, пожалуй, года два продолжается такое отношение т. Троцкого к Политбюро. Не раз и не два мы выслушивали такие огульные отрицательные характеристики работы Политбюро и в то время, когда эти работы происходили под председательством Владимира Ильича. Тов. Троцкий не раз заявлял нам, что он «воздерживается» при разрешении 9/10 текущих хозяйственных вопросов в Политбюро»,— писали члены Политбюро ЦК в марте 1923 года.

Осенью 1923 года во время болезни В. И. Ленина Троцкий стал добиваться отмены ленинской резолюции «О единстве партии», настаивая на свободе фракций и группировок...

Нет нужды пересказывать дальнейшую борьбу с оппозиционерами — документы партии по этому поводу широко известны.

В январе 1929 года ОГПУ приняло решение о высылке Троцкого за пределы СССР. Оказавшись за рубежом, он сразу же развернул активную антисоветскую деятельность, а в 1938 году стал инициатором создания антикоммунистического «IV Интернационала», действующего и поныне. Хотя, как пишет тот же «Шпигель», исторической перспективы эта организация не имела. Ее филиалы, приверженные мировой революции, скоро пришли к расколу, запутавшись в бесконечных идеологических боях.

В заключение обратимся еще к одному тезису статьи в «Шпигеле». Прослеживается довольно распространенная на Западе версия, будто бы разгром троцкизма — дело рук «диктатора Сталина». Тем самым вновь предпринимается попытка принизить значение разгрома троцкистской идеологии, представить ситуацию как борьбу за власть между двумя сильными личностями. Но совершенно очевидно — это сознательная подтасовка исторических фактов. Из сказанного выше явствует: троцкизм был идейно сокрушен еще при жизни В. И. Ленина, при решающем участии в этой борьбе самого Владимира Ильича. В последующие годы партия довершила дело, начатое В. И. Лениным.

Да, у Сталина была и личная неприязнь к Троцкому — на личные противоречия между ними указывал в своем «Письме к съезду» В. И. Ленин, подчеркивая, что отношения между ними составляют опасность раскола в ЦК. Известна и его критика личных черт Сталина. Но следует отметить: Троцкий испортил личные отношения с очень многими деятелями партии. Известно, например, что Троцкий плел интриги против Фрунзе, неуважительно относился к Зиновьеву, третировал Орджоникидзе, Куйбышева, Микояна, злобно отзывался о Кирове, а, очутившись за границей, стал поливать грязью даже Каменева, своего близкого родственника. Он всегда чувствовал себя чужим в ленинском ЦК.

Неприятие партией Троцкого и троцкизма, разрыв с ним был закономерным итогом долгого пути троцкистского противоборства с большевизмом, его принципами и традициями.

Советская Россия. 1987. 27 сент.

Д. Шелестов

Пять конвертов

А в них почти все, что осталось от семьи Л. Б. Каменева

Верховный Суд СССР отменил приговоры и реабилитировал осужденных по процессам 1936 и 1937 годов, которые вошли в историю по фамилиям главных обвиняемых: Г. Е. Зиновьева — Л. Б. Каменева, Г. Л. Пятакова — К. Б. Радека.

Жертвам этих судилищ возвращены честные имена. Но остается вопрос: почему закаленные в революционной борьбе люди в ответ на нелепые обвинения признавали себя виновными, вторили прокурорским бредням?..

Увы, их не спросишь об этом. А информация, которой мы располагаем, позволяет допустить несколько версий. По одной из них, оговаривая себя, подсудимые спасали жизни родственников и друзей...

О том, как жестоко были обмануты последние надежды жертв сталинских репрессий, рассказывает этот материал.

Мягкий свет настолькой лампы высвечивает пожелтевшие фотографии на цветастой скатерти. Кому они дороги и интересны, эти своеобразные окошечки в давно минувшие дни? Разве только родным и близким, как память об ушедших? Машинально беру один из фотоснимков.

Моя собеседница — Галина Сергеевна Кравченко, заслуженная артистка РСФСР. Вся ее большая жизнь связана со становлением советского киноискусства (Галина Сергеевна закончила ВГИК «первого призыва», о чем свидетельствует и бережно хранящийся у нее уникальный памятный значок). Об этом она рассказала в своей книге «Мозаика прошлого».

— В вашей книге, Галина Сергеевна, вскользь упоминается, что вы встречались, были знакомы со многими выдающимися людьми своего времени, в том числе и с крупными политическими деятелями... Ясно, что далеко не все можно было вместить в рукопись. Но свидетельства тех, кто видел, участвовал, да и просто жил в то время, в том кругу, который судьба вам определила, особенно ценны нам сегодня... Расскажите об этом подробнее.

— Моя книга прежде всего «профессиональный документ». Это рассказ киноактрисы о своем деле. Кроме того, она вышла в 70-е годы, когда я еще не могла сказать правду о судьбе моего сына Виталика (ему посвящена книга) и его отца, моего мужа Александра Львовича. Ведь он сын Льва Борисовича Каменева, а по матери, Ольге Давыдовне, племянник Л. Троцкого. Последнего я, впрочем, и не знала. Его выслали из СССР в 1929 году, а мы с Лютиком — так, несмотря на «солидный» 23-летний возраст, близкие звали мужа — зарегистрировали брак в тридцатом. С того времени я и стала жить в доме 9 на Манежной улице, куда Каменевы с сыновьями, старшим — моим будущим мужем и младшим — учеником начальных классов Юриком, перебрались за два-три года перед тем из Кремля. Случается, что я проезжаю мимо этого дома, смотрю на «наши» окна на четвертом этаже. Тогда, в первой половине 30-х годов, многое прошло за ними — и радостное, счастливое, и подлинно трагическое...

Галина Сергеевна разглаживает рукой газетный лист — «Правда» от 13 мая 1988 года, где опубликована фотография «В. И. Ленин на заседании Совнаркома». Вчитаемся внимательно в историю этого фотодокумента. 2 октября 1922 года В. И. Ленин после долгого отсутствия, вызванного первым острым приступом болезни, вернулся из Горок в Москву. На вторую половину следующего дня было назначено очередное заседание правительства РСФСР. Как вспоминала Л. А. Фотиева, заседание было многолюдным. Пригласили фотографа, Петра Оцупа, не раз снимавшего Владимира Ильича, заготовили приветственные речи. Но все вышло иначе. Владимир Ильич согласился только сфотографироваться вместе со всеми, и то лишь после окончания работы.

На этом последнем «совнаркомовском» снимке Ленина рядом с ним два его заместителя — Алексей Иванович Рыков и Лев Борисович Каменев (еще один заместитель — Александр Дмитриевич Цюрупа сидит в группе за столом). Десятилетиями вместо этих двух фигур на фотографиях воспроизводилось некое темное пятно. Черная краска, которой из истории вымарывали их и многие другие жизни, проявлялась в истории противоположным цветом — белыми пятнами. Затира-

лись следы людей в эпохе, а с ними само многоцветье эпохи.

Впрочем, в отличие от Рыкова, о существовании которого чаще всего просто умалчивалось, фамилия Каменева не была, так сказать, «изъята». Больше того, она становилась известна со школьных лет, из учебников. И не случайно. Зловещая тень августовского «судебного» процесса 1936 года, на котором Каменев был объявлен одним из «главарей беспринципной и безыдейной банды», как бы проецировалась на всю историю советского общества, искажала и корежила ее в угоду сталинизму и его более поздним последователям.

В своей революционной и партийно-государственной деятельности Каменев действительно не раз допускал серьезные просчеты и ошибки. Известна их критика В. И. Лениным, а затем в решениях XIV и XV партийных съездов. Но значит ли это, что его жизненный путь состоял только из этих просчетов и ошибок?

18 июля 1883 года в семье машиниста Московско-Курской железной дороги Бориса Розенфельда появился первенец, названный по имени великого русского писателя Львом. Семья машиниста была по-своему незаурядной: сам он сумел окончить Петербургский технологический институт, а его жена — Бестужевские высшие курсы. Успешно учился и сын, завершивший гимназическое образование в Тифлисе и тогда же, в 1901 году, поступивший в Московский университет.

Но на первом же курсе учение Льва закончилось. Еще в гимназии он вошел в революционное движение, а в Москве принимал активное участие в известных студенческих выступлениях 1902 года. Попал в тюрьму, был выслан обратно в Тифлис, где сразу начал работать в социал-демократической организации.

Тот, 1902 год, стал для 19-летнего революционера особенным. Ему удается приехать в Париж, начинается его сотрудничество в ленинской «Искре». Когда стало известно, что сюда прибывает Ленин, он делает все, чтобы встретиться с ним. Знакомство с Лениным и впечатление, произведенное на Каменева рядом лекций и рефератов, прочитанных Лениным, оказали решающее влияние на его дальнейшую судьбу и деятельность.

Каменев (такой партийный псевдоним он принял) становится профессиональным революционером, ведет

нелегальную работу в Закавказье и других районах страны, является делегатом III съезда партии (1905 год), участвует в революции 1905—1907 годов, постоянно общается с Лениным, в 1913 году работает под его руководством в Кракове. В конце осени 1914 года, находясь в России, он был арестован и сослан в Сибирь, откуда его вызволила Февральская революция 1917 года.

На Апрельской конференции, а затем на VI съезде РСДРП(б) (лето 1917 года) Каменев избирается в ЦК партии, оставаясь в нем на протяжении девяти лет. Когда после VIII съезда РКП(б) было образовано Политбюро ЦК партии, в его первый состав вошли Ленин, Каменев, Крестинский, Сталин, Троцкий (кандидатами в члены Политбюро — Бухарин, Зиновьев и Калинин). Каменев оставался в Политбюро до 1926 года.

В то время, помимо партийной, Лев Борисович вел и большую государственную работу. В октябре 1917 года он был председателем исторического II съезда Советов, первым руководителем ВЦИКа. Затем, с 1918 года,— председателем Моссовета, а в 1922 году вслед за Рыковым и Цюрупой был назначен заместителем Владимира Ильича по Совнаркому и Совету Труда и Обороны (СТО) РСФСР. После кончины Владимира Ильича в 1924 году, когда Рыков стал Предсовнаркома СССР, партия поручила Каменеву руководство СТО. В 1926 году он был перемещен на должность наркома торговли и вскоре вообще выведен из правительства.

— Видимо, тогда-то их семья и перебралась из Кремля на прилегающую Манежную улицу? — спрашиваю я у Галины Сергеевны.

— Скорее всего это произошло в 1927 году...

Пока что мы говорим о, так сказать, чисто формальном «прохождении службы» Львом Борисовичем. В действительности за этим «послужным списком» стоит многое другое, и если иметь в виду 20-е годы, то прежде всего — острейшая внутрипартийная борьба. Как известно, в результате ее Каменев вместе с другими активными участниками оппозиции исключен XV съездом РКП(б) в декабре 1927 года из партии. Правда, в 1928 году восстановлен. Но, как говорится, от большой работы уже навсегда отошел. В после-

дующие годы руководил издательством «Академия», был организатором и директором Института мировой литературы им. М. Горького при ЦИК СССР. Тогда же вернулся к своим еще дореволюционным занятиям историей революционно-общественной мысли России.

Сегодня мало кто знает, что одна из первых книжек в серии «Жизнь замечательных людей» (существующей и поныне) была написана Каменевым о Н. Г. Чернышевском (1933 год). Думаю, Лев Борисович прекрасно понимал, что постоянно находится «под прицелом» Сталина и его окружения. В 1932 году в связи с «делом Рютина» Каменев опять оказался в числе исключенных из партии. В 1933-м он — вновь в партии, но ненадолго...

— Да, я помню эти годы хорошо,— Галина Сергеевна поворачивается к шкафу и ставит на стол шкатулку.— Его тогда не только исключили, но и выслали в Минусинск. Через несколько месяцев Лев Борисович вернулся, и, казалось, жизнь наладилась. Пока не наполз тот жуткий декабрь 1934 года.

Когда пришло известие об убийстве Кирова, я была в Крыму на съемках фильма. В Москве на вокзале меня, как обычно, встречал муж. Его лицо было белым, как бумага. Мой попутчик режиссер Марк Донской бросился к нему:

— Лютик, что это?

— Молчи, Марк, молчи...

Лев Борисович все эти дни держался внешне спокойно. В ночь на 16 декабря его арестовали. Неделю спустя было опубликовано сообщение НКВД СССР, гласившее, что в ту ночь подвергли аресту 15 человек, причем в отношениии Льва Борисовича и еще шестерых (Г. Е. Зиновьева, П. А. Залуцкого, Г. Е. Евдокимова и др.) говорилось, что ввиду «отсутствия достаточных данных для предания их суду» они будут сосланы в административном порядке. Тем не менее не прошло и месяца, как последовало сообщение о их осуждении. Лев Борисович, «как менее активный участник», был приговорен к 5 годам заключения. Затем, в том же 1935-м, его вновь судили и дали 8 лет. К той поре в нашей семье прочно поселились горе и ужас...

Галина Сергеевна откидывает крышку шкатулки и достает пять конвертов. Обычные почтовые конверты без марок, из ломкой серой бумаги. Такое впечатление, что они пустые. Но вот открываем один из них — в

нем лаконичные справки, связанные с судьбой А. Л. Каменева.

— Первым в семье, в ночь на 5 марта 1935 года, арестовали моего мужа Александра Львовича — главного инженера одного из отделов ведомства гражданской авиации. Его увезли сразу, а обыск шел всю ночь... Ровно через две недели, когда опять же ночью пришли за Ольгой Давыдовной, почему-то поступили иначе: новый обыск шел в ее присутствии, часть квартиры опечатали.

Открывается второй конверт:

— Да, вот как раз справка о том, что Ольга Давыдовна Каменева арестована 19 марта 1935 года. По решению Особого Совещания ее выслали в Горький, где она устроилась библиотекарем. Что касается Лютика, то мне довелось увидеть его еще лишь один раз, на вокзале, перед ссылкой в Алма-Ату.

Нас же (меня с трехлетним сыном, младшего сына Каменевых и домработницу) выселили из дома на Манежной. В новой квартире мы пережили 1936 год с его «августовским» процессом.

Галина Сергеевна вновь берет первый конверт:

— Позже я узнала, что Александр Львович был опять арестован в Алма-Ате в самый канун процесса, 17 августа. Много месяцев его держали в тюрьмах и только 9 мая 1937 года вынесли приговор; расстреляли мужа более года спустя, 15 июля тридцать девятого... Ему только исполнилось тридцать три.

Ее рука тянется к третьему конверту:

— Впрочем, брат его, Юрик, был в два раза моложе — шестнадцатилетним. В начале лета 1937 года, когда кончились занятия в школе, он решил ехать на каникулы к матери. Я отговаривала, но безуспешно. Их арестовали в Горьком в один день, 20 июля 1937 года. Только через годы стало известно, что дело Юрика Военная коллегия рассматривала полгода спустя, 30 января 1938 года. Он погиб в тот же день, а 1 февраля перед коллегией предстала его мать — Ольга Давыдовна. Она была расстреляна осенью 1941 года, пятидесяти восьми лет. Вот все, что осталось от семьи Каменевых: три справки о их реабилитации — матери и двух сыновей.

Но на столе — еще два конверта. В них документы о младшем брате Л. Б. Каменева Николае Борисовиче Розенфельде, книжном графике, и его жене Нине

Александровне. Осуждены в июле 1935 года, погибли, посмертно реабилитированы...

Смотрю на эти пять конвертов и думаю, что фактически есть еще и шестой. Точно угадав эту мысль, собеседница проводит рукой по лицу:

— Виталик, наш с Александром Львовичем сын, почти не помнил отца, а уж тем более опальных деда и бабушку. В 1951 году ему исполнилось 19 лет, он окончил школу, учился в юридическом институте. И опять, через шестнадцать лет после той жуткой ночи тридцать пятого, была ночь кошмара, когда внезапно пришли за Виталиком, опять обыск, опять ужас... Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР он был сослан в таежное поселение. Не знаю, значило ли что-нибудь в его судьбе отправленное мной отчаянное письмо Сталину, но затем его перевели в Караганду. Тем не менее он вернулся в Москву тяжело больным, так и не смог оправиться, умер почти в возрасте гибели своего отца, тридцати четырех лет... Вот такова судьба тех, кто когда-то жил в квартире на Манежной, судьба семьи Каменева. Впрочем, у Льва Борисовича остался еще один сын, Владимир. Тогда, в 1934 году, он был совсем маленьким, едва ли не ровесником моего Виталика. Его мать тоже погибла, а он, пройдя через многие тяжелые испытания, стал хорошим человеком, я всегда тепло думаю о нем...

Я помогаю аккуратно собрать конверты, и мы с Галиной Сергеевной складываем их обратно в шкатулку.

Неделя. 1988. № 25. С. 14.

Д. Шелестов

Григорий Зиновьев: жизнь и борьба

Те, кому довелось познакомиться с только что опубликованными в журнале «Коммунист» (№№ 8,9, 1988 г.) протоколами VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года, возможно, обратили внимание, что только два члена образованного на ней ЦК были избраны единогласно — Ленин и Зиновьев. Через пять лет эти же фамилии стояли первыми и при оглашении результатов выборов в ЦК на состоявшейся сразу после выхода партии из подполья VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 1917 года. На прошедшем три месяца спустя VI съезде партии состав избранного им ЦК из конспиративных соображений не объявлялся. Тем не менее по предложению Г. К Орджоникидзе было решено назвать фамилии четырех членов ЦК, получивших наибольшее количество голосов. Ими оказались: Ленин (133 голоса из 134 голосовавших), Зиновьев (132), а также Каменев и Троцкий (по 131 голосу).

Заглянем в стенограммы более поздних партийных съездов, скажем XII (1923 год), на котором Ленин из-за тяжелой болезни уже не мог присутствовать. Вместо него на съездовскую трибуну с основным докладом — Политическим отчетом ЦК поднялся Зиновьев. На следующем, XIII партсъезде (1924 год), собравшемся вскоре после кончины Владимира Ильича, такой доклад сделал опять Зиновьев, который, кстати, начал его с только что тогда опубликованных стихотворных строчек поэта Александра Безыменского: «Видно, у мыслей дрогнули колени. В омуте глаз заблудилась тоска.— Политотчет Цека... Читает... Читает... Не Ленин...»

...Зиновьев (это его партийный псевдоним, а настоящая фамилия — Радомысльский) по своему социальному происхождению не был выходцем из пролетарской среды. Он родился в 1883 году в Елизаветграде (ныне Кировоград) в семье мелкого предпринимателя (отец имел молочную ферму). Промысел приносил определенный достаток, но не больше, и

14-летний паренек стал давать платные уроки, а позже устроился конторщиком. Образование, полученное дома, позволило ему сдать экзамен и поступить (в 1904 году) в известный европейский университет в Берне, который он, впрочем скоро оставил, целиком посвятив себя революционной деятельности. С 1901 года 18-летний Зиновьев в рядах РСДРП.

В многотомном издании «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» фамилия Зиновьева впервые упоминается в связи с одной из записей 1909 года (т. 2, стр. 488). В действительности такое упоминание должно быть отнесено на шесть лет раньше, к началу 1903 года, когда Зиновьев впервые переступил порог небольшого домика в женевском предместье Сешерон, где в ту пору жил и работал создатель и руководитель первой общерусской марксистской газеты «Искра», от которой возгоралось пламя большевизма.

Два-три года спустя молодой революционер проявил себя на нелегальной работе в России. В 1907 году, когда собрался V (Лондонский) съезд РСДРП, большевики провели 24-летнего Зиновьева в состав ЦК.

В конце лета 1908 года Зиновьев приехал в Женеву к Ленину и с этого времени почти десять лет работал бок о бок с ним, под его непосредственным руководством. Вместе с Лениным Зиновьев вернулся весной 1917 года в революционную Россию.

Летом 1917 года контрреволюция развернула травлю Ленина и его соратников как «немецких агентов». Среди тех, кто призывал к неукоснительному исполнению приказа о их поимке, был, между прочим, и меньшевик Вышинский. Через девятнадцать лет именно ему Сталин поручил требовать расстрела «главаря банды шпионов» Зиновьева, а из истории на долгие годы исчезнет тот факт, что на исходе лета 1917-го Ленин скрывался от преследования не один: в знаменитом шалаше в Разливе жил и Зиновьев.

Как и Владимир Ильич, он был вынужден оставаться на нелегальном положении вплоть до начала Октябрьского вооруженного восстания.

В декабре 1917 года он избирается председателем Петроградского Совета. Менее чем через полтора года в Москве состоялся учредительный конгресс III, Коммунистического Интернационала, Зиновьев стал председателем его Исполкома. На всех послеоктябрьских съездах партии, вплоть до XV (1925 год), он входил в

ЦК, был кандидатом в члены (1919—1921 годы) и членом (1921—1926 годы) его Политбюро.

Таковы самые основные наметки внешней канвы политической биографии Зиновьева до 1926 года, когда в ней произошел резкий перелом. Насколько неожидан он был? Вопрос не праздный и не простой. Было бы заблуждением полагать, что реабилитация ряда крупных партийных и государственных деятелей сразу расставит все точные акценты в нашем прошлом, в том числе и в исторической оценке этих деятелей, включая Зиновьева. Ведь речь идет не о том, чтобы свести политические счеты, «надрывать душу», возвеличивать или низвергать чьи-то персоны, а совсем об ином: во имя задач дня сегодняшего и будущего правдиво увидеть день вчерашний. На основе ленинской методологии понять то время и действие в нем конкретных личностей с их устремлениями, страстями, идейной борьбой, осложненными, как мы теперь знаем, и личным соперничеством. Все это требует глубоких исследований, которые еще впереди.

Признание того, что Зиновьев принадлежал к ленинской большевистской гвардии, совсем не означает затушевывания его действительных политических ошибок и просчетов. Но теперь их анализ, очищенный от зловещих ярлыков и предвзятых обобщений, должен приобрести всесторонний, подлинно научный характер.

С настойчивостью метронома наши учебники истории десятилетиями акцентировали внимание на том, что в решающие предоктябрьские недели Зиновьев и Каменев высказали в ЦК несогласие с установкой Ленина на восстание. Да, это так, и они, по точному замечанию Рида, «испытали на себе всю страшную силу ленинской аргументации». Но разве за взгляды Ленин назвал их штрейкбрехерами и потребовал исключить из партии? Совсем нет. Его возмущение вызвал непартийный поступок Зиновьева и Каменева, сделавших заявление по решенному ЦК вопросу в открытой печати и тем самым противопоставивших себя Центральному Комитету. Думается, что именно такое понимание «октябрьского эпизода» позволяет уяснить ленинскую политическую оценку Зиновьева и Каменева, данную пять лет спустя.

Все это время они, как известно, оставались в числе ближайших сотрудников Ленина, который как-то заметил, что «без особой надобности неправильно вспоми-

нать такие ошибки, которые вполне исправлены». «Особая надобность» пришла на исходе 1922 года, когда сраженный болезнью Владимир Ильич начал диктовать свое ныне широко известное «Письмо к съезду». Говоря едва ли не в последний раз в жизни о Зиновьеве, Владимир Ильич бескомпромиссно отметил, что его и Каменева «октябрьский эпизод», конечно, не являлся случайностью.

Здесь, видимо, прежде всего имелась в виду политическая невыдержанность и амбициозность, проявившиеся в октябрьские дни и грозившие перерасти в «вождизм». Нет никаких оснований предполагать, что Зиновьев (как и Каменев) стремился в первой половине 20-х годов к утверждению «культа своей личности», в том смысле, как мы сегодня понимаем это явление. Он несомненно сознавал, что никто из ленинских соратников не может заменить ушедшего из жизни вождя, и был в принципе сторонником коллективного руководства, однако со все более возраставшей претензией играть в нем особую роль. Примерно к тому же, но со своих позиций и со своими амбициями стремился и Троцкий, авторитет которого, однако, сильно пошатнулся в ходе идейного разгрома его сторонников в 1923 году и осуждения их XIII партконференцией (январь 1924 года) за попытку ревизии большевизма и явно выраженный мелкобуржуазный уклон.

Эту идейную борьбу с троцкистами возглавили Зиновьев и Каменев при участии тогда еще малоизвестного стране Сталина, который за год перед тем (в апреле 1922 года) по рекомендации Каменева занял только что введенный пост Генерального секретаря ЦК партии. Названная тройка ко времени кончины Ленина стала ведущей в Политбюро ЦК.

В мае 1924 года, за пять дней до открытия XIII съезда партии, Н. К. Крупская передала ленинское «Письмо к съезду» Комиссии ЦК. В современной литературе уже не раз отмечалось, что именно Зиновьев, Каменев и Сталин сыграли решающую роль в сокрытии от партии и отказе от реализации рекомендаций этого важнейшего документа. Добавим, что Зиновьев и Каменев в силу своего соперничества с Троцким по существу игнорировали исчерпывающе точную оценку своего учителя, согласно которой наибольшую опасность для устойчивости в руководстве партией представляли в то время отношения Троцкого и Сталина. В интересах

соперничества с первым они добились, вопреки мнению Ленина, сохранения Сталина на посту Генсека, вообще фактически предпочли уберечь сложившееся, как им казалось, благоприятное для них положение, хотя ленинское письмо открывалось настойчивым советом «предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе».

«Октябрьский эпизод» оказался действительно не случайностью, как и считал В. И. Ленин. К сожалению, он своеобразно повторился теперь в 1924-м, но, так сказать, с другим знаком. В 1917 году Зиновьев и Каменев апеллировали к широкой непартийной аудитории, сейчас они, напротив, скрыли от партии и не выполнили важнейшие указания ее вождя.

Логика ложного шага повела к другим неверным шагам, в том числе и к таким, которые поначалу могли показаться малозначительными. Еще в начале 20-х годов на картах страны появились два населенных пункта с одинаковым названием — Троцк (первый из них сейчас — Чапаевск, второй — Гатчина). Теперь, в 1924 году, Елизаветград переименовывается в Зиновьевск, почти одновременно «исчезает Юзовка и появляется Сталино, а в следующем году вместо Царицына — Сталинград... В этих первых переименованиях (потом, как известно, они покатятся снежным комом) по-своему проявился «вождизм», открывающий путь к авторитарной власти.

Ее симптомы не заставили себя ждать. Еще летом 1923 года на неофициальном «пещерном заседании» (оно проходило в пещере близ Кисловодска), в котором, кроме Зиновьева, участвовали М. В. Фрунзе, М. М. Лашевич, П. Е. Евдокимов, Г. К. Орджоникидзе и ряд других членов ЦК, было отмечено усиление руководимых Сталиным Секретариата и Оргбюро ЦК партии. В результате принятого компромисса в Оргбюро были введены от Политбюро Зиновьев, Троцкий и Бухарин. Однако никто из них, по признанию Зиновьева, не только не принял участия в текущей работе Оргбюро, но и не явился ни на одно его заседание. И это тоже важный штрих. Чуть позже, в 1926 году, Ф. Э. Дзержинский сказал суровые слова Каменеву: «Вы занимаетесь политиканством, а не работой...» Не относились ли они и к Зиновьеву, чья «игра в вождизм», связанная с нарушением ленинских принципов коллективного руководства, вела его как революционера-большевика в тупик

и в конечном счете к подлинно человеческой личной трагедии?

Эта «игра» не позволила ему в решающий момент на XIV съезде ВКП(б) (1925 год) открыто сказать партии о своей принципиальной ошибке в вопросе о «завещании» Ленина. Его попытка выступить с Каменевым, Сокольниковым и рядом других делегатов съезда против уже усилившейся власти Сталина не только запоздала, но и была сведена на нет противоречащими линии партии взглядами по вопросам социалистического строительства. Но Сталин навсегда запомнил эту попытку. Не сделал правильных выводов из решений съезда и Зиновьев.

Борясь в 1923—1924 годах с большевистских позиций против Троцкого, он после поражения на XIV съезде сблокировался с ним... На исходе 1927 года XV съезд ВКП(б) исключил его и других активных оппозиционеров из партии.

Хотя в следующем году Зиновьев, признав неправильность своих действий, был восстановлен в ее рядах, его активная политическая жизнь кончилась. Что касается дальнейшей личной судьбы, то она все больше оказывалась в жестокой власти человека, укреплению позиций которого он в свое время сам же и способствовал, как объективно способствовал и созданию обстановки, в которой утверждался культ Сталина.

В ночь на воскресенье 16 декабря 1934 года за спиной Зиновьева, работавшего в последние годы членом коллегии Центросоюза, навсегда захлопнулась дверь тюремной камеры. ...24 августа 1936 года армвоенюрист Ульрих зачитал приговор, потом — расстрел.

Критикуя в 20-е годы политические амбиции Зиновьева, один из честнейших большевиков, Алексей Иванович Рыков, пророчески сказал: «Будет ли Зиновьев или нет, будет ли Рыков или нет, Коммунистическая партия останется. Октябрьская революция нас переживет...» Имя Григория Евсеевича Зиновьева неотделимо от нашей истории, исполненной героики и драматизма.

Неделя. 1988. № 29. С. 11.

И. Горелов, А. Осипов

Николай Иванович Бухарин

Революционные преобразования нашего общества всколыхнули интерес к истории нашей партии и государства, в том числе к периоду 20-х и 30-х годов, к деятелям, вокруг имен которых долгое время существовала некая «запретная зона».

Николай Иванович Бухарин родился в сентябре 1888 года в Москве, в семье учителя. Еще гимназистом принимал участие в революционной борьбе. В период первой российской революции, в 1906 году вступил в ряды большевиков Замоскворецкого района Москвы, был организатором забастовки на фабрике Сладкова. В 1907 году Бухарин поступил на экономическое отделение юридического факультета Московского университета, где проучился три года. Проводил политическую работу среди студентов, а также среди рабочих и других слоев населения в Дорогомиловском подрайоне. В 1908 году был кооптирован в Московский комитет большевиков. 23 мая 1909 года Бухарин был впервые арестован на явочной квартире, где участвовал в собрании Московского комитета большевиков, но вскоре его освободили за недостатком улик. Осенью был вновь арестован. Его выпустили на свободу под залог 1000 рублей.

По заданию партии Бухарин активно включился в деятельность легальных рабочих организаций, вел в них борьбу с меньшевиками-ликвидаторами, которые в период реакции хотели свести всю партийную работу только к легальной деятельности, сотрудничал в профсоюзной печати. О том, что Бухарин стал заметной фигурой в революционном движении, свидетельствует донос на него известного провокатора охранки Малиновского, который писал: «Николай» — это известный студент Бухарин». Далее указывалось, что лекции Бухарина пользовались большой популярностью у дорогомиловских рабочих и революционных интеллигентов. В ночь с 19 на 20 декабря 1910 года охранка арестовала актив московской парторганизации, в том числе Бухарина. До лета 1911 года он сидит в различных

тюрьмах, а 23 июня был направлен в административную ссылку в Онегу (Архангельская губерния), откуда совершил побег в Германию. В эмиграции Бухарин находился около шести лет.

Осенью 1912 года в Кракове состоялось личное знакомство Бухарина с В. И. Лениным, который предложил ему сотрудничать в «Правде» и других большевистских изданиях. С этого времени началась регулярная литературная работа Н. И. Бухарина. Он включился в деятельность заграничной большевистской организации. Во время поездок в Австрию и Швейцарию изучает труды представителей так называемой математической школы политэкономии, проблемы мирового империализма, пишет критические заметки о взглядах ряда буржуазных экономистов и социологов. Сотрудничество в «Правде», теоретические изыскания Бухарина получили одобрительную оценку В. И. Ленина. К брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» Владимир Ильич по его просьбе написал предисловие (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, с. 93—98). С весны 1912 г. между В. И. Лениным и Н. И. Бухариным завязывается оживленная переписка.

Перед самым началом первой мировой войны австрийская полиция арестовала Бухарина, его заточили в военную крепость Мелк как «русского шпиона». Лишь после вмешательства австрийских социал-демократов он был освобожден и в сопровождении жандармов доставлен на швейцарскую границу. В Швейцарии он продолжал теоретическую работу, участвовал в борьбе с оборонцами, которые под предлогом защиты отечества выступали в поддержку империалистической войны, за классовый мир.

В 1915 году Бухарин перебирается в Швецию, устанавливает связь с группой так называемых «молодых», революционность которых ценил В. И. Ленин, но остро критиковал их за то, что они не знали, *«как связать наступивший империализм с борьбой за реформы и с борьбой за демократию...»* (Полн. собр. соч., т 30, с. 62). За антимилитаристскую деятельность Н. И. Бухарин был арестован шведскими властями и через полтора месяца выслан в Норвегию.

В годы первой мировой войны В. И. Ленин неоднократно критиковал Бухарина за его ультрареволюционность, попытки сконструировать «теорию чистой пролетарской революции». Но в то же время Владимир Ильич

проявлял заботу о своем оппоненте, о его материальном положении (см. Полн. собр. соч., т. 49, с. 220).

Февральская революция застала Бухарина в США. Возвратившись в Россию, он активно включился в политическую борьбу, в профсоюзное движение и вскоре стал одним из руководителей московских большевиков. На VI съезде РСДРП(б) (июль — август 1917 года), который взял курс на вооруженное восстание, Бухарин был избран в Центральный Комитет партии большевиков. Он активно участвовал в подготовке манифеста съезда с призывом к революции. Съезд единогласно принял предложенную Бухариным резолюцию о неявке Ленина на суд буржуазного Временного правительства.

После Октября Бухарин с головой уходит в решение практических задач строительства нового общества. Однако в этот период начинает сказываться его «революционное нетерпение», политический азарт, стремление двинуть мировую революцию любой ценой, даже путем перепрыгивания через необходимые этапы, красногвардейским штурмом сломить капитализм. Он фактически возглавил группу «левых коммунистов», в которую входили также А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Н. Н. Крестинский и другие члены ЦК.

Самая опасная ошибка этой группы — борьба против Брестского мира с Германией. «Странным и чудовищным» назвал В. И. Ленин утверждение «левых коммунистов», что *«в интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной»* (Полн. собр. соч., т. 35, с. 400). Борьба вокруг Брестского мира была ожесточенной.

И в этот период, и впоследствии в идейной борьбе сказывались и личные черты сложного характера Бухарина. Мы не можем, конечно, согласиться с опубликованным недавно утверждением его жены А. М. Лариной, что Бухарину был чужд политический расчет, что в его поведении нельзя было ничего в точности предсказать, что он и сам не всегда предвидел свое поведение. Это был крупный политик. Но политик с импульсивной натурой, у которого эмоции иногда брали верх над холодным рассудком.

Взгляды Бухарина в первые годы после Октября в определенной мере отличала формальная логика вместо диалектики, революционная фраза, черты авантюризма

и упование на близость мировой революции, которая разом решит все проблемы. Ход событий и жесточайшая критика, которой подверг «левых коммунистов» В. И. Ленин, отрезвили Бухарина, позволили преодолеть ему часть ошибочных воззрений.

В годы гражданской войны Н. И. Бухарин был одним из руководителей партии, членом Политбюро ЦК РКП(б), главным редактором «Правды» (он оставался им до 1929 года). С 1918 года — член ВЦИК, с 1919-го — член Президиума Исполкома Коминтерна. Бухарин часто выступал на митингах и собраниях на заводах и фабриках, вел большую теоретическую работу. Он преподавал в 1-м МГУ и Свердловском Коммунистическом университете, где его лекции пользовались большой популярностью.

В центре внимания Н. И. Бухарина как исследователя были новые явления в развитии империализма, проблемы мировых хозяйственных связей, перспективы международного пролетарского движения. В. И. Ленин считал его превосходно образованным марксистом-экономистом (см. т. 43, с. 215), с интересом читал его публикации, полемизировал с ним.

На VIII съезде РКП(б) (1919 год) произошло столкновение взглядов В. И. Ленина и Бухарина при обсуждении проекта Программы партии. Н. И. Бухарин видел лишь «чистый империализм», не хотел замечать наличие в нем домонополистических и докапиталистических хозяйственных форм, недооценивал, следовательно, роль трудового крестьянства, промежуточных слоев. Национальный вопрос, по его мнению, был пережитком доимпериалистической эпохи. Он выступил против признания права наций на самоопределение, вплоть до государственного отделения, и вместо этого предложил лозунг самоопределения трудящихся. Отвергая эту «новацию», В. И. Ленин отмечал: «Наша программа не должна говорить о самоопределении трудящихся, потому что это неверно. Она должна говорить то, что есть. Раз нации стоят на разных ступенях пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к пролетарской, то это положение нашей программы абсолютно верно... Каждая нация должна получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся» (т. 38, с. 161). В то же время Ленин считал данный вопрос второстепенным «в общей сумме программных требова-

ний» (т. 38, с. 182). Съезд поддержал ленинские программные положения.

Хотя в стране полыхала гражданская война, внимание Бухарина все больше привлекали экономические проблемы строительства нового общества. Весной 1920 года вышла его книга «Экономика переходного периода» — один из первых трудов по данной проблематике. В. И. Ленин принял ее в целом одобрительно, хотя и отметил слабые и сомнительные места. Бухарин на переходный период считал вполне приемлемой марксистскую политэкономию капитализма. Он предполагал, что государство диктатуры пролетариата в перспективе должно «отменить» действие экономических закономерностей и будет формировать народнохозяйственные пропорции в соответствии с политической целесообразностью, а экономическая работа сведется к простому описанию того, что есть, и составлению графиков на будущее.

Заканчивалась гражданская война, перед страной вставали новые сложные проблемы. Голод, разруха, недовольство крестьянских масс продразверсткой, кулацкие мятежи. Для выхода из кризиса и выработки новой политики требовалось единство партии, ее руководящего ядра. И как раз в это время развернулась дискуссия о профсоюзах. Л. Д. Троцкий выступил против линии партии в вопросе о роли профсоюзов, потребовал огосударствить их, насадить там методы военного коммунизма, командования. Группа «рабочей оппозиции» считала необходимым подчинить государственные органы профсоюзам. В ходе этой дискуссии группа «демократического централизма» потребовала свободы фракций и группировок в партии. Бухарин решил соединить несоединимое — стать своеобразным буфером между платформой большинства ЦК, отражающей ленинские взгляды на профсоюзы, и ее противниками. Под прикрытием фраз о производственной демократии, укреплении диктатуры пролетариата Бухариным проводилась мысль о подчинении государственных органов профсоюзам, ослаблялась роль партии.

Ленин подверг «буферную платформу» жесткой критике, указал на то, что Бухарин совершил здесь опасную ошибку, недаром Троцкий сразу присоединился к нему. «Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут

не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку: «мягкий воск». Оказывается, на этом «мягком воске» может писать что угодно любой «беспринципный» человек, любой «демагог» (т. 42, с. 242). Ленин подчеркнул опасность логики фракционной борьбы. Впоследствии Бухарин с благодарностью писал, что критические удары Владимира Ильича помогали ему преодолевать теоретические недостатки. Однако Ленину и в голову не приходило считать своих партийных оппонентов врагами революции. После острейшей дискуссии о профсоюзах он просит задержать в Крыму подольше Бухариных и позаботиться об их полном выздоровлении и отдыхе (см. т. 55, с. 379).

Шли дебаты по вопросам перехода к нэпу. Ленинские идеи здесь активно пропагандировала «Правда». Нэп в первую очередь был системой гражданского мира, тесного союза с трудящимся крестьянством, давал возможность проявиться инициативе и интересам самых широких слоев населения и в экономической, и в других сферах. На международной арене нэп переводил ленинскую идею мирного сосуществования из сферы поначалу только политической в сферу фундаментальных законов международных отношений. Н. И. Бухарин был одним из авторов концепции нэпа, но ряд его положений расходился с ленинскими оценками. Он, например, исключал необходимость резких преобразований структуры народного хозяйства для создания новых отраслей промышленности, полагал, что после завоевания власти рабочим классом «дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может идти иначе», говорил о «врастании» всех слоев общества в социализм.

Ленинский план строительства социализма выковывался в острой идейной борьбе. В ходе ее высказывались самые различные взгляды, и сам этот план не был разработан во всех деталях и подробностях. Но его основные контуры, пути и способы созидания нового общества были четко определены. Осуществить ленинский план можно было только на основе единства в партии. Характер идейной борьбы в руководстве партии во время болезни В. И. Ленина в значительной мере осложнился личным соперничеством, которое стало принимать острые формы.

В «Письме к съезду» В. И. Ленин дал характеристики ведущим деятелям партии, чтобы высший форум

коммунистов всесторонне обсудил достоинства и недостатки лидеров, отыскал и выдвинул лучших. Уместно вспомнить характеристику Н. И. Бухарина. «...Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Однако, учитывая возраст Бухарина, Владимир Ильич оговорился, что эти замечания делаются только для настоящего времени в надежде на исправление недостатков (см. т. 45, с. 345—346). Ленин детально обрисовал механизм, который мог бы поддержать и гарантировать единство партии, блокировать негативные проявления личного соперничества лидеров, пресекать разного рода злоупотребления полномочиями со стороны ее руководящих деятелей.

Преждевременная смерть Ленина была величайшим потрясением для партии и народа. Руководству РКП(б) предстояло без Ильича искать оптимальные решения, способные закрепить и упрочить завоевания революции, повести страну к социализму. Роль его политического завещания была велика. Однако руководящее ядро партии тогда не выполнило ряд его требований. Обсуждение ленинских характеристик, например, было проведено в свернутом виде (они были оглашены лишь по делегациям), дискуссии по ним не проводились.

В 1924—1925 годах обстановка в партии резко обострилась. Усилились нападки троцкистов на линию партии, они продолжали провоцировать раскол даже тогда, когда подавляющее большинство партии убедилось, что их взгляды идут вразрез с ленинскими положениями и могут увести страну с верного курса.

Развертывание индустриализации поставило вопрос об источниках накоплений для финансирования обширных капиталовложений. Одним из ведущих авторов научной разработки этой проблемы был Н. И. Бухарин. Ее решение он видел в укреплении смычки рабочего класса с крестьянством. Но участие деревни в финансировании индустриализации не должно было подрывать крестьянское хозяйство. Эта линия была зафиксирована в решениях XIV съезда ВКП(б), состоявшегося в 1925 году.

Против такого подхода выступили троцкисты, а позднее «новая оппозиция» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Они требовали искусственно форсировать темпы индустриализации, а для этого усиленно изымать средства из сельского хозяйства, не останавливаясь перед применением насильственных мер. Наибольшую роль в борьбе с этими взглядами сыграли тогда политические выступления И. В. Сталина и теоретические работы Н. И. Бухарина. За ними шло большинство ЦК партии.

Острая борьба развернулась на XIV съезде ВКП(б), где Н. И. Бухарин выступил сразу же после содоклада Зиновьева с аргументированной критикой сквозившего у оппозиционеров неверия в возможность победоносного социалистического строительства в СССР, «теории первоначального социалистического накопления» за счет крестьянства, сверхиндустриализации. Однако ряд неверных взглядов Бухарина, в частности лозунг «Обогащайтесь!», брошенный всем слоям деревни, в том числе зажиточным, тезис о врастании их в социализм и «расширении хозяйственной свободы и для сельскохозяйственной буржуазии», делали его уязвимым для обвинений оппозиционеров. Тем не менее в заключительном слове И. В. Сталин взял под защиту Бухарина, указав, что он отказался от ряда своих ошибочных положений. «Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте»,— заявил он. Подавляющее большинство делегатов съезда признало выступления оппозиции демагогическими, ее предложения были отвергнуты.

Вплоть до конца 1927 г. продолжалась экономическая политика, основанная в целом на ленинских принципах: укреплялся союз рабочего класса с крестьянством, становление планового хозяйства сопровождалось развитием хозрасчета и товарно-денежных отношений, высокие темпы сочетались с линией на соблюдение пропорциональности и экономического равновесия. Н. И. Бухарин играл видную роль в отпоре левацким требованиям «большого скачка» без учета экономических реальностей, социальных интересов трудящихся и необходимости политической консолидации общества. Ленинский курс продолжали и документы состоявшегося в 1927 году XV съезда ВКП(б), в подготовке которых активно участвовал Н. И. Бухарин.

Работая в Исполкоме Коминтерна, Бухарин уделял большое внимание теоретическим вопросам мировой экономики и политики, концентрируя его на новых явлениях и процессах. Он одним из первых понял звериную сущность фашизма, критиковал облегченные представления о неминуемом крахе империализма в ближайшие годы, поддерживал взгляды на необходимость единства всех демократических сил в борьбе против фашизма и войны.

Внутренние и международные условия конца 20-х — начала 30-х годов безальтернативно требовали резкого повышения темпов социалистического строительства. Надо было совершить мощный рывок, догнать передовые промышленные страны. Экономические рычаги позволяли добиваться результатов с минимальными издержками, но перестройка с их помощью дореволюционных хозяйственных структур и пропорций, по мнению большинства тогдашнего руководства, заняла бы слишком много времени. Решено было пустить в ход административно-командные методы, даже ценой значительных издержек. Бухарин выступал за эволюционный путь строительства социализма. Он писал, что «мы будем многие десятки лет медленно врастать в социализм: через рост нашей промышленности, через кооперацию, через возрастающее влияние нашей банковской системы, через тысячу и одну промежуточную форму».

По этим вопросам, в частности о путях перевода крестьянства на рельсы социализма, о применении принципов нэпа на новом этапе развития советского общества, в партии шла острая борьба. Оценивая позицию Бухарина в ней, М. С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Великого Октября, отметил: «Бухарин и его сторонники в своих расчетах, теоретических положениях практически недооценили значение фактора времени в строительстве социализма в 30-е годы. Их позиция во многом определялась догматическим мышлением, недиалектичностью оценки конкретной обстановки. И сам Бухарин, и его сторонники вскоре признали свои ошибки».

Курс на индустриализацию и коллективизацию разбивал надежды на реставрацию капитализма. Можно спорить о степени организованности контрреволюции, но в 1928 году стал реально просматриваться саботаж хлебозаготовок, образовался значительный хлебный

дефицит, под угрозой оказалось снабжение городов, армии, поставки на экспорт в обмен на оборудование. Были приняты решительные меры по изъятию хлебных излишков у кулачества. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и другие выступили против этих мер. Правда, позднее они поняли их необходимость, а борьбу продолжали против перегибов в отношении середняков. Выступал Бухарин и против форсирования процесса коллективизации.

Встает вопрос: была ли ошибочной тактика группы Бухарина? Да, была. Но здесь надо выделить два периода. В начале 1928 года Бухарин находился на ошибочных позициях, и его справедливо критиковали за защиту верхних слоев деревни и городской буржуазии. Не будем, однако, забывать, что нэп официально никто не отменял. Все же объективно действия группы Бухарина сдерживали развертывание наступления социализма по всему фронту. В конце 1929 года Бухарин снял свои разногласия с большинством ЦК ВКП(б) и выступал уже в основном против искажения норм партийной и государственной жизни, отхода от политики партии в деревне. Он выступил против принижения роли товарно-денежных отношений, волюнтаризма в планировании, не обеспеченных ресурсами инвестиций в новое строительство. К сожалению, груз его прошлых ошибок и заблуждений, которые, впрочем, были и у некоторых других деятелей партии, не позволил многим в ее руководящем ядре увидеть рациональное начало в протесте Бухарина. В ноябре 1929 года Пленум ЦК ВКП(б) вывел его из Политбюро.

Административно-командная система партийно-государственного руководства все сильнее воздействовала на тонус общественно-политической жизни. Здесь во многом сказались и личные черты И. В. Сталина. Как ни парадоксально, эта система стала набирать обороты, когда для партии и страны осталась позади полоса наиболее трудных идейно-политических испытаний, когда советские люди с энтузиазмом, самоотверженно вели социалистические преобразования. И в это же время в стране нагнетается атмосфера нетерпимости, вражды, подозрительности.

XVII съезд ВКП(б), состоявшийся в 1934 году, подвел итоги первого этапа борьбы партии и советского народа за социалистическую реконструкцию страны. На нем выступили с покаянными речами и

бывшие оппозиционеры. Взял слово и Н. И. Бухарин. Он признал ряд ошибок в своих теоретических построениях и практических действиях, взяв на себя даже лишнее. Центральное место в его речи занял анализ положения в мире, разоблачение преступных замыслов германского фашизма и японского милитаризма (кстати, об опасности фашизма Бухарин предупреждал еще на XII съезде партии в 1923 году). Он призвал партию и народ к сплочению и бдительности, готовности отразить нападение агрессоров. Завершил речь здравицей в честь «славного фельдмаршала пролетарских сил, лучшего из лучших тов. Сталина!» Смешанное чувство вызывает сейчас эта речь, его, по-видимому, испытывали и участники съезда.

Весной 1936 года Бухарин в составе делегации из трех человек был командирован в Париж для переговоров о приобретении архива социал-демократической партии Германии, в котором имелись рукописи К. Маркса. Он побывал также в Берлине, Праге, Копенгагене. Это была его последняя заграничная командировка.

Отсутствие необходимого уровня демократизации советского общества сделало возможным культ личности, нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов. Тучи сгущались над головой кандидата в члены ЦК ВКП(б), главного редактора «Известий» Н. И. Бухарина. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года против него были выдвинуты необоснованные обвинения в антисоветской деятельности. Он был арестован, а спустя год, в марте 1938 года, состоялся процесс по делу «антисоветского правотроцкистского блока». Бухарин признался во многих «преступлениях». Суд во что бы то ни стало стремился доказать его шпионскую и провокаторскую деятельность с юношеских лет. Бухарин был сломлен, но иногда пытался хоть как-то защитить свое имя, понимая, что жизнь ему не спасти. Когда прокурор Вышинский спросил Бухарина: «Так какой же разведкой вы были завербованы — английской, германской или японской?», он ответил: «Никакой!» Судья потребовал поконкретнее раскрыть преступные замыслы бухаринского блока, и Бухарин заявил, что главной частью заговора блока было чудовищное преступление — арестовать XVII партсъезд. Но к тому времени, как известно, большая часть его делегатов была арестована

с благословения Сталина. Н. И. Бухарин трагически погиб.

Обвинения Н. И. Бухарина в государственной измене и диверсионно-подрывной деятельности давно отпали. Его имя М. С. Горбачев назвал в ряду крупных деятелей большевистской партии на праздновании 70-летия Великого Октября. Тщательное изучение всех обстоятельств его дела продолжается.

Агитатор. 1988. № 5. С. 21—25.

А. Сенин

Соратник Ленина

К биографии А. И. Рыкова

6 февраля 1988 г. центральные газеты сообщили о восстановлении справедливости в отношении А. И. Рыкова, одного из ближайших соратников В. И. Ленина, члена Коммунистической партии с 1899 г. В период произвола, творимого Сталиным и его окружением, он был оклеветан, безвинно осужден, предан забвению. Теперь имя крупного государственного деятеля, возглавлявшего в 1924—1930 гг. Совет Народных Комиссаров СССР, возвращено народу и партии.

В данной статье рассказывается о жизненном пути Алексея Ивановича Рыкова, о его революционной и государственной деятельности.

В революционном подполье

А. И. Рыков родился 13 февраля 1881 г. в городе Саратове в крестьянской семье, перебравшейся туда из Яранского уезда Вятской губернии. Алексей рано лишился родителей: мать умерла, когда ему было пять лет, а отца унесла в 1890 г. холера. Мальчика взяла на свое попечение старшая сестра Клавдия Ивановна, служившая в Саратове в конторе Рязано-Уральской железной дороги. Она занялась воспитанием брата, сумела определить его на учебу в гимназию. Алексей прилежно занимался, получал похвальные листы. Особенно его влекли математика, физика, естествознание.

Большой интерес проявлял Рыков к исторической литературе, в частности к книгам, рассказывающим о Великой французской революции XVIII века. Еще занимаясь в гимназии, он знакомится с нелегальными изданиями, посещает кружок народнического направления. О вольномыслии своего лучшего ученика узнает гимназическое начальство. Накануне выпускных экзаменов в квартире, где Алексей жил, полиция совершает обыск, но ничего крамольного не находит. И хотя Ры-

ков, проявив завидное самообладание, блестяще сдал все экзамены, за поведение ему была снижена оценка, что лишило его возможности продолжать учебу в столичных университетах.

В 1900 г. Рыков становится студентом Казанского университета. Учебу на юридическом факультете он совмещает с участием в деятельности местной социал-демократической организации, ведет занятия в двух рабочих кружках. Весной следующего года его подвергают аресту, сажают в тюрьму, а затем ссылают в Саратов.

Алексей Иванович твердо решает посвятить себя революционной борьбе. В Саратове его вводят в городской комитет социал-демократической организации, поручают писать прокламации, выступать перед пролетариями. Он был в числе организаторов в 1902 г. первомайской демонстрации, разогнанной полицией. Опять — арест, но Рыкову удается бежать и с помощью товарищей перебраться в Киев, где агенты газеты «Искра» добывают ему заграничный паспорт. В конце года Рыков впервые покидает Россию и приезжает в Женеву. Встречается с В. И. Лениным, получает его задание и вновь возвращается в Россию для работы в подполье. Входит в Северный комитет РСДРП, объединивший социал-демократов Ярославской, Костромской и Нижегородской губерний. В губернских городах Алексей Иванович организует рабочие кружки, помогает создавать нелегальные типографии. Его хорошо знали рабочие Рыбинска, Сормова. Летом 1904 г. Нижегородский комитет РСДРП направляет Рыкова по просьбе Московского комитета РСДРП, ослабленного постоянными арестами революционеров, в Москву. С тех пор почти вся жизнь Алексея Ивановича была связана с этим городом. Накануне первой русской революции он живет и работает в Сокольническом районе, становится одним из руководителей московских большевиков.

В начале 1905 г. Рыкова избирают делегатом на III съезд партии. Он активно участвует в дискуссиях по обсуждавшимся там вопросам, вносит ряд предложений и поправок в проекты резолюций, поддержанных большинством делегатов. Съезд избирает Рыкова членом ЦК, Алексею Ивановичу исполнилось тогда 24 года. В дальнейшем он неизменно, кроме VI партконференции, входил в состав Центрального Комитета

партии: был членом ЦК в 1905 — 1907 и в 1917 — 1934 гг., кандидатом в члены ЦК в 1907—1912 и в 1934—1937 гг.

Вскоре после возвращения с III съезда, 14 мая 1905 г., Рыков был арестован в Петербурге. Он не теряет в тюрьме ни обычной своей бодрости, ни работоспособности, занимается самообразованием. «За принадлежность к преступному сообществу», а также «за хранение в целях распространения» значительного количества революционных изданий Алексей Иванович по законам того времени подлежал ссылке. Однако по царскому Манифесту от 17 октября его освобождают. Как член ЦК Рыков направляется в Москву для руководства начавшимся вооруженным восстанием. Вместе с М. Ф. Владимирским он возглавил Московское бюро ЦК РСДРП.

Весной 1906 г. Рыков уже в Швеции. Участвует в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП. Получает от ЦК новые задания: укрепить партийную организацию Одессы, вести работу среди пролетариев этого приморского города. Полицейские ищейки преследуют его, он вынужден уехать в Москву, но и здесь революционера обнаруживают, арестовывают и высылают в Архангельскую губернию. При первом же удобном случае Рыков скрывается.

Снова Москва. Подпольная работа продолжается. И опять арест. Его задерживают вместе с Л. Б. Красиным. 17 месяцев находился Рыков в московской Таганской тюрьме. В июне 1908 г. ему было предъявлено обвинение в принадлежности к партии большевиков. По этапу он ссылается в Самарскую губернию, но, используя открывшуюся возможность, скрывается за границу. Вновь встречается с Лениным, ценившим Рыкова за неутомимую энергию, ясную голову, организаторский талант, умение вести партийную работу в любой среде.

Наступил 1909 год. РСДРП переживала трудный период. Меньшевики-ликвидаторы, отзовисты, примиренцы раскалывали партию. От позиции Рыкова, по оценке Ленина, зависело многое. Владимир Ильич писал 23 апреля 1909 г. И. Ф. Дубровинскому (члену ЦК РСДРП): «Похоже на то, что Власов (партийный псевдоним А. И. Рыкова.— **А. С.**) теперь решает судьбу: если он с глупистами, обывателями и махистами, тогда, очевидно, раскол и **упорная** борьба. Если он с

нами, тогда, может быть, удастся свести к **отколу** парочки обывателей, кои в партии ноль» (Полн. собр. соч., т. 47, с. 174). 5 мая ему же Владимир Ильич с радостью сообщает: «Вчера приехали Марат (целиком с оппозицией) и Власов (с нами)... Власов настроен по-Вашему: с нами принципиально, но порицает за торопливость... Значит, не **бойтесь**: Власов отныне будет у власти, и ни единой несообразности мы теперь не сделаем.

Власов упрекает нас за неуменье обходить, обхаживать людей (и он тут прав). Значит, и тут не бойтесь: Власов отныне все сие будет улаживать» (там же, с. 179).

Летом 1909 г. Рыков спешит в Россию. За ним сразу устанавливается слежка (охранка знала, что в страну вернулся один из руководителей РСДРП по партийной кличке «Алексей»). 7 сентября 1909 г. он был опять арестован в Москве.

За проживание под чужим паспортом Рыкова ссылают в Архангельскую губернию в Усть-Цильму на Печоре. По пути он совершает побег. 700 верст в зимнюю стужу прошел и проехал на лошадях Алексей Иванович до ближайшей железнодорожной станции, а затем, скрываясь от ищеек охранки, выехал за границу. Живет в Париже, Берлине, Лейпциге. Входит в Заграничную организационную комиссию (ЗОК) по созыву общепартийной конференции РСДРП, призванной сплотить партийные силы и отсечь оппортунистические, антипартийные элементы.

Высоко оценивая Рыкова, Ленин в то же время критиковал его за излишнее доверие к словам разного рода примиренцев в партии. «Ваша основная ошибка,— отмечал Владимир Ильич в письме к Рыкову от 25 февраля 1911 г.,— что Вы верите **словам** и закрываете глаза на **дела**. Вам наговорили «добрых слов» разные люди вроде Домова или Алексинского или еще не знаю кого, и Вы верите, Вы пишете: «**Вперед**» — «накануне распада или наш возможный союзник», он «освобождается от отзовистско-ультиматистской платформы».

Это **неправда**. Это лживые слова жуликов, готовых обещать, что́ угодно, лишь бы **замазать** то, что есть, их особую школу...» (т. 48, с. 19).

Основная тяжесть работы по созыву общепартийной конференции легла на товарищей, составивших Рос-

сийскую организационную комиссию (РОК), в создании которой первостепенную роль сыграли уполномоченные ЗОК, выехавшие по поручению Ленина в Россию. В их число входил и Рыков, прибывший в Москву. Но в первый же день был по доносу провокатора арестован на Арбатской площади. При нем обнаружили письмо Ленина, которое Алексей Иванович попытался проглотить, но это ему не удалось. Последовало девятимесячное пребывание в Таганской тюрьме и ссылка в Пинегу. В те дни он писал о своей судьбе революционера, так похожей на судьбы тысяч большевиков: «Не успел я сесть на студенческую скамью, как попал в каталажку. С тех пор прошло 12 лет, но из них я около $5^1/_2$ лет в этой каталажке прожил; кроме того, три раза путешествовал этапом в ссылку, которой посвящаю тоже три года своей жизни». В краткие просветы «свободы» передо мной, продолжал Алексей Иванович, мелькали, как в кинематографе, города, страны, люди, события. «Не было квартиры, на которой я прожил бы более двух месяцев».

Амнистия, объявленная по случаю 300-летия царствования дома Романовых, позволяет Рыкову в 1913 г. уехать из ссылки. Он возвращается в Москву, чтобы продолжать работу в подполье. Опорой становятся рабочие кварталы Сокольников, Лефортова. Агенты департамента полиции старательно фиксируют каждый шаг активного деятеля Московской организации РСДРП. 25 июля последовал очередной арест. Рыкова приговаривают к 4-летней ссылке. На этот раз в Сибирь, в далекий Нарымский край. В ночь на 20 сентября 1914 г. Алексей Иванович опять бежит. Более 2 тысяч верст пробирался он по бесконечной тайге, болотам, рекам, целыми сутками не встречая по дороге ни одного села. Доехал до Самары, но здесь его в девятый раз арестовывают и снова отправляют в Нарымский край. Освободила Рыкова Февральская революция.

От февраля к октябрю

В начале апреля 1917 г. Рыков прибыл в Москву. В первом же письме жене он дает точную характеристику происходящего: «Я вынес впечатление в день приезда моего в Москву, что столкновение демократии (рабочих и крестьян) и правительства созревает с каждым днем».

Партия определяла стратегию и тактику предстоящей борьбы. Не все руководящие работники Центрального, Петроградского и Московского комитетов РСДРП нашли сразу правильный ответ на вопросы, вставшие перед ними в те дни. 1-я Московская общегородская конференция РСДРП, проходившая в апреле, приняла весьма расплывчатую резолюцию о власти, не определив место и роль Советов в революции. Большевики были весьма слабо представлены в Московском Совете (в начале апреля только 60 мест из 600). В такой сложной обстановке вернувшийся из ссылки Рыков избирается в Московский Совет и становится товарищем (заместителем) председателя этого Совета.

В партии в то время горячо обсуждались Апрельские тезисы В. И. Ленина. Было немало партийных работников, которые не соглашались с их основными положениями, не понимали существа ленинского документа. Среди них — Рыков, назвавший тезисы «крайне максималистской программой».

Дискуссия по ленинским тезисам развернулась на VII (Апрельской) конференции РСДРП. Алексей Иванович, выступая в прениях по докладу Ленина о текущем моменте, утверждал, что рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции в такой мелкобуржуазной стране, как Россия, невозможно. По его мнению, массы вряд ли окажут поддержку курсу большевиков на социалистическую революцию, а это могло привести партию к отрыву от масс и превращению ее в пропагандистский кружок. «Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада,— говорил Рыков.—...У нас нет сил, объективных условий для этого» (Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958, с. 106, 107).

При этом Алексей Иванович справедливо отмечал, что хотя прошло почти два месяца после Февральской революции, «платформа демократических преобразований не только не осуществлена, к осуществлению ее даже не приступлено. Перед нами лежит безбрежное море работы по развитию революционных завоеваний, по углублению революции, и особенно в деревне. Широкая масса населения России только просыпается к революции» (там же, с. 106).

Рыков разделял следующую точку зрения по вопросу о войне: «Все мы стремимся к миру, к социали-

стическому строю, но нельзя указывать в печати, что других методов окончания войны, как переход власти в руки пролетариата, нет и потому курс ликвидации войны мы можем строить только на ликвидации капиталистического строя». Поскольку буржуазная революция не окончилась, утверждал он, постольку возможен блок всей «революционной демократии». Правда, Рыков подметил, что «путь блока был достаточно запачкан», но, учитывая реальности революции, надо идти и на это (см. там же, с. 106, 107).

Обмен мнениями на конференции выявил достаточную пестроту взглядов на важнейшие вопросы стратегии и тактики партии. Ленин не согласился со многими положениями своих оппонентов. В частности, Владимир Ильич назвал «пародией на марксизм» точку зрения о том, что «социализм должен прийти из других стран, с более развитой промышленностью» (т. 31, с. 363).

Под влиянием весомых аргументов Ленина Алексей Иванович во многом изменил свою позицию и активно боролся в Моссовете за осуществление линии партии. Он часто выступал с речами на митингах рабочих, солдат, остро критиковал взгляды меньшевиков и эсеров.

Ситуация резко обострилась после июльских событий в Петрограде. Контрреволюция сделала ставку на Москву. Именно здесь она решила провести так называемое Государственное совещание в августе 1917 г. Московская буржуазия подняла голову, рассчитывая на упрочение своего лидерства, на перемещение в Москву центра всей политики.

Достойную «встречу» совещанию подготовили московские большевики. 12 августа в Москве состоялась всеобщая стачка рабочих, в которой участвовало почти 400 тыс. человек. Это выступление сорвало заговор Корнилова, приуроченный к Московскому совещанию. Но контрреволюция заговор не отменила, а лишь отложила.

Большевики Москвы готовились к новым боям с корниловщиной. Ими была выдвинута программа, предусматривающая вооружение революционных войск и рабочих, разоружение и расформирование контрреволюционных частей, арест главарей контрреволюционных организаций, закрытие органов буржуазной печати, выступавших против народа. Эта программа

нашла у трудящихся Москвы активную поддержку, они требовали создания отрядов Красной гвардии. Усилилось движение за отзыв из Советов соглашателей — эсеров и меньшевиков, за замену их депутатами-большевиками.

1 сентября Московский комитет РСДРП(б), в котором видную роль играли Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. А. Усиевич, В. П. Ногин, Г. И. Ломов, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, высказался за решение о создании власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства, поддержав тем самым резолюцию «О власти» — важный политический документ ЦК РСДРП(б), принятый 31 августа. А 5 сентября на объединенном пленарном заседании Московских Советов рабочих и солдатских депутатов по докладу Рыкова была впервые поддержана (355 голосами против 254) большевистская резолюция о власти.

Вскоре Алексей Иванович направляется в Петроград и остается там до победы Октябрьского вооруженного восстания, не теряя тесных связей с Москвой. Он избирается членом Президиума Петросовета. Во время вооруженного восстания Военно-революционный комитет направляет Рыкова комиссаром в министерства внутренних дел и юстиции.

Вечером 26 октября в Смольном состоялось совещание членов ЦК партии и большевистской фракции съезда Советов, на котором было решено предложить съезду большевистский состав нового правительства — Совета Народных Комиссаров. В него вошли наиболее известные, авторитетные в партии и народе революционеры. Разногласий по поводу кандидатур практически не было. Правда, было опасение не справиться с работой, ибо никто из них не умел управлять государством, никогда не знакомился с работой министерств, не имел специального образования. Их «университетами» были революционная деятельность в подполье, тюрьмы, каторги, ссылки.

Народным комиссаром по внутренним делам был назначен Рыков. Он пробыл на этом посту всего несколько дней. В дни мятежа Керенского — Краснова представители партий эсеров и меньшевиков при поддержке Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожников потребовали сформировать «однородное социалистическое правительство». Некоторые члены ЦК партии (в том числе Рыков)

заявили, что без привлечения в состав правительства меньшевиков и эсеров Советская власть погибнет, и поддерживали идею переговоров с лидерами мелкобуржуазных партий. ЦК РСДРП(б) осудил такую позицию и потребовал прекратить дезорганизаторскую деятельность в столь трудных условиях первых революционных дней. В ответ на это требование Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин заявили о своем выходе из ЦК, а последние трое — и из состава Совнаркома. ЦК партии расценил это как дезертирство и решительно осудил поступок товарищей, вставших на платформу, ничего общего с большевизмом не имеющую.

Объясняя позднее случившееся, Ленин отметит, что эти товарищи проявили колебания «в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и «социалистов-революционеров». Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цека нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большее через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты» (т. 41, ст. 417). При этом Ленин подчеркнет, что «без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены» (там же).

На высоких государственных постах

К зиме 1917—1918 гг. в Москве резко ухудшилось положение с продовольствием. Хлебные запасы были слишком малы — максимум на 3 дня. В день на человека выдавали $^1/_4$ фунта хлеба (чуть более 100 граммов). Рыков назначается Московским областным комиссаром по продовольствию. Необходимы были срочные меры. Алексей Иванович едет в Поволжье, Тамбов, на Украину, организует отправку эшелонов с хлебом в столицу. В те тяжелые дни москвичи знали, кому они были обязаны спасением от голодной смерти.

Весной 1918 г. партия выдвигает Рыкова на ответственный пост председателя Высшего Совета Народного Хозяйства — центрального органа по руководству экономикой страны. На ВСНХ были возложены задачи подготовки перехода от рабочего контроля к непосредственному управлению народным хозяйством на основе национализации банков, промышленности, транспорта и т. д. Алексей Иванович с присущей ему энергией приступает к делу.

Уже на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства, проходившем в Москве 26 мая — 4 июня 1918 г., он ставит вопрос об определении ближайших и перспективных задач в развитии экономики. Рыков считал ошибкой многих работников ВСНХ делать упор лишь на решение текущих задач: ВСНХ, считал он, «должен иметь своей целью выполнение и тех задач, результаты которых могут сказаться только через несколько лет». В основу государственных мероприятий председатель ВСНХ требует положить серьезные статистические исследования. «Необходим,— говорил Рыков,— синтез науки и организации, синтез науки и практической работы современной общественной эпохи, теперь, когда трудовые и пролетарские слои населения России приступили к планомерной организации нашего народного хозяйства». Он уделяет внимание вопросу о создании и укреплении экономических органов на местах, ибо «было бы бессмысленно думать, что, организовав центр в Москве, можно управлять всей промышленностью», «нужно распределить функции, определить, кто и что решает, что может решить область, что — уезд, что — центр». Рыков требует установить строжайший режим экономии, учета, напоминает, что в Западной Европе давным-давно перешли к использованию каждой тряпки, взяли на учет каждый фунт ценного металла. «Необходимо утилизировать и взять на учет все то, что валяется без хозяина в каждой деревне, в каждом городе, по всей Советской России».

Годы гражданской войны внесли необходимые коррективы в организацию хозяйственной жизни. Для управления промышленностью в этот период становится характерной крайняя централизация. Главки и центры ВСНХ руководили не только крупными, но и мелкими предприятиями. Эта система управления, получившая наименование «главкизм», была вынужденной. Она возникла из-за разрухи и нехватки сырья. 1920 год

стал началом надлома главкистской системы. Рыков указывал, что злоупотребления, выросшие на основе «гипертрофии централизованных форм управления», приобретали роль «крупного экономического фактора, отрицательное значение которого далеко превышает отдельные злоупотребления отдельных лиц». Он имел в виду нарастание бюрократических извращений в работе аппарата управления. «Надо смягчить,— отмечал Алексей Иванович,— централизованные формы распределения, а в области промышленности освободить главные и центральные управления от мелкой, несоответствующей им задачи — снабжения своих предприятий всеми видами сырья, полуфабрикатов и подобных материалов».

Накапливаемый Рыковым опыт руководства хозяйством партия использует в полную меру. Например, весной 1919 г., когда возникли серьезные проблемы со снабжением Красной Армии вооружением, боеприпасами, обувью, обмундированием. Это было связано с исчерпанием запасов, оставшихся со времен первой мировой войны, разрухой, вызванной гражданской войной и интервенцией, недостатками в управлении, несогласованностью в деятельности ряда ведомств и даже проявлениями анархизма со стороны некоторых военных руководителей. В целях объединения в одних руках всего дела снабжения Вооруженных Сил, поднятия производительности заводов, работающих на оборону, а также оперативного и грамотного распределения предметов снабжения, декретом ВЦИК от 9 июля 1919 г. вводится должность Чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны (позднее — Совета Труда и Обороны) по снабжению Красной Армии и Красного Флота (ЧУСО). Чрезвычайным уполномоченным назначается Рыков. Он получает в этой области практически неограниченные права назначения, смещения, ареста и предания суду всех, подчиненных ему, либо имеющих отношение к снабжению армии должностных лиц. ЧУСО передаются все органы снабжения, как центральные, так и местные.

На этой работе, как никогда раньше, ярко раскрылся организаторский талант Рыкова. В. И. Ленин высоко ценил его деловые качества, успешную деятельность в ВСНХ и на посту Чусоснабарма (см. т. 38, с. 177; т. 40, с. 223; т. 45, с. 114, 411). За заслуги в организации снабжения Красной Армии Рыков был на-

гражден орденом Красного Знамени. В апреле 1920 г. он избирается в состав Оргбюро ЦК РКП(б).

В конце мая 1921 г. Рыков назначается заместителем председателя Совета Народных Комиссаров, а также Совета Труда и Обороны. Позднее, в декабре 1921 г., утверждается еще один заместитель Предсовнаркома — А. Д. Цюрупа. Ленин так определил их права: «решающий голос в СНК и в **СТО**; председательствование, при отсутствии председателя. **Все** права председателя СНК в отношении участия во всех коллегиях и учреждениях и (в числе этих прав) право давать подлежащие немедленному исполнению указания насчет практической работы наркомам и их членам коллегий и т. д. (с ведома наркомов соответствующих ведомств) **по вопросам объединения и направления** работы экономических наркоматов» (т. 44, с. 253).

Вместе с Рыковым и Цюрупой Владимир Ильич разрабатывает «Постановление о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО)». На первом варианте постановления Ленин написал: «Принят 1-ый вариант с поправками Рыкова» (т. 45, с. 534). К этому постановлению Владимир Ильич возвращается неоднократно. Он считал первоочередным в работе замов проверку фактического исполнения декретов, законов и постановлений; сокращение штатов совучреждений, надзор за упорядочением и упрощением делопроизводства в них; борьбу с бюрократизмом и волокитой (см. т. 45, с. 152). Ведению Рыкова подлежали следующие наркоматы: финансов, внешней торговли, труда, социального обеспечения, продовольствия, по военным делам, по иностранным делам, здравоохранения, а также Госплан, Центральное статистическое управление, Концессионный комитет, Комиссия по внутренней торговле, Центросоюз, областные экономические советы (см. т. 45, с. 159).

На XI съезде партии Ленин отметил, что «Рыков, когда работал в Чусоснабарме, сумел подтянуть дело, и дело шло. Цюрупа поставил один из лучших наркоматов. Если они вдвоем максимум внимания обратят на то, чтобы подтягивать наркоматы в смысле исполнения и ответственности, то тут, хотя и маленький, шаг мы сделаем. У нас 18 наркоматов, из них не менее 15-ти — никуда не годны,— найти везде хороших наркомов нельзя, дай бог, чтобы люди уделяли этому больше внимания. Тов. Рыков должен быть членом бюро

ЦК и членом Президиума ВЦИК, потому что между этими учреждениями должна быть связь, потому что без этой связи основные колеса иногда идут вхолостую» (т. 45, с. 114—115).

Предложение Ленина было учтено. Рыков с 1922 г. становится членом Политбюро ЦК РКП(б).

Вместе с В. И. Лениным Рыков стоял у истоков нэпа. 18 мая 1921 г. он сделал доклад на IV съезде советов народного хозяйства — «Состояние и возможности развития промышленности в условиях новой экономической политики». В нем подчеркивалось, что нэп далеко выходит за рамки замены продразверстки продналогом. Ключевым стержнем нэпа Рыков считает образование свободного рынка. Несомненно, говорил он, «эта основная коренная реформа радикальным образом изменяет постановку всего хозяйства у нас на территории республики». За период прежней экономической четырехлетней жизни у многих, считал Рыков, выработалась отрицательная черта. А именно: «Мы не имели конкурентов, мы их не терпели, мы их всегда убивали, умерщвляли путем реквизиции, конфискации и т. д. даже в том случае, если конкуренты были более толковы, чем наши органы». Теперь этому нужно положить конец. «Теперь мы должны побеждать не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы». Совершенно ясно, что на первых порах далеко не все из нас, продолжал Алексей Иванович, будут более умелыми по сравнению с бывшими владельцами фабрик или концессионерами. Значит, надо учиться. «И потому,— отмечал он,— плюс новой экономической политики свободного обмена — и большой плюс — заключается в том, что он заставит каждого из экономических работников подтянуться, дабы победить в открытом бою экономической конкуренции... До сих пор мы часто прибегали к зажиму. Теперь нам необходимо внимательно изучать местные рынки, местные привычки, местные обычаи и индивидуализировать свою работу...»

Во второй половине 1921 г. начинает осуществляться коренная реформа в управлении промышленностью. В целях бережного ведения хозяйства, обеспечения рентабельности производства предприятия переводятся на хозрасчет и объединяются в тресты. Для сбыта готовой продукции на рынке, лучшего снабжения предприятий и распределения заказов между ними образу-

ются синдикаты. ВСНХ получил возможность сосредоточить внимание на стратегических вопросах восстановления и дальнейшего развития промышленности, освободившись от мелочной опеки над предприятиями. Но каждый день ставил все новые вопросы. В брошюре «Хозяйственное положение страны и выводы о дальнейшей работе» (1922 г.) Рыков обращает внимание на главные из них.

Борьба за подлинный «хозяйственный расчет», за точный учет производства, за бережное отношение к каждой копейке — главная задача дня. Экономию, писал он, «нужно со всей решительностью провести в быт, в нравы, во все расчеты наших хозяйственных организаций, и расточительность карать беспощадно». В области финансовой политики стремился найти гибкие рычаги воздействия на экономическую жизнь, найти средства для ускорения восстановления страны. Это была трудная задача. Но Рыков подчеркивал, что «наша политика должна сводиться не к расширению эмиссии, а к уменьшению непроизводительных расходов.., к строжайшей экономии во всем государственном управлении и в государственном хозяйстве и к сосредоточению наибольшего количества государственных средств на разрешение главнейших задач». Упор делался на восстановление в кратчайшие сроки тяжелой индустрии и транспорта — «эти отрасли являются политической и экономической базой пролетарской диктатуры и поэтому должны быть выдвинуты на первый план». При этом финансирование металлургии и топливной промышленности должно производиться путем предоставления им государственных заказов и оплаты их по так называемым «восстановительным» ценам.

Большое внимание Рыков уделял торговле, считая, что кооперация (прежде всего) и государственная торговля должны завоевать себе такое положение на рынке, чтобы предприниматель и частный торговец не могли назначить завышенных цен, чтобы потребитель не был отдан им на полный произвол. Он поддержал в Совнаркоме и ВЦИКе решение о предоставлении отдельным хозяйственным органам, по особому списку, права самостоятельного выхода на европейские рынки, что должно было обеспечить максимум возможностей для развития внешней торговли. В этой связи он отмечал, что такое право «не нарушает режима монополии внешней торговли, меняя лишь форму осуществления

этого принципа, путем усиления контрольных, регулирующих функций органов Наркомвнешторга за счет его непосредственной торговой деятельности». «Максимальное расширение экспортных операций» являлось, по мысли Рыкова, актуальнейшей задачей внешней торговой политики. Это позволяло укрепить наши импортные возможности и в значительной степени облегчить положение всего народного хозяйства.

Наконец, Алексей Иванович считал важнейшей задачей партии и государства усиление борьбы со взяточничеством и спекуляцией. Он понимал, что победа на этом фронте «не может быть одержана за один день, мы здесь стоим перед перспективой длительной и упорной борьбы». Причем, что характерно, не только путем репрессий, а и путем улучшения системы нашего хозяйства. «Это самое главное»,— подчеркивал Рыков. В то же время к членам партии он требовал применять самые суровые меры и не только за взяточничество, но даже за недостаточную борьбу с ним.

В 1923 году экономика страны столкнулась с серьезным кризисом, в основе которого лежали так называемые «ножницы» — резкое расхождение цен на промышленные изделия и продукты сельского хозяйства. Углубление кризиса грозило остановкой предприятия, вело к росту безработицы. Политика нэпа держала серьезный экзамен. 5 октября Рыков возглавил Комиссию по «ножницам». Внимательно анализирует он происходящие в стране события, определяет объективные и субъективные причины кризиса. Следует отметить, что еще осенью 1922 г. Рыков обратил внимание на тревожный симптом: предприятия, стремясь обеспечить прибыльность любой ценой, стали постепенно увеличивать цены на свою продукцию. Но приостановить сразу этот процесс не удалось. Рыков подверг критике ошибочные взгляды и конкретные шаги Пятакова, заместителя председателя ВСНХ, по вопросам осуществления на практике законодательства о трестах и синдикатах. Комиссия во главе с Рыковым разработала конкретные рекомендации правительству и ЦК партии о путях выхода из кризиса. Эти рекомендации легли в основу резолюции Политбюро ЦК РКП(б) от 23 декабря 1923 г. «Об очередных задачах экономической политики».

Будучи крупным организатором социалистического строительства, Рыков вместе с тем оставил заметный

след в разработке теоретических вопросов экономической политики. Его статьи, доклады, речи за период 1918—1924 гг. составили три тома сочинений, изданных во второй половине 20-х годов. Их отличает критический взгляд на события, трезвая оценка времени, деятельности партийных, государственных и хозяйственных органов.

Глава Советского правительства

Утром 22 января 1924 г. радио разнесло печальную весть о смерти Владимира Ильича Ленина. Это было невосполнимой потерей. Впереди предстояли дела колоссальной исторической значимости. Руководство партии должно было без Ленина, опираясь на его учение и заветы, искать оптимальные решения, способные закрепить завоевания революции и вести страну к социализму в конкретных условиях тогдашней Советской России.

26 января 1924 г. состоялось траурное заседание Второго съезда Советов Союза ССР. От имени Президиума ЦИК Рыков вносит на утверждение делегатов съезда предложения о выпуске Собрания сочинений В. И. Ленина, которое должно сделать идеи коммунизма достоянием всех трудящихся; о сооружении памятников Ленину в городах СССР, ибо «образ великого вождя должен быть увековечен для всех грядущих поколений и служить постоянным напоминанием и призывом к борьбе и окончательной победе коммунизма»; о создании при ЦИКе Союза ССР специального фонда имени В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям, в особенности жертвам гражданской войны и голода; об объявлении 21 января днем траура; о сооружении склепа (мавзолея) у Кремлевской стены на Красной площади. Но «единственный настоящий памятник, который можно воздвигнуть тов. Ленину,— подчеркивал Рыков,— будет заключаться в полной победе его идей... Если все силы своей души, все наши мысли, все наши знания, всю упругость наших мышц мы посвятим борьбе за осуществление идеалов Владимира Ильича, это будет настоящий памятник, который обязаны построить его современники и его ученики» (Второй съезд Советов Союза ССР. Стенографический отчет. М., 1924, с. 52—53, 54).

2 февраля 1924 г. на первой сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва А. И. Рыков был утвержден председателем Совета Народных Комиссаров СССР. Одновременно он возглавлял (до 1929 г.) правительство РСФСР.

Находясь на посту председателя Совнаркома, Рыков решительно отстаивал идею индустриализации страны. При этом всегда подчеркивал приоритетное значение тяжелой индустрии, машиностроения, транспорта, ускоренного строительства электростанций как основы резкого подъема производительности труда. Решение же этой задачи он считал главнейшей для успешного строительства социализма в СССР, победы в экономическом соревновании с миром капитала. Немало сил уделял он тому, что спустя полвека было названо «человеческим фактором». «Вопросы, касающиеся вещей и технических процессов,— отмечал Рыков на V съезде Советов,— совершенно справедливо занимают огромное место в нашей жизни, но нельзя забывать того, что все это существует для людей. Не люди для машин, а машины для людей. Не люди для индустриализации, а индустриализация для людей — для рабочих и для крестьян».

Одновременно с преобразованием города Рыков никогда не забывал, что строить социализм приходится в крестьянской стране. Заботы деревни всегда были заботами Алексея Ивановича. Если подъем экономики возможен только на путях индустриализации, то такой подъем «должен и может происходить только одновременно как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, так как одно с другим связано совершенно неразрывно». Уже в середине 20-х годов он подчеркивал: «интенсификация — основной путь развития сельского хозяйства».

Рыков решительно поддерживал высококвалифицированных специалистов-хозяйственников, «Шаляпиных в области промышленности», по его выражению, уделял постоянное внимание их подготовке. «Проблема специалистов, проблема подбора организаторов, администраторов, улучшения хозяйственных командных кадров, проблема сочетания контроля над их работой с предоставлением им широкой самостоятельности в оперативной работе, развязыванием и поощрением личной инициативы, предоставлением известного права на ошибки при нововведениях, на данном этапе раз-

вития — этапе реконструкции хозяйства, рационализации производства — получает исключительно важное значение».

В своих выступлениях Рыков постоянно призывал к поиску оптимальных выходов из труднейших ситуаций, учитывая, что готовых рецептов строительства социализма не было. Он высказывался против ориентации на такой путь развития, при котором «задача поддержания наивозможно быстрого темпа и задача установления подвижного равновесия во всей системе хозяйства взаимно исключали бы друг друга». Его предложения, по сути, сводились к сбалансированному развитию всех отраслей народного хозяйства.

На XV съезде партии Рыков сделал доклад о разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, центральной идеей которого была индустриализация страны. Большое место в докладе заняли проблемы крестьянского хозяйства. Алексей Иванович коренной сдвиг в укреплении сельского хозяйства видел в развитии крупного сельскохозяйственного производства на путях кооперирования, считал необходимым создать стимул, который бы содействовал объединению крестьянства (см. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет, М., 1962, ч. II, с. 866—870).

Только при условии большей самодеятельности народных масс все начинания Советской власти, по мнению Рыкова, получат гарантии правильного воплощения их в жизнь, гарантии того, что «бюрократические искажения не обесценят, не исказят этих начинаний». А это требовало поощрения инициативы в деле хозяйственного и культурного строительства, содействия появлению разнообразных обществ, построенных по принципу добровольности и личного влечения. «Я думаю,— говорил он,— что нам не обойтись без усложнения системы массовых организаций».

Рыков отмечал, что «главная из наук, которой нужно научиться, это — уметь по-марксистски анализировать жизнь, понимать действительность, предвидеть события и не смущаться сознавать свои ошибки». Мы будем дураками, подчеркивал он, если, сделав плохо, не вернемся назад и не попробуем сделать иначе.

Надо сказать, что иногда Рыков давал оценки политического момента, расстановки классовых сил, общественных процессов, отличающиеся от позиций, занимаемых другими руководителями. И считал это нормальным делом, исходя из того, что шел поиск путей решения коренных проблем развития советского общества. Заботясь об утверждении подлинной коллегиальности в работе руководящих органов, он открыто выступал против диктата отдельных лиц в определении политической линии партии. На XIV съезде ВКП(б) Рыков заявил, что «никогда и ни перед кем, ни перед Сталиным, ни перед Каменевым, ни перед кем-либо другим, партия на коленях не стояла и не станет».

В 1928 г. он вместе с членами Политбюро Н. И. Бухариным и М. П. Томским выступил против отхода Сталина от ленинских принципов в крестьянском вопросе. Руководящие партийные органы расценили эти взгляды как ошибочные и неправильные. Бухарин был выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г., а Рыков — в декабре 1930 г. Одновременно его освободили от обязанностей Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны.

История, разумеется, не терпит сослагательного наклонения. Мы не знаем, что получилось бы в ходе реализации идей Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и их единомышленников. Однако нам теперь известна цена, уплаченная за грубые извращения ленинского учения о кооперации при проведении коллективизации на рубеже 20—30-х годов, за многолетнее господство административно-командной системы партийно-государственного руководства страной.

Более пяти лет, с марта 1931 г. по сентябрь 1936 г., Рыков работал наркомом связи СССР. Большое внимание он уделял развитию радиовещания, городских телефонных сетей, строительству АТС, налаживанию работы почтовых отделений. В эти годы, по свидетельству очевидцев, его характер заметно изменился: появились не присущие ему ранее раздражительность, замкнутость. Родным и близким он признавался, что ощущает приближение расправы над ним. Основанием тому служили факты преследования бойцов старой ленинской гвардии со стороны Сталина и его окружения. Предчувствие, к сожалению, оправдалось. На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Рыкова и Бухарина исключили из рядов партии, а через

год по приговору военной коллегии Верховного суда СССР расстреляли.

Только спустя пятьдесят лет советские люди узнали правду о процессе по так называемому «правотроцкистскому блоку». Рухнули бездоказательные обвинения в диверсионно-вредительской, террористической деятельности по заданиям вражеских разведок, направленной на свержение существующего в СССР строя. Теперь ясно, что в тот трагический период была осуществлена политическая расправа над представителями ленинской гвардии, имевшими иную, чем Сталин, точку зрения на развитие общественных процессов в нашей стране.

Политическое образование. 1988. № 6. С. 83—90.

Г. Жаворонков

И единожды не солгавший

«...Ему 50 лет. Много пережито и много достигнуто. Пожелаем дожить ему до момента, когда поднимется буря мировой революции». *(Из приветствия Н. Крупской Осипу Пятницкому, «Правда», 31 января 1932 года).*

Все книги об Осипе Пятницком (а их уже четыре), как правило, кончаются его юбилеем, когда до его ареста оставалось еще пять лет...

Он родился в семье рабочего в 1882 году. С 16 лет в РСДРП. Транспортировка «Искры», тюрьма, побег, работа за границей, Пражская конференция, всегда с Лениным и за Ленина. Потом опять Россия, ссылка, один из руководителей Октябрьского восстания в Москве.

С XV по XVII съезд — член Центрального Комитета ВКП(б), с 1926 года — член президиума и политсекретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

Все это — сухие строки из биографии профессионального революционера, из биографии, которая еще не дописана.

У него тоже был 1937 год... Лично над ним он тогда еще не завис беспощадной гильотиной. Но Осип Пятницкий не был бы Пятницким, если бы отделял свое личное благополучие от всего, что происходило рядом, с другими.

Свидетельствует Владимир Губерман, записавший в 1967 году рассказ Л. Кагановича о том, как проходил июньский Пленум в 1937 г. (В. Губерман, сын Самуила Губермана, привлекшего в 1911 году Кагановича к революционной работе, собирал тогда материал для книги об О. Пятницком. С его слов тогда же содержание рассказа было записано сыном О. Пятницкого Владимиром. Запись хранится в архиве семьи Пятницкого).

На Пленуме рассматривались вопрос об МТС и дополнительно, по предложению Сталина, вопрос о дальнейшей судьбе деятелей правого блока и, в частности, Бухарина. Сталин настаивал на физическом уничтожении всех представителей правой оппозиции и предоставлении наркому внутренних дел Ежову чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией — «врагами народа»... На вечернем заседании 24 июня с возражением Сталину выступил О. Пятницкий. Он высказался против физического уничтожения Бухарина и членов его группы; заявил, что за фракционную деятельность представителей правого блока достаточно исключить Бухарина и его соратников из партии и этим отстранить их от политической деятельности. Но в дальнейшем следует использовать их опыт и знания в народном хозяйстве. О. Пятницкий выступил против предложения Сталина о предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий. При этом он сослался на то, что по долгу службы, являясь заведующим политико-административным отделом ЦК партии, курируя в числе прочих вопросов и выполнение партийных положений в аппарате госбезопасности и внутренних дел, он сталкивался с методами допросов, культивируемыми Ежовым в своем наркомате, и потому возражает против предоставления наркому Ежову такой полноты власти. О. Пятницкий предложил, наоборот, усилить контроль за деятельностью НКВД и, в частности, за деятельностью Ежова.

После выступления О. Пятницкого Сталин прервал заседание Пленума и объявил перерыв, во время которого в кулуарах некоторые члены ЦК, близкие О. Пятницкому, советовали ему отказаться от своего выступления, большинство же участников Пленума к нему не подходили.

Через некоторое время к О. Пятницкому подошли Молотов, Каганович и Ворошилов и, отозвав в сторону, сказали, что Сталин поручил им переговорить с ним и убедить его отказаться от своего высказанного на заседании заявления и взять его назад.

Каганович напомнил О. Пятницкому, что Сталин верит ему как человеку и большевику, который всю свою жизнь был верным ленинцем, никогда не участвовал в оппозициях, что Сталин ценит его как замечательного практика и непревзойденного организатора. Он сказал, что если О. Пятницкий возьмет свое заявление

назад, то в этом случае оно забудется и о нем никогда вспоминать не будут. О. Пятницкий отказался взять свое заявление назад. Тогда Молотов напомнил О. Пятницкому о его семье — жене и детях и посоветовал ему подумать об их судьбе.

О. Пятницкий ответил, что отказаться от своего заявления не позволяет ему совесть коммуниста; что он совершенно ясно представляет свою дальнейшую судьбу; что его выступление на Пленуме не случайное, а вполне осмысленное действие; что во имя чистоты и единства партии он готов пожертвовать своей жизнью и даже, если в этом будет необходимость, жизнью своих детей и своей жены.

Выслушав это, Молотов, Каганович и Ворошилов ушли.

В этот день заседание Пленума уже не возобновлялось.

На следующий день, 25 июня, заседание Пленума началось выступлением Ежова. Он заявил, что НКВД располагает неопровержимыми данными о том, что Осип Пятницкий в годы реакции был осведомителем охранного отделения, что он, Ежов, предъявляет Осипу Пятницкому обвинение как старому провокатору охранки и на основе этого предложил выразить О. Пятницкому политическое недоверие. Вопрос был поставлен на голосование. Пленум поддержал предложение Ежова. Против голосовали трое — Воропаев, Каминский, нарком здравоохранения, и Крупская, воздержался один — Стасова.

Пленум предоставил О. Пятницкому двухнедельный срок для возможности защиты и опровержения выдвинутого Ежовым обвинения.

После этого Пятницкий покинул заседание.

Из дневника жены О. Пятницкого Юлии:

«23 июня, когда начался Пленум, я с Игорем была в Нагорном, не ждала его... Пленум должен был работать в выходной, он вдруг приехал, когда я уже спала. И проснулась я от его взгляда, необычайно светлый и печальный взгляд был у него... Я сразу почувствовала, что он чем-то потрясен.

Он говорил о детях репрессированных, обо всех этих невинных, несчастных маленьких гражданах Советского Союза, которые должны жить мучительно, в ненормальных психологических условиях, нужде...

...Очень хотелось умереть. Я ему это предложила

(вместе), зная, что этого не следует делать. Он категорически отказался, заявив, что он перед партией так же чист, как только что выпавший в поле снег, что он попытается снять с себя вину...»

Свидетельствует сын Пятницкого Игорь:

«7 июля в 23 часа за отцом приехали и увезли его, когда меня не было дома».

Нет, это еще не было концом тяжелейших испытаний, на которые, в отличие от многих, Пятницкий пошел сознательно. Как ни страшно и горько, это было всего лишь началом... Впереди были допросы, избиение, арест старшего сына, Игоря, прошедшего потом через многие годы лагерей, арест жены, Юлии, и безвестная ее смерть, скитания младшего сына, названного в честь Ленина Володей, жизнь в чужой семье, в детдоме... Об их судьбах Пятницкий уже не знал. Впрочем, наверняка знал. Там, на Пленуме, выбирая смерть и отвергая бесчестье, он не мог не догадываться, не знать, что предупреждение подумать о семье не пустая угроза, что вслед за ним его судьбу разделят его жена и дети. Там, на допросах, ему не могли не предлагать обменять жизнь семьи на признание собственной вины, на оговор товарищей. Он не выменял.

Свидетельствует Арон Темкин, член партии с 1905 г. (бывший член коллегии Министерства пищевой промышленности; скончался в 1975 г. Продиктовано Игорю Пятницкому 13 апреля 1963 г.):

«26 июня 1938 года я, после ареста, в 3 часа ночи был доставлен в Лефортовскую тюрьму... Меня привели в 96-ю камеру... Перед дверью в камере стояли два человека. Один из них, пожилой, сгорбленный, седой, после ухода дежурного спросил, когда меня арестовали, назвав меня по фамилии, и только после этого я узнал его. Это был товарищ Пятницкий.

...Товарища Пятницкого вызывали на допросы очень часто (за 32 дня, проведенных вместе, 18 раз). И это тем более удивительно, что, как потом оказалось, дело уже было закончено, и через 32 дня после моей встречи с ним в тюрьме его уже расстреляли. Его забрали днем. Он был совершенно спокоен, хотя знал, куда идет...

Пятницкий, говоря о Сталине, рассказал, что в партии имеются настроения устранить Сталина от руководства партией. Перед июньским Пленумом 1937 года состоялось совещание, где шла речь об этом,— «чашка

чаю», как он мне назвал,— с участием его, Каминского и Филатова...».

* *
*

Из всей пока отрывочной хроники тех лет может сложиться впечатление, что сталинизм был роковой неизбежностью, что ему не сопротивлялись, потому что сопротивление было бесполезно. Это далеко не так. Это просто не так. Был XVII съезд ВКП(б), на котором значительная часть делегатов голосовала против Сталина, а значит, и против своей жизни, была «чашка чаю», была Н. К. Крупская — не просто жена и вдова В. И. Ленина, она до конца была Крупской, борцом неломающейся ленинской гвардии.

Свидетельствует Михаил Менделеев, проживающий в Ленинграде, член КПСС с июля 1930 г. (Этот эпизод изложен им в письме И. Пятницкому, от 23 декабря 1987 г.).

В мае 1938 года меня привезли этапом из г. Воркуты, из лагеря особого режима, в Москву, во внутреннюю тюрьму. В конце июня или начале июля после допроса у следователя по фамилии Шарок меня привели не в мою камеру. Оглядевшись в затемненной камере, я увидел ее обитателя и сказал «Здравствуйте» — идущему мне навстречу, подавая ему руку, и услышал: «Не торопитесь подавать мне руки, выслушайте меня и тогда решите, стоит ли подавать мне руку».

— Я приговорен к смертной казни и ожидаю приведения приговора в исполнение... Может быть, вы останетесь живы и все расскажете. Моя фамилия Мельников Борис Николаевич, работал генеральным консулом в Харбине. От меня требовали подтверждения, что Пятницкий является шпионом в пользу Японии и других капиталистических стран. Зная лично, что О. А. Пятницкий — активный член Коминтерна, и глубоко уважая его за идейность и честность, я всячески доказывал, что это — ложь, наветы и что он уважаем в Коминтерне... Однажды после длительных избиений и истязаний я не выдержал и согласился дать показания на Пятницкого.

Через несколько дней мне принесли в камеру мой костюм отглаженный, галстук и начищенные ботинки и повели к следователю. Там меня тщательно оглядели

и сказали: «Пойдет». Назавтра ко мне в камеру привели парикмахера, побрившего и подстригшего меня. От парикмахера привели к следователю и там строго сказали: «Последний раз предупреждаем вас, держите себя согласно нашей инструкции. В ином случае очень пожалеете».

Через минут 20—30 меня отвели во двор и велели сесть в автомашину между двумя людьми, один из которых был из числа моих следователей. Меня повезли в Кремль, ввели в помещение и, усадив у одной из дверей, велели подождать.

Минут через 15—20 меня ввели в обширную комнату. Я огляделся. За большим столом сидел Сталин, недалеко от стола — человек 10—12. Узнал я Молотова, Ворошилова, Кагановича и поодаль — Н. К. Крупскую.

Я услышал голос Сталина: «Товарищ Крупская утверждает, что она не верит и не допускает, чтобы Пятницкий был шпионом. Товарищ Ежов вам доложит и фактами убедит вас. Ежов встал, вынул лист бумаги из портфеля и, оглядев сидящих в комнате, обратился ко мне: «Гражданин Мельников!..» Он начал задавать известные мне вопросы. Я отвечал согласно инструкции. И вдруг услышал резкий, возмущенный голос Н. К. Крупской:

— Он лжет! Он фашист, он негодяй! И бросила в комнату: — Вячеслав Михайлович! Климент Ефремович! Лазарь Моисеевич! Вы ведь хорошо знаете Пятницкого. Он ведь честнейший человек. Его очень любил и уважал Ленин.

Крупская заметалась, искала глазами сочувствующих. Ответом ей было гнетущее молчание... Молчание прервал голос Сталина:

— Товарищ Крупская не доверяет показаниям Мельникова. Что ж, проверим еще.

Меня увели из комнаты заседаний и привезли на Лубянку».

* *
*

Только сказав всю правду, можно узнать о мужестве тех, кто до последней минуты своей жизни защищал ленинские принципы в партии.. Ценою своей жизни, ценою жизни своих близких, навечно оставаясь в рядах партии.

Это нужно нам, живущим. Это нужно тем, кто только родился. Это нужно нашим потомкам, чтобы учили они не приторную сказочку нашей истории, а летопись преодоления, борьбы, ошибок и побед. У них должны быть душевные мускулы Осипа Пятницкого, его жертвенность, его высокая убежденность, его совесть...

Свидетельствует Игорь Пятницкий:

«Кто-то должен был попытаться остановить волну репрессий. Одним из них был мой отец. 24.06.37 г. он выступил на Пленуме ЦК ВКП(б) и призвал Пленум к восстановлению ленинских норм партийной жизни.

Он знал, что его ждет. Но он совершил этот поступок ради интересов партии, которой он отдал всю свою жизнь».

Московские новости. 1988. 10 апр.

Человек и символ

О Сталине, его окружении и времени, в котором они жили, наш корреспондент Р. Гусейнов беседует с доктором исторических наук, профессором Ю. С. Борисовым

Р. ГУСЕЙНОВ: Юрий Степанович! Я знаю, что в сферу ваших научных интересов, особенно в последние годы, входит фигура Сталина, его окружение, тот период в жизни нашего общества, который мы зовем временем «культа личности». Ваши лекции, беседы вызывают огромный интерес. Что, на ваш взгляд, за этим интересом: жажда нового знания, глубокий интерес к прошлому, а может быть, и мода?

Ю. БОРИСОВ: Очень хотелось бы верить, что те, кто приходит на лекции (мои или коллег-историков), те, кто с увлечением глотает современную периодику (а она очень много дает пытливому уму), руководствуются не поветрием моды. Слишком серьезный и драматический поднимается вопрос. История — это арсенал, в котором мы ищем и то, что возьмем с собой в дорогу, и то, от чего нужно отказаться. Но в любом случае это должна быть книга без вырванных страниц. Только тогда она станет по-настоящему полезной и поучительной.

В этом смысл той очистительной работы, которая начата по инициативе нашей партии. Мы, историки, в большом долгу перед народом и стремимся сейчас удовлетворить его потребность в объективном знании прошлого. Могу сообщить, что и в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и в Институте истории СССР АН СССР, где я работаю, ведется напряженная работа по созданию новых обобщающих книг по истории партии и истории СССР, которые отвечают современным требованиям и готовятся с привлечением ранее недоступных источников. В таких издательствах, как Политиздат, «Мысль» и другие, завершается работа над книгами по ряду острых, малоисследованных проблем. Ряд журналов готовят серии статей о виднейших деятелях нашей и мировой истории. «Фигуры умолчания» уходят наконец в прошлое. Эти работы появятся в ближайшее время: одни до XIX партконференции, другие после нее, с учетом ее материалов. Но это, конечно, лишь первые шаги.

Мне кажется естественным тот огромный интерес, который проявляется сегодня людьми всех поколений, особенно молодежью, к трагическим явлениям нашей истории. Правда, оценки Сталина и той эпохи разноречивы, порой противоречат друг другу.

Для одних Сталин — это человек, с которым связаны политические преступления, прощения которым нет и быть не может. Для других — это профессиональный революционер, соратник Ленина, «допустивший немало ошибок, но победивший в войне».

Высказывается и такая точка зрения: настоящего социализма в нашей стране построено не было. На этой почве возникают и рекомендации, на мой взгляд, поспешные, а иногда и безответственные. Говорится о том, что во всем виновата, дескать, однопартийная система. За этим стоит наивное представление, будто чем больше партий, тем больше демократии.

Мне думается, что важным сейчас является внести определенность в наши представления об этом времени. Поэтому я начал бы с того, что является главным, на мой взгляд, в той эпохе, которую не всегда обоснованно называют сталинской.

Определенность эпохи, как мне представляется, состоит в том, что в нашей стране впервые в мире строился социализм. Происходило это в особых условиях. А характеристика Сталина как политического деятеля определяется прежде всего тем, что именно к нему сходились решающие нити управления всеми процессами, происходящими в стране.

С 1930 года в СССР была навсегда ликвидирована безработица. Страна создала мощную индустрию. Ушла в прошлое неграмотность, складывалась культура нового типа, более 40 народов впервые получили национальную письменность, сформировали собственную интеллигенцию. Впервые в мире решались социальные проблемы, ликвидация которых невозможна в антагонистическом обществе. Народ все вынес и преодолел во имя социализма, вопреки «механизму торможения» и тем извращениям, которые связаны были с командно-бюрократической системой, представлявшей собой пирамиду, на вершине которой место было лишь для одного.

Р. Г.: Но был ли Сталин со всеми присущими ему качествами закономерным порождением эпохи?

Ю. Б.: Это важный вопрос. Буржуазные советологи часто трактуют его однозначно. Не было бы Сталина, возникла бы другая фигура, но методы правления, командный стиль, по их мнению, остались бы такими же. Я убежден, что эпоха не требовала с неизбежностью такого человека, как Сталин. На любом повороте истории существует возможность выбора, происходит борьба тенденций. Но из различных вариантов история избирает только один. Увы, не всегда самый лучший. И тогда возникает своеобразный исторический зигзаг. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что объективная закономерность все равно вернет исторический процесс на магистральную линию. Но когда свершится возвращение, оно не будет возвращением к исходной точке. Это будет новая точка отсчета.

Р. Г.: Приходится слышать и такую точку зрения, что, дескать, выбор Сталина из числа тех, кто остался в руководстве после смерти В. И. Ленина, был наилучшим. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин не обладали ни политическими, ни волевыми качествами руководителей, способных поднять разрушенную войной страну и построить социализм.

Ю. Б.: Чаще всего в таких рассуждениях возникает мнимая альтернатива: Сталин или Троцкий.

Но вопрос этот надуман, ибо не было никаких реальных оснований для выдвижения Троцкого на роль единственного или главного руководителя. Это, кстати, показала последовавшая вскоре дискуссия с троцкистами. Лишь незначительное число коммунистов поддержало теоретика «перманентной революции». Убежден я и в другом. Сам Троцкий, как умный политикан, умеющий заглядывать вперед, прекрасно понимал призрачность своих притязаний.

Известно, что Ленин предлагал ему пост заместителя председателя Совнаркома. Практически это был второй пост в правительстве. Заместитель председателя руководил и заседаниями Политбюро в отсутствие Ленина. Однако Троцкий отказался занять этот пост, и его занял Каменев. Я полагаю, что главное, за что боролся Троцкий, состояло в стремлении сохранить в Политбюро особое положение.

Р. Г.: Что значит «особое положение». Была ли это роль главного идеолога, ведущего советника. Ведь Троцкий был человеком крайне самолюбивым, амбициозным.

Ю. Б.: Очевидно, роль идеолога и полная автономия тех сфер, которыми он руководил (особенно военные дела), его бы вполне устроила.

Далее. Каменев и Зиновьев. Пожалуй, они полагали, что после смерти Ленина партией будут руководить они. Допускался в этот круг и Сталин. Но всего лишь как исполнитель, орговик. Политическое, интеллектуальное руководство они оставляли за собой.

Если мы выйдем за пределы этого круга, то появится ряд других имен. В кругу старых большевиков достаточно упорно в качестве преемника Ленина называется Рудзутак. При этом ссылаются на мнение Ленина, хотя письменных свидетельств этого нет. Достоверно известно одно: к Яну Рудзутаку Ленин питал глубокое уважение.

Несколько позднее называли и другие имена. Фрунзе, Дзержинский. Затем Киров. После смерти Кирова атмосфера в партии изменилась. Ничьих имен уже не называлось. С конца 40-х годов в достаточно узких кругах, как о возможном преемнике, заговорили

о молодом секретаре ЦК ВКП(б) Алексее Кузнецове. Его судьба трагична, и об этом ваша газета писала.

Иногда возникает вопрос: а почему Ленин не назвал конкретного преемника? Изучая жизнь Владимира Ильича, его труды, понимаешь, что такой шаг был бы противен самой натуре Ленина. Он полагал, что во главе страны должен стоять достаточно крупный, авторитетный деятель партии, лишенный тех недостатков, которыми обладал Сталин. Главным и важнейшим, по мысли Ленина, было, чтобы этот человек обеспечивал преемственность руководства, его коллективность.

Р. Г.: Ленин не мог не понимать, что власть, сосредоточенная в одних руках, может привести к серьезным проблемам.

Ю. Б.: У Ленина такие опасения были. В марте 1922 года он писал Молотову, что «пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». При этом он подчеркивал, что «достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него». Ленин тогда еще не знал данных партийной переписи 1922 года. В РКП(б) тогда входило около 400 тысяч человек. Так вот люди, вступившие в партию до революции и в 1917 году, составляли около 11 процентов от общего числа членов. Ленин предчувствовал, что, если раскол возникнет в этой среде, то будущие события будет трудно предугадать. Так, по сути, и произошло.

После смерти Ленина внутрипартийная борьба вспыхнула с новой силой. Обострению дискуссии, непримиримости сторон способствовало привнесение в споры элементов борьбы за власть. Это, несомненно, противоречило самому духу большевистской партии. Сталин, который по своему положению в партии обязан был противостоять этим пагубным тенденциям, лишь обострял их. Собственно, это было свойственно его натуре, о чем и предупреждал Ленин.

В этой обстановке процветала групповщина. Логика такой борьбы неминуемо придавала ей фракционный характер.

Одним из первых почувствовал опасность такой обстановки Ф. Дзержинский. В личном письме В. Куйбышеву в 1926 году он с горечью писал: «Дорогой Валериян!.. Я сознаю, что мои выступления могут укрепить тех, кто наверняка поведет партию в сторону гибели, т. е. Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Шляпникова. Как же мне, однако, быть? У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством... Если не найдем этой линии и темпа — оппозиция наша будет расти, и страна найдет тогда своего диктатора — похоронщика революции — какие бы красные перья ни были на его костюме... От этих противоречий устал и я».

Через семнадцать дней его не стало...

Некоторые историки, комментируя это письмо, утверждают, что Дзержинский прозорливо увидел будущее Сталина. Я думаю, что это было бы слишком простым ответом. О Сталине или о какой-то другой конкретной фигуре и речи здесь еще нет.

Несомненно, что письмо Дзержинского отражало в какой-то степени предчувствие старым ядром ленинской гвардии грозящей опасности. Не Сталин, так кто-то другой должен был появиться в этой смутной ситуации, когда вчерашние товарищи по партии привносят в борьбу что-то чуждое самой партии, ее идеологии.

Р. Г.: Важным мне представляется вопрос о соратниках Сталина, тех, кто его окружал и с кем он делил власть. Любая власть, даже самая единоличная, предполагает пусть узкий, но круг соратников, единомышленников. В сознании одних едва ли не единственным виновником трагической гибели людей в период культа личности считался Сталин. Другие же чуть ли не каждого, кто занимал в те годы ответственные посты, причисляют к убийцам.

Наверное, таким настроениям есть и объективные причины. Многие годы в исторической, да и художественной литературе Политбюро тех лет изображалось монолитно-единым, образы руководителей стереотипно-приглаженными. Но ведь это были совсем не простые годы, значит, и судьбы были не простыми. Многие из этих людей прошли через личные трагедии, потери самых близких. Были у них и ошибки, но за плечами были и годы подпольной работы, ссылки, каторги, тюрьмы, гражданская и Великая Отечественная войны. Разве можно все отбросить и забыть?

Ю. Б.: Свою работу в качестве Генерального секретаря Сталин начинал в ленинском Политбюро. Тогда это было собрание наиболее авторитетных в партии людей,

естественно, отстаивающих одну принципиальную программу. Но в рамках этой программы они имели порой очень разные представления о том, как ее выполнять.

Политбюро, как и Совнарком, при Ленине представляли собой — и в этом нет никакого преувеличения — созвездие ярких талантов. И это наше счастье, что во главе партии, страны оказались столь талантливые и столь разные люди. Это, кстати, отмечали и зарубежные наблюдатели. Приведу одно из свидетельств. Полковник Робинс, американский представитель Красного Креста в Советской России, встречался с Лениным, другими крупными руководителями. Вернувшись в Соединенные Штаты, он опубликовал интересную книгу своих впечатлений. Робинс характеризует первое Советское правительство как самое способное среди ведущих стран мира, он с восхищением отмечает, что ни в одной стране нет в составе правительства такого количества людей, знающих так много иностранных языков и написавших столько книг.

При этом они оставались разными людьми. Они спорили до хрипоты, во многом не соглашались друг с другом. Это было понятным, естественным. Потому что чем крупнее талант, тем он оригинальнее, тем меньше укладывается в какие-то общие представления. Но при этом был человек, который организовывал эту работу таким образом, чтобы весь положительный потенциал разных людей, споривших, а иногда и ненавидевших по-человечески друг друга, как, например, Сталин и Троцкий, сливался воедино; все способности направлялись в общее русло. Это действительно было счастьем.

Сталинское Политбюро было иным. В разные годы в него входили разные люди. Если брать последний период его жизни, то это были люди, которые поддерживали политику, провозглашаемую Сталиным. Собственно, это была единая политика. В этом смысле они все несут за нее ответственность, хотя, конечно, главная вина за отход от ленинской политики, за создание административного механизма, который потребовал соответствующего репрессивного аппарата, ложится на Сталина.

Р. Г.: Нередко приходится слышать утверждения о том, что Сталин, дескать, не мог знать о массовых репрессиях.

Ю. Б.: Он был в курсе всего. Однако трагедией для многих людей, которые входили в его окружение, является то, что Сталин почти никогда не оформлял решения только своей подписью. Он требовал согласия и одобрения этих решений другими крупными руководителями. Вот характерный документ, направленный в 1937 году на утверждение Сталина возглавлявшим тогда Наркомат внутренних дел Ежовым:

«Тов. Сталину.

Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду Военной коллегии:

1. Список № 1 (общий).
2. Список № 2 (быв. военные работники).
3. Список № 3 (быв. работники НКВД).
4. Список № 4 (жены врагов народа).

Прошу санкции осудить всех по первой категории.

ЕЖОВ».

«Первой категорией» именовался приговор к расстрелу.

Сталин рассмотрел все списки вместе с Молотовым. На каждом из них сохранилась резолюция: «За. И. Сталин. За. В. Молотов».

Из соратников Сталина одни, как Молотов и Каганович, полностью разделяли вину не только с ним, но и с теми, кто фабриковал эти дела. Другие, я бы сказал так, вынуждены были мириться, хотя это их не оправдывает.

Но правдой было и то (об этом важно сказать), что в составе Политбюро были люди другого стиля работы, которые иначе понимали функцию, роль руководителей. Например, Киров и Орджоникидзе, хотя они никогда не выступали против политики Сталина. Работали они совершенно иначе. Сталин не любил выезжать и редко покидал Москву, с годами ограничивал число людей, вхожих в его круг. Последний раз в деревне он был в 1928 году и именно из этой поездки привез метод «чрезвычайных мер» — как универсальный при решении экономических проблем.

В последние годы жизни он часто встречался с Берией, Молотовым и редко с полным составом Политбюро. В 30-е годы было еще по-иному. Но с самого начала своей деятельности в качестве Генерального секретаря он был работником кабинета. Человеком, который много ездил по стране, он был тогда, когда выполнял задания Ленина, поручения ЦК до перехода к нэпу. Последние годы страну он видел из окон вагона (если они не были зашторены), когда выезжал на отдых.

Информация, которую он получал, несомненно, становилась все более дозированной и фильтрованной.

Среди людей, работавших в разные годы рядом с ним, я бы назвал Кирова, Орджоникидзе, Куйбышева, Калинина, Хрущева. Будучи непохожими друг на друга, все они были очень крупными руководителями, оригинально мыслившими, своеобразно работавшими. Главным в них, на мой взгляд, была какая-то по-человечески хорошая жадность к людям, желание общаться с ними,

стремление понять их мысли и устремления. Я убежден, что в этой среде всегда существовала пусть и глухая, но оппозиция сталинским методам.

Но, как человек коварный, Сталин не случайно согласовывал с членами Политбюро решения, которые мы сегодня осуждаем.

Р. Г.: Своеобразная коллективная ответственность?

Ю. Б.: Я бы даже сказал, круговая порука. Все эти люди оказались связанными общими решениями. И это личная трагедия для многих из них. Одни так и продолжали идти в русле этой политики. Другие, как Орджоникидзе, считали для себя невозможным продолжать это движение и приходили к конфликту со Сталиным. Это кончалось трагически. Существуют разные версии гибели Серго Орджоникидзе. Не хочу их разбирать. Скажу лишь о том, с чем столкнулся сам, работая с предсмертными бумагами Орджоникидзе.

На последнем листочке отрывного календаря в рабочем кабинете он записывает дела следующего дня: встречи, телефонные звонки, различные беседы. Свидетельства людей, встречавшихся с ним в последний день его жизни, также говорят, что он был энергичен, вызывал к себе людей на завтра. У Орджоникидзе отсутствовали какие-либо признаки депрессии.

Но дело не только в этом. Смерть Орджоникидзе — следствие его резкого конфликта со Сталиным накануне Пленума ЦК 1937 года. Здесь ему предстояло выступить с докладом о вредительстве. Я видел в архиве подготовленный Орджоникидзе проект резолюции, видел и замечания Сталина на полях.

Нарком тяжелой промышленности лично подбирал кадры в своей отрасли, хорошо их знал и был убежден в абсурдности обвинений.

Сталин вернул проект резолюции, сопроводив его грубыми замечаниями. Между ними последовали бурные объяснения. 18 февраля 1937 года Серго не стало.

Р. Г.: Юрий Степанович! Мы уже говорили с вами о том, что приход Сталина к власти не был явлением закономерным, могла возникнуть и другая фигура, но ведь приход Ягóды, Ежова, Берии — это уже был процесс закономерный. Таковым было и появление Вышинского.

Ю. Б.: Это было закономерное явление. Административно-командная система представляла собой, по существу, бюрократический централизм, который подменял открытый большевиками принцип демократического централизма. Приказы должны были выполняться

безусловно. Любое нарушение инструкции порождало неминуемое жесткое наказание. Культивировалось не столько творческое отношение к работе, сколько психология «винтика», страх ослушания.

В такой атмосфере был необходим четко функционирующий репрессивный аппарат, контроль над которым осуществлял лично Сталин. Во главе этого аппарата появление таких личностей, как Дзержинский, как Менжинский, было невозможно. Нужны были иные фигуры. Таковыми последовательно становились Ягода, Ежов, Берия, Абакумов. Закономерным было не только появление этих фигур, но и их смена. Широкие репрессии вызывали недоумение, а потом столь широкое возмущение, что необходимо было периодически превращать исполнителей в «козлов отпущения».

Первой фигурой из этого ряда стал Ягода.

Р. Г.: Многое сказано в последние годы о Берии, пишут о Ежове, однако Ягода остается в тени. Именно при этом человеке (и, вероятно, не без его участия) был убит Киров, стала шириться сеть лагерей. Наконец, он несет ответственность как один из главных «архитекторов» системы страха, доносительства, впоследствии получившей столь широкое распространение и доведенной до предела, когда эта система стала пожирать своих творцов.

Современники помнят Ягоду как человека аккуратного, спокойного, делового. Член партии с 1907 г., он занимал различные должности в Нижнем Новгороде и Петрограде.

С 1919 года работал в Наркомате внешней торговли, с 1920 года — в ВЧК. После смерти Менжинского в 1934 году возглавил ОГПУ, затем стал первым наркомом внутренних дел. В 1936 году короткое пребывание на должности наркома связи, а в 1937 году процесс по делу «антисоветского, право-троцкистского блока». Здесь Генрих Ягода проходил под номером «три» после Бухарина и Рыкова. Он признал себя виновным в том, что является польским шпионом, агентом гестапо, исполнителем убийства Кирова, а также отравителем Горького, Менжинского, Куйбышева. Последний факт государственный обвинитель А. Вышинский доказал (для суда и общественности) весьма убедительно, используя при этом примеры из Тацита, времен Филиппа II и папы Климента II. Сегодня это звучит странно, неправдоподобно. Но тогда поверили! По сути, Ягода

стал первой крупной жертвой созданной им самим системы. Как и герою Франца Кафки — офицеру, создавшему чудовищную машину пыток и ставшему ее жертвой, Ягоде было суждено до конца пройти весь этот путь: от дознания до расстрела.

Ю. Б.: А вот преемника Ягоды — Ежова Сталин уже тщательно выращивает. С должности заместителя наркома земледелия он передвигается в аппарат ЦК, становится зав. орготделом, затем промышленным отделом. Вскоре он секретарь ЦК по оргвопросам, постоянно рядом со Сталиным. Изучен его характер (а надо отдать должное, Сталин в людях, особенно в их слабостях, разбирался хорошо), оценил услужливость, беспрекословность. После ухода Ягоды Ежов пересаживается в его кресло.

Мне доводилось встречаться с людьми, которые лично знали Ежова, работали с ним в одном аппарате. Общее впечатление от этой фигуры весьма зловещее. Говорят о его низких моральных качествах, явных садистских наклонностях. Женщины, работавшие в НКВД, боялись встречи с ним даже в коридорах. Не исключено, что это был человек с какими-то серьезными отклонениями в психике. Собственно, это логично. То, чем он занимался, мог делать только человек, лишенный остатков совести, моральных принципов. Его конец был предрешен. В конце 1938 г. Ежов был снят с поста наркома внутренних дел с оставлением за ним должности наркома водного транспорта, которую он занимал по совместительству. 21 января 1939 г. он последний раз появился на публичном заседании в Большом театре. Вскоре Ежов был арестован, а летом 1940 г. расстрелян.

Следующим на посту наркома внутренних дел появляется в декабре 1938 г. Берия. Не буду повторять того, что уже известно вашим читателям. Сталин, несомненно, за ним следил и передвигал ближе к себе.

Р. Г.: Пожалуй, вы нашли очень точное слово. Даже занимая самые высокие посты в партии и государстве, он, по сути, оставался пешкой. Разумеется, при жизни Сталина.

Ю. Б.: Первый крупный пост, который доверен Берии,— руководство Закавказской партийной организацией. Здесь он и отличился. Нет, я не имею сейчас в виду репрессии. В 1935 году он выступает с докладом об истории большевистских организаций в Закавказье, и в этом докладе, который был издан потом отдельной книгой, доказывает, что наша партия возникла из двух центров: один — Союз борьбы за освобождение рабочего класса во главе с Лениным, другой в Закавказье — во главе со Сталиным. Вот она, теория двух вождей, двух центров, очень милая сердцу Сталина. Собственно,

он сам ее выдвинул. Сделал он это очень осторожно, сразу после смерти Ленина в 1924 году. Но тогда никто эту версию не принял всерьез, да и подручных «разработчиков» еще не было. Теперь такой человек нашелся.

За эту книгу Берия получил Ленинскую премию. Кстати, он был в числе последних довоенных лауреатов этой премии. С 1939 года премии стали называться Сталинскими.

Вспомним, это был 1935 год. «Краткого курса истории ВКП(б)» еще нет. Но его концепция уже заложена.

Р. Г.: Берия продолжался долго, очень долго. Есть этому и объективные причины: война, послевоенная разруха. Механизм репрессий если и не был остановлен, то был серьезно заторможен. И все же не получилось ли так, что Сталин попал в какую-то зависимость от этого человека, не мог без него обойтись?

Ю. Б.: Я думаю, что это не власть, но, безусловно, довольно сильное влияние. В то же время я никогда не назвал бы этого человека соратником. Это просто слуга для исполнения самых мерзких поручений.

Следует заметить, что появление такого человека свидетельствовало о серьезной деформации отношений в окружении Сталина с конца 30-х годов. Оно принципиально отличалось от окружения Ленина вот еще в каком отношении. Для меня всегда важно, как люди отдыхают. На работе каждый выполняет функции, заданные родом деятельности, а в отдыхе мы больше раскрываемся как люди. Так вот окружение Ленина — это было окружение шахматистов, любителей музыки... А окружение Сталина было компанией людей, которые собирались за столом на ближней даче, в Кунцеве. Сам Сталин пил мало, преимущественно марочные сухие вина. Но ему нравилось, чтобы при нем напивались до помрачения рассудка. Такие обильные возлияния вошли в традицию. В кругу этих людей и родилось по отношению к Сталину слово «хозяин». Появление этого термина в большевистской среде уже само по себе беспрецедентно. Это говорило об очень серьезных отступлениях от ленинских принципов. Трудно, невозможно себе представить, чтобы Дзержинский, Свердлов да и сам Сталин могли называть Ленина «хозяином».

Так вот отношения Сталина и Берии были отноше-

ниями хозяина и слуги. Сталин мог его оскорбить, ударить по щеке, плеснуть в лицо чай. Такая вот чудовищная, противоестественная связь. И соответствующие этому отношения.

Р. Г.: И все же Берия был обречен. Это страшная, в общем-то, мысль, к которой мы с вами приходим: на ключевые посты в репрессивном аппарате ставились люди, заранее обреченные. Наверное, будет правильно предположить, что в какой-то степени Сталин сам опасался этих людей, обладающих слишком большой властью и специфической информацией. У таких людей закономерно возникает желание сделать эту власть абсолютной. История знает немало таких примеров.

Ю. Б.: Вы затронули очень важный момент, к сожалению, у нас мало освещенный. Действительно, как опытный политик Сталин отчетливо понимал опасность этого сконструированного им механизма, заложником и рабом которого стал сам. А мысль о том, что слуга может захотеть стать «хозяином», справедлива. Собственно, Берия на это рассчитывал, он к этому шел, в этом видел единственную возможность выжить.

Р. Г.: Известно, что в последние годы жизни Сталина резко сократился круг людей, с ним общавшихся. Фактически Берия был одним из немногих, кто доводил волю «хозяина» до высших руководителей. Есть свидетельства, показывающие, что он начал плести интриги вокруг Сталина. Сталину смогли доказать, что много лет наблюдавший его врач — академик Виноградов, тайный враг. И Сталин, который прекрасно знал подоплеку «отравления» врачами Куйбышева, Менжинского, Горького, в это поверил! Был отстранен начальник его охраны — генерал Власик. Перетасовывались другие люди в его личном окружении, охране.

Ю. Б.: Все это, конечно, не случайно, но Берия терпеливо ждал своего часа. Он наступил после смерти Сталина. Тогда произошло укрупнение руководства в стране. Берия, в частности, объединил руководство госбезопасностью, внутренними делами. Он являлся членом Президиума ЦК (созданного в 1952 г. вместо Политбюро), заместителем Председателя Совмина. Сейчас выходит на экраны очень любопытный художественный фильм «Холодное лето пятьдесят третьего...» талантливого режиссера А. Прошкина. В этом фильме, художественными, естественно, средствами,

описывается атмосфера в стране, о которой я хочу вам рассказать.

После смерти вождя Берия стал инициатором очень широкой амнистии (заметим, она коснулась в основном уголовных элементов). Выход на свободу тысяч уголовников резко обострил обстановку в стране. Резко возросло число преступлений, в том числе самых опасных. Внутренние войска были поставлены фактически под ружье, выведены на улицы. Как и создатели фильма, я уверен, что Берия сознательно накалял атмосферу, имея в виду захват власти. С одной стороны, «стимулировалась» потребность в сильном, уверенном лидере, с другой — под руками силы, подконтрольные ему. Известно и другое: на членов Политбюро, других крупных руководителей были заведены досье. Готовились и идеологические предпосылки будущего захвата власти и, несомненно, расправы с политическими противниками.

Президиум ЦК тех лет (и надо отдать должное этим людям) смог найти верное решение, устранить Берию от власти.

Одним словом, люди его типа — это были фигуры, в общем, преступные. От начала и до конца.

Р. Г.: Почта редакции приносит нередко читательские письма, авторы которых, гневно осуждая недостатки нашей жизни, считают, что их виновников необходимо «расстрелять», «повесить на площади, чтобы все видели», «четвертовать» и т. д. Все это предлагается вполне серьезно, иногда как мера за мелкие прегрешения, даже несогласие с точкой зрения оппонентов.

Давайте признаем: не одно поколение советских людей выросло, пропитанное этим духом. Может быть, поэтому, будем откровенны до конца, так сложно идет перестройка. Антидемократические традиции вошли в кровь и плоть многих людей.

Ю. Б.: Я думаю, что это, вероятно, один из коренных вопросов перестройки, потому что в каждом из нас до сих пор находится нечто мешающее во всю силу включиться в перестройку. А перестройка требует не только революционной решительности и безоглядности, но и высокой нравственности, мудрости.

Командно-бюрократическая система имела свою социальную базу, пустила корни, и эти корни существуют до сих пор.

Разумеется, все это было обусловлено и уровнем культуры населения, и уровнем образования кадров в системе управления. Во второй половине 20-х годов около половины населения старше 9 лет еще было неграмотно. Даже в партии неграмотные составляли 3 процента. К началу 40-х годов около 20 процентов населения все еще оставалось неграмотным. Среди секретарей райкомов и горкомов партии в это время

более 70 процентов имели лишь начальное образование, а среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик — более 40 процентов. Естественно, что большинство этих людей испытывало большие затруднения в работе и нуждалось в подробных инструкциях сверху. После войны дефицит образованных людей все еще был велик. Понятно, что это накладывало заметный отпечаток на деятельность людей, способствовало внедрению и упрочению культа личности. До сих пор следы культа личности отчетливее в той среде, где ниже уровень образования, хотя, конечно, не только он имеет значение, но и психология, очень давние исторические традиции и многое другое.

К сожалению, эта тема недостаточно изучена еще историками. А вопрос этот имеет принципиальное значение. Борьба с администрированием, бюрократической централизацией, культом личности, произволом, нарушениями социалистической законности проходит через всю историю 20—50-х годов. Она свидетельствует о духовном здоровье социалистического общества.

Но корни этой системы, как я уже говорил, остались и сегодня. Вот этот механизм торможения и мешает нам. Почему, спрашивается, осталась унижающая людей, в частности, руководителей высокого ранга, особенность склонять голову перед приказом «сверху», не рассуждая при этом?

Дело в том — и надо сказать правду до конца — эти люди определенным образом стимулировались, поддерживались системой. В общем уровень их обеспечения был обеспечением по потребностям. Работали они очень много, сверх всяких норм. Многие из них изнашивались и уходили из жизни очень рано. Вот А. Щербаков. В годы войны — кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), а также секретарь МК и МГК ВКП(б) (тогда эти посты совмещались). Он также был начальником Главного политического управления Советской Армии, заместителем министра обороны, возглавлял Совинформбюро и имел другие постоянные важные поручения. Причем везде он работал очень много. В 1945 году, когда он умер, ему было едва за сорок. И А. Щербаков не был исключением. Так работали многие руководители. В этом смысле оплата по потребностям была оплатой по труду. И все-таки в тех условиях это порождало очень серьезные элементы социальной несправедливости. Эти люди получали несравненно больше, жили совершенно иначе, чем жил народ. И некоторые утрачивали даже представление о реальной жизни. Вспомните, как описывает А. Бек в романе «Новое назначение» вынужденное

путешествие в метро двух наркомов. Вспоминаю в этой связи и выступление в студенческой аудитории после войны одного из секретарей ЦК ВЛКСМ: оказалось, что он не знает, сколько стоит трамвайный билет.

Я думаю, что и сейчас еще сохранилась немалая часть людей, которая держится за свои привилегии, сопротивляется перестройке. Не будем заблуждаться, материальные стимулы далеко не самое главное здесь. Одна из важных привилегий состоит в праве указывать нижестоящим, не считаясь ни с чем, в праве требовать выполнения решений любыми средствами.

Р. Г.: Смерть Сталина для немалой части его современников стала концом тяжкого пути, который им довелось пройти в годы культа личности. Для других (а их тоже немало) это стало трагедией: люди просто не представляли, как будут жить без «отца народов». Какой урок, на ваш взгляд, предстоит вынести молодому человеку, который пытливо вглядывается в отечественную историю. Он знает, что в эти годы были не только ужасы. Люди жили, любили друг друга, мечтали о будущем. Эти люди победили в войне, они строили социализм.

Ю. Б.: Таких уроков несколько.

История периода, о котором мы говорили, противоречива. Многие, к сожалению, особенно в годы застоя, утратили дух, присущий людям той поры. Безоглядная вера в идеал, готовность самоотверженно и бескорыстно работать во имя будущего, какая-то беззаветная самоотдача, часто аскетичность, принимаемая как должное,— вот этими качествами, мне кажется, сейчас мало кто наделен. Находятся люди, утверждающие, что в те годы коррупции не было из-за страха жестокого наказания. Это не совсем так, хотя такого широкого разложения, как в годы застоя, не было. Но, думается, что дело здесь не в отсутствии страха (за хищения, взяточничество и сегодня сроки дают немалые), а в том, что, несмотря на деформации, в целом еще существовали другие моральные критерии, другая нравственная атмосфера.

Вместе с тем мы должны решительно осудить нравственные потери того времени. В том, что я говорю, нет противоречия, это диалектика, реальность жизни.

У многих людей тот период породил чувство лицемерия, страха, а как следствие — приспособленчество, духовный конформизм.

Мой отец до войны занимался партийной работой, членом партии была и мать, и я хорошо помню, как изменилась обстановка

в доме после смерти С. Орджоникидзе. Я не знаю, о чем думали мои родители, но ощущение тревоги, вошедшей в дом, запомнилось. Это нечто, вошедшее в детское сознание, не было чем-то мифическим, как страшная сказка, прочитанная перед сном и забытая утром. Ощущение опасности подтверждалось тем, что происходило вокруг. Еще в те годы, когда широкие репрессии только назревали, было принято решение о запрещении членам партии иметь оружие. У отца с гражданской войны остался пистолет, и не подчиниться такому решению он не мог. Дело было не в чувстве страха, просто для подавляющего числа коммунистов партийная дисциплина была превыше всего. Но он понимал и другое: сданное оружие может вызвать подозрение. Не сегодня, так завтра. Поэтому он, находясь в командировке, по частям выбрасывал из окна поезда разобранный им пистолет.

Такая атмосфера деформировала сознание, ломала слабые души.

Но надо сказать и вот о чем. Даже в этих сложнейших моральных и человеческих испытаниях многие коммунисты, да и те, кто не состоял в партии, но вырос, был воспитан Октябрем, смогли сохранить свое человеческое достоинство, веру в торжество справедливости, идеалы революции. Это, кстати, тема, к которой наша печать, публицистика, театр и кино обращаются нечасто, неохотно. Надо помнить и знать всю картину в целом. Речь идет о создании объективной картины. Пытаться остановить этот процесс невозможно, нереально. Затормозить его можно. Это пытались в былые годы делать неоднократно. Результаты мы пожинаем сегодня. Это была страусиная политика, которая привела к деформации сознания. Однако суд истории все равно наступит.

Комсомольская правда. 1988. 2 апр.

Н. Васецкий

Сталин: борьба за лидерство в партии

Почему в партии не прислушались к мнению В. И. Ленина о перемещении Сталина с поста Генерального секретаря? Мог ли кто-то уже в 20-е годы сменить его на этом посту?

Не претендуя на всеохватность, попытаемся наметить некоторые контуры ответа на этот практически не освещенный в советской исторической литературе вопрос.

Новая ситуация

Начало 20-х годов в истории РКП(б) было отмечено бурными событиями. Только что закончилась гражданская война, и на передний план в деятельности партии вновь выдвинулись задачи хозяйственного строительства. Решать их приходилось в чрезвычайно сложных условиях послевоенной разрухи, почти полной дезорганизации народного хозяйства, оживления антипартийных группировок в РКП(б).

В таких обстоятельствах от партии требовались выдержка, твердость и решительность. Ведомая В. И. Лениным, партия продемонстрировала эти качества. Переломным в ее деятельности явился X съезд. Он одобрил выдвинутую Лениным новую экономическую политику, которая заменила продразверстку продналогом. Нэп означал и смену командно-волевых методов «военного коммунизма» на преимущественно экономические рычаги в руководстве народным хозяйством. Принятые меры способствовали оживлению экономической жизни страны, созданию предпосылок для развития инициативы и творчества широких масс, углубления внутрипартийной демократии.

Однако партию ждало новое испытание. Из-за тяжелой болезни В. И. Ленин вынужден был взять длительный отпуск с декабря 1921 г. по октябрь 1922 г. Он, конечно, полностью не отошел от политической деятельности, но его участие в руководстве партией и государством было ограниченным. Положение еще более усложнилось, когда Ленин после краткого возвращения к активной деятельности вновь с 16 декабря 1922 г. вынужден был уйти в отпуск, из которого он уже так и не вернулся.

«Тройка»

Чтобы хотя бы отчасти восполнить отсутствие Ленина, важно было сохранить сплоченность внутри ЦК и в особенности в его Политбюро. Помимо Ленина, в ПБ входили И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий, затем в марте 1921 г. членом Политбюро стал Г. Е. Зиновьев. С апреля 1922 г. к ним добавились А. И. Рыков и М. П. Томский. Седьмым членом Политбюро, правда уже после смерти Ленина (2 июня 1924 г.), был избран Н. И. Бухарин (кандидат в члены ПБ с 1919 г.).

Естественно было предположить, что Политбюро должно было осуществлять руководство на основе единства действий всех его членов при неукоснительном соблюдении принципа коллективности в работе. В политическом отчете ЦК РКП(б) XII съезду партии (апрель 1923 г.), с которым выступил Зиновьев, говорилось: «Нам придется заменить указания Владимира Ильича коллективной работой».

Говоря о «коллективной работе», Зиновьев был не совсем искренен. Он имел в виду работу далеко не всего ЦК, а прежде всего его определенной части — так называемого ядра. Позднее, уже на XIV съезде ВКП(б) (1925 г.), излагая краткую историю образования этого ядра, Зиновьев отмечал: «Начну с XII съезда... Владимир Ильич хворал... мы должны были первый съезд проводить без него. Вы знаете, что были разговоры о сложившемся ядре в Центральном Комитете нашей партии, что XII съезд молчаливо сошелся на том, что это ядро и будет вести, конечно, при полной поддержке всего Центрального Комитета, нашу партию, пока встанет Ильич».

Зиновьев и в этом случае недоговаривал. Он промолчал о том, кто персонально входил в состав ядра. За него это сделал Сталин на XII съезде. В числе ядра им были названы три «ветерана» по стажу пребывания в Политбюро — Сталин, Каменев и Зиновьев.

Именно между ними еще с 1917 г. существовала не только партийная дружба, но и личная. Сталин и Каменев вместе находились в туруханской ссылке, вместе вернулись оттуда после февраля 1917 г., долгое время стояли на общих позициях, к которым был близок и Зиновьев. Не случайно в октябре 1917 г. при участии Сталина не было проведено в жизнь требование Ленина

об исключении из партии Зиновьева и Каменева, выступивших против курса на вооруженное восстание и выдавших Временному правительству планы большевиков. Сталин еще по крайней мере дважды (весной 1919 г. при наступлении войск Олонецкой добровольческой армии на Петроград и после Кронштадтского мятежа в 1921 г.) помогал Зиновьеву, который возглавлял Петроградский Совет. Наконец, всех троих связывала еще одна ниточка — борьба с общим противником, особенно нетерпеливо рвавшимся к первым ролям в партии и государстве — Троцким.

Возглавив Политбюро, «тройка» не просто попыталась взять на себя функцию главного руководящего центра, но и фактически повела линию на недопущение к рычагам реальной власти других членов Политбюро.

У каждого члена «тройки» были свои, вполне определенные функции и обязанности. Зиновьев был главным оратором. Он выступал с политическими отчетами ЦК на XII и XIII съездах партии, других партийных форумах. Каменев уже при жизни Ленина постоянно председательствовал на заседаниях Политбюро. «...Председательствование, контроль за правильностью формулировок...— отмечал Ленин,— больше подходит т. Каменев». Эту свою роль Каменев сохранил и после кончины Ленина. «...Политику определяет наше Политбюро... после смерти Ленина председательствует всегда, постоянно Каменев,— делился своими наблюдениями К. Е. Ворошилов на XIV съезде ВКП(б).— Все формулировки вопросов, все решения проходят через его уста, он формулирует, а секретарь тов. Гляссер записывает». Помимо председательствования, Каменев считал себя «человеком, которому было поручено общее руководство нашим хозяйством».

Сталин, став Генеральным секретарем ЦК, сосредоточился на аппаратной работе. «...У тов. Сталина,— свидетельствовал тот же Ворошилов,— в руках аппарат, и он может им действовать, двигать...» Сталин взял на себя еще одну, не менее важную политическую функцию — подбор и расстановку руководящих и местных партийных кадров. Причем принципы такого подбора им были сформулированы на XII съезде РКП(б). В отчетном докладе ЦК по оргпартработе, с которым на съезде выступил Сталин, отмечалось: «Говорят о склоках и трениях в губерниях. Я должен

сказать, что склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны. Основным источником склок являлось стремление губкомов создать внутри себя спаянное ядро, сплоченное ядро, могущее руководить **как один** (подчеркнуто нами.— **Авт.**). Эта цель, это стремление здоровые и законные...».

Весьма примечательное суждение. Оно свидетельствует о том, что Сталин поддержал «склочную практику» руководства губкомом, продемонстрированную, в частности, Зиновьевым в Петрограде осенью 1921 г., когда между его группой и большинством губкома возник острый конфликт. Суть его состояла в недовольстве большинства бюрократическим стилем руководства Зиновьева и его окружения, их нежеланием считаться с мнением других коммунистов. Конфликт фактически был решен в пользу группы Зиновьева. Причем одним из членов комиссии ЦК, занимавшейся этой «склокой», затеянной Зиновьевым, был Сталин. А затем во вторую комиссию входил и Каменев.

Теперь, в 1923 г., Сталин пошел еще дальше: «Не нужно доказывать, что если бы таких руководящих групп в губкомах не было, если бы все было сколочено так, чтобы «хорошие» и «плохие» уравновешивали друг друга, никакого руководства в губернии не было бы...».

Это была уже неприкрытая полемика с выступлением Ленина на XI съезде партии, где речь шла как раз о необходимости создания условий для дружной совместной работы на основе распределения партийных кадров с учетом именно их личных качеств или, по ленинскому выражению,— «их натуры». «...ЦК должен смотреть за тем, чтобы натура проявлялась с пользой,— говорил Ленин.—...Нужно свои способности умерить... советоваться с товарищами по наркоматам и проявлять общую линию, а у нас хотя бы в одном наркомате сделано что-нибудь без спора? Не сделано».

Постепенная подмена ленинских методов работы с кадрами методами их «освежения», предлагавшимися «тройкой», осуществлялась и на уровне центральных органов. «У нас,— говорил Сталин на XII съезде,— 27 членов ЦК, ЦК собирается раз в 2 месяца. Внутри ЦК имеется ядро в 10—15 человек, которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству.

Это, может быть, и хорошо, но это имеет и очень опасную сторону: эти товарищи, набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться самомнением, замкнуться в самих себя и оторваться от работы в массах». Отсюда следовал вывод: «Ядро старо. Нужна смена».

В том, что смена нужна, были убеждены и многие другие руководители партии. Но как эту смену производить, на каких принципах, с учетом каких конкретных лиц — эта проблема требовала обстоятельного коллективного анализа и обсуждения. Члены «тройки» к такому разговору не были расположены.

Критика «тройки»

С критикой деятельности «тройки» (Сталина, Зиновьева, Каменева) на XII, XIII, XIV съездах партии, других ее форумах выступали Бухарин, Рыков, Косиор, Осинский, Лутовинов, Рудзутак и др.

В центре их внимания оказалось стремление оспорить, во-первых, проводимую «тройкой» групповую политику; во-вторых, ее склонность к зажиму внутрипартийной демократии, использованию главным образом бюрократических методов руководства; в-третьих, откровенную нетерпимость к любым критическим замечаниям в свой адрес, каждое из которых членами «тройки» представлялось не иначе как в виде тенденций к фракционности, покушения на принцип единства партийных рядов.

Вот что говорил на XII съезде замнаркомзем Н. Осинский. Прежде всего он опроверг попытки Зиновьева навесить на него ярлык «раскольника», якобы стремившегося устранить из ЦК «тройку», и затем отметил: «В своих предсъездовских статьях т. Зиновьев выступил именно таким образом, как может выступать только некий «жрец» (намек на определение Сталиным кабинетных работников — **Авт.**)... не отвечая деловым порядком решительно ни на что».

Сравнивая масштабы личности Зиновьева и Ленина, методы их подхода к товарищам по партии, Осинский заключал: «Когда меня Ленин... по-отечески «сечет», то я, товарищи, не обижаюсь... это делает мой духовный отец, человек, ниже которого я ростом, если брать мерилом рост человеческий, по крайней мере на два аршина... Но когда пытается говорить ленинским языком т. Зиновьев, то я говорю себе: не верь глазам

своим... И я считаю, что такие люди, как Зиновьев, не имеют права так поступать».

На XII съезде, выслушав выступление Осинского, Сталин тут же попытался осадить его: «Я не могу пройти мимо... выходки тов. Осинского... в отношении тов. Зиновьева. Он похвалил т. Сталина, похвалил т. Каменева и лягнул т. Зиновьева, решив, что пока достаточно отстранить одного, а потом дойдет очередь и до других. Он взял курс на разложение того ядра, которое создалось внутри ЦК за годы работы». И Сталин, чтобы другим неповадно было критиковать это ядро, тут же резко осудил «атаки против того или иного члена ядра нашего ЦК».

Сталин рассчитал точно: чтобы удержаться наверху, надо сохранять «тройку» не только от критики остальных членов ЦК, но и от нападок главного противника — Троцкого.

Дискуссия 1923 года

Негативными аспектами в деятельности «тройки» тут же поспешили воспользоваться Троцкий и его сторонники. Они попытались использовать отмеченные просчеты как повод для развязывания внутрипартийной дискуссии осенью 1923 г.

В письме Троцкого в ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г. говорилось: «Тот режим, который в основном сложился уже до XII съезда, а после него получил окончательное закрепление и оформление, гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестоких периодов военного коммунизма». Возлагая за это ответственность на «старую гвардию» в лице «тройки», Троцкий противопоставил младшее поколение партии старшему. В распространенной накануне XIII партконференции (январь 1924 г.) брошюре «Новый курс» он заявил: «Молодежь — вернейший барометр партии», тогда как старшее поколение, подобно лидерам оппортунистического II Интернационала, близко к «перерождению».

Выступлению Троцкого предшествовали два важнейших обстоятельства, без которых невозможно даже приблизительно что-либо понять в характере внутрипартийной борьбы того периода.

Первое обстоятельство — «Письмо к съезду» Ленина, и в частности те его заметки, которые были

продиктованы 24—25 декабря 1922 г. М. Володичевой и 4 января 1923 г. Л. Фотиевой, с характеристикой личных качеств членов ЦК РКП(б).

Сталин, отмечалось в «Письме», «слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Троцкий, по словам Ленина, «отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Далее Ленин отмечает, что не хочет характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Но тут же не может удержаться от следующего замечания: «Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому».

Эта лаконичная, но чрезвычайно емкая по содержанию характеристика членов Политбюро свидетельствовала о давно выношенном, на мой взгляд, решенном для Ленина вопросе. Она говорила о том, что ни одного из них Ленин не считал своим преемником.

Как выяснилось, содержание «Письма к съезду», которое Ленин завещал хранить в полнейшей тайне до самой его смерти, через Фотиеву стало известно тем деятелям ЦК, о которых шла речь в письме, гораздо раньше, еще в декабре 1922 г.

Это, естественно, не могло не повлиять и на сам характер взаимоотношений между указанными деятелями партии. Никто из них не был заинтересован ни в том, чтобы вступать в борьбу между собой на платформе ленинского письма, ни в том, чтобы оно вообще стало известно в широких партийных кругах.

Именно этим объясняется тот факт, что, когда после смерти Ленина Н. К. Крупская 18 мая 1924 г., т. е. за несколько дней до открытия XIII съезда, передала ленинские записки в Центральный Комитет, состояв-

шийся 21 мая Пленум ЦК принял следующее постановление: «Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат, и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича».

В соответствии с этим постановлением и по решению президиума XIII съезда «Письмо к съезду», где шла речь о внутрипартийных вопросах, и в частности о личных характеристиках членов ЦК, было оглашено по делегациям. Причем, как правило, оглашал Зиновьев, а Каменев давал соответствующие пояснения. Съезд, как известно, оставил Сталина в должности генсека, несмотря на заявление с просьбой освободить от занимаемой должности.

Так вторично в истории партии не было выполнено требование Ленина по организационному вопросу. Первый раз, как помнит читатель, Ленин ставил вопрос об исключении из партии в октябре 1917 г. Зиновьева и Каменева и второй — о перемещении Сталина с поста генсека. Так Зиновьев и Каменев помогли Сталину сохранить свои позиции.

Второе обстоятельство — совещание в Кисловодске. Стенограммы этого совещания, состоявшегося по инициативе Зиновьева, не велось. Широкому кругу партийцев о нем стало известно лишь два года спустя — в декабре 1925 г., на XIV съезде ВКП(б). На съезде о совещании рассказывали Зиновьев, Сталин и Ворошилов.

Совещание проходило в одном из гротов близ Кисловодска, отчего и получило название «пещерного». Для участия в нем пригласили ряд деятелей партии, находившихся на отдыхе, а часть вызвали из Ростова. Среди участников совещания были Зиновьев, Лашевич, Бухарин, Фрунзе, Ворошилов, Орджоникидзе, Евдокимов и др. Троцкий и Сталин отсутствовали.

По поводу повестки дня совещания можно отметить следующее. В изложении Зиновьева, «дело шло о том, как нам наладить работу впредь до восстановления здоровья Владимира Ильича... Все участники совещания понимали, и всем им одинаково было ясно, что Секретариат при Владимире Ильиче — это одно, а Секретариат без Владимира Ильича — это совершенно другое. При Владимире Ильиче кто бы ни был секре-

тарем (Генеральным.— **Авт.**), кто бы ни был в Секретариате, все равно и тот, и другой играли бы ограниченную, служебную роль... Без Владимира Ильича стало всем ясно, что Секретариат ЦК должен приобрести абсолютно решающее значение». (А во главе Секретариата уже стоял Сталин.)

В связи с этим, отмечал Зиновьев, «...у Бухарина возникла идея, которая изложена в письме Сталину: политизировать Секретариат, создав нечто вроде «малого Политбюро» из 2—3 членов Политбюро. В их числе называли: Сталина, Троцкого, меня или Каменева или Бухарина». Однако эта идея не прошла. «Ворошилов возражал,— рассказывал Зиновьев.— Поручили Орджоникидзе как другу Сталина ехать в Москву и тому объяснить ситуацию. Было и письмо». После чего Зиновьев заявил: «Говорят, мол, здесь начало склоки или интриганства и т. д., никаких этих элементов здесь не было ни на йоту. Были большие споры».

Тут Зиновьев покривил душой: интрига здесь была, и направлялась она против Сталина.

Чем ответил Сталин? Он, по словам Зиновьева, прислал телеграмму «грубовато-дружеского тона: мол, дескать, вы, ребята, что-то путаете, я скоро приеду, и тогда поговорим». В изложении самого Сталина этот эпизод имел следующую редакцию: «На вопрос, заданный мне в письменной форме из Кисловодска,— рассказывал Сталин на XIV съезде,— я ответил отрицательно, заявил, что, если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требования гарантий прав меньшинства».

Тем не менее, несмотря на такой легковесный тон отказа от поста генсека, Сталин отнесся к происходившему крайне серьезно. Он тут же поспешил в Кисловодск. И тогда, по словам Зиновьева, «опять в «пещере» или в другом месте — состоялось несколько разговоров». Решили Секретариата не трогать, ввести в Оргбюро трех членов Политбюро.

Это предложение Сталина приняли. В Оргбюро ввели Троцкого, Бухарина и Зиновьева. «Я,— продолжал рассказ Зиновьев,— посетил заседание Оргбюро, кажется, один или два раза. Тт. Бухарин и Троцкий как будто не были ни разу. Из этого ничего не вышло. И эта попытка оказалась ни к чему».

План ограничить власть Сталина провалился. Однако существование «тройки», хотя по ее статусу был нанесен весьма сильный удар, было продолжено. Главная причина, как уже отмечалось,— отпор выступлению Троцкого осенью 1923 г.

В противопоставлении Троцким молодого поколения партии ее старым кадрам, стоявшим, по его мнению, на грани «перерождения», выразилось не только стремление к сведению личных счетов с «тройкой», но и попытка противопоставить партию ее аппарату. Борьба троцкистов против партийного аппарата, «аппаратчиков» фактически оказалась рецидивом прежней борьбы Троцкого против Ленина и большевистской партийности: в 1904—1905 гг.— против «комитетчиков» и «комитетчины», в 1912—1914 гг. (Августовский блок) — против решений Пражской конференции, исключившей ликвидаторов, впередовцев и троцкистов из рядов большевистской партии.

Этим обстоятельством тут же воспользовались Зиновьев и Каменев. Борьба с Троцким на этой основе их вполне устраивала, так как в дооктябрьский период они были рядом с Лениным и действовали, пусть не всегда последовательно, против раскольнической политики Троцкого и его немногочисленных сторонников. Поэтому не случайно в ходе дискуссии 1923 г. они первыми обратились к дооктябрьскому прошлому Троцкого.

Обвиняя Троцкого в меньшевизме, Зиновьев и Каменев, по их мнению, приобретали удобный предлог, чтобы попытаться заставить партию забыть об их собственном оппортунизме в октябре — ноябре 1917 г. И как в то время Ленин требовал их исключения из партии, так в 1923 г. они потребовали исключить Троцкого из РКП(б).

Однако большинство Политбюро во главе со Сталиным не пошло на этот шаг. В октябре 1923 г. Политбюро и Президиумом ЦКК было принято решение о возможности сотрудничества с Троцким, несмотря на его фракционное выступление, с тем чтобы таким образом попытаться выправить его ошибочную линию. Это решение утвердила состоявшаяся в январе 1924 г. XIII партийная конференция.

Это решение означало, что Сталин гораздо быстрее Зиновьева и Каменева сумел сориентироваться в сложившейся обстановке, оценить резкую смену настрое-

ний в руководящей группе Политбюро и ЦК партии, уловив значительный рост оппозиционных настроений не только в отношении Троцкого, но и самой «тройки». Этим объясняется то, что он не поддержал требование Зиновьева и Каменева об исключении Троцкого. «Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата опасностями для партии,— объяснил позднее свою позицию Сталин,— что метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего,— кто же у нас останется в партии?»

Это не значило, что сам Сталин не пользовался «методом отсечения и пускания крови», особенно впоследствии, для укрепления своих позиций в партии. Просто, критикуя этот метод в тот момент, Сталин рассчитал: в борьбе за власть лучше столкнуть Зиновьева и Каменева с Троцким (о разногласиях и соперничестве Сталина и Троцкого знали многие).

Выступив против предложения Зиновьева и Каменева, Сталин тем самым отводил недовольство других руководителей партии действиями «тройки» от себя лично, направлял это недовольство на двух других ее членов. Им же он адресовал и идею о дальнейшем отстранении от руководства партии, помимо Троцкого, и других партийных деятелей. Характеризуя позицию Зиновьева и Каменева в Кисловодске, в ходе дискуссии 1923 г. в целом, Сталин ставил вопрос: «Каков смысл этой платформы? Что это значит?» И отвечал: «Это значит руководить партией без Калинина, без Молотова. Из этой платформы ничего не вышло не только потому, что она была в то время беспринципной, но и потому, что без указанных мной товарищей руководить партией в данный момент невозможно».

Сталин ясно давал понять, что он уже больше не отождествлял себя с деятельностью Зиновьева и Каменева, всецело солидаризировался с позицией большинства Политбюро и ЦК, которое считало, что наряду с Троцким все бóльшую угрозу единству партии приобретала особая позиция Зиновьева и Каменева, по сути сводившаяся к едва скрываемым попыткам укрепить свое положение за счет отстранения других ее деятелей.

Распад «тройки»

Продолжая наступление, Сталин нанес по Зиновьеву и Каменеву еще один удар в докладе «Об итогах XIII съезда РКП(б)», с которым он выступил 17 июня 1924 г. на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б).

Говоря о теории вообще и пропаганде ленинизма в частности, Сталин в качестве примера искажения взглядов Ленина, без согласования с Политбюро, привел выражение Каменева о том, что очередным лозунгом партии является превращение «России нэпмановской» в Россию социалистическую (у Ленина, как известно, речь шла о «России нэповской»), что, конечно же, не одно и то же). И здесь же в докладе, не называя Зиновьева по фамилии, Сталин подверг критике его идею о диктатуре партии.

Свой доклад, опять-таки без согласования с Политбюро, Сталин через Бухарина как главного редактора «Правды» опубликовал в ЦО партии 19 и 20 июня. Разразился скандал. Такого в практике работы Политбюро еще не было. Зиновьев и Каменев обратились в Политбюро с жалобой на самочинные действия Сталина. Тут же состоялось расширенное заседание Политбюро с участием и членов ЦК. По словам Зиновьева, «15—17 большевиков-ленинцев на Политбюро признали выступление Сталина ошибочным».

Это решение Политбюро оказалось пирровой победой Зиновьева и Каменева в борьбе против Сталина за лидерство в партии. Несмотря на осуждение, инициатива прочно перешла в руки Сталина и его сторонников. Это подтвердилось и в ходе развернувшейся осенью 1924 г. новой дискуссии в партии с троцкистами.

Троцкий выступил со статьей «Уроки Октября», в которой попытался не просто переписать историю партии, в частности периода подготовки и совершения Октябрьской революции, но и подменить ленинизм троцкизмом. При этом Троцкий особый удар направил по Зиновьеву и Каменеву, стремясь взять у них реванш за поражение в предыдущей дискуссии. Он попытался оспорить выдвинутые против него обвинения в меньшевизме, для чего вновь напомнил всей партии о штрейкбрехерской позиции Зиновьева и Каменева в канун Октябрьского восстания. Причем Троцкий

открыто заявил, что, раз они «сдрейфили» в самый ответственный момент революции, значит, «сдрейфят» и сейчас, в 1924 г. Поэтому им не может быть никакого доверия.

Зиновьев и Каменев ответили тем же. И так же, как в период дискуссии 1923 г., повели борьбу против Троцкого, заявляя о своей верности ленинизму. «Теперь решается вопрос, что такое РКП 1924 г.— писал Зиновьев.— В 1903 г. он решался отношением к I п. Устава, а в 1924 г.— отношением к Троцкому, к троцкизму... Кто хочет теперь партию в союзе с Троцким, в сотрудничестве с тем троцкизмом, который откровенно выступает против большевизма, тот отступает от основ ленинизма».

Троцкисты и на этот раз потерпели поражение. Причем особенно ощутимый урон им был нанесен в Ленинградской партийной организации.

Воспользовавшись ситуацией, Зиновьев в конце 1924 г. на пленуме Ленинградского губкома внес предложение об исключении Троцкого из партии. Предложение было принято. Однако в ЦК оно не прошло.

Борьба по поводу Троцкого продолжалась и дальше. Дело дошло до того, что Зиновьев и Каменев потребовали взять Троцкого под стражу. В разговоре с Г. И. Петровским Зиновьев в следующих выражениях отзывался о Троцком: «Зачем вы (т. е. большинство членов ЦК.—**Авт.**) эту дохлую собаку будете держать в Политбюро. От нее смердит, работать нельзя в Политбюро».

Вопрос о судьбе Троцкого решался на январском (1925 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). «...Ленинградцы вместе с Каменевым потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро,— рассказывал Сталин,— мы не согласились и с этим предложением оппозиции, получили большинство в ЦК и ограничились снятием Троцкого с поста наркомвоена».

Сам Троцкий на Пленуме не присутствовал, сославшись на болезнь. В заявлении в ЦК от 15 января 1925 г. он писал, что не выступал и не сказал ничего в свое оправдание потому, что не хотел углублять полемику и обострять вопрос. Пленум решительно осудил антиленинскую статью Троцкого «Уроки Октября».

В рассказе Сталина о развернувшейся на Пленуме

борьбе отсутствовала одна ее существенная деталь — предложение Каменева назначить вместо Троцкого на пост наркомвоена и председателя Реввоенсовета республики самого Сталина. Большинство участников Пленума отклонило предложение Каменева. Наркомвоеном и председателем РВСР был назначен М. В. Фрунзе.

Январский (1925 г.) Пленум стал лебединой песней «тройки». Он свидетельствовал о ее окончательном распаде.

Отстранение Троцкого с ключевого поста в Советском государстве, отказ поддержать предложение Зиновьева и Каменева свидетельствовали о поражении антисталинской фракции в ВКП(б). Позиции Сталина и его сторонников укрепились.

Их не смогли поколебать и попытки Зиновьева и Каменева, выразивших несогласие с мягким, по их мнению, решением январского Пленума в отношении Троцкого, обвинить большинство ЦК и лично Сталина в примиренческом отношении к троцкизму и под этим предлогом изменить состав Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Подобные действия явились лишним подтверждением их стремления к проведению «политики комбинаций».

Борьбу против оппозиционных формирований в партии возглавил Сталин и поддержавшие его Бухарин, Рыков, Дзержинский, Рудзутак и другие деятели партии. С этого момента деятельность Сталина в сознании большинства членов партии стала ассоциироваться с проведением линии на построение социализма в СССР. Поэтому ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Каменев не смогли составить Сталину серьезной конкуренции в оспаривании занимавшегося им поста генсека.

Кто еще?

Но тогда, может быть, существовал кто-либо помимо них, кто бы смог реально претендовать на этот пост в 20-е годы? В советской печати сегодня называется немало фамилий таких деятелей партии. Среди них фигурируют Рудзутак, Фрунзе и даже Дзержинский. Насколько вероятной была эта альтернатива Сталину?

Документов, подтверждавших бы претензии на пост

генсека со стороны названных лиц, пока не обнаружено. У сторонников этой альтернативы не сходятся концы с концами и с точки зрения логики развития внутрипартийных отношений того периода. Ни один из называемых деятелей не высказывался против кандидатуры Сталина на пост генсека ни на XIII, ни на XIV, ни даже на XV съездах партии. Хотя, видимо, было бы преждевременным отметать саму гипотетическую возможность замены Сталина кем-либо другим.

«Аргументы и факты». 1988, № 24, 26.

Р. Медведев

Н. С. Хрущев. Год 1957 — укрепление позиций

18 июня 1957 года в Кремле собрался Президиум ЦК КПСС. Это заседание было необычным, оно продолжалось три дня. Кремль был взят под усиленную охрану. Члены Президиума лишь поздно ночью могли отдохнуть, чтобы утром снова вернуться в комнату для заседаний. Не присутствовал только Ф. Р. Козлов. На 23 июня было намечено торжественное празднование 250-летия Ленинграда. В город на Неве приезжали делегации из других городов страны, многие из них возглавлялись секретарями обкомов. Ждали и Н. С. Хрущева во главе правительственной делегации. Но Хрущеву было не до юбилеев.

На заседании Президиума ЦК Молотов и Маленков неожиданно поставили вопрос о смещении Хрущева. Враждовавшие друг с другом оппоненты Хрущева на этот раз объединились и, соблюдая строгую конспирацию, обсудили вопрос о его отстранении. В основном Хрущева обвиняли в экономическом волюнтаризме, в самочинных и необдуманных действиях. Многие из этих обвинений были несомненно справедливы. Но главное обвинение, которое не высказывалось полностью, но которое являлось наиболее важным для противников Хрущева, состояло в том, что он якобы зашел слишком далеко в разоблачениях Сталина, что он подорвал авторитет КПСС в международном коммунистическом движении и авторитет всего коммунистического движения. Таким образом, речь шла о пересмотре решений XX съезда КПСС. Противники Хрущева, рассчитывая на успех, обсудили заранее и судьбу самого Хрущева. В случае признания им своих ошибок и согласия на отставку предусматривалось понижение его в должности, например, до уровня министра сельского хозяйства СССР. В иных случаях не исключалась возможность ареста Хрущева. Он был еще очень популярен не только среди населения, чем можно было и пренебречь, но и среди большинства членов ЦК КПСС. Поэтому оставлять его на свободе казалось опасным. На пост Первого секретаря ЦК КПСС предполагалось избрать В. М. Молотова.

Н. Хрущев, однако, решительно отверг все обвинения, ссылаясь на достигнутые экономические успехи и на существенные достижения во внешней политике. В острых прениях в поддержку Хрущева выступили три члена Президиума: Микоян, Суслов и Кириченко. 7 членов Президиума — Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович, Булганин, Первухин и Сабуров — выступили против Хрущева. Кандидаты в члены Президиума — Брежнев, Жуков, Мухитдинов, Шверник и Фурцева поддержали Хрущева, но они присутствовали на заседаний лишь с правом совещательного голоса. Каганович крайне грубо оборвал на одном из заседаний Брежнева, который, разволновавшись, был близок к обмороку. Несмотря на отсутствие у него решающего голоса, крайне важной была позиция Жукова, так как он ясно дал понять, что армия поддержит Хрущева. Шепилов вначале поддерживал Хрущева, но в ходе длительных дебатов неожиданно изменил свою позицию и присоединился к мнению большинства членов Президиума.

В конечном итоге Президиум ЦК вынес решение о смещении Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Но Хрущев, поддержанный своими сторонниками, отказался подчиниться этому решению. Он заявил, что на пост Первого секретаря ЦК его избрал не Президиум, а Пленум ЦК, и только Пленум может сместить его с этого поста. Он потребовал созыва Пленума ЦК, что было отклонено Президиумом. Однако группа Молотова — Маленкова возлагала слишком большие надежды на формальное решение Президиума. Хрущева поддерживала не только армия, но и КГБ в лице председателя КГБ И. А. Серова. В руках Хрущева оставался рабочий аппарат ЦК КПСС. Иначе говоря, именно Хрущеву принадлежала в эти решающие дни реальная власть в стране и партии. Поэтому «операция», которая удалась в начале марта 1953 года, когда небольшая группа лидеров смогла решить у гроба только что умершего Сталина все вопросы по распределению власти, не могла удаться в июне 1957 года.

Пока заседал Президиум, важные события происходили за его пределами. Для наиболее влиятельных членов ЦК не было секретом, что в Кремле обсуждается судьба Н. С. Хрущева. Дали знать в Ленинград Козлову, и тот с группой членов ЦК тотчас приехал в Москву. Серов и Жуков сумели быстро обеспечить при-

бытие в Москву почти всех других членов ЦК, которые стали требовать созыва Пленума. Президиум ЦК отклонил это требование и даже отказался встретиться с представителями ЦК. Тогда большая группа членов ЦК направила в Кремль письменное заявление. В нем говорилось:

«В Президиум Центрального Комитета. Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума ЦК такие важные для всей партии вопросы. В связи с этим мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопроса руководства нашей партией».

Но и это заявление не возымело действия. Тем временем члены ЦК стали собираться в Кремле. Группа членов ЦК во главе с И. Серовым, которому подчинялась охрана во всех помещениях Кремля, появилась в здании, где проходили заседания Президиума. Большинство Президиума, считавшее Хрущева практически смещенным с поста главы партии, поручило Булганину, как Председателю Совета Министров СССР, и Ворошилову, как Председателю Президиума Верховного Совета СССР, вступить в переговоры с членами ЦК. Однако в приемную вышли также Хрущев и Микоян. Эта встреча началась не слишком вежливо. Ворошилов обрушился с бранью на Серова. Тот не остался в долгу. Он пригрозил ему, что если Президиум будет противиться созыву Пленума, то Пленум соберется и без одобрения Президиума, так как члены ЦК не позволят решать вопросы руководства партией без них. Эта угроза была вполне реальна, так как большинство членов ЦК уже находилось в Москве, и они были настроены весьма решительно. Стало очевидным, что сговор против Хрущева потерпел провал, и Президиум был вынужден согласиться на созыв Пленума ЦК.

Подавляющее большинство участников открывшегося Пленума безоговорочно поддержало Хрущева. Июньский Пленум был беспрецедентным не только по своему характеру, но и по продолжительности: он проходил с 22 по 29 июня. Пленум заслушал доклад Хрущева «О положении в партии». Молотову предоставили возможность подробно изложить свою точку зрения, но все выступавшие затем поддерживали не Молотова, а Хрущева. В сложившихся условиях Ворошилов, Булганин, Сабуров и Первухин решили выступить с пока-

янными речами. Признал свои ошибки и Маленков. До конца Пленума упорствовал только Молотов, и только он один воздержался при голосовании за резолюцию Пленума. Все остальные участники его группировки голосовали за резолюцию, осуждавшую их собственное поведение.

Постановление Пленума и краткая информация о его работе были опубликованы лишь 4 июля 1957 года. В решениях Пленума говорилось об «антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова» и умалчивалось об участии в ней Ворошилова, Булганина и других. И Ворошилов, и Булганин сохранили свои посты. Из состава Президиума и из ЦК КПСС были выведены Молотов, Маленков, Каганович и «примкнувший к ним Шепилов». Сабуров потерял пост члена Президиума ЦК, а Первухин стал лишь кандидатом в члены Президиума ЦК. Июньский Пленум увеличил численность Президиума ЦК до 15 членов, в состав Президиума вошли недавние кандидаты — Л. И. Брежнев, Е. А. Фурцева, Ф. Р. Козлов, Н. М. Шверник, Г. К. Жуков. Членами Президиума стали также А. Б. Аристов, Н. И. Беляев и О. В. Куусинен. Среди 8 кандидатов в члены Президиума появились имена А. Н. Косыгина, А. П. Кириленко и К. Т. Мазурова. Молотов, Каганович и Маленков потеряли посты первых заместителей Председателя Совета Министров СССР. На пост министра иностранных дел вместо Д. Т. Шепилова назначался А. А. Громыко.

На второй день после Пленума Каганович позвонил Хрущеву и между ними, по свидетельству последнего, произошел такой разговор:

«— Товарищ Хрущев! Я тебя знаю много лет. Прошу не допустить, чтобы со мной поступили так, как расправлялись с людьми при Сталине...

— Товарищ Каганович! Твои слова еще раз подтверждают, какими методами вы собирались действовать для достижения своих гнусных целей. Вы хотели вернуть страну к порядкам, которые существовали при культе личности, вы хотели учинять расправу над людьми. Вы и других мерите на свою мерку. Но вы ошибаетесь. Мы твердо соблюдаем и будем придерживаться ленинских принципов. Вы получите работу, сможете спокойно жить и работать, если будете честно трудиться, как трудятся все советские люди».

Н. С. Хрущев сдержал свое слово. Никто из его

противников не был тогда исключен из партии, но все они получили назначение вне Москвы. Молотов направлялся послом СССР в Монголию. Каганович стал директором Уральского калийного комбината в г. Соликамске, Маленков — директором Усть-Каменогорской ГЭС на Иртыше. Шепилов получил профессорскую должность в Средней Азии. В июле 1957 года Первухин и Сабуров потеряли посты заместителей Председателя Совета Министров СССР, первыми заместителями Председателя Совета Министров стали А. Н. Косыгин и Д. Ф. Устинов.

Вскоре после окончания Пленума Хрущев во главе большой делегации прибыл в Ленинград. Формально речь шла о вручении наград ленинградцам в связи с 250-летием города, фактически же состоялось повторение юбилейных торжеств. На Дворцовой площади прошла большая демонстрация. На трибуне стояли Хрущев, Козлов, Ворошилов, Микоян, Брежнев, Куусинен, Фурцева, Шверник и Аристов.

Еще через несколько дней Хрущев и Булганин выехали в Чехословакию, где провели около двух недель. Хрущев без больших стеснений говорил югославскому послу Вепко Микуновичу о том, что он не имеет большого желания путешествовать в обществе Булганина, но что это пока еще необходимо по государственным соображениям. Естественно, что посол Югославии в своем подробном письме к И. Б. Тито о событиях в Москве сообщал, что позиции Булганина явно пошатнулись и смещение последнего с поста премьер-министра является только вопросом времени.

В конце июля и в начале августа 1957 г. в Москве прошел VI Международный фестиваль молодежи и студентов, оставивший прочную память у москвичей. Впервые за всю историю СССР в Москву приехало так много гостей из других стран мира.

В сентябре 1957 г. Хрущев отдыхал в Крыму недалеко от Ялты. Это был для него первый большой отпуск за многие годы. Ни в конце 30-х, ни в первой половине 40-х годов об отдыхе не могло быть и речи. При Сталине Хрущев смог провести отпуск на море только один раз — в 1947 году. В 1953—1956 гг. у Хрущева было слишком много забот, чтобы он мог позволить себе продолжительный отдых. Теперь он провел в Крыму почти целый месяц и вернулся в Москву лишь 2 октября.

Аргументы и факты. 1988. № 25.

Р. Медведев

Н. С. Хрущев. Год 1964-й — неожиданное смещение

КОНЕЦ ЛЕТА и начало осени 1964 года были наполнены для Хрущева обычной работой. После возвращения из Скандинавии и поездки в ЧССР он начал готовить новую реформу управления сельским хозяйством. Но проект Хрущева встретил возражения и в кругах Президиума ЦК, и среди секретарей обкомов, которым новая перестройка казалась ненужной и даже вредной при слабом развитии специализации в колхозах и универсальной взаимосвязи всех отраслей сельского хозяйства. Но Хрущев настаивал на перестройке, он изложил свои предложения в пространной Записке и разослал ее по областным комитетам партии и в ЦК республиканских компартий. Предполагалось обсудить этот вопрос на Пленуме ЦК в ноябре.

В октябре Хрущев решил отдохнуть на государственной даче в Пицунде. Он не чувствовал себя усталым или больным.

Находясь на даче, Хрущев следил за подготовкой полета в космос корабля «Восход» с тремя космонавтами на борту, а также принимал и на юге различных государственных деятелей. А между тем в Кремле уже началось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС, на котором Суслов и Шелепин поставили вопрос о смещении Хрущева со всех его постов.

Конечно, этот вопрос возник не в один день. Обсуждение вопроса о возможной замене Хрущева происходило в кругах ЦК и Президиума еще в первые месяцы 1964 года. Развитию этих настроений и обсуждений способствовал и тот факт, что за девять месяцев 1964 года Хрущев 135 дней провел в поездках по разным краям и странам. Есть свидетельство о том, что более детальное обсуждение вопроса о снятии Хрущева было проведено группой членов Президиума и ЦК в сентябре, когда они проводили свой отпуск на юге. Приглашенные первым секретарем Ставро-

польского крайкома Ф. Кулаковым для охоты в район озера Маныч, эти члены ЦК меньше занимались стрельбой или рыбной ловлей, чем политическими обсуждениями. Важную роль в подготовке смещения Хрущева играл Н. Г. Игнатов. Он долгие годы работал секретарем ЦК КПСС, с 1957 года по 1961 год входил в Президиум ЦК КПСС. Однако у Хрущева сложились с Игнатовым плохие отношения, и после XXII съезда последний потерял свои высшие посты. В 1962—1964 годах Игнатов был Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. Он не пользовался на этом посту никакой реальной властью, но мог беспрепятственно ездить по всей стране и помогать созданию антихрущевского блока.

После отъезда Хрущева на юг подготовка к его смещению происходила уже в Москве. В центре обсуждений находились, как можно было судить, М. А. Суслов и А. Н. Шелепин. Решающее значение имело согласие с ними секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и министра обороны СССР Р. Я. Малиновского. Это исключало возможность различного рода случайностей. Президиум ЦК собрался уже тогда, когда большинство членов Президиума и большинство членов ЦК КПСС высказались за смещение Хрущева.

Утром 13 октября Хрущев принял на своей даче министра Франции Г. Палевского. Когда Хрущев намеревался пригласить Палевского к обеду, в это время его позвали к телефону. Звонил Брежнев и передал, что в Москве собрались члены ЦК и хотят провести Пленум с обсуждением предложений Хрущева по сельскому хозяйству. Хрущев выразил крайнее недовольство:

— Этот вопрос не срочный, к тому же я в отпуске, и вы могли бы подождать.

Но Брежнев настаивал, к телефону подходил также и Р. Я. Малиновский. Сопротивление Хрущева оказалось сломленным только тогда, когда Брежнев сказал, что люди собрались и Пленум будет обсуждать намеченные вопросы без его участия, если Хрущев не приедет.

— Ладно,— сказал с раздражением Хрущев,— присылайте самолет...

Вместе с Хрущевым в Москву вылетел и Микоян. На аэродроме в Москве Хрущева встречал только

председатель КГБ В. Е. Семичастный. Для Хрущева и Микояна стало очевидным, что на Пленуме ЦК речь будет идти отнюдь не о структуре управления сельским хозяйством.

В ЗАСЕДАНИИ Президиума ЦК КПСС участвовало 22 человека. Кроме членов и кандидатов в члены Президиума, здесь присутствовали министры СССР А. А. Громыко и Р. Я. Малиновский, несколько секретарей обкомов, в том числе секретарь Волгоградского обкома А. М. Школьников, резко выступивший против Хрущева.

Председательствовал на заседании сам Хрущев, никакой стенограммы не велось. Обсуждение было бурным, резким, откровенным, временами очень грубым. Хрущев решительно отвергал почти все обвинения в свой адрес и сам выдвигал немало обвинений в адрес присутствующих членов Президиума. В защиту Хрущева выступал один Микоян, который заявил, что деятельность Хрущева — это большой политический капитал партии, который она не вправе так легко растрачивать. Но Микояна никто не поддержал.

Было очевидно — в том числе и для Хрущева,— что Пленум ЦК КПСС, который в июне 1957 года поддержал его и отверг решение Президиума, на этот раз окажется не на его стороне. Все же среди 330 членов и кандидатов в члены ЦК у Хрущева мог оказаться не один десяток сторонников, и обсуждение на Пленуме могло быть также не очень гладким, и члены Президиума ЦК стремились этого избежать.

Однако убедить Хрущева «добровольно» уйти в отставку не удалось, и заседание, начавшееся 13 октября, пришлось прервать поздно ночью для отдыха. Все разошлись по домам, условившись возобновить заседание утром 14 октября. Однако ночью Хрущев позвонил Микояну, который также не ложился спать.

— Если они не хотят меня, то пусть так и будет,— сказал Хрущев.— Я не буду больше возражать.

На следующий день заседание Президиума ЦК продолжалось не более полутора часов. Первым секретарем ЦК КПСС было рекомендовано избрать Л. И. Брежнева, Председателем Совета Министров СССР — А. Н. Косыгина.

По свидетельству Мишеля Татю, еще 31 октября 1963 года, когда Хрущев принимал лидера французских социалистов Ги Молле, последний спросил его

о новом поколении советских лидеров, которые могли бы наследовать власть Хрущева. В своем ответе Хрущев на первое место поставил Л. И. Брежнева, которого очень хвалил. Затем он назвал А. Н. Косыгина, которого хвалил за компетентность. Хрущев назвал также Н. В. Подгорного. Мы видим, что Никита Сергеевич весьма точно назвал своих преемников, хотя и не подозревал, что все эти перемены произойдут так скоро.

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ 14 октября в Кремле открылся Пленум ЦК КПСС, члены которого уже заранее прибыли в Москву со всех концов страны.

Заседание Пленума открыл Л. И. Брежнев. Председательствовал А. И. Микоян. Присутствовал на заседании и Хрущев, который за время заседания не проронил ни слова. Доклад на Пленуме сделал М. А. Суслов. Этот доклад продолжался всего один час. В нем не содержалось попытки проанализировать деятельность Хрущева за 11 лет, подвести итоги или сделать выводы. Это был крайне поверхностный документ, в котором все сводилось главным образом к перечислению личных недостатков или «грехов» Хрущева.

Суслов сказал, что Хрущев допустил крупные ошибки в своей работе, в руководстве партией и правительством, принимал необдуманные, торопливые решения, допустил организационную чехарду. В последние 2—3 года Хрущев сосредоточил в своих руках всю полноту власти и стал ею злоупотреблять. Все достижения и успехи в стране он относил к своим личным заслугам, совершенно перестал считаться с членами Президиума, не прислушивался к их мнению, постоянно всех поучал.

В основном эти замечания являлись справедливыми. Нужно было сказать, однако, что Хрущев сосредоточил в своих руках всю полноту власти не 2—3, а 5—6 лет назад и что члены Президиума слишком редко обращались к нему с критическими замечаниями, но гораздо чаще поддакивали ему. Большая часть непродуманных и поспешных решений Хрущева проводилась им через Президиум и Пленум ЦК КПСС.

Суслов сказал, что в печати все больше и больше писали о заслугах Хрущева. За 1963 год в центральных газетах 120 раз помещался портрет Хрущева, а за 9 месяцев 1964 года — 140 раз. Между тем даже

портреты Сталина печатались 10—15 раз в год. Хрущев окружил себя советниками из родственников и журналистов и прислушивался к их голосу больше, чем к голосу членов Президиума.

И здесь Суслов многого недоговаривал. Портреты Сталина печатались в центральных газетах куда чаще, чем 10—15 раз в год. Хрущев все время ездил по стране. Он более 40 раз побывал за границей, и все это, естественно, находило отражение в центральных газетах. Между тем Сталин почти никуда не выезжал из Москвы и Кремля. Суслов явно преувеличил роль сына и дочери Хрущева: практически при решении важных государственных дел они не имели никакого влияния на отца. Верно, что в прессе и идеологических органах партии имелось немало подхалимов. Но это были, как правило, члены ЦК, а не случайные люди. Среди подхалимов можно было бы назвать и часть членов Президиума ЦК, которых продвинул сам Хрущев.

Суслов очень критически высказался далее о разделении партийного руководства по производственному принципу. Эта работа стала началом как бы двух партий — рабочей и крестьянской.

Но в конце 1962 года эта реформа не встретила возражений на Пленуме ЦК КПСС, ее тогда одобрил и сам Суслов.

Суслов резко критически отозвался о предложениях Хрущева по созданию специализированных управлений в сельском хозяйстве. Записку Хрущева по этому поводу Президиум ЦК отозвал и обсуждение ее отложил.

Хрущев, как сказал Суслов, возомнил себя специалистом во всех областях: в сельском хозяйстве, дипломатии, науке, искусстве — и всех поучал. В ГДР он держался, как в одной из областей СССР, и учил немцев вести сельское хозяйство. Многие материалы, подготовленные аппаратом ЦК, Хрущев публиковал под своим именем.

В первой части этих упреков Суслов, несомненно, прав. Хрущев не страдал недостатком скромности и даже американскому кукурузоводу Р. Гарсту при посещении фермы сделал ряд замечаний, с которыми тот не мог согласиться. Но второй упрек Суслова несправедлив. Многие послания и заявления Хрущева действительно готовил аппарат ЦК, но это является

прямой обязанностью аппарата. Тот же Суслов, выступая на съездах компартий Запада и Востока, произносил речи, подготовленные для него аппаратом ЦК. При этом Хрущев даже в большей мере, чем Суслов, принимал участие в составлении подобного рода речей.

По свидетельству Суслова, рассылая членам Президиума записки, Хрущев требовал письменных заключений, давая для этого иногда лишь 40—45 минут. Никто из членов Президиума не мог составить за столь краткий срок письменных заключений, и заседания Президиума превращались в формальность.

Вероятно, такие случаи имели место, но не как правило, а как исключение. Хрущев не мог лишить членов Президиума ЦК права голоса, хотя бывали ситуации, как, например, в дни Карибского кризиса, когда он был вправе требовать от членов Президиума самого быстрого ответа на те или иные предложения.

Суслов заявил, что Хрущев так запутал управление промышленностью, создав госкомитеты, совнархозы, что представляется очень трудным все это распутать. Промышленность сейчас работает хуже, чем при прежних методах управления.

Этот упрек Хрущеву был справедлив, хотя было неправильным делать одного Хрущева ответственным за плохую работу и за плохое управление промышленностью.

Как заявил Суслов, Хрущев проводил неправильную политику в области ценообразования. Повышение цен на мясо, молочные продукты, некоторые промтовары ударило по материальному положению рабочих. Неправильную политику вел Хрущев и в отношении животноводства, в результате чего было вырезано много коров, сократилось поступление мяса.

Суслов был прав, обвиняя Хрущева в ошибочной политике в области животноводства. Но если повышение цен на мясо и молочные продукты являлось ошибочным, то почему новые цены сохранились и после октябрьского Пленума? Почему повышение цен на многие промтовары происходило и в 60—70-е годы?

По свидетельству Суслова, Хрущев был неосторожен в своих выступлениях и беседах.

Хрущев и в самом деле — и в частных беседах с корреспондентами и бизнесменами, и при встречах с главами государств, и с ораторской трибуны — часто говорил не только с необычной, но подчас и с излиш-

ней откровенностью. Стенограммы любых бесед Хрущева тщательно выправлялись и затем одновременно публиковались как в зарубежной, так и в советской печати.

Суслов рассказал членам ЦК и о некоторых ошибочных решениях Хрущева в области внешней торговли. Так, например, в рамках совместной договоренности Польша построила авиационный завод для производства самолетов АН-12, и Советский Союз должен был приобрести 500 таких самолетов. Но Хрущев отказался от покупки, заявив, что мы можем делать такие самолеты дешевле.

По словам Суслова, за 10 лет работы Хрущев не только ни разу не принял министра внешней торговли Патоличева, но ни разу ему не позвонил.

Трудно оценивать эти решения Хрущева, не зная его мотивы. Можно предположить, например, что Польша запросила за самолеты АН-12 слишком высокую цену, гораздо больше ранее запланированной. Странно, что Хрущев и Патоличев никогда не встречались.

Из примеров самоуправства Хрущева М. А. Суслов остановился на эпизоде с Тимирязевской академией. Узнав, что в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева есть ученые, не согласные с его сельскохозяйственными рекомендациями, Хрущев решил выселить академию из Москвы, а ее факультеты расселить по глубинке в разных местах. При этом он говорил: «Нечего им пахать по асфальту». Суслов сказал, что члены Президиума ЦК не были согласны с Хрущевым и под разными предлогами оттягивали переселение, создавая различные комиссии.

Эти обвинения совершенно справедливы. Если перевод Министерств сельского хозяйства СССР и РСФСР на базу совхозов «Михайловское» и «Яхрома», расположенных в 100—120 километрах от Москвы, являлся явно ошибочной мерой, то попытка разрушить Тимирязевскую академию могла служить примером нелепого самоуправства и самодурства.

Суслов подверг критике и многие из аспектов сельскохозяйственной политики Хрущева. Выступая против паров, Хрущев снимал с работы директоров совхозов, которые оставляли в своих хозяйствах чистые пары, не считаясь с их доводами. Он хотел снять и секретаря ЦК КП Казахстана Кунаева, который защищал чистые пары. Хрущев снял с поста министра сель-

ского хозяйства Пысина, не дав никаких разъяснений на этот счет членам Президиума.

В последние годы Хрущев развернул ничем не оправданное наступление против приусадебного хозяйства колхозников. Он даже распорядился уменьшать и урезать приусадебные участки, что вызвало раздражение в деревне, так как отрезанные участки обычно ничем не засевались и зарастали бурьяном. Хрущев предложил Академии наук СССР открыть две вакансии для избрания в академики сторонников Лысенко Н. Нуждина и В. Ремесло. На заседании Академии наук академик А. Д. Сахаров отвел эти кандидатуры. Лысенко выступил в связи с этим с грубой речью и позже сообщил об этом Хрущеву. Хрущев был разгневан и заявил, что если Академия будет заниматься политикой, то «мы такую академию разгоним, нам она не нужна». Об этом стало известно в кругах академии. Во многих областях Хрущев предлагал ликвидировать колхозы и создавать совхозы, мотивируя это нерентабельностью колхозов. Между тем, заявил Суслов, колхозы более рентабельны, чем совхозы.

Все эти замечания Суслова в адрес Хрущева совершенно справедливы, и их можно было бы продолжить. Во многих областях и районах личное хозяйство колхозников и рабочих совхозов деградировало до уровня более низкого, чем уровень 1953 года.

Опускаю далее ряд мелких придирок и замечаний, которые вряд ли следовало упоминать на Пленуме. В заключение Суслов поставил вопрос: «Могли ли раньше призвать Хрущева к порядку? Члены Президиума это делали, предупреждали Хрущева, но, кроме грубого отпора и оскорблений, они ничего от него не слышали». В конце своего доклада Суслов сказал, что смещение Хрущева — проявление не слабости, а смелости и силы, и это должно послужить уроком на будущее.

Во время доклада Суслова члены ЦК нередко выкрикивали реплики, которые были направлены против Хрущева и свидетельствовали о накопившемся раздражении. Когда Суслов сказал, что дело шло к культу Хрущева, из зала выкрикнули: «Он давно культ». После доклада Суслов сказал, что, судя по репликам, Пленум одобряет решение Президиума и поэтому нет необходимости открывать прения. Решение было принято единогласно в следующей формулировке — Н. С. Хру-

щев освобождается от своих постов в связи с преклонным возрастом и состоянием здоровья. Было принято еще одно решение — не допускать впредь совмещения в одном лице должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Избранный Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал в своей краткой речи, что незачем выливать на самих себя грязь. Он рекомендовал на партийных собраниях и совещаниях вопроса об освобождении Хрущева подробно не обсуждать, а на собраниях беспартийных говорить лишь то, что будет опубликовано в газетах.

Один из западных исследователей писал о результатах Пленума ЦК:

«Пленум проголосовал против Хрущева, хотя, безусловно, он имел какую-то поддержку. В некотором смысле это был его лучший час: еще 10 лет назад никто не мог предположить, что преемник Сталина может быть устранен таким простым и мягким методом, как простое голосование».

То же самое сказал и сам Никита Сергеевич. Верувшись вечером домой, он бросил портфель в угол и сказал:

«Ну вот, теперь я в отставке. Может быть, самое главное из того, что я сделал, заключается в том, что они могли меня снять простым голосованием, тогда как Сталин велел бы их всех арестовать».

Аргументы и факты. 1988. № 27.

ДОКУМЕНТЫ

Брестский мир

За каждое слово программы

50-летие В. И. Ленина

Составы Политбюро (Президиума) ЦК КПСС

Брестский мир

Седьмой экстренный съезд РКП(б) — первый съезд партии после победы Великой Октябрьской социалистической революции — состоялся ровно семьдесят лет назад, 6—8 марта 1918 года в Петрограде в Таврическом дворце. Он был созван для окончательного решения вопроса о мирном договоре с Германией, который по решению ЦК партии и ВЦИК был подписан 3 марта 1918 года. Вокруг Брестского мира внутри партии шла напряженная борьба.

На съезде присутствовало 47 делегатов с решающим голосом и 59 с совещательным; они представляли свыше 170000 членов партии. Ленин руководил всей работой съезда. Он выступал с политическим отчетом ЦК, с докладом о пересмотре программы и наименования партии, принял участие в обсуждении всех вопросов, выступив на съезде 18 раз.

После политического отчета ЦК лидер «левых коммунистов» Бухарин выступил с содокладом. Затем развернулись острые прения, в которых выступило 18 делегатов.

Предлагаем в сокращении стенографическую запись основных выступлений.

По поручению Центрального Комитета партии съезд открыл Я. М. Свердлов. Он сообщил, что 5 марта состоялось совещание делегатов съезда, на котором были рассмотрены повестка дня и регламент работы съезда.

Тов. СВЕРДЛОВ. На вчерашнем предварительном совещании было постановлено предположенный порядок дня съезда изменить следующим образом: вопрос о текущем моменте обратить в вопрос о войне и мире, так как по создавшимся политическим условиям обсуждение текущего момента, естественно, сведется только к обсуждению вопроса о войне и мире...

Отчет ЦК РСДРП на съезде состоял из двух частей — отчета организационного (его представил Я. М. Свердлов) и отчета политического — с докладом выступил В. И. Ленин. (См. Полн. собр. соч., т. 36, с. 3—34).

После доклада В. И. Ленина слово предоставляется Н. И. Бухарину.

Тов. Бухарин (из содоклада) ...Разногласия наши определяются не фактом возможности или невозможности немецкого наступления. Они лежат гораздо глубже... У нас в настоящее время рабочий класс стоит перед страшной экономической разрухой в связи с растущей безработицей: он распадается, как класс. Это не просто физическая усталость, это распад пролетариата, как класса. Совершенно понятно, что в такой нездоровый момент должно существовать и будет существовать упадочное настроение. И действительно, мы наблю-

даем такие факты, что целый ряд пролетариев, самоотверженно бросавшихся в самую жаркую борьбу, переходит к точке зрения подписания мира. Я утверждаю, что переход к этой точке зрения, быть может, на 9/10 вовсе не есть результат революционного закала, а факт проявления общей усталости, распада пролетариата, который, может быть,— мы полагаем, мы уверены — удастся преодолеть, но который невозможно замалчивать... Мы утверждаем, что выгоды, проистекающие из подписания мирного договора, являются иллюзией. Это иллюзиями живет т. Ленин, а не мы...

Товарищи, одним из центральных аргументов Вл. Ильича, когда он доказывал возможность для нас передышки, было то соображение, что хотя в настоящее время подходит к концу великая борьба двух империалистических коалиций: с одной стороны, франко-американского капитала, с другой — австро-германского, все же они не могут еще пока закончить своей борьбы. Между ними имеется щель, и в эту щель т. Ленин предлагает нам пробиться... Эта постановка вопроса подлежит более серьезному обсуждению. Перед нами, действительно, могут быть две перспективы: либо это соглашение уже произошло, либо его еще нет. Много данных за то, что это соглашение между двумя враждебными коалициями уже произошло... Весьма вероятно, что и та, и другая коалиция подошла к вопросу о ликвидации войны путем компенсации, путем приращений за счет России... А в таком случае мы получаем в самом ближайшем будущем, непосредственно, сейчас, попытку раздела России. Перспектива чрезвычайно тяжелая, чрезвычайно мучительная.

Теперь возьмем случай, который предлагает т. Ленин. В первом случае, который я только что разобрал и который тов. Ленин считает невозможным,— в этом первом случае его тактическая линия не оправдывается; она оправдывается только тогда, когда мы будем иметь перед собой второй случай, т. е. когда мы в эту пресловутую щель между империалистическими коалициями сможем проскользнуть...

Такой щели не существует. Даже если бы и была эта щель между Англией, Францией и Америкой, с одной стороны, центральными державами — с другой, ни в том, ни в другом случае мирного сожительства между нами — между Советской Республикой и международным капиталом — быть не может...

При оценке акта подписания ратификации мирного договора, как при всяком шаге, должны приниматься в расчет две величины: во-первых, нам нужно подсчитать все плюсы, во-вторых,— все минусы. Единственный плюс — это передышка. Как мы видим, возможность этой передышки раздута до невероятной величины стороной, стоящей за подписание мира. Из мухи здесь делают слона. Что касается минусов, то товарищи, защищающие предложение подписать мир, предпочитают на этих минусах не останавливаться, тогда как нужно, в первую голову, на них остановиться...

Нам нужны условия для организации наших сил. Но как раз этих условий нас лишает договор. От нас отрезают Украйну, от нас отделяют Донецкий бассейн, т. е. центры, питающие русскую промышленность, нас отделяют от хлеба, от угля. Рабочий класс и рабочее движение раскалывается, следовательно, сила его ослабляется... Больше того, вы знаете, что в числе условий мира есть два таких пункта, которые сводят на нет и международное значение русской революции. А ведь мы говорили и говорим, что в конце концов все дело зависит от того, победит или не победит международная революция. В конечном счете международная революция — и только одна она — наше спасение. С этим согласен и тов. Ленин...

Таким образом, товарищи, мы рассмотрели все плюсы и минусы и можем подвести итоги. Плюс — это в лучшем случае несколько дней передышки, минус — это капитуляция по всему фронту, капитуляция вовне, капитуляция внутри.

С подведением этого баланса, именно на основании самого строгого расчета — не на основании фраз, а на основании самого сухого расчета — мы говорим: подписание мира — акт нецелесообразный...

Председатель. Мы переходим к прениям... Слово имеет тов. Урицкий.

Тов. Урицкий. Тщетно ожидали мы сегодня ответа Владимира Ильича на те вопросы, которые мы все время ставили ему. В правоте своей позиции он нас не убедил. Что-нибудь одно из двух: или Владимир Ильич желает и будет добиваться передышки, очень продолжительной, такой передышки, во время которой он сможет построить железные дороги, наладить транспорт, улучшить хозяйство и пр. и пр.,— и тогда ему, действительно, удастся создать хорошо организо-

ванную армию для ведения регулярной войны; или Владимир Ильич готов успокоиться на передышке в три дня, которая ему ничего не даст — ни железных дорог, ни хорошей армии,— а угрожает разрушить оставшиеся железные дороги и ту небольшую армию, которую мы только что начали строить...

Я надеюсь, что в заключительном слове т. Ленин ответит прямо на этот вопрос. Надеюсь, что он будет стремиться к тому, чтобы передышка была продолжительной. Вместе с тем он должен дать ответ на вопрос о том, что же может заставить его порвать этот самый мирный договор. Если нам предложат помириться с Винниченко, отдать на растерзание те самые Советы, которые создались при содействии нашей рабочей крови, порвет ли он на этом мирный договор или нет? А между тем это предложение будет сделано нам сейчас же, на другой же день после ратификации договора. Если он порвет, тогда мы после ратификации договора вступим в войну при гораздо менее благоприятных условиях, чем теперешние, а если не порвет, он тем самым не только предаст наши советские организации, но он сделает нечто большее: он укажет направление, по которому мы пойдем дальше. Это будет означать, что мы все время будем приспособляться, отступать, сдавать одну позицию за другой, один пролетарский отряд за другим, одну группу пролетариев за другой...

Тов. Зиновьев. Товарищи, в речи тов. Бухарина я впервые услышал попытку аргументировать против подписания мира не от чувства, а от разума. В противоположность ему тов. Урицкий попытался вернуться к той доисторической эпохе, когда руководствовались только чувством. Я считаю уже эту одну попытку со стороны тов. Бухарина оценивать события по-своему, но с точки зрения ума, а не чувства,— нашим частичным успехом, считаю, что он приближается к позиции большинства. Ту же самую перемену мы наблюдаем в более широком масштабе среди рабочих Петрограда и Москвы...

Все это время мы слышали от наших же товарищей — Радека и других, что мы предлагаем нашей большевистской партии поступить так же, как поступили 4-го августа 1914 года шейдемановские предатели... Между тем бухаринская постановка вопроса — это нечто совершенно новое. Он соглашается на длительную

передышку, если мы сумеем доказать, что передышка будет таковой...

...Предлагаемый вами выход есть самый большой удар не только по нашей революции, но и по международному движению пролетариата, потому что, встав на такой путь, мы совершим безжалостное харакири над Советской властью. Учесть силу этого удара для всей европейской революции нельзя... Наша партия перед русским рабочим классом, перед международным пролетариатом должна сказать, что если есть хотя какой-нибудь шанс передышку получить или продлить,— мы обязаны ее взять.

Тов. Бубнов. Товарищи! Тов. Ленин утверждал здесь, что мы, левые большевики, не представляем себе всех трудностей, перед которыми стоит международная революция, что мы ставим себе фантастические, а не реальные задачи, что наша позиция есть позиция революционной фразы. Я хочу, прежде всего показать вам здесь, что мы, отстаивая нашу позицию, базируемся на тех положениях и на тех соображениях, которые когда-то развивались самим товарищем Лениным. В октябре месяце и на заседаниях Центрального Комитета нашей партии и в статьях т. Ленин утверждал, что мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции, что мы переживаем канун революции. Это было, товарищи, в начале октября, после того, как в Германии произошло восстание во флоте. Тогда тов. Ленин утверждал то, что я вам сейчас говорю, т. е. что мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. Вот и спрашивается: сделало ли с тех пор международное движение шаг вперед по пути этого третьего, как он говорил, периода в развитии международной революции? Можно смело утверждать: да, сделало.

...И если это действительно так,— а мы глубоко убеждены, что это действительно так,— то сейчас, в такой обстановке, когда не только назревает, но уже назрел революционный кризис в Западной Европе, когда мы имеем такую обстановку, что международная революция готовится перейти в самую острую, самую развернутую форму гражданской войны, согласие заключить мир в такой обстановке наносит удар делу международного пролетариата. Если все это так, то несомненно, что перед нами встает та задача, которая с достаточной определенностью была формулирована в заявлении, в свое время поданном нами в Централь-

ный Комитет. Ведь мы там весьма определенно сказали, что перед пролетариатом в настоящее время встала задача развития гражданской войны в международном масштабе...

Тов. Смилга. Товарищи, я довольно хорошо знаком с нашим фронтом, я даже очень близок к одной группе наших военных сил — к морским силам и к финляндскому гарнизону,— к гарнизону, который в смысле организации и в смысле революционной выдержки был, может быть, впереди нескольких других фронтов. Но уже в ноябре месяце на последнем общефинляндском съезде для нас было совершенно ясно, что даже эти, самые лучшие элементы нашей армии, нашего фронта абсолютно к войне не способны...

И теперь, когда армия демобилизована, когда мы имеем зачатки Красной Армии, которая, надо сказать, показала себя, как революционный материал, как социалистический материал, показала, что это действительно прекрасный боевой материал,— но ее первые шаги с такой же наглядностью показали, что это — материал совершенно необученный, недисциплинированный, неорганизованный, не умеющий стрелять... И исходя из конкретной обстановки, мы должны сказать, что в данном случае воевать мы не способны...

Если наша революция погибнет под ударами германского империализма, то и Советская власть будет разрушена. Для меня совершенно ясно, что отступление в Москву и на Урал и непосредственная война с Германией и Австрией будут гибельны для нашей революции. Даже несколько военных разгромов могут стать гибелью для революции. Для меня это совершенно ясно. Нам приходится сейчас говорить об отступлении. Надо идти на подписание этого самого мира, надо отступать сейчас серьезно, готовясь к войне и организуя страну.

Тов. Радек. Товарищи... Если мы хотим уяснить себе невозможность, неприемлемость политики, которую предлагает тов. Ленин, надо анализировать нашу прошлую политику, начиная с октябрьских дней. При этом окажется, что в Бресте не только не было никакой ошибки, но все случившееся было абсолютной необходимостью, которую чувствовал сам тов. Ленин.

Когда Октябрьская революция совершилась, никто не думал, что немецкий империализм оставит нас в покое; наоборот: всякий прекрасно понимал, что этот

роковой вопрос — вопрос о войне останется во всей силе, это понимали и центр и рядовые работники, рядовые члены партии. И в тот момент перед партией стояли те же два пути. Первый путь — это заключение компромиссного мира с немецкими империалистами... Однако такая постановка вопроса была бы абсолютно немыслимой, так как Советская власть, бросившая оземь русскую буржуазию, не могла предложить чужой буржуазии сделку за счет интересов рабочих масс... Поэтому была отправлена делегация в Брест, которая вплоть до января месяца вела определенную политику, так как товарищи из Ц. К., с тов. Лениным во главе, стояли на точке зрения демонстративной политики мира, политики возбуждения масс в Европе.

...Исторически неверна ваша характеристика Брестского акта, как авантюры... Упрекать Троцкого можно единственно в том, что после Брестского акта он перешел на другую сторону и воздержался при голосовании...

Но что делать теперь?.. Знатоки военного дела сходятся в том, что если правительство решится оставить Петроград и уехать подальше, в глубь страны, оно в состоянии создать военные кадры в продолжении 3 месяцев. За это время немцы не будут в состоянии идти в глубь страны, ввиду международного положения, ввиду положения дел на Западе. За это время мы будем в состоянии создать силу, которая будет затягивать войну, защищаться. Это не будет трудно для Советской власти. Таким образом создастся новая сила и новая борьба, в которой мы оживем.

...Нет ничего более опасного, чем иллюзии после поражения. Эти иллюзии в равной степени опасны даже для всех реальных политиков революции. Я думаю, что в этом роковая ошибка, за которую всем нам, тов. Ленин, придется расплачиваться...

Тов. Сокольников. Тов. Радек занялся историческими изысканиями. Я думаю, никто не станет сомневаться в пользе такого рода исторических обзоров, но, по моему мнению, тов. Радек, оценивая работу, которая была проделана в Бресте, приписывает противнику свою собственную точку зрения, и целый ряд его утверждений совершенно не правильный. Мы никогда не говорили, что вся та работа, которая была проделана в Бресте, является ошибкой, что будто бы не надо было становиться на этот путь. Нисколько. Мы утверждаем

только, что брестская тактика могла вестись в определенных условиях места и времени, что она была целесообразна до известного момента и что, когда настал момент решения, необходимо было решиться и поступить так или иначе. Здесь никем не отрицалась правильность того пути, по которому в свое время шли товарищи в Бресте; теперь, при изменившихся условиях, нужно поставить вопрос о том, какую тактику избрать теперь, для нынешнего дня...

Наша задача сорганизовать силы для того, чтобы наступающему врагу дать отпор, который привел бы к победе, а не к бесплодной смерти, не к бесполезному избиению пролетариата.

Тов. Троцкий. ...Я воздержался от голосования в Ц. К., при решении этого важнейшего вопроса по двум причинам: во-первых, потому, что я не считаю решающим для судеб нашей революции то или другое наше отношение к этому вопросу. Я не считаю его решающим. По вопросу о том, где больше шансов: там или здесь,— я думаю, что больше шансов не на той стороне, на которой стоит тов. Ленин. Об этом я скажу далее. Но вместе с тем я думал и думаю, что та политика, которую отстаивает так называемая оппозиция,— политика революционной войны для того, чтобы быть действительно примененной на деле, требует фракционного единодушия, единодушия всех оттенков партии,— это прежде всего. Нельзя вести войну против немцев и против нашей буржуазии, преодолевая косность широких слоев отсталой народной массы, и в то же время иметь против себя половину или бóльшую часть партии, с Лениным во главе...

Положение было очень серьезное: часть партии не признавала решения сторонников подписания мира, я говорю это не в виде упрека: сторонники революционной войны считали, что война — это единственное решение и единственное спасение, они обязаны были, нарушая формальные партийные соображения, поставить вопрос ребром... Ввиду сложившегося соотношения сил в Ц. К., от моего голосования зависело очень много; зависело решение этого вопроса, потому что оказалось, что некоторые товарищи разделяют мою позицию. Я воздержался и этим сказал, что на себя ответственности за будущий раскол в партии взять не могу... Тов. Радек был совершенно прав, когда говорил, что комиссар по иностранным делам не имеет

права воздерживаться по вопросу о войне и мире. Поэтому я тогда же сложил с себя звание комиссара по иностранным делам, в том же заседании Ц. К. нашей партии...

Мы, воздержавшиеся, показали акт большого самоограничения, так как мы жертвовали своим «я» во имя спасения единства партии в такой ответственный момент...

Тов. Рязанов. ...У меня существуют большие разногласия со старыми товарищами по партии и с молодыми приятелями тов. Ленина. С тов. Троцким и тов. Лениным я еще в мае 1917 говорил по этому основному вопросу. Я ставил свою ставку на международную революцию... Я знал, что та пролетарская партия, к которой мы принадлежим, интересы которой мы выражали, должна быть поставлена перед дилеммой в тот момент, когда захватит власть, должна будет решить вопрос, будет ли она опираться на крестьянские массы или на пролетариат Западной Европы, должна будет подумать перед тем, как сделать решительный шаг.

Я настаивал, что мы должны строить свою политику на разжигании пожара мировой революции, ибо, только опираясь на пролетариат Западной Европы, мы в состоянии увлечь за собой крестьянские массы...

Тов. Ленин и та часть партии, которая шла за ним, предпочла,— мы когда-нибудь после разберем эти условия,— опираться на крестьян. В нашей фракции я уже определил политику т. Ленина. Ленин хотел воспользоваться лозунгами Толстого, видоизменив их сообразно с переживаемой эпохой.

Толстой предлагал устроить Россию по-мужицки, по-дурацки, Ленин — по-мужицки, по-солдатски. Плоды этой политики, мужицкой и солдатской, мы теперь расхлебываем.

С тов. Лениным ...у меня была полемика по этому поводу в соединенном заседании фракции большевиков. Тогда тов. Ленин главный центр тяжести своей аргументации, как вы можете прочесть в его тезисах, перенес на то, что подписание мира сохранит для международного пролетариата существование яркого очага революционной пропаганды, каким является Советская Россия. Я сказал, что это есть желание устроить в России «келью под елью», под защитой германского штыка. Вот перед вами декларация прав

трудящихся и эксплуатируемых народов, о которой тов. Свердлов в Учредительном собрании говорил, что она будет заменять декларацию прав Великой французской революции. Дайте себе труд прочесть эту бумажку и спросить себя: сколько раз вы лгали,— извините за слово,— когда вы клялись до последней капли крови защищать каждый пункт ее. Я не имею времени прочитать ее целиком, но теперь, когда вы подписали мир, каждый пункт ее — это пощечина не только пролетарской России, но и всей Советской России...

Тов. Свердлов. ...Основной вопрос, который должен занимать нас в настоящий момент, следующий: должна ли наша партия на предстоящем съезде Советов добиваться того, чтобы подписанный нами мир был ратифицирован или не был ратифицирован? Вот тот вопрос, на который мы должны дать ясный и точный ответ. И я думаю, что не такими речами, как речи товарища Рязанова, можно хоть что-нибудь выяснить в этом вопросе... Я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас действительно серьезно мог бы сказать — и что еще важнее, мог бы доказать, что линия Центрального Комитета партии была в данном случае непоследовательной. Товарищ Радек и некоторые другие товарищи, в том числе и т. Троцкий, когда он здесь выступал как бы с исповедью, как бы с разъяснением того, почему он воздержался в том или ином отдельном случае, почему он вел такую политику,— внесли некоторую путаницу в самый вопрос. Я должен сказать, и от своего имени, и от имени тех товарищей, которые вместе со мной, разделяя общую для всего Центрального Комитета точку зрения, впоследствии решили подписать мир, что все мы одинаково стояли за то, что нужно затягивать переговоры до последнего момента, нужно затягивать как можно дольше, во что бы то ни стало... Но мы полагали, что затягивать можно только до определенного момента, что тогда, когда придется выбирать: или угрозу немецкого наступления, или подписывать мир,— то в этот момент нужно было такую политику прекратить...

...Вот почему, кроме всех аргументов, я полагаю, что необходимо считаться и с тем обстоятельством, что если мы на предложенный мир согласимся — на гнусный, похабный мир, предложенный нам немцами,— если мы подпишем этот мир, и в результате этого мира возникнет новая война, то только при этих

условиях широкие народные массы будут убеждены в том, что иного выхода, как драться, для них не существует, и мы должны привести широкие массы к такому сознанию. А если бы мы теперь бросили лучшие наши отряды в бой — это в данный момент было бы самоубийством не только политическим, но и чисто физическим...

Тов. Сергеев (Артем). Тов. Свердлов вам только что говорил о том, что в данный момент разногласия между нами сводятся к вопросу о том, можно ли ратифицировать мир, который уже подписан, или нет. От наших противников мы прежде всего хотели бы узнать, что они нам предлагают. Ведь сущность спора именно в этих практических шагах, которые нужно сейчас предпринять. Нам говорят о том, что мир очень плохой,— пусть так, но нужно ли его ратифицировать или нет, раз он уже подписан. Если наша партия, которая уже взяла на себя ответственность за подписание этого мира, откажется сейчас его ратифицировать, если наша партия придет на съезд Советов и скажет: «нет, ни в коем случае его ратифицировать не надо», то это значит, что наша партия должна объявить этим сейчас войну Германии... Но если мы сейчас придем на съезд Советов, придем представителями рабочих, крестьян и будем объяснять широким массам населения, что нужно объявить войну Германии в силу этого условия, то никто нас не поймет. Я боюсь, что товарищи, сторонники революционной войны, в конце концов не смогут поставить так вопроса, как они ставили его здесь...

Тов. Розанов. Товарищи, я являюсь делегатом от г. Ярославля и должен вам здесь заявить на съезде, что много из того, что говорил т. Ленин, уже оправдалось. Многие иллюзии, которые мы еще питали в конце декабря, уже разбиты... Еще в декабре месяце наши представители на Областном съезде в Москве, на собрании его пленума, предлагали резолюцию Областного Комитета. В ней говорилось, что необходимо немедленно прервать мирные переговоры и объявить священную войну... Говорилось много, революционного пылу было достаточно, но результат оказался довольно плачевный: несмотря на все горячие речи, на эти призывы, у нас мало записалось в наши новые отряды социалистической армии... Слишком поздно рабочие начали сознавать, что мало одного революционного

пылу и энтузиазма, что надо провести действительную подготовку.

В прениях также выступили тт. Оболенский, Коллонтай, Шелавин, Терниайнен, Стожок, Масков, Сапронов, Шумайлов, с заключительным словом — т. Бухарин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет тов. Ленин.

Тов. Ленин. Товарищи, позвольте мне начать с замечаний сравнительно мелких, с конца. Товарищ Бухарин в конце своей речи дошел до того, что сравнил нас с Петлюрой. Если он считает, что это так, то как же может он оставаться в одной партии с нами? Разве это не фраза? Конечно, если бы это действительно было так, мы не сидели бы в одной партии. То, что мы вместе, доказывает, что на $^{9}/_{10}$ с Бухариным согласны. Правда, он прибавил немного революционных фраз о том, что мы хотели предать Украйну. Я уверен, что о таких заведомых пустяках говорить не стоит. Я вернусь к товарищу Рязанову, и здесь я хочу отметить, что подобно тому, как исключение, случающееся раз в 10 лет, лишь подтверждает правило, так и ему случилось сказать нечаянно серьезную фразу. Он сказал, что Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время. Это почти философское рассуждение. На этот раз вышло так, что у тов. Рязанова получилась совершенно серьезная, правда, фраза, в которой вся суть — я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом. Все остальное — только разговоры; необходимость революционной войны, подъем крестьянства и пр...

Когда теперь Бухарин громит нас за то, что мы деморализовали массы, он абсолютно прав, только он себя громит, а не нас. Кто провел эту кашицу в Ц. К.? Вы, тов. Бухарин. Как вы не кричите, а правда возьмет верх: мы в своей товарищеской семье, мы на своем собственном съезде, скрывать нечего и придется говорить правду. А правда состоит в том, что в Ц. К. было три течения. Я просил голосование воспроизвести, размножить, всякий член партии зайдет в секретариат, если пожелает, и посмотрит голосование,— историческое голосование 21-го, которое показывает, что колебались-то они, а мы нисколько не колебались; мы говорили: «возьмем мир в Бресте,— лучшего не получите,— чтобы готовить революционную войну»... Нет, если вы хотите считаться с фактами,

так считайтесь с тем, что разногласия касались того, что нельзя начать войну, когда она заведомо невыгодна. Когда тов. Бухарин начал заключительное слово громовым вопросом: «возможна ли война в ближайшем будущем?», он меня очень удивил. Я отвечаю без колебаний: возможна,— а сейчас надо принять мир. Тут никакого противоречия нет.

После этих коротких замечаний я перейду к детальным ответам предыдущим ораторам. По отношению к Радеку я должен сделать исключение. Но было другое выступление — тов. Урицкого. Что там было, кроме Каноссы, «предательства», «отступили», «приспособились»? Ну что это такое? Разве это не из газеты левоэсеровской, ваша критика? Тов. Бубнов читал нам заявление, поданное в Ц. К. цекистами, считающими себя очень левыми, которые провели полностью пример демонстрации перед всем миром: «поведение Ц. К. наносит удар международному пролетариату». Разве это не фраза? «Демонстрировать перед всем миром бессилие!» Чем мы демонстрируем? Тем, что предложили мир? Тем, что армия побежала?.. История войны показывает, что для того, чтобы остановить армию, бегущую в панике, достаточно иногда бывает даже дней...

Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно использовав их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума — мы сдаем... Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. ...Надо было мир взять, а не хорохориться зря...

Выяснив, почему я абсолютно не могу принять предложение Троцкого,— так вести политику нельзя, я должен сказать, что примером того, насколько товарищи на нашем съезде ушли от фразы, которая фактически осталась у Урицкого, показал Радек. Я его никоим образом не могу обвинить за это выступление во фразе. Он сказал: «ни тени предательства, ни позора нет, потому что ясно, что вы отступили перед военной подавляющей силой». Это оценка, которая всю позицию Троцкого разбивает. Когда Радек сказал: «стиснув

зубы, надо готовить силы» это правда,— тут я целиком подписываюсь...

Стиснув зубы, не хорохорься, а готовь силы. Революционная война придет, в этом у нас разногласий нет; разногласия относительно Тильзитского мира — подписывать ли? Хуже всего — это больная армия, да, и потому в Ц. К. должна быть одна твердая линия, а не разногласия или средняя линия, которую поддержал и тов. Бухарин. Не розовые краски я рисую насчет передышки; никто не знает, сколько будет продолжаться передышка, и я не знаю. Смешны потуги тех, которые стараются из меня выжать, сколько будет продолжаться передышка. Благодаря сохраненным магистралям мы помогаем и Украине и Финляндии. Используем передышку, маневрируя, отступая.

...Наши разногласия были в том, что немец наступит или нет; что нам надо было объявить состояние войны прекращенным; что надо в интересах революционной войны отступать физически, отдавая страну, чтобы выиграть время. Стратегия и политика предписывают самый что ни на есть гнусный мирный договор.

На рассмотрение съезда было предложено две резолюции по вопросу о войне и мире — резолюция В. И. Ленина и «Тезисы о современном моменте» группы «левых коммунистов». Вот результаты поименного голосования: за резолюцию В. И. Ленина 30, против 12, воздержалось 4.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для личного заявления имеет тов. Рязанов.

Тов. РЯЗАНОВ. ...Та резолюция, какую вы сегодня приняли, даже в том случае, если она предназначена для внутреннего употребления, та резолюция, в которой вы разрываете со всем тем, чему я служил всю свою жизнь,— а я всегда вам заявлял, что для меня дисциплина международного пролетариата выше всякой национальной дисциплины,— в этой резолюции, кроме этого разрыва со всеми для меня основными предпосылками революционного марксизма, вы в этой резолюции вставили еще целый ряд вещей, которые я считаю совершенно лишними. Я не хочу употреблять теперь резких слов, и вы, товарищи, поймите, если я сегодня должен заявить, что я, к сожалению, не чувствую в себе возможности оставаться в рядах этой партии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для личного заявления тов. Троцкому.

Тов. ТРОЦКИЙ. ...Партийный съезд, высшее учреждение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я в числе других проводил в составе нашей Брест-Литовской делегации; ...и сейчас вся германская и австро-венгерская пресса полны обвинений по адресу Берст-Литовской делегации и, в частности, по моему адресу в том смысле, что мы повинны в срыве мира и во всех дальнейших несчастиях. Хотел этого или не хотел партийный съезд, но это подтвердил своим последним голосованием, и я слагаю

с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово к порядку имеет тов. Зиновьев.

Тов. ЗИНОВЬЕВ. ...Мы все понимаем значение заявления тов. Троцкого. Никто голосованием этим не хотел сказать, что осуждается тактика делегации в целом... Мы разошлись по вопросу о том, когда наступил критический момент, когда надо было ультиматум принять, а Лев Давыдович сделал попытку сделать вывод, что съезд присоединяется к оценке германских и австрийских империалистов. Само собой разумеется, понятно, что об этом не было речи... Я поэтому предлагаю считать весь этот инцидент не бывшим...

Съезд избрал новый состав Центрального Комитета. После оглашения итогов голосования с заявлениями выступили Бухарин и Урицкий.

Тов. БУХАРИН. Согласно общему заявлению, которое я сделал только что, я заявляю, что отказываюсь войти в Ц. К. и предлагаю съезду заменить соответствующим кандидатом по числу получивших голосов.

Тов. УРИЦКИЙ. От своего имени и от отсутствующего тов. Ломова заявляю, что мы отказываемся и предлагаем съезду выбрать взамен дополнительных кандидатов.

Закрывая Седьмой съезд партии, Я. М. Свердлов сказал: «Я бы просил всех товарищей помнить, что никакие попытки раскола не должны иметь места нигде. Я позволю себе выразить уверенность в том, что до следующего съезда наша партия станет цельной, единой. На нем мы встретимся, вероятно, в качестве одной общей семьи, в качестве членов одной и той же партии — «Российской Коммунистической Партии».

Советская Россия. 1988. 8 марта.

За каждое слово программы

VIII съезд РКП(б) состоялся 18—23 марта 1919 года в Москве. В работе съезда приняли участие 301 делегат с решающим голосом и 102 с совещательным, представлявших 313 766 членов партии. В порядке дня съезда стояли следующие вопросы: отчет Центрального Комитета; программа РКП(б); создание Коммунистического Интернационала; военное положение и военная политика; работа в деревне; организационные вопросы; выборы Центрального Комитета. На первом заседании по предложению президиума съезда были организованы три секции: аграрная, военная и организационная.

В. И. Ленин выступил с речами при открытии и закрытии съезда, с отчетом ЦК РКП(б), с докладами о программе партии и о работе в деревне, с речью по военному вопросу.

Центральным вопросом на съезде было обсуждение и принятие новой программы партии, разработанной под руководством и при непосредственном участии В. И. Ленина.

Ленин. Нам приходится открывать работы нашего партийного съезда в очень трудный, сложный и своеобразный момент русской и всемирной пролетарской революции. Если первое время после Октября силы партии и силы Советской власти почти целиком были поглощены задачей непосредственной защиты, непосредственного отпора врагам, буржуазии и внешней, и внутренней, которая не допускала мысли о сколько-нибудь длительном существовании социалистической республики,— то постепенно мы стали укрепляться и на первое место начали выдвигаться задачи строительства, задачи организационные. Мне кажется, что нашему съезду придется целиком пройти под знаком этой работы строительства и работы организационной. И вопросы программы, которые в теоретическом отношении представляют громадную трудность, больше всего сводятся к вопросам строительства, и специально стоящие в порядке дня съезда организационный вопрос, вопрос о Красной Армии и в особенности вопрос о работе в деревне,— все это требует от нас напряжения и сосредоточения внимания на главном вопросе, представляющем наибольшие трудности, но и наиболее благодарную задачу для социалистов: на вопросе организационном.

Председатель. Переходим к... обсуждению партийной программы. Слово имеет товарищ Бухарин.

Бухарин. Товарищи, на мою долю выпадает общий доклад о партийной программе. Если прежние програм-

мы в значительной степени оставались на бумаге, то программу, которую выработает наш съезд, менее всего можно назвать бумажной. Ни одна революционная партия не находилась в таком положении, в каком находится сейчас наша партия. Мы можем в настоящее время противопоставить бумажным программам единственный в мире опыт пролетарской партии, стоящей несколько месяцев у власти... В этом отношении наша новая программа носит иной характер, чем все предыдущие. Она, с одной стороны, концентрирует весь опыт, который имеется у партии, а с другой стороны, является программой непосредственного действия...

Мы должны отдать себе отчет также в том, что наша программа — это программа партии, которая первая из рабочих партий завоевала государственную власть, и хотя она и носит название программы «Р.К.П.», но в значительной степени является и **программой международного пролетариата...** Всякая революция, которая следует за нашей революцией, должна учиться у ней. Это не значит, конечно, что она должна делать абсолютно то же самое, что делали мы в России. Но она должна учитывать сумму опыта, который мы в России в ходе нашей революции приобрели.

...Теперь я перехожу к вопросу о самых основных и самых существенных отличиях новой программы... Один из принципов революционного марксизма состоит в том, чтобы строить все программные требования на основе **конкретного анализа** той эпохи, в которую приходится действовать, бороться и добиваться успехов рабочему классу... Вполне понятно, что раз партия пролетариата не только стремится к власти, но стоит уже у власти, вполне понятно, что у нее должна быть одна программа: **осуществление социалистического, коммунистического строя...**

Переходя к политической части нашей программы, мы должны указать определенные, совершенно конкретные формы пролетарской диктатуры. Всякая старая программа заключала в себе лишь несколько слов о пролетарской диктатуре. Но раньше эта диктатура была нашей конечной целью, а сейчас она стала фактом. Теперь нельзя говорить о пролетарской диктатуре в общих фразах, необходимо дать конкретный анализ пролетарской диктатуры...

...Вот почему не только целый отдел программы посвящен специальному вопросу об этой форме проле-

тарской диктатуры, но самым подробным образом, по пунктам, развиты особенности этой формы, особенности советского типа государства, в противоположность буржуазно-демократическим республикам.

Наконец, товарищи, в экономической части программы мы не только останавливались на требованиях социализации производства и давали детальный анализ всевозможных необходимых сейчас мероприятий или форм, намечая довольно конкретные пути развития,— но мы должны были рассматривать все это под углом **необходимости развития производительных сил...**

Я позволю себе сказать теперь несколько слов о тех пунктах расхождения, которые у меня имелись с большинством комиссии. Таких пунктов два. С одной стороны, теоретическое введение. Я считал бы гораздо более целесообразным другое введение, а не такое, которое в данном проекте имеется. ...Нужно было бы дать более сжатую характеристику новой эпохи, выбросить совершенно цитирование старой программы, но зато в гораздо большей степени остановиться на анализе как раз новейшей фазы капитализма, т. е. империалистической эпохи. И анализ этой фазы необходим не только в самом начале ее развития, но так, как она проявилась в действительности,— в начале ее развития и в ее упадке. Здесь необходим анализ разложения капиталистического общества и начала пролетарской революции.

...Другое разногласие, которое я считаю необходимым отметить,— это формулировка в нашей программе пункта по национальному вопросу.

Дело идет о праве наций на самоопределение. В нашей национальной программе есть два основных и бесспорных положения, которые заключаются в следующем. Первое: в основу ее должно положить стремление к объединению пролетариата всех наций. Это абсолютное и бесспорное положение, которое формулировано в начале первого абзаца национальной программы Р.К.П. Другое совершенно бесспорное положение гласит, что всякие привилегии каких бы то ни было наций, всякие неравенства между нациями должны быть отменены. Это тоже положение, которое не возбуждает никаких разногласий. Разногласие начинается тогда и постольку, поскольку речь идет о конкретной форме требований, которые обычно заключаются в лозунге права наций на самоопределение,

т. е. на государственное отделение... Поскольку мы держим сейчас курс на пролетарскую диктатуру, мне кажется, мы не можем выставлять лозунг права наций на самоопределение...

В комиссии я, опираясь на заявление, сделанное тов. Сталиным на 3-м съезде Советов, предлагал формулу: самоопределение трудящихся классов каждой национальности. Если польские рабочие не захотят быть с нами в одном государстве, мы силой их тащить не будем, мы санкционируем и будем уважать волю польского пролетариата. Но мы абсолютно не санкционируем и не уважаем воли польской буржуазии. Так и только так должен быть поставлен вопрос.

Председатель (т. Каменев). Слово для доклада имеет т. Ленин.

Ленин. ...Тов. Бухарин, по-моему, не совсем верно изложил здесь то, почему большинство комиссии отвергло все попытки построить программу с вычеркиванием всего того, что говорилось о старом капитализме...

Если написать программу так, как хотел тов. Бухарин,— эта программа будет неверна. Она будет в лучшем случае воспроизводить лучшее, что сказано о финансовом капитализме и империализме, но не воспроизведет действительности, потому что в этой действительности как раз такой цельности нет. ...И вовсе не почтение к старому, как вежливо намекал тов. Бухарин, заставляло нас вставлять здесь места из старой программы. Выходило так: писалась программа в 1903 г. при участии Ленина, несомненно, программа плохая, но так как старые люди больше всего любят вспоминать прошлое, то из почтения к старому составили в новую эпоху новую программу, в которой повторяют старое. Если бы это было так, то таких чудаков можно было бы осмеять. Я утверждаю, что это не так. Тот капитализм, который был обрисован в 1903 г., продолжает оставаться и в 1919 г. в Советской пролетарской республике как раз благодаря разложению империализма, в силу его краха. ...Вот почему иное построение программы было бы неверно. Надо сказать то, что есть: программа должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное, только тогда она — программа марксистская...

Мы говорим, что пришли к диктатуре. Но надо же знать **как** пришли... Нас подвел капитализм в его

первоначальных товарно-хозяйственных формах. Надо все это понимать, потому что только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата,.. мы много набьем себе шишек. Если же нам менять свое отношение к среднему крестьянству,— тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что он такое. Он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что мы из этой азбуки все еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: «Зачем нам заниматься азбукой, когда мы финансовый капитализм изучили!» — это в высшей степени несерьезно.

То же самое я должен сказать по отношению к **национальному вопросу.** И здесь тов. Бухарин принимает желаемое за действительность. Он говорит, что признавать право наций на самоопределение нельзя. Нация — значит: буржуазия вместе с пролетариатом. Мы, пролетарии, будем признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии! Это ни с чем не сообразно! Нет, извините, это сообразно с тем, что есть. Если вы это выкинете, у вас получится фантазия. Вы ссылаетесь на процесс дифференциации, происходящей в недрах нации, на процесс отделения пролетариата от буржуазии. Но посмотрим еще, как пойдет эта дифференциация...

Тов. Бухарин не хочет ждать. Им овладевает нетерпение: «С какой стати! Когда мы сами свергли буржуазию, провозгласили Советскую власть и диктатуру пролетариата, с какой стати нам поступать так!» Это действует как бодрящий призыв, содержит указание нашего пути, но если мы будем только это провозглашать в программе, то получится не программа, а прокламация. Мы можем провозгласить Советскую власть и диктатуру пролетариата и полное презрение к буржуазии, которого она стоит тысячу раз, но в программе надо писать с абсолютной точностью то, что есть.

Мы стоим на строго классовой точке зрения. То,

что мы пишем в программе, есть признание того, что случилось на деле после эпохи, когда мы писали о самоопределении наций вообще. Тогда не было еще пролетарских республик. Когда они явились и только в той мере, в какой они явились, мы смогли написать то, что мы тут написали: «Федеративное объединение государств, организованных по советскому типу». Советский тип еще не Советы, как они существуют в России, но советский тип становится международным. Только это мы можем сказать. Идти дальше, на шаг дальше... — будет уже неверно, и поэтому для программы не годится.

...Наша программа не должна говорить о самоопределении трудящихся, потому что это неверно. Она должна говорить то, что есть. Раз нации стоят на разных ступенях пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к пролетарской, то это положение нашей программы абсолютно верно... Каждая нация должна получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся.

Председатель. Слово имеет в порядке дискуссии тов. Подбельский.

Подбельский. ...Прежде всего о той части, где говорится о чистом капитализме и которая целиком взята из нашей старой программы. Плохо не то, что она негладка, а то, что она неверна. Владимир Ильич, говоря, что можно представить программу весьма гладкую и хорошо отшлифованную, но неверную, был прав. Но вся беда в том, что эта вводная часть программы, будучи построена из разнородных материалов, в то же время заключает в себе ряд неверных положений.

...А неверны они тем, что характеристика капитализма, данная в 1903 году, имела перед собою капитализм развивающийся, капитализм ранней наступательной стадии развития, а теперь капитализм одной ногою стоит в могиле. Он умирает, он стал дряхлым и бессильным. Поэтому вносить в новую программу характеристику 1903 г. совершенно невозможно. Конечно, нельзя совершенно выкинуть характеристику чистого капитализма, нельзя ограничиваться одной характеристикой империализма. Необходимо сделать вполне правильное и основательное соединение, отражающее собою современную действительность.

Ломов. ...Я считаю необходимым определенно подчеркнуть в экономической части программы необходимость проведения в жизнь единого хозяйственного плана в тех советских республиках, которые объединены с нами по федеративному принципу. Стремясь к максимальной централизации всего управления экономической жизнью, необходимо слить воедино те материальные фонды, которыми располагают эти республики, с тем, чтобы управление сосредотачивалось в едином экономическом центре, в который входили бы представители всех этих республик. Мне кажется, что уже достигнутая фаза развития нашей революции настойчиво выдвигает это требование...

Рязанов. ...Я должен вернуться к той стороне дела, которая нам, старикам, памятна, и докажу, что т. Бухарин в одном был прав,— именно: когда он говорил о необходимости дать совершенно новое введение... Я думаю, что путем некоторого напряжения можно было бы сделать это легко и избавиться от старых амбаров и сарайчиков, заимствованных из программ 1903 г., которые и тогда были несуразностью.

Это первый пункт. По второму пункту — право наций на самоопределение — тов. Бухарин был бы прав в одном случае: если бы он действительно дал свою формулировку. Но та формулировка, которую он повторяет за тов. Сталиным — самоопределение трудящихся классов,— как объективный критерий так же несостоятельна, как и формула права наций на самоопределение... Наша партия совершенно не подготовлена к тому, чтобы разобраться в вопросе о праве наций на самоопределение. Я предложил бы открыть дискуссию в партии по этому вопросу и разъяснить все те споры, которые велись...

Пятаков. Здесь неоднократно указывалось, что мы в нашей программе должны стоять обеими ногами на почве действительности. В особенности подчеркивал это положение т. Ленин. Я хотел бы взять один из существенных и важных пунктов этой программы, пункт, помеченный в 33-м абзаце (вопрос национальный). Я должен сказать, что как раз по поводу этого пункта программа на почве действительности не стоит. Конечно, по сравнению с апрельской конференцией нашей партии 1917 года наша партия сделала большой шаг вперед. От бессодержательного голого лозунга «самоопределение наций» мы с божьей помощью от-

казались, проделав довольно большой и мучительный опыт, проделав этот опыт на окраинах бывшей царской России, теперь окружающих Российскую Советскую Республику рядом Советских Республик. Надо сказать прежде всего, что этот лозунг «право наций на самоопределение», который нашей партией проводился спокон века, показал себя на практике, во время социалистической революции, как лозунг, объединяющий все контрреволюционные силы.

Поэтому я полагаю, что от того лозунга «самоопределение трудящихся», который здесь поддерживал т. Бухарин, мы должны точно так же отказаться, как от лозунга «самоопределение наций». Я думаю, что Владимир Ильич, который здесь до известной степени восстанавливает если не в области философии, то в области политики Пирсоновско-Маховскую теорию насчет того, что программа должна исключительно описывать и записывать то, что мы имеем налицо,— в значительной степени ошибается. Ошибка — думать, что раз дифференциация пролетариата и буржуазии далеко еще не достигла во всех странах той степени, какой достигла в России, то мы должны считаться не только с волей пролетариата различных наций, но и с волей буржуазии. Это абсолютно ниоткуда не вытекает. Программа есть тот общий путь, который мы намечаем себе на будущее, пользуясь всем опытом прошлого и настоящего...

Позвольте привести вам конкретный пример. Сейчас идет борьба за утверждение диктатуры пролетариата на Украйне, и вы знаете отлично, что судьба Украйны представляет громадный интерес не только для рабочих масс этой страны, а для рабочих масс России, Латвии, Белоруссии и остальных Советских Республик. Если Советская Республика установится в Австрии и Германии, то в Украйне будут заинтересованы и эти республики. Можем ли мы допустить, чтобы форма существования пролетарско-крестьянской Украйны могла бы определяться исключительно и независимо трудящимися массами Украйны? Конечно, нет! И т. Ломов напрасно здесь открещивался от моей точки зрения, когда проводил линию экономической централизации по отношению к областям бывшей царской России. Он говорил: «Необходимо слить воедино те материальные фонды, которыми располагают эти республики с тем, чтобы управление

сосредоточивалось в едином экономическом центре». А отсюда вытекает, что, раз мы экономически объединяем, строим один аппарат, один Выс. Сов. Нар. Хозяйства, одно управление железными дорогами, один банк и т. д., то все это пресловутое «самоопределение» не стоит выеденного яйца. Это или просто дипломатическая игра, которую в некоторых случаях нужно играть, или это хуже, чем игра, если мы берем это всерьез. Для нас, для членов партии пролетариата, мы должны сказать открыто, что, само собой разумеется, **такой** независимости мы допустить не **можем.** Там, где пролетариат уже победил, там должно происходить немедленно объединение, и одну линию мы должны вести.

Томский. Товарищи, я не буду так уверенно, как тов. Пятаков, отрицать право наций на самоопределение... Прав т. Ленин, когда говорит, что было бы величайшей опрометчивостью сразу сказать, что ни в каких случаях мы не признаем права наций на самоопределение. И, конечно, не насильственным путем, не путем вооруженной силы извне мы станем вводить интернациональное объединение. Это было бы совершенно смешно и противоречило бы тактике реального социализма.

Суница. ...Предлагаемый комиссией проект программы производит впечатление реестра декретов Советской власти. На вопрос, что такое программа, чем должна быть программа, товарищ Ленин отвечает, что это должно быть то что есть. Мы должны записывать, регистрировать то, что есть. Но если с этой точки зрения мы подойдем к классической программе, к «Коммунистическому Манифесту», то что скажем, когда в 47-м году было черным по белому написано «диктатура пролетариата»! Как мы тогда подойдем к программе Российской социал-демократической рабочей партии, созданной в 1903 году, что мы о ней скажем, когда за 15 лет до Октябрьской революции было сказано ясно: «диктатура пролетариата и крестьянства в России». Я думаю наоборот, что программа должна быть программой, а не инструкцией, она должна содержать то, чего еще нет...

Нужна ли программа? Лишь за великие цели можно бороться с энтузиазмом... А между тем те великие цели, которые перед нами раньше стояли, в значительной степени, в практике повседневной жизни потускнели,

и следовало бы их освежить. Этой цели и должна служить программа.

Плеханов в 1889 году пророчески на международном конгрессе сказал: «Революционное движение в России победит как пролетарское движение, или оно совсем не победит». Точно так же сейчас мы можем сказать, что пролетарская революция победит, как международная пролетарская революция, создав международный единый революционный фронт, или она совсем не победит.

Вот что должно быть сказано в нашей программе. Правда, здесь на третьей странице я нашел одну жемчужину, которая не украшает всего проекта, а скорее, оттеняет его убожество. Здесь упомянуто о международной коммунистической партии, но это кажется лишь случайной опечаткой в этом проекте. В повседневной работе товарищи часто смешивают и отождествляют представление о Советской власти и Коммунистической партии, и я скажу, что вследствие необходимости постоянных уступок среднему крестьянину мы стоим перед опасностью перерождения нашей партии в партию, представляющую Советскую власть рабоче-крестьянской, по преимуществу крестьянской России, но отказывающуюся от задачи создать партию международного пролетариата.

Рыков. Я думаю, что в национальном вопросе мы должны стать на ту почву, на которую стал т. Ленин при защите оглашенного проекта...

Для нас теперь в Советской России, когда мы имеем целый ряд советских республик, целый ряд побед рабочего класса, § 3 («федеративное объединение государств, организованных по советскому типу»), имеет самое конкретное и злободневное значение. Ясное дело, что интересы нации, интересы языка, религии, культуры и т. д. мы ни в коем случае и ни при каких условиях подавлять не будем. Но вместе с тем для того чтобы национальное содержание пролетарской культуры, чтобы национальное содержание Федеративной Советской Республики могло развиваться, надо создать соответствующую базу для существования советских республик. Что касается Советской Федеративной России, то обеспечение интересов рабочих, экономическое и финансовое, может быть осуществлено и гарантировано только при том условии, когда за это возьмется не та или другая отдельная

республика, а когда возьмутся все республики вместе...

Поэтому в параграфе о федеративном объединении Советских государств, организованных по советскому типу, предлагаю сделать дополнение, что это объединение должно быть достаточно тесным для обеспечения интересов пролетариата в области единства профессионального движения и в области единства экономического строительства. Это дополнение важно и неотложно еще потому, что и условия природы, которые не зависят от нас, обеспечивают те или другие Федеративные Советские государства теми или другими материальными условиями их существования, совершенно необходимыми для всех остальных республик...

Председатель. Слово для заключения по докладу имеет тов. Ленин.

Ленин. ...Мне кажется, что прения, которые здесь развернулись, показали главным образом одно: отсутствие какого-нибудь определенного и оформленного контрпредложения. Много говорили по частям, отрывочно, но никакого контрпредложения не было...

Нам говорят о том, что мы подходим экономически к революции. Нужно это или нет? Здесь многие увлекающиеся товарищи договорились до всемирного совнархоза и до подчинения всех национальных партий Центральному Комитету Р.К.П. Товарищ Пятаков чуть не договорился до этого.

Пятаков (с места). А разве вы думаете, что это было бы плохо?

Ленин. ...Он сейчас бросает замечание, что это было бы недурно. Я должен ответить, что если бы что-нибудь подобное стояло в программе, то критиковать ее не было бы надобности: авторы такого предложения сами убили бы себя... Эти увлекающиеся товарищи не приняли во внимание, что в программе мы должны исходить из того, что есть. Один из этих товарищей, кажется, Суница, который очень решительно критиковал программу, как убогую и т. д. ...сказал, что он не может согласиться, что должно быть то, что есть, а предлагает, что должно быть то, чего нет **(смех)**. Я думаю, что эта формулировка вопроса по своей явной неверности возбуждает смех законно. Я не говорил, что должно быть только то, что есть. Я говорю, что мы должны **исходить из абсолютно установленного...**

Мы обязаны исходить из того марксистского по-

ложения, которое всеми признается, что программа должна быть построена на научном фундаменте. Она должна объяснить массам, как коммунистическая революция возникла, почему она неизбежна, в чем ее значение, ее сущность, ее сила, что она должна решить. Наша программа должна быть сводкой для агитации, такой же сводкой, какой были все программы, какой была, например, Эрфуртская программа. Каждый параграф этой программы содержал в себе сотни тысяч речей и статей агитаторов. В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся...

Было бы смешно выставлять нашу революцию каким-то идеалом для всех стран, воображать, что она сделала целый ряд гениальных открытий и ввела кучу социалистических новшеств. Я этого ни от кого не слышал и утверждаю, что ни от кого не услышим. У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, то это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны...

Далее мне следует остановиться на вопросе о самоопределении наций... Когда тов. Пятаков говорил, я диву давался, что это: рассуждение о программе или спор двух организационных бюро... Смысл его речи был таков: к чему все эти самоопределения, когда есть прекрасный Ц.К. в Москве! Это — точка зрения детская...

В национальном вопросе нельзя рассуждать так, что нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство. Конечно, нужно! Но мы должны добиваться его пропагандой, агитацией, добровольным союзом... В этом деле мы должны быть очень осторожны. Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала во всех других нациях бешеную ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо. У нас есть, например... коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист, это — великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться.

Вот почему мы должны сказать другим нациям, что

мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций.

По военному вопросу на съезде против линии ЦК выступила так называемая «военная оппозиция», в которую входили бывшие «левые коммунисты» (В. М. Смирнов, Г. И. Сафаров, Г. Л. Пятаков и другие), были там и люди, которые не имели отношения к оппозиционным группировкам. В связи с большим количеством записавшихся делегатов для выступления в прениях съезд принял решение перенести прения на заседания военной секции.

Вечером 21 марта обсуждение военного вопроса было перенесено на закрытое пленарное заседание съезда. В начале заседания был заслушан доклад о военном положении страны члена Реввоенсовета Республики С. И. Аралова. Представители оппозиции и здесь выступали, защищая свою ошибочную линию. С глубоким обоснованием линии партии в строительстве регулярной строго дисциплинированной армии выступил на съезде В. И. Ленин.

Ленин. Товарищи, я старался внимательно вникнуть в те разногласия, которые обнаруживаются в двух группах, в двух различных предложениях военной секции, которые привели к страстным речам и к чрезвычайному обострению работ секции вплоть до ухода части, ухода, который, конечно, является неправильным. Вникая в эти тезисы, я прежде всего должен отвести соображение о том, что у нас все обстоит благополучно. Об этом не может быть и речи... Но посмотрим, как критика этих недостатков выходит за границы допустимой критики...

Да, товарищи, если подняться до такого пафоса, если вы заговорили о самодержавно-крепостнических порядках, то ничего нет удивительного, что страсти так обострились. Разве можно в пределах партии коммунистов так говорить?

...Надо понять то, что когда идет восстание за Советскую власть, партизанство необходимо. Но можно ли эти условия страны, в которой только идет восстание за Советскую власть, переносить на наши условия. Совершенно естественно, что нет. А тов. Ворошилов это забывает и полностью этим побивает свои собственные тезисы. Пора уже изжить эти остатки партизанщины, которые были необходимы в определенный период. Такие же заявления указывают, что эти товарищи из партизанщины еще не вылезли и вся ошибка оппозиции в том и состоит, что вы, будучи связаны с этой партизанщиной своим опытом, будучи связаны с этой партизанщиной теми традициями героизма, которые будут памятны, вы не хотите понять, что теперь период другой. Теперь на первом плане должна быть регулярная

армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами.

Когда вы, с одной стороны, в тезисах говорите,— мы за военных специалистов,— с другой — с коллективным командованием, вы себя побиваете. Вы говорите о том, что военные специалисты изменяют, перебегают. Разве мы в проекте программы не сказали, что они проникнуты буржуазным миросозерцанием и что наша задача пресекать каждое контрреволюционное поползновение. Это все знают. Удивляюсь, как вы смотрите на дело с точки зрения своей приходской колокольни. Вы говорите: мы героически защищали Царицын. Это правда. Но раз вы с этим выходите на трибуну и говорите съезду, вы нарушаете всю партийную линию и всю партийную программу, вы защищаете старую партизанщину. Когда вы предлагаете тезисы, которые целиком направлены против военспецов, вы нарушаете всю общепартийную тактику. В этом источник расхождения...

VIII съезд РКП (б) имел огромное значение: он принял новую Программу партии, которая наметила основные задачи строительства социализма в нашей стране, вдохновила трудящихся города и деревни на борьбу за победу социализма. Закрывая съезд, В. И. Ленин сказал:

— ...Нам в короткий срок удалось сделать очень крупное дело. Нам удалось утвердить, и притом единогласно,— как и все существенные решения съезда,— нам удалось утвердить программу. Мы уверены, что она, несмотря на многочисленные редакционные и другие недочеты, уже вошла в историю III Интернационала, как программа, подводящая итоги новому этапу всемирного освободительного движения пролетариата. Мы уверены, что в целом ряде стран, где у нас гораздо больше союзников и друзей, чем мы знаем, простой перевод нашей программы будет лучшим ответом на вопрос, что сделала Российская Коммунистическая партия, которая представляет один из отрядов всемирного пролетариата. Наша программа будет сильнейшим материалом для пропаганды и агитации, будет тем документом, на основании которого рабочие скажут: «здесь наши товарищи, наши братья, здесь делается наше общее дело».

Товарищи, нам удалось также на этом съезде провести другие важнейшие решения. Мы одобрили создание III Коммунистического Интернационала, который основан здесь, в Москве. Мы пришли к единодушному

решению по вопросу военному. Как ни велики казались вначале разногласия, как ни разноречивы были мнения многих товарищей, с полной откровенностью высказавшихся здесь о недостатках нашей военной политики,— нам чрезвычайно легко удалось в комиссии прийти к решению абсолютно единогласному. И мы уйдем с этого съезда уверенные, что наш главный защитник, Красная Армия, ради которой вся страна приносит такие неисчислимые жертвы,— что она во всех членах съезда, во всех членах партии встретит самых горячих, беззаветно преданных ей помощников, руководителей, друзей и сотрудников.

Советская Россия. 1988. 20 марта.

Из публикации «50-летие Ленина. Речи, выступления...»

Раскроем «Биографическую хронику» на дате 23 апреля 1920 года: «Ленин приезжает (позднее 20 час.) к концу коммунистического вечера, организованного в честь его пятидесятилетия МК РКП(б), в зал МК...»

На вечере с речами, посвященными деятельности вождя, выступили люди, хорошо знавшие Ленина, работавшие вместе с ним еще до Октябрьской революции. В. И. Ленин выступил с ответной речью.

Речь т. Ленина

Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушания юбилейных речей. (Аплодисменты). Я думаю, что, может быть, таким образом мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор и который иногда создавал повод к удивительно хорошим карикатурам. Вот одна из таких карикатур, нарисованная выдающимся художником и посвященная подобному юбилею. Я ее получил сегодня вместе с чрезвычайно дружеским письмом, и так как товарищи были настолько любезны, что они от юбилейных речей избавили меня, я передаю эту карикатуру на рассмотрение всех с тем, чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств.

Затем мне хотелось несколько слов сказать по поводу теперешнего положения большевистской партии. Меня навели на эти мысли строки одного писателя, написанные им 18 лет тому назад, в 1902 г. Этот писатель Карл Каутский, с которым мы в настоящее время чрезвычайно резко должны были разойтись и бороться, но который в борьбе с немецким оппортунизмом раньше был одним из вождей пролетарской партии, в сотрудничестве с которым мы когда-то были. Тогда большевиков не было, но все будущие большевики, сотрудничавшие с ним, его высоко оценили. Вот что писал тогда в 1902 г. этот писатель:

«В настоящее же время» (в противоположность 1848 году) «можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению... его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно уже справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника — европейского капитала. Будем надеяться, что в этот раз им удастся справиться с обоими врагами и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов» (К. Каутский. «Славяне и революция». «Искра», 1902 г., № 18 от 10 марта).

Вот как 18 лет назад писал про революционное движение в России выдающийся социалист, с которым нам пришлось теперь порвать так решительно. Эти сло-

ва наводят меня на мысль, что наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение,— именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное. Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться. В самом деле, те ожидания от русской революции, которые я привел словами нашего теперешнего злейшего врага, эти ожидания непомерно велики. Блестящие успехи и блестящие победы, которые до сих пор мы имели,— ведь они обставлены были условиями, при которых главные трудности еще не могли быть нами решены. Они обставлены были условиями, когда на нас лежали задачи военные, задачи борьбы самой глубокой, самой живой с помещичьей и царской, генеральской реакцией; таким образом задачи, составляющие сущность социалистического переворота, отодвигались от нас задачами организации борьбы с повседневным будничным проявлением мелкобуржуазной стихии, раздробленности, распыленности, т. е. всего, что тащит назад к капитализму. И в смысле экономическом, и в смысле политическом те задачи были от нас отодвинуты: мы к ним не имели возможности приступить надлежащим образом. Поэтому та опасность, на которую нас наводят приведенные слова, должна быть сугубо учтена всеми большевиками порознь и большевиками как целой политической партией. Мы должны понять, что решения нашего последнего съезда партии во что бы то ни стало должны быть проведены в жизнь, а это значит, что нам предстоит громаднейшая работа и потребуется приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор.

Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии.

Советская Россия. 1988. 22 апр.

Составы Политбюро (Президиума в 1952—1966 гг.) Центрального Комитета Коммунистической партии

По многочисленным просьбам читателей ниже приводится справка о составах Политбюро ЦК Коммунистической партии — высшего политического органа, осуществляющего коллективное руководство деятельностью партии в периоды между пленумами Центрального Комитета КПСС.

Впервые Политбюро было создано на заседании ЦК РСДРП(б) 10(23) октября 1917 г. в составе: В. И. Ленин, А. С. Бубнов, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий. Перед ним ставилась задача оперативно осуществлять политическое руководство на ближайшее время, решать срочные, экстренные дела в связи с подготовкой вооруженного восстания.

В качестве постоянно действующего органа Политбюро стало функционировать с марта 1919 г. Состоявшийся в этом месяце VIII съезд РКП(б) постановил, что для решения проблем, не терпящих отлагательства до очередного пленума ЦК, образуется Политическое бюро (Политбюро). В общей системе коллективного руководства оно заняло важнейшее место, объединяя и направляя деятельность партийных и государственных организаций.

Политбюро, избранное на Пленуме ЦК РКП(б) 25 марта 1919 г. Члены: В. И. Ленин (с 1893 г., Председатель Совнаркома) [1], Л. Б. Каменев (с 1901 г., председатель Моссовета), Н. Н. Крестинский (с 1903 г., секретарь ЦК партии), И. В. Сталин (с 1898 г., нарком по делам национальностей), Л. Д. Троцкий (в социал-демократическом движении с 1897 г., большевик с 1917 г., нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики); кандидаты в члены: Н. И. Бухарин (с 1906 г., редактор газеты

[1] В скобках указывается, с какого года избранный в Политбюро является членом партии, его должность в тот момент.

«Правда»), Г. Е. Зиновьев (с 1901 г., председатель Петроградского Совета и председатель Исполкома Коминтерна), М. И. Калинин (с 1898 г., председатель ВЦИК).

Пленум ЦК РКП(б), избранного IX съездом партии, утвердил 5 апреля 1920 г. Политбюро в прежнем составе: члены — В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий; кандидаты в члены — Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин.

Пленум ЦК РКП(б), избранного X съездом партии, утвердил 16 марта 1921 г. Политбюро в следующем составе: члены — В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий; кандидаты в члены — Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, В. М. Молотов (с 1906 г., секретарь ЦК РКП(б)).

3 апреля 1922 г. **Пленум ЦК РКП(б), избранного на XI съезде партии,** утвердил Политбюро в прежнем составе: члены — В. И. Ленин, Л. Б. Каменев (кроме председателя Моссовета, он занимал пост зам. председателя СТО), Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин (утвержденный генеральным секретарем ЦК), Л. Д. Троцкий; кандидаты в члены — Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, В. М. Молотов.

В том же году членами Политбюро ЦК стали: А. И. Рыков (с 1899 г., председатель ВСНХ, зам. председателя СНК и СТО) и М. П. Томский (с 1904 г., председатель ВЦСПС).

26 апреля 1923 г. **ЦК, избранный на XII съезде РКП(б),** утвердил Политбюро в таком составе: члены: В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин, М. П. Томский, Л. Д. Троцкий; кандидаты в члены — Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак (с 1905 г., нарком путей сообщения).

2 июня 1924 г. **Пленум ЦК РКП(б), избранного на XIII съезде РКП(б),** утвердил Политбюро в следующем составе: члены — Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков (председатель СНК и СТО), И. В. Сталин (генеральный секретарь ЦК партии), М. П. Томский, Л. Д. Троцкий; кандидаты в члены — Ф. Э. Дзержинский (с 1895 г., председатель ВСНХ), М. И. Калинин, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак, Г. Я. Сокольников (с 1905 г., нарком финансов СССР), М. В. Фрунзе (с 1904 г., зам. председателя Реввоенсовета СССР, с января 1925 г. — председатель

Реввоенсовета СССР и нарком по военным и морским делам; умер 31 октября 1925 г.).

1 января 1926 г. **ЦК, избранный на XIV съезде ВКП(б),** утвердил Политбюро в составе: члены — Н. И. Бухарин, К. Е. Ворошилов (с 1903 г., нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР), Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин (председатель ЦИК СССР и ВЦИК), В. М. Молотов, А. И. Рыков, И. В. Сталин, М. П. Томский, Л. Д. Троцкий; кандидаты в члены — Ф. Э. Дзержинский (скончался в июле 1926 г.), Л. Б. Каменев, Г. И. Петровский (с 1897 г., председатель ЦИК СССР и ВУЦИК), Я. Э. Рудзутак, Н. А. Угланов (с 1907 г., секретарь ЦК ВКП(б)).

В июле 1926 г. на Пленуме ЦК из Политбюро был выведен Г. Е. Зиновьев. Членом Политбюро стал Я. Э. Рудзутак (заместитель председателя СНК и СТО, нарком путей сообщения). Был утвержден новый состав кандидатов в члены Политбюро: А. А. Андреев (с 1914 г., секретарь ВЦСПС), Л. М. Каганович (с 1911 г., генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины), Л. Б. Каменев, С. М. Киров (с 1904 г., первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б)), А. И. Микоян (с 1915 г., нарком торговли), Г. К. Орджоникидзе (с 1903 г., секретарь Закавказского крайкома ВКП(б)), Г. И. Петровский, Н. А. Угланов.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1926 г. освободил от обязанностей члена Политбюро Л. Д. Троцкого и от обязанностей кандидата в члены Политбюро Л. Б. Каменева.

Состоявшийся в ноябре 1926 г. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) освободил от обязанностей кандидата в члены Политбюро Г. К. Орджоникидзе, утвержденного председателем ЦКК ВКП(б) и наркомом Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР. Кандидатом в члены Политбюро был избран В. Я. Чубарь (с 1907 г., председатель СНК УССР).

19 декабря 1927 г. **Пленум ЦК ВКП(б), избранного на XV съезде партии,** утвердил следующий состав Политбюро: члены — Н. И. Бухарин, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев (с 1904 г., председатель ВСНХ СССР), В. М. Молотов, А. И. Рыков, Я. Э. Рудзутак, И. В. Сталин, М. П. Томский; кандидаты в члены — А. А. Андреев, Л. М. Каганович,

С. М. Киров, С. В. Косиор (с 1907 г., секретарь ЦК ВКП(б)), А. И. Микоян, Г. И. Петровский, Н. А. Угланов (секретарь ЦК ВКП(б) и Московского обкома партии), В. Я. Чубарь.

29 апреля 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) освободил от обязанностей кандидата в члены Политбюро Н. А. Угланова. Кандидатом в члены Политбюро был утвержден К. Я. Бауман (с 1907 г., секретарь ЦК ВКП(б) и Московского обкома партии).

Пленум ЦК ВКП(б) 21 июня 1929 г. утвердил кандидатом в члены Политбюро С. И. Сырцова (с 1913 г., председатель СНК РСФСР).

Состоявшийся в ноябре 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) вывел из состава Политбюро Н. И. Бухарина.

13 июля 1930 г. **ЦК, избранный на XVI съезде ВКП(б),** утвердил Политбюро в следующем составе: члены — К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович (секретарь ЦК и первый секретарь МК партии), М. И. Калинин, С. М. Киров, С. В. Косиор (генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины), В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак (зам. председателя СНК и СТО), А. И. Рыков, И. В. Сталин; кандидаты в члены — А. А. Андреев, А. И. Микоян, Г. И. Петровский, С. И. Сырцов, В. Я. Чубарь.

В декабре 1930 г. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) освободил от обязанностей члена Политбюро А. И. Рыкова и от обязанностей кандидатов в члены Политбюро А. А. Андреева (он стал председателем ЦКК ВКП(б), С. И. Сырцова (был выведен и из состава членов ЦК). Членом Политбюро был утвержден Г. К. Орджоникидзе (председатель ВСНХ).

В феврале 1932 г. из членов Политбюро ЦК ВКП(б) был выведен Я. Э. Рудзутак, возглавивший ЦКК — РКИ.

Политбюро, утвержденное 10 февраля 1934 г. на **Пленуме ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии:** члены — А. А. Андреев (нарком путей сообщения), К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, С. М. Киров, С. В. Косиор, В. В. Куйбышев (зам. председателя СНК СССР, председатель Комиссии советского контроля), В. М. Молотов (председатель СНК СССР), Г. К. Орджоникидзе (нарком тяжелой промышленности), И. В. Сталин; кандидаты в члены — А. И. Микоян, Г. И. Петровский, П. П. Постышев (с 1904 г., второй секретарь

ЦК КП(б) Украины), Я. Э. Рудзутак, В. Я. Чубарь (через год был избран членом Политбюро ЦК).

1 декабря 1934 г. был злодейски убит член Политбюро ЦК С. М. Киров.

25 января 1935 г. скончался член Политбюро ЦК В. В. Куйбышев.

1 февраля 1935 г. Пленум ЦК ВКП(б) утвердил членом Политбюро А. И. Микояна (нарком пищевой промышленности СССР), кандидатами в члены Политбюро А. А. Жданова (с 1915 г., секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)), Р. И. Эйхе (с 1905 г., первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б)).

18 февраля 1937 г. ушел из жизни член Политбюро ЦК Г. К. Орджоникидзе.

В октябре 1937 г. Пленум ЦК ВКП(б) ввел в состав кандидатов в члены Политбюро Н. И. Ежова (с 1917 г., председатель КПК при ЦК ВКП(б), нарком внутренних дел СССР, в 1939 г. отстранен от всех постов, осужден и расстрелян).

В 1937—1938 гг. были незаконно репрессированы и позднее погибли члены Политбюро ЦК С. В. Косиор, В. Я. Чубарь, кандидаты в члены Политбюро Я. Э. Рудзутак, Р. И. Эйхе.

Пленум ЦК ВКП(б) в январе 1938 г. освободил от обязанностей кандидата в члены Политбюро П. П. Постышева (вскоре его репрессировали и в следующем году расстреляли). Кандидатом в члены Политбюро на Пленуме был утвержден Н. С. Хрущев (с 1918 г., первый секретарь ЦК КП(б) Украины).

22 марта 1939 г. **ЦК, избранный на XVIII съезде ВКП(б)**, утвердил Политбюро в следующем составе: члены — А. А. Андреев (секретарь ЦК и председатель Комиссии партийного контроля при ЦК), К. Е. Ворошилов (нарком обороны СССР), А. А. Жданов, Л. М. Каганович (нарком путей сообщения и нарком топливной промышленности), М. И. Калинин, А. И. Микоян (зам. председателя СНК СССР и нарком внешней торговли), В. М. Молотов, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев; кандидаты в члены — Л. П. Берия (с 1917 г., нарком внутренних дел СССР), Н. М. Шверник (с 1905 г., первый секретарь ВЦСПС).

Пленум ЦК ВКП(б) в феврале 1941 г. утвердил кандидатами в члены Политбюро Н. А. Возне-

сенского (с 1919 г., зам. председателя СНК СССР, председатель Госплана СССР), Г. М. Маленкова (с 1920 г., секретарь ЦК ВКП(б)), А. С. Щербакова (с 1918 г., первый секретарь МК и МГК ВКП(б), с мая 1941 г. одновременно и секретарь ЦК ВКП(б); умер в мае 1945 г.).

В марте 1946 г. Пленум ЦК ВКП(б) утвердил членами Политбюро Л. П. Берия (зам. председателя СМ СССР), Г. М. Маленкова; кандидатами в члены Н. А. Булганина (с 1917 г., зам. министра обороны СССР), А. Н. Косыгина (с 1927 г., зам. председателя СМ СССР).

3 июня 1946 г. умер М. И. Калинин.

В феврале 1947 г. Пленум ЦК ВКП(б) избрал членом Политбюро Н. А. Вознесенского. В 1948 г. членами Политбюро стали Н. А. Булганин (зам. председателя СМ СССР, министр Вооруженных Сил СССР) и А. Н. Косыгин.

В августе 1948 г. скончался А. А. Жданов.

В марте 1949 г. от всех политических и государственных постов был отстранен Н. А. Вознесенский. Оклеветанный, репрессированный, он погиб в 1950 г.

По решению XIX съезда партии Политбюро ЦК было преобразовано в Президиум ЦК КПСС. 16 октября 1952 г. **ЦК, выбранный на XIX съезде КПСС,** утвердил Президиум в следующем составе: члены — В. М. Андрианов (с 1926 г., первый секретарь Ленинградского обкома КПСС), А. Б. Аристов (с 1921 г., секретарь ЦК КПСС), Л. П. Берия (зам. председателя СМ СССР), Н. А. Булганин (зам. председателя СМ СССР), К. Е. Ворошилов (зам. председателя СМ СССР), С. Д. Игнатьев (с 1924 г., министр государственной безопасности СССР), Л. М. Каганович (зам. председателя СМ СССР), Д. С. Коротченко (с 1918 г., председатель СМ УССР), В. В. Кузнецов (с 1927 г., председатель ВЦСПС), О. В. Куусинен (с 1905 г., секретарь ЦК КПСС), Г. М. Маленков (секретарь ЦК КПСС), В. А. Малышев (с 1926 г., зам. председателя СМ СССР и министр судостроительной промышленности), Л. Г. Мельников (с 1928 г., первый секретарь ЦК КП Украины), А. И. Микоян (зам. председателя СМ СССР), Н. А. Михайлов (с 1930 г., секретарь ЦК КПСС), В. М. Молотов (зам. председателя СМ СССР), М. Г. Первухин (с 1919 г., зам. председателя СМ СССР), П. К. Пономаренко (с 1925 г.,

секретарь ЦК КПСС и министр заготовок СССР), М. З. Сабуров (с 1920 г., зам. председателя СМ СССР и председатель Госплана), И. В. Сталин, М. А. Суслов (с 1921 г., секретарь ЦК КПСС), Н. С. Хрущев (секретарь ЦК КПСС и первый секретарь Московского обкома КПСС), Д. И. Чесноков (с 1939 г., главный редактор журнала «Вопросы философии»), Н. М. Шверник (Председатель Президиума Верховного Совета СССР), М. Ф. Шкирятов (с 1906 г., председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС); кандидаты в члены — Л. И. Брежнев (с 1931 г., секретарь ЦК КПСС), А. Я. Вышинский (с 1920 г., министр иностранных дел СССР), А. Г. Зверев (с 1919 г., министр финансов СССР), Н. Г. Игнатов (с 1924 г., секретарь ЦК КПСС), И. Г. Кабанов (с 1917 г., министр внешней торговли СССР), А. Н. Косыгин, Н. С. Патоличев (с 1928 г., первый секретарь ЦК КП Белоруссии), Н. М. Пегов (с 1930 г., секретарь ЦК КПСС), А. М. Пузанов (с 1925 г., председатель СМ РСФСР), И. Ф. Тевосян (с 1918 г., зам. председателя СМ СССР и министр черной металлургии СССР), П. Ф. Юдин (с 1918 г., обществовед, дипломатический работник).

На состоявшемся после смерти И. В. Сталина в марте 1953 г. **совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР** был утвержден следующий состав Президиума ЦК КПСС: члены — Г. М. Маленков (председатель СМ СССР), Л. П. Берия (первый зам. председателя СМ СССР и министр внутренних дел), В. М. Молотов (первый зам. председателя СМ СССР и министр иностранных дел), К. Е. Ворошилов (Председатель Президиума Верховного Совета СССР), Н. С. Хрущев (секретарь ЦК КПСС, с сентября 1953 г.— первый секретарь ЦК КПСС), Н. А. Булганин (первый зам. председателя СМ СССР и министр обороны), Л. М. Каганович (первый зам. председателя СМ СССР), А. И. Микоян (министр торговли), М. З. Сабуров (председатель Госплана СССР) и М. Г. Первухин (министр электростанций и электропромышленности); кандидаты в члены — М. Д. Багиров (с 1917 г., первый секретарь ЦК КП Азербайджана), Л. Г. Мельников, П. К. Пономаренко (министр культуры СССР), Н. М. Шверник (председатель ВЦСПС).

В июле 1953 г. Пленум ЦК КПСС вывел из соста-

ва Центрального Комитета и исключил из партии Л. П. Берия и М. Д. Багирова. Кандидатом в члены Президиума был избран А. И. Кириченко (с 1930 г., первый секретарь ЦК КП Украины).

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в июле 1955 г., избрал членами Президиума ЦК А. И. Кириченко и М. А. Суслова (секретарь ЦК КПСС).

27 февраля 1956 г. **ЦК, выбранный на XX съезде КПСС**, утвердил свой Президиум в составе: члены — Н. А. Булганин (председатель СМ СССР), К. Е. Ворошилов (Председатель Президиума Верховного Совета СССР), Л. М. Каганович (первый зам. председателя СМ СССР и председатель Комитета по труду и зарплате), А. И. Кириченко (первый секретарь ЦК КП Украины), Г. М. Маленков (зам. председателя СМ СССР и министр электростанций), А. И. Микоян (первый зам. председателя СМ СССР), В. М. Молотов (министр иностранных дел, а с ноября 1956 г.—министр государственного контроля), М. Г. Первухин (первый зам. председателя СМ СССР), М. З. Сабуров (первый зам. председателя СМ СССР и председатель Госэкономкомиссии), М. А. Суслов (секретарь ЦК КПСС), Н. С. Хрущев (первый секретарь ЦК КПСС); кандидаты в члены — Л. И. Брежнев (первый секретарь ЦК КП Казахстана), Г. К. Жуков (с 1919 г., министр обороны СССР), Н. А. Мухитдинов (с 1942 г., первый секретарь ЦК КП Узбекистана), Е. А. Фурцева (с 1930 г., первый секретарь МГК КПСС), Н. М. Шверник, Д. Т. Шепилов (с 1926 г., секретарь ЦК КПСС).

Пленум ЦК КПСС в феврале 1957 г. избрал кандидатом в члены Президиума ЦК Ф. Р. Козлова (с 1926 г., первый секретарь Ленинградского обкома КПСС).

В июне 1957 г. на Пленуме ЦК КПСС из состава членов Президиума ЦК и из состава Центрального Комитета партии были выведены Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, В. М. Молотов. Из состава кандидатов в члены Президиума и из состава ЦК был выведен Д. Т. Шепилов. Пленум избрал Президиум ЦК КПСС в следующем составе: члены — А. Б. Аристов (секретарь ЦК КПСС), Н. И. Беляев (с 1921 г., секретарь ЦК КПСС, с декабря 1957 г.— первый секретарь ЦК КП Казахстана), Л. И. Брежнев (секретарь ЦК КПСС), Н. А. Булганин (председатель СМ СССР), К. Е. Ворошилов (Председатель Президиума Верховного

Совета СССР), Г. К. Жуков (министр обороны СССР), Н. Г. Игнатов (первый секретарь Горьковского обкома КПСС, с декабря 1957 г.— секретарь ЦК КПСС), Ф. Р. Козлов (первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, затем председатель СМ РСФСР, первый зам. председателя СМ СССР), О. В. Куусинен (секретарь ЦК КПСС), А. И. Микоян (первый зам. председателя СМ СССР), М. А. Суслов, Е. А. Фурцева (секретарь ЦК КПСС), Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник (председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС); кандидаты в члены — Я. Э. Калнберзин (с 1917 г., первый секретарь ЦК КП Латвии), А. П. Кириленко (с 1931 г., первый секретарь Свердловского обкома КПСС), Д. С. Коротченко (Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР), А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров (с 1940 г., первый секретарь ЦК КП Белоруссии), В. П. Мжаванадзе (с 1927 г., первый секретарь ЦК КП Грузии), Н. А. Мухитдинов, М. Г. Первухин, П. Н. Поспелов (с 1916 г., секретарь ЦК КПСС).

В октябре 1957 г. Пленум ЦК КПСС вывел из состава Президиума ЦК Г. К. Жукова.

Пленум ЦК в декабре 1957 г. избрал членом Президиума Н. А. Мухитдинова, ставшего секретарем ЦК КПСС.

В июне 1958 г. Пленум ЦК КПСС избрал кандидатами в члены Президиума Д. С. Полянского (с 1939 г., председатель СМ РСФСР), Н. В. Подгорного (с 1930 г., первый секретарь ЦК КП Украины).

В сентябре 1958 г. Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей члена Президиума Н. А. Булганина.

Пленум ЦК КПСС в мае 1960 г. освободил от обязанностей члена Президиума ЦК Н. И. Беляева и А. И. Кириченко. Членами Президиума были избраны А. Н. Косыгин (первый зам. председателя СМ СССР), Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский.

В июле 1960 г. на Пленуме ЦК был выведен из состава Президиума ЦК К. Е. Ворошилов.

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в январе 1961 г., избрал кандидатами в члены Президиума ЦК Г. И. Воронова (с 1931 г., первый зам. председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР), В. В. Гришина (с 1939 г., председатель ВЦСПС).

Избранный на XXII съезде КПСС ЦК утвердил 31 октября 1961 г. на своем Пленуме следующий состав Президиума: члены — Л. И. Брежнев (Председатель Президиума Верховного Совета СССР), Г. И. Воронов (первый зам. председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР), Ф. Р. Козлов (секретарь ЦК КПСС), А. Н. Косыгин (первый зам. председателя СМ СССР), О. В. Куусинен (секретарь ЦК КПСС), А. И. Микоян (первый зам. председателя СМ СССР), Н. В. Подгорный (первый секретарь ЦК КП Украины), Д. С. Полянский (председатель СМ РСФСР), М. А. Суслов (секретарь ЦК КПСС), Н. С. Хрущев (первый секретарь ЦК КПСС и председатель СМ СССР), Н. М. Шверник (председатель КПК при ЦК КПСС); кандидаты в члены — В. В. Гришин, Ш. Р. Рашидов (с 1939 г., первый секретарь ЦК КП Узбекистана), К. Т. Мазуров, В. П. Мжаванадзе, В. В. Щербицкий (с 1941 г., председатель СМ Украинской ССР).

26 апреля 1962 г. Пленум ЦК КПСС избрал членом Президиума ЦК А. П. Кириленко (первый зам. председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР).

Пленум ЦК КПСС избрал 23 ноября 1962 г. кандидатом в члены Президиума Л. Н. Ефремова (с 1941 г., член Бюро ЦК КПСС по РСФСР).

13 декабря 1963 г. Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей кандидата в члены Президиума ЦК В. В. Щербицкого. В состав кандидатов был введен П. Е. Шелест (с 1928 г., первый секретарь ЦК КП Украины).

17 мая 1964 г. скончался член Президиума ЦК КПСС О. В. Куусинен.

Пленум ЦК КПСС в октябре 1964 г. освободил Н. С. Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л. И. Брежнев.

16 ноября 1964 г. на Пленуме ЦК из Президиума ЦК был выведен Ф. Р. Козлов. Членами Президиума избраны П. Е. Шелест, А. Н. Шелепин (с 1940 г., секретарь ЦК КПСС), кандидатом в члены — П. Н. Демичев (с 1939 г., секретарь ЦК КПСС).

В марте 1965 г. Пленум ЦК КПСС избрал членом Президиума К. Т. Мазурова (первый зам. председателя СМ СССР), кандидатом в члены — Д. Ф. Устинова (с 1927 г., секретарь ЦК КПСС).

6 декабря 1965 г. Пленум ЦК избрал кандида-

том в члены Президиума В. В. Щербицкого (председатель СМ Украинской ССР).

XXIII съезд КПСС постановил преобразовать Президиум ЦК в Политбюро. 8 апреля 1966 г., **Пленум ЦК, избранного на съезде**, утвердил состав Политбюро: члены: Л. И. Брежнев (Генеральный секретарь ЦК КПСС), Г. И. Воронов (председатель СМ РСФСР), А. П. Кириленко (секретарь ЦК КПСС), А. Н. Косыгин (председатель СМ СССР), К. Т. Мазуров (первый зам. председателя СМ СССР), А. Я. Пельше (с 1915 г., председатель КПК при ЦК КПСС), Н. В. Подгорный (Председатель Президиума Верховного Совета СССР), Д. С. Полянский (первый зам. председателя СМ СССР), М. А. Суслов (секретарь ЦК КПСС), А. Н. Шелепин (председатель Комитета партийно-государственного контроля, с 1967 г.— председатель ВЦСПС), П. Е. Шелест (первый секретарь ЦК КП Украины); кандидаты в члены — В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. А. Кунаев (с 1939 г., первый секретарь ЦК КП Казахстана), П. М. Машеров (с 1943 г., первый секретарь ЦК КП Белоруссии), В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий.

В июне 1967 г. Пленум ЦК КПСС избрал кандидатом в члены Политбюро Ю. В. Андропова (с 1939 г., председатель Комитета государственной безопасности при СМ СССР).

9 апреля 1971 г. **ЦК, избранный на XXIV съезде КПСС**, утвердил Политбюро в таком составе: члены — Л. И. Брежнев (Генеральный секретарь ЦК КПСС), Г. И. Воронов (председатель Комитета народного контроля СССР), В. В. Гришин (первый секретарь МГК КПСС), А. П. Кириленко (секретарь ЦК КПСС), А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков (с 1940 г., секретарь ЦК КПСС), Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин (председатель ВЦСПС), П. Е. Шелест. В. В. Щербицкий (председатель СМ УССР, с 1972 г.— первый секретарь ЦК КП Украины); кандидаты в члены — Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, Д. Ф. Устинов.

Ноябрьский (1971 г.) Пленум ЦК КПСС избрал кандидатом в члены Политбюро М. С. Соломенцева (с 1940 г., председатель СМ РСФСР).

В мае 1972 г. Пленум ЦК КПСС избрал кандидатом в члены Политбюро Б. Н. Пономарева (с 1919 г., секретарь ЦК КПСС).

В декабре 1972 г. Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей кандидата в члены Политбюро В. П. Мжаванадзе.

Апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС вывел из Политбюро П. Е. Шелеста и Г. И. Воронова. Членами Политбюро были избраны Ю. В. Андропов (председатель Комитета государственной безопасности при СМ СССР), А. А. Гречко (с 1928 г., министр обороны СССР), А. А. Громыко (с 1931 г., министр иностранных дел СССР). Кандидатом в члены Политбюро был избран Г. В. Романов (с 1944 г., первый секретарь Ленинградского обкома КПСС).

В апреле 1975 г. Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей члена Политбюро А. Н. Шелепина.

5 марта 1976 г. **ЦК, избранный на XXV съезде КПСС,** утвердил Политбюро в составе: члены — Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко (скончался 26 апреля 1976 г.), В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий; кандидаты в члены — Г. А. Алиев (с 1945 г., первый секретарь ЦК КП Азербайджана), П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев.

Майский (1977 г.) Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей члена Политбюро Н. В. Подгорного.

В октябре 1977 г. Пленум ЦК КПСС избрал кандидатами в члены Политбюро К. У. Черненко (с 1931 г., секретарь ЦК КПСС), В. В. Кузнецова (первый зам. Председателя Президиума Верховного Совета СССР).

17 июля 1978 г. скончался член Политбюро ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков.

Ноябрьский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей члена Политбюро К. Т. Мазурова. Членом Политбюро был избран К. У. Черненко, кандидатами в члены Политбюро Н. А. Тихонов

(с 1940 г., первый зам. председателя СМ СССР), Э. А. Шеварднадзе (с 1948 г., первый секретарь ЦК КП Грузии).

27 ноября 1979 г. Пленум ЦК КПСС избрал членом Политбюро Н. А. Тихонова, кандидатом в члены М. С. Горбачева (с 1952 г., секретарь ЦК КПСС).

Октябрьский (1980 г.) Пленум ЦК КПСС избрал членом Политбюро М. С. Горбачева, кандидатом в члены Политбюро Т. Я. Киселева (с 1940 г., первый секретарь ЦК КП Белоруссии).

В октябре 1980 г. в автомобильной катастрофе погиб кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС П. М. Машеров. В этом же месяце по просьбе А. Н. Косыгина, из-за состояния его здоровья, он был освобожден от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС. 18 декабря 1980 г. А. Н. Косыгин скончался.

3 марта 1981 г. **ЦК, избранный на XXVI съезде КПСС,** утвердил Политбюро в следующем составе: члены — Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий; кандидаты в члены — Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе.

В январе 1982 г. скончался член Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслов.

Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС избрал кандидатом в члены Политбюро В. И. Долгих (с 1942 г., секретарь ЦК КПСС).

10 ноября 1982 г. умер Л. И. Брежнев. Состоявшийся 12 ноября внеочередной Пленум ЦК КПСС избрал Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андропова. 22 ноября Пленум ЦК избрал членом Политбюро Г. А. Алиева и освободил от обязанностей члена Политбюро А. П. Кириленко.

Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС избрал кандидатом в члены Политбюро В. И. Воротникова (с 1947 г., председатель СМ РСФСР).

В 1983 г. скончались член Политбюро ЦК

А. Я. Пельше, кандидаты в члены Политбюро Т. Я. Киселев и Ш. Р. Рашидов.

Декабрьский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС избрал членами Политбюро В. И. Воротникова и М. С. Соломенцева (председатель КПК при ЦК КПСС), кандидатом в члены Политбюро В. М. Чебрикова (с 1944 г., председатель Комитета государственной безопасности СССР).

9 февраля 1984 г. скончался Ю. В. Андропов. Состоявшийся 13 февраля внеочередной Пленум ЦК избрал Генеральным секретарем ЦК КПСС К. У. Черненко.

20 декабря 1984 г. умер член Политбюро ЦК Д. Ф. Устинов.

10 марта 1985 г. скончался К. У. Черненко. 11 марта на внеочередном Пленуме ЦК Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС избрал членами Политбюро Е. К. Лигачева (с 1944 г., секретарь ЦК КПСС), Н. И. Рыжкова (с 1956 г., секретарь ЦК КПСС), В. М. Чебрикова. Кандидатом в члены Политбюро был избран С. Л. Соколов (с 1937 г., министр обороны СССР).

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в июле 1985 г., освободил от обязанностей члена Политбюро Г. В. Романова. Членом Политбюро был избран Э. А. Шеварднадзе (министр иностранных дел СССР).

Октябрьский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей члена Политбюро Н. А. Тихонова. Кандидатом в члены Политбюро был избран Н. В. Талызин (с 1960 г., первый зам. председателя СМ СССР и председатель Госплана СССР).

В феврале 1986 г. Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей члена Политбюро В. В. Гришина. Кандидатом в члены Политбюро был избран Б. Н. Ельцин (с 1961 г., первый секретарь МГК КПСС).

6 марта 1986 г. **ЦК, избранный на XXVII съезде КПСС**, утвердил Политбюро в следующем составе: члены — М. С. Горбачев (Генеральный секретарь ЦК КПСС), Г. А. Алиев (первый зам. председателя СМ

СССР), В. И. Воротников (председатель СМ РСФСР), А. А. Громыко (Председатель Президиума Верховного Совета СССР), Л. Н. Зайков (с 1957 г., секретарь ЦК КПСС), Д. А. Кунаев, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков (председатель СМ СССР), М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, В. В. Щербицкий; кандидаты в члены — П. Н. Демичев, В. И. Долгих, Б. Н. Ельцин, Н. Н. Слюньков (с 1954 г., первый секретарь ЦК КП Белоруссии), С. Л. Соколов, Ю. Ф. Соловьев (с 1955 г., первый секретарь Ленинградского обкома КПСС), Н. В. Талызин.

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей члена Политбюро Д. А. Кунаева. Кандидатом в члены Политбюро был избран А. Н. Яковлев (с 1944 г., секретарь ЦК КПСС).

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в июне 1987 г., избрал членами Политбюро Н. Н. Слюнькова (секретарь ЦК КПСС), А. Н. Яковлева, В. П. Никонова (с 1954 г., секретарь ЦК КПСС), кандидатом в члены Политбюро был избран Д. Т. Язов (с 1944 г., министр обороны СССР). От обязанностей кандидата в члены Политбюро освобожден С. Л. Соколов.

Октябрьский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей члена Политбюро Г. А. Алиева.

Пленум ЦК КПСС, проходивший в феврале 1988 г., избрал кандидатами в члены Политбюро Ю. Д. Маслюкова (с 1966 г., первый зам. председателя СМ СССР, председатель Госплана СССР), Г. П. Разумовского (с 1961 г., секретарь ЦК КПСС). От обязанностей кандидата в члены Политбюро был освобожден Б. Н. Ельцин.

Политбюро ЦК КПСС (на 23 мая 1988 г.).

Члены: М. С. Горбачев, В. И. Воротников, А. А. Громыко, Л. Н. Зайков, Е. К. Лигачев, В. П. Никонов, Н. И. Рыжков, Н. Н. Слюньков, М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, В. В. Щербицкий, А. Н. Яковлев; кандидаты в члены: П. Н. Демичев, В. И. Долгих, Ю. Д. Маслюков, Г. П. Разумовский, Ю. Ф. Соловьев, Н. В. Талызин, Д. Т. Язов.

Политическое образование. 1988. № 9. С. 77—84.

* *
*

Сентябрьский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей члена Политбюро А. А. Громыко, М. С. Соломенцева, кандидатов в члены Политбюро П. Н. Демичева, В. И. Долгих. Пленум избрал членом Политбюро В. А. Медведева, кандидатами в члены: А. П. Бирюкову, А. В. Власова, А. И. Лукьянова.

См.: Правда. 1988. 1 окт.

СОДЕРЖАНИЕ

Методологические аспекты

М. С. Горбачев

Путь Октября — путь первопроходцев. Из доклада «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 года

9

Основные этапы развития советского общества. «Круглый стол» журнала «Коммунист»

37

Г. Смирнов

Исторический опыт Октября и перестройка

69

Через обновление — к новому качеству историко-партийной науки

100

В. Козлов

Историк и перестройка

128

700

Факты, проблемы, уроки

А. Костин, В. Шелохаев
Первый съезд РСДРП: преодоление инерции антиисторизма
152

П. Волобуев
Стратегический поворот: уроки Апрельских тезисов
165

1917-й: Октябрьское восстание
181

Е. Яковлев
Первое правительство
195

В. Суриков
Бесценные уроки партийной демократии и гласности
206

Нэп: Суть. Опыт. Уроки
212

В. И. Ленин: «Вместе и наравне...»
226

Ленинское завещание
241

В. Рябов
В дни всенародной скорби...
289

А. Колесниченко, В. Лельчук
Шаги индустриализации
307

В. Данилов
Коллективизация: как это было
315

О. Лацис
Перелом
347

Н. Маслов
Политические процессы 30-х годов: характер и особенности
450

Н. Павленко
На первом этапе войны
460

Правда о «золотом веке» цен
471

Н. Зимарина
«Ленинградское дело»
473

В. Глотов
О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 50-х — первой половине 80-х годов
479

История и личность

И. Маньковская, Ю. Шарапов
Культ личности и историко-партийная наука
509

А. Бовин
Вожди и массы
532

В. Иванов
Перекрашивают Иудушку
538

Д. Шелестов

Пять конвертов. А в них почти все, что осталось от семьи Л. Б. Каменева

553

Д. Шелестов

Григорий Зиновьев: жизнь и борьба

560

И. Горелов, А. Осипов

Николай Иванович Бухарин

566

А. Сенин

Соратник Ленина. К биографии А. И. Рыкова

578

Г. Жаворонков

И единожды не солгавший

598

Человек и символ

605

Н. Васецкий

Сталин: борьба за лидерство в партии

621

Р. Медведев

Н. С. Хрущев. Год 1957 — укрепление позиций

636

Р. Медведев

Н. С. Хрущев. Год 1964-й — неожиданное смещение

641

Документы

Брестский мир

651

За каждое слово программы
666

Из публикации «50-летие Ленина. Речи, выступления...»
681

Составы Политбюро (Президиума в 1952—1966 гг.) Центрального Комитета Коммунистической партии
684

Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки

Под редакцией Владимира Ивановича КУПЦОВА

Заведующая редакцией *Т. Г. Липкина*. Редактор *О. К. Смирнова*. Художник *А. В. Алексеев*. Художественный редактор *Т. А. Коленкова*. Технический редактор *Т. Д. Гарина*. Корректор *Н. А. Кравченко*

ИБ № 8699

Изд. № ИСТ-68. Сдано в набор 06.09.88. Подп. в печать 25.10.88. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 2. Гарнитура тип. «Таймс». Печать высокая. Объем 36,96. усл. печ. л. 36,96. усл. кр.-отт. 38,71 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ. № 3864. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул. д. 29/14.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

Страницы истории КПСС

Факты
Проблемы
Уроки